ИСТОРІЯ РОССІИ.

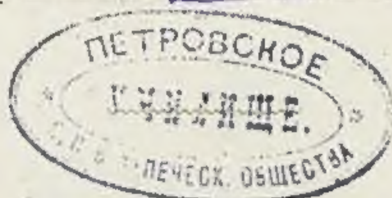
ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

сочиненіе

Сергѣя Соловьева.



ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882

2007053016

I.

КНЯЖЕНІЕ ІОАННА III ВАСИЛЬЕВИЧА.

ГЛАВА I.

Значеніе Іоанна III и характеръ его.—Состояніе Новгорода Великаго.—Литовская сторона.—Борецкіе.—Столкновеніе съ великимъ княземъ.—Осторожное поведеніе великаго князя и митрополита.—Избраніе владыки.—Вѣчевая усобица.—Договоръ съ Казимиромъ Литовскимъ.—Война Новгорода съ Москвою.—Миръ по старинѣ.—Посвященіе владыки Ѳеофила.—Новгородское безнарядье; обиженные обращаются къ суду великокняжескому.—Мирный пріѣздъ Іоанна въ Новгородъ для управы.—Судъ.—Жалобщики ѣдутъ въ Москву.—Государь и господинъ.—Іоаннъ хочетъ быть государемъ въ Новгородѣ.—Новая война.—Приравненіе Новгорода къ Москвѣ.—Движенія въ Новгородѣ въ пользу старины. — Казни и переселенія. — Присоединеніе Вятки.—Ссоры Псковичей съ намѣстниками великокняжескими.—Московскій великій князь распоряжается въ Рязани.—Присоединеніе Твери къ Москвѣ; окончательное присоединеніе Ярославля и Ростова.

Иногда видимъ мы, какъ цѣлыя поколѣнія, въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ, тяжелыми трудами накопляютъ большія богатства: сынъ прибавляетъ къ тому, что было накоплено отцемъ, внукъ увеличиваетъ собранное отцемъ и дѣдомъ; тихо, медленно, незамѣтно дѣйствуютъ они, подвергаются лишеніямъ, живутъ бѣдно; и вотъ наконецъ накопленныя средства достигаютъ обширныхъ размѣровъ, и вотъ наконецъ счастливый наслѣдникъ трудолюбивыхъ и бережливыхъ предковъ начинаетъ пользоваться доставшимся ему богатствомъ. Онъ не расточаетъ его, напротивъ увеличиваетъ; но при этомъ способъ его дѣйствій, по самой обширности средствъ, отличается уже бо̀льшими размѣрами, становится громокъ, виденъ, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, ибо имѣетъ вліяніе на судьбу, на благосостояніе многихъ. Честь и слава человѣку, который такъ благоразумно умѣлъ воспользоваться доставшимися ему средствами; но при этомъ должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостію, лишеніями, доставили ему эти средства?

Счастливый потомокъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ, бережливыхъ предковъ, Іоаннъ III вступилъ на московскій престолъ, когда дѣло собиранія сѣверовосточной Руси могло почитаться уже оконченнымъ; старое зданіе было совершенно расшатано въ своихъ основаніяхъ, и нуженъ былъ послѣдній, уже легкій ударъ, чтобъ дорушить его. Отношенія всѣхъ частей народонаселенія ко власти княжеской издавна уже опредѣлялись въ пользу послѣдней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданіями, доставшимися въ наслѣдство отъ Византійской имперіи, чтобъ выказать яснѣе эти отношенія, дать имъ точнѣйшее опредѣленіе. Новгородъ, Тверь, удѣлы княжества московскаго ждали не послѣдняго удара, но, можно сказать, только перваго движенія со стороны Москвы, чтобъ присоединиться, приравняться къ ней. Орда падала сама собою отъ раздѣленія, усобицъ, и стоило только воспользоваться этимъ раздѣленіемъ и усобицами, чтобъ такъ-называемое татарское иго исчезло безъ большихъ усилій со стороны Москвы. На западѣ король польскій и великій князь литовскій занятъ внутри раздѣленіемъ между Польшею и Литвою, раздѣленіемъ, господствующимъ подъ видомъ соединенія; сильно занятъ извнѣ отношеніями къ Пруссіи, Богеміи, Венгріи, не можетъ мѣшать Москвѣ въ ея усиленіи, не можетъ бороться съ нею и уступаетъ ей цѣлыя области. Спокойный, единовластный внутри, московскій князь пользуется своими средствами, пользуется собраніемъ сѣверовосточной Руси, совершеннымъ его предками, пользуется счастливыми внѣшними обстоятельствами, затруднительнымъ положеніемъ сосѣдей, чтобъ начать наступательное движеніе на востокъ, на племена финскія, на царства татарскія; относительно же югозапада припоминаетъ, что Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ издавна его предковъ отчины. Съ прекращеніемъ внутренняго движенія для собранія земли, съ утвержденіемъ единовластія и съ началомъ внѣшнихъ движеній, замкнутость, отчужденность сѣверовосточной Руси необходимо начинаетъ прекращаться: державы западной Европы узнаютъ, что на сѣверовостокѣ существуетъ обширное, самостоятельное русское государство, кромѣ той Руси, которая подчинена польскимъ королямъ, и начинаютъ отправлять въ Москву пословъ, чтобъ познакомиться съ новымъ государствомъ и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общихъ европейскихъ цѣлей. Первымъ необходимымъ

слѣдствіемъ начавшихся сношеній съ западными государствами было появленіе западныхъ художниковъ въ Москвѣ, которая такимъ образомъ начинаетъ пользоваться плодами европейской цивилизаціи. Понятно, что все это были только начатки, начатки слабые: сношенія съ западными державами не шли далѣе Италіи, Даніи, Германской имперіи; сношенія съ послѣднею скоро должны были прекратиться по недостатку общихъ интересовъ; какъ и прежде татарскія орды на востокѣ и югѣ, Литва и Швеція на западѣ ограничивали политическій горизонтъ Московскаго государства.

Таковы были слѣдствія собранія русской земли около Москвы, слѣдствія необходимо обнаружившіяся во второй половинѣ XV вѣка, въ княженіе Іоанна III, который, пользуясь полученными отъ предковъ средствами, пользуясь счастливымъ положеніемъ своимъ относительно сосѣднихъ государствъ, доканчиваетъ старое и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо начинаетъ новое. Это новое не есть слѣдствіе его одной дѣятельности; но Іоанну III принадлежитъ почетное мѣсто среди собирателей русской земли, среди образователей Московскаго государства; Іоанну III принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. При пользованіи своими средствами и своимъ положеніемъ Іоаннъ явился истымъ потомкомъ Всеволода III и Калиты, истымъ княземъ сѣверной Руси: разсчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этомъ стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго, хладнокровіе,—вотъ отличительныя черты дѣятельности Іоанна III.—Благодаря извѣстіямъ Венеціанца Контарини, мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе и о физическихъ свойствахъ Іоанна: онъ былъ высокій, худощавый, красивый мужчина; изъ прозвища Горбатый, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, должно заключать, что онъ, при высокомъ ростѣ, былъ сутуловатъ.

Мы видѣли, что только увѣщанія новгородскаго архіепископа Іоны, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ въ Москвѣ, и послѣдовавшая вскорѣ смерть великаго князя отвратили отъ Новгорода послѣдній ударъ, который хотѣлъ нанести ему Василій Темный, жаловавшійся, что Новгородцы не чтутъ его, какъ слѣдуетъ. Дѣйствительно, особный бытъ Новгорода давно уже поддерживался только усобицами княжескими, и необходимымъ слѣдствіемъ

ихъ прекращенія было приравненіе Новгорода къ другимъ городамъ сѣверной Руси, полное подчиненіе его князьямъ московскимъ; Василій Темный, какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, такъ началъ тяготиться, что Новгородъ не воздаетъ ему достойной чести, ему, который держитъ въ рукахъ всѣхъ князей: понятно, что если самъ Василій не успѣлъ освободить себя отъ такихъ непріятныхъ для него отношеній, то сынъ его долженъ былъ объ этомъ позаботиться. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положенія, не могли не видѣть, что противъ сына Василіева не будетъ имъ помощи ни отъ кого изъ князей сѣверной Руси, и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ великаго князя московскаго, теперь сильнаго, спокойнаго, замышлявшаго нанести послѣдній ударъ Новгороду, былъ еще великій князь литовскій, который назывался также и русскимъ; къ этому князю отъѣзжали изъ сѣверовосточной Руси всѣ князья недовольные, лишенные отчинъ, угрожаемые княземъ московскимъ; къ нему обратились и Новгородцы въ послѣдній, рѣшительный часъ. Но великій князь литовскій и вмѣстѣ король польскій былъ католикъ; отложиться отъ московскаго князя и поддаться литовскому, отложиться отъ московскаго митрополита и признать свою зависимость отъ митрополита кіевскаго, митрополита подозрительнаго по своему поставленію, ученика Исидорова,— въ глазахъ многихъ, въ глазахъ большинства въ Новгородѣ, въ глазахъ всего сѣвернаго русскаго народонаселенія значило измѣнить православію, приложиться къ латинству, или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть древнее благочестіе сильной опасности. Такимъ образомъ мысль о подданствѣ великому князю литовскому встрѣчала сопротивленіе въ господствующемъ чувствѣ большинства въ Новгородѣ, въ привязанности къ вѣрѣ предковъ; такимъ образомъ Москва, въ окончательной борьбѣ своей съ Новгородомъ, имѣла могущественнаго нравственнаго союзника, обѣщавшаго вѣрную побѣду; этотъ союзникъ былъ—православіе.

И прежде не разъ великіе князья литовскіе предлагали свое покровительство Новгороду; ихъ предложенія были отвергаемы; и нельзя не замѣтить, что главнымъ побужденіемъ къ тому было иновѣрство Гедиминовичей, хотя, съ другой стороны, и отъ Москвы не было еще тогда такой опасности, которая бы заставила Новгородцевъ быть внимательнѣе къ предложеніямъ изъ Литвы.

Но мысль, что рано или поздно придется просить помощи у Литвы, эта мысль не могла уже быть чуждою въ Новгородѣ, и здѣсь нашлись люди, которые не раздѣляли мнѣнія большинства относительно препятствій къ соединенію съ Литвою. Замѣтно было уже и прежде раздвоеніе между гражданами новгородскими, между лучшими и меньшими людьми; теперь, въ рѣшительную минуту, это раздѣленіе повело къ разномыслію относительно самаго важнаго шага, а это разномысліе, въ свою очередь, усиливало вражду между сторонами. Есть извѣстіе, что будто бы еще въ тридцатыхъ годахъ столѣтія была въ Новгородѣ смута отъ желанія знатныхъ людей присоединиться къ Литвѣ [1]. Въ рѣшительную минуту борьбы Новгородъ былъ раздѣленъ; въ Москвѣ не могли не знать о существованіи литовской стороны, которая, разумѣется, должна была утверждать, что соединеніе съ Литвою вовсе не опасно для православія, что въ старомъ Кіевѣ такой же православный митрополитъ, какъ и въ Москвѣ. Для ослабленія литовской стороны надобно было возражать на это, надобно было удержать прежде всего владыку новгородскаго отъ признанія кіевскаго митрополита Григорія православнымъ, законнымъ,—и вотъ Іоаннъ III посылаетъ къ владыкѣ Іонѣ съ такими рѣчами: „Тебѣ извѣстно, откуда пришелъ этотъ Григорій и отъ кого поставленъ: пришелъ онъ изъ Рима, отъ папы, и поставленъ въ Римѣ же бывшимъ цареградскимъ патріархомъ Григоріемъ, который повиновался папѣ съ осьмаго собора. Ты знаешь также, за сколько лѣтъ отдѣлилась греческая церковь отъ латинской, и святыми Отцами утверждено, чтобъ не соединяться съ латинствомъ. Ты долженъ хорошо помнить, какой обѣтъ далъ ты Іонѣ митрополиту, когда пріѣзжалъ къ намъ въ Москву: ты обѣщалъ не приступать къ Григорію, не отступать отъ Іоны митрополита всея Руси и отъ его преемниковъ; такой же обѣтъ повторилъ и митрополиту Θеодосію, и нынѣшнему Филиппу... Такъ если тотъ Григорій начнетъ подсылать къ тебѣ или къ Новгородцамъ съ какими-нибудь рѣчами или письмами, то ты, богомолецъ нашъ, поберегись, и своимъ дѣтямъ внуши, чтобъ григорьеву посланію не вѣрили, рѣчей его не слушали и даровъ не принимали; да помни, отецъ, свой обѣтъ, который ты далъ на своемъ поставленьи отцу нашему Іонѣ митрополиту и всѣмъ его преемникамъ“[2].

Въ челѣ стороны литовской стояли Борецкіе, дѣти умершаго

посадника Исака Борецкаго. Мы видѣли, какое важное значеніе въ семействахъ княжескихъ получали матери по смерти отцевъ; такъ было и въ семьяхъ частныхъ: вдова Исака Борецкаго, Мареа, имѣла сильную власть надъ дѣтьми по обычаю и по личному характеру, и посредствомъ этой власти пользовалась могущественнымъ вліяніемъ на дѣла родного города. Существованіе сильной стороны, Москвѣ враждебной, ожесточеніе, такъ рѣзко обнаружившееся въ нѣкоторыхъ Новгородцахъ послѣ похода Василія Темнаго, не могли не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ Новгорода съ Москвою въ княженіе преемника Василіева: въ Новгородѣ стали утаивать великокняжескія пошлины; стали заводить опять за себя земли и воды, уступленныя прежде по суду Москвѣ; съ большого вѣча шумная толпа людей являлась на великокняжескій дворъ, на Городище, бранили, безчестили намѣстниковъ, посла Іоаннова; по одному изъ условій договора Василіева, московскіе подданные, тяжущіеся съ Новгородцами, судились новгородскимъ бояриномъ вмѣстѣ съ московскимъ на Городищѣ; Новгородцы, забывъ объ этомъ условіи, схватили на Городищѣ какихъ-то двухъ князей, за отказомъ, въ имени великаго князя, людей ихъ взяли, били, свели въ городъ и мучили [3]; наконецъ, новгородскіе порубежники нападали на волости московскія. Великій князь во все это время былъ занятъ войною казанскою; съ другой стороны, по природной осторожности своей, онъ могъ бояться рѣшительными, строгими требованіями усилить, увеличить число приверженцевъ литовскихъ и заставить Новгородъ поддаться Казимиру. Нѣсколько разъ отправлялъ онъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ, чтобъ отчина его исправилась, жила по старинѣ. Теперь это слово „старина“ въ устахъ великокняжескихъ получала особое значеніе: до сихъ поръ, въ отношеніи къ великимъ князьямъ, Новгородцы имѣли важное преимущество дѣйствовать во имя старины; теперь, замышляя подданство литовское, они теряли это преимущество, переходившее на сторону великаго князя; сперва Новгородцы не требовали отъ князей ничего болѣе, кромѣ исполненія старинныхъ условій; теперь великій князь требуетъ отъ Новгородцевъ сохраненія старины.

И митрополитъ московскій держался также старины: мы видѣли, что Псковичи постоянно тяготились зависимостію своею отъ владыки новгородскаго, который, въ ихъ глазахъ, не исполнялъ своихъ

обязанностей въ отношеніи къ нимъ, какъ слѣдуетъ, отъ чего происходили сильныя неустройства въ псковской церкви. Въ концѣ 1463 года Псковичи отправили къ великому князю гонца съ двумя грамотами: въ одной написана была благодарность отъ всего Пскова за то, что Іоаннъ прислалъ воеводу своего оборонять Псковъ отъ Нѣмцевъ, при чемъ прибавлено: „хотѣли мы слать къ тебѣ, своему Государю, людей честныхъ, посадниковъ и бояръ, да за тѣмъ не послали, что не пропуститъ Великій Новгородъ". Великій князь съ удивленіемъ сказалъ гонцу: „Какъ это вы побоялись моей отчины, Великаго Новгорода? какъ Новгородцамъ не пропустить вашихъ пословъ ко мнѣ, когда они у меня въ крестномъ цѣлованіи?" Другая грамота объясняла дѣло: въ ней Псковичи просили, чтобъ великій князь велѣлъ митрополиту поставить особаго владыку во Псковъ ихъ же брата, Псковитина. Іоаннъ отвѣчалъ: „это дѣло великое: хотимъ о немъ съ отцомъ своимъ, митрополитомъ, крѣпко подумать; отецъ нашъ пошлетъ за архіепископами и епископами, и если они всѣ согласятся, то мы вамъ дадимъ знать". Въ началѣ слѣдующаго года Псковичи возобновили просьбу чрезъ знатныхъ пословъ, которые привезли великому князю въ подарокъ 50 рублей; но успѣха не было: Іоаннъ, подумавши съ митрополитомъ, объявилъ, что нельзя быть во Псковѣ особому владыкѣ, потому что съ самаго начала не бывалъ, и нѣтъ стола во Псковѣ. Псковичи принуждены были возвратить новгородскому владыкѣ воды, земли и всѣ оброки, которые было захватили въ надеждѣ, что Москва исполнитъ ихъ желаніе. Въ концѣ 1468 года они попытались было опять ввести новизну въ своемъ церковномъ управленіи, и опять неудачно: всѣ монахи и священники псковскіе, всѣ пять соборовъ, благословивши посадниковъ и весь Псковъ на вѣчѣ, сказали: „хотимъ, дѣти, между собою, по правиламъ св. Апостолъ и св. Отецъ, во всемъ священствѣ крѣпость положить, какъ намъ управляться и жить по Номоканону; а вы намъ, дѣти, будьте поборники, потому что здѣсь правителя надъ нами нѣтъ, и намъ самимъ между собою крѣпости удержать нельзя, да и вы иногда вступаетесь міромъ въ церковныя дѣла не по правиламъ: такъ мы хотимъ и на васъ такую же крѣпость положить". Псковъ имъ отвѣчалъ: „То вѣдаете вы, все Божіе священство; и мы вамъ поборники на всякій добрый совѣтъ". Тогда всѣ пять соборовъ и все священство написали грамоту изъ Номоканона о своихъ свя-

щенническихъ крѣпостяхъ и о церковныхъ дѣлахъ, и положили грамоту въ ларь, а для исполненія грамоты правителями надъ собою на вѣчѣ предъ всѣмъ Псковомъ посадили двоихъ священниковъ. Но скоро клеветники встали на одного изъ этихъ правителей, и онъ убѣжалъ въ Новгородъ къ владыкѣ. Владыка, узнавши о новизнѣ, пріѣхалъ въ началѣ 1469 года во Псковъ и спросилъ: „Кто это такъ сдѣлалъ безъ моего вѣдома? я самъ хочу здѣсь судить, и вы бы грамоту вынули и подрали". Все Божіе священство, посадники и весь Псковъ, подумавши, отвѣчали: „Самъ, господинъ, знаешь, что тебѣ здѣсь не долго быть и нашего дѣла тебѣ скоро нельзя управить, потому что въ это послѣднее время въ церквахъ между священниками смущеніе сильное, такъ что всего и сказать нельзя, сами они хорошо объ этомъ знаютъ; такъ вотъ грамоту изъ Номоканона выписали и въ ларь положили по вашему же слову; самъ ты, господинъ, и прежніе владыки благословляли пять соборовъ управлять всякими дѣлами священническими по Номоканону, вмѣстѣ съ своимъ намѣстникомъ". Владыка сказалъ: „доложу объ этомъ митрополиту и дамъ вамъ знать, какъ онъ прикажетъ". Митрополитъ благословилъ, а великій князь приказалъ, чтобъ Псковичи все управленіе священническое положили на архіепископѣ новгородскомъ, потому что такъ искони предано, и весь Псковъ митрополичье благословленіе, и государя своего, великаго князя слово принялъ, вынулъ грамоту изъ ларя и подралъ.

Между тѣмъ въ Москву пріѣхалъ изъ Новгорода посолъ, посадникъ Василій Ананьинъ, правилъ посольство о своихъ дѣлахъ земскихъ новгородскихъ, относительно же великокняжескихъ жалобъ не сказалъ ни слова, и когда бояре напомнили ему о нихъ, отвѣчалъ: „Великій Новгородъ объ этомъ не мнѣ приказалъ". Великаго князя раздосадовала такая грубость, что Новгородцы о своихъ земскихъ дѣлахъ къ нему посылаютъ и челомъ бьютъ, а въ чемъ ему грубятъ, то забываютъ; онъ велѣлъ Ананьину сказать Новгородцамъ: „исправьтесь, о т ч и н а м о я, сознайтесь, въ земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старинѣ, ко мнѣ посылайте бить челомъ по докончанію, а я васъ, свою отчину, жаловать хочу и въ старинѣ держу". Отправивши такое умѣренное требованіе, безъ всякихъ угрозъ, Іоаннъ однако не очень надѣялся на удовлетворительный для себя отвѣтъ со стороны Новгорода, и сталъ думать о походѣ, послалъ

сказать Псковичамъ: „если Великій Новгородъ не добьетъ мнѣ челомъ о моихъ старинахъ, то отчина моя Псковъ послужилъ бы мнѣ великому князю на Великій Новгородъ за мои старины".

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ ноябрѣ 1470 года умеръ новгородскій владыка Іона, а чрезъ два дня послѣ его смерти пріѣхалъ въ Новгородъ братъ кіевскаго князя—намѣстника Семена, Михайло Александровичъ или Олельковичъ, выпрошенный Новгородомъ у короля Казимира, пріѣхалъ въ сопровожденіи многочисленной толпы и былъ принятъ съ честію. Принимать съ честію князей литовскихъ и давать имъ кормленіе на пригородахъ не было новостію для Новгорода, и подобные пріемы прежде не вели къ разрыву съ московскими князьями, которые продолжали держать въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ. Такъ и теперь Новгородцы, принявши Олельковича, не показали пути намѣстникамъ Іоанновымъ; но теперь обстоятельства были уже другія; теперь пробилъ рѣшительный часъ, теперь громко и ясно былъ высказанъ вопросъ: оставаться ли за Москвою, или просить покровительства у короля литовскаго? и при рѣшеніи этого вопроса городъ раздѣлился на двѣ стороны. Олельковича выпросили у Казимира не для защиты отъ Шведовъ или Нѣмцевъ,—выпросила его сторона литовская для усиленія себя, для угрозы Москвѣ.

Черезъ десять дней послѣ смерти Іоны, посадники, тысяцкіе и весь великій Новгородъ, поставя вѣче у св. Софіи, положили три жребія на престолѣ: жребій Варсонофія, духовника, Пимена, ключника, и Ѳеофила, ризничьяго архіепископскихъ; вынулся жребій Ѳеофиловъ; избраннаго, по старинѣ, ввели честно во владычній дворъ, на сѣни, и, по старинѣ, отправили посла въ Москву, бить челомъ великому князю, просить опасной грамоты для пріѣзда Ѳеофила и посвященія его въ архіепископы у гроба Чудотворца Петра. Но сторона литовская, Борецкіе съ Олельковичемъ дѣйствовали: говорятъ, что князь Михаилъ указывалъ Марѳѣ жениха въ одномъ изъ пановъ литовскихъ, въ будущемъ намѣстникѣ новгородскомъ, съ которымъ она станетъ правительницею родного города. Ключникъ владычній Пименъ, потерявши надежду стать архіепископомъ по жребію, думалъ получить свое желаніе при новомъ порядкѣ вещей, тѣмъ болѣе, что Ѳеофилъ былъ за старину, требовалъ, чтобъ его отправили непремѣнно на поставленіе въ Москву; Пименъ, напро-

тивъ, сталъ объявлять: „хотя на Кіевъ меня пошлите, я и туда на свое постановленіе поѣду“; хозяинъ богатой казны архіепископской, Пименъ передалъ много денегъ Мароѣ для подкупа людей на свою сторону. Но такое поведеніе Пимена, разграбленіе казны владычней и желаніе идти наперекоръ священному древнему обычаю, по которому былъ избранъ Ѳеофилъ, возбудили сильное негодованіе въ Новгородѣ: Пимена схватили, мучили, казну его разграбили, и кромѣ того взыскали 1000 рублей. Пришелъ и отвѣтъ изъ Москвы на просьбу о позволеніи пріѣхать Ѳеофилу; великій князь велѣлъ сказать: „Отчина моя, Великій Новгородъ, прислалъ ко мнѣ бить челомъ, и я его жалую, нареченному владыкѣ Ѳеофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленья безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ было при отцѣ моемъ, дѣдѣ и прадѣдахъ“.

Люди, не хотѣвшіе разрывать съ Москвою, и въ томъ числѣ Ѳеофилъ, обрадовались дружелюбному отвѣту Іоаннову; но въ это самое время явились послы псковскіе съ такою рѣчью: „Насъ великій князь, а нашъ государь подпимаетъ на васъ; отъ васъ же, своей отчины, челобитья хочетъ. Если вамъ будетъ надобно, то мы за васъ, свою братью, ради отправить посла къ великому князю, бить челомъ о миродокончальной съ вами грамотѣ: такъ вы бы посламъ нашимъ дали путь по своей вотчинѣ къ великому князю“. Это посольство доставило приверженцамъ литовскимъ предлогъ къ возстанію; на вѣчѣ раздались голоса: „Не хотимъ за великаго князя московскаго, не хотимъ называться его отчиною, мы люди вольные; не хотимъ терпѣть обиды отъ Москвы, хотимъ за короля Казимира! Московскій князь присылаетъ опасную грамоту нареченному владыкѣ, а между тѣмъ подпимаетъ на насъ Псковичей, и самъ хочетъ идти“. Въ отвѣтъ послышались крики стороны противной: „Хотимъ, по старинѣ, къ Москвѣ! нельзя намъ отдаться за короля и поставить владыку у себя отъ митрополита Латинца“. Вѣчевая усобица должна была рѣшить вопросъ о томъ, за кѣмъ быть Новгороду — за литовскимъ или московскимъ княземъ? какъ прежде она рѣшала, какого князя принять — кіевскаго, черниговскаго или суздальскаго? Природа вѣча давала сторонѣ богатѣйшей возможность осилить противниковъ менѣе богатыхъ наймомъ людей, которые продавали не только свои голоса на вѣчѣ, но и свои руки, когда дѣло доходило до схватки: по словамъ лѣтописца, при-

верженцы Литвы стали нанимать худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, которые готовы стать за всякаго, по своему обычаю; вѣчники начали звонить въ колокола, кричать: „хотимъ за короля"! и бросать камнями въ тѣхъ, которые хотѣли оставаться за московскимъ княземъ. Наконецъ литовская сторона осилила: отправили посла съ поминками и съ челобитьемъ къ королю, и король заключилъ договоръ со всѣмъ великимъ Новгородомъ, мужами вольными: обязался держать въ Городищѣ намѣстника вѣры греческой, православнаго христіанства; намѣстникъ, дворецкій и тіуны королевскіе, живя на Городищѣ, не могли имѣть при себѣ болѣе пятидесяти человѣкъ. Пойдетъ великій князь московскій на великій Новгородъ, или сынъ его, или братъ, или которую землю подниметъ на великій Новгородъ, королю садиться на коня за Новгородъ со всею радою литовскою; если же король, не помиривъ Новгорода съ московскимъ княземъ, поѣдетъ въ польскую землю или нѣмецкую, и безъ него пойдетъ Москва на Новгородъ, то рада литовская садится на коня и оборонаетъ Новгородъ. Король не отнимаетъ у Новгородцевъ ихъ вѣры греческой православной, и гдѣ будетъ любо великому Новгороду, тутъ и поставитъ себѣ владыку; римскихъ церквей король не ставитъ ни въ Новгородѣ, ни въ пригородахъ, ни по всей землѣ новгородской. Что въ Псковѣ судъ, печать и земли великаго Новгорода, то къ великому Новгороду по старинѣ. Если король помиритъ Новгородъ съ московскимъ княземъ, то возьметъ черный боръ по новгородскимъ волостямъ, одинъ разъ, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы чернаго бору ему не надобно. Король держитъ Новгородъ въ волѣ мужей вольныхъ, по ихъ старинѣ и по крестной грамотѣ; цѣлуетъ крестъ ко всему великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду литовскую.— Между этими условіями съ Казиміромъ не встрѣчаемъ условія о правѣ короля раздавать волости, грамоты вмѣстѣ съ посадникомъ, не лишать волостей безъ вины; нѣтъ условія о правѣ короля брать даръ со всѣхъ волостей новгородскихъ, о правѣ охотиться въ извѣстныхъ мѣстахъ, посылать своего осетреника и медовара; о правѣ посылать своего мужа за Волокъ; замѣчательно въ договорѣ съ Казиміромъ выраженіе „вольные люди", которое повторяютъ Новгородцы, говоря о себѣ, чего не находимъ въ прежнихъ договорахъ съ князьями Рюриковичами; наконецъ

должно замѣтить, что Новгородцы требуютъ отъ Казимира присяги за раду литовскую, о Польшѣ не упоминается ни слова [4].

Отправивши пословъ въ Литву, послали сказать Псковичамъ: „Вашего посла къ великому князю не хотимъ подымать [5], и сами ему челомъ бить не хотимъ; а вы бы за насъ противъ великаго князя на коня сѣли, по своему съ нами миродокончанію". Псковъ далъ на это такой отвѣтъ: „Какъ вамъ князь великій отошлетъ складную грамоту, то объявите намъ, мы тогда подумавши, отвѣтимъ". Но Псковичи не долго думали и объявили московскому послу, что будутъ помогать великому князю.

Послѣдній, узнавъ о побѣдѣ литовской стороны, хотѣлъ испытать еще мирныя средства, и отправилъ въ Новгородъ посла съ жалованіемъ и добрыми рѣчами, „чтобы отчина его, Новгородцы, отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, къ латинству не приставали, и ему бы, великому князю, челомъ били, да исправились, а онъ великій государь жалуетъ ихъ и въ старинѣ держитъ" [6]. Митрополитъ Филиппъ также послалъ увѣщательныя громоты: „Сами знаете, дѣти, съ какого времени господари православные, великіе князья русскіе, начались; начались они съ великаго князя Владиміра, продолжаются до нынѣшняго Іоанна Васильевича; они господари христіанскіе русскіе и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ отчина изъ старины мужи вольные. Господинъ и сынъ мой князь великій сказываетъ, что жаловалъ васъ и въ старинѣ держалъ, и впередъ жаловать хочетъ, а вы, сказываетъ, своихъ обѣщаній ему не исполняете... [7] Ваши лиходѣи наговариваютъ вамъ на великаго князя: „Опасную-то грамоту онъ владыкѣ нареченному далъ, а между тѣмъ Псковичей на насъ подымаетъ и самъ хочетъ на насъ идти". Дѣти! такія мысли врагъ дьяволъ вкладываетъ людямъ: князь великій еще до смерти владыки и до вашего челобитья объ опасной грамотѣ послалъ сказать Псковичамъ, чтобы они были готовы идти на васъ, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, такъ и его жалованье къ вамъ тотчасъ пошло. И о томъ, дѣти, подумайте: царствующій градъ Константинополь до тѣхъ поръ непоколебимо стоялъ, пока соблюдалъ православіе; а когда оставилъ истину, то и впалъ въ руки поганыхъ. Сколько лѣтъ ваши прадѣды своей старины держались неотступно; а вы, при концѣ послѣдняго времени, когда человѣку нужно душу свою спасать въ православіи, вы теперь,

оставя старину, хотите за латинскаго господаря закладываться! Много у васъ людей молодыхъ, которые еще не навыкли доброй старинѣ, какъ стоять и поборать по благочестіи, а иные, оставшись по смерти отцевъ ненаказанными, какъ жить въ благочестіи [8], собираются въ сонмы и поощряютъ на земское неустроеніе. А вы, сыны православные, старые [9] посадники новгородскіе и тысяцкіе, и бояре, и купцы и весь великій Новгородъ, сами остерегитесь, старые молодыхъ понаучите, лихихъ удержите отъ злаго начинанія, чтобъ не было у васъ латинскія похвалы на вѣру православныхъ людей" [10].

Всѣ эти увѣщанія не помогли, надобно было садиться на коня. Въ маѣ 1471 года великій князь созываетъ на думу братьевъ своихъ, митрополита, архіереевъ, бояръ и воеводъ, объявляетъ, что необходимо выступить въ походъ на Новгородцевъ за ихъ отступленіе, но спрашиваетъ—выступать ли немедленно, или ждать зимы? потому что земля новгородская наполнена большими озерами, рѣками, болотами непроходимыми; прежніе великіе князья лѣтомъ на Новгородъ не хаживали, а кто ходилъ, тотъ много людей терялъ. Рѣшили выступить немедленно, и великій князь занялся распоряженіями къ походу: беречь Москву и управлять Русскою землею во время отсутствія своего оставилъ сына Іоанна, при которомъ приказалъ быть брату Андрею Васильевичу старшему вмѣстѣ съ служилымъ татарскимъ царевичемъ Муртозою. Съ собою въ походъ бралъ великій князь братьевъ Юрія, Андрея меньшаго и Бориса, князя Михаила Андреевича Верейскаго съ сыномъ и другого татарскаго служилаго царевича Даньяра; выпросилъ съ собою въ походъ у матери дьяка ея, Степана Бородатаго, знавшаго хорошо лѣтописи, умѣвшаго пріискать въ нихъ, что нужно къ дѣлу: на случай, если придутъ новгородскіе послы, то Степанъ напомнитъ ему, что говорить о ихъ старыхъ измѣнахъ, какъ они измѣняли въ давнія времена отцамъ его, дѣдамъ и прадѣдамъ [11]. Въ Новгородъ отправленъ былъ посолъ съ разметными грамотами, въ Тверь съ просьбою о помощи, во Псковъ и Вятку съ приказомъ идти на новгородскія владѣнія. И прежде въ лѣтописяхъ отражается нерасположеніе сѣверо-восточнаго народонаселенія къ Новгороду; но теперь, при описаніи похода 1471 года, замѣчаемъ сильное ожесточеніе: „Невѣрные, говоритъ лѣтописецъ, изначала не знаютъ Бога; а эти Новгородцы столько лѣтъ были въ христі-

анствѣ, и подъ конецъ начали отступать къ латинству; великій князь пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, но какъ на иноязычниковъ и на отступниковъ отъ православія; отступили они не только отъ своего государя, и отъ самого Господа Бога; какъ прежде прадѣдъ его, великій князь Димитрій вооружился на безбожнаго Мамая, такъ и благовѣрный великій князь Іоаннъ пошелъ на этихъ отступниковъ".

Первый отрядъ подъ начальствомъ князя Данiила Дмитріевича Холмскаго и боярина Ѳеодора Давыдовича, въ числѣ 10,000, выступилъ въ началѣ іюня къ Русѣ; за нимъ пошелъ отрядъ подъ начальствомъ князя Оболенскаго-Стриги, вмѣстѣ съ Даньяровыми Татарами, къ Вышнему Волочку и потомъ по Метѣ; трое братьевъ великокняжескихъ и князь Верейскій двинулись съ полками каждый изъ своей отчины. Всѣ эти войска вступили разными дорогами въ новгородскую землю и начали страшно опустошать ее: воеводамъ велѣно было распустить ратниковъ по многимъ мѣстамъ— жечь, плѣнить и казнить безъ милости жителей за ихъ неисправленіе къ своему государю великому князю. Самъ Іоаннъ выступилъ 20 іюня съ главными силами и царевичемъ Даньяромъ, 23-го пришелъ въ Волокъ, 29 остановился въ Торжкѣ, куда явились къ нему воеводы тверскіе со многими людьми, явились и послы псковскіе съ объявленіемъ, что Псковъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду.

Къ московскому князю приходила помощь съ разныхъ сторонъ: Великому Новгороду не было помощи ни откуда; король Казимиръ не трогался; даже князь Михаилъ Олельковичъ, услыхавъ о смерти брата своего Семена въ Кіевѣ, еще 15 марта уѣхалъ изъ Новгорода, да на дорогѣ пограбилъ Русу и отъ нея всѣ мѣста до самой границы; другаго служилаго князя своего, Рюриковича, князя Василія Шуйскаго-Гребенку Новгородцы отправили на защиту Заволочья; они послали просить помощи у Ордена, и магистръ ливонскій писалъ къ Великому, что Орденъ долженъ помочь Новгороду, ибо, если московскій князь овладѣетъ послѣднимъ, то Нѣмцамъ будетъ грозить большая опасность [12]. Но пока магистры пересылались, московскій князь уже успѣлъ совершить опасное для нихъ дѣло: передовые полки его подъ начальствомъ князя Холмского, сожгли Русу 23 іюня, и на берегу Ильменя, у Коростыни побили отрядъ Новгородцевъ, которые, приплывъ озеромъ, хотѣли

печаянно напасть на Москвичей; но сзади, на рѣкѣ Полѣ, явилась другая новгородская рать; московскіе воеводы побили и эту, возвратясь отъ Русы [13]. Легко повѣрить новгородскому лѣтописцу, что причиною неуспѣха его земляковъ было раздвоеніе, господствовавшее въ ихъ городѣ: конная рать не пошла къ пѣшей въ срокъ на помощь, потому что полкъ владычній не хотѣлъ ударить на великокняжескую рать, говоря: „владыка намъ не велѣлъ на великаго князя руку поднимать, онъ послалъ насъ только на псковичей“.

Къ Псковичамъ въ половинѣ іюня пріѣхалъ московскій посолъ понуждать ихъ къ немедленному походу. Они отослали складныя грамоты въ Новгородъ, а послу сказали: „Какъ только услышимъ великаго князя въ новгородской землѣ, такъ и сядемъ на коней за своего государя“. Въ Петровъ день пріѣхалъ изъ Русы московскій бояринъ Зиновьевъ и началъ каждый день твердить Псковичамъ: „Садитесь сейчасъ же со мною на коней, я къ вамъ отпущенъ отъ великаго князя, воеводою пріѣхалъ“. Зиновьевъ привелъ съ собою сто человѣкъ дружины, и Пскову былъ большой убытокъ, много выходило корму на людей и на лошадей. И вотъ Псковичи 10 іюля тронулись въ походъ всѣмъ городомъ и пригородами, подъ начальствомъ сына своего князя—намѣстника, Василія Ѳедоровича Шуйскаго и четырнадцати посадниковъ. Новгородцы, услыхавъ объ этомъ, и безопасные со стороны Холмского, отвлеченнаго къ рѣкѣ Полѣ, рѣшили выступить противъ Псковичей, и стали собирать огромное войско. Но уже изъ самаго способа, какимъ набиралось это войско, можно было предвидѣть неудачу: приверженцы Литвы, затѣявшіе войну, силою выгнали въ походъ плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отроду и на лошадь не саживались; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ. Такимъ образомъ набралось тысячъ сорокъ войска, и пошло подъ начальствомъ степеннаго посадника Димитрія Борецкаго по лѣвому берегу Шелони на встрѣчу Псковичамъ; но не съ ними оно встрѣтилось. Великій князь 9-го іюля стоялъ у озера Коломны, недалеко отъ Вышняго Волочка, когда Холмской далъ ему знать о битвѣ на Полѣ и о своемъ движеніи къ Демону; Іоаннъ немедленно же велѣлъ ему идти назадъ къ Шелонѣ для соединенія съ Псковичами, а у Демона приказалъ стоять князю Верейскому. Холмской двинулся назадъ и 14 іюля завидѣлъ полки

новгородскіе, шедшіе по той сторонѣ Шелони; московскіе воеводы, не смотря на огромную разницу въ числѣ войска (у нихъ было немного болѣе 4000, а у Новгородцевъ до 40,000) рѣшились вступить въ битву: ратники ихъ переправились черезъ рѣку и ударили на Новгородцевъ, которые не выдержали натиска и побѣжали; по новгородскимъ же извѣстіямъ, Новгородцы прогнали Москвичей за Шелонь, но западная рать татарская внезапно ударила на нихъ и рѣшила дѣло въ пользу войскъ великокняжескихъ [14]. Какъ бы то ни было, Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе, потеряли, по ихъ счету, двѣнадцать тысячъ убитыми и тысячу семь сотъ взятыхъ въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ находился степенный посадникъ Борецкій, вмѣстѣ съ другими воеводами; въ обозѣ побѣдители нашли и договорную грамоту Новгородцевъ съ Казиміромъ, и отослали ее къ великому князю.

Съ другой стороны Псковичи, узнавши, что Новгородцы жгутъ ихъ пограничныя волости, выѣзжая изъ Вышгорода, осадили это мѣсто, начали бить пушками, стрѣлами стрѣлять, приметъ приметывать. Первый день Новгородцы крѣпко оборонялись, но на другой день, видя, что у нихъ нѣтъ ни запасовъ, ни воды, вышли со крестами на заборало, и начали говорить осаждающимъ: „Въ чемъ вы изобижены, то вѣдаетъ государь нашъ и вашъ, князь великій и Великій Новгородъ; а вы бы надъ нами свое милосердіе показали, мы же вамъ животворящій крестъ цѣлуемъ",—и отдали весь псковской полонъ, даже стрѣлы, собравши ихъ на городѣ или кругомъ заборалъ. Псковичи челобитье ихъ приняли, кровь ихъ пощадили, отступили отъ городка и занялись опустошеніемъ пограничныхъ мѣстъ верстъ на 50 и больше. Не такъ былъ счастливъ другой полуторотысячный отрядъ Псковичей, собранный изъ охочихъ людей, которые отправились на сѣверъ: за рѣкою Лютою, притокомъ Плюсы, ударили на нихъ въ расплохъ Новгородцы и разбили на голову; но скоро вѣсть о Шелонскомъ пораженіи заставила побѣдителей бѣжать съ мѣста побѣды.

Великій князь получилъ вѣсть о побѣдѣ, когда стоялъ въ Яжолбицахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода; отсюда онъ двинулся къ югу и сталъ противъ Демона, который сдался князю Верейскому, заплативши сто рублей окупа; отъ Демона Іоаннъ пошелъ къ Русѣ, и вступилъ въ нее 24 іюля; онъ ждалъ пословъ новгородскихъ съ челобитьемъ, потому что еще изъ-подъ Демона отпустилъ

въ Новгородъ гонца, пріѣзжавшаго за опасною грамотою, но вмѣсто того получилъ вѣсть, что Новгородъ волнуется по прежнему. Несмотря на шелонское пораженіе, несмотря на то, что здѣсь литовская сторона лишилась предводителей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, несмотря на то, что гонецъ, посланный къ Казимиру для понужденія его садиться поскорѣе на коня за Новгородъ, возвратился съ печальною вѣстію, что магистръ ливонскій не пропустилъ его черезъ свою землю (если магистру не нравилось господство московскаго князя надъ Новгородомъ, то еще болѣе должно было не нравиться господство литовскаго князя по тогдашнимъ отношеніямъ обоихъ орденовъ къ Казимиру),—несмотря на все это, когда въ Новгородѣ узнали, что Іоаннъ въ Русѣ, то всталъ сильный мятежъ, сторожа заняли стѣны и башни, перемѣняясь день и ночь, а люди по прежнему раздѣлились: одни хотѣли за Москву, а другіе за Литву. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ сильно разсердился, и велѣлъ казнить Борецкаго съ тремя другими знатнѣйшими плѣнниками: „вы за короля задаваться хотѣли", сказалъ онъ имъ. Новгородцы приготовились защищаться, пожегши всѣ посады около города, казнили перевѣтника Упадыша, который съ своими единомышленниками пять пушекъ желѣзомъ заколачивалъ; но скоро увидали, что сопротивленіе не можетъ быть продолжительно: хлѣбъ вздорожалъ, рожь исчезла на торгу, можно было найдти пшеничный хлѣбъ, да и того мало. Тогда потребители ржаного хлѣба поднялись на потребителей пшеничнаго, укоряя ихъ за то, что они привели великаго князя на Новгородъ; это значило, что московская сторона взяла верхъ, и вотъ нареченный владыка Ѳеофилъ съ старыми посадниками и житыми людьми поѣхалъ бить челомъ великому князю, который стоялъ уже при устьѣ Шелони, на Коростынѣ. Ѳеофилъ сначала обратился съ челобитьемъ къ князьямъ, боярамъ и воеводамъ, чтобъ просили за Новгородъ братьевъ великокняжескихъ, а чтобъ эти просили уже самого великаго князя; митрополитъ изъ Москвы также писалъ, что если Новгородцы придутъ съ челобитьемъ, то чтобъ великій князь утолилъ свой гнѣвъ [15]. Іоаннъ принялъ новгородское челобитье, велѣлъ перестать жечь и плѣнить, и далъ миръ Новгороду по старинѣ; но за новгородскую проступку взялъ 15,000 рублей, деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ [16], кромѣ того, что передано было братьямъ великокняжескимъ, князьямъ, боярамъ, воеводамъ москов-

скимъ за ходатайство. Въ договорѣ, заключенномъ по старинѣ, Новгородцы обязались: „за короля и за великаго князя Литовскаго, кто на Литвѣ ни будетъ, отъ васъ великихъ князей (Іоанна и сына его) намъ, вашей отчинѣ великому Новгороду, мужамъ вольнымъ, не отдаться никакою хитростію, и быть намъ отъ васъ неотступными ни къ кому; князей намъ у великаго князя Литовскаго на пригороды не просить, и не принимать князей изъ Литвы въ великій Новгородъ. А на владычество намъ выбирать по своей старинѣ; ставиться же нашему владыкѣ у гроба св. Петра чудотворца въ Москвѣ у васъ, великихъ князей и у вашего отца митрополита, какой митрополитъ у васъ въ Москвѣ ни будетъ; а въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Москвы, намъ владыки нигдѣ не ставить“ [17].

Новгородцы начали переговоры съ великимъ княземъ, еще не зная о другомъ своемъ несчастіи: въ Двинской области воевода ихъ, князь Василій Шуйскій, имѣя двѣнадцати-тысячный отрядъ войска, встрѣтился на берегахъ Двины съ устюжскимъ великокняжескимъ воеводою Образцомъ и Вятчанами, у которыхъ было менѣе 4000 войска: жаркая битва продолжалась цѣлый день, сѣклись, схватывая другъ друга за руки; двинскій знаменьщикъ былъ убитъ, знамя подхватилъ другой, убитъ былъ и этотъ, подхватилъ третій, наконецъ убили и третьяго, знамя перешло въ руки Москвичей и Двиняне дрогнули; князь Шуйскій спасся бѣгствомъ, раненый; новгородскій лѣтописецъ складываетъ вину пораженія на Двинянъ, говоритъ, что они не тянули по князѣ Шуйскомъ. Съ другой стороны вологодскій воевода князя Андрея Васильевича меньшого повоевалъ Кокшенгу. Заключая договоръ по старинѣ, Іоаннъ возвратилъ Новгороду его заволоцкія владѣнія, но при этомъ былъ сдѣланъ строгій переборъ, и Новгородцы должны были отдать всѣ волости великокняжескія и ростовскихъ князей, захваченныя ими прежде и въ послѣднюю войну [18]. Такимъ образомъ многія волости раздѣлились пополамъ между Москвою и Новгородомъ, напр. Емецъ, Матигоры, Куръ-островъ, Чухчелема, Ухтьостровъ, Лисичь-островъ; другія, которыя прежде мы видѣли за Новгородомъ, отошли всѣ къ Москвѣ безъ раздѣла, наприм. Колмогоры, Ненокса, Уна и проч.—Вся земля новгородская, говоритъ лѣтописецъ, до самаго моря была пожжена и поплѣнена, потому что опустошали ее не одни тѣ войска, которыя были съ великимъ

княземъ или его братьями, но изо всѣхъ земель московскихъ ходили толпы за добычею въ новгородскія волости. Бѣды не прекратились и по отходѣ великокняжескихъ войскъ: жители Русы, бѣжавшіе въ Новгородъ во время войны, теперь отправились домой по Ильменю; но поднялась страшная буря и потопила ихъ: погибло 90 учановъ и 60 малыхъ судовъ, въ одномъ мѣстѣ нашли 120 труповъ. И не тутъ только природа объявила себя противъ Новгорода за Москву; опасенія, что трудно будетъ идти подъ Новгородъ лѣтомъ по причинѣ многихъ водъ и болотъ, на этотъ разъ не оправдались; какъ нарочно лѣто было знойное, отъ мая до сентября не упало ни капли дождя; не было нигдѣ преграды московскимъ ратникамъ, которые гнали скотъ по болотамъ и мѣстамъ прежде непроходимымъ [19].

1-го сентября возвратился Іоаннъ въ Москву; того же 1471 года въ декабрѣ пріѣхалъ туда нареченный владыка новгородскій Ѳеофилъ и былъ посвященъ; Ѳеофилъ просилъ свободы новгородскимъ плѣнникамъ, и великій князь исполнилъ его просьбу; отправилъ и намѣстниковъ своихъ въ Новгородъ по прежнему. Казалось, что все уладилось, но такъ могло казаться только: долговременное отсутствіе великихъ князей, долговременная невозможность для нихъ заниматься внутренними дѣлами Новгорода, ослабили, привели въ забвеніе, но не уничтожили правъ ихъ здѣсь; теперь же великій князь московскій получилъ возможность дать силу этимъ правамъ. При ослабленіи власти княжеской, вслѣдствіе постоянной борьбы многихъ князей соперниковъ, образовались стороны, также постоянно боровшіяся между собою; богатый бояринъ, имѣвшій средства платить многочисленнымъ вѣчникамъ, могъ отважиться на все, могъ отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбленія; иногда цѣлыя улицы, цѣлые концы враждовали другъ съ другомъ, стоя за то или другое лицо, за того или другого чиновника гражданскаго; сила рѣшала споръ; предводитель восторжествовавшей стороны достигалъ должности посадника, и въ этомъ званіи позволялъ себѣ мстить тѣмъ гражданамъ, тѣмъ улицамъ, тѣмъ концамъ, которые были противъ него. Что оставалось побѣжденнымъ и слабымъ? Молчать и ждать благопріятныхъ обстоятельствъ, ждать усиленія своей стороны, которое подастъ имъ возможность собраться на вѣче, низложить соперниковъ и поступить съ ними по ихъ же примѣру. Въ такомъ

состоянія находились дѣла, когда великій князь былъ далеко, а намѣстниковъ мало слушались. Но теперь, когда великій князь хотѣлъ и могъ возстановить свое старинное значеніе верховнаго судьи, теперь сторонѣ угнетенной не нужно было долго дожидаться удобнаго случая къ низложенію враговъ своихъ: она могла отдать свое дѣло на рѣшеніе великаго князя. Посадникъ степенный Василій Ананьинъ съ 18-ю другихъ бояръ своей стороны, наѣхавши съ многочисленнымъ отрядомъ на двѣ улицы, Славкову и Никитину, людей переграбилъ и перебилъ, многихъ даже до смерти, имѣнія взялъ на тысячу рублей. Въ то же время староста Ѳедоровской улицы Памфилъ вмѣстѣ съ двумя боярами, которые участвовали и въ нападеніи на двѣ упомянутыя улицы, ударилъ на дворъ двухъ братьевъ, бояръ Полинарьиныхъ, людей у нихъ перебилъ, имѣнія пограбилъ на 500 рублей. Любопытно, что между виновниками этихъ насилій встрѣчаемъ имена извѣстныхъ враговъ Москвы: это обстоятельство можетъ навести на мысль, что здѣсь дѣйствовали также и причины политическія, что на эту борьбу должно смотрѣть, какъ на продолженіе борьбы двухъ сторонъ—литовской и московской. Въ нападеніи на Славкову и Никитину улицы участвовали: Селезневы—Матвѣй и Яковъ, которыхъ братъ Василій былъ казненъ вмѣстѣ съ Димитріемъ Борецкимъ; Андрей Телятевъ и Моисей Ѳедоровъ: Павелъ Телятевъ и Яковъ Ѳедоровъ были также схвачены въ шелонской битвѣ, и отосланы въ Коломну; Аѳанасьевы, которыхъ Іоаннъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, считалъ самыми жаркими приверженцами Литвы; наконецъ въ числѣ вельможъ, на которыхъ были поданы жалобы и которые были обвинены Іоанномъ, видимъ Ѳедора Исакова Борецкаго. Но если сообщники степеннаго посадника Ананьина были приверженцами Литвы, то можно заключить, что и самъ посадникъ не былъ доброжелателемъ Москвы. Какъ бы то ни было, обиженные посадникомъ и его товарищами послали жаловаться на нихъ въ Москву. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что житые и младшіе люди сами призвали великаго князя, потому что обижали ихъ посадникъ и великіе бояре, незнавшіе надъ собою суда; но мы не можемъ принять этого извѣстія безъ ограниченія: кромѣ борьбы сословій тутъ мы видимъ и борьбу сторонъ, ибо между врагами Ананьина и товарищей его встрѣчаемъ не однихъ житыхъ и младшихъ граждапъ, но также бояръ Полинарьиныхъ.

22 октября 1475 года Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ, миромъ, но со многими людьми; въ Вышнемъ Волочкѣ встрѣтилъ его посолъ отъ владыки Ѳеофила съ дарами, но тутъ же встрѣтили его и жалобщики, какой-то Кузьма Яковлевъ съ товарищами; отсюда до самаго Новгорода по всѣмъ станціямъ встрѣчали его новгородскіе чиновники съ подарками, начиная отъ подвойскаго до посадниковъ, и между ними опять жалобники многіе. За 90 верстъ до города встрѣтилъ князя владыка Ѳеофилъ, воевода новгородскій, князь Василій Васильевичъ Шуйскій, и посадникъ степенный Ананьинъ, со многими другими духовными, боярами и житыми людьми: владыка поднесъ двѣ бочки вина, всѣ остальные по мѣху вина и всѣ были угощены обѣдомъ. Проведя мѣсяцъ въ дорогѣ, 21 ноября Іоаннъ въѣхалъ въ Новгородъ, встрѣченный посадниками, житыми людьми, множествомъ народа, и сталъ на Городищѣ; владыка прислалъ двухъ чиновниковъ своихъ распоряжаться доставкою съѣстныхъ припасовъ ко двору великокняжескому; но великій князь не велѣлъ брать отъ нихъ кормовъ и осердился на владыку, зачѣмъ прислалъ людей непригожихъ къ дѣлу, незначительныхъ; владыка просилъ прощенья чрезъ бояръ, велѣлъ отпускать припасы намѣстнику своему, и тогда великій князь нелюбье отложилъ и пожаловалъ, велѣлъ брать кормы; владыка въ день пріѣзда билъ челомъ Іоанну, звалъ его къ себѣ обѣдать; но великій князь не пожаловалъ, не поѣхалъ, и на другой день позвалъ къ себѣ на обѣдъ владыку, посадника степеннаго, старыхъ посадниковъ, тысяцкихъ и многихъ знатныхъ людей; въ тотъ же день нашло къ нему множество жалобниковъ, Новгородцевъ и уѣздныхъ людей; одни пришли просить приставовъ, чтобъ не быть ограбленными отъ ратниковъ, пришедшихъ съ великимъ княземъ, другіе пришли съ жалобами на свою же братію, Новгородцевъ: потому что, говоритъ лѣтописецъ, земля эта давно уже въ своей волѣ жила, о великихъ князьяхъ небрегла и не слушала ихъ, и много зла было въ ней—убійства, грабежи, домамъ раззореніе напрасное; кто кого могъ, тотъ того и обижалъ.

23 ноября въѣхалъ Іоаннъ въ городъ (крѣпость), гдѣ былъ встрѣченъ владыкою со всѣмъ духовенствомъ, какъ приказалъ самъ великій князь. Въ этотъ день онъ слушалъ обѣдню у св. Софіи, и обѣдалъ у владыки, при чемъ получилъ дары: три постава суконъ, 100 корабельниковъ (червонцевъ), зубъ рыбій, да на проводяхъ

двѣ бочки вина. На другой день пошли къ великому князю съ челобитьемъ, дарами и жалобами разные люди, а на третій явились главные жалобщики—двѣ улицы, Славкова и Никитина, да братья Полинарьины, и жаловались въ присутствіи владыки, старыхъ посадниковъ, другихъ бояръ и житыхъ людей. Іоаннъ сказалъ владыкѣ и посадникамъ: „ты богомолецъ нашъ, и вы, посадники, объявите отчинѣ нашей, великому Новгороду, чтобы дали на этихъ обидчиковъ своихъ приставовъ, какъ я далъ на нихъ своихъ, потому что я хочу дѣло разсмотрѣть; и ты бы, богомолецъ мой, и вы посадники тогда у меня были: хочется мнѣ обиженнымъ управу дать“. Новгородцы дали своихъ приставовъ, и въ воскресенье 26 ноября, обидчики и обиженные всѣ стали предъ великимъ княземъ на Городищѣ, въ присутствіи Ѳеофила и старыхъ посадниковъ; начался судъ, и было рѣшено, что жалобы справедливы. Тогда великій князь велѣлъ взять обвиненныхъ, главныхъ посадить за приставами, товарищей ихъ отдать на поруку крѣпкую, въ 1500 рубляхъ: архіепископъ взялъ ихъ на поруку. Въ то же время Іоаннъ выслалъ отъ себя вонъ и велѣлъ схватить Ивана Аѳанасьева съ сыномъ за то, что совѣтовали Новгороду отдаться за короля.

Прошелъ день, другой; на третій явился на Городище владыка и посадники бить великому князю челомъ отъ великаго Новгорода, чтобъ пожаловалъ, смиловался, велѣлъ освободить посаженныхъ бояръ и отдать ихъ на поруку. Великій князь челобитья не принялъ и сказалъ: „извѣстно тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей, сколько отъ этихъ бояръ и прежде зла было, а нынче что ни есть дурного въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ: такъ какъ же мнѣ ихъ за это дурное жаловать“? Въ тотъ же день посадникъ Ананьинъ съ тремя главными товарищами скованные были отправлены въ Москву. Спустя нѣсколько времени пришелъ опять Ѳеофилъ съ посадниками и многими другими людьми бить челомъ о помилованіи тѣхъ товарищей Ананьина, которые даны были на поруку; это челобитье великій князь принялъ, велѣлъ только взыскать съ виноватыхъ 1500 рублей исцовыхъ убытковъ, да свои судныя пошлины (свою вину). По окончаніи этихъ дѣлъ, съ 4 декабря начались пиры у знатнѣйшихъ новгородцевъ для великаго князя, и продолжались до 19 генваря: каждый хозяинъ дарилъ гостя ковшами золотыми, деньгами, мѣхами, рыбьими зубьями, сукнами, ловчими птицами, виномъ, лошадьми. Тѣ посадники

и тысяцкіе, которые не успѣли дать пировъ для великаго князя, подносили ему дары, какими хотѣли дарить на пирахъ; изъ купцовъ и житыхъ людей не остался ни одинъ, который бы не пришелъ съ дарами, даже и молодые (незначительные) люди многіе были у него съ дарами и челобитьемъ; новоизбранный степенный посадникъ Ѳома Андреевичъ Курятникъ вмѣстѣ съ тысяцкимъ поднесли ему 1000 рублей отъ всего Великаго Новгорода. Во время пировъ пріѣхалъ шведскій посолъ съ просьбою о продолженіи перемирія: великій князь пожаловалъ, велѣлъ владыкѣ и Новгороду заключить съ Шведами перемиріе по старинѣ, и съ честію отпустилъ посла. При всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Іоанновыхъ ни одинъ изъ старыхъ обычаевъ, ни одно изъ старыхъ условій не были нарушены: перемиріе съ сосѣднимъ государствомъ было заключено владыкою и Новгородомъ, но съ вѣдома и по приказанію князя; по жалобѣ Новгородцевъ Іоаннъ судилъ, смѣнилъ и наказалъ посадника, ибо имѣлъ право верховнаго суда надъ всѣми, имѣлъ право смѣнять чиновниковъ, объявивъ только ихъ вину; при этомъ Іоаннъ выполнилъ въ точности старинный обычай; давши на обличенныхъ своихъ приставовъ, требовалъ, чтобъ Новгородъ далъ также и своихъ; онъ заточилъ осужденнаго посадника и его товарищей въ Москву, но и это была старина: Владиміръ Мономахъ, Святославъ Ольговичъ заточали на югъ бояръ новгородскихъ, и послѣ въ договорахъ это право не было отнято у князей. Іоаннъ не нарушилъ ни въ чемъ старины, но давно уже Новгородцы отвыкли отъ нея, ибо въ продолженіе многихъ вѣковъ великіе князья не пользовались своими правами, а Новгородцы, пользуясь настоящимъ, забыли и о прошедшемъ и о будущемъ.

Мѣсяцъ ѣхалъ великій князь изъ Москвы въ Новгородъ; гораздо скорѣе возвратился изъ Новгорода въ Москву, ибо не былъ задерживаемъ на пути: 26 генваря выѣхалъ онъ изъ Новгорода, 8 февраля былъ уже въ Москвѣ. И здѣсь соблюдено было условіе старинныхъ договоровъ: „Когда, князь, поѣдешь въ Новгородъ, тогда тебѣ дары брать по постояніямъ (станціямъ); когда же поѣдешь изъ Новгорода, тогда дара тебѣ не надобно". Въ мартѣ пріѣхалъ въ Москву владыка Ѳеофилъ съ боярами просить объ освобожденіи заточенныхъ Новгородцевъ: Іоаннъ угостилъ владыку, но изъ заточенныхъ не отпустилъ ни одного. Между тѣмъ многимъ понравилось искать защиты отъ обидъ на судѣ великокняжескомъ; ждать

Іоанна, когда онъ опять пріѣдетъ въ Новгородъ, было долго, и вотъ забыли старинное условіе: „На низу Новгородца не судить;“ стали брать приставовъ, и являться въ назначенный срокъ въ Москву на судъ. Въ началѣ 1477 года пріѣхалъ посадникъ Захаръ Овиновъ, за приставомъ великокняжескимъ, со многими Новгородцами однимъ отвѣчать, на другихъ искать. Вслѣдъ за Овиновымъ пріѣхали другіе бояре и многіе житые люди, также поселяне, монахини, вдовы и всѣ обиженные, многое множество, искать удовлетворенія въ обидахъ и отвѣчать на жалобы другихъ. „Этого не бывало отъ начала, говоритъ лѣтописецъ, какъ земля ихъ стала, и какъ великіе князья пошли отъ Рюрика на Кіевѣ и на Владимірѣ; одинъ только великій князь Иванъ Васильевичъ довелъ ихъ до этого“.

Два шага было сдѣлано; оставалось сдѣлать третій, послѣдній. Все было приготовлено: литовская сторона, пораженная бездѣйствіемъ Казимира, безмолвствовала безъ главъ своихъ; народъ началъ смотрѣть на московскаго князя какъ на верховнаго судью; мало того, были въ Новгородѣ люди, которыхъ лѣтописецъ называетъ пріятелями великаго князя московскаго; вѣче молчало. Но оно могло заговорить при первомъ удобномъ случаѣ, при первой побѣдѣ хана Золотой или Казанской орды, и посадникъ все еще сидѣлъ въ судѣ подлѣ московскаго намѣстника: надобно было освободиться и отъ вѣча, и отъ посадника. Пріѣхали двое пословъ новгородскихъ, Назаръ Подвойскій и Захаръ вѣчевой дьякъ, которые въ челобитьи назвали Іоанна государемъ, тогда какъ прежде, съ тѣхъ поръ какъ земля ихъ стала, говоритъ лѣтописецъ, того не бывало, ни одного великаго князя государемъ не называли, а только господиномъ. Лѣтописи не сообщаютъ ясныхъ подробностей, кѣмъ собственно и какъ устроено было это дѣло. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (апрѣля 24) отправились послы изъ Москвы спросить владыку и весь великій Новгородъ: „Какого они хотятъ государства? хотятъ ли, чтобъ въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя, чтобъ тіуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя?“ Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что послы назвали Іоанна государемъ по рѣшенію владыки, бояръ, посадниковъ, но безъ вѣдома великаго Новгорода; въ другихъ говорится, что Новгородцы, услыхавъ запросъ посла московскаго, пограбили этихъ посадниковъ и бояръ, дворы, доспѣхи и

всю ратную приправу у нихъ отняли; извѣстный намъ Захаръ Овинъ оговорилъ другаго боярина Василья Никифорова, будто бы тотъ, во время поѣздки своей въ Москву, присягнулъ тамъ служить великому князю противъ Новгорода. 31 мая всталъ мятежъ, собралось вѣче, пришли на Василья Никифорова, взяли его и привели предъ народъ, который закричалъ ему: „перевѣтникъ! былъ ты у великаго князя и цѣловалъ ему крестъ на насъ!“ Василій отвѣчалъ: „цѣловалъ я крестъ великому князю въ томъ, что буду служить ему правдою и добра ему хотѣть, а не цѣловалъ я креста на государя своего великій Новгородъ и на васъ, своихъ господъ и братій“. Его убили безъ милости, изсѣкли топорами на части; но потомъ убили и Захара Овина вмѣстѣ съ братомъ у владыки на дворѣ, сына Кузьмина за-мертво оставили, схватили и двоихъ другихъ бояръ, Луку Ѳедорова и Ѳеофилакта Захарьина, но приведши на вѣче, пожаловали, взявши съ нихъ присягу, что будутъ хотѣть добра Новгороду. Съ этого времени Новгородцы взбѣсовались какъ пьяные, по выраженію лѣтописца, посредничество Псковитянъ отвергли, всякій началъ толковать свое и къ королю опять захотѣли; но пословъ московскихъ держали шесть недѣль съ честію, съ честію и отпустили, давши такой отвѣтъ великимъ князьямъ: „Вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, но государями васъ не зовемъ; судъ вашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а тіунамъ вашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ; хотимъ съ вами жить какъ договорились въ послѣдній разъ на Коростыни; кто же взялся безъ нашего вѣдома иначе сдѣлать, тѣхъ казните какъ сами знаете, и мы здѣсь будемъ ихъ также казнить, кого поймаемъ; а вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, чтобъ держали насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію“. Послы и преданные великому князю посадники отправились въ Москву и объявили здѣсь о новгородскихъ событіяхъ. Іоаннъ пришелъ къ митрополиту съ вѣстію о клятвопреступленіи Новгородцевъ: „я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются, и на насъ ложь положили“. Тоже объявилъ матери, братьямъ, боярамъ, воеводамъ, и по общему благословенію и совѣту, вооружился на отступниковъ и крестнаго цѣлованія преступниковъ Новгородцевъ.

Услыхавъ объ этихъ вооруженіяхъ, Новгородцы послали старосту одной изъ своихъ улицъ въ Москву бить челомъ объ опасной

грамотѣ для своихъ пословъ; но великій князь велѣлъ *опасчика* задержать въ Торжкѣ, и не смотря на осеннее время, спѣшилъ двинуть отвсюду многочисленные полки къ Новгороду: 30 сентября послалъ онъ туда складную грамоту, а 9 октября выѣхалъ самъ изъ Москвы, оставя здѣсь по прежнему сына. Черезъ десять дней великій князь стоялъ въ Торжкѣ: здѣсь ждали его два посланца новгородскихъ съ челобитьемъ объ опасныхъ грамотахъ, ждали его и два боярина новгородскихъ, братья Клементьевы съ челобитьемъ—о принятіи въ службу—вѣрное предвѣщаніе для успѣха! Пробывъ четыре дня въ Торжкѣ, Іоаннъ выступилъ далѣе на Вышній-Волочокъ, а отсюда пошелъ между Мстою и Яжелбицкою дорогою, и въ то же время по разнымъ другимъ дорогамъ двигались сильные полки московскіе, тверскіе, татарскіе. Прежде, когда Іоаннъ ходилъ въ Новгородъ миромъ, на станціяхъ являлись къ нему знатные Новгородцы съ подарками: теперь они являлись къ нему съ челобитьемъ о принятіи въ службу: такъ пріѣхали къ нему посадникъ Тучинъ, житый человѣкъ Савельевъ. Опасчиковъ, найденныхъ въ Торжкѣ, великій князь велѣлъ вести съ собою, и только будучи уже во 125 верстахъ отъ Новгорода, у Спаса на Еглинѣ, велѣлъ имъ явиться предъ себя и далъ опасную грамоту. Но если великій князь спѣшилъ походомъ, то Новгородцы спѣшили миромъ, и, не дожидаясь прежнихъ двухъ опасчиковъ, выслали третьяго; Іоаннъ объявилъ ему, что опасъ уже данъ, а самъ уже между тѣмъ, на Полинахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода, урядилъ полки какъ быть въ большомъ полку или въ великокняжескомъ, какъ въ передовомъ, какъ въ правой и лѣвой рукѣ, и отпустилъ войска къ Новгороду, съ приказаніемъ занять Городище и монастыри, чтобъ Новгородцы не сожгли ихъ. Находясь въ 50 верстахъ отъ Новгорода, у Николы въ Тухолѣ, Іоаннъ послалъ приказъ Псковичамъ идти на Новгородъ ратью съ пушками, пищалями, самострѣлами, со всею приправой, съ чѣмъ къ городу приступить, стать на устьѣ Шелони и дожидаться дальнѣйшихъ приказаній. Въ 30 верстахъ отъ Новгорода, на Сытинѣ, 23 ноября явились къ Іоанну владыка Ѳеофилъ съ посадниками и житыми людьми, и сталъ бить челомъ: „Господинъ государь князь великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи! ты положилъ гнѣвъ свой на отчину свою, на Великій Новгородъ, мечъ твой и огонь ходятъ по новгородской землѣ, кровь христіанская льется, смилуйся надъ отчиною

своею, мечъ уйми, огонь утоли, чтобъ кровь христіанская не лилась: господинъ государь пожалуй! Да положилъ ты опалу на бояръ новгородскихъ и на Москву свелъ ихъ въ свой первый пріѣздъ: смилуйся, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Новгородъ великій". Великій князь не отвѣчалъ посламъ ни слова, но позвалъ ихъ обѣдать. На другой день ходили они къ брату великокняжескому Андрею меньшему съ подарками, чтобъ просилъ брата за Новгородъ, и потомъ пришли къ великому князю съ просьбою, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ съ боярами поговорить: великій князь выслалъ къ нимъ троихъ бояръ на говорку. Послы предложили имъ такія условія, чтобъ великій князь ѣздилъ въ Новгородъ на четвертый годъ и бралъ по 1000 рублей; велѣлъ бы судъ судить намѣстнику своему и посаднику въ городѣ, а чего они не управятъ, тому бы самъ князь великій управу чинилъ, когда пріѣдетъ на четвертый годъ, а чтобы позвовъ на Москву не было; чтобъ князь великій не велѣлъ своимъ намѣстникамъ владычнихъ судовъ судить и посадничьихъ; чтобъ великокняжескіе подданные въ тяжбахъ своихъ съ Новгородцами судились предъ намѣстникомъ и посадникомъ въ городѣ, а не на городищѣ" [20].

Вмѣсто отвѣта великій князь велѣлъ воеводамъ своимъ придвинуться къ Новгороду, занять Городище и подгородные монастыри и получивъ вѣсть, что приказаніе его исполнено, велѣлъ сказать посламъ: „Сами вы знаете, что посылали къ намъ Назара Подвойскаго и Захара вѣчеваго дьяка, и назвали насъ великихъ князей себѣ государями; мы великіе князья, по вашей присылкѣ и челобитью, послали бояръ спросить васъ: какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что пословъ съ тѣмъ не посылывали, и говорили, что мы васъ притѣсняемъ. Но кромѣ того, что вы объявили насъ лжецами, много и другихъ вашихъ къ намъ неисправленій и нечести. Мы сперва поудержались, ожидая вашего обращенія, посылали къ вамъ съ увѣщаніями; но вы не послушались, и потому стали намъ какъ чужіе. Вы теперь поставили рѣчь о боярахъ новгородскихъ, на которыхъ я положилъ опалу, просили, чтобъ я ихъ пожаловалъ, отпустилъ; но вы хорошо знаете, что на нихъ билъ мнѣ челомъ весь великій Новгородъ какъ на грабителей, проливавшихъ кровь христіанскую. Я, обыскавши владыкою, посадниками и всѣмъ Новгородомъ, нашелъ, что много зла дѣлается отъ нихъ нашей отчинѣ, и хотѣлъ ихъ казнить; но ты

же, владыка, и вы, наша отчина, просили меня за нихъ, и я ихъ помиловалъ, казнить не велѣлъ, а теперь вы о тѣхъ же виноватыхъ рѣчь вставляете, чего вамъ дѣлать не годилось, и послѣ того какъ намъ васъ жаловать? Князь великій вамъ говоритъ: захочетъ великій Новгородъ бить намъ челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему намъ, великимъ князьямъ, челомъ бить".

Послы отправились назадъ въ Новгородъ, а слѣдомъ за ними двинулся туда и великій князь Ильменемъ по льду; 27 ноября сталъ онъ подъ городомъ; въ тотъ же и слѣдующіе дни подошли и всѣ другіе полки; 30 ноября Іоаннъ велѣлъ воеводамъ отпустить половину войска за кормами съ тѣмъ, чтобъ черезъ десять дней всѣ были въ сборѣ подъ Новгородомъ, послалъ торопить и псковскую рать. Новгородцамъ стало очень тяжко, потому что непріятель расположился въ ихъ посадахъ и монастыряхъ, обхвативши городъ съ обѣихъ сторонъ. Не смотря на то, они сначала сѣли всѣ въ осадѣ, устроивши себѣ по обѣ стороны Волхова и черезъ самую рѣку на судахъ стѣну деревянную. Іоаннъ видѣлъ, что они укрѣпились хорошо, что если пойти подъ стѣну, то съ обѣихъ сторонъ головы станутъ падать, и потому не хотѣлъ брать города приступомъ, а рѣшился стоять подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока голодъ и тѣснота заставятъ осажденныхъ покориться. Чтобъ въ собственныхъ полкахъ при этомъ не было ни въ чемъ недостатка, онъ приказалъ Псковичамъ прислать муки пшеничной, рыбы, меду, выслать купцовъ своихъ со всякимъ другимъ товаромъ, что и было исполнено. Въ Новгородѣ между тѣмъ народъ сталъ волноваться: одни хотѣли биться съ великимъ княземъ, а другіе покориться ему, и послѣднихъ оказалось больше, чѣмъ первыхъ. Вслѣдствіе этого, 4 декабря, явился въ московскомъ станѣ опять владыка Ѳеофилъ съ посадниками и житыми; послы били челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, указалъ своей отчинѣ, какъ Богъ положитъ ему на сердце свою отчину жаловать? Отвѣтъ былъ прежній: „Захочетъ наша отчина бить намъ челомъ, и она знаетъ, какъ бить челомъ". Послы отправились назадъ въ городъ и на другой день возвратились съ повинною, что дѣйствительно Новгородъ посылалъ въ Москву Назара да Захара называть великаго князя государемъ, и потомъ заперся.—„Если такъ, велѣлъ отвѣчать имъ Іоаннъ: если ты, владыка, и вся наша отчина великій Новгородъ сказались передъ нами виноватыми, и спрашиваете,

какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ, Новгородѣ: то объявляемъ, что хотимъ такого же государства и въ Новгородѣ, какое въ Москвѣ". Послы просили, чтобы великій князь отпустилъ ихъ въ городъ подумать, и дано имъ два дня на размышленіе. 7 декабря послы возвратились съ новыми просьбами, съ новыми уступками: чтобы великій князь велѣлъ своему намѣстнику судить съ посадникомъ; чтобы бралъ каждый годъ дань со всѣхъ волостей новгородскихъ по полугривнѣ съ сохи; чтобы держалъ пригороды новгородскіе своими намѣстниками, а судъ былъ бы по старинѣ; чтобы не было вывода и позвовъ изъ новгородской земли; чтобы государь не вступался въ боярскія земли; чтобы Новгородцамъ не было службы въ Низовую землю, чтобы защищали они только свои рубежи. Великій князь велѣлъ отвѣчать имъ: „Сказано вамъ, что хотимъ государства въ великомъ Новгородѣ такого же, какое у насъ государство въ Низовой землѣ на Москвѣ; а вы теперь сами мнѣ указываете, какъ нашему государству у васъ быть: какое же послѣ этого будетъ мое государство?" Послы отвѣчали: „мы не указываемъ, и государству великихъ князей урока не кладемъ; но пожаловали бы государи свою отчину, объявили великому Новгороду, какъ ихъ государству въ немъ быть, потому что великій Новгородъ низовскаго обычая не знаетъ, не знаетъ какъ наши государи великіе князья держатъ свое государство въ низовской землѣ".—„Государство наше таково, былъ отвѣтъ: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть; посаднику не быть, а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ Низовой землѣ, чтобъ было на чемъ намъ быть въ нашей отчинѣ, а которыя земли наши за вами, и вы ихъ намъ отдайте; вывода не бойтесь, въ боярскія вотчины не вступаемся, а суду быть по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ".

Шесть дней думали Новгородцы объ этомъ государствѣ; наконецъ 14 декабря владыка съ посадниками явился и объявилъ, что вѣчевой колоколъ и посадника Новгородцы отложили, только бы государь не выводилъ ихъ, въ вотчины ихъ, земли, воды и въ имущества не вступался, позвы отложилъ и службы имъ въ Низовую землю не наряжалъ. Великій князь всѣмъ этимъ ихъ пожаловалъ. Тогда они стали бить челомъ, чтобы государь далъ крѣпость своей отчинѣ Великому Новгороду, крестъ бы цѣловалъ; и получили въ отвѣтъ: „не быть моему цѣлованію"; просили, чтобы бояре цѣло-

вали крестъ,—и въ томъ получили отказъ; просили, чтобы, по крайней мѣрѣ, будущій намѣстникъ присягнулъ,—отказано и въ этомъ; наконецъ просили, чтобы великій князь позволилъ имъ возвратиться въ городъ и опять подумать—и этого позволенія не дано. Прошло тринадцать дней, прошелъ праздникъ Рождества Христова—владыка съ посадниками все жилъ въ станѣ московскомъ, а между тѣмъ послѣдній служивый князь новгородскій, Василій Васильевичъ Шуйскій, сложилъ къ Новгородцамъ крестное цѣлованіе на имя великаго князя: и Новгородцы, изъ страха предъ послѣднимъ, не смѣли ни слова молвить Шуйскому, который безопасно оставался у нихъ послѣ того два дня. Наконецъ 29 декабря владыка и другіе послы сказали боярамъ московскимъ: „Если государь не жалуетъ, креста не цѣлуетъ и опасной грамоты намъ не даетъ, то пусть самъ объявитъ намъ свое жалованье, безъ боярскихъ высылокъ". Іоаннъ велѣлъ имъ войти къ себѣ и сказалъ: „Просили вы, чтобы вывода, позва на судъ и службы въ Низовую землю не было, чтобы я въ имѣнія и отчины людскія не вступался, и чтобы судъ былъ по старинѣ; всѣмъ этимъ я васъ, свою отчину, жалую". Послы поклонились и вышли. Но скоро нагнали ихъ бояре и начали говорить: „великій князь велѣлъ вамъ сказать: Великій Новгородъ долженъ дать намъ волости и села, безъ того намъ нельзя держать государства своего въ Великомъ Новгородѣ". Послы отвѣчали: „скажемъ объ этомъ Новгороду". Новгородъ предложилъ двѣ волости: Луки Великія и Ржеву Пустую; великій князь не взялъ; предложили десять волостей: не взялъ и ихъ; тогда послы сказали, чтобы самъ великій князь назначилъ сколько ему надобно волостей. Іоаннъ назначилъ половину волостей владычнихъ и монастырскихъ и всѣ Новоторжскія, чьи бы ни были [21]. Новгородцы согласились, но просили, чтобы половина монастырскихъ волостей была взята только у шести богатыхъ монастырей, у остальныхъ же бѣдныхъ, малоземельныхъ не брать. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу; пожаловалъ и владыку: вмѣсто половины волостей взялъ у него только десять. За тѣмъ начались переговоры о дани; сначала великій князь хотѣлъ брать по полугривнѣ съ о б ж и: новгородскую обжу составлялъ одинъ человѣкъ, пашущій на одной лошади, три обжи составляли соху, пашущій на трехъ лошадяхъ и самъ-третей составлялъ также соху. Но владыка отъ всего города сталъ бить челомъ, чтобъ великій князь смиловался, бралъ бы по семи денегъ

съ трехъ обжей одинъ разъ въ годъ; Іоаннъ согласился брать однажды въ годъ по полугривнѣ съ сохи со всѣхъ волостей новгородскихъ, на Двинѣ и въ Заволочьѣ, на всякомъ, кто пашетъ землю, на ключникахъ, старостахъ и холопяхъ одерноватыхъ. Владыка просилъ также, чтобы великій князь не посылалъ по новгородскимъ волостямъ своихъ писцовъ и даньщиковъ, потому что это тяжко будетъ христіанству: положилъ государь это дѣло на новгородскую душу; Новгородцы скажутъ сами, сколько у кого будетъ сохъ, сами соберутъ дань и отдадутъ по крестному цѣлованію, безъ хитрости тому, кому великіе князья прикажутъ; а кто утаитъ хотя одну обжу и будетъ уличенъ, того пришлютъ къ государямъ на казнь. Іоаннъ исполнилъ и эту просьбу, послѣ чего велѣлъ очистить для себя дворъ Ярославовъ и объявить Новгородцамъ присяжную запись, на которой они должны были цѣловать ему крестъ. 13 января 1478 года пришелъ къ великому князю владыка со многими боярами, житыми, купцами, и принесъ присяжную запись: писалъ ее дьякъ владычній, подписалъ владыка собственною рукою и печать свою приложилъ, приложили по печати и со всѣхъ пяти концевъ. Въ тотъ же день въ станѣ цѣловали крестъ на этой записи многіе бояре, житые и купцы передъ боярами великокняжескими, которые заставили ихъ также обѣщаться на словахъ—не мстить Псковичамъ за помощь ихъ Москвѣ, не мстить тѣмъ боярамъ, и женамъ ихъ и дѣтямъ, которые служатъ великому князю, отказаться отъ пригородовъ, Двинской области и Заволочья. Присягнувши, Новгородцы просили бояръ, чтобы Іоаннъ сказалъ имъ всѣмъ вслухъ свое милостивое слово, и слово это было имъ сказано: „Дастъ Богъ впередъ тебя, своего богомольца, и отчину нашу, Великій Новгородъ, хотимъ жаловать". 15 января пріѣхалъ въ Новгородъ князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ съ четырьмя другими московскими боярами и созвалъ весь Новгородъ въ палату, а не на площадь, потому что съ этого дня вѣча уже не было болѣе въ Новгородѣ; Патрикѣевъ началъ говорить: „князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, государь нашъ, тебѣ своему богомольцу владыкѣ и своей отчинѣ Великому Новгороду говоритъ такъ: ты, нашъ богомолецъ, и вся наша отчина, Великій Новгородъ били челомъ нашимъ братьямъ, чтобы я пожаловалъ, смиловался, нелюбье съ сердца сложилъ; и я, князь великій, для братьевъ своихъ, пожаловалъ васъ, нелюбье отложилъ. И ты бы, богомолецъ нашъ, и отчина наша, на чемъ

добили намъ челомъ, и грамоту записали, и крестъ цѣловали,—то бы все исполняли; а мы васъ впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ". Послѣ этой рѣчи московскіе бояре стали приводить лучшихъ Новгородцевъ къ присягѣ на владычнемъ дворѣ, а по концамъ посланы были для этого дѣти боярскія и дьяки; цѣловали крестъ всѣ, не исключая женъ и людей боярскихъ; тутъ, при крестномъ цѣлованіи, взята была и грамота, которую Новгородцы написали и утвердили между собою за 58-ю печатями. 18 января били челомъ великому князю въ службу бояре новгородскіе и всѣ дѣти боярскія и житые люди. 20 января отправлена была въ Москву грамота, что великій князь отчину свою Великій Новгородъ привелъ во всю свою волю и учинился на немъ государемъ какъ и на Москвѣ. Намѣстниками въ Новгородѣ были назначены князь Иванъ Васильевичъ Стрига да братъ его, Ярославъ Оболенскіе, а чрезъ нѣсколько дней приданы были къ нимъ еще двое намѣстниковъ. Оболенскіе помѣстились на дворѣ Ярославовомъ, самъ же великій князь продолжалъ жить въ станѣ и два раза только выѣзжалъ въ Новгородъ для слушанія обѣдни у св. Софіи, потому что въ городѣ былъ моръ. Передъ отъѣздомъ Іоаннъ велѣлъ схватить старосту купеческаго, Марка Панфильева, боярыню Марѳу Борецкую со внукомъ ея Василіемъ Ѳедоровымъ, еще пятерыхъ Новгородцевъ, и отвезти ихъ въ Москву, имѣніе отписать на себя; забраны были и всѣ договоры, когда-либо заключенные Новгородцами съ князьями литовскими. 17 февраля тронулся Іоаннъ изъ стана, 5 марта пріѣхалъ въ Москву; за нимъ привезли изъ Новгорода вѣчевой колоколъ и подняли на колокольню на площади кремлевской звонить вмѣстѣ съ другими колоколами.

Но не вдругъ могъ забыть Новгородъ свой прежній бытъ, и противная Москвѣ сторона ждала только перваго удобнаго случая, чтобы снова подняться. Этотъ удобный случай не замедлилъ представиться, когда въ 1477 году ханъ Золотой Орды, въ союзѣ съ Казимиромъ Литовскимъ, началъ грозить Москвѣ нашествіемъ, и когда братья великаго князя хотѣли также воспользоваться этимъ случаемъ для возвращенія себѣ старыхъ удѣльныхъ правъ. Іоанну дали тайно знать, что многіе Новгородцы пересылаются съ Казимиромъ, зовутъ его къ себѣ, пересылаются и съ Нѣмцами; король обѣщалъ явиться съ полками, и послалъ, съ одной стороны, къ хану Золотой Орды, звать его на Москву, а съ другой къ папѣ

съ просьбою о денежномъ вспоможеніи для успѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе важной области къ римской церкви. Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ церквей польскихъ и литовскихъ. Іоаннъ хотѣлъ предупредить Казимира и застать врасплохъ Новгородцевъ: взявъ съ собою только тысячу человѣкъ, онъ отправился 26 октября къ Новгороду миромъ, а между тѣмъ, подъ предлогомъ войны съ Нѣмцами, велѣлъ сыну набирать войска и спѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы въ Новгородѣ не узнали о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Не смотря на то въ Бронницахъ онъ получилъ вѣсть, что Новгородцы затворились и не намѣрены пускать его миромъ. Тогда Іоаннъ дождался полковъ своихъ и приступилъ къ городу, въ которомъ по прежнему имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ: они не хотѣли биться и перебѣгали къ Москвичамъ; архіепископъ послалъ за опасною грамотою, но Іоаннъ отвѣчалъ: „Я самъ опасъ для невинныхъ и Государь вашъ; отворите ворота: когда войду въ городъ, невинныхъ ни чѣмъ не оскорблю". А между тѣмъ разрушительная стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась. Наконецъ ворота отворились, и владыка, посадникъ, тысяцкій (ибо Новгородцы поспѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старосты пяти концевъ, бояре и народъ вышли на встрѣчу къ великому князю, пали ницъ и просили прощенія. Іоаннъ благословился у архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе: „Я, государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего"! и отправился, по обычаю, къ Св. Софіи, а потомъ въ домъ Ефима Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 человѣкъ главныхъ враговъ Москвы были захвачены и пытаны. Тутъ только великій князь узналъ объ участіи владыки въ заговорѣ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ Новгородцами. Ѳеофилъ былъ взятъ и отосланъ въ московскій Чудовъ монастырь подъ стражу, богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ заговорщиковъ подвергнулись смертной казни. 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разосланы по низовымъ городамъ. Но и этимъ дѣло не кончилось: въ 1481 году схвачены было четверо новгородскихъ бояръ; вражда сторонъ продолжалась и слѣдствіемъ было то, что въ 1484 году сами же Новгородцы прислали доносъ въ Москву, что нѣкоторые изъ нихъ согражданъ пересылались съ королемъ; по этому доносу человѣкъ

тридцать большихъ и житыхъ людей было схвачено, домы ихъ разграблены, сами подвергнуты пыткѣ; когда ихъ приговорили къ смертной казни, то передъ висѣлицею стали они прощаться другъ съ другомъ и каяться, что напрасно клепали другъ друга на пыткѣ. Услыхавъ объ этомъ, великій князь не велѣлъ ихъ вѣшать, но велѣлъ сковать и посадить въ тюрьму, а женъ и дѣтей ихъ послать въ заточеніе. Въ то же время была схвачена и разграблена Настасья, славная и богатая, по выраженію лѣтописца, взятъ и пограбленъ былъ также Иванъ Кузьминъ, который во время новгородскаго взятія съ тридцатью слугами убѣжалъ въ Литву; но король не оказалъ ему никакой милости, слуги отстали отъ него, и онъ самъ третей прибѣжалъ назадъ въ Новгородъ, гдѣ и былъ схваченъ. Въ томъ же 1484 году принужденъ былъ по болѣзни оставить архіепископію владыка Сергій, посвященный въ Новгородъ на мѣсто Ѳеофила изъ старцевъ Троицкаго Сергіева монастыря. Московскіе лѣтописцы говорятъ, что Новгородцы не хотѣли покориться Сергію, ибо онъ не по ихъ мысли ходилъ: не могши ничего сдѣлать надъ нимъ явно, они волшебствомъ отняли у него умъ, говоря, что Іоаннъ чудотворецъ наказалъ его. Новгородскіе же и псковскіе лѣтописцы разсказываютъ, будто бы Сергій сталъ притѣснять игумновъ и священниковъ, ввелъ новыя пошлины, будто бы заѣхавъ на дорогѣ въ Сковородскій Михайловскій монастырь, отъ гордости, потому что пріѣхалъ изъ Москвы къ гражданамъ плѣненнымъ, не захотѣлъ вскрыть гробъ похороненнаго тутъ новгородскаго владыки Моисея, и будто бы съ этихъ поръ нашло на него изумленіе: иногда видали какъ онъ сидѣлъ на Евфимьевской паперти въ одной ряскѣ, безъ мантіи, а иногда видали его въ полдень сидящимъ въ томъ же видѣ у Св. Софіи. По другому разсказу новгородскіе владыки начали являться Сергію то во снѣ, то на яву, съ укоромъ, какъ онъ смѣлъ принять святительское поставленіе при жизни своего предшественника, не уличеннаго въ ереси, но изгнаннаго неправдою; когда же онъ презрѣлъ этими укорами, то невидимая сила поразила его и на нѣкоторое время лишила употребленія языка. Въ 1487 году переведено изъ Новгорода въ Владиміръ 50 семей лучшихъ купцовъ. Тогда же выѣхала изъ Новгорода и московская ратная сила, стоявшая здѣсь 17 недѣль. Въ 1488 году привели изъ Новгорода въ Москву больше семи тысячъ житыхъ людей за то, что хотѣли убить намѣстника велико-

княжескаго Якова Захарьича; нѣкоторыхъ Яковъ казнилъ еще въ Новгородѣ, другихъ казнили въ Москвѣ, остальныхъ отправили на житье въ Нижній, Владиміръ, Муромъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другіе города; на ихъ мѣсто посланы въ Новгородъ изъ Москвы и другихъ городовъ низовыхъ дѣти боярскія и купцы [22].

Въ одно время съ окончательнымъ прекращеніемъ новгородскихъ смутъ чрезъ выводъ лучшихъ гражданъ, окончательно усмирена и древняя колонія новгородская, Вятка, и тѣмъ же самымъ средствомъ. Еще въ 1466 году Вятчане ратью прошли мимо Устюга на Кокшенгу, утаившись отъ городскихъ сторожей; шли по Сухонѣ рѣкѣ вверхъ, воевали Кокшенгу, а назадъ шли Вагою внизъ. Намѣстникъ устюжскій Сабуровъ послалъ гонца въ Москву съ вѣстію объ этомъ, и великій князь велѣлъ перехватить Вятчанъ. Сабуровъ дѣйствительно перенялъ ихъ подъ Гледеномъ, но Вятчане дали ему хорошіе подарки и, простоявши три дня, спокойно отправились домой. Въ 1469 году, во время похода на Казань, московскіе воеводы требовали отъ Вятчанъ, чтобъ шли съ ними вмѣстѣ, и получили отвѣтъ: „казанскій ханъ неволею заставилъ насъ поклясться, что не будемъ помогать ни ему на великаго князя, ни великому князю на него“; на второе же требованіе воеводъ Вятчане отвѣчали, что когда пойдутъ въ походъ братья великаго князя, тогда пойдутъ и они. Не знаемъ, какое слѣдствіе имѣло для Вятчанъ такое поведеніе ихъ; знаемъ только, что не помогши противъ Казани, они помогли Москвѣ противъ Новгорода. Въ 1485 году повторилось прежнее явленіе: во время похода на Казань, Вятчане, по словамъ лѣтописца, отступили отъ великаго князя, который послалъ на нихъ воеводу Юрія Кутузова съ большою силою, тотъ помирился съ ними и они опять возвратились въ Московское подданство; но подъ слѣдующимъ годомъ другой лѣтописецъ разсказываетъ, что Вятчане приходили на Устюгъ и стояли подъ городомъ Осиновцемъ, но что воевода ихъ Костя начальствовалъ ими по неволѣ, и, воспользовавшись случаемъ, ушелъ въ Осиновецъ, а оттуда въ Москву. Митрополитъ два раза писалъ къ Вятчанамъ увѣщательныя грамоты: „называетесь вы именемъ христіанскимъ, писалъ онъ, а живете хуже нечестивыхъ: святую церковь обижаете, законы церковные старые раззоряете, господарю великому князю грубите и пристаете къ его недругамъ издавна,

съ поганствомъ соединяетесь, да и одни, сами собою, отчину великаго князя воюете безпрестанно, христіанство губите, церкви раззоряете, а челомъ государю за свою грубость не бьете. Великій князь васъ жаловалъ, слушаясь нашего смиренія, потому что я молилъ его о васъ со многими слезами: но отъ васъ нѣтъ никакого исправленія. И я теперь уже въ послѣдній разъ послалъ къ вамъ: бейте челомъ великому князю за свою грубость, пограбленное все отдайте, плѣнныхъ отпустите. Если же не послушаете насъ, то кровь христіанская вамъ отольется; священники ваши церкви Божіи затворятъ и пойдутъ вонъ изъ земли; если же такъ не сдѣлаютъ, то будутъ и сами отъ насъ прокляты". —Увѣщанія митрополита не помогли, и въ 1489 году, подчинивши себѣ Казань, великій князь послалъ на Вятчанъ шестидесятичетырехтысячную рать подъ начальствомъ двухъ главныхъ воеводъ: князя Даніила Щени и Григорія Морозова. 16 августа воеводы подступили подъ Хлыновъ, а на другой день Вятчане, большіе люди, вышли бить имъ челомъ, чтобъ рать земли вятской не воевала, „а мы великому князю челомъ бьемъ, покоряемся на всей его волѣ, дань даемъ и службу служимъ". Воеводы отвѣчали: „цѣлуйте же крестъ великому князю отъ мала до велика, а измѣнниковъ и крамольниковъ выдайте головами: Ивана Аникіева, Пахомья Лазарева, Палку Богодайщикова". Вятчане сказали на это. „Дайте намъ, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажемъ всей землѣ вятской". Срокъ имъ дали, Вятчане думали два дня, но на третій отказали воеводамъ, что не выдадутъ тѣхъ трехъ человѣкъ. Тогда воеводы велѣли всей силѣ своей готовиться къ приступу: ставить по городу плетень, запасаться смолою и берестою; но Вятчане, видя свою погибель, добили челомъ на всей волѣ великаго князя, и выдали измѣнниковъ. Воеводы развели всю Вятку, взяли лучшихъ людей, купцовъ и отправили ихъ съ женами и дѣтьми въ Москву. Великій князь велѣлъ Аникіева, Лазарева и Богодайщикова бить кнутомъ и повѣсить, а другихъ Вятчанъ пожаловалъ, далъ имъ помѣстья въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ, и написались они въ слуги великому князю, купцовъ же поселили въ Дмитровѣ. Вмѣстѣ съ Вятчанами привезены были въ Москву и туземные вотякскіе или арскіе князья; но великій князь отпустилъ ихъ на родину [23].

Псковъ удержалъ на время свою старину, благодаря постоянному старанію угодить великому князю, покорностію утишать гнѣвъ его.

Еще Василій Темный не задолго до кончины своей прислалъ во Псковъ намѣстникомъ князя Владиміра Андреевича не по псковскому прошенію, не по старинѣ; Псковичи однако приняли его съ честію и посадили на княженіе. Но въ слѣдующій годъ,—годъ вступленія на престолъ Іоанна III,—они выгнали князя Владиміра, потому что пріѣхалъ не по старинѣ, Псковичами не позванъ, и на народъ не благъ. Столкнутый со ступени на вѣчѣ, съ безчестіемъ поѣхалъ Владиміръ въ Москву жаловаться великому князю, поѣхали за нимъ и псковскіе послы оправдываться. Три дня Іоаннъ не пускалъ ихъ къ себѣ на глаза, наконецъ принялъ ихъ челобитье и велѣлъ сказать Пскову: „Какого князя Псковичи захотятъ, и я имъ его дамъ, пусть пришлютъ ко мнѣ грамоту съ бояриномъ". Псковичи выпросили себѣ князя Ивана Александровича Звенигородскаго, потомъ князя Θедора Юрьевича, которому дали держать намѣстниковъ на двѣнадцати пригородахъ, тогда какъ прежде княжіе намѣстники бывали только на семи пригородахъ. Мы видѣли, какъ безпрекословно принимали Псковичи рѣшенія великаго князя и митрополита касательно отношеній своихъ къ новгородскому владыкѣ, какъ потомъ безпрекословно ходили на Новгородъ вмѣстѣ съ полками московскими. Іоаннъ твердилъ псковскимъ посламъ: „какой мой князь будетъ вамъ надобенъ въ намѣстники, того я къ вамъ отпущу, только не безчестите тѣхъ намѣстниковъ, которые будутъ дурно съ вами поступать: мое дѣло ихъ наказывать, а я васъ свою отчину жалую". Помня этотъ наказъ, Псковичи въ 1472 году послали къ великому князю просить къ себѣ въ намѣстники князя Ивана Стригу-Оболенскаго, потому что князь Θедоръ Юрьевичъ началъ дурно вести себя во Псковѣ и самъ сталъ засылать грамоты къ великому князю. Узнавши, что Псковичи послали въ Москву жаловаться на него и просить себѣ другаго князя, Θедоръ на другой же день вышелъ на вѣче, сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и выѣхалъ изъ города. Псковичи, чтобъ оправдать себя вполнѣ въ глазахъ Іоанна, послали посадника, дѣтей боярскихъ и сотскихъ провожать съ честію князя Θедора до рубежа, съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ; но какъ скоро Θедоръ подъѣхалъ къ границѣ, то силою завелъ за нее псковскихъ провожатыхъ, отнялъ лошадей, самихъ ограбилъ и чуть-чуть не нагихъ отпустилъ во Псковъ. Іоаннъ далъ Псковичамъ брата Стригина, князя Ярослава Васильевича Оболенскаго,

потому что Стрига ему самому былъ нуженъ [24]. Въ 1474 году, оказавъ Пскову дѣятельную помощь противъ Нѣмцевъ, Іоаннъ ждалъ большихъ пословъ съ благодарностію, но вмѣсто нихъ пріѣхалъ гонецъ. Гонецъ этотъ возвратился во Псковъ съ вѣстію, что великій князь сильно сердитъ; тогда Псковичи послали къ своему государю въ Москву князя намѣстника Ярослава Васильевича, троихъ посадниковъ, бояръ изо всѣхъ концевъ, и поминку 100 рублей; но Іоаннъ сослалъ ихъ съ подворья, на глаза къ себѣ не пустилъ, дара не принялъ, и послы, простоявши пять дней шатромъ на полѣ, безъ отвѣта пріѣхали назадъ во Псковъ. Въ слѣдъ за ними пріѣхалъ посолъ великокняжескій съ приказомъ Пскову сейчасъ же отправлять новыхъ пословъ въ Москву, и поѣхали трое другихъ посадниковъ, повезли 150 рублей въ подарокъ; этихъ пословъ Іоаннъ принялъ и далъ такой отвѣтъ: „радъ свою отчину по старинѣ [25] держать, если мнѣ положите прежнихъ великихъ князей грамоты пошлинныя".

Это было въ концѣ лѣта, а въ концѣ осени пріѣхалъ во Псковъ изъ Москвы намѣстникъ князь Ярославъ и началъ просить у Пскова судъ держать не по псковской старинѣ [26]. Псковичи отправили въ Москву пословъ со старыми грамотами, но великій князь, посмотрѣвши въ грамоты, сказалъ: „это грамоты не самихъ князей великихъ, и вы бы исполнили все то, чего князь Ярославъ проситъ". Псковичи отвѣчали: „намъ нельзя такъ жить, какъ теперь проситъ князь Ярославъ не по нашимъ старинамъ". Іоаннъ обѣщалъ прислать во Псковъ своего посла для рѣшенія дѣла, которое тянулось уже цѣлый годъ. Въ концѣ 1475 года великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ на судъ и на управу; въ то время какъ онъ осудилъ новгородскихъ посадниковъ и бояръ, явилось къ нему четверо посадниковъ псковскихъ съ 50-ю рублями дара и съ челобитьемъ, чтобы держалъ Псковъ по старинѣ. Іоаннъ велѣлъ посламъ дожидаться ихъ князя Ярослава, которому Псковичи дали 20 рублей, чтобы просилъ за нихъ великаго князя; но Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, сталъ жаловаться Іоанну на посадниковъ и на Псковъ; вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали во Псковъ послы великокняжескіе и объявили вѣчу: „просите прощенія у князя Ярослава, въ чемъ предъ нимъ провинились, и дайте ему всѣ суды и пошлины, которыхъ онъ проситъ [27]; если же не сдѣлаете такъ, то будете вѣдаться съ государемъ вашимъ, великимъ княземъ; онъ

далъ намъ только пять дней срока пріѣхать и отъѣхать“. Псковичи исполнили требованіе великаго князя и дали на вѣчѣ Ярославу 130 рублей, за все сполна.

Ярославъ началъ пользоваться псковскими уступками, и въ половинѣ 1476 года бояре изъ всѣхъ концовъ поѣхали на Москву съ грамотою жалобною, бить челомъ съ плачемъ великому князю, чтобы сослалъ съ своей отчины князя Ярослава, а далъ бы ей князя Ивана Александровича Звенигородскаго, потому что князь Ярославъ притѣсняетъ весь Псковъ, а намѣстники его то же дѣлаютъ по пригородамъ и волостямъ. Великій князь обѣщалъ прислать своего посла разобрать дѣло; но Псковичи боялись, что на этомъ судѣ будетъ больше обращаться вниманія на донесенія князя Ярослава, чѣмъ на ихъ старины. Между тѣмъ во Псковѣ, вслѣдствіе всеобщаго озлобленія на князя Ярослава, вспыхнуло волненіе, какого, по словамъ лѣтописца, никогда не бывало, ни при одномъ князѣ: везъ какой-то Псковичь съ огорода капусту черезъ торгъ, мимо княжескаго двора; одинъ изъ княжескихъ слугъ схватилъ кочанъ и далъ княжому барану, и за это началась ссора у Псковичей съ княжедворцами; отъ ссоры дѣло дошло до драки; слуги [28] намѣстничьи стали колоться ножами, Псковичи отбиваться камнями; княжедворцы пошли на весь міръ съ ножами на торгъ, а иные съ луками, и начали стрѣлять, другіе ножами колоться, Псковичи оборонялись кто камнемъ, кто деревомъ и убили княжескаго повара: самъ князь Ярославъ пьяный въ панцырѣ выскочилъ и началъ стрѣлять. Вѣсть о побоищѣ пронеслась по всему городу, и вотъ пошли на торгъ посадники, бояре, житые люди съ оружіемъ; но уже время было къ вечеру, и князь съ своими слугами пошелъ на сѣни, укрощенный добрыми людьми, разошлись и Псковичи, изъ которыхъ многіе умерли отъ ранъ. Ночью однако вооруженные посадники и житые люди всѣмъ Псковомъ держали стражу на торгу, слыша отъ княжихъ слугъ угрозу, что зажгутъ городъ и во время пожара будутъ бить Псковичей. На другое утро Псковичи поставили вѣче, и отреклись князю Ярославу, стали провожать его изъ Пскова, а къ великому князю послали грамоту, прописавъ въ ней все, что случилось; но Ярославъ изъ Пскова не ѣдетъ, дожидается посла отъ великаго князя, и Псковичи ждутъ того же, Ярославу ничего не дѣлаютъ, не мстятъ ему за его насилія. Наконецъ явились изъ Москвы два боярина съ такими рѣчами: „Псковичи на

князя Ярослава жаловались: а прежде, какъ великій князь былъ въ Новгородѣ, они на него не жаловались; тогда какъ князь Ярославъ и тогда на Псковъ жаловался, и прежде, и теперь опять жалуется; если Псковичи не выдадутъ людей, осужденныхъ по пригородамъ, то великій князь, моля Бога и Пречистую его Матерь, самъ все исправитъ; а Ярослава князь великій оставляетъ на столѣ во Псковѣ". Двѣ недѣли бояре толковали со Псковомъ, выпрашивали тѣхъ людей которыхъ намѣстники Ярославовы безъ суда поковали, а Псковъ расковалъ, и тѣхъ, которые князю какое слово молвили; Псковичи не выдали ихъ и дали такой отвѣтъ: „которыхъ людей вы у насъ головами выпрашиваете, тѣхъ не можемъ выдать по старинѣ и пошлинѣ, какъ бывало при прежнихъ господаряхъ, то люди правые; а что вы князя Ярослава у насъ на столѣ сажаете, то вѣдаетъ государь нашъ князь великій, а мы съ Ярославомъ быть не можемъ, если онъ также будетъ насильничать какъ и прежде; пошлемъ еще пословъ бить челомъ нашимъ государямъ о старинахъ". Старшему послу Ивану Товаркову Псковичи дали 15 рублей, дьяку 5 рублей, младшему послу Юрію Шестаку 10 рублей; но Юрій десяти рублей не принялъ. И все это псковское добро ихъ не тронуло, говоритъ лѣтописецъ: пріѣхавши на рубежъ всѣхъ провожатыхъ ограбили, лошадей и платье отняли, самихъ прибили, да и деньги отняли; давно въ Псковѣ не бывало такихъ пословъ; ничѣмъ ихъ нельзя было удобрить, въ двѣ недѣли стоили они 60 рублей кромѣ даровъ. Мы видѣли, что Псковичи обѣщали отправить новыхъ пословъ къ Іоанну бить челомъ о сохраненіи старины; великій князь заставилъ этихъ пословъ дожидаться четыре недѣли, и наконецъ далъ такой отвѣтъ: „Если Псковичи на дворъ нашего намѣстника, а своего князя, нападали, то сами изъ старины выступили, а не я князь великій". Въ февралѣ 1477 года князь Ярославъ получилъ изъ Москвы грамоту, въ которой приказывалось ему ѣхать туда со всѣмъ дворомъ, а въ Псковѣ не оставлять никого. Псковичи со страхомъ ожидали, что изъ этого будетъ? и хотя такого злосердаго князя еще у нихъ не было, однако высылали ему на всякій станъ кормъ изъ города съ честію; а онъ нарочно на сорока верстахъ ночевалъ пять ночей, чтобы по больше изубытчить псковскую волость, на послѣднемъ же станѣ схватилъ и отвелъ 18 человѣкъ приставовъ, которые возили къ нему съѣстные припасы и чествовали его. Псковичи впрочемъ боя-

лись напрасно: Іоаннъ собирался въ это время покончить съ Новгородомъ, потому принялъ милостиво псковскихъ пословъ, привезшихъ ему въ даръ 100 рублей, и сказалъ имъ, что пришлетъ во Псковъ своихъ бояръ, которые устроятъ всѣ дѣла; захваченныхъ Ярославомъ людей всѣхъ отпустилъ, а самаго Ярослава не пустилъ къ себѣ на глаза во все то время, какъ псковскіе послы были въ Москвѣ. Намѣстникомъ во Псковъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій.

Въ награду за помощь противъ Новгорода великій князь прислалъ во Псковъ поклонъ и позолоченный кубокъ; посолъ его, Василій Китай, объявилъ отъ его имени на вѣчѣ: „Я, князь великій, хочу держать васъ, свою отчину, въ старинѣ; а вы бы также слово наше и жалованье держали честно; знайте это и помните". Псковичи отправили къ нему своихъ пословъ бить челомъ за жалованье и за подарокъ, и вмѣстѣ жаловаться на пословъ, что по дорогѣ, по станамъ и по подворью въ городѣ обижаютъ жителей, подарковъ просятъ не по псковской силѣ, съ гнѣвомъ и со враждою, а что имъ Псковъ съ челобитьемъ начнетъ на вѣчѣ давать, того не принимаютъ, съ вѣча бѣгаютъ, и въ сердцахъ много причиняютъ христіанамъ убытковъ и истомы. Но великій князь за эту жалобу только разсердился на Псковъ, потому что бояре сказали ему совсѣмъ другое. Псковичи немного выиграли отъ перемѣны намѣстника: Василій Шуйскій, по словамъ лѣтописца, былъ князь невоинственный и грубый, только и зналъ, что пилъ да грабилъ, и много всей землѣ грубости надѣлалъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ смѣненъ былъ Шуйскій и на его мѣсто присланъ опять князь Ярославъ Васильевичъ Оболенскій, при которомъ съ 1483 года начались опять сильныя волненія: Псковичи посѣкли дворы у шести посадниковъ и у многихъ другихъ; въ слѣдующемъ году сельскіе жители, смерды отказались исполнять свои обычныя работы для города. Псковичи посадили троихъ изъ нихъ въ тюрьму, и тогда же закликали посадниковъ и написали на нихъ мертвую грамоту, т.-е. объявили осужденными на смертную казнь за то, что они вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ написали новую грамоту и положили ее въ ларь, безъ псковскаго вѣдома; одного изъ посадниковъ, Гаврилу, убили на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ. Опять слѣдовательно Псковичи накликали на себя гнѣвъ великокняжескій, и когда въ концѣ 1484 года послы ихъ пріѣхали въ Москву съ челобить-

емъ, чтобъ ихъ держали въ старинѣ, то Іоаннъ съ сердцемъ приказалъ смердовъ отпустить, посадниковъ откликать, имѣніе ихъ отпечатать, а у князя Ярослава просить прощенія. „Тогда только можете мнѣ бить челомъ, тогда я о вашемъ добрѣ стану думать", сказалъ великій князь. Послы возвратились и объявили на вѣчѣ приказъ Іоанновъ; но черные люди не повѣрили, и отправили въ Москву новыхъ пословъ, которые пріѣхали съ прежнимъ отвѣтомъ. Черные люди и этимъ не повѣрили, говоря, что послы согласились объявлять все одно и тоже по челобитью посадниковъ, сбѣжавшихъ въ Москву, потворствуютъ имъ; видно, что и во Псковѣ, какъ въ Новгородѣ, было раздѣленіе на двѣ стороны: сторону лучшихъ и сторону меньшихъ людей. Всталъ сильный мятежъ, началась брань между лучшими людьми—посадниками, боярами, житыми и чернью: первые хотѣли исполнить требованіе великаго князя, отпустить смердовъ, откликать посадниковъ, выкинуть изъ ларя мертвую грамоту и бить челомъ князю Ярославу, чтобъ ходатайствовалъ за нихъ въ Москвѣ: боялись они отъ великаго князя казни, потому что безъ повелѣнія предъ его посломъ смерда казнили и посадника Гаврилу убили. Но черные люди молодые говорили имъ: „мы во всемъ правы, и не погубитъ насъ за это князь великій, а вамъ не вѣримъ, и князю Ярославу не за что намъ челомъ бить". Послѣ долгихъ споровъ, отправили въ Москву двоихъ гонцовъ изъ молодыхъ (незначительныхъ) людей, съ такими рѣчами: „Какъ намъ, господарь, укажешь, и мы все по твоей волѣ сдѣлаемъ съ смердами и посадниками; а потомъ наши большіе послы будутъ съ челобитьемъ". Все это черные люди сдѣлали на перекоръ посадникамъ и житымъ, послали не исполнивши ничего, что приказывалъ великій князь. Но двое гонцовъ ихъ были убиты въ Тверской землѣ разбойниками; тогда весною 1485 года Псковичи послали въ Москву посадниковъ и бояръ, на челобитье которыхъ великій князь отвѣчалъ съ большимъ гнѣвомъ: „Если моя вотчина приказъ мой исполнитъ, и потомъ станетъ просить прощенія, то я буду васъ жаловать какъ должно". На этотъ разъ Псковичи послушались, отпустили смердовъ, мертвую грамоту изъ ларя выкинули, имѣніе и дворы отпечатали. Осенью отправились опять въ Москву посадники и бояре вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ, и повезли 150 рублей; великій князь пожаловалъ, объявилъ имъ, что отчину свою будетъ держать въ старинѣ. Это уже

четвертые послы, говоритъ лѣтописецъ, да пятыхъ разбойники тверскіе убили; а все это слали Псковичи по дѣлу о смердахъ, и много убытка потерпѣли, рублей 1000 издержали, да вся земля мялась два года. Но и этимъ дѣло не кончилось; спустя немного времени случилось одному священнику разбирать грамоты у наровскихъ смердовъ, и нашелъ онъ ту грамоту, въ которой говорилось, какъ смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю и Пскову дань давать и всякія работы урочныя отправлять; отъ этой-то грамоты и произошла вся бѣда, потому что смерды, утаивши ее, не пошли на работу; Псковичи не знали, какъ бывало въ старину, а смерды обманули великаго князя, насказали ему все не такъ. Смердъ, увидавши грамоту въ рукахъ священника, вырвалъ ее у него; священникъ объявилъ объ этомъ, и Псковичи посадили смерда подъ стражу; съ тѣхъ поръ начали являться къ посадникамъ и ко всему Пскову изъ города, пригородовъ и волостей челобитчики на самого князя Ярослава и на его намѣстниковъ. Посадники и весь Псковъ набрали безчисленное множество жалобъ, написали грамоты, и отправили лѣтомъ 1486 года пословъ въ Москву, посадниковъ, бояръ да обиженныхъ по два человѣка съ пригорода. Послы пріѣхали бить челомъ великому князю и объявили о смердѣ, что грамоту утаилъ: „Мы теперь его подъ стражею держимъ, и какъ намъ, господарь, укажешь?“ Великій князь, взглянувъ на нихъ ярымъ окомъ, сказалъ: „Давно ли я вамъ простилъ за дѣло о смердахъ, а теперь вы опять начинаете?“ и не принялъ ни одной жалобы на Ярослава. Это было послѣднее, занесенное въ лѣтопись посольство изъ Пскова въ Москву по дѣламъ внутренняго управленія [29].

И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени только, потому что на самомъ дѣлѣ безпрекословно подчинялась распоряженіямъ великаго князя московскаго. Мы видѣли, что это подчиненіе началось еще при Василіи Темномъ, который взялъ къ себѣ на воспитаніе малолѣтняго рязанскаго князя Василія, а для управленія Рязанью назначилъ своихъ намѣстниковъ. Въ 1464 году Іоаннъ III отпустилъ молодаго князя въ Рязань; но Василій скоро возвратился въ Москву для того, чтобъ жениться здѣсь на сестрѣ великокняжеской, Аннѣ. Въ 1483 году онъ умеръ, оставя двоихъ сыновей, Ивана и Ѳеодора, и въ томъ же году первый, какъ великій князь рязанскій, заключилъ договоръ съ Іоанномъ московскимъ и его родственниками [30]: великій князь рязанскій обязывается считать

себя младшимъ братомъ Іоанна III и сына его, и приравнивается къ удѣльному московскому князю, Андрею Васильевичу; обязывается быть заодно на всѣхъ враговъ Москвы и не сноситься съ лиходѣями ея князя; съ великими князьями литовскими не заключать договоровъ, не ссылаться на лихо Москвѣ, не отдаваться съ землею къ нимъ въ зависимость. Теперь въ договорахъ нашихъ князей мѣсто ордынскихъ отношеній заступаютъ отношенія къ служебнымъ татарскимъ царевичамъ, появившимся, какъ мы видѣли, со временъ Темнаго. Великій князь рязанскій обязывается, по примѣру дѣда и отца, давать извѣстное количество денегъ на содержаніе царевичей, но не долженъ заключать съ ними договоровъ, ссылаться съ ними ко вреду московскаго князя; долженъ жить съ ними по договору послѣдняго. Слѣдовательно татарскіе царевичи находятся въ службѣ одного московскаго великаго князя, какъ князя всея Руси; его одного знаютъ, съ нимъ однимъ заключаютъ договоры. Относительно князей Мещерскихъ, рязанскій князь обязывается не только не принимать ихъ къ себѣ, но даже отыскивать ихъ безъ хитрости, если они побѣгутъ отъ Іоанна, и, отыскавши, выдать ему. Въ этомъ договорѣ встрѣчаемъ новое опредѣленіе границъ московскаго и рязанскаго княжествъ; какъ трудно было съ точностію опредѣлить границы въ придонскихъ странахъ, видно изъ того, что Елецъ объявленъ за Москвою, а мѣста по рѣкѣ Мечѣ въ общемъ владѣніи [31].

Мы видѣли, что у великаго князя рязанскаго, Ивана, былъ младшій братъ, удѣльный князь Ѳедоръ; старшій братъ, по благословенію отцовскому, получилъ Переяславль Рязанскій, Ростиславль и Пронскъ; младшій—Перевитскъ и Старую Рязань. Въ 1496 году оба брата заключили между собою договоръ, изъ котораго мы видимъ, что въ одно и то же время во всѣхъ русскихъ княжествахъ отношенія между князьями опредѣлялись точно также, какъ и въ московскомъ княжествѣ. Великій князь рязанскій, который въ договорѣ съ Іоанномъ III, приравненъ къ удѣльному московскому, въ договорѣ съ своимъ удѣльнымъ, съ своимъ младшимъ братомъ, требуетъ, чтобъ тотъ „его великое княженіе держалъ честно и грозно безъ обиды“, а самъ обѣщается: „мнѣ, великому князю, тебя жаловать и заботиться мнѣ (печаловаться) о тебѣ и о твоей отчинѣ. И тебѣ подо мною великаго княженія не хотѣть, ни твоимъ дѣтямъ подъ моими дѣтьми“. Доказательствомъ, какъ ослабѣли родовыя

понятія, и какъ наоборотъ усилились понятія объ отдѣльной собственности, о произволѣ владѣльца распоряжаться своею собственностію, служитъ то, что рязанскіе князья считаютъ необходимымъ внести въ свой договоръ слѣдующее условіе: „Не будетъ у меня дѣтей, и мнѣ, великому князю, великимъ княженіемъ благословить тебя своего брата; а не будетъ у тебя дѣтей, и тебѣ, моему брату, своей отчины не отдать никакою хитростью мимо меня, великаго князя" [32]. Въ условіи не было сказано, чтобъ Ѳедору не отдавать своей отчины мимо дѣтей старшаго брата, и Ѳедоръ, переживши послѣдняго и умирая бездѣтнымъ, счелъ себя въ правѣ отказать свой удѣлъ, мимо племянника, великому князю московскому [33]. Старшій братъ, великій князь Иванъ, умеръ въ 1500 году, оставя пятилѣтняго сына, именемъ также Ивана, подъ опекою матери и бабки. Каковы были тогдашнія отношенія Рязани къ Москвѣ въ это время, видно изъ слѣдующаго наказа, даннаго Іоанномъ III Якову Телешову, который провожалъ чрезъ рязанскія владѣнія каѳинскаго посла. Телешовъ долженъ былъ поклониться великой княгинѣ рязанской Агриппинѣ и сказать ей отъ великаго князя московскаго: „Твоимъ людямъ служивымъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и сельскимъ быть всѣмъ на моей службѣ; а торговымъ людямъ, лучшимъ, среднимъ и чернымъ быть у тебя въ городѣ; если же кто ослушается и пойдетъ на Донъ, такихъ ты велѣла бы казнить, а не станешь казнить, такъ я велю ихъ казнить и продавать" [34].

Рязань, т. е. волости переяславская, ростиславльская и пронская, благодаря родственнымъ связямъ, малолѣтству князей и опекѣ княгинь, безпрекословно исполнявшихъ приказы изъ Москвы, не были еще присоединены къ московскому княжеству при Іоаннѣ III, который удовольствовался только присоединеніемъ Перевитска и старой Рязани. Но въ другомъ положеніи находилась Тверь: здѣсь былъ князь взрослый, привыкшій къ самостоятельности, ибо послѣ Димитрія Донского тверскіе князья постоянно сохраняли равенство положенія съ московскимъ; мы видѣли, въ какихъ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ находился Іоаннъ III съ тверскими князьями. Въ началѣ своего правленія онъ заключилъ договоръ съ шуриномъ своимъ, княземъ Михаиломъ Борисовичемъ тверскимъ, и въ этомъ договорѣ нѣтъ ничего особеннаго противъ прежнихъ [35]: подобно отцу своему, Михаилъ обязался быть на Орду, Нѣмцевъ, Поляковъ и Литву за одно съ московскимъ княземъ; мы видѣли, что онъ рев-

ностно помогалъ ему даже и противъ Новгорода, несмотря на то, что еще подъ 1476 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ отъѣздѣ изъ Твери въ Москву цѣлой толпы бояръ и дѣтей боярскихъ [36]; конечно, по договору они имѣли право отъѣхать, но все же этого явленія, занесеннаго по своей важности въ лѣтопись, мы не должны оставлять безъ вниманія. Какъ бы то ни было, разрыва между Москвою и Тверью не видимъ до конца 1484 года; въ это время въ Москвѣ узнали, что тверской князь началъ держать дружбу съ Казимиромъ литовскимъ и женился на внукѣ послѣдняго [37]. Договоръ, заключенный между Михаиломъ и Казимиромъ, дошелъ до насъ [38]; въ немъ говорится, что Казимиръ будетъ помогать Михаилу вездѣ, гдѣ тому понадобится, а Михаилъ обязывается, гдѣ будетъ близко, самъ идти со всею силою на помощь королю, и стоять съ нимъ за одно противъ всѣхъ сторонъ, не исключая ни одной. Эти обязательства были явнымъ нарушеніемъ обязательствъ, заключенныхъ съ московскимъ княземъ, и потому послѣдній объявилъ Михаилу войну. Москвичи поплѣнили тверскую область, взяли и сожгли города; Тверь не могла воевать одна съ Москвою и при Димитріи Донскомъ; понятно, почему она не могла выставить ей сопротивленія при Іоаннѣ III-мъ; литовская помощь не являлась, и Михаилъ принужденъ былъ отправить въ Москву епископа съ боярами бить челомъ о мирѣ; Іоаннъ далъ миръ, потому что не любилъ ничего дѣлать съ одного раза, а приготовлялъ вѣрный успѣхъ исподоволь. Новый договоръ, заключенный между двумя великими князьями, сильно рознился отъ прежняго [39]; въ немъ Михаилъ, подобно рязанскому князю, обязался имѣть московскаго князя и сына его старшими братьями, и приравнивался къ удѣльному Андрею Васильевичу, обязался сложить крестное цѣлованіе къ Казимиру торжественно передъ посломъ московскимъ, впередъ ни съ Казимиромъ и ни съ кѣмъ изъ его преемниковъ не заключать мира и союза, не отправлять къ нимъ пословъ безъ вѣдома и думы князей московскихъ; если великій князь литовскій пришлетъ съ чѣмъ-нибудь къ тверскому, то послѣдній обязанъ дать знать объ этомъ въ Москву, обязанъ быть всегда на литовскаго князя за одно съ московскимъ; наконецъ Іоаннъ вытребовалъ у Михаила слѣдующее обязательство: „Если тебѣ надобно будетъ отправить пословъ въ Орду, то послать тебѣ туда по думѣ съ нами, великими князьями; а безъ нашей думы тебѣ въ Орду не посылать“.

Нарушеніе перваго договора и обнаруженіе безпомощной слабости при заключеніи втораго не могли заставить побѣдителя уважать права побѣжденнаго, если мы даже и не предположимъ въ Іоаннѣ обдуманнаго намѣренія мало-по-малу обезсилить Тверь и привести ее къ необходимости покориться. Въ тотъ же годъ (1485), говоритъ лѣтописецъ [40], пріѣхали изъ Твери служить великому князю московскому князь Андрей Микулинскій и князь Осипъ Дорогобужскій: Микулинскому Іоаннъ далъ Дмитровъ, а Дорогобужскому Ярославль. Тогда же пріѣхали и бояре тверскіе служить къ великому князю на Москву, не могши сносить обидъ отъ него, потому что много было обидъ имъ отъ великаго князя, отъ бояръ его и дѣтей боярскихъ при спорахъ о земляхъ; если тамъ, гдѣ межи сошлись съ межами, обидятъ московскіе дѣти боярскіе, то пропало; а если тверичи обидятъ, то князь великій съ бранью и угрозами посылаетъ къ тверскому, отвѣтамъ его вѣры не даетъ, суду быть не позволяетъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Михаилъ опять завелъ сношенія съ Литвою; но гонецъ его былъ перехваченъ, грамота доставлена въ Москву, откуда скоро пришли въ Тверь грозныя, укорительныя рѣчи. Испуганный Михаилъ отправилъ владыку бить челомъ Іоанну, но тотъ не принялъ челобитья; пріѣхалъ князь Михаилъ Холмской съ челобитьемъ: этого Іоаннъ не пустилъ и на глаза, и сталъ собирать войско. Въ августѣ выступилъ онъ на Тверь съ сыномъ Іоанномъ, съ братьями Андреемъ и Борисомъ, съ княземъ Ѳедоромъ Бѣльскимъ, съ италіанскимъ мастеромъ Аристотелемъ, съ пушками, тюфяками и пищалями. 8 сентября московское войско обступило Тверь. 10-го зажжены посады, 11-го пріѣхали изъ Твери къ великому князю въ станъ князья и бояре тверскіе, крамольники, какъ выражается лѣтописецъ, и били челомъ въ службу; Михаилъ Борисовичъ ночью убѣжалъ въ Литву, видя свое изнеможеніе, а Тверь присягнула Іоанну, который посадилъ въ ней сына своего. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прямо сказано, что Іоаннъ взялъ Тверь измѣною боярскою [41]; въ другихъ же находимъ извѣстіе, что главнымъ крамольникомъ былъ князь Михаилъ Холмской, котораго послѣ Іоаннъ сослалъ въ заточеніе въ Вологду за то, что, поцѣловавши крестъ своему князю Михаилу, Холмской отступилъ отъ него: „Не хорошо вѣрить тому, кто Богу лжетъ“, сказалъ Іоаннъ при этомъ случаѣ. Изъ семейства великокняжескаго взята была въ Твери мать Михаилова, у которой Іоаннъ допыты-

вался, гдѣ казна сына ея; старая княгиня отвѣчала, что Михаилъ увезъ все съ собою въ Литву, но послѣ служившія у нея женщины донесли, что она хочетъ отослать казну къ сыну, и дѣйствительно нашли у нея много дорогихъ вещей, золота и серебра, за что великій князь заточилъ ее въ Переяславль [42]. О дальнѣйшей судьбѣ князя Михаила мы знаемъ, что онъ сначала оставался въ Литвѣ не болѣе года, и куда-то уѣзжалъ: въ сентябрѣ 1486 года посолъ Казиміровъ говорилъ Іоанну: „Тебѣ хорошо извѣстно, что союзникъ нашъ великій князь Михаилъ Борисовичъ тверской пріѣхалъ къ намъ, и мы его приняли. Билъ онъ челомъ, чтобъ мы ему помогли; мы хотѣли, чтобъ онъ возвратилъ себѣ отчину безъ кровопролитія, для чего и отправляли къ тебѣ посла, какъ самъ знаешь; но посмотрѣвши въ договоръ, заключенный нами съ отцемъ твоимъ, мы ему на васъ помощи не дали, въ хлѣбѣ же и соли не отказали: жилъ онъ у насъ до тѣхъ поръ, пока самъ хотѣлъ, и какъ въ нашу землю добровольно пріѣхалъ, такъ добровольно же мы его и отпустили". Но потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ видимъ опять Михаила въ Краковѣ [43]; въ 1505 году, при пожалованіи князю Василію Львовичу Глинскому имѣнія Лососиной въ слонимскомъ повѣтѣ, говорится, что это имѣніе вмѣстѣ съ двумя другими селами—Белавичами и Гощовымъ находилось прежде во владѣніи князя Михаила Борисовича тверского; знаемъ также, что Михаилъ владѣлъ еще имѣніемъ Печи-Хвосты на Волыни, въ луцкомъ повѣтѣ [44]. Въ Несвижскомъ за́мкѣ показываютъ портретъ молодой женщины въ русскомъ платьѣ; преданіе говоритъ, что это дочь изгнанника князя Тверского, вышедшая за мужъ за одного изъ Радзивиловъ [45].

Кромѣ Твери, при Іоаннѣ III окончательно были присоединены княжества ярославское и ростовское: въ 1463 году ярославскіе князья, сохранявшіе до сихъ поръ права владѣтельныхъ, уступили свою отчину великому князю московскому: это дѣло уладилъ московскій дьякъ Алексѣй Полуехтовичъ; въ 1474 году два ростовскіе князя продали Іоанну III и остальную половину своего города [46].

ГЛАВА II.

Присоединеніе удѣла верейскаго къ Москвѣ.—Отношеніе Іоанна III къ роднымъ братьямъ.—Второй бракъ Іоанна на Софіи Палэологъ.—Значеніе Софіи.—Борьба между сыномъ и внукомъ Іоанновыми.—Судьба главныхъ вельможъ.

Мы видѣли, что одинъ только Михаилъ Андреевичь верейскій успѣлъ сохранить свой удѣлъ при Василіи Темномъ. Въ началѣ княженія своего, Іоаннъ III возобновилъ съ нимъ договоръ на прежнихъ основаніяхъ [47]; но въ 1465 году видимъ уже другой договоръ, по которому Михаилъ долженъ былъ возвратить великому князю нѣсколько волостей, пожалованіе Темнаго [48]. И этимъ не удовольствовались: въ томъ же году встрѣчаемъ еще договоръ, въ которомъ верейскій князь обязывается считать себя моложе всѣхъ братьевъ великокняжескихъ, даже самыхъ младшихъ. Въ 1482 году новый договоръ: верейскій князь уступаетъ по смерти своей великому князю свою отчину Бѣлоозеро. На всѣ эти требованія Михаилъ соглашался, и не давалъ никакого предлога къ присоединенію верейскаго удѣла. Скоро однако предлогъ отыскался, не со стороны самого Михаила, но со стороны сына его Василія. Этотъ Василій былъ женатъ на греческой княжнѣ, племянницѣ великой княгини Софіи. Софья дала въ приданое за нею вещи, принадлежавшія первой женѣ Іоанна III, Маріи Тверской; великій князь, по случаю рожденія внука Димитрія, хотѣлъ подарить этими вещами невѣстку Елену, и узнавъ, что онѣ переданы верейскому князю, послалъ забрать у него все женнино приданое, при чемъ грозился посадить его въ заключеніе вмѣстѣ съ женою: Василій, оскорбленный и напуганный, уѣхалъ въ Литву. Тогда Іоаннъ отобралъ у старика Михаила отчину его Верею за вину сына, и въ видѣ уже пожа-

лованія отдалъ ее опять, обязавъ Михаила слѣдующимъ договоромъ: „съ сыномъ своимъ, княземъ Василіемъ, не ссылаться тебѣ никакою хитростію; если пришлетъ къ тебѣ онъ съ какими рѣчами, объявить ихъ мнѣ въ правду по крестному цѣлованію, да выдать мнѣ и того человѣка, кого пришлетъ. Что я, князь великій, пожаловалъ тебя своею отчиною Вереею, которую взялъ за вину у сына твоего, то держать тебѣ ее за собою до самой смерти; а послѣ твоей смерти эта отчина отходитъ ко мнѣ; мнѣ же, великому князю, и моему сыну, которому дамъ эту твою отчину,— поминать намъ твою душу".

Въ 1485 году умеръ несчастный старикъ Михаилъ верейскій; въ своей духовной онъ говоритъ: „что моя отчина, чѣмъ меня благословилъ отецъ мой, и я благословилъ, далъ эту свою отчину господину и государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси". Здѣсь въ первый разъ удѣльный князь называетъ великаго государемъ. Не смѣя думать о сынѣ, не смѣя отказать волостей замужней дочери, несчастный Михаилъ умоляетъ въ духовной: „Чтобы господинъ мой князь великій пожаловалъ, послѣ моей смерти судовъ моихъ не посудилъ. А что мои люди, кого я пожаловалъ жалованьемъ и деревнями: и государь бы мой князь великій послѣ моей смерти жалованья моего не порушилъ, чтобы мои люди послѣ меня не заплакали, и меня бы государь мой князь великій во всемъ томъ не положилъ, потому что тебѣ государю моему великому князю приказано душу поминать и долги платить".

Когда дѣло было кончено, верейскій удѣлъ присоединенъ къ Москвѣ, великій князь позволилъ себѣ склониться на просьбы жены и сына, и согласился принять бѣжавшаго Василія Михайловича опять въ московское государство, но только на службу, въ качествѣ служебнаго князя, не болѣе; сынъ великаго князя, Василій, писалъ къ изгнаннику въ 1493 году, что „Отецъ нашъ князь великій тебя жалуетъ, хочетъ твоей службы; и ты бы къ отцу нашему поѣхалъ". Василій не поѣхалъ на такой зовъ, но, какъ видно, послалъ новую просьбу, выговаривая себѣ какое-то пожалованіе и обѣщаясь отдать все, что было дано его женѣ изъ казны великокняжеской; въ 1495 году отправился въ Литву Грекъ Петръ, который долженъ былъ сказать Василію отъ имени великаго князя: „Присылалъ ты и твоя княгиня къ моей великой

княгинѣ, къ моимъ дѣтямъ и къ моимъ боярамъ бить челомъ, чтобы мнѣ тебя пожаловать, нелюбье съ сердца сложить, и къ себѣ тебя принять, а вы хотите отдать намъ нашу казну, что у твоей княгини: такъ ты бы прислалъ ко мнѣ списокъ вещамъ, которыя намъ теперь хочешь отдать, и мы, посмотря по вашему исправленію, и жаловать васъ хотимъ". Чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно [49].

Но извѣстна намъ судьба родныхъ братьевъ Іоанна III. Онъ жилъ съ ними въ мирѣ до 1472 года, когда умеръ старшій изъ нихъ, Юрій, князь дмитровскій, бездѣтнымъ; въ духовной онъ приказываетъ душу господарынѣ матери своей великой княгинѣ, да господину своему великому князю; онъ дѣлитъ по родственникамъ, церквамъ, монастырямъ села, движимое имущество, совершенно какъ частный человѣкъ, не говоря ничего объ удѣлѣ своемъ—Дмитровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ [50]. Причина такого молчанія понятна: благословить поровну всѣхъ братьевъ значило разгнѣвать великаго князя; отказать все великому князю значило обидѣть остальныхъ братьевъ,—и Юрій промолчалъ. Великій князь взялъ удѣлъ себѣ; братья разсердились [51]; на этотъ разъ дѣло кончилось однако перемиріемъ: Іоаннъ отдалъ Борису Вышгородъ, взятый передъ тѣмъ у Михаила верейскаго, и Шопкову слободу, Андрею меньшому вологодскому далъ Торусу; одному Андрею большому не далъ ничего самъ: уже мать его, Марія, очень любившая Андрея, дала ему свою куплю, Романовъ городокъ на Волгѣ. Послѣ этого съ двумя братьями—Андреемъ углицкимъ и Борисомъ волоцкимъ заключены были договоры [52], въ которыхъ они обязались имѣть не только самого Іоанна III, но и сына его Іоанна молодого старшими братьями, держать Іоанна молодого также какъ и отца его, по смерти послѣдняго; не искать великаго княженія ни подъ кѣмъ изъ дѣтей Іоанна III; татарскаго царевича Даніара, или какой другой царевичъ будетъ на его мѣстѣ, удѣльные князья обязываются содержать за одно съ великимъ, и если послѣдній захочетъ принять другого царевича въ свою землю для своего и христіанскаго дѣла, то удѣльные обязаны содержать и этого царевича; наконецъ оба младшіе брата обязались не думать о выморочномъ удѣлѣ Юрія. Понятно, что эта сдѣлка была не въ пользу удѣльныхъ; выморочная волость осталась за великимъ княземъ; они лишались своего права, подтвердивъ клятвою обязательство не вступаться въ нее,

и такимъ образомъ давали старшему брату право на всѣ выморочныя области, какія будутъ впередъ, ибо въ договорахъ не сказано, что младшіе братья получили извѣстныя волости вмѣсто волостей Юріевыхъ, да и сами послѣ, какъ увидимъ, объявили, что обижены великимъ княземъ, который не подѣлился съ ними удѣломъ Юрія.

Такъ нарушено было одно право, которое считали за собою удѣльные; скоро нарушено было и другое. Право бояръ, дѣтей боярскихъ и слугъ вольныхъ отъѣзжать отъ одного князя къ другому подтверждалось еще во всѣхъ договорахъ между князьями; но оно могло оставаться ненарушимымъ только тогда, когда существовало нѣсколько болѣе или менѣе независимыхъ княжествъ; когда же всѣ княжества поникли предъ московскимъ, то переходъ бояръ могъ продолжаться только изъ первыхъ въ послѣднее. Какимъ образомъ младшій братъ, удѣльный, подчиненный князь могъ принять къ себѣ боярина, навлекшаго гнѣвъ великаго князя, сохраняя по прежнему свои родственныя отношенія, не возбуждая опасной вражды могущественнаго старшаго брата? Опираясь на это несвоевременное уже теперь право, Андрей углицкій и Борисъ волоцкій снова вооружились противъ Іоанна III. Въ 1479 году великій князь отнялъ великолуцкое намѣстничество у князя Ивана Оболенскаго-Лыка по жалобѣ жителей, обвинявшихъ его въ притѣсненіяхъ: когда Іоаннъ привелъ окончательно Новгородъ въ свою волю, то Лыко наѣхалъ на Луки и Ржеву, началъ судить и рядить, брать пошлины и грабить, что хотѣлъ, то дѣлалъ, владыкѣ новгородскому и боярамъ не далъ брать пошлинъ, все бралъ на себя, слуги его дѣлали то же самое, и жители отъ такихъ грабежей разбѣжались по заграничью [53]. Іоаннъ нарядилъ судъ, и Оболенскій долженъ былъ выплатить гражданамъ все, что взялъ у нихъ неправдою, а иное что великій князь и безъ суда велѣлъ ему платить; Лучане обрадовались, видя, что великій князь взялъ ихъ сторону, и стали уже прилыгать: гдѣ Оболенскій взялъ мало, тамъ они показывали много [54]; Лыко вышелъ изъ терпѣнія, и отъѣхалъ отъ великаго князя къ брату его, Борису волоцкому. Тогда Іоаннъ рѣшился впервые торжественно нарушить старинное право отъѣзда: онъ послалъ на Волокъ одного изъ своихъ слугъ съ приказомъ схватить Оболенскаго середи двора княжескаго, но Борисъ не допустилъ до этого; Іоаннъ вторично послалъ къ брату съ требова-

ніемъ выдачи отъѣзжика головою; Борисъ отвѣчалъ, что не выдастъ, а кому до Оболенскаго дѣло, тому на него судъ да исправа. Между тѣмъ Іоаннъ услыхалъ о смутѣ въ Новгородѣ и поспѣшилъ туда; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, изъ Новгорода уже онъ прислалъ приказъ боровскому намѣстнику своему Образцу схватить тайно князя Ивана Лыка, гдѣ его ни отыщетъ, потому что село у него было въ Боровской волости; дѣйствительно Образецъ нашелъ его въ этомъ селѣ, нечаянно напалъ на него, схватилъ, и въ оковахъ отвезъ въ Москву. Князь Борисъ Васильевичъ, услыхавъ объ этомъ, послалъ къ брату Андрею углицкому съ жалобою на старшаго брата: „Вотъ какъ онъ съ нами поступаетъ: нельзя уже никому отъѣхать къ намъ! мы ему все молчали: братъ Юрій умеръ—князю великому вся отчина его досталась, а намъ подѣла не далъ изъ нея; Новгородъ Великій съ нами взялъ—ему все досталось, а намъ жребія не далъ изъ него; теперь, кто отъѣдетъ отъ него къ намъ, беретъ безъ суда, считаетъ братью свою ниже бояръ, а духовную отца своего забылъ, какъ въ ней приказано намъ жить; забылъ и договоры, заключенные съ нами послѣ смерти отцовской". Братья посовѣтовались, и рѣшили защищать свои права вооруженною рукою.

Но мы видѣли по другимъ извѣстіямъ, что Андрей и Борисъ находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Новгородцами, замышлявшими возстаніе, что не могло быть послѣ выступленія Іоанна въ Новгородъ; слѣдовательно, принимая это извѣстіе, мы не можемъ согласиться, чтобъ Іоаннъ послалъ уже изъ Новгорода грамоту къ Образцу съ приказомъ схватить Оболенскаго, и что вслѣдствіе этого поступка оба брата переслались и вооружились противъ великаго князя. Или сношенія удѣльныхъ князей, вообще недовольныхъ старшимъ братомъ и преимущественно раздраженныхъ попыткою Іоанна схватить Оболенскаго среди двора Борисова и потомъ требованіемъ его выдачи,—или эти сношенія происходили гораздо прежде и были въ связи съ приготовленіемъ всеобщаго движенія противъ Москвы и со стороны Литвы, и со стороны Татаръ, и захваченіе Оболенскаго Образцомъ по приказу отъ великаго князя изъ Новгорода служило для удѣльныхъ только окончательнымъ побужденіемъ и предлогомъ къ начатію непріязненныхъ движеній, при чемъ очень можетъ быть, что приказъ объ этомъ захваченіи былъ присланъ Іоанномъ изъ Новгорода уже

тогда, когда онъ узналъ о сношеніяхъ братьевъ съ возставшими Новгородцами,—или, если мы примемъ, что окончательное захваченіе Оболенскаго только заставило впервые удѣльныхъ князей вооружиться противъ старшаго брата, и если при этомъ мы захотимъ держаться также извѣстія о сношеніяхъ ихъ съ Новгородцами, то должны будемъ предположить, что приказъ о захваченіи Оболенскаго былъ данъ не изъ Новгорода, но предъ отправленіемъ великаго князя туда [55]. Какъ бы то ни было, великій князь, узнавши въ началѣ 1480 года о непріязненныхъ движеніяхъ братьевъ, поспѣшилъ изъ Новгорода въ Москву. Пріѣздъ его очень обрадовалъ жителей, потому что сильный страхъ напалъ на всѣхъ, когда узнали о приготовленіи удѣльныхъ къ усобицѣ; всѣ города были въ осадахъ, и многіе люди, бѣгая по лѣсамъ, мерзли отъ стужи. Между тѣмъ князь Борисъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Волока къ брату Андрею въ Угличь, и отсюда вмѣстѣ двинулись ко Ржеву черезъ Тверскую область. Великій князь послалъ къ нимъ туда боярина уговаривать ихъ не начинать усобицы; но братья не послушались, и вышли изо Ржева съ княгинями, дѣтьми, боярами, лучшими дѣтьми боярскими, направляя путь вверхъ по Волгѣ къ новгородскимъ волостямъ; всего народу около нихъ было тысячь двадцать. Великій князь опять послалъ уговаривать ихъ, на этотъ разъ уже духовное лице, извѣстнаго своею начитанностію, краснорѣчіемъ и энергіею владыку, Вассіана Ростовскаго; Вассіанъ уже нашелъ князей въ новгородскихъ волостяхъ, въ Молвятицкомъ погостѣ, на рѣкѣ Полѣ, въ 180 верстахъ отъ Новгорода. Владыкѣ удалось уговорить ихъ послать къ великому князю бояръ своихъ для переговоровъ и они отправили въ Москву двоихъ князей Оболенскихъ, послѣ чего, неизвѣстно по какой причинѣ, перемѣнили путь, пошли къ литовскому рубежу и остановились въ Лукахъ; тяжело было жителямъ тѣхъ областей, по которымъ двигались ихъ толпы; многіе плакали и рыдали, потому что всѣ волости лежали пусты, ратники княжескіе вездѣ грабили и плѣнили, только мечами не сѣкли. Ставши на Лукахъ, Андрей и Борисъ послали къ королю бить челомъ, чтобъ ихъ управилъ въ обидахъ съ великимъ княземъ и помогалъ; но Казиміръ отказалъ въ помощи, только женамъ ихъ далъ Витебскъ на прожитіе. Между тѣмъ въ Москвѣ шли переговоры: великій князь очень досадовалъ на мать, думая, что она за-одно съ младшими сыновьями по силь-

ной привязанности своей къ князю Андрею Васильевичу; нужно было прежде отвлечь отъ возстанія этого любимца старой великой княгини, и вотъ Іоаннъ опять отправилъ къ братьямъ Вассіана съ двумя боярами сказать имъ: „Ступайте назадъ въ свою отчину, а я васъ во всемъ хочу жаловать"; но Андрею послы должны были предложить отдѣльно Калугу и Алексинъ; Андрей не согласился. Скоро однако бездѣйствіе Казимира и возвращеніе татарскаго отряда отъ русскихъ границъ безъ важныхъ дѣйствій побудили князей снова начать переговоры съ старшимъ братомъ; они послали къ нему дьяковъ своихъ, мать также стала просить за нихъ Іоанна, но теперь уже онъ отвергъ ихъ просьбы.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Псковичи, притѣсненные нѣмцами, и не видя помощи съ востока, гдѣ великій князь былъ занятъ ближайшими дѣлами, послали въ Луки къ князьямъ Андрею и Борису, чтобъ оборонили городъ Псковъ. Третьяго сентября пріѣхали князья въ Псковъ и пробыли здѣсь десять дней. Долго упрашивали ихъ Псковичи, чтобъ отомстили поганымъ Нѣмцамъ за кровь христіанскую, но князья отвѣчали: „какъ намъ пойти съ вами въ землю иновѣрную, когда у насъ самихъ жены, дѣти, имѣніе покинуты въ чужой землѣ? Если согласитесь, чтобъ наши жены жили здѣсь у васъ, то мы ради оборонять вашъ городъ". Псковичи были въ большой печали, не зная, что дѣлать: боялись они великаго князя, потому что кто хранитъ царскаго врага, тотъ врагъ царю; такъ и эти, хотя братья ему, но супостаты. Долго думавши такимъ образомъ, Псковичи наконецъ отказались принять женъ Андрея и Бориса: „Сами господари великіе князья знаете, сказали они имъ: не можетъ одинъ рабъ двумъ господарямъ работать, по евангельскому слову: такъ и мы не хотимъ двоимъ работать: но хотимъ одного господаря держаться, великаго князя Ивана Васильевича, старшаго брата вашего; а вамъ челомъ бьемъ: сами о своемъ добрѣ и о нашемъ думайте, какъ бы нашему городу до конца не погибнуть". Князья разсердились, выѣхали изъ Пскова, и, ставши на Мелетовѣ, распустили людей своихъ воевать по всѣмъ псковскимъ волостямъ, и тѣ повоевали все какъ невѣрные, домы Божіи пограбили, женъ и дѣвицъ поскверили и поплѣнили, въ дворахъ не оставили ни цыпленка, только огнемъ не жгли да оружіемъ не сѣкли, потому что никто имъ не противился. Псковичи, послѣ долгихъ просьбъ, дали имъ

200 рублей, да съ околицъ 15, чтобъ только вышли отъ нихъ въ новгородскую землю.

Между тѣмъ въ Москвѣ обстоятельства перемѣнились; нашествіе хана Золотой Орды Ахмата навело большой страхъ на великаго князя, и младшіе братья, воспользовавшись случаемъ, прислали сказать ему: „Если исправишься къ намъ, притѣснять насъ больше не будешь, а станешь держать насъ, какъ братьевъ, то мы придемъ къ тебѣ на помощь“. Іоаннъ обѣщалъ исполнить всѣ ихъ требованія, и братья явились къ нему съ войсками на Угру, гдѣ онъ стоялъ противъ Татаръ: Андрей получилъ Можайскъ, т. е. значительную часть выморочнаго удѣла Юріева, Борису даны были села, бывшія прежде за Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. Великой княгинѣ—матери, митрополиту Геронтію, владыкамъ—Вассіану Ростовскому и Филоѳею пермскому, троицкому игумену Паисію и князю Михаилу Андреевичу Верейскому приписывается примиреніе братьевъ [56].

Въ ноябрѣ 1480 ушелъ Ахматъ; въ февралѣ 1481 Іоаннъ заключилъ договоръ съ братомъ Андреемъ большимъ на прежнихъ условіяхъ; о Можайскѣ говорится, что великій князь пожаловалъ его Андрею съ волостями и селами, въ отчину и удѣлъ, кромѣ тѣхъ селъ и деревень, которыя уже розданы боярамъ и дѣтямъ боярскимъ; впрочемъ Андрей удерживаетъ право суда и дани на этихъ селахъ по землѣ. Любопытна также новая форма стараго условія объ отношеніяхъ татарскихъ: „Орды вѣдѣть и знать намъ, великимъ князьямъ, а тебѣ Ордъ не знать; а если я въ Орды не дамъ, и мнѣ у тебѣ не взять“. Вмѣсто единственнаго: Орда, теперь уже является множественное: Орды. Тогда же заключенъ договоръ и съ Борисомъ волоцкимъ на тѣхъ же условіяхъ; только въ этомъ договорѣ не упоминается ни слова ни о какихъ новыхъ пожалованіяхъ великаго князя, даже и о селахъ, о которыхъ говоритъ лѣтопись [57]. Прежде, слыша о негодованіи братьевъ Іоаннъ далъ волости Борису и Андрею меньшому, не давши ничего Андрею большому, теперь же даетъ Можайскъ послѣднему, не давая ничего Борису: братья были опасны въ союзѣ другъ съ другомъ; когда же одинъ, удовольствованный, отставалъ отъ союза, то другой одинъ переставалъ быть опаснымъ, и потому не нужно было тратить для него волостей. Но легко понять также, былъ ли Іоаннъ благодаренъ Андрею за то, что послѣдній, воспользовавшись

зовавшись тяжелыми обстоятельствами, успѣлъ получить отъ него часть удѣла Юріева?

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ бездѣтнымъ четвертый братъ, Андрей меньшой, остававшійся на сторонѣ старшаго брата, во время возстанія среднихъ; задолжавъ великому князю 30,000 рублей за ордынскіе выходы, Андрей отказалъ ему весь свой удѣлъ, остальнымъ же двумъ братьямъ далъ только по селу [58]. На этотъ разъ Андрей большой и Борисъ не могли выставить никакихъ требованій; завѣщаніе собственника должно было имѣть полную силу.

Гораздо больше вліянія на отношенія между старшимъ и младшими братьями имѣла смерть матери ихъ, послѣдовавшая въ 1484 году, ибо этимъ событіемъ разрывался самый крѣпкій узелъ между князьями: мы знаемъ, какую сильную защитницу имѣлъ Андрей большой въ матери, горячо его любившей. Въ 1486 году великій князь уже счелъ нужнымъ заключить съ братьями новые договоры, въ которыхъ они обязались не вступаться въ принадлежавшія великому князю волости умершихъ братьевъ—Юрія и Андрея меньшого, ни въ удѣлъ верейскій, ни въ область новгородскую и псковскую, ни въ примыслъ великаго князя—Тверь и Кашинъ; также не сноситься ни съ Казиміромъ, ни съ изгнаннымъ великимъ княземъ тверскимъ, ни съ князьями или панами литовскими, ни съ Новгородомъ, ни съ Псковомъ [59]. Обстоятельства заставляли предугадывать печальную развязку; Андрей боялся и видѣлъ въ бѣгствѣ единственное средство спасенія. Въ 1488 году бояринъ Андреевъ Образецъ объявилъ своему князю, бывшему тогда въ Москвѣ, что старшій братъ хочетъ схватить его. Андрей испугался, хотѣлъ уже тайно бѣжать изъ Москвы; но потомъ одумался и послалъ къ могущественному тогда вельможѣ, князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, съ просьбою, чтобъ тотъ довѣдался у великаго князя, за что онъ хочетъ схватить его. Но Патрикѣевъ отказался отъ этого опаснаго порученія; тогда Андрей самъ пошелъ къ старшему брату и разсказалъ ему все; Іоаннъ поклялся ему небомъ и землею и Богомъ сильнымъ, творцемъ всея твари, что у него и въ мысляхъ не бывало ничего подобнаго. Начали искать, откуда пошелъ слухъ; оказалось, что великокняжескій сынъ боярскій, Мунтъ Татищевъ, въ шутку сказалъ объ этомъ Образцу, а тотъ повѣрилъ и сказалъ князю Андрею, желая при-

служиться, потому что прежде князь держалъ его въ немилости. Татищеву Іоаннъ велѣлъ дать торговую казнь, хотѣлъ велѣть даже отрѣзать ему языкъ, но митрополитъ упросилъ не дѣлать этого [60]. Для насъ любопытно впрочемъ здѣсь то, что подобное извѣстіе уже могло быть тогда содержаніемъ шутки, и шутку могли принимать за правду. Года черезъ два послѣ этого (1491) Іоаннъ, узнавъ, что на союзника его, крымскаго хана Менглигирея идутъ Татары съ востока, выслалъ свои полки къ нему на помощь; велѣлъ и братьямъ отправить также своихъ воеводъ, на что имѣлъ полное право по договорнымъ грамотамъ. Борисъ послалъ свои полки вмѣстѣ съ великокняжескими, но Андрей не послалъ [61]. Это было въ маѣ; въ сентябрѣ Андрей пріѣхалъ въ Москву, и былъ принятъ вечеромъ очень почетно и ласково старшимъ братомъ. На другой день явился къ нему посолъ съ приглашеніемъ на обѣдъ къ великому князю; Андрей поѣхалъ немедленно, чтобъ ударить челомъ за честь; Іоаннъ принялъ его въ комнатѣ, называвшейся западнею, посидѣлъ съ нимъ, поговорилъ немного и вышелъ въ другую комнату, повалушу, приказавши Андрею подождать, а боярамъ его идти въ столовую гридню; но какъ скоро вошли туда, такъ были схвачены и разведены по разнымъ мѣстамъ. Въ то же время въ западню къ Андрею вошелъ князь Семенъ Ряполовскій съ многими другими князьями и боярами и, обливаясь слезами, едва могъ промолвить Андрею: „Государь князь Андрей Васильевичъ! пойманъ ты Богомъ, да государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, братомъ твоимъ старшимъ". Андрей всталъ и отвѣчалъ: „Воленъ Богъ, да государь, братъ мой старшій, князь великій Иванъ Васильевичъ; а судъ мнѣ съ нимъ передъ Богомъ, что беретъ меня неповинно." Съ перваго часа дня до вечеренъ сидѣлъ Андрей во дворцѣ; потомъ свели его на казенный дворъ и приставили стражу изъ многихъ князей и бояръ. Въ то же время послали въ Угличъ схватить сыновей Андреевыхъ, Ивана и Димитрія, которыхъ посадили въ желѣзахъ въ Переяславлѣ, дочерей не тронули [62].

Есть извѣстіе, что Іоаннъ такъ отвѣчалъ митрополиту, когда тотъ просилъ его объ освобожденіи Андрея: „жаль мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло; потомъ каялся, а теперь опять началъ зло замышлять и лю-

дей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами Татаръ" [63]. Андрей умеръ въ концѣ 1494 года; есть извѣстіе, что Іоаннъ, узнавъ о смерти брата, приносилъ слезное покаяніе духовенству, которое не скоро простило его [64]; но это извѣстіе заподозривается тѣмъ, что сыновья Андреевы оставались въ заключеніи, слѣдовательно Іоаннъ не раскаивался въ своей мѣрѣ.

Бориса Волоцкаго не тронули; онъ также скоро умеръ, оставя удѣлъ двоимъ сыновьямъ—Өедору и Ивану. Въ 1497 году они били челомъ великому князю чрезъ митрополита Симона о вымѣнѣ ихъ селъ, разсѣянныхъ въ областяхъ великокняжескихъ и доставшихся ихъ отцу отъ прабабушки Маріи Голтяевой, на тверскія волости, ближайшія къ ихъ удѣлу, именно Буйгородъ и Колпь [65]. Въ концѣ 1503 года меньшой изъ волоцкихъ князей Иванъ умеръ; въ духовной своей онъ завѣщеваетъ брату нѣсколько селъ, а удѣлъ свой—Рузу и половину Ржева, равно какъ служивую рухлядь, доспѣхи и коней передаетъ великому князю, котораго называетъ Государемъ [66].

Такъ возстанія удѣльныхъ князей, имѣвшія слѣдствіемъ кровавыя явленія въ правленіе Темнаго, при сынѣ его, благодаря окончательнымъ распоряженіямъ отца, кончились однимъ страхомъ для московскаго народонаселенія и грабежемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ волостей. Истощенная Орда, не могшій справиться съ собственными или ближайшими, по его мнѣнію, дѣлами на западѣ, Казимиръ, трепетавшій въ предсмертныхъ движеніяхъ Новгородъ, не могли дать удѣльнымъ князьямъ продолжительной опоры; страхъ, и то страхъ мнимый предъ могуществомъ Ахмата, заставилъ Іоанна уступить Андрею Можайскъ, но эта уступка была послѣдняя и не надолго. Не знаемъ, во сколько мы должны вѣрить приведенному выше извѣстію, будто Іоаннъ оправдывалъ заключеніе брата опасеніемъ, что Андрей, по смерти его, станетъ ссорить внука его и сыновей: дѣйствительно отношенія въ самой семьѣ великокняжеской, какъ они были одно время, могли подать удѣльнымъ князьямъ на-

дежду болѣе крѣпкую, чѣмъ подавали имъ прежде Орда, Литва и Новгородъ.

Мы видѣли, что Іоаннъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, при жизни отцовской, по обстоятельствамъ политическимъ, женился на Маріи Борисовнѣ, дочери великаго князя Тверскаго. Іоаннъ не долго жилъ съ нею: въ 1467 году Марія скончалась; тѣло ея такъ распухло, что покровъ, который прежде былъ великъ, висѣлъ по краямъ, теперь уже не могъ прикрывать покойницы; начали толковать, что княгиня была отравлена, дознались, что одна изъ женщинъ ея, Наталья, жена Алексѣя Полуехтова, посылала поясъ къ ворожеѣ; великій князь разсердился и на мужа и на жену, и шесть лѣтъ потомъ не пускалъ Полуехтова къ себѣ на глаза. Отъ этой первой жены Іоаннъ имѣлъ сына, именемъ также Іоанна, для отличія называемаго молодымъ, котораго, по примѣру отцовскому, назвалъ великимъ княземъ, чтобъ отнять у братьевъ предлогъ къ предъявленію старыхъ правъ старшинства предъ племянникомъ, и вслѣдствіе этого мы видѣли, что грамоты писались отъ имени двоихъ великихъ князей, посольства отправлялись также къ двоимъ, и отвѣтъ на нихъ давали отъ двоихъ. Но не прошло еще двухъ лѣтъ по смерти Маріи, какъ началось знаменитое сватовство великаго князя на царевнѣ греческой. Послѣ паденія Византіи, братъ павшаго на ея стѣнахъ императора Константина, Ѳома Палеологъ нашелъ съ семействомъ убѣжище въ Римѣ; послѣ него осталось здѣсь двое сыновей и дочь Софія; эту-то дочь папа Павелъ II, чрезъ извѣстнаго кардинала Виссаріона, одного изъ греческихъ митрополитовъ, подписавшихъ флорентійское соединеніе, и предложилъ въ супружество московскому великому князю, безъ сомнѣнія желая воспользоваться случаемъ завязать сношенія съ Москвою и утвердить здѣсь свою власть посредствомъ Софіи, которую, по самому воспитанію ея, не могъ подозрѣвать въ отчужденіи отъ католицизма. Въ февралѣ 1469 года Грекъ Юрій пріѣхалъ къ великому князю съ письмомъ отъ Виссаріона, въ которомъ кардиналъ предлагалъ Іоанну руку греческой царевны, отказавшей будто бы изъ преданности къ отцовской вѣрѣ двумъ женихамъ, королю французскому и герцогу медіоланскому. Великій князь взялъ эти слова въ мысль, говоритъ лѣтописецъ, и, подумавши съ митрополитомъ, матерью, боярами, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ отправилъ въ Римъ своего посла, выѣзжаго италіанца, монетнаго мастера, Ивана Фря-

зина. Фрязинъ возвратился съ портретомъ царевцы и съ пропускными (опасными) грамотами отъ папы для проѣзда пословъ московскихъ съ Софіею по всѣмъ землямъ католическимъ. Тотъ же Фрязинъ отправился опять въ Римъ представлять лице жениха при обрученіи. Папѣ хотѣлось выдать Софію за московскаго князя, возстановить флорентійское соединеніе, пріобрѣсть могущественнаго союзника противъ страшныхъ Турокъ, и потому ему легко и пріятно было вѣрить всему, что ни говорилъ посолъ московскій; а Фрязинъ, отказавшійся отъ латинства въ Москвѣ, но равнодушный къ различію исповѣданій, разсказывалъ то, чего не было, обѣщалъ то, чего быть не могло, лишь бы только уладить поскорѣе дѣло, желанное и въ Москвѣ не менѣе, чѣмъ въ Римѣ.

Дѣло уладилось: въ іюнѣ 1472 года Софія выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи кардинала Антонія и многихъ Грековъ, а 1-го октября пригналъ во Псковъ гонцемъ Николай Ляхъ отъ моря изъ Ревеля и объявилъ на вѣчѣ: „царевна переѣхала море, ѣдетъ въ Москву, дочь Ѳомы, князя Морейскаго, племянница Константина, царя Цареградскаго, внука Іоанна Палеолога, зятя великаго князя Василія Дмитріевича, зовутъ ее Софья, она будетъ вамъ государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена, и вы бы ее встрѣтили да приняли честно“. Объявивъ это Псковичамъ, гонецъ въ тотъ же день поскакалъ къ Новгороду великому, а оттуда въ Москву. Псковичи тотчасъ начали медъ сытить и кормъ сбирать; посадники и бояре изъ концовъ отправились на встрѣчу къ царевнѣ въ Изборскъ, жили уже здѣсь цѣлую недѣлю, какъ пріѣхалъ изъ Дерпта гонецъ съ приказомъ, чтобы ѣхали встрѣчать ее на Нѣмецкій берегъ; въ шести насадахъ и со множествомъ лодокъ поѣхали посадники и бояре, и встрѣтили Софію въ устьѣ Эмбаха, вышли изъ судовъ, и, наливши кубки и позолоченные роги виномъ и медомъ, били ей челомъ: она приняла это отъ нихъ въ честь и любовь великую, и объявила, что сейчасъ же хочетъ ѣхать съ ними дальше, чтобъ поскорѣе покинуть Нѣмцевъ; посадникъ принялъ ее, всѣхъ пріятелей ея и казну въ свои насады, и поплыли къ русскому берегу. Передъ Псковомъ была ей также честь большая: вышли къ ней на встрѣчу священники съ крестами и посадники; принявши благословеніе отъ священниковъ, челобитье отъ посадниковъ и всего Пскова, Софія пошла въ Троицкій соборъ съ пріятелями своими; былъ съ нею, говоритъ лѣтописецъ, и

владыка свой (кардиналъ), не по нашему обычаю одѣтый весь въ красное, въ перчаткахъ, которыхъ никогда не снимаетъ, и благословляетъ въ нихъ, и несутъ передъ нимъ распятіе литое, высоко взоткнутое на древкѣ, къ иконамъ не подходитъ и не крестится, въ Троицкомъ соборѣ приложился только къ Пречистой, и то по приказанію царевны. Изъ Троицкаго собора царевна пошла на княжій дворъ, гдѣ опять посадники, бояре и весь Псковъ потчивали ее виномъ, медомъ, всякими кушаньями, и всѣхъ пріятелей ея и слугъ, кормили и коней; потомъ всѣ посадники, бояре и купцы дарили ее, чѣмъ кто могъ, а отъ всего Пскова поднесли 50 рублей деньгами, да Ивану Фрязину дали 10 рублей. Царевна, видя такую почесть, сказала посадникамъ, боярамъ и всему Пскову: „теперь хочу ѣхать въ дорогу къ моему и вашему государю въ Москву; и на вашемъ почетномъ пріемѣ, на вашемъ хлѣбѣ, винѣ и медѣ кланяюсь; когда, Богъ дастъ, буду въ Москвѣ, и когда вамъ будетъ тамъ какая нужда, то буду усердно стараться за васъ“. Сказавши это, поклонилась посадникамъ и всему Пскову, сѣла въ повозку, и выѣхала изъ города; посадники и бояре, съ виномъ, медомъ и хлѣбомъ провожали ее до новгородскаго рубежа. Въ Новгородѣ была ей оказана такая же честь въ пріемѣ и въ дарахъ.

Софія подъѣзжала къ Москвѣ, а здѣсь между тѣмъ шло совѣщаніе: думалъ князь великій съ матерью, боярами и братьями— какъ сдѣлать? вездѣ, гдѣ ни останавливалась до сихъ поръ Софія, папскій посолъ, кардиналъ Антоній шелъ передъ нею, а впереди несли крестъ латинскій. Одни на совѣтѣ говорили, что ничего, можно позволить это и въ Москвѣ; другіе же возражали, что никогда этого не бывало въ нашей землѣ, чтобъ латинской вѣрѣ почесть оказывали; сдѣлалъ это одинъ разъ Исидоръ, но за то онъ и погибъ. Великій князь послалъ спросить митрополита Филиппа; тотъ велѣлъ отвѣчать: „нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подъѣхать близко; если же ты позволишь ему это сдѣлать, желая почтить его, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города; неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался“. Тогда великій князь послалъ боярина отобрать у легата крестъ и спрятать его въ саняхъ; Антоній сначала было воспротивился, но

потомъ скоро уступилъ; больше противился московскій посолъ Иванъ Фрязинъ денежникъ: хотѣлось ему оказать честь папѣ, послу его и всей землѣ ихъ, потому что ему самому оказали тамъ большую почесть; будучи въ Римѣ, онъ исполнялъ всѣ латинскіе обычаи, скрывши, что принялъ въ Москвѣ православную вѣру. 12-го ноября 1472 года въѣхала Софія въ Москву, и въ тотъ же день обвѣнчана была съ Іоанномъ, а на другой день легатъ правилъ посольство и поднесъ дары отъ папы. Разумѣется, кардиналъ долженъ былъ немедленно же обратиться къ дѣлу о соединеніи церквей; но скоро онъ испугался, говоритъ лѣтописецъ, потому что митрополитъ выставилъ противъ него на споръ книжника Никиту Поповича: иное, спросивши у Никиты, самъ митрополитъ говорилъ легату, о другомъ заставлялъ спорить Никиту; кардиналъ не нашелся, что отвѣчать, и кончилъ споръ, сказавши: „нѣтъ книгъ со мною"! Такъ неудачно кончилась попытка римскаго двора возстановить флорентійское соединеніе посредствомъ брака князя московскаго на Софіи Палеологъ. Но бракъ этотъ имѣлъ другія важныя слѣдствія.

До сихъ поръ главною заботою московскихъ князей было собираніе Русской земли, примыслы, прибытки; вмѣсто вождей дружины, какими князья являлись на югѣ, мы видимъ на сѣверѣ князей-собственниковъ, хозяевъ. Мы видѣли [68], какъ всѣ отношенія, отношенія духовенства, дружины, остальнаго народонаселенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія; въ половинѣ XV вѣка все уже было приготовлено къ тому, чтобъ новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторыя преданія, обычаи, пріемы, отъ которыхъ нужно было освободиться. Великій князь московскій на дѣлѣ былъ сильнѣйшимъ изъ князей сѣверной Руси, которому никто не могъ противиться; но онъ продолжалъ еще носить названіе великаго князя, что означало только старшаго въ родѣ княжескомъ; онъ еще недавно кланялся въ Ордѣ не только хану, но и вельможамъ его; князья родичи еще не переставали требовать родственнаго, равнаго обхожденія; члены дружины еще сохраняли старое право отъѣзда, а это отсутствіе прочности въ служебныхъ отношеніяхъ, хотя на дѣлѣ и пришедшее къ концу, давало имъ поводъ думать о старинѣ, когда дружинникъ, при первомъ неудовольствіи, отъѣзжалъ отъ одного князя къ другому,

и считалъ себя въ правѣ знать всѣ думы княжескія; при дворѣ московскомъ явилась толпа служилыхъ князей, которые не забыли о своемъ происхожденіи отъ одного родоначальника съ московскимъ великимъ княземъ, и выдѣлялись изъ дружины московской, становясь выше ея, слѣдовательно имѣя еще болѣе притязаній; церковь, содѣйствуя московскимъ князьямъ въ утвержденіи единовластія, давно уже старалась дать имъ высшее значеніе относительно другихъ князей; но для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли нужна была помощь преданій Имперіи: эти-то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ. Современники замѣтили, что Іоаннъ, послѣ брака на племянницѣ императора Византійскаго, явился грознымъ государемъ на московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго [69], потому что явился для князей и дружины монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ; по первому мановенію Грознаго Іоанна головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ. Современники и ближайшіе потомки приписали эту перемѣну внушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельство. Князь Курбскій, защитникъ старины, старыхъ правъ княжескихъ и боярскихъ, говоритъ, что перемѣна въ поведеніи князей московскихъ произошла отъ внушенія женъ иноплеменныхъ [70]. Нѣтъ преступленія, въ которомъ бы ожесточенный потомокъ князей ярославскихъ не обвинилъ Іоанна III и Софію [71]. Какой духъ принесли служебные князья ко двору московскому, какія чувства питали они къ московскимъ князьямъ, какъ смотрѣли на собираніе земли, видно изъ слѣдующихъ словъ Курбскаго: „обычай у московскихъ князей издавна желать братій своихъ крови и губить ихъ убогихъ ради окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего“ [72].

Но кромѣ Курбскаго, до насъ дошелъ еще другой боярскій отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, принесенномъ Софіею. Уже въ княженіе сына ея Василія опальный бояринъ Берсень такъ говорилъ Максиму Греку: „какъ пришли сюда Греки, такъ наша земля и замѣшалась; а до тѣхъ поръ земля наша русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя, вели-

кая княгиня Софья съ вашими Греками, такъ наша земля и замѣшалась, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Цареградѣ при вашихъ царяхъ“. Максимъ замѣтилъ на это: „Господинъ! мать великаго князя великая княгиня Софья, съ обѣихъ сторонъ была рода великаго: по отцѣ царскаго рода Константинопольскаго, а по матери происходила отъ великаго Герцога Феррарскаго италійской страны“. Берсень отвѣчалъ: „Господинъ, какова бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла. Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи великій князь перемѣнилъ; такъ какого добра отъ насъ ждать“? Въ чемъ же, по мнѣнію Берсеня, состояла эта перестановка обычаевъ? „Лучше, говоритъ онъ, старыхъ обычаевъ держаться, и людей жаловать и старыхъ почитать; а теперь государь нашъ, запершись самъ третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ“ [73]. И такъ перестановка обычаевъ состояла въ томъ, что великій князь, отстранивъ прежнее вліяніе дружины, началъ думать особо свою думу, съ кѣмъ хотѣлъ, и теперь уже дружина не могла сказать ему по прежнему: „ты, князь, самъ собою это замыслилъ, такъ не ѣдемъ за тобой, мы объ этомъ ничего не знали“;—не смѣла она сказать теперь этого, потому что московскіе князья уничтожили отдѣльныя волости, и боярамъ некуда уже стало болѣе отъѣхать.—Но не одни недовольные князья и бояре оставили намъ свидѣтельства о важномъ вліяніи Софіи на перестановку обычаевъ въ Русской землѣ; есть свидѣтельства, болѣе безпристрастныя: Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ княженіе сына Софіи, говоритъ объ ней: „это была женщина необыкновенно хитрая; по ея внушенію великій князь сдѣлалъ многое“. Наконецъ, лѣтописцы подтверждаютъ это, говоря напримѣръ, что, по внушеніямъ Софіи, Іоаннъ окончательно разорвалъ съ Ордою.

26 марта 1479 года родился у Софіи первый сынъ Василій—Гавріилъ; въ 1490 году старшій сынъ Іоанновъ, молодой великій князь Іоаннъ разболѣлся ломотою въ ногахъ (камчюгомъ); въ это время былъ въ Москвѣ лѣкарь, мистръ Леонъ, жидъ, вызванный русскими послами изъ Венеціи; Леонъ объявилъ отцу больного: „я вылѣчу сына твоего; а не вылѣчу, вели меня казнить смертною казнью“. Великій князь велѣлъ лѣчить; Леонъ сталъ давать больному лѣкарства внутрь, а къ тѣлу прикладывать стклянки съ горячею водою; но отъ этого лѣченія Іоанну стало хуже, и онъ

умеръ, 32-хъ лѣтъ. Старый великій князь велѣлъ схватить лѣкаря, и, какъ минуло покойнику сорокъ дней, Леона казнили смертію [74]. Эти подробности важны для насъ, потому что, какъ мы видѣли, люди, недовольные Іоанномъ III и Софьею, упрекали ихъ въ отравѣ Іоанна молодого. По послѣдній оставилъ малолѣтнаго сына Димитрія отъ брака своего на Еленѣ, дочери Стефана, господаря молдавскаго, и потому теперь раждался вопросъ: кому наслѣдовать великое княженіе—сыну или внуку? Еслибы Іоаннъ III захотѣлъ обратить вниманіе на старый обычай, еслибъ справился съ лѣтописями, то нашелъ бы, что внукъ не могъ получить великаго княженія не по отчинѣ. Но мы видѣли, что отецъ Димитрія, Іоаннъ, былъ при жизни своего отца уже великимъ княземъ, равнымъ отцу, и потому, даже по прежнимъ родовымъ счетамъ, преждевременная смерть Іоанна молодаго не лишала сына его правъ на старшинство; притомъ же московскому государю не было теперь нужды до старыхъ родовыхъ счетовъ; всѣ предки его шли наперекоръ имъ, отдавая преимущество племяннику передъ дядею; Іоаннъ III, вѣрный преданію, долженъ былъ также отдать преимущество внуку Димитрію передъ сыномъ Василіемъ. Но послѣдній имѣлъ за собою также важныя преимущества: онъ былъ сынъ Софіи Палеологъ, отъ царскаго корня: ему, разумѣется, а уже никакъ не Димитрію, принадлежалъ гербъ римской Имперіи, и Софія была способна внушить мужу и сыну высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, своихъ правахъ, была способна поддержать эти права. Начались происки, дворъ раздѣлился на двѣ стороны.

Если князья, бояре и по смерти Софіи дурно отзывались о ней, представляли ее виновницею перемѣны, перемѣны къ худшему по ихъ мнѣнію, то ясно, что они не могли быть расположены къ ней при жизни ея, и потому поддерживали Елену, вдову Іоанна молодого и сына ея Димитрія; на сторонѣ же Софіи и сына ея Василія мы видимъ только дѣтей боярскихъ и дьяковъ. Дьякъ Ѳедоръ Стромиловъ извѣстилъ Василія, что отецъ хочетъ пожаловать великимъ княженіемъ внука Димитрія, и, вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Яропкинымъ, Поярковъ, Руновымъ братомъ, и другими дѣтьми боярскими началъ совѣтовать молодому князю выѣхать изъ Москвы, захватить казну въ Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ, и погубить Димитрія; главные заговорщики набрали себѣ и другихъ соумышленниковъ, привели ихъ тайно къ крестному цѣлованію. Но заговоръ былъ

открытъ въ декабрѣ 1497 года: Іоаннъ велѣлъ держать сына на его же дворѣ подъ стражею, а приверженцевъ его велѣлъ казнить; шестерыхъ казнили на Москвѣ-рѣкѣ: Ропкину отсѣкли руки, ноги и голову, Поярку руки и голову; двумъ дьякамъ—Стромилову и Гусеву, да двумъ дѣтямъ боярскимъ—князю Палецкому-Хрулю и Щевью-Стравину отсѣкли головы, многихъ другихъ дѣтей боярскихъ пометали въ тюрьмы. Въ то же время разсердился великій князь и на жену свою, великую княгиню Софію за то, что къ ней приходили ворожеи съ зельемъ; этихъ лихихъ бабъ обыскали и утопили въ Москвѣ-рѣкѣ ночью, послѣ чего Іоаннъ сталъ остерегаться жены [73].

Желаніе бояръ исполнилось. Но, удалившись отъ Софіи, Іоаннъ не удалился отъ мыслей, внушенныхъ ею; отстранивъ сына ея отъ великаго княженія, онъ спѣшилъ совершить царское вѣнчаніе надъ соперникомъ его, внукомъ Димитріемъ, и бояре, нелюбившіе Софію за принесеніе новыхъ понятій, пользуются однако ими и называютъ Димитрія царемъ Боговѣнчаннымъ въ укоръ Василію и сыну его. 4 февраля 1498 года въ Успенскомъ соборѣ среди церкви приготовили мѣсто большое, тамъ гдѣ святителей ставятъ; на этомъ мѣстѣ поставили три стула: великому князю, внуку его Димитрію и митрополиту; на налоѣ лежала шапка Мономахова и бармы. Когда великій князь съ внукомъ вошли въ церковь, митрополитъ со всѣмъ соборомъ началъ служить молебенъ Богородицѣ и Петру Чудотворцу, послѣ чего митрополитъ и великій князь сѣли на своихъ мѣстахъ, а князь Димитрій сталъ у мѣстъ передъ ними, у верхней ступени. Іоаннъ, обратясь къ митрополиту, началъ говорить: „Отецъ митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе; и я было сына своего перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; по Божіею волею сынъ мой Иванъ умеръ, у него остался сынъ первый Димитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ владимірскимъ, московскимъ и новгородскимъ; и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ“. Послѣ этой рѣчи митрополитъ велѣлъ Димитрію стать на его мѣсто, и вставши, благословилъ его крестомъ; потомъ Димитрій преклонилъ голову, и митрополитъ, положивши на нее руку, прочелъ громко молитву,

чтобъ Господь Богъ далъ поставляемому скипетръ царства, посадилъ его на престолъ правды и проч. Два архимандрита поднесли сперва бармы, потомъ шапку; митрополитъ бралъ ихъ, передавалъ великому князю, а тотъ возлагалъ на внука. За этимъ обрядомъ слѣдовала ектенья, молитва Богородицѣ и многолѣтіе, послѣ котораго духовенство поздравило обоихъ великихъ князей; митрополитъ сказалъ Іоанну: „Божіею милостію радуйся и здравствуй преславный царь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ, и съ внукомъ своимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ всея Руси, на многая лѣта"; Димитрію сказалъ: „Божіею милостію здравствуй, господинъ сынъ мой князь великій Димитрій Ивановичъ всея Руси съ государемъ своимъ дѣдомъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, на многая лѣта". Потомъ поздравляли обоихъ великихъ князей дѣти Іоанновы, бояре и всѣ люди. Митрополитъ произнесъ Димитрію слѣдующее поученіе: „Господинъ сынъ князь великій Димитрій Ивановичъ! Божіимъ изволеніемъ дѣдъ твой князь великій пожаловалъ тебя, благословилъ великимъ княжествомъ; и ты, господинъ сынъ, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду и милость и судъ праведный, будь послушенъ своему государю и дѣду великому князю, и попеченіе имѣй отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ; а мы тебя, своего господина и сына, благословляемъ, и Бога молимъ о вашемъ здоровьѣ". Послѣ митрополита Іоаннъ повторилъ тоже наставленіе: „Внукъ князь Дмитрій! пожаловалъ я тебя и благословилъ великимъ княженіемъ; и ты имѣй страхъ въ сердцѣ, люби правду и милость и судъ праведный, и попеченіе отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ". Такъ кончился обрядъ; великіе князья отслушали послѣ литургію и Димитрій вышелъ изъ церкви въ шапкѣ и бармахъ; въ дверяхъ осыпалъ его трижды деньгами золотыми и серебряными дядя Юрій Ивановичъ (Василій содержался подъ стражею); тоже повторено было предъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами [76].

Но торжество бояръ не было продолжительно. Не прошло еще году послѣ царскаго вѣнчанія Димитріева, какъ въ генварѣ 1499 страшная опала постигла два знатнѣйшихъ боярскихъ семейства— князей Патрикѣевыхъ и князей Ряполовскихъ. Мы видѣли, что при дѣдѣ и отцѣ Іоанна первое мѣсто между служилыми князьями и боярами принадлежало литовскимъ выходцамъ, князьямъ Гедимино-

ва рода, Патрикѣевымъ, которые породнились и съ великими князьями московскими, ибо князь Юрій Патрикѣевичъ женился на дочери великаго князя Василія Димитріевича. Сынъ Юрія, Иванъ, первый бояринъ при Василіи Темномъ, продолжалъ первенствовать и при Іоаннѣ III-мъ: къ нему послы иностранные обращались съ важными предложеніями; къ нему, какъ мы видѣли, обратился и братъ великокняжескій Андрей съ просьбою о посредничествѣ. Князь Иванъ породнился съ другимъ знаменитымъ семействомъ боярскимъ, ведшимъ свой родъ отъ Ивана, сына Всеволода III, и возвысившимся въ Москвѣ при Василіи Темномъ чрезъ важныя услуги, оказанныя семейству послѣдняго: Патрикѣевъ выдалъ дочь за князя Семена Ряполовскаго-Стародубскаго. И вотъ, не смотря на важное значеніе, родство, заслуги отцовскія, Іоаннъ велѣлъ схватить князя Ивана Юрьевича съ двумя сыновьями, зятя его, князя Семена Ряполовскаго, испыталъ подробно всѣ крамолы [77], нашелъ измѣну бояръ [78], и приговорилъ ихъ къ смертной казни: 5 февраля Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ; просьбы духовенства спасли жизнь Патрикѣевымъ: отецъ со старшимъ сыномъ должны были постричься въ монахи—первый у Троицы, другой въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ; младшій сынъ остался подъ стражею въ домѣ [79]. Неизвѣстно, отобрано ли было имѣніе у Патрикѣевыхъ; изъ духовной князя Ивана Юрьевича, написанной прежде опалы, знаемъ, что у него было около пятидесяти вотчинъ, селъ, селецъ и деревень, поименованныхъ въ духовной, кромѣ такихъ селецъ и деревень, которыя не названы по имени, а причислены къ селамъ [80].

Лѣтописцы говорятъ глухо, не объявляютъ, въ чемъ состояли крамолы, измѣна Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго; но нѣтъ сомнѣнія, что эта измѣна и крамолы состояли въ дѣйствіяхъ ихъ противъ Софіи и ея сына въ пользу Елены и Димитрія внука: это ясно видно изъ приведенныхъ выше словъ Курбскаго и Берсеня; ясно и изъ того, что за опалою Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго немедленно послѣдовала опала Елены и Димитрія, торжество Софіи и Василія. Здѣсь мы не можемъ не привести одного любопытнаго извѣстія, изъ котораго видно, что поведеніе Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго, поступавшихъ еще по старой княжеской и боярской привычкѣ, не нравилось Іоанну, требовавшему новыхъ отношеній князей служилыхъ и бояръ къ великому князю, государю: да-

вая наставленіе посламъ, отправлявшимся къ посольскому королю, Іоаннъ говоритъ: „Чтобъ во всемъ между васъ было гладко, пили бы бережно, не до пьяна, чтобы вашимъ небреженьемъ нашему имени безчестья не было; вѣдь что сдѣлаете не по пригожу, такъ намъ безчестье и вамъ тоже; и вы бы во всемъ себя берегли, а не такъ бы дѣлали, какъ князь Семенъ Ряполовскій высокоумничалъ съ княземъ Васильемъ, сыномъ Ивана Юрьевича“ [81].

Послѣ опалы боярской Іоаннъ началъ нерадѣть о внукѣ, по выраженію лѣтописцевъ [82], и объявилъ сына Василія великимъ княземъ Новгорода и Пскова. Въ Новгородѣ, послѣ выводовъ старыхъ жителей, было тихо, оттуда не раздалось никакого возраженія; но Псковичи еще жили по старинѣ: узнавши объ этой новости и не зная, въ чемъ дѣло, они отправили въ Москву троихъ посадниковъ и по три боярина съ конца бить челомъ великимъ князьямъ Іоанну Васильевичу и внуку его Димитрію Іоанновичу, чтобъ держали отчину свою въ старинѣ, и который великій князь будетъ на Москвѣ, тотъ былъ бы и во Псковѣ. Услыхавъ отъ пословъ такую просьбу, великій князь разсердился: „развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? сказалъ онъ: кому хочу, тому и дамъ княжество“. Одинъ посадникъ съ боярами были отпущены, двое другихъ задержаны и посажены въ тюрьму. Въ это время пріѣхалъ во Псковъ изъ Новгорода владыка Геннадій, и хотѣлъ соборовать; но посадники и Псковичи, подумавъ, соборовать владыкѣ не дали: „Ты хочешь молить Бога за великаго князя Василья, а наши посадники за тѣмъ поѣхали къ великому князю, что мы не вѣримъ, будто князь Василій будетъ великимъ княземъ новгородскимъ и псковскимъ; подожди: когда пріѣдутъ наши посадники и бояре, тогда и служи“. Послы пріѣхали, но не всѣ, пріѣхали съ опалою безъ поклона, съ однимъ отвѣтомъ: „Развѣ не воленъ я князь великій въ своихъ дѣтяхъ и въ своемъ княженіи“? Псковичи поспѣшили послать другихъ бояръ бить челомъ великимъ князьямъ—Іоанну Васильевичу и Василію Іоанновичу новгородскому и псковскому „чтобъ государи наши держали отчину свою въ старинѣ, а посадниковъ бы отпустили“. Посадники были отпущены и вслѣдъ за ними пріѣхалъ бояринъ изъ Москвы съ объявленіемъ, что великій князь отчину свою держитъ въ старинѣ [83].

Псковичи напрасно безпокоились: Іоаннъ не хотѣлъ дѣлить ве-

ликаго княженія, не хотѣлъ раздирать его усобицами, которыя могли кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и предупредилъ борьбу, пожертвовавъ сыну внукомъ. 11 апрѣля 1502 года великій князь положилъ опалу на внука своего, великаго князя Димитрія, и на мать его Елену, посадилъ ихъ подъ стражу, и съ того дня не велѣлъ поминать ихъ на ектеньяхъ и литіяхъ, не велѣлъ называть Димитрія великимъ княземъ; а 14 апрѣля пожаловалъ сына своего Василія, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Владимірское и Московское и всея Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита [84]. Съ этихъ поръ имя великаго князя Василія является въ грамотахъ подлѣ отцовскаго, причемъ Іоаннъ называется въ отличіе великимъ княземъ большимъ [85]. Отпуская пословъ въ Литву, Іоаннъ далъ имъ такой наказъ: Если дочь великаго князя (Елена) или кто другой спроситъ: какъ великій князь пожаловалъ сына своего Василія великимъ княжествомъ? то посламъ отвѣчать: „Пожаловалъ государь нашъ сына своего, учинилъ государемъ такъ: какъ самъ онъ государь на государствахъ своихъ, такъ и сынъ его съ нимъ на всѣхъ тѣхъ государствахъ государь". Если же спросятъ: А вѣдь прежде государь пожаловалъ великимъ княжествомъ внука своего: и онъ взялъ ли у внука великое княжество?—то на это послы должны были отвѣчать: „который сынъ отцу служитъ и поровитъ, того отецъ больше и жалуетъ; а который сынъ родителямъ не служитъ и не поровитъ, того за что жаловать?" Если же дочь великаго князя Елена спроситъ: гдѣ теперь внукъ и сноха?—то послы должны отвѣчать: „внукъ и сноха живутъ теперь у великаго князя, также какъ и прежде жили" [86]. Посолъ, отправленный въ Крымъ, долженъ былъ на тѣ же вопросы отвѣчать такъ: „внука своего государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ государю нашему грубить; но вѣдь жалуетъ всякій того, кто служитъ и поровитъ, а который грубитъ, того за что жаловать?" [87].

ГЛАВА III.

Подчиненіе Казани.—Завоеваніе Перми.—Югорскіе князья платятъ дань въ Москву; утвержденіе русскихъ на Печорѣ; переходъ за Уральскія горы.—Нашествіе хана Золотой Орды Ахмата.—Поведеніе Іоанна во время втораго нашествія Ахмата.—Посланіе къ нему Вассіана архіепископа ростовскаго.—Отступленіе Ахмата отъ Угры.—Гибель Ахмата въ степяхъ.—Крымская орда.—Союзъ Іоанна съ крымскимъ ханомъ Менгли-гиреемъ; крымцы дорушиваютъ Золотую Орду.—Первыя сношенія Россіи съ Турціею.—Сношенія съ Тюменцами, Ногаями, Хоросаномъ и Грузіею.

Послѣдній походъ Василія Темнаго былъ на Казань; первый походъ московской рати въ княженіе сына его былъ также на Казань. Въ 1467 году служилый московскій царевичъ Касимъ получилъ изъ Казани вѣсть, что тамъ хотятъ видѣть его ханомъ, и чтобъ онъ спѣшилъ туда съ войскомъ; Касимъ обрадовался, далъ знать объ этомъ великому князю, и тотъ послалъ къ нему сильную рать подъ начальствомъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго-Стриги. Но когда Касимъ подошелъ къ Волгѣ, то на другомъ берегу уже стоялъ казанскій ханъ Ибрагимъ со всѣми князьями, и не допустилъ его до перевоза. Обманутый Касимъ въ холодную и дождливую осень долженъ былъ возвращаться назадъ; оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что многіе изъ ратниковъ Оболенскаго въ постные дни принуждены были ѣсть мясо, а лошади мерли съ голоду; много доспѣховъ было побросано на дорогѣ, но люди всѣ возвратились домой благополучно. Казанцы спѣшили отомстить, и немедленно явились подъ Галичемъ, но получили скудную добычу, ибо всѣ окружные жители сидѣли запершись въ городѣ; городовъ же брать не могли, потому что великій князь успѣлъ разослать заставы въ Муромъ, Нижній, Кострому и Галичъ. Счастливѣе были московскіе дѣти боярскіе, которые зимою

6 декабря выступили изъ Галича въ землю Черемисскую. Цѣлый мѣсяцъ, въ сильную стужу, безъ дороги шли они лѣсами. 6-го января 1468 года вошли къ Черемисамъ и выжгли всю землю ихъ до тла, людей перебили, другихъ взяли въ плѣнъ, иныхъ сожгли, имѣніе все побрали, скотъ, котораго нельзя было съ собою увести, перебили; за одинъ день пути только не дошли до Казани, и возвратились къ великому князю всѣ поздорову; въ то же время Муромцы и Нижегородцы воевали по Волгѣ [88]. Казанцы отомстили нападеніемъ на верховья рѣки Юга, гдѣ сожгли городокъ Кичменгу; потомъ повоевали двѣ костромскія волости. Князь Оболенскій-Стрига не могъ догнать ихъ; счастливѣе былъ князь Данило Холмскій, которому удалось разбить Татаръ, разорявшихъ Муромскую волость.

Весною новый походъ: воеводы собрались на Вяткѣ, подъ Котелничемъ, повоевали по Вяткѣ Черемисъ, выплыли въ Каму, воевали до Тамлуга и Перевоза татарскаго, побили многихъ купцовъ и товару у нихъ отняли много; входили воевать и въ Бѣлую-Воложку [89]; на берегахъ Камы разбили отрядъ Татаръ изъ двухъ сотъ человѣкъ, потерявши на бою двухъ человѣкъ убитыми; наконецъ черезъ Великую Пермь и Устюгъ возвратились въ Москву. Съ другой стороны князь Хрипунъ-Ряполовскій съ нижегородскою заставою разбилъ татарскій отрядъ, состоявшій изъ дворянъ ханскихъ. Но въ то время, какъ Русскіе воевали по Камѣ, Казанцы съ большою силою пришли къ Вяткѣ и заставили ея жителей передаться хану Ибрагиму.

Въ 1469 году, весною же, великій князь задумалъ походъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: пошла подъ Казань судовая рать, въ которой были дѣти боярскіе изъ всѣхъ городовъ, подъ начальствомъ воеводы Константина Александровича Беззубцева; пошла и московская городовая рать, сурожане, суконники, купцы и прочіе Москвичи, которымъ было можно, по ихъ силѣ, съ воеводою княземъ Петромъ Васильевичемъ Оболенскимъ-Нагимъ; суда шли къ Нижнему, изъ Москвы Москвою-рѣкою и Окою, Коломничи и Муромцы Окою, Владимірцы и Суздальцы Клязьмою, Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и всѣ другіе поволжане прямо Волгою, и всѣ сошлись къ Нижнему въ одинъ срокъ. Другая рать подъ начальствомъ князя Данилы Ярославскаго изъ Вологды и Устюга пришла къ Вяткѣ, и повѣстила Вятчанамъ,

чтобъ шли вмѣстѣ на казанскаго царя; но мы видѣли уже, что Вятчане отказались воевать противъ Ибрагима. Въ это время въ Вяткѣ былъ казанскій посолъ, который и далъ знать своимъ, что идетъ отъ Вятки рать московская судовая, но небольшая. Между тѣмъ Беззубцевъ съ главною ратью стоялъ въ Нижнемъ, куда пришла къ нему великокняжеская грамота съ приказомъ—самому стоять въ Нижнемъ, на казанскія же мѣста отпустить охотниковъ. Беззубцевъ созвалъ всѣхъ князей и воеводъ, и объявилъ имъ: „Прислалъ великій князь грамоту, и велѣлъ всѣмъ вамъ сказать: кто изъ васъ хочетъ идти воевать казанскія мѣста по обѣ стороны Волги, тотъ ступай, только къ городу Казани не ходите". Рать отвѣчала: „Всѣ хотимъ на окаянныхъ Татаръ, за святыя церкви, за своего государя великаго князя Ивана и за православное христіанство"!—и пошли всѣ, а Беззубцевъ одинъ остался въ Нижнемъ. Ратники выплыли изъ Оки подъ Нижній-Новгородъ Старый, вышли изъ судовъ къ церкви, велѣли священникамъ служить молебенъ за великаго князя и за воиновъ его и милостыню роздали каждый по силѣ [90]; потомъ собрались, и стали думать—кого поставить воеводою, чтобъ одного всѣмъ слушать; долго думавши, выбрали себѣ по своей волѣ Ивана Руна. Въ тотъ же день отплыли они отъ Нижняго, два раза ночевали на дорогѣ [91], и на третьи сутки, на ранней зарѣ, 21 мая пришли подъ Казань, забрались въ посады, велѣли трубить въ трубы и бросились сѣчь сонныхъ Татаръ, грабить, брать въ плѣнъ, освободили христіанскихъ плѣнниковъ, московскихъ, рязанскихъ, литовскихъ, вятскихъ, устюжскихъ, пермскихъ, и зажгли посады со всѣхъ сторонъ; Татары, не хотя отдаться въ руки христіанамъ, и больше жалѣя о богатствѣ своемъ, запирались со всѣмъ добромъ, съ женами и дѣтьми въ мечетяхъ, и тамъ сгорали. Когда посады погорѣли, русская рать, истомившись отступила отъ города [92], сѣла на суда, и отплыла на островъ Коровничь, гдѣ стояла семь дней. На осьмой прибѣжалъ изъ Казани плѣнный Коломнятинъ и объявилъ: „Собрался на васъ царь казанскій Ибрагимъ со всею землею, камскою, сыплинскою, костяцкою, бѣловоложскою, вотяцкою, башкирскою, и быть ему на васъ на ранней зарѣ, съ судовою ратью и конною". Услыхавши эту вѣсть, воеводы и ратники начали отсылать отъ себя молодыхъ людей съ большими судами, а сами остались назади на берегу оборонять ихъ. Они приказали моло-

дымъ стать на Ирыховѣ островѣ, а на узкое мѣсто не ходить; но тѣ не послушались, пошли въ узкое мѣсто на большихъ судахъ, и тутъ пришли на нихъ конные татары, начали стрѣлять, стараясь ихъ выбить; но русскіе отстрѣливались удачно и отбились отъ непріятеля. Между тѣмъ судовая рать татарская, лучшіе князья и люди, пошли на главный отрядъ, сбираясь пожрать его, потому что былъ не великъ; но русскіе не испугались, пошли противъ татаръ, и прогнали ихъ до самаго города. Возвратившись съ погони, вся рать стала на Ирыховѣ островѣ, и тутъ пришелъ къ ней большой воевода Беззубцевъ, который, простоявши еще семь недѣль въ ожиданіи вятчанъ и отряда князя ярославскаго, и видя, что въ войскѣ оказывается недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, двинулся со всею ратью назадъ къ Нижнему; на другой день встрѣтили они ханшу, мать Ибрагимову, плывшую изъ Москвы, которая объявила имъ, что войны больше не будетъ: „князь великій, говорила она, отпустилъ меня къ сыну со всѣмъ добромъ и съ честію; больше уже не будетъ никакого лиха между ними, но все только добро будетъ“. Вѣроятно прибытіе этой ханши въ Москву и заставило великаго князя отложить походъ Беззубцева изъ Нижняго. Воевода продолжалъ путь Волгою вверхъ, и остановившись въ воскресенье на Звеничѣ островѣ, велѣлъ священникамъ служить обѣдню; отслушавъ обѣдню, хотѣли уже садиться обѣдать, а въ нѣкоторыхъ церквахъ не успѣли еще и обѣденъ отслужить, какъ вдругъ показались татары въ судахъ на рѣкѣ и на коняхъ по берегу. Русскіе бросились на суда, схватились съ непріятелемъ и прогнали его; но стрѣльба конницы заставила ихъ отплыть къ своему берегу; тогда судовые татары погнались опять за ними, русскіе снова оборотились и прогнали татаръ; такъ бились цѣлый день и разошлись ночевать—татары на своемъ берегу, русскіе на своемъ. Какъ на другой день они разошлись, лѣтописи не говорятъ.

Но есть извѣстіе о судьбѣ другого отряда, находившагося подъ начальствомъ князя ярославскаго, который, какъ мы видѣли, шелъ Вяткою и Камою. Получивши вѣсть отъ одного татарина, что войско Беззубцева было подъ Казанью и ушло, заключивши миръ съ ханомъ, князь ярославскій рѣшился выйти изъ Камы въ Волгу, и мимо Казани плыть къ Нижнему; но когда онъ поровнялся съ Казанью, то нашелъ, что Волга загорожена татарскими судами;

не смотря на неравенство силъ, русскіе должны были вступить въ битву, чтобъ проложить себѣ дорогу; битва была ожесточенная, сѣклись схватываясь руками; нѣсколько воеводъ полегло на мѣстѣ; особенное мужество оказалъ князь Василій Ухтомскій, который скакалъ по связаннымъ судамъ татарскимъ, и билъ ослопомъ непріятеля; русскіе потеряли 430 человѣкъ убитыми и взятыми въ плѣнъ; много было побито, потоплено и татаръ; наконецъ князю Ухтомскому и устюжанамъ удалось пробиться и приплыть къ Нижнему [93], откуда послали къ великому князю бить челомъ о жалованьѣ: Іоаннъ дважды посылалъ къ нимъ по золотой деньгѣ; но они обѣ эти деньги отдали священнику, который былъ съ нимъ подъ Казанью, пусть Бога молитъ о государѣ и о всемъ его воинствѣ; въ третій разъ Іоаннъ послалъ имъ запасъ: 700 четвертей муки, 300 пудовъ масла, 300 луковъ, 6000 стрѣлъ, 300 шубъ бараньихъ, 300 однорядокъ изъ иностраннаго сукна и 300 сермягъ, съ приказомъ идти въ новый походъ на Казань.

Въ четыре описанные похода ничего не было сдѣлано: весь успѣхъ ограничивался опустошеніемъ непріятельскихъ областей, за что казанцы также не оставались въ долгу; сожженіе казанскихъ посадовъ Руномъ не могло вознаградить за потери, понесенныя отрядомъ князя ярославскаго; мало того, выгода была явно на сторонѣ казанцевъ, потому что имъ удалось подчинить себѣ Вятку. Лѣтописи не говорятъ намъ о числѣ войскъ, отправлявшихся до сихъ поръ на Казань, но изъ ихъ разсказа ясно, что неуспѣхъ главнымъ образомъ зависѣлъ отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности; одинъ воевода не могъ ничего сдѣлать, потому что не могъ дождаться другого; приказъ великокняжескій и воеводскій не былъ исполненъ: Руно пошелъ на Казань, когда ему прямо сказано было не ходить; подъ Казанью молодые не слушались старшихъ. И вотъ для полученія чего-нибудь рѣшительнаго лѣтомъ же 1469 года Іоаннъ послалъ подъ Казань двоихъ братьевъ своихъ, Юрія и Андрея Большаго вмѣстѣ съ молодымъ верейскимъ княземъ, Василіемъ Михайловичемъ, со всею силою московскою и устюжскою, конною и судовою. 1-го сентября князь Юрій подошелъ къ Казани; татары выѣхали на встрѣчу, но побившись немного, побѣжали въ городъ и затворились, а русскіе обвели острогъ и отняли воду. Тогда Ибрагимъ, видя себя въ большой бѣдѣ, началъ посылать съ просьбою о мирѣ, и добилъ че-

ломъ на всей волѣ великаго князя и воеводской. Мы не знаемъ, въ чемъ состояла эта воля; знаемъ только, что ханъ выдалъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ за 40 лѣтъ.

Очень быть можетъ, что никакихъ другихъ условій не было; могли желать покончить скорѣе съ Казанью, потому что вниманіе отвлекалось другими важнѣйшими отношеніями: съ новгородцами дѣла не ладились; Казиміръ литовскій пересылался съ Ахматомъ, ханомъ Золотой Орды. Въ продолженіе слѣдующихъ осьми лѣтъ, когда Іоаннъ былъ занятъ дѣлами новгородскими, о Казани не было слышно; и какъ нарочно ханъ казанскій нарушилъ миръ въ то самое время, когда Іоаннъ привелъ Новгородъ окончательно въ свою волю. и могъ обратить оружіе на востокъ. Въ началѣ 1478 года, когда еще великій князь былъ въ Новгородѣ, пришла въ Казань вѣсть, что онъ потерпѣлъ пораженіе отъ новгородцевъ, и самъ-четвертъ убѣжалъ раненый. Ханъ поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и вооружился; но относительно похода казанцевъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ разныя показанія: въ нѣкоторыхъ говорится, что самъ Ибрагимъ напалъ на Вятку, взялъ много плѣнныхъ по селамъ; но города не взялъ ни одного и подъ Вяткою потерялъ много своихъ татаръ, стоявши подъ городомъ съ масляницы до четвертой недѣли поста [94]; въ иныхъ прибавлено, что и нѣкоторые города передались хану [95]; въ другихъ сказано, что ханъ пошелъ было и на Устюгъ, но задержанъ былъ разлившеюся рѣкою [96]. Но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что Ибрагимъ не пошелъ самъ, а послалъ на Вятку войско, и когда пришла къ нему справедливая вѣсть, что великій князь покорилъ Новгородъ, то онъ отдалъ войску приказъ возвратиться немедленно; войско повиновалось такъ ревностно. что побѣжало, бросивши даже кушанье, которое варилось въ котлахъ [97]. Мы не можемъ видѣть несогласимаго противорѣчія въ томъ, что ханъ самъ пошелъ въ походъ или только отправилъ войско съ воеводами: народная молва и самые лѣтописцы легко могли приписать походъ самому хану, хотя бы его и не было при войскѣ; легко могло явиться выраженіе: „приходилъ царь казанскій“ вмѣсто „приходили татары казанскіе“ или: „приходилъ царевичъ казанскій“. Что же касается до извѣстія о быстромъ отступленіи въ слѣдствіе приказа изъ Казани, то оно не противорѣчитъ извѣстію объ опустошеніи вятской области и четырехъ-недѣльномъ стояніи подъ городомъ,

ибо приказъ возвратиться именно могъ придти послѣ этого четырехъ-недѣльнаго стоянія; наконецъ относительно извѣстія о походѣ къ Устюгу легко можно допустить здѣсь отдѣльный отрядъ татарскій.

Какъ бы то ни было, великій князь не хотѣлъ оставлять безъ вниманія нарушеніе мира со стороны Ибрагимовой, и весною московскіе воеводы, Образецъ и другіе, поплыли Волгою изъ Нижняго къ Казани, опустошили волости и подплыли къ городу; но сильная буря и дождь помѣшали приступу и заставили московское войско отступить; съ другой стороны вятчане и устюжане вошли Камою въ казанскія владѣнія и также опустошили ихъ: Ибрагимъ послалъ съ челобитьемъ къ великому князю и заключилъ миръ на всей его волѣ [98]; воля эта опять остается неизвѣстною.

До сихъ поръ война съ Казанью ограничивалась местью опустошеніями за опустошенія; изъ мирныхъ договоровъ, заключавшихся по волѣ великаго князя московскаго, знаемъ только объ обязательствѣ хана отпустить плѣнниковъ; но скоро смерть Ибрагима и внутреннія смуты, послѣдовавшія за нею въ Казани, дали московскому князю возможность утвердить здѣсь рѣшительно свое вліяніе, впервые привести въ зависимость Татарское царство. Послѣ Ибрагима осталось двое сыновей отъ разныхъ женъ—старшій Алегамъ (Али-Ханъ) и младшій Магметъ-Аминь; около каждаго изъ нихъ образовалась своя сторона; Алегамъ, съ помощію Ногаевъ, осилилъ, и сѣлъ на отцовскомъ столѣ; но волненія не прекратились, и подавали поводъ московскому князю вооруженною рукою вмѣшиваться въ казанскія дѣла [99]; наконецъ молодой Магметъ-Аминь явился въ Москву бить челомъ великому князю, назвалъ его себѣ отцемъ и просилъ у него силы на брата Алегама. Іоаннъ обѣщалъ: ему тѣмъ болѣе выгодно было видѣть ханомъ въ Казани Магметъ-Аминя, что мать послѣдняго, Нурсалтанъ, вышла замужъ за крымскаго хана Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Москвы, и скоро пришла вѣсть изъ Казани, обѣщавшая удачу въ предпріятіи; казанскіе вельможи прислали сказать великому князю: „Мы отпустили къ тебѣ Магметъ-Аминя для того, что если въ случаѣ Алегамъ станетъ съ нами поступать дурно, то ты опять отпустишь къ намъ Магметъ-Аминя; узнавши объ этомъ Алегамъ зазвалъ насъ къ себѣ на пиръ и хотѣлъ перерѣзать, мы убѣжали въ степь; а онъ, укрѣпивши городъ, выступилъ за нами“. Іоаннъ не сталъ болѣе медлить, и въ апрѣлѣ 1487 года послалъ на Казань большую рать

подъ начальствомъ князей—Данилы Холмскаго, Александра Оболенскаго, Семена Ряполовскаго и Семена Ярославскаго, въ слѣдъ за которыми отправилъ и Магмета-Аминя; войска, по обычаю, плыли на судахъ, лошадей гнали берегомъ. Алегамъ выѣхалъ противъ нихъ со всею силою, но, побившись немного, убѣжалъ въ городъ и заперся здѣсь. Казань была осаждена, обведена была острогомъ: осада продолжалась три недѣли и каждый день Алегамъ дѣлалъ вылазки; съ другой стороны много вреда русскому войску причинялъ князь Алгазый, оставшійся внѣ города; наконецъ воеводамъ удалось прогнать Алгазыя за Каму въ степь; послѣ этого изнемогъ и Алегамъ, самъ выѣхалъ изъ города и отдался въ руки воеводамъ 9 іюля. На его мѣсто посланъ былъ Магметъ-Аминь, какъ подручникъ великаго князя московскаго; крамольные князья и уланы казнены смертію; Алегамъ съ женою сосланы въ заточеніе въ Вологду, мать его, братья и сестры на Бѣлоозеро въ Карголомъ [100]. Подручническія отношенія Магметъ-Аминя къ московскому великому князю не выражаются нисколько въ формахъ ихъ грамотъ; письма ханскія начинаются такъ: „Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, брату моему, Магметъ-Аминь царь челомъ бьетъ“: письма Іоанновы начинаются также: „Магметъ-Аминю царю, брату моему, князь великій Иванъ челомъ бьетъ“. Но несмотря на равенство въ формахъ, письма Іоанновы къ Магметъ-Аминю заключаютъ въ себѣ приказанія; такъ, напримѣръ, муромскіе намѣстники поймали однажды казанскаго татарина, который ѣхалъ съ товарами черезъ Мордву, а Новгородъ-Нижній и Муромъ объѣхалъ. избывая пошлинъ. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ писалъ Магметъ-Аминю: „Ты бы въ Казани и во всей своей землѣ заповѣдалъ всѣмъ своимъ людямъ, чтобъ изъ Казани чрезъ Мордву и Черемису на Муромъ и Мещеру не ѣздилъ никто; а ѣздили бы изъ Казани всѣ Волгою на Новгородъ-Нижній“. Желая жениться на дочери ногайскаго хана, Магметъ-Аминь испрашивалъ на то согласія великаго князя; наконецъ видимъ, что на казанскія волости наложена была извѣстная подать, шедшая въ московскую казну и сбираемая московскими чиновниками: такъ Магметъ-Аминь жаловался великому князю, что какой-то Өедоръ Киселевъ притѣсняетъ цивильскихъ жителей, беретъ лишнія пошлины [101].

Но самъ Магметъ-Аминь возбудилъ противъ себя негодованіе вельможъ казанскихъ разнаго рода насиліями. Въ маѣ 1496 года

онъ извѣстилъ великаго князя, что идетъ на него Шибанскій царь Мамукъ съ большою силою, а внутри Казани измѣна: сносятся съ непріятелемъ князья Калиметъ, Уракъ, Садырь и Агишъ. Іоаннъ велѣлъ идти къ нему на помощь воеводѣ своему, князю Семену Ряполовскому съ дѣтьми боярскими московскаго двора и понизовыхъ городовъ; когда Калиметъ съ товарищами узнали о приближеніи московскаго войска, то выбѣжали изъ Казани къ Мамуку, который также испугался и ушелъ домой. Но только что московское войско успѣло возвратиться, какъ недовольные казанцы дали объ этомъ знать Мамуку, и тотъ явился подъ Казанью съ большою силою ногайскою и князьями казанскими. Магметъ-Аминь, боясь измѣны, выбѣжалъ изъ Казани съ женою и вѣрными князьями, и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ великій князь держалъ его въ чести. Мамукъ вошелъ въ Казань безъ сопротивленія, но началъ царствованіе тѣмъ, что схватилъ своихъ старыхъ доброжелателей, Калимета съ товарищами, ограбилъ купцовъ и всѣхъ земскихъ людей. Князей онъ скоро выпустилъ и пошелъ съ ними осаждать Арскій городъ; но арскіе князья города своего ему не сдали и бились крѣпко; въ то же время и князья казанскіе убѣжали изъ его стана въ Казань, укрѣпили городъ, не пустили въ него Мамука, и послали въ Москву бить челомъ великому князю, чтобъ простилъ ихъ за измѣну и пожаловалъ, не присылалъ бы къ нимъ прежняго хана Магметъ-Аминя, потому что отъ него большое насиліе и безчестіе женамъ ихъ. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу, и вмѣсто Магметъ-Аминя послалъ въ Казань младшаго брата его, также сына Ибрагимова отъ Нурсалтаны, Абдылъ-Летифа, недавно пріѣхавшаго служить ему изъ Крыма, и получившаго въ кормленіе Звенигородъ со всѣми пошлинами. Князья Семенъ Холмской и Ѳедоръ Палецкій посадили Летифа на царство и привели къ присягѣ (шерти) за великаго князя всѣхъ князей казанскихъ, улановъ и земскихъ людей, по ихъ вѣрѣ. Магметъ-Аминю, вмѣсто Казани, дали Каширу, Серпуховъ, Хотунь со всѣми пошлинами; но онъ и здѣсь права своего не перемѣнилъ, жилъ съ насильствомъ и алчно ко многимъ, по словамъ лѣтописца [102].

Летифъ не долго царствовалъ. Какъ видно, тотъ же самый князь Калиметъ, который былъ въ главѣ недовольныхъ Магметъ-Аминемъ, потомъ оказался опасенъ Мамуку и былъ имъ схваченъ, теперь не могъ ужиться и съ Летифомъ, и дѣйствовалъ противъ него

обвиненіями въ Москвѣ: въ генварѣ 1502 года великій князь отправилъ въ Казань князя Василья Ноздреватаго и Ивана Телешова съ приказомъ схватить Летифа за его неправду; Летифъ былъ схваченъ, привезенъ въ Москву и сосланъ въ заточенье на Бѣло-озеро [103]. По другимъ же извѣстіямъ [104] Летифъ былъ схваченъ Калиметомъ, пріѣхавшимъ для того изъ Москвы. Московскій посолъ въ Крыму объявилъ Менгли-Гирею о винахъ Летифа въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: „великій князь его пожаловалъ, посадилъ на Казани, а онъ ему началъ лгать, ни въ какихъ дѣлахъ управы не чинилъ, да и до земли казанской сталъ быть лихъ“ [105]. На мѣсто Летифа посаженъ былъ опять Магметъ-Аминь, который не забылъ, что Калиметъ былъ главнымъ виновникомъ его прежняго изгнанія изъ Казани; можетъ быть Калиметъ своимъ поведеніемъ и своими отношеніями къ Москвѣ убѣдилъ хана, что имъ двоимъ нельзя быть вмѣстѣ въ Казани. Магметъ-Аминь убилъ Калимета, держа гнѣвъ на великаго князя, по словамъ лѣтописца [106]. По другимъ извѣстіямъ, этотъ гнѣвъ еще болѣе былъ воспламененъ новою женою Магметъ-Аминя, вдовою прежняго царя казанскаго Алегама, на которой великій князь позволилъ жениться: будучи научаема вельможами, она день и ночь шептала хану, чтобъ отложился отъ Москвы [107]. Весною 1505 года Магметъ-Аминь прислалъ въ Москву одного изъ своихъ князей съ грамотою о какихъ-то дѣлахъ; какъ видно, грамота заключала въ себѣ жалобы, потому что великій князь отправилъ въ Казань своего посла сказать хану, чтобъ онъ всѣмъ тѣмъ рѣчамъ не потакалъ. Этотъ отказъ въ удовлетвореніи жалобъ послужилъ Магметъ-Аминю поводомъ къ отложенію отъ Москвы: посолъ великокняжескій былъ схваченъ вмѣстѣ съ русскими купцами, пріѣхавшими на ярмарку 24 іюня: нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе ограблены и отосланы къ Ногаямъ; послѣ чего Магметъ-Аминь подходилъ къ Нижнему Новгороду, который былъ спасенъ искусствомъ и храбростію плѣнныхъ стрѣльцовъ литовскихъ, взятыхъ на Ведрошѣ и сосланныхъ въ Нижній. Скоро послѣдовавшая за тѣмъ смерть великаго князя дала хану возможность наслаждаться своимъ торжествомъ безнаказанно.

Прочнѣе, чѣмъ на низовьяхъ Камы, утвердилось русское владычество въ верхнихъ ея частяхъ. Мы видѣли, что еще въ княженіе Димитрія Донскаго св. Стефанъ крестилъ часть народонаселенія

пермской земли, именно зырянъ; изъ описаній этого событія видно, что послѣдніе еще прежде были подчинены великимъ князьямъ московскимъ: Св. Стефанъ является ходатаемъ за новообращенныхъ предъ правительствомъ; дѣло Стефана въ Перми довершено было однимъ изъ преемниковъ его: подъ 1462 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что епископъ пермскій Іона крестилъ Великую Пермь и князя ея, поставилъ церкви, игуменовъ и священниковъ [108]. Въ какомъ отношеніи находилась эта Великая Пермь и князь ея къ Москвѣ, мы не знаемъ; новгородцы даже въ шелонскомъ договорѣ включили Пермь въ число своихъ владѣній; но тотчасъ по заключеніи этого договора, въ 1472 году великій князь послалъ воеводу, князя Ѳедора Пестраго на пермяковъ за ихъ неисправленіе; 26 іюня пришла въ Москву вѣсть, что Пестрый завоевалъ пермскую землю: съ устья Черной рѣки воевода плылъ на плотахъ съ лошадьми до городка Анфаловскаго; здѣсь сошелъ съ плотовъ и отправился на лошадяхъ въ верхнюю землю къ городку Искору, отпустивши отрядъ подъ начальствомъ Нелидова въ нижнюю землю, на Уросъ, Чердынь и Почку, гдѣ владѣлъ князь Михаилъ. Не доходя до Искора на рѣкѣ Колвѣ, Пестрый встрѣтилъ пермскую рать, разбилъ ее, взялъ въ плѣнъ воеводу Качаима. Отсюда русскіе пошли къ Искору, взяли его, взяли и другіе городки и пожгли; Нелидовъ дѣлалъ то же въ нижней землѣ. Пришедши на мѣсто, гдѣ рѣка Почка впадаетъ въ Колву, Пестрый сождался со всѣми своими отрядами, срубилъ городокъ, сѣлъ въ немъ и привелъ всю землю за великаго князя, къ которому отправилъ плѣннаго князя Михаила съ воеводами его и добычу—шестнадцать сороковъ соболей, шубу соболью, двадцать девять съ половиною поставовъ сукна, три панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя [109]. Послѣ впрочемъ во все продолженіе княженія Іоаннова, въ Перми оставались туземные князья; послѣднимъ изъ нихъ былъ Матвѣй Михайловичъ, вѣроятно сынъ упомянутаго выше Михаила; этого Матвѣя великій князь свелъ съ Великой Перми въ 1505 году, и послалъ туда перваго русскаго намѣстника, князя Василья Ковра [110].

Новгородцы и Югру причисляли къ своимъ волостямъ; но мы видѣли, какъ непрочно было тамъ ихъ владычество. Въ 1465 году Іоаннъ велѣлъ устюжанину, Василью Скрябѣ воевать югорскую землю; съ нимъ пошли охочіе люди, пошелъ также князь Василій Ермолаичъ Вымскій съ вымичами и вычегжанами. Выведши много

полона, они привели югорскую землю за великаго князя, двоихъ князей доставили въ Москву, гдѣ великій князь пожаловалъ ихъ опять югорскимъ княженіемъ, и отпустилъ домой, наложивши дань. Давно уже вогуличи нападали на русскія владѣнія въ Перми: мы видѣли, что епископъ Питиримъ, одинъ изъ преемниковъ св. Стефана, палъ ихъ жертвою. Въ 1467 году 120 человѣкъ вятчанъ вмѣстѣ съ пермяками воевали вогуличей и взяли въ плѣнъ князя ихъ Асыку. Въ 1481 году вогуличи напали на Великую Пермь, проникли до Чердыни, но здѣсь настигли ихъ устюжане, подъ начальствомъ Андрея Мишнева и побили. Асыка какимъ-то образомъ успѣлъ освободиться изъ плѣна, и въ 1483 году великій князь послалъ на него воеводъ, князя Ѳедора Курбскаго, Чернаго и Салтыка Травина съ устюжанами, вологжанами, вычегжанами, вымичами, сысоличами, пермяками. На устьѣ Пелыми встрѣтили они вогуличей и разбили съ потерею только семи человѣкъ своихъ; отсюда пошли внизъ по Тавдѣ, мимо Тюмени, въ сибирскую землю, дорогою воевали, добра и плѣнныхъ взяли много; отъ Сибири пошли внизъ по Иртышу, съ Иртыша на Обь, въ югорскую землю, гдѣ взяли въ плѣнъ большаго ея князя Молдана и другихъ, и возвратились въ Устюгъ 1 октября, вышедши оттуда 9 мая. Въ 1485 году, по старанію пермскаго епископа Филоѳея, князья югорскіе, кодскіе—Молданъ, отпущенный изъ плѣна съ дѣтьми, да трое другихъ заключили миръ подъ владычнимъ городомъ Устьвымскимъ съ князьями вымскими — Петромъ и Ѳедоромъ, съ вычегодскимъ сотникомъ и съ владычнимъ слугою, клялись лиха не мыслить и не нападать на пермскихъ людей, а предъ великимъ княземъ вести себя исправно: но для подкрѣпленія клятвы пили воду съ золота, по своему обычаю. Въ послѣдній годъ XV вѣка былъ послѣдній походъ на югорскую землю, на вогуличей: ходили воеводы—князь Семенъ Курбскій, Петръ Ушатый и Заболоцкій-Бражникъ съ 5000 устюжанъ, двинянъ, вятчанъ; разными рѣками и волоками достигли Печоры, построили на берегу крѣпость и отсюда отправились за Уральскія горы, которыя перешли съ большимъ трудомъ [111].

Такъ утвержденіе русскаго владычества на Камѣ, въ Перми имѣло необходимымъ слѣдствіемъ подчиненіе и отдаленнѣйшихъ странъ сѣверовосточныхъ, переходъ черезъ Уральскія горы, потому что дикіе жители этихъ странъ нападали на Пермь и тѣмъ са-

мымъ вызывали на себя русское оружіе. Но вдаваясь все болѣе и болѣе на сѣверовостокъ, по искони принятому направленію, распространяясь легко на счетъ дикихъ финскихъ племенъ, рѣдко разбросанныхъ по огромнымъ пространствамъ, русскія владѣнія не могли съ такою же легкостью распространяться на юговостокъ, ибо тамъ еще стояли своими вежами татары, ослабленные раздѣленіемъ на нѣсколько ордъ, потерявшіе для Руси прежнее значеніе безусловныхъ повелителей, но въ первую половину княженія Іоаннова еще не отказывавшіеся отъ притязаній на дань, и долго послѣ опасные, какъ разбойники неукротимые. Казань, благодаря усобицѣ между дѣтьми Ибрагимовыми, была приведена въ волю великаго князя московскаго, но отложилась передъ смертію Іоанна, и послѣ долгихъ усилій окончательно была покорена только при внукѣ его. Золотая Орда разсыпалась окончательно при Іоаннѣ III, но передъ паденіемъ своимъ привела въ сильный страхъ московское государство, не оставляя своихъ притязаній на господство надъ нимъ.

Увлекаемый новгородцами въ борьбу съ московскимъ княземъ и не имѣя досуга и средствъ къ этой борьбѣ, Казимиръ литовскій хотѣлъ остановить Іоанна посредствомъ татаръ. Въ 1471 году онъ послалъ въ Золотую Орду къ хану Ахмату татарина Кирѣя Кривого, холопа Іоаннова, бѣжавшаго отъ своего господина въ Литву. Пріѣхавши къ Ахмату, Кирѣй началъ говорить ему отъ короля на московскаго князя многія рѣчи лживыя и обговоры, поднесъ богатые дары хану и всѣмъ вельможамъ его, и билъ челомъ, чтобъ вольный царь пожаловалъ, пошелъ на московскаго князя со всею ордою, а король съ другой стороны пойдетъ на Москву со всею своею землею; вельможи были за короля, но хану въ это время былъ недосугъ: цѣлый годъ продержалъ онъ у себя Кирѣя, не имѣя съ чѣмъ отпустить его [112], а между тѣмъ вятчане, приплывши Волгою, овладѣли Сараемъ, во время отсутствія хана, разграбили городъ, взяли плѣнныхъ множество [113].

Неуспѣвши во время отвлечь Іоанна отъ Новгорода, Ахматъ пришелъ къ московскимъ границамъ только лѣтомъ 1472 года, когда новгородскій походъ былъ уже кончепъ и великій князь могъ направить всѣ свои силы въ одну сторону. Узнавши, что ханъ подъ Алексинымъ, Іоаннъ велѣлъ идти къ Окѣ братьямъ своимъ и воеводамъ, и самъ немедленно поѣхалъ въ Коломну, а

оттуда въ Ростиславль, куда велѣлъ слѣдовать за собою и сыну Іоанну [114]. Въ Алексинѣ было мало ратныхъ людей, не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ, никакого городнаго пристрою, и потому великій князь велѣлъ воеводѣ алексинскому Беклемишеву оставить городъ по невозможности держаться въ немъ [115], но воевода не хотѣлъ выйти изъ города, не взявши посула съ жителей; тѣ давали ему пять рублей; но онъ требовалъ шестаго для жены, и въ то время какъ происходила эта торговля, татары повели приступъ; воевода бросился съ женою и слугами на другой берегъ; татары кинулись также въ Оку догонять его, но поймать не могли, потому что въ это время приспѣлъ на берегъ князь Василій Михайловичъ Верейскій, и не далъ имъ переправиться; въ тотъ же день пришли къ Окѣ двое братьевъ Іоанновыхъ, Юрій изъ Серпухова и Борисъ съ Козлова броду, да воевода Петръ Челядинъ съ дворомъ великаго князя. Ханъ велѣлъ своимъ взять Алексинъ; но граждане храбро оборонялись и побили много татаръ. Скоро однако нечѣмъ стало болѣе обороняться, не осталось ни стрѣлы, ни копья, татары зажгли городъ, и онъ сгорѣлъ съ людьми и добромъ ихъ; кто же выбѣжалъ отъ огня, тѣ попались въ руки татарамъ; князь Юрій Васильевичъ и воеводы стояли на другомъ берегу и плакали, но помочь не могли, по глубинѣ Оки въ этомъ мѣстѣ; послѣ ханъ спросилъ одного плѣнника: куда дѣвались алексинцы? сгорѣло ихъ мало, и въ плѣнъ попалось также мало? Плѣнникъ, которому посулили свободу за открытіе, объявилъ, что болѣе тысячи человѣкъ со всѣмъ добромъ забѣжали въ тайникъ, выведенный къ рѣкѣ; татары взяли тайникъ и тутъ уже ни одинъ алексинецъ не ушелъ отъ нихъ. Истребленіемъ Алексина впрочемъ и ограничились всѣ успѣхи Ахмата: слыша, что сам великій князь стоитъ въ Ростиславлѣ, царевичъ Даньяръ Касимовичъ, съ татарами и русскими въ Коломнѣ, братъ великаго князя Андрей Васильевичъ въ Серпуховѣ, видя передъ собою многочисленные полки князя Юрія, какъ море колеблющееся въ свѣтломъ вооруженіи, ханъ двинулся назадъ въ свои улусы: по нѣкоторымъ же извѣстіямъ, Ахматъ принужденъ былъ отступить вслѣдствіе моровой язвы, открывшейся въ его войскѣ [116]; впрочемъ страхъ Ахматовъ будетъ понятенъ и безъ моровой язвы, если справедливо извѣстіе одного лѣтописца, что у

русскихъ было 180.000 войска, стоявшаго въ разныхъ мѣстахъ на пространствѣ 150 верстъ [117].

Послѣ этого, какъ видно, заключенъ былъ миръ между Ахматомъ и великимъ княземъ; подъ 1474 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о приходѣ изъ Орды Никифора Басенка съ ахматовымъ посломъ Каракучукомъ, который привелъ съ собою 600 татаръ, принадлежавшихъ къ посольству, получавшихъ поэтому пищу отъ великаго князя, кромѣ 3200 купцовъ, приведшихъ на продажу болѣе 40.000 лошадей. Въ 1476 году пріѣхалъ въ Москву новый посолъ отъ Ахмата звать великаго князя въ Орду; Іоаннъ отправилъ съ нимъ къ хану своего посла Бестужева, неизвѣстно съ какими рѣчами; извѣстно только то, что эти рѣчи не понравились; есть извѣстіе, впрочемъ сильно подозрительное, что когда ханъ отправилъ въ Москву новыхъ пословъ съ требованіемъ дани, то Іоаннъ взялъ басму (или ханское изображеніе), изломалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами, велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: „Ступай, объяви хану, что случилось съ его басмою и послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ“ [118]. Гораздо вѣроятнѣе другое извѣстіе, что великую княгиню Софью оскорбляла зависимость ея мужа отъ степныхъ варваровъ, зависимость, выражавшаяся платежемъ дани, и что племянница византійскаго императора такъ уговаривала Іоанна прервать эту зависимость: „отецъ мой и я захотѣли лучше отчины лишиться, чѣмъ дань давать; я отказала въ рукѣ своей богатымъ, сильнымъ князьямъ и королямъ для вѣры, вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и дѣтей моихъ сдѣлать данниками; развѣ у тебя мало войска? за чѣмъ слушаешься рабовъ своихъ, и не хочешь стоять за честь свою и за вѣру святую“ [119]. Къ этому извѣстію прибавляютъ, будто, по старанію Софіи, у пословъ и купцовъ татарскихъ взято было кремлевское подворье, будто Софія уговорила Іоанна не выходить пѣшкомъ на встрѣчу къ посламъ ордынскимъ, привозившимъ басму, будто древніе князья кланялись при этомъ посламъ, подносили кубокъ съ кумысомъ и выслушивали ханскую грамоту стоя на колѣнахъ, будто Іоаннъ, для избѣжанія этихъ унизительныхъ обрядовъ сказывался больнымъ при въѣздѣ пословъ ханскихъ; но можно ли допустить, чтобъ отецъ и дѣдъ Іоанновъ подвергались этимъ обрядамъ, если даже допустимъ, что

иностранцы, свидѣтельствующіе о нихъ [120], и сказали полную правду?

Какъ бы то ни было, вѣроятно, что Ахматъ не былъ доволенъ поведеніемъ Іоанна, и въ 1480 году, заслышавъ о возстаніи братьевъ великаго князя, и согласившись опять дѣйствовать за одно съ Казиміромъ литовскимъ, выступилъ на Москву; лѣтописцы говорятъ, что и на этотъ разъ король былъ главнымъ подстрекателемъ. Получивши вѣсть о движеніи Ахмата, великій князь началъ отпускать воеводъ на берега Оки: брата, Андрея Меньшаго отправилъ въ Торусу, сына Іоанна въ Серпуховъ и, получивши вѣсть, что ханъ приближается къ Дону, отправился самъ въ Коломну, 23 іюля. Но ханъ, видя, что по Окѣ разставлены сильные полки, взялъ направленіе къ западу, къ литовской землѣ, чтобъ проникнуть въ московскія владѣнія чрезъ Угру; тогда Іоаннъ велѣлъ сыну и брату спѣшить туда; князья исполнили приказъ, пришли къ Угрѣ прежде татаръ, отняли броды и перевозы.

Въ Москвѣ сѣли въ осадѣ: мать великаго князя, инокиня Марѳа, князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій, митрополитъ Геронтій, ростовскій владыка Вассіанъ, намѣстникъ московскій, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ съ дьякомъ Васильемъ Мамыревымъ; а жену свою, великую княгиню Софію (римлянку, какъ выражаются лѣтописцы), Іоаннъ послалъ вмѣстѣ съ казною на Бѣлоозеро, давши наказъ ѣхать далѣе къ морю и океану, если ханъ перейдетъ Оку и Москва будетъ взята. Касательно самого великаго князя мнѣнія раздѣлились; одни, приводя непостоянство военнаго счастія, указывая на примѣръ великаго князя Василія Васильевича, взятаго въ плѣнъ казанскими татарами въ суздальскомъ бою, указывая на бѣдствія, бывшія слѣдствіемъ этого плѣна, думали, что Іоаннъ не долженъ выводить войска противъ татаръ, но долженъ удалиться на сѣверъ, въ мѣста безопасныя; другіе же, особенно духовенство, и изъ духовныхъ преимущественно Вассіанъ, архіепископъ ростовскій, по талантамъ, грамотности и энергіи выдававшійся на первый планъ, думали, что великій князь долженъ оставаться съ войскомъ на границахъ; лѣтописецъ, оставившій намъ подробнѣйшій разсказъ о событіи, держался того же мнѣнія, и сильно вооружается противъ людей, настаивавшихъ на удаленіе великаго князя отъ границъ, именно противъ двоихъ приближенныхъ бояръ, Ивана Васильевича Ощеры и Григорія Андреевича Мамона. По его сло-

вамъ, эти богатые люди думали только о богатствѣ своемъ, о женахъ, о дѣтяхъ, хотѣли укрыть ихъ и самихъ себя въ безопасныхъ мѣстахъ, и припоминали Іоанну суздальскій бой, какъ отца его взяли татары въ плѣнъ и били; припоминали, что когда Тохтамышъ приходилъ, то великій князь Димитрій бѣжалъ въ Кострому, а не бился съ ханомъ. Но должно замѣтить, что лѣтописецъ, равно какъ и Вассіанъ, въ посланіи своемъ, удивительнымъ для насъ образомъ смѣшиваютъ двѣ вещи: удаленіе великаго князя отъ войска и бѣгство цѣлаго войска, покинутіе государства на жертву татарамъ, что, по ихъ словамъ, Ощера и Мамоновъ именно совѣтовали. Великій князь, оставя войско на берегу Оки, и приказавши сжечь городокъ Коширу, поѣхалъ въ Москву, чтобъ посовѣтоваться съ матерью, митрополитомъ и боярами, а князю Даніилу Холмскому далъ приказъ—по первой присылкѣ отъ него изъ Москвы, ѣхать туда же вмѣстѣ съ молодымъ великимъ княземъ Іоанномъ. 30-го сентября, когда москвичи перебирались изъ посадовъ въ Кремль на осадное сидѣнье, вдругъ увидали они великаго князя, который въѣзжалъ въ городъ вмѣстѣ съ княземъ Ѳедоромъ Палецкимъ; народъ подумалъ, что все кончено, что татары идутъ по слѣдамъ Іоанна; въ толпахъ послышались жалобы: „Когда ты, государь великій князь! надъ нами княжишь въ кротости и тихости, тогда насъ много въ безлѣпицѣ продаешь; а теперь самъ разгнѣвалъ царя, не платя ему выхода, да насъ выдаешь царю и татарамъ“. Въ кремлѣ встрѣтили Іоанна митрополитъ и Вассіанъ; ростовскій владыка, называя его бѣгуномъ, сказалъ ему: „Вся кровь христіанская падетъ на тебя за то, что выдавши христіанство, бѣжишь прочь, бою съ татарами не поставивши и не бившись съ ними; зачѣмъ боишься смерти? не безсмертный ты человѣкъ, смертный; а безъ року смерти нѣтъ ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю; дай мнѣ старику войско въ руки, увидишь, уклоню ли я лице свое передъ татарами“! Великій князь, опасаясь гражданъ, не поѣхалъ на свой кремлевскій дворъ, а жилъ въ Красномъ сельцѣ [122]; къ сыну послалъ грамоту, чтобъ немедленно ѣхалъ въ Москву, но тотъ рѣшился лучше навлечь на себя гнѣвъ отцовскій, чѣмъ отъѣхать отъ берега. Видя, что грамоты сынъ не слушаетъ, Іоаннъ послалъ приказаніе Холмскому—схвативши силою молодого великаго князя, привезти въ Москву; но Холмскій не рѣшился употребить силы, а сталъ уговаривать Іоанна, чтобъ

ѣхалъ къ отцу; тотъ отвѣчалъ ему: „Умру здѣсь, а къ отцу не пойду". Онъ устерегъ движеніе татаръ, хотѣвшихъ тайкомъ переправиться черезъ Угру и внезапно броситься на Москву: ихъ отбили отъ русскаго берега съ большимъ урономъ.

Въ Москвѣ мнѣніе Вассіана превозмогло: проживши двѣ недѣли въ Красномъ сельцѣ, приказавши Патрикѣеву сжечь московскій посадъ и распорядившись переводомъ дмитровцевъ въ Переяславль для осады, а москвичей въ Дмитровъ, великій князь отправился къ войску. Передъ отъѣздомъ митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ благословилъ его крестомъ и сказалъ: „Богъ да сохранитъ царство твое силою честнаго креста и дастъ тебѣ побѣду на враговъ; только мужайся и крѣпись, сынъ духовный! не какъ наемникъ, но какъ пастырь добрый, полагающій душу свою за овцы, потщись избавить врученное тебѣ словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго нынѣ волка; и Господь Богъ укрѣпитъ тебя, и поможетъ тебѣ и всему твоему Христолюбивому воинству". Все духовенство въ одинъ голосъ сказало: „аминь, буди тако, Господу ти помогающу"! Іоаннъ отправился, но сталъ не на Угрѣ, въ виду Татаръ, а въ Кременцѣ, на рѣкѣ Лужѣ, въ тридцати верстахъ отъ Медыни, гдѣ теперь село Кременецкое. Здѣсь опять Ощера и Мамонъ начали совѣтовать ему удалиться: на этотъ разъ впрочемъ Іоаннъ не поѣхалъ въ Москву, но попытался, нельзя ли кончить дѣло миромъ, и отправилъ къ хану Ивана Товаркова съ челобитьемъ и дарами, прося жалованья, чтобъ отступилъ прочь, а улусу своего не велѣлъ воевать. Ханъ отвѣчалъ: „Жалую Ивана; пусть самъ пріѣдетъ бить челомъ, какъ отцы его къ нашимъ отцамъ ѣздили въ Орду". Но великій князь не поѣхалъ; слыша, что Іоаннъ самъ ѣхать не хочетъ, ханъ прислалъ сказать ему: „Самъ не хочешь ѣхать, такъ сына пришли или брата". Не получивши отвѣта, Ахматъ послалъ третій разъ: „Сына и брата не пришлешь, такъ пришли Никифора Басенкова": Никифоръ этотъ былъ уже разъ въ Ордѣ, и много даровъ давалъ отъ себя татарамъ, за что и любили его ханъ и всѣ князья. Но Іоаннъ не послалъ и Басенкова: говорятъ, къ этому рѣшенію побудило его посланіе Вассіана, который, узнавши о переговорахъ, писалъ такъ великому князю:

„Благовѣрному и христолюбивому, благородному и Богомъ вѣнчанному, и Богомъ утвержденному, въ благочестіи всей вселенной въ концы возсіявшему, въ царяхъ пресвѣтлѣйшему, преславному

государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси богомолецъ твой, архіепископъ Вассіанъ Ростовскій благословляю и челомъ бью. Молю величество твое, благолюбивый государь! не прогнѣвайся на мое смиреніе, что прежде дерзнулъ устами къ устамъ говорить твоему величеству твоего ради спасенія: потому что наше дѣло напоминать вамъ, а ваше слушать насъ; теперь же дерзнулъ я написать къ твоему благородству, хочу напомнить тебѣ не много отъ св. Писанія, сколько Богъ вразумитъ меня, на крѣпость и и утвержденіе твоей державѣ". Напомнивъ Іоанну, какъ онъ пріѣзжалъ въ Москву, какъ, повинуясь общему моленію и доброй думѣ, обѣщалъ бороться съ Ахматомъ и не слушать людей, отвлекающихъ его отъ этой борьбы. Вассіанъ продолжаетъ: „Нынѣ слышимъ, что бусурманинъ Ахматъ уже приближается и христіанство губитъ; ты предъ нимъ смиряешься, молишь о мирѣ, посылаешь къ нему, а онъ гнѣвомъ дышетъ, твоего моленія не слушаетъ, хочетъ до конца раззорить христіанство. Не унывай, но возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ. Дошелъ до насъ слухъ, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ въ ухо льстивыя слова, совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ совѣтовъ! Что они совѣтуютъ тебѣ, эти льстецы лжеименитые, которые думаютъ, будто они христіане? совѣтуютъ бросить щиты, и, не сопротивляясь нимало окаяннымъ этимъ сыроядцамъ, предать христіанство, свое отечество, и, подобно бѣглецамъ, скитаться по чужимъ странамъ. Помысли, великомудрый Государь! отъ какой славы въ какое безчестіе сведутъ они твое величество, когда народъ тьмами погибнетъ, а церкви Божіи раззорятся и осквернятся. Кто каменносердечный не всплачется объ этой погибели? Убойся же и ты, пастырь! Не отъ твоихъ ли рукъ взыщетъ Богъ эту кровь? Не слушай, государь, этихъ людей, хотящихъ честь твою приложить въ безчестіе, и славу твою въ безславіе, хотящихъ, чтобъ ты сдѣлался бѣглецомъ и назывался предателемъ христіанскимъ; выйди на встрѣчу безбожному языку Агарянскому, поревнуй прародителямъ твоимъ великимъ князьямъ, которые не только русскую землю обороняли отъ поганыхъ, но и чужія страны брали подъ себя: говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, бравшихъ дань на царяхъ греческихъ, о Владимірѣ Мономахѣ, который бился съ

окаянными Половцами за русскую землю, и о другихъ многихъ, о которыхъ ты лучше моего знаешь. А достохвальный великій князь Димитрій твой прародитель, какое мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же сыроядцами окаянными! самъ напереди бился, не пощадилъ живота своего для избавленія христіанскаго, не испугался множества татаръ, не сказалъ самъ себѣ: „у меня жена и дѣти и богатства много, если и землю мою возьмутъ, то въ другомъ мѣстѣ поселюсь", но, не сомнѣваясь ни мало, воспрянулъ на подвигъ, напередъ выѣхалъ, и въ лице сталъ противъ окаяннаго разумнаго волка Мамая, желая исхитить изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ. За это и Богъ послалъ ему на помощь ангеловъ и мучениковъ святыхъ; за это и до сихъ поръ восхваляется Димитрій и славится не только людьми, но и Богомъ. Такъ и ты поревнуй своему прародителю, и Богъ сохранитъ тебя; если же, вмѣстѣ съ воинствомъ своимъ, и до смерти пострадешь за православную вѣру и святыя церкви, то блаженны будете въ вѣчномъ наслѣдіи. Но, быть можетъ, ты опять скажешь, что мы находимся подъ клятвою прародительскою не поднимать рукъ на хана, то послушай: если клятва дана по нуждѣ, то намъ повелѣно разрѣшать отъ нея, и мы прощаемъ и разрѣшаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата, не какъ на царя, но какъ на разбойника, хищника, богоборца; лучше солгавши получить жизнь, чѣмъ соблюдая клятву погибнуть, т.-е. пустить татаръ въ землю на разрушеніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и оскверненіе святыхъ церквей, и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы. Какой пророкъ, какой апостолъ или святитель научилъ тебя, великаго русскихъ странъ христіанскаго царя, повиноваться этому богостыдному, оскверненному, самозванному царю? Не столько за грѣхи и неисправленіе къ Богу, сколько за недостатокъ упованія на Бога, Богъ попустилъ на прародителей твоихъ и на всю землю нашу окаяннаго Батыя, который разбойнически поплѣнилъ всю землю нашу, и поработилъ, и воцарился надъ нами, не будучи царемъ и не отъ царскаго рода. Тогда мы прогнѣвали Бога, и Онъ на насъ разгнѣвался, какъ чадолюбивый отецъ; а теперь, государь, если каешься отъ всего сердца, и прибѣгаешь подъ крѣпкую руку Его, то помилуетъ насъ милосердый Господь".

Ахматъ, не пускаемый за Угру полками московскими, все лѣто

хвалился: „дастъ Богъ зиму на васъ: когда всѣ рѣки станутъ, то много дорогъ будетъ на Русь". Опасаясь исполненія этой угрозы Іоаннъ, какъ только стала Угра 26 октября, велѣлъ сыну, брату Андрею меньшому и воеводамъ со всѣми полками отступить къ себѣ на Кременецъ, чтобъ биться соединенными силами; этотъ приказъ нагналъ ужасъ на ратныхъ людей, которые бросились бѣжать къ Кременцу, думая, что татары перешли уже чрезъ рѣку и гонятся за ними; но Іоаннъ не довольствовался отступленіемъ къ Кременцу: онъ далъ приказъ отступить еще отъ Кременца къ Боровску, обѣщая дать битву татарамъ въ окрестностяхъ этого города. Лѣтописцы опять говорятъ, что онъ продолжалъ слушаться злыхъ людей, сребролюбцевъ, богатыхъ и тучныхъ предателей христіанскихъ, потаковниковъ бусурманскихъ. Но Ахматъ не думалъ пользоваться отступленіемъ русскихъ войскъ: простоявши на Угрѣ до 11-го ноября, онъ пошелъ назадъ чрезъ литовскія волости, Серенскую и Мценскую, опустошая земли союзника своего Казимира, который будучи занятъ домашними дѣлами и отвлеченъ набѣгомъ крымскаго хана на Подолію, опять не исполнилъ своего обѣщанія. Одинъ изъ сыновей Ахматовыхъ вошелъ было въ московскія волости, но былъ прогнанъ вѣстію о близости великаго князя, хотя за нимъ въ погоню пошли только братья великокняжескіе. О причинахъ отступленія Ахматова въ лѣтописяхъ говорится разно: говорится, что когда русскіе начали отступать отъ Угры, то непріятель, подумавъ, что они уступаютъ ему берегъ и хотятъ биться, въ страхѣ побѣжалъ въ противную сторону. Но положимъ, что татары подумали, будто русскіе отступаютъ для завлеченія ихъ въ битву; все же они отступали, а не нападали; слѣд. татарамъ не для чего было бѣжать; потомъ, великій князь далъ приказаніе своимъ войскамъ отступить отъ Угры, когда эта рѣка стала; она стала 26 октября; положимъ, что между установленіемъ ея и приказаніемъ великаго князя протекло нѣсколько дней, но все же не пятнадцать, ибо ханъ пошелъ отъ Угры только 11 ноября; слѣдовательно, если мы даже и допустимъ, что татары побѣжали, видя отступленіе русскихъ, то должны будемъ допустить, что они потомъ остановились, и подождавъ еще до 11 ноября, тогда уже выступили окончательно въ обратный походъ. Другіе лѣтописцы говорятъ правдоподобнѣе, что съ Дмитріева дня (26 октября) стала зима и рѣки всѣ стали, начались лютые морозы, такъ что нельзя было смотрѣть; татары

были наги, босы, ободрались; тогда Ахматъ испугался и побѣжалъ прочь 11 ноября. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что Ахматъ бѣжалъ, испугавшись примиренія великаго князя съ братьями. Всѣ эти причины можно принять вмѣстѣ: Казимиръ не приходилъ на помощь, лютые морозы мѣшаютъ даже смотрѣть, и въ такое-то время года надобно идти впередъ на сѣверъ съ нагимъ и босымъ войскомъ, и прежде всего выдержать битву съ многочисленнымъ врагомъ, съ которымъ послѣ Мамая Татары не осмѣливались вступать въ открытыя битвы; наконецъ обстоятельство, главнымъ образомъ побудившее Ахмата напасть на Іоанна, именно усобица послѣдняго съ братьями, теперь болѣе не существовало [123].

Ахматъ возвращался въ степь съ добычею, награбленною имъ въ областяхъ литовскихъ. На отнимку этой добычи отправился ханъ шибанской или тюменской Орды, Ивакъ, соединившись съ Ногаями. Ахматъ, не подозрѣвая опасности, раздѣлился съ своими султанами, и съ малымъ числомъ войска, безъ всякой осторожности, сталъ зимовать на устьяхъ Донца. Здѣсь, 6 января 1481 года, напалъ на него Ивакъ и собственноручно убилъ соннаго, послѣ чего отправилъ къ великому князю посла объявить, что супостата его уже нѣтъ больше; Іоаннъ принялъ посла съ честію, дарилъ и отпустилъ съ дарами для Ивака [124]. Такимъ образомъ послѣдній грозный для Москвы ханъ Золотой орды погибъ отъ одного изъ потомковъ Чингисъ-хановыхъ: у него остались сыновья, которымъ также суждено было погибнуть отъ татарскаго оружія. Еще въ княженіе Василія Темнаго стала извѣстною Крымская орда, составленная Едигеемъ изъ улусовъ черноморскихъ; но сыновья Едигеевы погибли въ усобицахъ, и родоначальникомъ знаменитыхъ въ нашей исторіи гиреевъ крымскихъ былъ Ази-Гирей, сохранявшій во все продолженіе своей жизни дружбу съ Казимиромъ литовскимъ. Но сынъ Ази-Гиреевъ, Менгли-Гирей, вслѣдствіе жестокой, наслѣдственной вражды съ ханами Золотой орды, почелъ за лучшее сблизиться съ великимъ княземъ московскимъ, чтобъ вмѣстѣ дѣйствовать противъ общихъ враговъ; еще въ 1474 году началось это сближеніе. Какъ дорожилъ Іоаннъ союзомъ Менгли-Гиреевымъ, имѣя въ виду не одного Ахмата, но также и Литву, и какъ еще не отвыкли въ описываемое время отъ уваженія къ ханамъ или царямъ татарскимъ, видно изъ тона посольствъ и грамотъ Іоанна къ Менгли-Гирею: посолъ московскій, бояринъ Никита Беклемишевъ,

долженъ былъ говорить хану отъ имени своего государя: „князь великій Иванъ челомъ бьетъ: посолъ твой Ази-Баба говорилъ мнѣ, что хочешь меня жаловать, въ братствѣ, дружбѣ, и любви держать, точно такъ, какъ ты съ королемъ Казимиромъ въ братствѣ, дружбѣ и любви. И я, слышавъ твое жалованье, и видѣвъ твой ярлыкъ, послалъ къ тебѣ бить челомъ боярина своего Никиту, чтобъ ты пожаловалъ, какъ началъ меня жаловать, такъ бы и до конца жаловалъ“. Но, соблюдая такія учтивости въ рѣчахъ посольскихъ, Іоаннъ не хотѣлъ однако, чтобъ ханъ, на этомъ основаніи, позволилъ себѣ слишкомъ повелительный тонъ въ своихъ грамотахъ; по великокняжескому наказу, Беклемишевъ долженъ былъ отговаривать, чтобъ въ договорной грамотѣ не было словъ: „Я Менгли-Гирей царь пожаловалъ, заключилъ съ своимъ братомъ и проч.“ Но если такова будетъ форма договорныхъ грамотъ между Менгли-Гиреемъ и королемъ, то посолъ могъ допустить выраженіе: пожаловалъ; если Беклемишевъ успѣетъ отговориться отъ этого пожалованія, то очень будетъ хорошо; если же не успѣетъ, то дѣлать нечего, пусть впишутъ въ ярлыкъ. Заключая союзъ съ врагомъ Ахмата, чтобъ удобнѣе, при случаѣ, бороться съ послѣднимъ, Іоаннъ однако не хотѣлъ первый начинать этой борьбы, и потому наказалъ своему послу отговаривать, чтобъ въ ярлыкѣ не было сказано быть за одно именно на Ахмата, но чтобъ было сказано вообще: быть на всѣхъ недруговъ за одно; если же посолъ не успѣетъ отговорить, то долженъ требовать внесенія въ ярлыкъ слѣдующаго условія: если Ахматъ или Казимиръ пойдутъ на Москву, то Менгли-Гирей самъ долженъ идти на нихъ или брата послать; Беклемишевъ никакъ не долженъ былъ соглашаться на условіе—прервать сношенія съ Ахматомъ, не отправлять къ нему пословъ; на требованіе этого условія Беклемишевъ долженъ былъ отвѣчать: „Послы между Москвою и Ордою не могутъ не ходить, потому что господаря отчина съ Ахматомъ на одномъ полѣ“. Если царь станетъ требовать поминковъ, какіе шлетъ ему король, то посолъ долженъ былъ отговаривать и ярлыка не брать; если же царь захочетъ написать въ ярлыкъ: „поминки ко мнѣ слать и ихъ не умаливать“, то посолъ долженъ былъ отговаривать и это условіе, но, въ случаѣ нужды, могъ согласиться на него [125].

Беклемишеву удалось отговориться отъ поминковъ, но онъ дол-

женъ былъ согласиться вписать въ ярлыкъ пожалованіе; грамота была написана такъ: „Вышняго Бога волею, я Менгли-Гирей царь пожаловалъ, съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Иваномъ, взялъ любовь, братство и вѣчный миръ отъ дѣтей на внучатъ. Быть намъ вездѣ за одно, другу другомъ быть, а недругу недругомъ. Мнѣ, Менгли-Гирею царю, твоей земли, и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевать, ни моимъ уланамъ, ни князьямъ, ни козакамъ; если же безъ нашего вѣдома люди наши твоихъ людей повоюютъ, и придутъ къ намъ, то намъ ихъ казнить, и взятое отдать, и головы людскія безъ окупа выдать. Если мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тебѣ, то мнѣ его къ тебѣ послать безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; когда же твой посолъ ко мнѣ придетъ, то онъ идетъ прямо ко мнѣ. Пошлинамъ даражскимъ (дарага или дорога—сборщикъ податей) и никакимъ другимъ пошлинамъ не быть. На всемъ на этомъ, какъ писано въ ярлыкѣ, я, Менгли-Гирей царь съ своими уланами и князьями, тебѣ брату своему великому князю Ивану, молвя крѣпкое слово, шерть (клятву) далъ: жить намъ съ тобою по этому ярлыку“ [126]. Послѣ форма грамотъ Іоанновыхъ къ Менгли-Гирею была такая: „Государь еси великой, справедливой и премудрой, межи бесерменскими государи прехвальной государь, братъ мой Менгли-Гирей царь. Богъ бы государство твое свыше учинилъ. Іоаннъ Божіею милостію, единъ правой государь всея Руси, отчичъ и дѣдичъ, и инымъ многимъ землямъ, отъ сѣвера и до востока государь. Величеству твоему, брата твоего, слово наше то. Приказывалъ еси къ намъ“ [127] и проч.

Послами въ Крымъ обыкновенно отправлялись люди знатные, бояре; однажды случилось послать человѣка незначительнаго (паробка), и великій князь спѣшилъ извиниться, писалъ хану: „на Литву проѣзду нѣтъ, а полемъ пути истомны“ [128]. Важность, которую великій князь придавалъ крымскимъ отношеніямъ по поводу дѣлъ ордынскихъ и литовскихъ, заставляла его распоряжаться такъ, что въ Крыму былъ постоянно русскій посолъ; такъ Іоаннъ наказывалъ послу своему Шеину не уѣзжать изъ Крыма ни весною, ни лѣтомъ, и хлопотать, чтобъ царь шелъ или на орду или на короля, а великаго князя обсылать обо всемъ [129]; послы получали также наказъ не уѣзжать до пріѣзда другихъ [130]. Князь Семенъ Ромодановскій, отправляясь посломъ въ Крымъ, получилъ такой

наказъ: „Если отъ какихъ-нибудь другихъ государей будутъ послы у царя Менгли-Гирея, отъ турецкаго или отъ иныхъ, то ему, Ромодановскому, ни подъ которымъ посломъ у царя не садиться, и остатковъ у него послѣ нихъ не брать“ [131].

Несмотря на то, что въ договорѣ именно было внесено условіе не требовать пошлинъ, алчность татаръ заставляла великаго князя постоянно наказывать посламъ своимъ: „Станетъ царь посла своего отправлять къ великому князю, то говорить: какъ пожаловалъ царь великаго князя, братомъ и другомъ себѣ учинилъ и правду (клятву) на томъ далъ, потому бы и жаловалъ, посла своего послалъ бы безъ пошлинъ“ [132]. Татары любили также отправлять съ послами множество лишнихъ людей, которые въ Москвѣ кормились на счетъ великаго князя и брали у него подарки, что было отяготительно, особенно для бережливаго Іоанна; поэтому онъ наказывалъ посламъ своимъ говорить царю, чтобъ съ крымскими послами лишнихъ людей не было [133]. Въ договорѣ не упомянуто было о поминкахъ; несмотря на то ханъ постоянно ихъ требовалъ, писалъ: „Нынѣ братству примѣта то, нынѣ тотъ запросъ: кречеты, соболи, рыбій зубъ“ [134]. Вельможи Менгли-Гиреевы подражали своему хану, привязывались ко всякому случаю, чтобъ выманить подарки; такъ царевичъ Ямгурей прислалъ сказать: „я нынче женился и сына женилъ: такъ бы великій князь пожаловалъ, прислалъ шубу соболью, да шубу горностаевую, да шубу рысью. Да великій князь пожаловалъ, прислалъ мнѣ третьяго года панцырь; я ходилъ на недруговъ, и панцырь истерялъ: такъ великій князь пожаловалъ бы, новый панцырь прислалъ“ [135]. Менгли-Гирей объявилъ требованіе на дань съ одоевскихъ князей, писалъ великому князю: „изстарины одоевскихъ городовъ князья давали намъ ежегодно тысячу алтынъ ясаку, а дарагамъ другую тысячу давали; по тому обычаю я и послалъ дарагу ихъ Бахшенша“. Іоаннъ отвѣчалъ: „Одоевскихъ князей большихъ не стало, отчина ихъ пуста, а другіе князья одоевскіе намъ служатъ, мы ихъ кормимъ и жалуемъ своимъ жалованьемъ, а иныхъ князей одоевскихъ жребіи за нами. Что они тебѣ давали и твоему человѣку, тѣмъ я ихъ жаловалъ, и имъ нечего давать, отчина ихъ пуста, и теперь твоего человѣка я же жаловалъ, а имъ нечего давать. Такъ ты бы одоевскимъ князьямъ впередъ свою пошлину отложилъ, да и дарагъ ихъ къ нимъ не посылалъ за своею пошлиною для меня“ [136].

Менгли-Гирея, его царевичей, улановъ и князей еще удерживало отъ требованій то обстоятельство, что они имѣли нужду въ великомъ князѣ московскомъ: между царевичами происходили усобицы, одинъ изгонялъ другаго; изгнанники находили убѣжище и кормленіе въ московскихъ владѣніяхъ: въ 1476 году Менгли-Гирей былъ изгнанъ Ахматомъ и мѣсто его получилъ Зенебекъ; но послѣдній не считалъ себя прочнымъ въ Крыму, и потому просилъ Іоанна, чтобъ, въ случаѣ изгнанія, далъ ему у себя убѣжище; великій князь отвѣчалъ: „Прислалъ ты ко мнѣ своего человѣка, который говорилъ, что если, по грѣхамъ, придетъ на тебя истома, то мнѣ бы дать тебѣ опочивъ въ своей землѣ. Я и прежде твоего добра смотрѣлъ, когда еще ты былъ козакомъ; ты и тогда ко мнѣ также приказывалъ, что если конь твой будетъ потенъ, то мнѣ бы тебѣ въ своей землѣ опочивъ дать. Я и тогда тебѣ опочивъ въ своей землѣ давалъ, и нынче добру твоему радъ вездѣ; каковы твои дѣла будутъ послѣ, и захочешь у меня опочива, то я тебѣ опочивъ въ своей землѣ дамъ, и истому твою подниму“ [137]. Предчувствіе Зенебека сбылось: онъ былъ изгнанъ Менгли-Гиреемъ; Іоаннъ принялъ его, и еще двоихъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ: Нордоулата и Айдара. Извѣщая хана о принятіи этихъ царевичей, великій князь писалъ: „Держу ихъ у себя, истому своей землѣ и своимъ людямъ чиню для тебя“.

Но и самъ Менгли-гирей просилъ Іоанна, чтобъ тотъ принялъ его въ случаѣ бѣды; великій князь велѣлъ ему отвѣчать, что подниметъ его истому на своей головѣ, и далъ ему крѣпкую грамоту съ золотою печатью: „Дай Господи, чтобы тебѣ лиха не было, брату моему Менгли-Гирею царю; а если что станется, какое дѣло о юртѣ отца твоего, и пріѣдешь ко мнѣ: то отъ меня, отъ сына моего, братьевъ, отъ великихъ князей и отъ добрыхъ бояръ тебѣ царю, братьямъ и дѣтямъ твоимъ, великимъ князьямъ и добрымъ слугамъ лиха никакого не будетъ: добровольно пріидешь, добровольно прочь пойдешь, намъ тебя не держать. А сколько силы моей станетъ, буду стараться достать тебѣ отцовское мѣсто“ [138]. Въ 1475 году Крымъ былъ завоеванъ Турками; Менгли-Гирей остался ханомъ въ качествѣ подручника султанова; сначала Менгли-Гирей не жаловался на Турокъ, но подъ конецъ писалъ къ Іоанну: „Султанъ посадилъ въ Кафѣ сына своего: онъ теперь молодъ и моего слова слушается, а какъ выростетъ, то слушаться перестанетъ, я

также не стану слушаться, и пойдетъ между нами лихо: двѣ бараньихъ головы въ одинъ котелъ не лезутъ“ [139]. Іоаннъ отвѣчалъ, что будетъ стоять на той крѣпкой своей грамотѣ, которую уже разъ далъ ему.

Кромѣ того, какъ было уже сказано, союзъ Крыма съ Москвою скрѣплялся враждою Менгли-Гирея къ Ахмату, а потомъ къ его сыновьямъ. Мы видѣли, что Іоаннъ и Менгли-Гирей обязались въ договорной грамотѣ имѣть однихъ враговъ и друзей, не означая именно кого; но въ грамотѣ своей 1475 года Менгли-Гирей говоритъ, что присягая исполнить договоръ, онъ выговорилъ Іоаннова недруга, короля, великій же князь, присягая передъ посломъ крымскимъ, выговорилъ Менгли-Гиреева недруга, Ахмата, и потому онъ, Менгли-Гирей, готовъ на всякаго недруга Іоаннова, даже и на короля; за то и великій князь обязанъ выслать своихъ служилыхъ татарскихъ царевичей противъ Ахмата, если послѣдній пойдетъ на Крымъ [140]. По смерти Ахмата, вслѣдствіе требованія султана турецкаго, который не могъ съ удовольствіемъ смотрѣть на усобицы магометанскихъ владѣльцевъ, сыновья Ахматовы помирились съ Менгли-Гиреемъ; но когда въ 1485 году одинъ изъ нихъ Муртоза, выгнанный голодомъ изъ своихъ обычныхъ кочевьевъ, пришелъ зимовать въ Крымъ, то Менгли-Гирей схватилъ его и отослалъ въ Кафу; потомъ отправилъ на Темировъ улусъ брата своего, который разогналъ и остатокъ орды; но другой Ахматовъ сынъ, Махмудъ, соединившись съ княземъ Темиромъ, напалъ на Крымъ, освободилъ Муртозу, а Менгли-Гирей едва успѣлъ спастись тайнымъ бѣгствомъ съ бою. Великій князь отрядилъ войско на улусы Ахматовыхъ сыновей, и оно успѣло освободить много крымскихъ плѣнниковъ, которыхъ отослали къ Менгли-Гирею. Муртоза послѣ этого вздумалъ посадить въ Крыму вмѣсто Менгли-Гирея брата его Нордоулата; но такъ какъ послѣдній находился на службѣ у Іоанна, то сынъ Ахматовъ прислалъ московскому князю такую грамоту: „Муртозино слово Ивану: вѣдомо тебѣ будь, что Нордоулатъ царь съ отцомъ моимъ и со мною былъ въ любви; помирились мы съ Менгли-Гиреемъ, но онъ своей клятвы не сдержалъ, за то и былъ наказанъ. Теперь Менгли-Гирей намъ недругъ, и на его мѣсто надѣемся посадить царемъ Нордоулата; отпусти его къ намъ, а женъ и дѣтей его оставь у себя. Когда Богъ помилуетъ, дастъ ему тотъ юртъ, тогда онъ возьметъ ихъ у тебя добромъ. Менгли-Гирей царь

тебѣ другомъ былъ; но вѣдь и Нордоулатъ царь тебѣ другъ же; намъ онъ пригожъ и ты его къ намъ отпусти“ [141]. Понятно, что Іоаннъ не отпустилъ Нордоулата къ Ахматовымъ сыновьямъ; не отпустилъ его и къ самому Менгли-Гирею, когда тотъ, обезпокоенный сношеніями Нордоулата съ врагами, просилъ прислать его въ Крымъ, обѣщая подѣлиться съ нимъ властію [142]. Вражда Ахматовыхъ сыновей съ Менгли-Гиреемъ продолжалась: Іоаннъ помогалъ Менгли-Гирею; отсюда естественно сынъ Ахматовъ, Шигъ-Ахметъ, смѣнившій Муртозу, помогалъ Литвѣ въ войнѣ ея съ Москвою. Но Литва не могла помочь ни самой себѣ, ни союзникамъ своимъ: видя это, Шигъ-Ахметъ завелъ было мирные переговоры съ великимъ княземъ, который соглашался на союзъ съ нимъ подъ условіемъ союза его съ Менгли-Гиреемъ, что было невозможно для Ахматова сына. Менгли-Гирей въ 1502 году рѣшилъ дѣло, напавши на Шигъ-Ахмета и нанесши ордѣ его тяжелый окончательный ударъ. Шигъ-Ахметъ убѣжалъ къ Ногаямъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ его окончательной гибели; онъ хотѣлъ доставить ему Астрахань подъ условіемъ воевать съ Литвою и быть въ мирѣ съ Менгли-Гиреемъ. Но Шигъ-Ахметъ отправился въ Турцію; султанъ не принялъ его, какъ врага Менгли-Гиреева; тогда онъ обратился къ старому союзнику своему, королю польскому; но тотъ заключилъ его въ неволю, желая имѣть въ рукахъ узника, освобожденіемъ котораго могъ постоянно стращать Менгли-Гирея [143]. Такъ прекратилось существованіе знаменитой Золотой Орды!

Крымъ избавилъ Москву окончательно отъ потомковъ Батыевыхъ; чрезъ его посредство завелись первыя сношенія у нея съ Турціею. Русскій посолъ, дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, ѣздившій къ венгерскому королю Матвѣю Корвину, былъ задержанъ на возвратномъ пути Турками въ Бѣлгородѣ, освободился по стараніямъ Матвѣя и Менгли-Гирея, и, пріѣхавши въ Москву, извѣстилъ великаго князя, что турецкіе паши въ Бѣлгородѣ намекали ему, почему бы его государю не вступить въ дружественныя сношенія съ ихъ падишахомъ. Іоаннъ, на этомъ основаніи, написалъ Менгли-Гирею: „Какъ мой человѣкъ Ѳедоръ былъ въ рукахъ у салтана турскаго, то ему говорили паши большіе, господаря своего словомъ, что салтанъ турскій хочетъ со мною дружбы, и ты бы для меня поотвѣдалъ, какой дружбы со мною хочетъ турскій“? Менгли-Гирей справился въ Константинополѣ и переслалъ къ Іоанну отвѣтъ

султановъ: „Если государь московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то будетъ и мнѣ братъ“ [114]. Такой отвѣтъ еще не могъ повести къ сношеніямъ; повели къ нимъ притѣсненія, которымъ русскіе купцы стали подвергаться отъ Турокъ въ Азовѣ и Кафѣ, и вслѣдствіе которыхъ должна была прерваться торговля, издавна столь дѣятельная и выгодная для русскихъ областей. Въ 1492 году Менгли-Гирей получилъ отъ Іоанна грамоту для отсылки ея къ султану Баязету II-му; грамота была написана такъ: „султану великому царю: между бусурманскими государями ты великій государь, надъ турскими и азямскими государями ты воленъ, ты польскій (сухопутный) и морской государь, султанъ Баязетъ! Іоаннъ Божіею милостію единый правый господарь всея Россіи, отчичь и дѣдичь и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока государь, величеству твоему слово наше таково: между нами наши люди не ѣзжали нашего здоровья видѣть, только наши гости изъ нашихъ земель въ твои земли ѣздятъ. Нашимъ и вашимъ людямъ отъ этого большія выгоды были; но гости наши били намъ челомъ и сказывали, что они въ твоихъ земляхъ отъ твоихъ людей великія насилія терпятъ. Мы ихъ рѣчей не слушали, въ Азовъ и Кафу ежегодно гостей отпускали. Но теперь эти гости били намъ челомъ и сказывали, что въ нынѣшнемъ году въ Азовѣ твой паша велѣлъ имъ ровъ копать и камень возить на городское строеніе; также въ Азовѣ, Кафѣ и другихъ твоихъ городахъ оцѣнивъ ихъ товары возьмутъ, а потомъ отдадутъ только половину цѣны. Если между нашими гостями, живущими по пяти и по шести человѣкъ вмѣстѣ, при одномъ хозяйствѣ (въ одномъ котлѣ), одинъ разболится, то еще при жизни его отсылаютъ отъ него всѣхъ товарищей, товаръ ихъ печатаютъ, и когда больной умретъ, то этотъ товаръ у всѣхъ у нихъ берутъ, называя его товаромъ одного умершаго человѣка; если же больной выздоровѣетъ, то отдадутъ только половину товара. Разболится русскій купецъ и станетъ товаръ отдавать брату, или племяннику, или съ товарищемъ станетъ отсылать его къ женѣ и дѣтямъ, то у него еще у живаго товаръ отнимаютъ, и товарищей къ нему не пускаютъ. Да и другихъ много насилій терпятъ наши купцы; почему нынѣшнею весною мы ихъ и не отпустили ни въ Азовъ, ни въ Кафу, и ни въ какіе другіе твои города. Прежде наши гости платили одну тамгу, и насилій никакихъ надъ ними не было; а теперь при тебѣ недавно

начались насилія: извѣстно ли это твоему величеству или не извѣстно? Если твои люди поступали такъ съ нашими людьми по твоему приказу, то мы впередъ своихъ гостей въ твои земли отпускать не будемъ. Еще одно слово: отецъ твой славный и великій былъ господарь; сказываютъ, хотѣлъ онъ, чтобъ наши люди между нами ѣздили здоровье наше видѣть, и послалъ было къ намъ своихъ людей, но, по Божьей волѣ, дѣло не сдѣлалось; почему же теперь между нами наши люди не ѣздятъ здоровье наше видѣть? Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ написавши грамоту, прислалъ бы ты ее къ намъ, чтобъ намъ вѣдомо было" [145].

Султанъ, получивши грамоту, отправилъ посла въ Москву; но въ литовскихъ владѣніяхъ посолъ этотъ былъ остановленъ по приказанію великаго князя Александра и возвращенъ назадъ. Тогда Іоаннъ въ 1497 году отправилъ въ Турцію своего посла, Михайла Плещеева, которому данъ былъ наказъ править поклонъ султану и сыну его, кафинскому намѣстнику, стоя, а не на колѣнахъ, не уступать мѣста никакому другому послу и сказать посольскія рѣчи только султану, а не пашамъ. Плещеевъ на основаніи этого наказа, не захотѣлъ имѣть съ пашами никакого дѣла, не поѣхалъ къ нимъ обѣдать, не взялъ ихъ подарковъ. Султанъ въ письмѣ къ Менгли-Гирею жаловался на Плещеева, какъ на невѣжду, и объявилъ, что не отправитъ своего посла въ Москву, боясь, чтобъ онъ не потерпѣлъ тамъ оскорбленія [146]; но съ Плещеевымъ отправилъ грамоту, въ которой, называя себя государемъ анатолійской и румской земли, Бѣлаго (мраморнаго) и Чернаго морей, караманской земли, меньшаго Рима и иныхъ многихъ земель, а Іоанна княземъ всея Руси, восточной, польской и иныхъ многихъ земель, писалъ, что приложилъ его грамоту къ своему сердцу, изъявилъ желаніе, чтобъ послы между ними ходили часто, чтобъ великій князь отпускалъ въ Турцію своихъ гостей, которые увидятъ его правду къ себѣ; относительно же обидъ прежнимъ купцамъ прислана была другая грамота, въ которой Баязетъ писалъ, что приказалъ сыну своему Магомету, кафинскому намѣстнику и дядькѣ его, чтобъ съ этихъ поръ давали Русскимъ купцамъ за ихъ товары настоящую цѣну, не оставляли ничего за собою, не брали бы купцовъ, не заставляли ихъ камень носить и землю копать; писалъ, что съ этихъ поръ наслѣдникамъ умершихъ въ Турціи русскихъ купцовъ стоитъ только придти къ кадію, поставить свидѣтелей и присягнуть, что они дѣйствительно наслѣдники,—и товары будутъ имъ

отданы. Если же кто изъ Русскихъ умретъ, а наслѣдниковъ у него при немъ не будетъ, то кадій положитъ его имущество на годъ у добраго человѣка въ крѣпкомъ мѣстѣ, и когда наслѣдникъ явится, получитъ имѣніе вышеозначеннымъ порядкомъ. Русскій человѣкъ, заболѣвши, пусть пишетъ духовную передъ добрыми людьми, и когда наслѣдникъ пріѣдетъ, получитъ имѣніе по обыску и присягѣ. Если кто изъ Русскихъ будетъ долго боленъ, то зауморщики вмѣстѣ съ кадіемъ опишутъ его имѣніе, чтобъ не истерялось. Лгутъ тѣ, которые говорятъ, будто въ Турціи больныхъ Русскихъ изъ комнатъ выкидываютъ, и имѣніе ихъ берутъ на султана; кто изъ Русскихъ умретъ, и не будетъ у него родныхъ, то начальство города беретъ имѣніе его на сохраненіе, а самого хоронитъ и поминки правитъ, какъ будетъ приказано въ духовной; если же умершій будетъ кому-нибудь долженъ, то заимодавецъ приходитъ къ кадію и присягаетъ въ справедливости своего требованія, и кадій по обыску отдаетъ ему долгъ изъ имущества покойнаго. „Гостей своихъ въ мою землю на ихъ промыслъ отпускай, заключаетъ султанъ свою грамоту; изъ нашей заповѣди никто не смѣетъ выступить. Какъ свои двери отворены видишь передъ собою, такъ и мои двери передъ тобою отворены всегда. О чемъ какое дѣло будетъ, что тебѣ на мысль придетъ, съ любовію безъ зазрѣнія напиши ко мнѣ: все передъ тобою готово. Тебѣ великій поклонъ, и кто тебя любитъ, и меня любитъ, и тому великій поклонъ“ [147].

Торговля возобновилась; продолжались сношенія съ Константинополемъ, но преимущественно съ кафинскимъ султаномъ намѣстникомъ; отправляя къ послѣднему посла Андрея Кутузова въ 1501 году, Іоаннъ далъ ему такой наказъ: „Если кто-нибудь ему въ Кафѣ скажетъ: почему государь твой къ отцу нашего государя пишетъ въ грамотѣ свое имя напередъ?—то онъ долженъ отвѣчать: когда государь нашъ писалъ первую грамоту къ султану Баязету, то почтилъ его, написалъ его имя прежде своего: но Баязетъ султанъ вмѣсто того, чтобъ точно также почтить его, написалъ свое имя прежде имени государя нашего; послѣ этого государю нашему для чего писать его имя прежде своего?“ [148]. Жалобы русскихъ купцовъ на турецкое правосудіе и разнаго рода притѣсненія возобновились: когда въ 1501 году пріѣхалъ въ Москву кафинскій посолъ Алакозь, то великій князь велѣлъ сказать ему: „Били мнѣ челомъ наши гости, говорятъ, что имъ сила чинится въ судѣ и въ иныхъ

дѣлахъ въ Кафѣ: чего станетъ искать Русинъ на бусурманинѣ, или кто изъ русскихъ умретъ, и если при этомъ у русскихъ не будетъ свидѣтеля бусурманина, то сколько бы ни было свидѣтелей русскихъ, судьи имъ не вѣрятъ и Русиновъ обвиняютъ въ судѣ и въ зауморкахъ (въ искѣ имущества, оставшагося послѣ умершихъ). Если же чего станетъ искать басурманинъ на Русинѣ, и пошлется на Русина, то тутъ и Русакъ свидѣтель. Потомъ новыя притѣсненія: берутъ пошлину съ оружія, которое русскіе купцы на себѣ привозятъ, съ платья, съ пистолей, съ корму; заставляютъ русскихъ купцовъ на султановомъ дворѣ дрова носить изъ корабля". Алакозъ отвѣчалъ, что относительно пошлинъ съ оружія и прочаго купцы обманываютъ: въ таможнѣ скажутъ, что оружіе привезли для собственнаго употребленія, но только что выйдутъ изъ таможни, то начнутъ продавать; дрова же заставили ихъ возить безъ султанова вѣдома и впередъ того не будетъ [149].— Іоаннъ посылалъ также къ султану жаловаться на разбои азовскихъ козаковъ, отъ которыхъ сильно страдали наши послы и купцы.

Этимъ ограничивались сношенія съ Турціею. Изъ другихъ восточныхъ народовъ московское правительство при Іоаннѣ сносилось съ ордою тюменскою и союзными ей Ногаями. Предметомъ сношеній были дѣла казанскія, ордынскія, торговыя. Такъ тюменскій владѣлецъ, извѣстный уже намъ Ибрагимъ-Ивакъ просилъ великаго князя выпустить изъ неволи родственника его бывшаго царя казанскаго Алегама; но Іоаннъ не исполнилъ этой просьбы; одинъ изъ ногайскихъ владѣльцевъ просилъ согласія Іоаннова на бракъ своей дочери съ другимъ царемъ казанскимъ Магметъ-Аминемъ. Московское правительство имѣло въ виду возбуждать Ногаевъ противъ сыновей Ахматовыхъ; ногайскіе послы приводили лошадей для продажи: вслѣдствіе этого имъ велѣно было ѣздить въ московское государство всегда черезъ Казань и Нижній, а не мордовскою землею, чтобъ нижегородскаго мыта не объѣзжали [150]. Есть извѣстіе о посольствѣ Марка Руфа изъ Москвы въ Персію, къ царю Узунъ-Гассану, но цѣль этого посольства и подробности неизвѣстны [151]. Подъ 1490 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о посольствѣ отъ хорасанскаго или чагатайскаго владѣльца Гуссейна, праправнука Тамерланова [152]; а подъ 1462 годомъ извѣстіе о посольствѣ отъ грузинскаго князя Александра, который въ грамотѣ называетъ себя меньшимъ холопомъ Іоанна и посылаетъ ему низкое челобитье [153].

ГЛАВА IV.

Выгодное положеніе московскаго великаго князя относительно великаго князя литовскаго.—Враждебность Казимира литовскаго къ Іоанну.—Іоаннъ въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ противъ Литвы.—Переходъ мелкихъ пограничныхъ князей изъ литовскаго подданства въ московское.—Смерть короля Казимира.—Наступательное движеніе со стороны Москвы на Литву.—Сватовство сына Казимирова, великаго князя Александра на Еленѣ, дочери Іоанновой.—Миръ и бракъ.—Непріятности по поводу Елены.—Переходъ князей Бѣльскаго, Черниговскаго и Сѣверскаго отъ Александра къ Іоанну.—Возобновленіе войны.—Побѣды русскихъ на Ведрошѣ и подъ Мстиславлемъ.—Александръ ищетъ мира.—Посредничество короля Венгерскаго. — Перемиріе.—Сношенія Елены съ отцемъ. — Войны съ Ливонскими нѣмцами. — Война со Шведами, въ союзѣ съ Даніею.—Сношенія съ австрійскимъ дворомъ, съ Венеціею.

Въ 1470 году Казимиръ, король польскій и великій князь литовскій пріѣхалъ на сеймъ, созванный въ Петрковѣ, гдѣ требовалъ денежнаго вспоможенія. Малополяне сказали ему на это, что Великополянъ на сеймѣ нѣтъ, а безъ нихъ они не могутъ ни на что согласиться, и прибавили: „Ты намъ о денежномъ вспоможеніи и не говори до тѣхъ поръ, пока не выдашь намъ подтвержденія правъ, и не означишь вѣрно въ грамотѣ, какія области принадлежатъ Польшѣ и какія Литвѣ“. Король подписалъ подтвержденіе всѣхъ правъ, и тогда только получилъ деньги [154]. Могъ ли король, зависѣвшій во всемъ отъ сеймовъ, успѣшно бороться съ великимъ княземъ московскимъ, который по произволу располагалъ силами своего государства? Но кромѣ внутренняго безсилія, Казимиръ не имѣлъ возможности остановить успѣховъ Іоанна еще и потому, что все вниманіе его было обращено на отношенія къ западнымъ сосѣдямъ. Мы видѣли, что Казимиръ, принявши Новгородъ въ свое покровительство, не защитилъ его отъ Іоанна, ибо въ томъ самомъ 1471 году умеръ чешскій король Юрій Подебрадъ; избира-

тельный сеймъ раздѣлился: одни державшіеся гуссизма, хотѣли видѣть преемникомъ Юрія сына его, другіе Владислава, сына короля польскаго Казимира, третьи Матвѣя короля венгерскаго, четвертые императора Фридриха, иные короля французскаго. Владиславъ польскій былъ наконецъ избранъ; но Матвѣй венгерскій не хотѣлъ отстать отъ своихъ притязаній; съ другой стороны Маркграфъ мейсейнскій пустошилъ чешскія владѣнія и Владиславъ, отправляясь въ Прагу, долженъ былъ взять у отца значительный отрядъ войска. Мало этого: въ то время, какъ король Матвѣй старался добыть чешскій престолъ, часть его собственныхъ подданныхъ Венгровъ возстала противъ него и прислала къ Казимиру польскому просить у него себѣ въ короли другаго сына, Казимира, угрожая, въ случаѣ отказа, передаться Туркамъ. Казимиръ отправилъ сына въ Венгрію съ значительнымъ войскомъ: это предпріятіе не удалось; но тѣмъ не менѣе вниманіе и силы Казимира были отвлечены на западъ, а на востокѣ между тѣмъ новгородцы потерпѣли пораженіе отъ Іоанна и принуждены были отдаться въ его волю. Не имѣя возможности бороться самъ съ Москвою, Казимиръ возбуждалъ противъ нея орду обѣщаніемъ дѣйствовать вмѣстѣ: въ 1472 году Ахматъ явился въ московскихъ предѣлахъ; но Казимиръ не могъ оказать ему никакой помощи, потому что долженъ былъ опять посылать помощь сыну, Владиславу Чешскому, противъ венгерскаго короля Матвѣя, долженъ былъ самъ готовиться въ походъ въ Пруссію. Въ 1477 году Іоаннъ окончательно подчинилъ себѣ Новгородъ, а Казимиръ не могъ оказать послѣднему никакой помощи, потому что Матвѣй Венгерскій не давалъ ему покоя, возбуждалъ противъ него Пруссію, Стефана, воеводу молдавскаго, самихъ Поляковъ, а шляхта не хотѣла давать денегъ на сеймѣ; наконецъ въ 1480 году, когда надобно было дѣйствовать опять вмѣстѣ съ Ахматомъ, Менгли-Гирей Крымскій напалъ на Подолію, а моръ опустошалъ Польшу [155].

Не имѣя средствъ вести открытой войны съ Москвою, Казимиръ однако въ сношеніяхъ съ Новгородомъ, ордой обнаруживалъ явную вражду къ Іоанну, и тѣмъ заставлялъ послѣдняго принимать свои мѣры, искать вездѣ союзниковъ противъ Литвы. Въ сношеніяхъ своихъ съ крымскимъ ханомъ Мегли-Гиреемъ Іоаннъ постоянно называетъ Казимира своимъ недругомъ. Посылая въ 1482 году въ Крымъ Михаила Кутузова, великій князь далъ ему наказъ: „Гово-

рить царю накрѣпко, чтобъ пожаловалъ, правилъ великому князю по своему крѣпкому слову и по ярлыкамъ, королю шерть сложилъ, да и рать свою на него послалъ бы; а какъ станетъ царь посылать рать свою на литовскую землю, то Михайло долженъ говорить царю, о томъ, чтобъ пожаловалъ царь, послалъ рать свою на подольскую землю или на кіевскія мѣста" [156] Менгли-Гирей послушался, овладѣлъ Кіевомъ, увелъ въ плѣнъ жителей, другіе задохнулись въ пещерахъ, Печерскую церковь и монастырь разграбилъ, и изъ добычи прислалъ въ Москву великому князю золотой дискосъ и потиръ изъ Софійскаго собора [157]. Князь Ноздроватый, отправляясь въ Крымъ въ 1484 году, получилъ наказъ: „беречь накрѣпко, чтобъ царь съ королемъ не канчивалъ (не заключалъ мирнаго договора)". Тотъ же наказъ получилъ и бояринъ Семенъ Борисовичъ въ 1486 году, съ слѣдующею прибавкою: „Если царь скажетъ: князь великій съ королемъ пересылается,— то отвѣчать ему такъ: послы между ними ѣздятъ о мелкихъ дѣлахъ, порубежныхъ, а гладкости никакой и мира господарю нашему, великому князю съ королемъ нѣтъ. За тѣмъ бояринъ долженъ былъ говорить хану: „Пожаловалъ бы ты, послалъ своихъ людей на королеву землю, потому что король тебѣ недругъ и господарю моему недругъ, такъ недругъ вашъ чѣмъ бы больше истомился, тѣмъ бы лучше, а великаго князя люди безпрестанно берутъ королеву землю". Если Менгли-Гирей спроситъ: „Я иду на короля; великій князь идетъ ли?" то отвѣчать: „Захочешь свое дѣло дѣлать, пойдешь на короля, сдѣлаешь доброе дѣло; когда дашь объ этомъ знать господарю моему, то онъ съ тобой одинъ человѣкъ на короля; и твое дѣло и свое дѣлаетъ, какъ ему Богъ поможетъ". Изъ этого уклончиваго отвѣта видно, что Іоаннъ, возбуждая хана на Казимира, самъ не хотѣлъ вступать съ послѣднимъ въ открытую войну, не хотѣлъ первый начинать ее; это видно также изъ слѣдующаго наказа боярину Семену: „Захочетъ царь самъ идти на литовскую землю, и Семена захочетъ съ собой взять, то Семену отговариваться; но если царь отложитъ походъ потому только, что Семенъ отговорился съ нимъ идти, то Семену больше не отговариваться, идти съ царемъ; если же король пойдетъ на великаго князя, то Семену говорить царю, чтобъ царь самъ сѣлъ на коня и шелъ воевать литовскую землю, и самому Семену тогда не отговариваться, идти вмѣстѣ съ царемъ въ походъ. Если захочетъ

царь послать воевать литовскую землю, или самъ пойти, и захочетъ идти къ Путивлю, или на сѣверскую землю, то Семену говорить, чтобъ царь послалъ воевать или самъ пошелъ бы не туда, но на Подолье, или на кіевскія мѣста [158]. Такіе же наказы давались и слѣдующимъ посламъ [159]. Менгли-Гирей заключилъ Казимирова посла: по этому случаю Іоаннъ далъ своему послу, Шеину, такой наказъ: „Если царь скажетъ: королевскій посолъ сидитъ у меня въ неволѣ, и князь великой, что мнѣ о немъ приказалъ?— то Шеину отвѣчать: король какъ тебѣ недругъ, такъ и моему господарю недругъ; но чѣмъ недругу досаднѣе, тѣмъ лучше".

Казимиръ возбуждалъ противъ Москвы Ахмата, Іоаннъ возбуждалъ противъ Польши Менгли-Гирея, но открытой войны не было; Казимиръ не имѣлъ для этого средствъ и времени, Іоаннъ не любилъ предпріятій, войнъ, не обѣщавшихъ вѣрнаго успѣха. Понятно однако, что при враждѣ, хотя и не превратившейся въ явную войну между двумя сосѣдними государствами, дѣло не могло обойтись безъ непріязненныхъ столкновеній. Этихъ столкновеній было много между Москвою и Литвою, и они подавали поводъ къ частымъ пересылкамъ между Іоанномъ и Казимиромъ. Мы видѣли, какъ московскій государь опредѣлилъ характеръ этихъ сношеній, приказывая объявить Менгли-Гирею, что литовскіе послы ѣздятъ въ Москву по поводу дѣлъ мелкихъ, порубежныхъ; въ другой разъ онъ велѣлъ сказать тому же хану: „послы ѣздятъ за тѣмъ, что господаря нашего люди берутъ королевскую землю со всѣхъ сторонъ" [160]. Поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ подавали во-первыхъ мелкіе пограничные князья, большею частію потомки черниговскихъ, изъ которыхъ одни находились въ зависимости отъ Москвы, другіе отъ Литвы; продолжая старыя родовыя усобицы, они безпрестанно ссорились между собою, переходили изъ литовскаго подданства въ московское. Такъ посолъ Казимировъ жаловался, что князья Одоевскіе, находившіеся въ подданствѣ московскомъ, нападаютъ на князей Мезецкихъ (Мещовскихъ), Глинскихъ, Крошенскихъ, Мосальскихъ; что князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій служитъ королю, который его изъ присяги и записи не выпустилъ, а между тѣмъ его люди нападаютъ на литовскія владѣнія. Послу отвѣчали, что князья Мезецкіе первые начали, Одоевскіе только мстили имъ за нападеніе, что вражда началась съ тѣхъ поръ, какъ литовскіе пограничные князья убили князя

Семена Одоевскаго. Что же касается до князя Ивана Михайловича Воротынскаго, то онъ билъ челомъ въ службу къ великому князю, который посылалъ къ королю отъ него съ отказомъ, и самъ князь Иванъ посылалъ къ королю своего человѣка и присягу съ себя сложилъ: „и потому не вѣдаемъ (велѣлъ сказать Іоаннъ Казимиру), какимъ обычаемъ король къ намъ такъ приказываетъ, что нашего слугу своимъ зоветъ; а вѣдомо королю, что и прежде нашему отцу и нашимъ предкамъ тѣ князья служили съ своими отчинами".

Подобно Ивану Воротынскому поступили князья—Иванъ Васильевичъ Бѣлевскій и Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій. Іоаннъ извѣстилъ Казимира о переходѣ Воротынскаго такъ: „что служилъ тебѣ князь Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій, и онъ нынче намъ билъ челомъ служить, и тебѣ бы то вѣдомо было". Послу, Григорью Путятину, отправлявшемуся съ этимъ извѣстіемъ, великій князь наказалъ: „Какъ будешь близко того мѣста, гдѣ король, то напередъ отпусти человѣка князя Воротынскаго, который поѣхалъ для того, чтобъ за своего господина сложить присягу королю". Казимиръ отвѣчалъ, что не выпускаетъ изъ подданства ни князя Дмитрія Воротынскаго, ни князя Ивана, ни князя Ивана Бѣлевскаго, которые перешли къ Москвѣ съ отчинами и пожалованіями; что князь Дмитрій Воротынскій перешелъ съ дольницею (удѣломъ) брата своего, князя Семена, всю казну послѣдняго себѣ взялъ, бояръ всѣхъ и слугъ захватилъ и насильно привелъ къ присягѣ служить себѣ. Іоаннъ отвѣчалъ на это: „Вѣдомо королю самому, что нашимъ предкамъ великимъ князьямъ, да и литовскимъ великимъ князьямъ князья Одоевскіе и Воротынскіе на обѣ стороны служили съ отчинами, а теперь эти наши слуги старые къ намъ пріѣхали служить съ своими отчинами: такъ они наши слуги". Потомъ король прислалъ новую жалобу: билъ ему челомъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Одоевскій, что во время отсутствія его изъ Одоева, другіе Одоевскіе князья, Семеновичи, служащіе Москвѣ, схватили его мать и засѣли отчину его, половину города Одоева. Жаловался также князь Андрей Васильевичъ Бѣлевскій, что въ его отсутствіе, братъ его Иванъ Васильевичъ, перешедшій отъ Литвы къ Москвѣ, напалъ на третьяго брата, князя Василія, схватилъ и заставилъ его насильно цѣловать крестъ, что не будетъ служить королю, князя же Андрея вотчину за себя взялъ.

Іоаннъ отвѣчалъ: „князь Иванъ съ братьею Одоевскіе сказываютъ, что они брату своему Ѳедору не дѣлали ничего такого, на что онъ жалуется; идетъ у нихъ съ нимъ споръ о вотчинѣ, о большомъ княженьи по роду, по старѣйшинству: говорятъ, что пригоже быть на большомъ княженіи нашему слугѣ, князю Ивану Семеновичу; они и посылали, сказываютъ, къ брату своему, князю Ѳедору, чтобъ съ ними о большемъ княженіи урядился, а онъ съ ними не рядится. Такъ король бы велѣлъ князю Ѳедору урядиться (молву учинить), кому пригоже быть на большомъ княженіи и кому на удѣлѣ; согласятся—хорошо, а не согласятся, то великій князь пошлетъ разобрать ихъ своего боярина, а король пусть пошлетъ своего пана". Неизвѣстно, чѣмъ дѣло кончилось [161]. Менѣе хлопоталъ Казимиръ о князѣ Бѣльскомъ, который безъ отчины перебѣжалъ изъ Литвы въ Москву: въ 1482 году, говоритъ лѣтописецъ, былъ мятежъ въ литовской землѣ, захотѣли отчичи—Олшанскій, Олельковичь и князь Ѳедоръ Бѣльскій передаться великому князю московскому, отсѣсть отъ Литвы по рѣку Березыню; намѣреніе ихъ было открыто; король казнилъ Олшанскаго и Олельковича; Бѣльскій успѣлъ бѣжать въ Москву, покинувши молодую жену на другой день послѣ свадьбы; великій князь много разъ посылалъ къ королю съ требованіемъ выдачи жены Бѣльскаго, но тотъ не согласился [162].

Кромѣ смутъ между пограничными князьями, предметомъ сношеній между Москвою и Литвою при Іоаннѣ III были жалобы съ обѣихъ сторонъ на пограничные разбои, опустошенія, забраніе волостей. Въ 1473 году, неизвѣстно по какому поводу, великій князь послалъ рать свою къ Любутску; рать возвратилась, повоевавши волости и ничего не сдѣлавши городу; жители любутской области немедленно отомстили: напали нечаянно на князя Семена Одоевскаго и убили его на бою [163], о чемъ Іоаннъ упоминалъ, какъ о причинѣ вражды между Одоевскими и пограничными литовскими князьями. Казимиръ жаловался, что русскіе люди заняли нѣкоторыя литовскія волости, Тѣшиново и другія [164], что братъ великаго князя, Андрей Васильевичъ Можайскій, взялъ у Вяземскаго князя волость Ореховскую. Въ Москвѣ отвѣчали, что князь Андрей никакихъ вяземскихъ волостей не бралъ, что Тѣшиново и другія упоминаемыя королемъ волости издавна тянутъ къ Можайску, что напротивъ князь Андрей жалуется на королев-

8*

скихъ людей, которые наносятъ много вреда его владѣніямъ. Казимиръ жаловался, что изъ Тверской области, гдѣ княжилъ Іоаннъ молодой, приходилъ князь Оболенскій и разграбилъ вяземскій городъ Хлѣпенъ [165] и другія волости; ему отвѣчали жалобою, что изъ Любутска пріѣхали литовскіе люди на серпуховскую дорогу къ Лопастнѣ; разбойники жили на Дугнѣ и были люди князя Трубецкаго; одинъ изъ нихъ былъ пойманъ и представленъ послу, который его и допрашивалъ. Король жаловался на опустошеніе русскими торопецкихъ, дмитровскихъ и другихъ волостей; ему отвѣчали жалобами на опустошеніе литовскими людьми калужскихъ, медынскихъ и повгородскихъ волостей [166]. Король жаловался, что князь Димитрій Воротынскій, отъѣзжая въ Москву, захватилъ городъ Серенскъ и три другія литовскія волости [167]; требовалъ, чтобъ Іоаннъ не вступался въ Козельскъ, на который есть особая грамота. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что Козельскъ во всѣхъ грамотахъ записанъ за Москвою, велѣлъ показать послу и ту особую грамоту, о которой говорилъ король: „Свои убытки (шкоды) поминаешь (велѣлъ сказать Іоаннъ королю), а о нашихъ забылъ, сколько нашихъ именитыхъ людей твои люди побили. Ѣздили наши люди на поле оберегать христіанство отъ бусурманства, а твои люди на нихъ напали изъ Мценска, Брянска и другихъ мѣстъ; изъ Мценска же наѣзжики перебили сторожей нашихъ на Донцѣ, ограбили сторожей алексинскихъ, сторожей па Шати, изъ Любутска нападали на Алексинъ“.

Мы видѣли [168], что на южныхъ границахъ своей области Новгородцы имѣли смежныя владѣнія съ великими князьями литовскими, какъ наприм. Великія Луки, Ржеву и нѣкоторыя другія; дань съ нихъ шла въ казну великаго князя литовскаго; въ нѣкоторыхъ ржевскихъ волостяхъ послѣдній имѣлъ также право суда; съ нѣкоторыхъ ржевскихъ волостей дань шла и въ Новгородъ, и въ Литву, и въ Москву. Когда Новгородъ окончательно подчинился Іоанну со всѣми своими владѣніями, то московскіе намѣстники не стали обращать вниманія на прежнія отношенія Ржева и другихъ волостей къ Литвѣ и выгнали чиновниковъ Казимировыхъ. Король, лишившись доходовъ, началъ посылать съ жалобами въ Москву; Іоаннъ отвѣчалъ: „Луки Великія и Ржева вотчина наша, новгородская земля, и мы того не вѣдаемъ, какимъ обычаемъ король наши волости, вотчину нашу зоветъ своими волостями;

король въ наши волости, въ Луки Великія и Ржеву и въ иныя мѣста новгородскія, въ нашу отчину не вступался бы". Кромѣ того со стороны великаго князя были постоянныя жалобы на притѣсненія и грабежи, претерпѣваемыя московскими купцами въ литовскихъ областяхъ; Казимиръ также жаловался, что недалеко отъ Москвы побиты купцы смоленскіе и товары ихъ пограблены; на это дьякъ великокняжескій отвѣчалъ литовскому послу, что разбойники сысканы и казнены; пограбленные товары ими истеряны, но великій князь не хочетъ, чтобъ эти вещи пропали: пусть жены, дѣти или кто-нибудь изъ роду убитыхъ пріѣдетъ въ Москву, и получитъ вознагражденіе. „Недавно, продолжалъ дьякъ, взяли русскіе люди у татаръ плѣнниковъ—христіанскія головы; оказалось, что эти плѣнники изъ литовской земли; и великій князь ихъ отпускаетъ въ Литву; вотъ они предъ тобою, возьми ихъ, какъ и прежде дѣлывалось".

Казимиру вздумалось вовлечь Іоанна въ войну съ турками и тѣмъ порвать необходимый для Москвы союзъ съ Менгли-Гиреемъ; въ 1486 году онъ прислалъ объявить московскому великому князю, что султанъ громитъ землю Стефана, воеводы молдавскаго, взялъ у него Килію и Бѣлгородъ; приводя обязательство договора, заключеннаго между нимъ, Казимиромъ и отцомъ Іоанновымъ, обязательство стоять за одно противъ всякаго недруга, король требовалъ, чтобъ великій князь вооружился съ нимъ за одно противъ непріятеля всего христіанства; Іоаннъ отвѣчалъ: „Еслибъ намъ было не такъ далеко и было бы можно, то мы бы сердечно хотѣли то дѣло дѣлать и стоять за христіанство. Стефанъ воевода и къ намъ присылалъ съ просьбою, чтобъ мы уговаривали тебя помогать ему: которымъ христіанскимъ государямъ близко и можно то дѣло дѣлать, то всякому господарю христіанскому должно того дѣла оберегать и за христіанство стоять". [169].

Псковъ, сохраняя особный бытъ, долженъ былъ отдѣльно сноситься съ литовскимъ великимъ княземъ. Казимиръ ласкалъ Псковичей, отпускалъ пословъ ихъ съ честію и съ великими дарами [170]; но въ 1470 году псковскіе послы на съѣздѣ съ литовскими панами толковали четыре дня и разъѣхались, ни на чемъ не согласившись. Весною слѣдующаго года Казимиръ объявилъ псковскимъ посламъ, что такъ какъ паны не могли съ ними уладиться, то онъ самъ пріѣдетъ на границы и своими глазами осмотритъ

спорныя мѣста. Когда послы сказали объ этомъ на вѣчѣ, то Псковичамъ стало не любо, потому что ни одинъ великій князь, ни король, сколько ихъ ни бывало въ Литвѣ, самъ не пріѣзжалъ на границы улаживаться, а всѣ обыкновенно присылали пановъ. Псковичи безпокоились, какъ видно, понапрасну, потому что до 1480 года не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о сношеніяхъ ихъ съ Казимиромъ; въ этомъ году король прислалъ къ нимъ съ жалобою на обиды, которыя терпятъ въ Псковѣ купцы виленскіе и полоцкіе, также на обиды, претерпѣваемыя отъ псковичей пограничными литовскими жителями. Псковичи отвѣчали жалобою на луцкаго воеводу, пограбившаго ихъ купцовъ, на воевоцъ и мѣщанъ другихъ городовъ, которые ихъ купцамъ съ нѣмцами торговать не даютъ; послы должны были сказать также королю: „И о томъ тебѣ своему господину, честному великому королю челомъ бьемъ и жалуемся, что нѣмцы, князь Местеръ, пришедши на миру и на крестномъ цѣлованьи, на землю св. Троицы, на отчину великихъ князей, два пригорода взяли, волости пожгли, христіанство пересѣкли и въ полонъ свели. А теперь слышали мы, что князь Местеръ тебѣ бьетъ челомъ на насъ, проситъ у тебя силы въ помочь на Псковъ, самъ будучи виноватъ передъ Псковомъ; и ты бы силы князю Местеру въ помочь не давалъ на Псковъ. Да и о томъ челомъ бьемъ: что князь Местеръ нашихъ Псковичей полонилъ, и они чрезъ твою литовскую землю бѣгаютъ ко Пскову изъ нѣмецкой земли, а Литва ихъ ко Пскову не пускаетъ: и ты бы пожаловалъ не велѣлъ своимъ ихъ задерживать“. При этомъ послы поднесли королю въ даръ отъ Пскова пять рублей, да отъ себя полтора рубля, королевичамъ по полтинѣ, королевѣ отъ Пскова рубль, старшій посолъ отъ себя полтину, младшій золотой венгерскій. Король обѣщалъ во всемъ дать управу [171]. Въ 1492 году Казимиръ прислалъ во Псковъ съ требованіемъ выдачи бѣглыхъ литовцевъ и боярскихъ людей, ушедшихъ изъ полоцкой области [172].

Въ томъ же году умеръ Казимиръ; Польша и Литва раздѣлились между его сыновьями: Яну Албрехту досталась Польша, Александру Литва. Посылая въ Крымъ Константина Заболоцкаго, Іоаннъ велѣлъ ему сказать Менгли-Гирею, что король умеръ, остались у него дѣти, такіе же Москвѣ и Крыму недруги, какъ и отецъ; чтобъ ханъ съ ними не мирился, чтобъ шелъ на Литву, великій князь также хочетъ самъ сѣсть на коня. При Казимирѣ Іоаннъ не

хотѣлъ начинать явной войны, позволялъ посламъ своимъ соглашаться провожать хана въ походъ на Литву только въ крайности; теперь же даетъ такой наказъ Заболоцкому: пойдетъ ханъ на Литву, и велитъ ему идти съ собою, то ему идти, не отговариваться; говорить царю накрѣпко, чтобъ непремѣнно пошелъ на литовскую землю; если царь пойдетъ, чтобъ шелъ на Кіевъ. Заболоцкій отвѣчалъ, что по его настоянію ханъ велѣлъ схватить литовскаго посла, князя Ивана Глинскаго, и хочетъ идти самъ на Литву. Крымцы воевали между Кіевомъ и Черниговомъ, но это были ничтожные отряды; Іоаннъ былъ недоволенъ и писалъ Заболоцкому: „Пишетъ мнѣ царь, что безпрестанно его люди литовскую землю воюютъ; а мы здѣсь слышали, что мало ихъ приходило на литовскую землю и не брали ничего; нынче онъ сына послалъ, и съ нимъ пять сотъ человѣкъ: но пятьюстами человѣкъ какая война литовской землѣ?“ При этомъ посланъ былъ наказъ послу: „Если ханъ спроситъ: а за чѣмъ князь великій самъ не сѣлъ на коня?—то отвѣчать: не знаю; будутъ другіе послы, тѣ скажутъ за чѣмъ“. Поѣхалъ другой посолъ; ему данъ былъ наказъ: „Если спроситъ ханъ, за чѣмъ князь великій самъ не сѣлъ на коня?—отвѣчать: за нарядомъ тяжелымъ“ [173].

Іоаннъ самъ не хотѣлъ садиться на коня; но воевода его, князь Ѳедоръ Оболенскій, напалъ на Мценскъ и Любутскъ, сжегъ ихъ, вывелъ въ плѣнъ намѣстниковъ, бояръ и многихъ другихъ людей; другой московскій отрядъ захватилъ два города—Хлѣпень и Рогачаевъ [174]. Литвѣ было трудно отбиваться отъ Іоанна и отъ Менгли-Гирея вмѣстѣ; начали думать о мирѣ съ Москвою, и, чтобъ склонить Іоанна къ уступкамъ, рѣшили предложить ему брачный союзъ одной изъ дочерей его съ великимъ княземъ Александромъ. Панъ Янъ Заберезскій, намѣстникъ полоцкій, прислалъ въ Новгородъ, къ тамошнему воеводѣ Якову Захарьичу писаря своего Лаврина подъ предлогомъ покупки разныхъ вещей въ Новгородѣ, а въ самомъ дѣлѣ съ предложеніемъ о сватовствѣ. Яковъ Захарьичъ, услыхавъ это предложеніе, самъ поѣхалъ въ Москву объявить объ немъ великому князю. Іоаннъ сначала приговорилъ было съ боярами, что Якову не слѣдуетъ посылать къ Заберезскому своего человѣка съ отвѣтомъ на его предложеніе; но потомъ, когда Яковъ уѣхалъ уже въ Новгородъ, великій князь передумалъ и послалъ ему приказъ отправить своего человѣка къ Заберезскому, не пре-

кращая впрочемъ военныхъ дѣйствій, „потому что и между государями пересылка бываетъ, хотя бы и полки сходились;"—велѣлъ писать вѣжливо, потому что Заберезскій писалъ вѣжливо; посланный долженъ былъ извѣдать всѣ тамошнія дѣла: какъ Александръ живетъ съ панами, какъ у нихъ дѣла въ землѣ, какіе слухи про Александровыхъ братьевъ. Въ Москвѣ поняли, зачѣмъ въ Литвѣ хотятъ прежде начать дѣло о сватовствѣ, и потому посланецъ Якова Захарьича долженъ былъ сказать Заберезскому, что до мира нельзя толковать о бракѣ.

Но литовскіе паны продолжали настаивать на сватовство; тотъ же Заберезскій писалъ въ Москву, къ тамошнему первому боярину, князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву: „Дознайся у своего государя, великаго князя, захочетъ ли онъ отдать дочьку свою за нашего господаря, великаго князя Александра? а мы здѣсь съ дядьми и братьями нашими (т. е. съ старшими и ровными панами) хотимъ въ томъ дѣлѣ постоять". Наконецъ въ ноябрѣ 1492 года явился въ Москву посолъ отъ Александра, панъ Станиславъ Глѣбовичъ, который началъ дѣло жалобами на прежнія обиды Литвѣ отъ Москвы при Казимирѣ и новыя при Александрѣ, на сожженіе Мценска и Любутска, взятіе Хлѣпеня и Рогочева, сожженіе Мосальска, взятіе Негомири и Бывалицы—волостей князя Бывалецкаго-Вяземскаго, Тѣшинова, волости князей Крошинскихъ. Отправивши посольство, Станиславъ обѣдалъ у великаго князя, который, по обычаю, отпустилъ послѣ обѣда на посольское подворье князя Ноздроватого съ медомъ поить Глѣбовича. Во время угощенія уже въ нетрезвомъ видѣ Станиславъ началъ говорить Ноздроватому о сватовствѣ и заключеніи мира, объявилъ, что долженъ говорить объ этомъ съ княземъ Патрикѣевымъ, и дѣйствительно на пиру у послѣдняго началъ рѣчь о сватовствѣ; но Патрикѣевъ на этотъ разъ ничего не отвѣчалъ, потому что время и положеніе Глѣбовича было неприличное; на другой день уже, по приказу великаго князя, онъ спросилъ у посла о дѣлѣ, и тотъ отвѣчалъ, что говорилъ отъ себя, а не по приказу своего великаго князя, и просилъ, чтобъ Патрикѣевъ вывѣдалъ у Іоанна, хочетъ ли онъ выдать дочь свою за Александра? Князь Иванъ Юрьевичъ отвѣчалъ вопросомъ: „По вашему, какому дѣлу надобно быть прежде: миру или сватовству?" Посолъ отвѣчалъ, что когда великіе литовскіе люди пріѣдутъ, то они объ этомъ поговорятъ

съ великими московскими людьми. Этимъ пока покончились рѣчи о сватовствѣ; на жалобы же посла великій князь отвѣчалъ чрезъ казначея своего Дмитрія Владиміровича, что Литва обижаетъ Москву, а не наоборотъ, что жители Мценска и Любутска безпрестанно нападали на московскія области и на сторожей, что наши, не могши болѣе терпѣть этого, ходили на Мценскъ и Любутскъ за своими женами, дѣтьми и имѣніемъ, что Хлѣпень въ старыхъ договорахъ приписанъ къ московскому княжеству, а Рогачевъ изстари принадлежитъ къ Твери; что о сожженіи Масальска въ Москвѣ еще не получено извѣстія. Князь Патрикѣевъ сказалъ отъ себя послу, что когда будетъ миръ, для заключенія котораго литовскіе послы должны пріѣхать въ Москву, тогда и дѣло о сватовствѣ начнетъ дѣлаться, чего московскіе бояре желаютъ. А потомъ князь Иванъ Юрьевичъ говорилъ между прочимъ, въ разговорѣ, чтобъ при дѣлѣ лишнихъ рѣчей не было: какъ прежде пріѣзжалъ отъ короля Казимира посолъ для заключенія мира, то много было лишнихъ рѣчей, отъ чего дѣло и не состоялось. Къ Заберезскому Патрикѣевъ отправилъ своего человѣка съ грамотою, гдѣ писалъ то же самое, т. е. что прежде надобно миръ заключить, и чтобъ паны этимъ дѣломъ не медлили; что же касается условія, чтобы оба государства держали тѣ земли, которыя издавна имъ принадлежали, то великій князь Іоаннъ земель литовскаго государства не держитъ, держитъ свои земли [175].

Такимъ образомъ въ Москвѣ прямо объявили, что не хотятъ слышать о сватовствѣ до заключенія мира, который потому Литва должна заключить на всей волѣ московскаго князя, т.-е. уступить ему всѣ его недавніе примыслы, ибо онъ прямо объявилъ, что все, чѣмъ онъ владѣетъ—его собственность. И эта собственность увеличивалась безпрестанно на счетъ Литвы: въ началѣ 1493 года пріѣхали служить къ великому князю московскому князь Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій съ племянникомъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ, оба съ отчинами; мало того: дорогою князь Семенъ овладѣлъ двумя литовскими городами—Серпѣйскомъ и Мещовскомъ. За Воротынскими погнались воевода Смоленскій, панъ Юрій Глѣбовичъ, да сынъ извѣстнаго московскаго бѣглеца, князь Семенъ Ивановичъ Можайскій, и взяли назадъ Серпѣйскъ и Мещовскъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ отдавать разъ взятое: онъ послалъ противъ нихъ племянника своего, князя Ѳедора Васильевича Рязанскаго, да еще

нѣсколько воеводъ съ большимъ войскомъ, которому Глѣбовичъ и Можайскій не осмѣлились противиться, укрѣпили города заставами (гарнизонами), а сами побѣжали къ Смоленску. Сила московская пришла подъ Мещевскъ и взяла городъ безъ сопротивленія, заставу литовскую отослали въ Москву, земскихъ и черныхъ людей привели къ присягѣ Іоанну; Серпѣйскъ сопротивлялся, былъ взятъ съ бою, разграбленъ и сожженъ; сожженъ былъ также Опаковъ; повсюду земскіе и черные люди приведены къ присягѣ за Москву, ратные люди, сидѣвшіе въ осадѣ по городамъ, и большіе городскіе люди числомъ 530 разосланы въ заточеніе по московскимъ городамъ. Въ то же время двое другихъ воеводъ, князь Данило Щеня и князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, сынъ Ивана Юрьевича, взяли Вязьму, князей вяземскихъ и пановъ привели въ Москву: великій князь пожаловалъ ихъ прежнею отчиною Вязьмою и приказалъ имъ себѣ служить. Тогда же пріѣхалъ служить въ Москву князь Михайла Романовичъ Мезецкій, и привелъ плѣнными двухъ родныхъ братьевъ, которыхъ сослали въ Ярославль. Изъ Литвы въ Москву пріѣзжали князья съ отчинами; изъ Москвы въ Литву перебѣжалъ одинъ какой-то Юшка Елизаровъ, и скоро потомъ гнѣздо литовскихъ доброжелателей было окончательно истреблено въ Москвѣ: въ январѣ 1493 года на Москвѣ рѣкѣ въ клѣткѣ были сожжены князь Иванъ Лукомскій, да Матвѣй Полякъ, толмачъ латинскій; послалъ князя Лукомскаго въ Москву еще король Казимиръ, взявши съ него клятву, что или убьетъ великаго князя Іоанна или ядомъ окормитъ, и ядъ свой къ нему прислалъ, который былъ вынутъ и послужилъ уликою; Лукумскій оговорилъ и князя Ѳедора Бѣльскаго, что хотѣлъ бѣжать въ Литву; Бѣльскаго схватили и сослали въ заточеніе въ Галичъ, схвачены были и двое братьевъ Селевиныхъ, родомъ изъ Смоленска, которые посылали человѣка своего съ грамотами и вѣстями къ литовскому великому князю Александру; одного брата засѣкли кнутомъ до смерти, другому отрубили голову [176]. Такъ говоритъ лѣтописецъ; по всѣмъ вѣроятностямъ упомянутые люди, живя въ Москвѣ, служили князю литовскому, но, какъ видно, не было ясныхъ доказательствъ относительно участія Казимира въ намѣреніи погубить Іоанна, потому что послѣдній въ сношеніяхъ съ Литвою ни разу не упоминаетъ объ этомъ; послѣ, уже въ княженіе Василія Іоанновича, московскіе бояре, вычисляя предъ литовскими послами всѣ непріязненные

поступки Казимира и Александра, ни слова не упомянули о дѣлѣ Лукомскаго.

Между тѣмъ пересылки не прекращались: посланецъ Патрикѣева, ѣздившій отъ него съ письмомъ къ Заберезскому, привезъ отъ послѣдняго новое письмо; Заберезскій увѣдомлялъ, что онъ говорилъ съ княземъ, епископомъ и панами радою, которые всѣ желаютъ мира и родственнаго союза между государями, хочетъ этого и самъ великій князь Александръ и отправляетъ пословъ въ Москву; но до ихъ отъѣзда хотѣлось бы получить ручательство въ успѣхѣ посольства, пойдетъ ли дѣло впередъ къ доброму концу? „Какъ вы своего государя чести стережете (писалъ Заберезскій), такъ и мы: если великіе послы вернутся безъ добраго конца, то къ чему доброму то дѣло пойдетъ впредь?"

Съ отвѣтомъ отправился въ Литву къ Александру дворянинъ Загряжскій, который прежде всего удивилъ новою формою: до сихъ поръ въ вѣрющихъ грамотахъ Казимиру Іоаннъ писалъ такъ: „отъ великаго князя Ивана Васильевича Казимиру королю польскому и великому князю литовскому послали есмо" и проч. Теперь же грамота начиналась: „Іоаннъ, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь владимірскій и московскій и новгородскій и псковской и тверской и югорскій и болгарскій и иныхъ; великому князю Александру литовскому". Первая рѣчь посольская была: служилъ тебѣ князь Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій, и онъ нынче намъ билъ челомъ служить. Служили тебѣ князь Андрей да князь Василій Васильевичи Бѣлевскіе, да князь Михайла Романовичъ Мезецкій, да князь Андреи Юрьевичъ Вяземскій, и они нынче намъ били челомъ служить и съ вотчинами, и тебѣ бы то было вѣдомо". Потомъ посолъ требовалъ, чтобъ всѣмъ этимъ князьямъ не было никакихъ обидъ отъ литовскихъ подданныхъ [177]. Относительно титула Загряжскому былъ данъ такой наказъ: „Если спросятъ его: для чего князь великій назвался государемъ всея Руси; прежде ни отецъ его, ни онъ самъ къ отцу государя нашего такъ не приказывали? то послу отвѣчать: государь мой со мною такъ приказалъ, а кто хочетъ знать за чѣмъ, тотъ пусть ѣдетъ въ Москву, тамъ ему про то скажутъ". Князь Патрикѣевъ послалъ Заберезскому письмо въ отвѣтъ на опасенія его относительно невѣрнаго успѣха великихъ литовскихъ пословъ: „Самъ поразумѣй, писалъ Патрикѣевъ: когда между государями великіе люди ѣздятъ, тогда

Божіею волею между ними и доброе дѣло дѣлается". Между тѣмъ Заберезскій опять прислалъ въ Новгородъ къ Якову Захарьичу просить позволенія купить двухъ кречетовъ; Яковъ послалъ сказать объ этомъ великому князю, и тотъ отвѣчалъ, что дѣло не въ кречетахъ, а вѣрно прислано за тѣмъ, чтобы высмотрѣть, или з а д и р а ю ч и для прежняго дѣла; что надобно Якову послать къ Заберезскому своего человѣка съ кречетами и съ грамотою о прежнемъ дѣлѣ: „возьмутся за то дѣло, то дай Богъ; а не возьмутся, то намъ низости въ этомъ нѣтъ никакой". Іоаннъ приказывалъ, чтобъ Яковъ послалъ въ Полоцкъ съ кречетами и грамотою человѣка умнаго, который бы могъ смотрѣть тамошнее дѣло и расспрашивать вѣжливо; а съ человѣкомъ Заберезскаго послать до рубежа пристава, который бы смотрѣлъ, чтобъ съ нимъ никто не говорилъ, и впередъ такъ поступать, если кто снова пріѣдетъ изъ Литвы.

Заберезскій отвѣчалъ, что поруха доброму дѣлу отъ Москвы, которая забираетъ города и причиняетъ вредъ Литвѣ; если этотъ вредъ загладится, то и дѣло пойдетъ впередъ. Посолъ отъ Александра пріѣхалъ съ объявленіемъ, что литовскій великій князь не освобождаетъ отъ присяги отъѣхавшихъ князей, съ требованіемъ, чтобъ Іоаннъ не принималъ ихъ, и съ жалобами на взятіе и сожженіе городовъ. Посолъ долженъ былъ повторить эти жалобы и предъ княземъ Патрикѣевымъ отъ имени епископа виленскаго и всѣхъ пановъ радныхъ, съ прибавкою о титулѣ: „Господарь вашъ къ его милости нашему господарю имя себѣ высоко написалъ, не по старинѣ, не такъ какъ издавна обычай бывалъ. Самъ того, князь, посмотри, хорошо ли это дѣлается? старину оставляете, и въ новыя дѣла вступаете" [178]. Великій князь велѣлъ отвѣчать, что князья воротынскіе и бѣлевскіе старые слуги московскихъ князей, и только въ невзгоду отца его, великаго князя Василія, были у Казимира короля; что взятіе и сожженіе городовъ было слѣдствіемъ нападенія князя можайскаго на отъѣхавшихъ князей. Князь Патрикѣевъ отвѣчалъ на счетъ титула, что государь его высокаго ничего не писалъ, и новизны никакой не вставлялъ; писалъ онъ то, что ему Богъ даровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, отъ начала, ибо онъ правый, урожденный государь всея Руси, и которыя земли ему Богъ даровалъ, тѣ онъ и писалъ.

Видя, что подобными пересылками нельзя ничего достигнуть,

Александръ прислалъ просить опасной грамоты для большихъ пословъ, которые и явились въ Москву въ январѣ 1494 года. То были: Петръ Бѣлый Яновичъ, воевода Троцкій, и Станиславъ Гаштольдъ Яновичъ, староста Жомонтскій. Послы объявили, что государь ихъ хочетъ мира съ московскимъ государемъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на какихъ онъ былъ заключенъ между отцемъ Александровымъ, Казимиромъ и отцомъ Іоанновымъ, Василіемъ, и для укрѣпленія вѣчной пріязни хочетъ, чтобъ Іоаннъ выдалъ за него дочь свою, дабы жить съ нимъ въ такомъ же союзѣ, въ какомъ находился дѣдъ его Витовтъ съ дѣдомъ Іоанновымъ, Василіемъ. Іоаннъ велѣлъ имъ отвѣчать, что теперь нельзя уже заключить такого договора, какой былъ заключенъ между Казимиромъ и Василіемъ, и если Александръ вспоминаетъ предковъ, то онъ, Іоаннъ, хочетъ, чтобъ все было такъ, какъ было при великихъ князьяхъ Симеонѣ Іоанновичѣ, Іоаннѣ Іоанновичѣ и Олгердѣ. Когда литовскіе послы спросили, почему Іоаннъ не хочетъ заключить мира на условіяхъ Казимирова договора, то бояре отвѣчали, что этотъ договоръ заключенъ былъ вслѣдствіе невзгоды московскихъ государей, дѣда и отца Іоанновыхъ; тогда послы начали отговариваться отъ договора Симеонова стариною и невзгодою литовскихъ князей, Олгерда и Кейстута. Начались переговоры о волостяхъ: послы представили списокъ смоленскихъ пригородовъ съ волостями; бояре возразили, что въ этомъ спискѣ писаны волости боровскія, медынскія и можайскія, и указали именно какія; тогда послы уступили эти волости въ московскую сторону [170]. Въ договорѣ Казимира съ Василіемъ Темнымъ Козельскъ былъ писанъ на обыскъ, т.-е. послѣ заключенія мира должно было обыскать, кому онъ прежде принадлежалъ, тому и отдать; литовскіе послы точно также хотѣли написать и о Вязьмѣ, или вовсе о ней не упоминать, оставя ее на дѣлѣ за Москвою; но бояре не согласились, и послы уступили, уступили весь Серенскъ, котораго одна половина, по Олгердову договору, принадлежала Литвѣ, а другая Москвѣ; князья новосильскіе всѣ, одоевскіе, воротынскіе и бѣлевскіе отошли къ Москвѣ съ отчинами и податью, которую давали великимъ князьямъ литовскимъ; о Мезецкѣ рѣшили такъ: которые князья мезецкіе служатъ Литвѣ, тѣ вѣдаютъ свои дольницы, а которые служатъ Москвѣ, тѣ вѣдаютъ свои дольницы; которые князья въ плѣну въ Москвѣ, тѣхъ выпустить, и пусть служатъ,

кому хотятъ [130]. Въ договорной грамотѣ [131] Іоаннъ былъ написанъ государемъ всея Руси, великимъ княземъ владимірскимъ, московскимъ, новгородскимъ, псковскимъ, тверскимъ, югорскимъ, пермскимъ, болгарскимъ и иныхъ. Оба государя обязались, по обычаю, быть вездѣ за одно, имѣть однихъ друзей и враговъ; обязались князей служебныхъ съ отчинами не принимать; Александръ обязался не отпускать никуда ко вреду Іоанна дѣтей его измѣнниковъ—Шемячича, можайскаго, Ярославича, верейскаго, также тверскаго князя; если выйдутъ они изъ литовской земли, опять ихъ не принимать, но быть на нихъ за одно съ Іоанномъ. Въ договорѣ Казимира съ Василіемъ Темнымъ было условлено, что если великій князь рязанскій сгрубитъ королю, то послѣдній долженъ дать объ этомъ знать Василію: тотъ долженъ удержать рязанскаго князя отъ грубости, но если послѣдній не исправится, то Казимиръ можетъ его показнить, и московскій великій князь уже не долженъ вступаться; также было условлено, что рязанскій князь можетъ вступить въ службу къ королю, и Василій не долженъ сердиться и мстить ему за это. Но въ настоящемъ договорѣ между Іоанномъ и Александромъ о рязанскихъ князьяхъ сказано: „Великій князь рязанскій Иванъ Васильевичъ съ братомъ, дѣтьми и землею въ твоей сторонѣ великаго князя Ивана; а мнѣ великому князю Александру ихъ не обижать и въ земли ихъ не вступаться; если же они мнѣ сгрубятъ, то я долженъ дать объ этомъ знать тебѣ, великому князю Ивану, и ты мнѣ долженъ дать удовлетвореніе“. Такимъ образомъ и Рязань признана въ полной зависимости отъ Москвы.

Еще прежде начала переговоровъ о волостяхъ, послы были у великой княгини Софіи, и передъ тѣмъ спрашивали: будутъ ли при ней дочери? имъ отвѣчали, что дочерей не будетъ. По окончаніи переговоровъ, Іоаннъ объявилъ, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, какъ говорили послы и ручались головою, неволи ей въ вѣрѣ не будетъ. На другой день послы отправились къ великой княгинѣ, и увидѣли тутъ невѣсту, старшую княжну Елену, послѣ чего въ тотъ же день было и обрученье: кресты съ цѣпями и перстни мѣняли; мѣсто жениха занималъ панъ Станиславъ, а старшаго пана Петра отстранили, потому, что онъ былъ женатъ на другой женѣ. Іоаннъ требовалъ, чтобъ Александръ далъ ему относительно вѣры Елениной утвержденную

грамоту въ такой формѣ: „Намъ его дочери не нудить къ римскому закону; держитъ она свой греческій законъ". Для полученія этой грамоты и для взятія съ Александра клятвы въ соблюденіи мирнаго договора отправились въ Литву послами князья Ряполовскіе—Василій и Семенъ Ивановичи. Любопытно, что Ряполовскіе должны были править поклоны Александру отъ всѣхъ сыновей Іоанновыхъ, начиная съ Василія, и потомъ уже отъ внука Димитрія—знакъ, что въ 1494 году послѣдній считался ниже всѣхъ своихъ дядей, и Василій являлся наслѣдникомъ великаго княженія. Ряполовскіе получили такой наказъ: „Говорить накрѣпко, чтобъ Александръ далъ грамоту о вѣрѣ Елениной по списку слово въ слово; если же онъ не захочетъ никакъ дать грамоты, то укрѣпить его на словахъ, пусть крѣпкое свое слово молвитъ, что не будетъ ей принужденія въ греческомъ законѣ". Александръ не отказался дать грамоты, но велѣлъ написать ее по другой формѣ, а именно вставлено было новое обстоятельство: „Александръ не станетъ принуждать жены къ перемѣнѣ закона; но если она сама захочетъ принять римскій законъ, то ея воля". Ряполовскіе отказались принять эту грамоту, и когда пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Александра, Лютаворъ Хребтовичъ, то Іоаннъ спросилъ у него: за чѣмъ измѣнена форма грамоты? Хребтовичъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ, не имѣя наказа; тогда Іоаннъ объявилъ, что если Александръ не дастъ грамоты по прежней формѣ, то онъ не выдастъ за него дочери. Александръ уступилъ, прислалъ грамоту, какой требовалъ Іоаннъ, и тотъ назначилъ срокъ пріѣзжать за Еленою—Рождество Христово, „чтобъ нашей дочери быть у великаго князя Александра за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго".

Въ генварѣ 1495 года пріѣхали въ Москву за Еленою литовскіе послы: воевода виленскій, князь Александръ Юрьевичъ, извѣстный уже намъ намѣстникъ полоцкій, Янъ Заберезскій, и намѣстникъ брацлавскій, панъ Юрій. Іоаннъ сказалъ имъ: „Скажите отъ насъ брату и зятю нашему, великому князю Александру: на чемъ онъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобъ нашей дочери никакимъ образомъ къ римскому закону не нудилъ; если бы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ римскому закону, то мы ей на то воли не даемъ, и князь бы великій Александръ на то ей воли не давалъ же, чтобъ между

нами про то любовь и прочная дружба не порушилась. Да скажите великому князю Александру: какъ дастъ Богъ, наша дочь будетъ за нимъ, то онъ бы нашу дочь, а свою великую княгиню жаловалъ, держалъ бы ее такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша его къ нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтобъ сдѣлалъ для насъ, велѣлъ бы нашей дочери поставить церковь нашего греческаго закона на переходахъ у своего двора, у ея хоромъ, чтобъ ей близко было къ церкви ходить, а намъ бы его жалованье къ нашей дочери пріятно было слышать. Да скажите отъ насъ епископу и панамъ вашей братьѣ, всей радѣ, да и сами поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, и между нами братство и любовь и прочная дружба не порушились бы".

13 генваря Іоаннъ, отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ со всѣмъ семействомъ и боярами, подозвалъ литовскихъ пословъ къ дверямъ и передалъ имъ дочь. Елена остановилась въ Дорогомиловѣ и жила два дня: братъ ея Василій угощалъ здѣсь пословъ обѣдомъ, мать ночевала съ нею, самъ великій князь пріѣзжалъ два раза; онъ наказалъ дочери, чтобъ она во всѣхъ городахъ, черезъ которые будетъ проѣзжать, была въ соборныхъ церквахъ и служила молебны; въ Витебскѣ мостъ городовой худъ, и если можно будетъ ей проѣхать къ соборной церкви, то она поѣхала бы, а будетъ нельзя, то она бы не ѣздила; наказалъ какъ поступить, когда какія-нибудь паньи встрѣтятъ ее; если кто-нибудь изъ пановъ дастъ обѣдъ Еленѣ, то женѣ его быть на обѣдѣ, а самому ему не быть; князей отъѣхавшихъ изъ Москвы, Шемячича и другихъ не допускать къ себѣ; если бы даже и потомъ въ Вильнѣ они захотѣли ударить ей челомъ, то чтобъ Александръ не велѣлъ имъ и княгинямъ ихъ къ ней ходить. Если встрѣтитъ Елену самъ великій князь Александръ, то ей изъ т а п к а н ы (экипажа) выйти и челомъ ударить, и быть ей въ это время въ нарядѣ; если позоветъ ее къ рукѣ, то ей къ рукѣ идти и руку дать; если велитъ ей идти въ свою повозку, но тамъ не будетъ его матери, то ей въ его повозку не ходить, ѣхать ей въ своей тапканѣ. Въ латинскую божницу не ходить, а ходить въ свою церковь; захочетъ посмотрѣть латинскую божницу или монастырь латинскій, то можетъ посмотрѣть одинъ разъ или дважды. Если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Александрова, ея свекровь, и если пойдетъ въ свою

божницу, а ей велитъ идти съ собою, то Еленѣ провожать королеву до божницы, и потомъ вѣжливо отпроситься въ свою церковь, а въ божницу не ходить.

Александръ, какъ доносили наши послы, встрѣтилъ великую княжну за три версты отъ Вильны: онъ сидѣлъ верхомъ на лошади; отъ его коня до тапканы Елениной послали красное сукно, а у тапканы послали по сукну камку съ золотомъ; Елена вышла изъ тапканы на камку, за нею вышли и боярыни. Александръ въ то же время сошелъ съ лошади, подошелъ къ Еленѣ, далъ ей руку, принялъ ее къ себѣ [182], спросилъ о здоровьѣ и велѣлъ опять пойти въ тапкану; потомъ, давъ также руку боярынямъ, сѣлъ на коня, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ городъ. Въ тотъ же день происходило вѣнчаніе: латинскій епископъ и самъ Александръ крѣпко настаивали, чтобъ русскій священникъ Ѳома, пріѣхавшій съ Еленою, не говорилъ молитвъ, и княгиня Марья Ряполовская не держала вѣнца; но князь Семенъ Ряполовскій, главный изъ бояръ, провожавшихъ Елену, настоялъ на томъ, чтобъ былъ исполненъ приказъ Іоанновъ; священникъ Ѳома говорилъ молитвы, и княгиня Марья держала вѣнецъ [183].

Отпуская бояръ, провожавшихъ Елену, князя Семена Ряполовскаго и Михайла Русалку, Александръ сказалъ: „Вы говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, чтобы мы дочери его, а нашей великой княгинѣ поставили церковь греческаго закона на переходахъ, подлѣ ея хоромъ: но князья наши и паны, вся земля имѣютъ право и записи отъ предковъ нашихъ, отца нашего и насъ самихъ, а въ правахъ написано, что церквей греческаго закона больше не прибавлять: такъ намъ этихъ правъ рушить не годится. А княгинѣ нашей церковь греческаго закона въ городѣ есть близко; если ея милость захочетъ въ церковь, то мы ей не мѣшаемъ. Братъ и тесть нашъ хочетъ также, чтобъ мы дали ему грамоту на пергаменѣ относительно греческаго закона его дочери; но мы дали ему грамоту точно такую, какой онъ самъ отъ насъ хотѣлъ; эта грамота теперь у него съ нашею печатью". Въ маѣ пріѣхалъ отъ Александра посолъ Станиславъ Петряшковичъ изъявить Іоанну благодарность за присылку Елены, и объявить, что воевода молдавскій Стефанъ напалъ на литовскія владѣнія; относительно Елены Александръ велѣлъ Петряшковичу сказать слѣдующее тестю: „Ты хотѣлъ, чтобъ мы оставили нѣсколько твоихъ бояръ и дѣтей бояр-

скихъ при твоей дочери, пока попривыкнетъ къ чужой сторонѣ: и мы для тебя велѣли имъ остаться при ней нѣкоторое время; но теперь пора уже имъ выѣхать отъ насъ: вѣдь у насъ, слава Богу, слугъ много, есть кому служить нашей великой княгинѣ; какая будетъ ея воля, кому что прикажетъ, и они будутъ, по ея приказу, дѣлать все, что только ни захочетъ". Наконецъ Петряшковичъ жаловался на московскихъ пословъ, князя Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые будто бы на возвратномъ пути изъ Вильны грабили жителей на двѣ мили по обѣ стороны дороги, грабили и купцовъ имъ встрѣчавшихся [192].—Іоанну сильно не нравилось и то, что зять пересталъ называть его государемъ всея Руси, и то, что не хотѣлъ построить церкви для Елены, когда онъ именно просилъ его сдѣлать это для него, и то, что Александръ отсылалъ изъ Вильны бояръ московскихъ, которыхъ Іоанну хотѣлось непремѣнно удержать при дочери. Онъ отвѣчалъ Петряшковичу на счетъ церкви: „Нашъ братъ, князь великій самъ знаетъ, съ кѣмъ тамъ его предки и онъ самъ утвердилъ тѣ права, что новыхъ церквей греческаго закона не строить: намъ до тѣхъ его правъ дѣла нѣтъ никакого; а съ нами братъ нашъ князь великій да и его рада договаривались на томъ, чтобъ нашей дочери держать свой греческій законъ, и что намъ братъ нашъ и его рада обѣщали, все теперь дѣлается не такъ". Относительно пословъ былъ отвѣтъ, что они не грабили, а напротивъ терпѣли дорогою во всемъ недостатокъ; съ Стефаномъ молдавскимъ Іоаннъ обѣщалъ помирить зятя.

Въ Вильну отправился изъ Москвы гонецъ, Михайла Погожевъ съ грамотою, въ которой отецъ писалъ Еленѣ: „Сказывали мнѣ здѣсь, что ты нездорова, и я послалъ навѣстить тебя Михайла Погожего: ты бы ко мнѣ съ нимъ отписала, чѣмъ неможешь, и какъ тебя нынче Богъ милуетъ". Но наединѣ гонецъ долженъ былъ сказать Еленѣ отъ Іоанна: „Эту грамоту о твоей болѣзни я нарочно прислалъ къ тебѣ для того, чтобъ не догадались, зачѣмъ я отправилъ Погожего". Погожевъ былъ присланъ съ приказомъ, чтобъ Елена не держала при себѣ людей латинской вѣры и не отпускала бояръ московскихъ. Главному изъ нихъ, князю Ромодановскому Іоаннъ велѣлъ сказать чрезъ Погожего: „Что ко мнѣ дочь моя пишетъ, и что вы пишите, и что съ вами дочь моя го-

воритъ, все это и робята у васъ знаютъ: пригоже ли такъ дѣлаете?“

Въ Литвѣ разнеслась вѣсть о движеніяхъ Менглигирея крымскаго; Александръ и Елена увѣдомили объ этомъ Іоанна и просили помощи, по договору; Іоаннъ отвѣчалъ Александру: „Ты бы насъ увѣдомилъ, Менглигирей царь изъ Перекопи вышелъ ли, и къ какимъ украйнамъ твоимъ идетъ? объяви, какъ намъ тебѣ помощь подать?“ Александръ увѣдомилъ, что еще ханъ до Днѣпра не дошелъ, а какіе слухи будутъ, то онъ дастъ объ нихъ знать въ Москву. Но ханъ не двигался, помощи подавать было не нужно, а между тѣмъ неудовольствія между тестемъ и зятемъ росли все болѣе и болѣе: Іоаннъ не переставалъ требовать, чтобъ Александръ построилъ женѣ церковь греческаго закона, не давалъ ей слугъ латинской вѣры, не принуждалъ ее носить польское платье, писалъ титулъ московскаго государя, какъ онъ написанъ въ послѣднемъ договорѣ, не запрещалъ вывозить серебра изъ Литвы въ московскія владѣнія, отпустилъ жену князя Бѣльскаго. Іоаннъ отозвалъ изъ Вильны князя Ромодановскаго съ товарищами, оставивъ при Еленѣ только священника Ѳому съ двумя крестовыми дьяками или пѣвчими и нѣсколько поваровъ; но Александръ не хотѣлъ исполнить ни одного его требованія, отговариваясь по прежнему, что законы запрещаютъ увеличивать число православныхъ церквей въ Литвѣ; относительно прислуги Елениной изъ католиковъ, отвѣчалъ: „кого изъ пановъ, паней и другихъ служебныхъ людей мы заблагоразсудили приставить къ нашей великой княгинѣ, кто годился, тѣхъ и приставили: вѣдь въ этомъ греческому закону ея помѣхи нѣтъ никакой“. Іоаннъ требовалъ также, чтобъ князьямъ Вяземскимъ и Мезецкимъ отдано было ихъ имущество, оставшееся въ Смоленскѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ; Александръ отвѣчалъ, и въ этомъ отвѣтѣ высказалась досада, которая не могла также не досадить и московскому великому князю: „Князья Вяземскіе и Мезецкіе были нашими слугами, велѣлъ сказать Александръ тестю: измѣнивши намъ, они убѣжали въ твою землю какъ лихіе люди, а если бы не убѣжали отъ насъ, то не того бы и заслужили, чего измѣнники заслуживаютъ“. На границахъ начались опять непріязненныя столкновенія между подданными обоихъ государствъ; Александръ постоянно жаловался, что московскіе люди

захватываютъ земли у литовскихъ, и причиняютъ имъ разныя другія обиды.

У Іоанна также не было недостатка въ жалобахъ: Александръ не пропустилъ турецкаго посла, ѣхавшаго въ Москву чрезъ его владѣнія, отговариваясь тѣмъ, что посолъ этотъ будетъ высматривать его государство. Іоаннъ велѣлъ ему сказать: „И къ Казимиру королю отъ Турскаго многіе послы бывали, и гости многіе ходили въ вашу и нашу землю безъ зацѣпки, и теперь изъ Турціи въ Литву, и изъ Литвы въ Турцію гости ходятъ; мы съ тобой въ любви, въ мирномъ докончаніи, въ крестномъ цѣлованіи и въ свойствѣ, а ты ко мнѣ пословъ и гостей не пропускаешь". Надѣясь имѣть чрезъ Елену и дѣтей ея вліяніе на литовскую Русь, не желая, чтобъ Кіевъ находился подъ непосредственнымъ управленіемъ католика, Іоаннъ съ неудовольствіемъ услыхалъ отъ пословъ своихъ, что Александръ и паны думаютъ, хотятъ брату Александрову, Сигизмунду, дать въ литовскомъ княжествѣ Кіевъ и другіе города; по этому случаю онъ велѣлъ сказать Еленѣ: „Слыхалъ я, дочь, каково было нестроеніе въ литовской землѣ, когда было тамъ государей много; да и въ нашей землѣ, слыхала ты, какое было нестроеніе при моемъ отцѣ, слыхала, какія и послѣ были дѣла между мной и братьями, а иное и сама помнишь. Такъ если Сигизмундъ будетъ въ литовской землѣ, то вашему какому добру быть? Я объ этомъ приказываю къ тебѣ для того, что ты наше дитя, что если ваше дѣло пойдетъ не хорошо, то мнѣ жаль. А захочешь объ этомъ поговорить съ великимъ княземъ, то говори съ нимъ отъ себя, а не моею рѣчью, да и мнѣ обо всемъ дай знать, какъ ваши дѣла". Александру Іоаннъ далъ знать, что Стефанъ молдавскій и Менглигирей крымскій не прочь отъ мира съ Литвою; тотъ отвѣчалъ, что тесть все говоритъ только о своихъ дѣлахъ, а молчитъ о томъ, какія обиды литовскіе люди терпятъ отъ московскихъ; что если тесть хочетъ, чтобъ онъ былъ въ мирѣ съ Крымомъ и Молдавіею, то пусть Стефанъ и Менглигирей вознаградятъ его за всѣ прежнія обиды.

Іоаннъ послалъ уговаривать Александра, чтобъ не выступалъ въ походъ противъ молдавскаго господаря; Александръ отвѣчалъ: „Мы надѣемся, что братъ нашъ великій князь больше желаетъ добра намъ, зятю своему, чѣмъ Стефану воеводѣ". Но родство было только на словахъ: и зять и тесть въ сношеніяхъ своихъ съ ино-

странными владѣтелями дѣйствовали явно другъ противъ друга. Посылая къ Еленѣ съ жалобами, что мужъ ея возбуждаетъ противъ него Швецію и татаръ, Іоаннъ наказалъ послу: если Елена скажетъ, что Александръ посылалъ въ Орду и въ Швецію по своимъ дѣламъ, а не для того, чтобъ возбуждать ихъ противъ Москвы, то отвѣчать ей, что онъ именно посылалъ въ Орду наводить Ахматовыхъ сыновей на Іоанна и Менглигирея; съ чѣмъ посылалъ въ Швецію, и то въ Москвѣ извѣстно; если она хочетъ, то отецъ пришлетъ ей грамоты ордынскія, да и о томъ объявитъ, съ чѣмъ мужъ ея посылалъ къ шведскому правителю Стену Стуру. Александръ, съ своей стороны, упрекалъ Іоанна за сношенія съ Менглигиреемъ, клонившіяся ко вреду Литвѣ. Помирившись съ Александромъ и выдавши за него дочь, Іоаннъ объявилъ объ этомъ Менглигирею, прибавивъ: „А я въ чемъ тебѣ далъ слово, что въ нашихъ грамотахъ записано, на томъ и теперь стою, другу твоему я другъ. а недругу недругъ“. Менглигирей сначала подивился такой перемѣнѣ въ отношеніяхъ Москвы къ Литвѣ, перемѣнѣ, происшедшей безъ его вѣдома; но кончилъ просьбою: „Прошенье мое такое: Мисюрскій султанъ прислалъ шатеръ писанный и шитый, узорчатый; дастъ Богъ въ вешніе дни буду въ немъ ѣсть и пить, такъ надобны серебряныя чары въ два ведра хорошей работы, да наливки серебряныя: прошу ихъ у тебя. Чтобъ наливка не мала была, смотря по чарѣ, доброй бы работы наливка была; твоя, брата моего, любовь ночью и днемъ съ сердца не сойдетъ; серебряную чару меду за твою, брата моего, любовь всегда полную пьемъ; у насъ такой чары сдѣлать мастера добраго не добудешь, а у тебя мастера есть“. Іоаннъ послалъ сказать хану: мы говорили литовскимъ посламъ, чтобъ и съ тобою князь ихъ былъ въ мирѣ; а не извѣстили тебя о нашемъ союзѣ съ Литвою потому, что была зима. Если помиришься съ литовскимъ, то очень хорошо; а если онъ съ тобою не помирится, или помирившись съ нами и съ тобою, вдругъ станетъ опять намъ недругомъ, тогда мы съ тобою перешлемся и будемъ дѣлать по совѣту, какъ намъ будетъ пригоже“. Съ другимъ посломъ Іоаннъ велѣлъ сказать хану еще яснѣе: „если теперь Александръ съ тобою помирится, то ты дай намъ знать; если и не помирится, то ты также дай намъ знать, а мы съ тобою, своимъ братомъ, и теперь на него за одно [185]“.

Между тѣмъ частыя сношенія между Москвою и Литвою не пре-

рывались: Александръ все требовалъ, чтобъ отданы были земли, захваченныя Іоанновыми подданными у Литвы по заключеніи уже мира; требовалъ высылки общихъ судей для рѣшенія споровъ между пограничниками; требовалъ, чтобъ тесть, по договору, помирилъ его съ Менглигиреемъ и Стефаномъ, которые, толкуя о мирѣ, опустошаютъ его волости. Іоаннъ отвѣчалъ: „мы посылали къ зятю говорить о томъ, что онъ имя наше пишетъ не такъ, какъ слѣдуетъ по мирному договору, о церкви, которой онъ не строитъ для жены своей, о панахъ и паньяхъ греческаго закона, которыхъ онъ въ ней не приставляетъ; а онъ въ отвѣтахъ своихъ обо всѣхъ этихъ начальныхъ, большихъ дѣлахъ ничего намъ не говоритъ; онъ требуетъ, чтобъ мы, по договору, помирили его съ Менглигиреемъ и Стефаномъ Молдавскимъ, а самъ договора не соблюдаетъ. Но мы, памятуя наше свойство, что наша дочь за нимъ, посылаемъ къ Менглигирею и Стефану, чтобъ помирились съ Литвою, хотя бы намъ и не пригоже было посылать, когда онъ изъ крестнаго цѣлованія выступаетъ. Александръ проситъ о съѣздѣ бояръ на границахъ и срокъ назначаетъ: мы этого сами давно хотимъ, чтобъ нашимъ боярамъ съ его панами съѣхавшись, обиднымъ дѣламъ на обѣ стороны управу учинить и грамоты написать; но боярамъ нашимъ, какъ въ грамотахъ писать наше имя, когда братъ нашъ и зять не хочетъ писать его какъ слѣдуетъ по мирному договору? Когда онъ начальныя дѣла намъ по докончанію исправитъ, тогда мы и пошлемъ бояръ на съѣздъ“.

Такимъ образомъ для Іоанна большими, начальными дѣлами былъ титулъ государя всея Руси и построеніе для Елены церкви греческаго закона. Въ ноябрѣ 1497 года Іоаннъ послалъ въ Литву Микулу Ангелова, который долженъ былъ сказать отъ него Еленѣ: „Я тебѣ приказывалъ, чтобъ просила мужа о церкви, о панахъ и паньяхъ греческаго закона, и ты просила ли его объ этомъ? Приказывалъ я къ тебѣ о попѣ, да о боярынѣ старой, и ты мнѣ отвѣчала ни то, ни се. Тамошнихъ пановъ и паней греческаго закона тебѣ не даютъ, а нашихъ у тебя нѣтъ: хорошо ли это?“ Ангелову данъ былъ наказъ—дознаться: „когда идетъ у великой княгини Елены служба, то она на службѣ стоитъ ли?“ Елена отвѣчала Ангелову: „О церкви я била челомъ великому князю, но онъ и мнѣ отвѣчаетъ то же, что московскимъ посламъ; попъ Ѳома не по мнѣ, а другой попъ со мною есть изъ Вильны очень хо-

рошій. А боярыню какъ ко мнѣ изъ Москвы прислать, какъ ее держать, какъ ей съ здѣшними сидѣть? Вѣдь мнѣ не далъ князь великій еще ничего, чѣмъ кого жаловать; двухъ, трехъ пожаловалъ, а иныхъ я сама жалую. Если бы батюшка хотѣлъ, то тогда же боярыню со мною послалъ; а поповъ мнѣ кого знать? самъ знаешь, что я на Москвѣ не видала никого. А что батюшка приказываетъ, будто я наказъ его забываю, такъ бы онъ себѣ и на сердцѣ не держалъ, что мнѣ наказъ его забыть: когда меня въ животѣ не будетъ, тогда отцовскій наказъ забуду. А князь великій меня жалуетъ, о чемъ ему бью челомъ, и онъ жалуетъ, о комъ помяну. А вотъ которая у меня посажена панья, и теперь она уже тишаетъ"[186]. Въ грамотѣ къ отцу Елена писала, что мужъ не даетъ слѣдующихъ ей волостей потому, что тесть побралъ у него много земель послѣ заключенія мира.

Понятно, что Александръ не хотѣлъ построить для жены православной церкви, не хотѣлъ окружать ее людьми православнаго исповѣданія, ибо понятно, какъ духовенство католическое и паны литовскіе латинскаго исповѣданія, должны были смотрѣть на то, что ихъ великая княгиня была греческой вѣры. Александръ, давая знать Римскому двору о бракѣ своемъ съ Еленою, обманулъ его на счетъ грамоты о вѣрѣ данной Іоанну, писалъ, что онъ обѣщалъ тестю не принуждать жены къ принятію католицизма, если она сама не захочетъ принять его, слѣдовательно указывалъ на свою прежнюю грамоту, которая была отвергнута Іоанномъ. Но что значила для папы присяга, данная не католику? и Александръ VI отвѣчалъ литовскому князю, что совѣсть его останется совершенно чиста, если онъ употребитъ всевозможныя средства для склоненія Елены къ католицизму; только въ 1505 году папа Юлій II позволилъ Александру жить съ иновѣрною женою въ ожиданіи смерти отца ея, который уже очень старъ, или въ ожиданіи какого-нибудь другаго обстоятельства[187]. Поэтому неудивительно, что въ 1499 году подьячій Шестаковъ прислалъ къ вяземскому намѣстнику, князю Оболенскому письмо слѣдующаго содержанія: „Здѣсь у насъ произошла смута большая между латинами и нашимъ христіанствомъ: въ нашего владыку смоленскаго дьяволъ вселился, да въ Сопѣгу еще, встали на православную вѣру. Князь великій неволилъ государыню нашу, великую княгиню Елену въ латинскую проклятую вѣру; но государыню нашу Богъ научилъ, да помнила

науку государя отца своего, и она отказала мужу такъ: вспомни, что ты обѣщалъ государю отцу моему; а я безъ воли государя отца моего не могу этого сдѣлать, обошлюсь какъ меня научитъ? Да и все наше православное христіанство хотятъ окрестить: отъ этого наша Русь съ Литвою въ большой враждѣ. Этотъ списочекъ послалъ бы ты къ государю, а государю самому не узнать. Больше не смѣю писать; еслибъ можно было съ кѣмъ на словахъ пересказать".

Іоаннъ получивъ записку Шестакова, послалъ въ Литву Ивана Мамонова съ приказомъ отъ себя и отъ жены къ Еленѣ, чтобъ пострадала до крови и до смерти, а вѣры греческаго закона не оставляла. Рѣшившись начать войну, Іоаннъ хотѣлъ узнать средства противника, и потому наказалъ Мамонову: „пытать, былъ ли у Александра Стефановъ посолъ, и заключенъ ли миръ между Молдавіею и Литвою? Польскій и венгерскій короли въ мирѣ ли съ Стефаномъ? Турскій и Перекопскій мирны ли съ польскимъ, литовскимъ и молдавскимъ?" Объ отношеніяхъ Литвы къ Молдавіи самъ Александръ увѣдомилъ тестя чрезъ посла своего Станислава Глѣбовича, который объявилъ о мирѣ между Стефаномъ и Александромъ, и отъ имени послѣдняго приглашалъ Іоанна помочь Молдавіи противъ турокъ: „Самъ можешь разумѣть, велѣлъ сказать Александръ, что Стефана воеводы панство есть ворота всѣхъ христіанскихъ земель нашего острова: не дай Богъ, если турки имъ овладѣютъ!" Глѣбовичъ жаловался, что намѣстникъ козельскій захватилъ села карачевскія и хотимльскія, что бояре, живущіе на новгородскихъ границахъ, отняли торопецкія земли; относительно титула Іоаннова Александръ велѣлъ объявить слѣдующее: „въ докончальной записи вписаны были всѣ земли и мѣста и волости литовскія, кромѣ замка Кіева и пригородовъ; теперь впиши Кіевъ, либо особый листъ намъ дай на него, тогда и будемъ тебя писать, какъ написано въ договорѣ". Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что подастъ помощь Стефану, когда тотъ самъ пришлетъ просить ее; что земли, отнятыя намѣстникомъ козельскимъ, изстари принадлежатъ къ его городу; что Александръ выступилъ изъ договора, принуждая Елену принять латинство; относительно Кіева и титула отвѣтъ былъ такой: „Князь бы великій самъ положилъ на своемъ разумѣ, гораздо ли такъ къ намъ приказываетъ? мимо нашего съ нимъ договора

и крестнаго цѣлованія не хочетъ намъ править по докончанію, да такія нелѣпицы къ намъ и приказываетъ, мимо дѣла".

Скоро послѣ этого Менглигирей прислалъ въ Москву условія, на которыхъ хотѣлъ помириться съ Литвою: онъ требовалъ ежегодной дани съ 13 литовскихъ городовъ, между которыми были Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Путивль:[188] „По тѣмъ городкамъ, писалъ ханъ, д а р а г и были и ясаки брали". Съ этими условіями Іоаннъ отправилъ въ Литву опять Мамонова, который долженъ былъ требовать, чтобъ Александръ далъ отвѣтъ, пока Менглигиреевы послы въ Москвѣ; Еленѣ Мамоновъ долженъ былъ сказать упрекъ, зачѣмъ она таится отъ отца касательно принужденій къ перемѣнѣ вѣры и н о в о е увѣщаніе быть твердою въ православіи. Александръ отвѣчалъ съ Мамоновымъ: „Пусть великій князь самъ посмотритъ и совѣтъ намъ свой дастъ о Кіевѣ и другихъ городахъ нашихъ—пристойныя ли то рѣчи? Менглигирей хочетъ отъ насъ того, чего его предки отъ нашихъ предковъ никогда не хотѣли. Поговоримъ съ панами радою, и пришлемъ съ отвѣтомъ своего посла, а великій князь до тѣхъ поръ пусть менглигиреева посла позадержитъ". Іоаннъ послалъ сказать Менглигирею: „мы по твоему слову посла своего посылали къ великому князю Александру, и то ему сказали, какого ты съ нимъ мира хочешь. Онъ намъ велѣлъ сказать съ нашимъ посломъ, что его люди при отцѣ его и дѣдѣ къ вашей ордѣ даньщиками никогда не бывали, и обѣщалъ намъ для этихъ дѣлъ выслать своихъ пословъ, приказавши, чтобъ мы отъ себя твоихъ пословъ не отпускали до тѣхъ поръ, пока будутъ у насъ его послы; и мы затѣмъ твоихъ пословъ у себя и держали, ждали къ себѣ отъ него пословъ, но онъ къ намъ пословъ не присылывалъ. И если князь великій Александръ пословъ своихъ къ намъ не прислалъ, такъ онъ съ тобою мира не хочетъ; съ нашими недругами, съ Ахматовыми дѣтьми ссылается, наводитъ ихъ на насъ, а которые послы Ахматовыхъ дѣтей теперь у него, и онъ тѣхъ пословъ въ орду отпускаетъ, да и своихъ пословъ туда шлетъ, и въ своемъ словѣ не стоитъ, что приказывалъ намъ будто мира съ тобою хочетъ. И если онъ съ тобою, нашимъ братомъ, мира не хочетъ, то и я съ нимъ мира не хочу для тебя, хочу съ тобою, своимъ братомъ, по своей правдѣ на него быть за одно; и если пришлетъ къ тебѣ князь великій Александръ за миромъ, то ты бы съ нимъ не ми-

рился безъ нашего вѣдома; какъ дастъ Богъ намъ съ литовскимъ свое дѣло дѣлать и на него наступить, то мы съ тобою сошлемся". Послу было наказано: „Беречь накрѣпко, чтобъ Менглигирей съ великимъ княземъ литовскимъ не мирился, не кончивалъ. Если Менглигирей спроситъ, въ мирѣ ли великій князь съ литовскимъ, или нѣтъ? то послу отвѣчать: „Александръ хотѣлъ прислать пословъ съ отвѣтомъ на счетъ мира съ тобою, и не прислалъ: съ тѣхъ поръ государь нашъ для тебя съ нимъ въ размирьи". Если ханъ спроситъ: „Въ чемъ у нихъ размирье?—отвѣчать: „Пріѣхалъ князь Бѣльскій съ вотчиною, и великій князь его принялъ" [189].

Дѣйствительно прислалъ въ Москву князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій бить челомъ великому князю, чтобъ пожаловалъ, принялъ его въ службу и съ отчиною: терпятъ они въ Литвѣ большую нужду за греческій законъ; великій князь Александръ посылалъ къ своей великой княгинѣ Еленѣ отметника православной вѣрѣ, Іосифа владыку смоленскаго, да епископа своего виленскаго и монаховъ бернардинскихъ, чтобъ приступила къ римскому закону; посылалъ и къ князьямъ русскимъ, и къ виленскимъ мѣщанамъ, и ко всей Руси, которая держитъ греческій законъ, принуждаетъ ее приступить къ римскому закону: а смоленскому владыкѣ великій князь обѣщалъ за то кіевскую митрополію. Іоаннъ принялъ Бѣльскаго, и послалъ сказать Александру: „Князь Бѣльскій билъ челомъ въ службу; и хотя въ мирномъ договорѣ написано, что князей съ вотчинами не принимать, но такъ какъ отъ тебя имъ такого притѣсненія въ вѣрѣ, и прежде отъ твоихъ предковъ такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли въ службу съ отчиною". Бѣльскій также послалъ Александру грамоту, въ которой слагалъ съ себя присягу по причинѣ принужденія къ перемѣнѣ вѣры. За Бѣльскимъ перешли съ богатыми волостями князья, до сихъ поръ бывшіе заклятыми врагами великаго князя московскаго, князь Василій Ивановичъ внукъ Шемяки, и сынъ пріятеля Шемякина, Ивана Андреевича Можайскаго, князь Семенъ Ивановичъ; князь Семенъ поддался съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Любичемъ; Шемячичь съ Рыльскомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ; поддались другіе князья, менѣе значительные, Мосальскіе, Хотетовскіе—все по причинѣ гоненія за вѣру. Іоаннъ послалъ объявить Александру, что принялъ въ службу Можайскаго съ Ше-

мячичемъ, въ то же время послалъ складную грамоту или объявленіе войны.

Московскія войска выступили въ поле подъ начальствомъ хана Магметъ-Амипя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина, заняли города: Мценскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Брянскъ, Путивль; князья Сѣверскіе Можайскій и Шемячичь были приведены къ присягѣ; другая рать подъ начальствомъ бояриа Юрія Захарьевича Кошкина взяла Дорогобужъ. Вслѣдъ за нимъ великій князь отправилъ тверскую рать подъ начальствомъ князя Даніила Щени, который долженъ былъ начальствовать большимъ полкомъ, а бояринъ Юрій сторожевымъ; Юрій обидѣлся и писалъ въ Москву, что ему въ сторожевомъ полку быть нельзя: „то мнѣ стеречь князя Данила!" Великій князь велѣлъ отвѣчать ему: „Гораздо ль такъ дѣлаешь? Говоришь, что тебѣ не пригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, но меня и моего дѣла; каковы воеводы въ большомъ полку, таковы и въ сторожевомъ: такъ не позоръ это для тебя". Юрій успокоился. Между тѣмъ литовское войско подъ начальствомъ гетмана, князя Константина Острожскаго, приближалось къ Дорогобужу, и 14 іюля 1500 года, въ годовщину шелонской битвы, встрѣтилось съ московскимъ на Митьковѣ полѣ, на рѣчкѣ Ведрошѣ. Благодаря тайной засадѣ, рѣшившей дѣло, московскіе воеводы одержали совершенную побѣду: гетманъ князь Острожскій и другіе литовскіе воеводы попались въ плѣнъ; 17 іюля получилъ великій князь вѣсть о побѣдѣ, и была радость большая въ Москвѣ, говорятъ лѣтописцы. Побѣдителей великій князь посылалъ спросить о здоровьѣ; плѣнники привезены въ Москву и отсюда разосланы по городамъ: князь Константинъ Острожскій отправленъ въ Вологду въ оковахъ; держали его крѣпко, но поили и кормили довольно; прочимъ князьямъ и панамъ давали по полуденьгѣ на день, а Константину по четыре алтына; скоро впрочемъ онъ присягнулъ служить великому князю московскому, получилъ свободу и земли [190].

Войска новгородскія, псковскія и великолуцкія подъ начальствомъ племянниковъ великокняжескихъ, Ивана и Ѳедора Борисовичей и боярина Андрея Челяднина, взяли Торопецъ; новые подданные московскіе, князья Сѣверскіе—Можайскій и Шемячичь, вмѣстѣ съ боярами—княземъ Ростовскимъ и Семеномъ Воронцовымъ, одержали побѣду надъ литовцами подъ Мстиславлемъ, положивъ ты-

сячь семь непріятелей на мѣстѣ [191]. Этимъ окончились значительныя дѣйствія московскихъ войскъ въ областяхъ литовскихъ; сынъ великаго князя, Дмитрій Іоанновичъ, посланный подъ Смоленскъ, не могъ взять этого города и ограничился взятіемъ Орши и опустошеніемъ литовскихъ областей, которое было потомъ повторено князьями Сѣверскими. Военныя дѣйствія шли медленно. Дѣятельнѣе шли сношенія обоихъ государей, московскаго и литовскаго съ сосѣдними владѣльцами, у которыхъ они искали помощи другъ противъ друга. Мы видѣли, какъ Іоаннъ, съ самаго начала, хотѣлъ вооружить противъ Литвы Менглигирея, стараясь увѣрить его, что миръ съ Александромъ разорванъ вслѣдствіе нежеланія послѣдняго помириться съ Крымомъ. Это увѣреніе повторено было съ новымъ посломъ, который долженъ былъ уговаривать хана, чтобъ шелъ на литовскія владѣнія, именно къ Слуцку, Турову, Пинску, Минску [192]. Менглигирей остался вѣренъ союзу съ Москвою, и сыновья его не разъ принимались опустошать литовскія и польскія владѣнія [193], хотя Александръ и старался склонить хана на свою сторону; черезъ кіевскаго воеводу, князя Дмитрія Путятича онъ велѣлъ напомнить Менглигирею о давней пріязни, бывшей между ихъ отцами—Ази-Гиреемъ и Казимиромъ: „Когда же ты, по смерти отцовской, нарушилъ пріязнь съ Литвою, то самъ посмотри, что изъ этого вышло: честь твоя царская не по прежнему стоитъ, понизилась, пошлины всѣ отъ твоего царства отошли, и столу твоему никто не кланяется, какъ прежде кланивались; кто передъ твоимъ отцемъ холопомъ писывался, тотъ теперь тебѣ уже братомъ называется. Самъ можешь знать, какую высокую мысль держитъ князь московскій; если онъ зятю своему клятвы не сдержалъ, то сдержитъ ли онъ ее тебѣ? а что онъ роднымъ братьямъ своимъ подѣлалъ, также нарушивши клятву? Если ему удастся захватить украинскіе города литовскіе и стать тебѣ близкимъ сосѣдомъ, можешь ли сидѣть спокойно на своемъ царствѣ? Если же будешь заодно съ великимъ княземъ литовскимъ, то онъ велитъ съ каждаго человѣка въ землѣ кіевской, волынской и подольской давать тебѣ ежегодно по три деньги“ [194]. Но крымцы не соблазнились этимъ предложеніемъ; они предпочитали брать деньги вмѣстѣ и съ людьми въ областяхъ литовскихъ.

Легче было Александру убѣдить Стефана молдавскаго разорвать союзъ съ Іоанномъ, потому что послѣдній въ это время возложилъ

опалу на дочь Стефанову, Елену, лишилъ наслѣдства сына ея Димитрія. Александръ далъ знать объ этомъ Стефану [115]; московскій посолъ въ Крыму, Заболоцкій, писалъ къ своему князю: „Менгли-гиреевъ человѣкъ, посланный съ твоими грамотами къ Стефану воеводѣ, нашелъ его въ польской землѣ подъ Галичемъ; Стефанъ, прочтя грамоты, хотѣлъ отпустить твоихъ пословъ, какъ пришла ему грамота отъ Александра, который пишетъ: ты меня воюешь въ одно время съ недругомъ моимъ великимъ княземъ московскимъ; но онъ и тебѣ теперь недругъ же: дочь твою и внука посадилъ въ темницу, и великое княженіе у внука твоего отнялъ, да отдалъ сыну“. И Стефанъ воевода сейчасъ-же прислалъ къ царю Менгли-гирею своего человѣка добраго съ грамотою и рѣчами, пишетъ: „разыщи мнѣ подробно, правду-ли мнѣ Александръ писалъ: и если онъ солгалъ, то я московскихъ пословъ къ тебѣ отпущу сейчасъ же“. И царь меня пыталъ накрѣпко наединѣ, да и къ присягѣ меня хотѣлъ привести; но я царю говорилъ: все это, государь, ложь, неправда, все это Александръ отъ себя затѣялъ, недругъ на недруга чего не взведетъ, что хочетъ, то затѣетъ. И царь Стефану о томъ отписалъ“. Но правда не могла утаиться отъ воеводы: впрочемъ кромѣ кратковременной задержки пословъ и художниковъ, ѣхавшихъ въ Москву черезъ Молдавію, неудовольствіе Стефана не имѣло другихъ важнѣйшихъ слѣдствій. Союзъ Александра съ Ахматовыми сыновьями причинилъ немного болѣе вреда московскому государству; гораздо важнѣе былъ союзъ его съ магистромъ ливонскимъ, отвлекшимъ московскія силы къ псковскимъ границамъ, о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

На престолахъ польскомъ, чешскомъ и венгерскомъ сидѣли естественные союзники Александра, родные братья. До насъ дошли посольскія рѣчи Александра къ брату его Владиславу, королю венгерскому, въ которыхъ всего любопытнѣе указаніе на религіозныя движенія въ Литвѣ: „Вы должны (говорилъ литовскій посолъ Владиславу) подать помощь нашему государю не только по родству кровному, но и для святой вѣры христіанской, которая утверждена въ литовской землѣ трудами дѣда вашего, короля Владислава (Ягайла). Съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени Русь покушается ее уничтожить, не только Москва, но и подданные княжата литовскіе; на отца вашего короля Казимира они вставали по причинѣ вѣры; по той же причинѣ встаютъ теперь и на васъ, сыновей его.

Братъ вашъ Александръ нѣкоторыхъ изъ нихъ за это казнилъ, а другіе убѣжали къ московскому князю, который вмѣстѣ съ ними и поднялъ войну, ибо до него дошли слухи, что нѣкоторые князья и подданные нашего государя, будучи русской вѣры, принуждены были принять римскую [196].

Братья могли только обѣщать Александру ходатайствовать за него предъ тестемъ. Но еще не дожидаясь этого ходатайства самъ Александръ, въ началѣ 1500 года, прислалъ въ Москву смоленскаго намѣстника Станислава Кишку жаловаться на начатіе непріятельскихъ дѣйствій со стороны Іоанна, и оправдаться въ обвиненіяхъ, которыя послѣдній взводилъ на него: „Мы поудержались писать тебя великимъ княземъ всея Руси (велѣлъ сказать Александръ), потому что по заключеніи мира тотчасъ же начались намъ отъ тебя обиды большія; ты намъ объявилъ, что обиды прекратятся, когда мы напишемъ твое имя какъ слѣдуетъ, и вотъ мы его теперь написали сполна. Ты велѣлъ намъ сказать, что принялъ князя Бѣльскаго съ отчиною, потому что мы посылали къ нему епископа виленскаго и митрополита приводить его къ римскому закону; но онъ не могъ тебѣ правды сказать, какъ лихой человѣкъ и нашъ измѣнникъ: мы его уже третій годъ и въ глаза не видали. Слава Богу, въ нашей отчинѣ, великомъ княжествѣ литовскомъ, княжатъ и панятъ греческаго закона много, и получше его, этого нашего измѣнника, да никогда силою и нуждою предки наши и мы къ римскому закону ихъ не приводили и не приводимъ. Въ орду Заволжскую мы посылали по нашимъ дѣламъ украинскимъ, а не на твое лихо. Великую княгиню нашу къ римскому закону не принуждаемъ, и дивимся тому, что ты вѣришь больше лихимъ людямъ, которые, забывши честь и души свои и наше жалованье, измѣнили намъ и убѣжали къ тебѣ, чѣмъ намъ брату своему. Что же касается церкви, которую надобно построить на сѣняхъ, да пановъ и паней греческаго закона: то объ этомъ между нами и рѣчи не было, мы объ этомъ ничего не знаемъ; паны наши, которые были у тебя, намъ объ этомъ ничего не сказали“.

Іоаннъ велѣлъ отвѣчать: „мы къ брату своему Александру не объ одномъ нашемъ имени приказывали; а теперь онъ только одно наше имя въ своей грамотѣ какъ слѣдуетъ по докончанью написалъ. Говоритъ, что никого не принуждаетъ къ римскому закону:—такъ ли это онъ не принуждаетъ? Къ дочери нашей, къ

русскимъ князьямъ, панамъ и ко всей Руси посылаетъ, чтобъ приступили къ римскому закону! Сколько велѣлъ поставить римскихъ божницъ въ русскихъ городахъ, въ Полоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ? Женъ отъ мужей и дѣтей отъ отцовъ съ имѣніемъ отнимаютъ, да сами крестятъ въ римскій законъ: такъ-то зять нашъ не принуждаетъ Русь къ римскому закону? О князѣ же Семенѣ Бѣльскомъ извѣстно, что онъ пріѣхалъ къ намъ служить, не желая быть отступникомъ отъ греческаго закона и не хотя своей головы потерять: такъ какая же его тутъ измѣна?" [137].

Въ январѣ 1501 года пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Владислава, короля венгерскаго и богемскаго. Это былъ не первый посолъ венгерскій въ Москвѣ при Іоаннѣ III-мъ; сношенія съ Венгріею начались еще съ 1482 года, когда король Матвѣй Корвинъ, имѣя нужду въ союзникахъ противъ Казимира польскаго, прислалъ къ московскому великому князю съ предложеніемъ дѣйствовать вмѣстѣ противъ общаго врага. Разумѣется, предложеніе было принято, и начались пересылки между двумя дворами, причемъ Іоаннъ старался побуждать Матвѣя къ рѣшительной войнѣ съ Польшею, увѣряя, что онъ, съ своей стороны, дѣйствуетъ противъ Казимира, взялъ Тверь, гдѣ княжилъ другъ и свойственникъ польскаго короля, кромѣ того взялъ города и волости литовскія; что хотя онъ и пересылается съ Казимиромъ, но единственно о порубежныхъ обидныхъ дѣлахъ, мира же между ними нѣтъ [138]. Отношенія перемѣнились, когда вмѣсто Матвѣя, врага Казимирова, королемъ венгерскимъ сталъ сынъ Казимировъ, Владиславъ, который теперь прислалъ въ Москву ходатайствовать за брата своего Александра, вмѣстѣ съ третьимъ Казимировичемъ, Яномъ Альбрехтомъ, королемъ польскимъ. Короли уговаривали Іоанна помириться съ зятемъ, ибо война ихъ причиняетъ большой вредъ всему христіанству, развлекая силы христіанскихъ государей, которые должны быть всѣ заодно противъ турокъ; въ случаѣ, если Іоаннъ не приметъ ихъ ходатайства, Казимировичи грозились помогать брату и княжеству литовскому, изъ котораго всѣ они вышли; просили также отпустить на поруку плѣнниковъ, взятыхъ въ Литвѣ. Іоаннъ отвѣчалъ изложеніемъ извѣстныхъ уже причинъ, заставившихъ его начать войну съ зятемъ: „Мы зятю своему ни въ чемъ не выступили, онъ намъ ни въ чемъ не исправилъ: такъ если король Владиславъ хочетъ брату своему неправому помогать, то мы, уповая

на Бога, по своей правдѣ, противъ своего недруга хотимъ стоять, сколько намъ Богъ поможетъ: у насъ Богъ помощникъ и наша правда". Относительно плѣнныхъ бояре отвѣчали: „Въ земляхъ нашего государя нѣтъ такого обычая, чтобы плѣнниковъ отпускать на присягѣ или порукѣ; а нужды имъ нѣтъ никакой, всего довольно—и ѣды, и питья, и платья". Наконецъ Іоаннъ велѣлъ объявить, что если зять пришлетъ за миромъ, то онъ съ нимъ миру хочетъ, какъ будетъ пригоже [199].

Александръ прислалъ пана Станислава Нарбутовича съ тѣми же рѣчами, съ какими пріѣзжалъ и прежній посолъ, Станиславъ Кишка, и получилъ тотъ же отвѣтъ съ нѣкоторыми новыми жалобами: „Какъ наша дочь къ нему пріѣхала, и онъ въ то время ни одному владыкѣ не велѣлъ у себя въ Вильнѣ быть, а нареченному митрополиту Макарію не велѣлъ вѣнчать нашей дочери; которую дочь княжескую или боярскую греческаго закона она возьметъ къ себѣ, и онъ ту силою велитъ окрестить въ латинство. Онъ говоритъ, что не принуждалъ русскихъ къ латинству; но это дѣлалось не тайно, а явно, вѣдомо это и въ нашихъ земляхъ, и вашей всей Руси и Латынѣ; которые его люди у насъ въ плѣну, и тѣ то же сказываютъ. Онъ хочетъ, чтобъ мы въ его отчину не вступались, отдали ему тѣ города и волости, которые люди наши взяли; но всѣ эти города и волости, также земли князей и бояръ, которые пріѣхали намъ служить—все это изстари наша отчина". Іоаннъ повторилъ, что если Александръ пришлетъ великихъ пословъ, пановъ радныхъ, то онъ охотно заключитъ миръ на условіяхъ, какія сочтетъ приличными: то же писали и бояре московскіе раднымъ панамъ литовскимъ, которые просили ихъ постараться о мирѣ. Паны отвѣчали, что отправленіе великихъ пословъ задержано было смертію польскаго короля Яна Альбрехта, наслѣдникомъ котораго провозглашенъ былъ Александръ. Опять Литва соединилась съ Польшею, но чрезъ это соединеніе, какъ и прежде, силы ея не увеличились. Александръ по прежнему желалъ прекращенія войны съ Москвою; явился новый ходатай: папа Александръ VI-й писалъ къ Іоанну, что немилостивый родъ турецкій не перестаетъ наступать па христіанство и вводить его въ крайнюю пагубу, что турки взяли уже два венеціанскіе города Модонъ и Коронъ въ Мореѣ, а теперь покушаются напасть на Италію, что

въ такихъ обстоятельствахъ всѣмъ христіанскимъ правителямъ надобно быть въ согласныхъ мысляхъ.

Эту грамоту привезъ новый венгерскій посолъ, который отъ имени своего короля говорилъ, что общій походъ христіанскихъ государей противъ турокъ задерживается единственно войною Іоанна съ Александромъ. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы съ Божіею волею, какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стояли, такъ и теперь стоимъ, и впередъ если дастъ Богъ, хотимъ, уповая на Бога, за христіанство противъ поганства стоять, какъ намъ Богъ поможетъ; и просимъ у Бога того, чтобъ христіанская рука высока была надъ поганствомъ. А что у насъ съ зятемъ война случилась, тому мы не ради, началась война не отъ насъ, а отъ него. Короли Владиславъ и Александръ объявляютъ, что хотятъ противъ насъ за свою отчину стоять: но короли что называютъ своею отчиною? не тѣ ли города и волости, съ которыми князья русскіе и бояре пріѣхали къ намъ служить и которыя наши люди взяли у Литвы? Папѣ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ отчичи польскаго королевства да литовской земли отъ своихъ предковъ; а русская земля отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина. Когда мы заключили договоръ съ великимъ княземъ Александромъ, то, для свойства, уступили ему эти свои вотчины; но когда зять нашъ не сталъ соблюдать договора, то намъ зачѣмъ свою отчину покидать и за нее не стоять? Папа положилъ бы то на своемъ разумѣ, гораздо ли то короли дѣлаютъ, что не за свою отчину хотятъ съ нами воевать?

Венгерскій посолъ просилъ опасной грамоты для большихъ польскихъ и литовскихъ пословъ, которые должны пріѣхать для мирныхъ переговоровъ; грамота была дана и послы явились; то были: воевода Ленчицкій, Петръ Мѣшковскій и намѣстникъ полоцкій Станиславъ Глѣбовичъ; Елена прислала отъ себя канцлера своего, Ивана Сопѣжича, который привезъ Іоанну такое письмо отъ дочери: „Господинъ и государь батюшка! вспомни, что я служебница и дѣвка твоя, а отдалъ ты меня за такого же брата своего, каковъ ты самъ; знаешь, что ты ему за мною далъ, и что я ему съ собою принесла: но государь мужъ мой, нисколько на это не жалуясь, взялъ меня отъ тебя съ доброю волею, и держалъ меня во все это время въ чести и въ жалованіи и въ той любви, какую добрый мужъ обязанъ оказывать

подружію, половинѣ своей. Свободно держу я вѣру христіанскую греческаго обычая; по церквамъ святымъ хожу, священниковъ, дьяконовъ, пѣвцовъ на своемъ дворѣ имѣю; литургію и всякую иную службу Божію совершаютъ передо мною вездѣ, и въ литовской землѣ, и въ коронѣ польской. Государь мой король, его мать, братья короли, зятья и сестры и паны радные и вся земля, всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а теперь видятъ всѣ, что со мною одно лихо къ нимъ вышло: война, рать, взятіе и сожженіе городовъ и волостей, разлитіе крови христіанской, жены вдовами, дѣти сиротами, полонъ, крикъ, плачь, вопль! Таково жалованіе и любовь твоя ко мнѣ! По всему свѣту поганство радуется, а христіанскіе государи не могутъ надивиться и тяжко жалуются: отъ вѣка, говорятъ, не слыхано, чтобъ отецъ своимъ дѣтямъ бѣды причинялъ. Если, государь батюшка, Богъ тебѣ не положилъ на сердце меня, дочь свою жаловать, то зачѣмъ меня изъ земли своей выпустилъ и за такого брата своего выдавалъ? тогда и люди бы изъ-за меня не гибли, и кровь христіанская не лилась. Лучше бы мнѣ подъ ногами твоими въ твоей землѣ умереть, нежели такую славу о себѣ слышать; всѣ одно только и говорятъ: для того онъ отдалъ дочь свою въ Литву, чтобъ тѣмъ удобнѣе землю и людей высмотрѣть. Писала бы къ тебѣ и больше, да съ великой кручины ума не приложу; только съ горькими и великими слезами и плачемъ, тебѣ государю и отцу своему низко челомъ бью: помилуй, Бога ради, меня, служебницу свою и кровь свою, оставь гнѣвъ неправедный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ, и первую любовь и дружбу свою къ нему соблюди, чтобъ кровь христіанская больше не лилась, поганство бы не смѣялось, а измѣнники ваши не радовались бы, которыхъ отцы предкамъ нашимъ измѣнили тамъ на Москвѣ, а дѣти ихъ тутъ въ Литвѣ. А другаго чего мнѣ нельзя къ тебѣ и писать. Дай имъ Богъ измѣнникамъ того, что родителю нашему отъ ихъ отцевъ было. Они между вами, государями замутили, да другой еще Семенъ Бѣльскій Іуда съ ними, который, будучи здѣсь въ Литвѣ, братію свою, князя Михайла и князя Ивана перелъ, а князя Ѳедора на чужую сторону прогналъ: такъ, государь, самъ посмотри, можно ли такимъ людямъ вѣрить, которые государямъ своимъ измѣнили, и братью свою перерѣзали и

теперь по шею въ крови ходятъ, вторые Каины, да между вами государями мутятъ? Смилуйся, возьми по старому любовь и дружбу съ братомъ и зятемъ своимъ! Если же надо мною не смилуешься, и прочною дружбою съ моимъ государемъ не свяжешься, тогда уже сама уразумѣю, что держишь гнѣвъ не на него, а на меня, не хочешь, чтобъ я была въ любви у мужа, въ чести у братьевъ его, въ милости у свекрови, и чтобъ подданные наши мнѣ служили. Вся вселенная ни на кого другаго, только на меня вопіетъ, что кровопролитіе сталось отъ моего въ Литву прихода, будто я къ тебѣ пишу, привожу тебя на войну: еслибы, говорятъ, она хотѣла, то никогда бы такого лиха не было; мило отцу дитя; какой на свѣтѣ отецъ врагъ дѣтямъ своимъ? И сама разумѣю и по міру вижу, что всякій заботится о дѣткахъ своихъ и о добрѣ ихъ промышляетъ: только одну меня, по грѣхамъ, Богъ забылъ. Слуги наши не по силѣ и трудно повѣрить, какую казну за дочерями своими даютъ, и не только что тогда даютъ, но и потомъ каждый мѣсяцъ обсылаютъ, дарятъ и тѣшатъ: и не одни паны, но и всѣ дѣтокъ своихъ тѣшатъ: только на одну меня Господь Богъ разгнѣвался, что пришло твое нежалованье; а я передъ тобою ни въ чемъ не выступила. Съ плачемъ тебѣ челомъ бью: смилуйся надо мною, убогою дѣвкою своею, не дай недругамъ моимъ радоваться обидѣ моей и веселиться о плачѣ моемъ. Если увидятъ твое жалованье на мнѣ служебницѣ твоей, то всѣмъ буду честь, всѣмъ гроза; если же не будетъ на мнѣ твоей ласки, то самъ можешь разумѣть, что покинутъ меня всѣ родные государя моего и всѣ подданные его". Въ томъ же смыслѣ Елена писала къ матери и двоимъ братьямъ—Василію и Юрію [200].

Отпуская пословъ договариваться о мирѣ, Александръ наказалъ имъ не соглашаться на то, чтобъ Іоаннъ писался государемъ всея Руси: если не будутъ въ состояніи этого вытребовать, то должны по крайней мѣрѣ настоять, чтобъ Іоаннъ не писался государемъ всея Руси, посылая грамоты къ Александру въ королевство польское. Если московскіе скажетъ, что прежде писали его государемъ всея Руси, то отвѣчать, что тогда былъ миръ, и Александръ еще не былъ выбранъ королемъ польскимъ, былъ только великимъ княземъ литовскимъ: а теперь, когда онъ уже королемъ, то нельзя Іоанну писаться государемъ всея Руси, потому что подъ королевствомъ польскимъ большая часть Руси. На построеніе греческой

церкви для Елены и на выборъ слугъ для нея только изъ православныхъ послы не должны были соглашаться. Если великій князь московскій скажетъ о принужденіи Елены къ римскому закону, то отвѣчать, что принужденія нѣтъ; но папа требуетъ, чтобъ Елена была послушна римской церкви, при чемъ вовсе не нужно, чтобъ она и остальные русскіе снова крестились, пусть только находятся въ послушаніи престолу апостольскому, по приговору Флорентійскаго собора, а жить могутъ по прежнему своему греческому обычаю. Но если миръ за этимъ однимъ остановится то объявить, что дѣло будетъ отложено до новыхъ переговоровъ съ папою. Если скажутъ, что король принуждаетъ Русь къ римскому закону, и строитъ церкви римскія по мѣстамъ русскимъ, то отвѣчать, что король держитъ своихъ подданныхъ, какъ держалъ ихъ отецъ его, Казиміръ; кто въ какомъ законѣ хочетъ жить, тотъ въ томъ и живетъ, кто какія церкви хочетъ строить, тотъ такія и строитъ. Прежде нельзя было строить русскихъ церквей, а теперь позволено. Королю нѣтъ дѣла, какъ московскій держитъ своихъ подданныхъ относительно вѣры: такъ пусть и московскій не вмѣшивается, какъ держитъ король своихъ подданныхъ. Если московскій умеръ, то приступить къ старымъ записямъ Витовтовымъ, либо Казимировымъ, чтобъ тѣхъ земель поступились, которыя забраны. Если же станутъ говорить о записяхъ, которыя были прежде Витовта, о записи Олгердовой, въ которой тотъ записалъ земли великому князю московскому, то отвѣчать, что Олгердъ былъ взятъ въ плѣнъ, и потому принужденъ былъ на все согласиться какъ плѣнный [201]. Въ сущности миръ долженъ быть заключенъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ послѣдній миръ; если же въ Москвѣ не захотятъ отдать всѣхъ земель, взятыхъ послѣ того, то заключить перемиріе на три года [202].

Но какъ скоро послы объявили, что имъ велѣно заключить миръ на условіяхъ прежняго, то бояре сказали рѣшительно: „Тому нельзя статься, какъ вы говорите, чтобъ по старому докончанію быть любви и братству; то ужь миновало. Если государь вашъ хочетъ съ нашимъ государемъ любви и братства, то онъ бы государю нашему отчины его, русской земли поступился". Венгерскій посолъ вмѣшался въ дѣло, и при его посредничествѣ заключено было перемиріе на шесть лѣтъ, отъ 25 марта 1503 до 25 марта 1509 года. Перемирная грамота написана отъ имени великаго князя

Іоанна, государя всея Руси, сына его великаго князя Василія и остальныхъ дѣтей. Александръ обязался не трогать земель московскихъ, новгородскихъ, псковскихъ, рязанскихъ, пронскихъ, уступилъ землю князя Семена Стародубскаго (Можайскаго), Василья Шемячича, князя Семена Бѣльскаго, князей трубецкихъ и мосальскихъ, города: Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Рыльскъ, Новгородъ Сѣверскій, Гомель, Любечь, Почепъ, Трубчевскъ, Радогощь, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Дорогобужъ, Бѣлую, Торопецъ, Острей, всего 19 городовъ, 70 волостей, 22 городища, 13 селъ [203].

Послѣ скрѣпленія договора крестнымъ цѣлованіемъ Іоаннъ снова потребовалъ у пословъ, чтобъ Александръ не принуждалъ Елены къ римскому закону, поставилъ у нея на сѣняхъ греческую церковь, приставилъ слугъ и служанокъ православныхъ: „А начнетъ братъ нашъ дочь нашу принуждать къ римскому закону, то пусть знаетъ: мы этого ему не спустимъ, будемъ за это стоять, сколько намъ Богъ пособитъ“. Послы, поговоривъ между собою, отвѣчали, что папа два раза присылалъ къ Александру, требуетъ, чтобъ Елена была послушна апостольскому престолу и ходила въ латинскую церковь; онъ хочетъ не того, чтобъ Елена вторично крестилась и свой греческій законъ оставила, онъ хочетъ только, чтобъ она и всѣ русскіе были въ соединеніи съ Римомъ по рѣшенію Флорентійскаго собора. Такъ какъ теперь папскій посолъ въ Москвѣ, то не угодно ли будетъ великому князю приказать что-нибудь къ папѣ объ этомъ дѣлѣ, или отправить въ Римъ своего посла, съ которымъ бы вмѣстѣ великій князь Александръ отправилъ и своего. Іоаннъ сказалъ на это: „Намъ о своей дочери, о томъ дѣлѣ, зачѣмъ къ папѣ посылать своего посла? о томъ дѣлѣ, о своей дочери намъ къ папѣ не посылать; а скажите брату и зятю, чтобъ какъ намъ обѣщалъ, на томъ-бы и стоялъ, чтобъ за то между нами нежитья не было“. Еленина посла Ивана Сапѣгу Іоаннъ отправилъ съ такими словами: „Ивашка! привезъ ты къ намъ грамоту отъ нашей дочери, да и словами намъ отъ нея говорилъ: но въ грамотѣ иное не дѣло написано, и не пригоже ей было о томъ къ намъ писать. Пишетъ будто ей о вѣрѣ отъ мужа никакой присылки не было: но мы навѣрное знаемъ, что мужъ ея Александръ король посылалъ къ ней, чтобъ приступила къ римскому закону, и ни къ одной къ ней, а ко всей Руси. Скажи отъ насъ нашей

дочери: „Дочка! памятуй Бога, да наше родство, да нашъ наказъ, держи свой греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому закону не приступай никоторымъ дѣломъ; церкви римской и папѣ ни въ чемъ послушна не будь, въ церковь римскую не ходи, душею никому не норови, мнѣ и всему нашему роду безчестья не учини; а только по грѣхамъ что станется, то намъ и тебѣ, и всему нашему роду будетъ великое безчестье, и закону нашему греческому укоризна. И хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, и ты бъ пострадала. А только дочка поползнешься, приступишь къ римскому закону, волею или неволею: то ты отъ Бога душею погибнешь, а отъ насъ будешь въ неблагословеньѣ; я тебя за это не благословлю, и мать не благословитъ; а зятю своему мы того не спустимъ: будетъ у насъ съ нимъ за то безпрестанно рать“.

Для взятія присяги съ Александра въ соблюденіи договора отправились въ Литву послы Петръ Плещеевъ и Константинъ Заболоцкій; эти послы должны были сказать Еленѣ отъ отца: „Писала ты къ намъ, что люди въ Литвѣ надѣялись всякого добра отъ твоего приходу, а вмѣсто того къ нимъ съ тобою пришло всякое лихо. Но это дѣло, дочка, сталось не тобою: сталось оно неисправленіемъ брата нашего и зятя, а твоего мужа. Я надѣялся, что какъ ты къ нему придешь, такъ тобою всей Руси, греческому закону окрѣпленіе будетъ; а вмѣсто того, какъ ты къ нему пришла, такъ онъ началъ тебя принуждать къ римскому закону, а изъ за тебя и всю Русь началъ принуждать къ тому же. Ты ко мнѣ пишешь, что къ тебѣ отъ мужа о перемѣнѣ вѣры никакой присылки не было; а послы твоего мужа намъ отъ него говорили, что папа къ нему не разъ присылалъ, чтобъ онъ привелъ тебя въ послушаніе римской церкви: но если къ твоему мужу папа за этимъ не разъ присылалъ, то это все равно, что и къ тебѣ приказываетъ. Я думалъ, дочка, что ты, для своей души, для нашего имени и родства, и для своего имени, будешь къ намъ объ всемъ писать правду: и ты, дочка, гораздо ли такъ дѣлаешь, что къ намъ неправду приказываешь, будто къ тебѣ о вѣрѣ никакой посылки не было?“

Это были явныя рѣчи въ отвѣтъ на явныя же рѣчи и письма Елены; но послы получили отъ Іоанна наказъ: „Если спроситъ канцлеръ королевинъ Ивашка Сопѣга: есть ли къ королевѣ отвѣтъ

отъ отца па тѣ рѣчи, что я отъ нея говорилъ? то скажите Сопѣгѣ тихо, что отвѣтъ есть и къ нему есть грамота отъ великаго князя. Этотъ отвѣтъ послы должны были сказать Еленѣ наединѣ; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: „Говорилъ мнѣ отъ тебя канцлеръ твой Ивашка Сопѣга, что ты еще по нашему наказу въ законѣ греческомъ непоколебима и отъ мужа въ томъ тебѣ принужденія мало, а много тебѣ за греческій законъ укоризны отъ архіепископа краковскаго, отъ епископа виленскаго и отъ пановъ литовскихъ; говорятъ они тебѣ, будто ты не крещена и иныя рѣчи недобрыя, на укоръ нашего закона греческаго, тебѣ говорятъ; да и къ папѣ они жь приказывали, чтобъ папа къ мужу твоему послалъ, и велѣлъ тебя привести въ послушаніе римской церкви; говорилъ онъ отъ тебя, что пока твой мужъ здоровъ, до тѣхъ поръ ты не ждешь никакого притѣсненія въ греческомъ законѣ; опасаешься одного, что если мужъ твой умретъ, тогда архіепископъ, епископы и паны станутъ тебя притѣснять за греческій законъ, и потому просишь, чтобъ мы взяли у твоего мужа новую утвержденную грамоту о греческомъ законѣ, въ которой бы архіепископъ краковскій и епископъ виленскій печати свои приложили, и руку бъ епископъ виленскій на той грамотѣ далъ нашимъ боярамъ, что тебѣ держать свой греческій законъ. Это ты, дочка, дѣлаешь гораздо, что душу и имя свое бережешь, нашъ наказъ помнишь и наше имя бережешь, а я къ твоему мужу теперь съ своими боярами о грамотѣ приказалъ. Да говорилъ мнѣ отъ тебя Сопѣга, что свекровь твоя уже стара, а которые города за нею въ Польшѣ, тѣ города всегда бываютъ за королевами: такъ чтобъ я приказалъ твоему мужу, если свекрови не станетъ, то онъ эти города отдалъ бы тебѣ. Дай Богъ, дочка, чтобъ я здоровъ былъ, да мой сынъ, князь великій Василій и мои дѣти, твои братья, да твой мужъ и ты: какъ будетъ намъ пригоже о томъ приказать къ твоему мужу, и мы ему о томъ прикажемъ“.

Послы должны были также передать Еленѣ отъ отца порученіе: „Сынъ мой Василій, и дѣти мои Юрій и Димитрій, твои братья, уже до того дорослп, что ихъ слѣдуетъ женить, и я хочу ихъ женить, гдѣ будетъ пригоже: такъ ты бы, дочка, разузнала, у какихъ государей греческаго закона или римскаго закона будутъ дочери, на которыхъ бы было пригоже мнѣ сына Василія женить?“ Послы получили наказъ на счетъ того же дѣла: „Были у венгер-

скаго короля Матвѣя дѣти Степана сербскаго деспота, Юрій, да Иванъ; Иванъ постригся еще во время Матвѣя короля, а Георгій женился и дѣтей прижилъ; такъ посламъ развѣдывать накрѣпко: Юрій деспотъ въ Венгріи живъ ли еще, и есть ли у него дѣти, сыновья или дочери, сыновья женаты ли, а дочери замужемъ ли? Если королева Елена укажетъ государей, у которыхъ дочери есть, то спросить, какихъ лѣтъ дочери? да о матеряхъ ихъ и о нихъ самихъ не было ли какой дурной молвы?“ Елена отвѣчала: „развѣдывала я про дѣтей деспота сербскаго, но ничего не могла допытаться. У маркграфа бранденбургскаго, говорятъ, пять дочерей: большая осьмнадцати лѣтъ, хрома, нехороша; подъ большею четырнадцати лѣтъ, изъ себя хороша (парсуною ее повѣдаютъ хорошу). Есть дочери у баварскаго князя, какихъ лѣтъ—не знаютъ, матери у нихъ нѣтъ; у стетинскаго князя есть дочери, слава про мать и про нихъ добра. У французскаго короля сестра, обручена была за Альбрехта короля польскаго, собою хороша, да хрома, и теперь на себя чепецъ положила, пошла въ монастырь. У датскаго короля его милость батюшка лучше меня знаетъ, что дочь есть.“ Когда посолъ сказалъ Еленѣ, чтобъ она послала въ Венгрію развѣдать о деспотовыхъ дочеряхъ, и къ маркграфу бранденбургскому и къ другимъ государямъ, то она отвѣчала: „Что ты мнѣ говоришь, какъ мнѣ посылать? еслибы отецъ мой былъ съ королемъ въ мирѣ, то я послала бы. Отецъ мой лучше меня самъ можетъ развѣдать. За такого великаго государя кто бы не захотѣлъ выдать дочь? Да у нихъ въ Латыни такъ крѣпко, что безъ папина вѣдома никакъ не отдадутъ въ греческій законъ; насъ укоряютъ безпрестанно, зовутъ насъ нехристьми. Ты государю моему скажи: если пошлетъ къ маркграфу, то велѣлъ бы отъ старой королевы таиться, потому что она больше всѣхъ греческій законъ укоряетъ.“ Елена давала отцу также своего роду порученія; однажды московскій посолъ долженъ былъ сказать ей отъ отца: „Приказывала ты ко мнѣ о горностаяхъ и о бѣлкахъ, и я къ тебѣ послалъ 500 горностаевъ, да 1500 подпалей; приказывала ты еще, чтобы прислать тебѣ соболя чернаго съ ногами передними и задними и съ когтями: но смерды которые соболей ловятъ, ноги у нихъ отрѣзываютъ; мы имъ приказали соболей черныхъ добывать, и какъ намъ ихъ привезутъ, мы къ тебѣ пошлемъ сейчасъ же. А что ты приказывала о кречетахъ,, то теперь ихъ нельзя было къ тебѣ послать:

еще путь не установился; а какъ путь уставится, то я къ тебѣ кречетовъ пришлю сейчасъ же."

Съ мужемъ Елениньмъ у Іоанна происходили безпрерывныя сношенія, предметомъ которыхъ по прежнему были ссоры между пограничными жителями, не перестававшими нападать другъ на друга. Однажды Александръ прислалъ сказать тестю, что уже пора ему возвратить Литвѣ взятыя у нея по перемирному договору волости, что ему, Александру, жаль своей отчины. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что и ему также жаль свой отчины, русской земли, которая за Литвою, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ. Въ другой разъ Александръ прислалъ жаловаться, что его намѣстникъ кричевскій, Евстаѳій Дашковичь, измѣнилъ ему, убѣжалъ вмѣстѣ съ другими кричевскими дворянами въ Москву, пограбивши пограничныхъ литовскихъ жителей. Іоаннъ отвѣчалъ: „Въ нашихъ перемирныхъ грамотахъ написано такъ: вора, бѣглеца, холопа, рабу, должника по исправѣ выдать: Евстаѳій же Дашковичь у короля человѣкъ былъ знатный, воеводою бывалъ во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ, а лихаго имени про него мы не слыхали никакого; держалъ онъ отъ короля большіе города, а къ намъ пріѣхалъ служить добровольно, и сказываетъ, что никому никакого вреда не сдѣлалъ. И прежде, при насъ и при нашихъ предкахъ и при королевыхъ предкахъ на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказовъ; такъ и Дашковичь къ намъ пріѣхалъ теперь, и потому онъ нашъ слуга".

Какъ Іоаннъ смотрѣлъ на перемиріе съ Литвою, видно изъ наказовъ посламъ, отправлявшимся въ Крымъ: Если Менгли-Гирей захочетъ идти на литовскую землю, то не отговаривать, только пейти самому съ татарскимъ войскомъ. Если пріѣдутъ литовскіе послы въ Крымъ за перемиріемъ, то говорить Менгли-Гирею, чтобъ онъ не мирился, а если онъ скажетъ, что великій князь перемирье взялъ, то отвѣчать: „Великому князю съ литовскимъ прочнаго мира нѣтъ; литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, что у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины, всей русской земли; взялъ же съ нимъ теперь перемирье для того, чтобъ люди поотдохнули, да чтобъ взятые города за собою укрѣпить: которые были пожжены, тѣ онъ снова оградилъ, иные дѣтямъ своимъ отдалъ, въ другихъ воеводъ посажалъ, а которые люди были недобры, тѣхъ онъ вывелъ, да всѣ города насадилъ своими людьми.... Съ кѣмъ Александру стоять? вѣдома намъ ли-

товская сила!" Дѣтей ханскихъ посолъ долженъ былъ уговаривать, чтобъ не давали отцу мириться съ Литвою: „Вѣдь вамъ тогда не воевать: такъ у васъ весь прибытокъ отойдетъ" [205].

Іоаннъ имѣлъ право говорить: „Съ кѣмъ Александру стоять?" ибо королю было мало надежды и на помощь самаго дѣятельнаго союзника своего, магистра ливонскаго. Мы видѣли [206], что въ 1460 году съ нѣмцами ливонскими было заключено перемиріе на пять лѣтъ; но еще не дошло двухъ лѣтъ до перемирнаго сроку, какъ началися опять ссоры у псковичей съ нѣмцами: въ Дерптѣ посадили въ тюрьму посла и гостя псковскаго; псковичи посадили въ тюрьму нѣмецкаго гостя, и вслѣдъ за тѣмъ зимою явилась нѣмецкая рать къ Новому городку, и начала бить пушками въ его стѣны. Получивши вѣсть, что нѣмцы подъ Новымъ городкомъ, псковичи собрались на спѣхъ съ двумя посадниками, въ небольшомъ числѣ, и поѣхали туда, а нѣмцы, услыхавъ, что идетъ псковская сила, отбѣжали отъ города и запасъ свой кинули. Но скоро опять пришла вѣсть, что нѣмцы воюютъ псковскія села; тогда псковичи, собравшись съ пригорожанами, пошли къ Городку, но нѣмцевъ уже не нашли: тѣ убѣжали въ свою землю. Посадники и псковичи стали думать: куда бы пойти за ними? и рѣшили идти къ Воронью камню. Когда вся псковская сила была уже на озерѣ, пришелъ доброхотъ изъ-за рубежа Чудинъ, и сказалъ, что сила нѣмецкая собралась и хочетъ въ ночь ударить на Колпино; псковичи возвратились, пошли къ Колпину, и, подошедши къ нему на разсвѣтѣ, увидали, что нѣмцы жгутъ и воюютъ по волости, церковь Колпинскую зажгли и добычи много набрали. Псковичи, не медля ни мало, ударили на нѣмцевъ, обратили ихъ въ бѣгство и гнали 15 верстъ по двумъ дорогамъ: не дивно ли и не достойно ли памяти, говоритъ лѣтописецъ, что въ такой страшной сѣчѣ изъ псковской рати не былъ убитъ ни одинъ человѣкъ, тогда какъ нѣмецкіе трупы лежали мостомъ. Въ то же время другая псковская рать, охочіе люди, ходили также воевать нѣмецкую волость и возвратились съ большимъ полономъ, а воеводою у нихъ былъ Ивашко дьякъ; изборяне, съ своей стороны, пожгли и поплѣнили около Новаго Городка нѣмецкаго. Въ старину этимъ и кончилось бы дѣло, опять до новаго набѣга нѣмцевъ; но теперь нѣмцы начали войну уже не съ однимъ Псковомъ; Псковъ находился теперь подъ властію великаго князя московскаго, бралъ намѣстника отъ его

руки,—и вотъ, по челобитью псковичей, явился къ нимъ московскій воевода Ѳедоръ Юрьевичъ съ полками, и пошелъ съ ними за великую рѣку, къ Новому Городку нѣмецкому. До сихъ поръ нѣмцы приходили осаждать Псковъ и его пригороды, псковичи довольствовались обыкновенно опустошеніемъ селъ; но теперь псковичи съ московскимъ войскомъ осадили нѣмецкій городъ, стали бить его стѣны пушками. Осада была неудачна: простоявши четверо сутокъ, псковичи выстрѣлили изъ большой пушки въ стѣну—и пушку разорвало; послѣ этого приключенія отошла вся сила отъ Городка, потому что былъ онъ крѣпокъ, замѣчаетъ лѣтописецъ.

Но въ то время, какъ главная псковская рать была съ московскимъ воеводою подъ Городкомъ, въ Псковѣ вспомнили старый обычай и отпустили охочихъ людей, съ посадникомъ Дороѳеемъ Елевѳерьичемъ, въ лодкахъ, воевать нѣмецкую землю; кромѣ своихъ охочихъ людей набралось много пришлыхъ: въ то время удальцы, почуявъ рать, возможность добычи, собирались изъ разныхъ мѣстъ. Соединившись съ псковскими охочими людьми, эти прихожіе люди много воевали нѣмецкую землю и, узнавъ, что главная сила отступила отъ Городка, возвратились назадъ съ большою добычею. Потомъ, услыхавъ, что нѣмцы напали на берега Наровы, псковичи собрались было ѣхать туда, какъ явился гонецъ отъ ордена съ просьбою, чтобъ нѣмецкимъ посламъ вольно было пріѣхать въ Псковъ на поговорку (переговоры о мирѣ) и опять отъѣхать; псковичи дали ему на томъ руку, что вольно будетъ посламъ пріѣхать и отъѣхать. И по той рукѣ прислалъ магистръ пословъ своихъ, честныхъ людей и нѣмцевъ добрыхъ бить челомъ воеводѣ великаго князя, и намѣстнику, и всему Пскову, чтобъ не воевать болѣе съ Юрьевцами (жителями Дерпта), и не гибли бы головы съ обѣихъ сторонъ. Перемиріе было заключено на 9 лѣтъ: епископъ дерптскій обязался давать дань великому князю по старинѣ, русскій конецъ въ своемъ городѣ и русскія церкви также держать по старинѣ, по старымъ грамотамъ, а не обижать. Воевода московскій, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, сказалъ псковичамъ на вѣчѣ: „Мужи псковичи, отчина великаго князя, добровольные люди! Богъ жаловалъ и Святая Живоначальная Троица, князя великаго здоровьемъ съ нѣмцами управу взяли вы по своей волѣ, а теперь на вашей чести вамъ челомъ бью"—и поѣхалъ въ Москву; Псковичи проводили его съ большею

честью и на прощаньи дали тридцать рублей, да боярамъ, которые при немъ были, дали всѣмъ пятьдесятъ рублей.

Еще не вышелъ срокъ перемирію, какъ нѣмцы, въ 1469 году, пришли ратью на псковскую землю, побили у псковичей 26 человѣкъ, и хоромы пожгли; привели ихъ свои перевѣтники—какой-то Иванъ Подкурскій да Иванъ Торгоша; псковичи спачала никакъ не могли подозрѣвать этихъ людей въ измѣнѣ, потому что самъ Торгоша и вѣсть привезъ въ городъ о нападеніи нѣмцевъ, за что получилъ деньги; только черезъ полтора года открылось, что эти люди, живя на рубежѣ, передавали нѣмцамъ обо всемъ, что дѣлается въ псковской области; когда измѣна ихъ открылась, то Подкурскаго замучили на бревнѣ, а Торгошу за лытки на льду повѣсили. Набѣгъ нѣмцевъ не имѣлъ впрочемъ никакихъ слѣдствій; въ 1471 году пріѣхалъ въ Псковъ посолъ отъ магистра и объявилъ на вѣчѣ, что князь местеръ хочетъ устроить себѣ столъ въ Вельядѣ (Феллинѣ), переѣхать туда изъ Риги; хочетъ держать съ псковичами миръ крѣпкій, но требуетъ, чтобъ они уступили ему нѣкоторыя земли и воды [207]. Псковичи дали отвѣтъ: „Воленъ князь местеръ—гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и княженіе держитъ, городъ ему свой; а что онъ тамъ о землѣ и водѣ говоритъ, то земля и вода Святой Троицы, псковская вотчина, добыта трудомъ великихъ князей всея Руси, тамъ у насъ теперь и города стоятъ; а миръ мы хотимъ держать до срока“. Въ 1473 году былъ съѣздъ посламъ ливонскимъ и псковскимъ въ Нарвѣ, но не могли ни въ чемъ согласиться и разъѣхались безъ мира. Тогда псковичи отрядили пословъ въ Москву бить челомъ великому князю, чтобъ оборонилъ ихъ и на коня сѣлъ за домъ Святыя Троицы, какъ и прежде его прародители стояли противъ нѣмцевъ; вслѣдствіе этого челобитья, въ концѣ того же года знаменитый воевода московскій, князь Данило Дмитріевичъ Холмской явился въ Псковъ съ большимъ войскомъ, какого никогда еще не видывали псковичи. Сначала было отъ него Пскову тяжко, ратники начали было дѣлать разныя насилія, грабить, потому что съ москвичами пріѣхало много татаръ; но потомъ воеводы и ратные люди стали брать у посадниковъ всѣ кормы по уговору. Убытки псковичей были вознаграждены тѣмъ, что нѣмцы испугались московской силы и прислали просить мира на всей волѣ псковичей: князь местеръ велѣлъ объявить, что отступается отъ земли и воды Св. Троицы и псковичей, своихъ со-

сѣдей, обязывается изъ своей волости тайно пива и меду не пускать, путь псковскимъ посламъ и гостямъ давать чистый, колоду (заставу) отложить по всей своей державѣ. Заключили договоръ на тридцать лѣтъ; договоръ этотъ дошелъ до насъ [208]: „Государи наши (говорится въ грамотѣ) благовѣрные великіе князья русскіе и Цари, Иванъ Васильевичъ и сынъ его Иванъ Ивановичъ прислали воеводу своего, князя Данила Дмитріевича со многими князьями и боярами, въ домъ Св. Троицы, въ свою отчину, Великій Новгородъ и Псковъ, оборонять свою отчину, обидъ своихъ поискать на нѣмцахъ на юрьевцахъ, своихъ даней и старыхъ даней, своихъ залоговъ (недоимокъ), и новгородскихъ старинъ, и псковскихъ обидъ и старинъ. И прислали честной біскопъ юрьевскій и посадники и всѣ юрьевцы пословъ своихъ и прикончали миръ на тридцать лѣтъ таковъ: Святыя Божіи церкви въ Юрьевѣ, въ Русскомъ концѣ и Русскій конецъ держать имъ честно по старинѣ и по крестному цѣлованью, а не обижать. Дани благовѣрныхъ великихъ князей русскихъ царей, старые залоги честному бискупу юрьевскому за восемь лѣтъ отдать тотчасъ же, по крестному цѣлованью, а отъ этого времени благовѣрнымъ великимъ князьямъ русскимъ царямъ на честномъ бискупѣ юрьевскомъ дань свою брать по старинѣ, по тому крестному цѣлованью. А новгородскому послу и гостю по юрьевской землѣ путь чистъ на Юрьевъ, со всякимъ товаромъ, водою и горою (сухимъ путемъ); между Псковомъ и Юрьевымъ земли и воды по старый рубежъ“ и проч.

Тридцатилѣтнее перемиріе не продержалось и шести лѣтъ; начались скоро несогласія: въ нѣмецкихъ городахъ задерживали псковскихъ купцовъ, отнимали у нихъ товары, но открытаго разрыва еще не было, какъ вдругъ 1-го января 1480 года нѣмцы явились нечаянно передъ Вышгородкомъ, взяли его, сожгли, жителей перебили. Ночью пріѣхалъ гонецъ въ Псковъ: „Господа псковичи! городокъ нѣмцы взяли!“—и въ ту же ночь посадники дважды собрали вѣче, гдѣ рѣшили выступить немедленно; но, какъ часто и прежде бывало, псковичи уже не нашли нѣмцевъ въ Вышгородкѣ. Въ ту же зиму нѣмецкая рать явилась подъ Гдовомъ, оступила городокъ, начала бить пушками, пожгла посадъ. Псковичи послали гонца къ великому князю въ Новгородъ просить силы на нѣмцевъ; Іоаннъ прислалъ воеводу, который соединился съ псковскою ратью, пошелъ на юрьевскую волость и взялъ приступомъ за-

мокъ нѣмецкій: много добра вывезли изъ него псковичи, и пушекъ, и зелья пушечнаго, а нѣмцы сами дались руками, увидавши своё изнеможеніе. Сожегши замокъ, русскіе пошли подъ Юрьевъ; города не взяли, но страшно опустошили окрестности: воевода московскій и его сила много добра повезли въ Москву съ собою, Чуди и Чудокъ и ребятъ головами повели многое множество безъ числа, говоритъ лѣтописецъ [209]; псковичи также возвратились съ большою добычею. Но нѣмцы ждали только ухода московской рати, чтобъ отплатить Псковичамъ: магистръ Бернгардъ фонъ-деръ-Борхъ пришелъ подъ Изборскъ; не могши взять города, Нѣмцы пошли палить окрестности; Псковичи, увидавъ дымъ и огонь, выступили изъ города, встрѣтились съ Нѣмцами у озера, и послѣ стычки сторожевыхъ полковъ, главная рать, и нѣмецкая, и псковская, разошлись по домамъ безъ боя. Лѣтомъ Нѣмцы пришли опять и начали жечь псковскіе городки: въ городкѣ Кобыльемъ погибло въ пламени безъ малаго 4.000 душъ; въ августѣ мѣсяцѣ пришелъ магистръ со всею землею подъ Изборскъ, но, простоявъ понапрасну два дня у города, осадилъ Псковъ. Нѣмцы били въ стѣны пушками, подъѣзжали къ нимъ въ лодкахъ, но также ни въ чемъ не успѣли; псковичи обратили ихъ въ бѣгство и отняли лодки; по свидѣтельству нѣмецкаго лѣтописца, магистръ приводилъ подъ Псковъ сто тысячъ войска [210]. На этотъ разъ мстили не одни псковичи ничтожнымъ пограничнымъ набѣгомъ: въ предѣлахъ Ливоніи явилась двадцатитысячная московская рать, которая, вмѣстѣ съ новгородцами и псковичами, гостила четыре недѣли въ нѣмецкой землѣ, безъ встрѣчи съ непріятелемъ въ полѣ, взяли два города—Феллинъ и Тарвастъ, и много золота и серебра вынесли изъ этихъ городовъ, а другого добра—и счесть нельзя; въ плѣнъ взяли также безчисленное множество нѣмцевъ и нѣмокъ, Чуди и Чудокъ и дѣтей малыхъ. Нѣмецкій лѣтописецъ въ тѣхъ же чертахъ описываетъ это вnaденіе русскихъ войскъ въ Ливонію; онъ говоритъ: „сбылось на магистрѣ фонъ-деръ-Борхѣ слово Соломоново: человѣкъ и конь готовятся къ битвѣ, но побѣда исходитъ отъ Господа; собралъ магистръ противъ русскихъ силу, какой прежде него никто не собиралъ—и что же онъ съ нею сдѣлалъ“ [211]?

Нѣмцы заключили десятилѣтнее перемиріе въ 1482 году; когда срокъ приблизился къ концу, въ 1492 году Іоаннъ велѣлъ заложить на границѣ противъ Нарвы каменную крѣпость съ высокими

башнями и назвалъ ее по своему имени, Иванъ-городомъ. Нѣмцы однако предложили возобновить перемиріе еще на десять лѣтъ, и договоръ былъ заключенъ въ 1493 году; грамота дошла до насъ: въ ней говорится, что по Божіей волѣ и повелѣнію великаго государя, царя русскаго, пріѣхали въ великій Новгородъ къ великому князю, намѣстникамъ, боярамъ, житымъ, купцамъ и ко всему великому Новгороду (старинная форма еще сохранилась!), послы нѣмецкіе, добили челомъ великокняжескимъ намѣстникамъ и заключили съ ними перемиріе за всю новгородскую державу. Землѣ и водѣ великаго Новгорода съ княземъ мистромъ старый рубежъ: изъ Чудскаго озера стержнемъ Наровы рѣки въ Соленое море; церкви русскія въ мистровѣ державѣ, въ архіепископской державѣ и въ бискупскихъ державахъ, повсюду держать по старинѣ, а не обижать; если нѣмчинъ у новгородца бороду выдеретъ, и по суду, по исправѣ нѣмчинъ окажется виноватымъ, то отсѣчь ему руку за бороду и проч. [212]. Но въ томъ же году начались непріятности: по нѣмецкимъ извѣстіямъ въ Ревелѣ сожгли одного русскаго, уличеннаго въ гнусномъ преступленіи, а когда другіе русскіе жаловались на это, то ревельцы отвѣчали имъ: „Мы сожгли бы вашего князя, еслибъ онъ у насъ сдѣлалъ то же". Эти слова были перенесены Іоанну и сильно раздражали его противъ нѣмцевъ. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что ревельцы купцамъ новгородскимъ многія обиды чинили и поруганія, нѣкоторыхъ живыхъ въ котлахъ варили безъ обсылки съ великимъ княземъ и безъ обыску; также было поруганіе и посламъ великокняжескимъ, которые ходили въ Римъ и нѣмецкую землю; да и старымъ купцамъ новгородскимъ много было обидъ и разбоевъ на морѣ [213]. Іоаннъ требовалъ, чтобъ ливонское правительство выдало ему ревельскій магистратъ, и получилъ отказъ; въ тоже время Іоаннъ заключилъ союзъ съ королемъ датскимъ, врагомъ Ганзы, который, предлагая помощь въ войнѣ противъ Швеціи, уступая Москвѣ важную часть Финляндіи, требовалъ, чтобъ Іоаннъ за это дѣйствовалъ противъ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ [214]. Вслѣдъ за извѣстіемъ о возвращеніи русскихъ пословъ изъ Копенгагена вмѣстѣ съ датскимъ посломъ и о привезеніи ими докончальныхъ грамотъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что великій князь, въ 1495 году, подъ предлогомъ неисправленія ревельцевъ, велѣлъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ нѣмцевъ купцовъ, которыхъ было тамъ 40 человѣкъ изъ 13 го-

родовъ, посадить ихъ въ тюрьмы, гостиные дворы и божницу отнять, товары переписать и отвезти въ Москву.

Московскій великій князь только что заключилъ тогда выгодный миръ и союзъ, политическій и родственный съ великимъ княземъ литовскимъ, съ Даніею былъ также въ союзѣ и потому Орденъ не осмѣлился вооруженною рукою мстить ему за купцовъ своихъ; онъ только чрезъ пословъ своихъ упрашивалъ о ихъ освобожденіи вмѣстѣ съ послами городовъ ганзейскихъ и великаго князя литовскаго: Іоаннъ велѣлъ освободить купцовъ, но товаровъ имъ не отдали. Орденъ молчалъ, хотя видѣлъ страшную опасность, которою грозила ему Москва; кенигсбергскій коммандоръ писалъ къ своему магистру: „Старый государь русскій вмѣстѣ со внукомъ своимъ управляетъ одинъ всѣми землями, а сыновей своихъ не допускаетъ до правленія, не даетъ имъ удѣловъ; это для магистра ливонскаго и ордена очень вредно: они не могутъ устоять предъ такою силою, сосредоточенною въ однѣхъ рукахъ“. Вслѣдствіе этого сознанія своей слабости Орденъ не могъ ничего предпринять до самаго того времени, когда новый разрывъ между Литвою и Москвою далъ ему надежду на возможность успѣха въ войнѣ съ послѣдней. Въ 1501 году магистръ Вальтеръ-фонъ-Плеттенбергъ заключилъ союзъ съ Александромъ Литовскимъ и объявилъ московскому государю войну тѣмъ, что задержалъ въ своихъ владѣніяхъ псковскихъ купцовъ; псковичи послали гонца въ Москву съ этимъ извѣстіемъ, и великій князь выслалъ къ нимъ на помощь воеводъ— князей Василія Шуйскаго и Данила Пенко. Въ 10 верстахъ за Изборскомъ встрѣтились русскіе воеводы съ Плеттенбергомъ: псковичи первые схватились съ непріятелемъ, и первые побѣжали, потерявши посадника; нѣмцы, говоритъ лѣтописецъ, напустили вѣтеръ на русскую силу и пыль изъ пушекъ и пищалей; когда, послѣ бѣгства псковичей, нѣмцы обратили пушки и пищали на московскую силу, то была туча велика, грозна и страшна отъ стуку пушечнаго и пищальнаго, что заставило и москвичей обратиться также въ бѣгство. Изъ этого разсказа ясно видно, что дѣло было рѣшено нѣмецкою артиллеріею, съ которою тогдашній русскій нарядъ не могъ соперничать.

На другой день нѣмцы пошли къ Изборску; но изборяне сами сожгли свой посадъ и отбились; счастливѣе былъ Плеттенбергъ подъ Островомъ: ему удалось взять и сжечь городъ, при чемъ по-

гибло 4000 русскихъ. Отъ Острова нѣмцы возвратились къ Изборску, ночевали подъ нимъ одну ночь и отступили, оставивъ засаду. Когда на другой день изборяне пришли въ непріятельскій станъ и разсѣялись по немъ, нѣмцы выскочили изъ засады и перебили ихъ или перехватали. Но Плеттенбергъ не могъ воспользоваться этою удачею: онъ поспѣшилъ назадъ, потому что въ полкахъ его открылся кровавый поносъ, отъ котораго занемогъ и самъ магистръ. Сильно загоревали ливонцы, когда узнали о возвращеніи больного магистра съ больною ратью: они боялись мести отъ Москвы, и не напрасно. Великій князь выслалъ новую рать съ княземъ Александромъ Оболенскимъ и отрядъ татарскій; подъ городомъ Гелмедомъ встрѣтилось московское войско съ нѣмецкимъ, и, несмотря на то, что въ первой схваткѣ убитъ былъ воевода Оболенскій, русскіе остались побѣдителями и десять верстъ гнали нѣмцевъ: по словамъ псковскаго лѣтописца, изъ непріятельской рати не осталось даже и в ѣ с т о н о ш и (вѣстника), который бы далъ знать магистру объ этомъ несчастіи; ожесточенный псковичь пишетъ, что москвичи и татары сѣкли враговъ не саблями свѣтлыми, но какъ свиней шестоперами [215]. По словамъ нѣмецкаго лѣтописца, потеря русскихъ въ этомъ сраженіи простиралась до 1500 человѣкъ; но онъ же говоритъ, что тогда Ливонія лишилась 40,000 жителей, убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ русскими [216].

Между тѣмъ Плеттенбергъ оправился, и въ томъ же году явился съ пятнадцатитысячнымъ войскомъ подъ Изборскомъ: нѣмцы приступили къ городу усердно, но, простоявъ подъ нимъ только одну ночь, отошли и осадили Псковъ; псковичи сами зажгли предмѣстія и отбивались до тѣхъ поръ, пока Плеттенбергъ, заслышавъ о приближеніи московскихъ воеводъ, князей Данилы Щени и Василія Шуйскаго, отступилъ отъ города. На берегахъ озера Смолина настигли его эти воеводы и принудили къ битвѣ; битва была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ и ожесточенныхъ: небольшой, въ сравненіи съ русскими войсками, отрядъ нѣмцевъ бился отчаянно и устоялъ на мѣстѣ.

Со славой отступилъ Плеттенбергъ къ своимъ границамъ, но со славою безполезною: орденъ, могшій бороться со Псковомъ, не могъ теперь бороться съ московскимъ государствомъ, даже и въ союзѣ съ Польшею и Литвою, который оказался безполезнымъ. Великій магистръ прусскій писалъ къ папѣ, что русскіе хотятъ

или покорить всю Ливонію, или, если не смогутъ этого по причинѣ крѣпостей, то хотятъ въ конецъ опустошить ее, перебивши или отведши въ плѣнъ всѣхъ сельскихъ жителей, что они уже проникли до половины страны, что магистръ ливонскій не въ состояніи противиться такимъ силамъ, отъ сосѣдей же плохая помощь; что христіанство въ опасности, и потому святый отецъ долженъ провозгласить или крестовый походъ, или юбилей.—Александръ литовскій долженъ былъ просить мира у тестя, но, по договору, онъ не могъ мириться безъ Ливоніи, и въ январѣ 1503 года Іоаннъ далъ опасный листъ нѣмецкимъ посламъ въ такой формѣ; „Іоаннъ Божіею милостію царь и государь всея Руси и великій князь (слѣдуетъ обычный титулъ), и сынъ его, князь великій Василій Ивановичь царь всея Руси, магистру ливонской земли, архіепископу и епископу юрьевскому и инымъ епископамъ и всей землѣ ливонской. Присылали вы бить челомъ къ брату нашему и зятю, Александру, королю польскому и великому князю литовскому о томъ, что хотите къ намъ слать бить челомъ своихъ пословъ. И мы вамъ на то листъ свой опасный дали“. Послы нѣмецкіе пріѣхали вмѣстѣ съ литовскими и ждали до тѣхъ поръ, пока кончились переговоры съ послѣдними на счетъ шестилѣтняго перемирія. Когда грамоты были написаны, канцлеръ Сапѣга сказалъ дьякамъ, чтобъ князь великій велѣлъ теперь говорить съ нѣмцами, потому что до тѣхъ поръ литовскимъ посламъ нельзя будетъ запечатать грамотъ, пока не будетъ разговора съ нѣмцами о перемирьѣ. На другой день великій князь велѣлъ нѣмецкимъ посламъ быть у себя на дворѣ и выслалъ къ нимъ бояръ и дьяковъ для переговоровъ; на третій день послѣ этихъ переговоровъ посолъ венгерскій подалъ Іоанну слѣдующую записку: „Послы князя магистра ливонскаго были вчера у меня и объявили, что бояре вашей милости, разговаривая съ ними, господаря ихъ и ихъ самихъ позорили и многія неприличныя слова говорили: я, государь, очень удивляюсь, если это случилось съ позволенія твоей милости? Прошу, пресвѣтлый великій князь! положить конецъ всѣмъ этимъ дѣламъ, которыя мѣшаютъ дѣйствіямъ христіанскихъ государей противъ невѣрныхъ, потому что посламъ королевскимъ нельзя ни на что рѣшиться безъ ливонскихъ“.

Іоаннъ велѣлъ отвѣчать посламъ венгерскому и польскому: „Вы говорили, чтобъ мы велѣли съ лифляндскими нѣмцами взять пере-

мирье на шесть лѣтъ, мы у нѣмецкихъ пословъ рѣчи выслушали, и для свойства съ зятемъ своимъ Александромъ королемъ, велѣли намѣстникамъ своимъ, новгородскому и псковскому и отчинамъ своимъ, Великому Новгороду и Пскову взять съ ливонскою землею перемиріе на шесть лѣтъ по старинѣ, какъ было прежде. А нѣмцы говорили, что этого прежде не было да и теперь нельзя быть; вы послушайте ихъ рѣчи, что они говорили! они говорили, что пріѣхали не бить челомъ намъ о перемирьи, но будто просилъ магистра Александръ король, чтобъ онъ съ нами перемиріе взялъ; и они хотятъ съ нами перемиріе взять, а не съ нашими намѣстниками и отчинами. А вотъ вамъ грамоты перемирныя, какъ прежде магистръ и вся ливонская земля присылали къ нашимъ намѣстникамъ и нашимъ отчинамъ бить челомъ о перемирьи; и вы сами посмотрите, гораздо ли они такъ говорили?“ Грамоты были принесены, послы прочли ихъ и объявили, что нѣмцы вчера говорили не гораздо: грамотамъ пригоже быть такимъ, какія въ старину бывали, и заключать имъ перемирье въ Новгородѣ; при этомъ послы венгерскіе и польскіе сказали, чтобъ дали имъ списокъ, какимъ быть перемирнымъ грамотамъ; желаніе ихъ было исполнено, и тогда они объявили, что дѣло нѣмецкое кончено [217].

Мы упоминали уже о союзѣ Іоанна московскаго съ Іоанномъ королемъ датскимъ, цѣлью котораго было общее дѣйствіе противъ шведскихъ правителей Стуровъ. Датскій король искалъ шведскаго престола; неизвѣстно, чѣмъ возбуждена была непріязнь къ Швеціи московскаго государя: только въ 1496 году, по заключеніи союза съ Даніею, онъ отправилъ троихъ воеводъ осаждать Выборгъ; русскіе опустошили окрестную страну, но не могли взять города, который осаждали три мѣсяца, употребляя при этомъ огромныя пушки, въ 24 фута длиною. Въ слѣдующемъ году новое русское войско вторгнулось въ Финляндію, опустошило ее до Тавастгуса, и поразило шведское войско, истребивъ въ немъ 7000 человѣкъ вмѣстѣ съ начальникомъ; тогда какъ полки, составленные изъ устюжанъ, двинянъ, онѣжанъ и важанъ, отправились изъ устьевъ Двины моремъ въ Каянію, на десять рѣкъ, повоевали берега осьми рѣкъ а жителей береговъ Лименги привели въ русское подданство. Шведы отомстили въ томъ же году: Стантъ Стуръ явился на семидесяти бусахъ въ устьѣ Наровы и осадилъ новопостроенный Иванъ-городъ, гдѣ начальствовалъ князь

Юрій Бабичь; этотъ воевода, видя, что дома начинаютъ горѣть отъ дѣйствія шведскихъ пушекъ, испугался и бѣжалъ изъ города, который былъ занятъ и разграбленъ непріятелемъ; двое другихъ русскихъ воеводъ стояли близко, но не оказали никакой помощи. Шведы впрочемъ скоро сами покинули свое завоеваніе [213]. Война кончилась, когда король датскій достигъ своей цѣли, сдѣлался королемъ шведскимъ; что выигралъ отъ этого союзникъ его, неизвѣстно.

Извѣстнѣе намъ подробности сношеній московскаго двора съ австрійскимъ, начавшихся въ княженіе Іоанна III-го. Можно сказать, что сѣверовосточная Россія, или московское государство для западныхъ европейскихъ державъ было открыто въ одно время съ Америкою. При императорскомъ дворѣ знали, что Русь подвластна королю польскому и великому князю литовскому, но не знали, что на сѣверо-востокѣ есть еще самостоятельное русское государство до тѣхъ поръ, пока въ 1486 году не пріѣхалъ въ Москву рыцарь Николай Поппель, посѣщавшій изъ любопытства отдаленныя страны и имѣвшій при себѣ свидѣтельство отъ императора Фридриха III-го. Этому свидѣтельству въ Москвѣ дурно вѣрили, подозрѣвали, не подосланъ ли Поппель отъ польскаго короля съ какимъ-нибудь дурнымъ умысломъ противъ великаго князя, однако отпустили его безъ задержки. Возвратясь въ Германію, Поппель, объявилъ императору, что московскій великій князь вовсе не подвластенъ польскому королю, что владѣнія его гораздо пространнѣе владѣній послѣдняго, что онъ сильнѣе и богаче его. Эти разсказы имѣли слѣдствіемъ то, что въ 1489 году Поппель явился въ Москву уже въ видѣ посла императорскаго, и требовалъ, чтобъ великій князь говорилъ съ нимъ наединѣ безъ бояръ; Іоаннъ отказалъ, и Поппель говорилъ великому князю передъ боярами такія рѣчи: „Хочетъ ли твоя милость выдать дочь свою за князя маркграфа баденскаго, племянника императорскаго? Если хочетъ, то царь римскій берется устроить дѣло; если же не хочетъ, то не говори объ этомъ никому человѣку: многіе государи не будутъ рады, когда узнаютъ, что твоя милость въ знакомствѣ и въ пріятельствѣ съ царемъ римскимъ". Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что хочетъ съ цесаремъ любви и дружбы, и посылаетъ къ нему своего человѣка. Но Поппель продолжалъ прежнюю рѣчь: „Если тебѣ любо отдать дочь за того князя, о которомъ я тебѣ говорилъ, то ты вели намъ свою дочь пока-

зать“. На это ему былъ отвѣтъ: „У насъ въ землѣ нѣтъ обычая чтобъ прежде дѣла показывать дочерей“. Тогда Поппель началъ опять просить, чтобъ позволено ему было поговорить съ великимъ княземъ наединѣ. Іоаннъ велѣлъ ему быть у себя и говорилъ съ нимъ въ набережной горницѣ, поотступивъ отъ бояръ, а дьякъ Ѳедоръ Курицынъ записывалъ посольскія рѣчи. Поппель началъ: „Просимъ твою милость, чтобъ никто не зналъ о томъ, что я буду говорить: если непріятели твои, ляхи, чехи и другіе узнаютъ, то будетъ мнѣ дурно, придется и головою поплатиться. Дѣло вотъ въ чемъ: мы слышали, что ты посылалъ къ римскому папѣ просить у него королевскаго титула, и что королю польскому это очень не понравилось, посылалъ онъ къ папѣ съ большими дарами, чтобъ папа не соглашался. Скажу твоей милости, что папа въ этомъ дѣлѣ никакой власти не имѣетъ; папа имѣетъ власть въ духовенствѣ; а въ свѣтскихъ дѣлахъ, возводить въ короли, въ князья, въ рыцари имѣетъ власть только нашъ государь, царь римскій. Такъ если твоей милости угодно быть королемъ въ своей землѣ и передать этотъ титулъ своимъ дѣтямъ, то я буду вѣрнымъ слугою твоей милости у царя римскаго, буду хлопотать, чтобъ твое желаніе исполнилось; только ради Бога просимъ твое величество, чтобы ты никому человѣку объ этомъ не объявлялъ. Если король польскій узнаетъ, то днемъ и ночью будетъ посылать къ цесарю съ великими дарами, чтобъ помѣшать дѣлу. Ляхи сильно боятся, что когда ты будешь королемъ, то вся русская земля, которая теперь подъ королемъ польскимъ, отступитъ отъ него и подчинится тебѣ“. Великій князь велѣлъ отвѣчать: „Сказываешь, что намъ служилъ, что и впередъ служить хочешь: за это мы тебя здѣсь жалуемъ, да и тамъ въ твоей землѣ тебя жаловать хотимъ. А что ты намъ говорилъ о королевствѣ, то мы, Божіею милостіею, государи на своей земли изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы; просимъ Бога, чтобъ намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ быть, какъ мы теперь государи на своей землѣ, а постановленія какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ“. Этотъ отвѣтъ, какъ видно, смутилъ Поппеля, и онъ, не говоря ни слова о королевскомъ титулѣ, сталъ предлагать выгоднѣйшихъ жениховъ для дочерей великокняжескихъ: „У великаго князя двѣ дочери, говорилъ онъ: если не захочетъ онъ

выдать одной изъ нихъ за маркграфа баденскаго, то не захочетъ ли выдать за князя курфирста саксонскаго Іоанна, а другую за маркграфа бранденбургскаго?"

Устнаго отвѣта не было; но въ томъ же 1489 году великій князь отправилъ своего посла грека Юрія Траханіота къ императору Фридриху и сыну его Максимиліану, съ объявленіемъ, что хочетъ быть съ ними въ дружбѣ. Въ грамотахъ Іоаннъ называетъ себя великимъ государемъ всея Россіи, Фридриха свѣтлѣйшимъ и наияснѣйшимъ римскимъ цесаремъ и королемъ австрійскимъ, Максимиліана благороднымъ и наияснѣйшимъ римскимъ королемъ и княземъ бургундскимъ (Бергонскимъ). Траханіоту былъ данъ наказъ: „Если спросятъ его: цесарь спрашивалъ у вашего государя, хочетъ ли онъ отдать дочь за племянника императорскаго, маркграфа баденскаго: есть ли съ тобою объ этомъ какой-нибудь приказъ?—то отвѣчать: за этого маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь нашъ многимъ землямъ государь великій, но гдѣ будетъ прилично, то государь нашъ съ Божіею волею хочетъ это дѣло дѣлать. Если начнутъ выставлять маркграфа владѣтелемъ сильнымъ, скажутъ: отъ чего неприлично вашему государю выдать за него дочь?—то отвѣчать: во всѣхъ земляхъ извѣстно, надѣемся и вамъ вѣдомо, что государь нашъ великій государь, урожденный изначала, отъ своихъ прародителей; отъ давнихъ лѣтъ прародители его были въ пріятельствѣ и любви съ прежними римскими царями, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи; отецъ нашего государя до конца былъ съ ними въ братствѣ и пріятельствѣ до зятя своего Іоанна Палэолога, такъ какъ же такому великому государю выдать дочь свою за маркграфа? Если же станутъ говорить, чтобы великому князю выдать дочь за императорова сына Максимиліана, то послу не отговаривать, а сказать такъ: захочетъ этого цесарь, то послалъ бы къ нашему государю своего человѣка. Если же станутъ говорить объ этомъ дѣлѣ накрѣпко: что цесарь пошлетъ своего человѣка, и посолъ возьметъ ли его съ собою?—то отвѣчать: со мною объ этомъ приказа нѣтъ, потому что цесарскій посолъ говорилъ, что Максимиліанъ уже женатъ; но государь нашъ ищетъ выдать дочь свою за кого прилично: цесарь и сынъ его Максимиліанъ государи великіе, нашъ государь также великій государь; такъ если цесарь

пошлетъ къ нашему государю за этимъ своего человѣка, то я надѣюсь, что государь нашъ не откажетъ".

Въ іюлѣ 1490 года Траханіотъ возвратился вмѣстѣ съ посломъ Максиміановымъ Юріемъ Делаторомъ, и сказалъ, что отъ цесаря и отъ Максиміана честь ему была большая. Іоаннъ велѣлъ оказывать такую же честь Делатору, который объявилъ, что Максиміанъ хочетъ союза съ Іоанномъ противъ короля польскаго, мѣшающаго ему овладѣть венгерскимъ королевствомъ и спрашивалъ, пошлетъ ли Іоаннъ войско въ Германію и на какое время, также въ Фландрію и въ другія западныя земли противъ измѣнниковъ Максиміановыхъ и помощниковъ ихъ, короля французскаго и другихъ? Потомъ Делаторъ началъ рѣчь о сватовствѣ, говорилъ, чтобъ ему позволили видѣть дочь великаго князя и спрашивалъ, сколько за нею приданаго? Ему отвѣчали, что великій князь согласенъ выдать дочь за Максиміана; но если дѣло сдѣлается, то Максиміанъ дастъ ли утвержденную грамоту, что жена его останется въ греческомъ законѣ, будетъ имѣть греческую церковь и священниковъ постоянно до самой смерти своей?—Посолъ отвѣчалъ, что объ этомъ ему не дано наказа, что доложитъ своему государю, и тотъ дастъ отвѣтъ съ особыми послами. Относительно позволенія видѣть великую княжну и относительно ея приданаго Делатору сказали: „У государя нашего нѣтъ такого обычая; непригоже тебѣ прежде дѣла дочь его видѣть. Государь нашъ государь великій; а мы не слыхивали, чтобъ между великими государями были ряды о приданомъ. Если дочь нашего государя будетъ за твоимъ государемъ, королемъ Максиміаномъ, то государь нашъ для своего имени и для своей дочери дастъ съ нею казну, какъ прилично великимъ государямъ".

Съ Делаторомъ Іоаннъ отправилъ къ Максиміану своего посла, того же Траханіота, съ докончательною союзною грамотою, въ которой говорилось: „Быть намъ въ братствѣ, любви и единствѣ: когда будетъ намъ надобна помощь на недруговъ, другъ другу помогать, гдѣ будетъ можно. Станетъ Максиміанъ доставать своей отчины венгерскаго королевства, а Казиміръ король польскій, или сынъ его, чешскій король или его меньшіе дѣти станутъ венгерское королевство себѣ доставать, то Максиміанъ долженъ дать знать объ этомъ Іоанну, и тотъ помогаетъ ему вправду, безъ хитрости. Если же Іоаннъ начнетъ доставать своей

отчины, великаго княжества кіевскаго, и другихъ русскихъ земель, которыя держитъ за собою Казимиръ, то долженъ дать знать Максимиліану, и тотъ ему помогаетъ.“ Въ наказѣ Трахапіоту было написано: „Если король велитъ говорить о сватовствѣ до заключенія союзнаго договора, то послу настаивать, чтобъ прежде рѣшено было дѣло о союзѣ; если же нельзя будетъ настоять на этомъ, то начать дѣло о сватовствѣ, требовать, чтобъ дочь великокняжеская сохраняла греческій законъ. Если скажутъ, зачѣмъ великій князь не прислалъ поклона и ни одного слова не велѣлъ сказать цесарю Фридриху, то отвѣчать: присылалъ цесарь къ нашему государю посла, Николая Поппеля, и нашъ государь, желая съ нимъ любви, посылалъ къ нему своего посла; но потомъ цесарь къ нашему государю своего посла не послалъ, и рѣчей къ нему никакихъ не наказалъ: такъ зачѣмъ было нашему государю къ нему посылать?“

Траханіотъ возвратился съ докончательною грамотою, утвержденною Максимиліаномъ; но о сватовствѣ рѣчи не было, потому что король обручился уже на княжнѣ бретаньской. Въ 1491 году вторично пріѣхалъ въ Москву Максимиліановъ посолъ Юрій Делаторъ съ объясненіемъ по этому дѣлу: „Какъ пошли мы впервые съ Траханіотомъ изъ Любека, говорилъ онъ, то шло насъ двадцать четыре корабля вмѣстѣ, изъ этихъ кораблей пятнадцать утонуло; нашъ корабль носился шесть недѣль безвѣстно, каждый часъ ждали мы смерти. Въ Любекъ пришла вѣсть, что корабль нашъ потонулъ, и объ этомъ дали знать Максимиліану, который былъ въ большомъ раздумьѣ: рѣчь о сватовствѣ отъ него сюда не дошла, послать въ другой, третій разъ—путь далекій и опасный, да хотя бы рѣчь и дошла, то неизвѣстно, захочетъ ли великій князь дѣло дѣлать, или не захочетъ, а время все идетъ да идетъ. Послѣ этого пришла рѣчь отъ княгини бретаньской о сватовствѣ, и начальные князья нѣмецкіе, подумавъ, сказали Максимиліану: дѣло русское миновало, а у тебя сынъ одинъ, да и тотъ, что есть, что нѣтъ— все равно, а вотъ дѣло бретаньской княгини передъ тобою: она посылаетъ къ тебѣ съ большою любовью о сватовствѣ; этого нельзя тебѣ упустить; на томъ и порѣшили. Послѣ когда Максимиліанъ узналъ, что всѣ мы живы и здоровы, то сильно тужилъ, и теперь молитъ великаго князя, чтобъ онъ на него не сердился.“ Послѣ этого Делаторъ, по смыслу договора, требовалъ помощи противъ

польскаго короля, просилъ Іоанна принять въ свое покровительство два ордена, тевтонскій и ливонскій, притѣсняемые Казимиромъ, просилъ продлить срокъ перемирія съ Ливоніею и послать знающихъ и справедливыхъ людей для прекращенія пограничныхъ споровъ между псковичами и подданными Ордена. Іоаннъ отвѣчалъ: „мы, по своей правдѣ, какъ между нами въ грамотахъ записано, хотѣли своему брату, Максиміану королю, помогать противъ его и своихъ недруговъ, противъ Казимира короля польскаго и его дѣтей, всѣми своими силами, да и сами хотѣли на коней сѣсть и дѣло дѣлать, сколько бы намъ Богъ пособилъ; но къ намъ пришли вѣсти, что на венгерскомъ королевствѣ Владиславъ, чешскій король, сынъ Казимировъ, а твой государь Максимиліанъ съ нимъ помирился и вернулся отъ венгерской земли на иныя свои дѣла; за этимъ мы теперь и остановились. А что мы обѣщали, что въ грамотахъ записано, на томъ стоимъ, хотимъ Максимиліану помогать противъ короля польскаго; и если Максимиліанъ захочетъ доставать венгерское королевство, то онъ бы другія-то свои дѣла поотставилъ, а присталъ бы къ этому своему дѣлу накрѣпко. Что ты намъ говорилъ о прусскомъ магистрѣ и ливонскомъ магистрѣ, то если они пришлютъ къ намъ своихъ людей бить челомъ, мы, посмотря по ихъ челобитью, для своего брата, Максимиліана короля, хотимъ ихъ жаловать, принять въ свое соблюденье, за нихъ стоять, и грамоту свою на то имъ дадимъ, какъ будетъ пригоже. Захочетъ ливонскій магистръ, архіепископъ и епископы съ Великимъ Новгородомъ и Псковомъ перемирья, то пусть посылаютъ туда бить челомъ нашимъ намѣстникамъ и нашимъ отчинамъ; Новгородъ держатъ отъ насъ великіе люди и на съѣздъ посылаютъ честныхъ же людей, такъ можно магистру съ ними споситься.

То же долженъ былъ сказать Максимиліану и русскій посолъ Траханіотъ, снова отправившійся въ 1492 году. Въ наказѣ ему говорится: „Узнавать, для чего Максимиліанъ помирился съ Владиславомъ, Казимировымъ сыномъ, для бретаньскаго ли дѣла или для чего другаго, прочно ли помирился, или только заключилъ перемиріе, и хочетъ ли добывать Венгрію? Какъ его дѣла съ французскимъ королемъ па счетъ Бретани, и какъ его дѣла съ другими государями? Вотчина его, австрійское княжество, все ли теперь за нимъ? можно ли ему добыть Венгрію, хотятъ ли его венгерскіе паны, которые нибудь изъ нихъ живутъ ли у него, и какъ жи-

вуть, съ вотчинами, или просто одни, города венгерскіе есть ли за нимъ? написать въ спискѣ имена пановъ венгерскихъ, которые живутъ у Максимиліана съ вотчинами и безъ вотчинъ, также имена городовъ венгерскихъ, которые за нимъ. Если бретаньское дѣло не состоялось, и станутъ опять говорить о сватовствѣ, то отвѣчать: прежде самъ Цесарь и Максимиліанъ начали было дѣло, и потомъ отъ нихъ же оно не состоялось: такъ какъ теперь этому дѣлу быть? и говорить о дѣлѣ какъ пригоже и накрѣпко. Если же бретаньское дѣло состоялось, а станутъ говорить о Максимиліановѣ сынѣ Филиппѣ, то послу говорить какъ пригоже, также говорить о саксонскомъ большомъ князѣ Фридрихѣ, заговаривать и о дочеряхъ королевскихъ и княжескихъ для князя Василія и Юрія". Траханіотъ прислалъ о дѣлахъ Максимиліановыхъ такія извѣстія, изъ которыхъ Іоаннъ могъ заключить, что союзъ съ австрійскимъ домомъ совершенно безплоденъ для Москвы. Максимиліанъ, помирившись съ Владиславомъ Казимировичемъ, королемъ чешскимъ, уступивъ ему Венгрію, и занятый дѣлами запада, не отправилъ своего посла съ Траханіотомъ по той причинѣ, что ему нечего было сказать московскому государю; вмѣсто посла пріѣхалъ отъ Максимиліана и дяди его Сигизмунда какой-то Спупсъ затѣмъ, чтобы узнать московское государство и выучиться по-русски. Іоаннъ отвѣчалъ Максимиліану учтивымъ отказомъ: „Іоаннъ, Божіею милостію государь всея Руси (слѣдуетъ титулъ) наияснѣйшему и величайшему другу и брату нашему возлюбленному здравіе, радость и честнѣйшее животованіе! Твое величество прислалъ къ намъ Михаила Спупса, и мы, для дружбы и братства съ тобою приняли его ласково и держали въ своемъ жалованьи. Онъ просилъ насъ, чтобъ мы отпустили его въ дальнія земли нашего государства, которыя лежатъ на востокѣ, на великой рѣкѣ Оби; но мы его туда не отпустили, по причинѣ большого разстоянія, дальняго пути: и наши люди, которые отправляются за данью, проходятъ туда съ большимъ трудомъ. Потомъ онъ просилъ, чтобъ мы отпустили его въ Турцію и Польшу; но мы и туда его не отпустили изъ страха, чтобъ не сдѣлалось съ нимъ тамъ бѣды, а отпустили его къ вамъ, въ нѣмецкую землю тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ".

Послѣ этого одиннадцать лѣтъ не было сношеній съ австрійскимъ дворомъ. Казимиръ умеръ; Іоаннъ безъ австрійской помощи успѣлъ заключить съ наслѣдникомъ его Александромъ выгодный миръ, по-

томъ вести удачную войну, заключить выгодное перемиріе. Только въ 1504 году явился въ Москву человѣкъ Максимиліановъ Гартингеръ съ двумя грамотами: въ одной король римскій писалъ, что если Іоаннъ нуждается въ его помощи или совѣтѣ, то пусть объявитъ ему; но цѣль посылки высказана была въ другой грамотѣ: „Наияснѣйшій и вельможный начальникъ и братъ любезнѣйшій! писалъ Максимиліанъ: такъ какъ у насъ нѣтъ бѣлыхъ кречетовъ, то очень желаемъ имѣть нѣсколько такихъ птицъ, и посылаемъ къ тебѣ кречетника нашего Гартингера съ просьбою позволить ему привезти изъ вашихъ странъ нѣсколько бѣлыхъ кречетовъ". На первую грамоту Іоаннъ отвѣчалъ, что была у него война съ Александромъ литовскимъ и съ ливонскими нѣмцами, и окончилась перемиріемъ; если начнется опять, то пусть Максимиліанъ, по договору, помогаетъ ему, а онъ, съ своей стороны, готовъ помогать Максимиліану, если тотъ опять станетъ добывать венгерское королевство; на вторую грамоту отвѣчалъ, что посылаетъ бѣлаго кречета и четырехъ красныхъ; кречетнику Гартингеру дали плохую шубу, на что онъ послѣ жаловался великому князю; своего посла Іоаннъ не отправилъ, отговорившись тѣмъ, что ему нельзя будетъ проѣхать ни чрезъ литовскую землю, ни чрезъ Ливонію, хотя въ перемирной грамотѣ съ Александромъ былъ выговоренъ путь чистый иностраннымъ посламъ въ Москву и московскимъ въ иностранныя государства. Въ 1505 году тотъ же Гартингеръ прислалъ изъ Ревеля двѣ грамоты отъ Максимиліана и сына его Филиппа съ просьбою объ освобожденіи ливонскихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ послѣднюю войну; на подписи Филипповой грамоты Іоаннъ и сынъ его Василій были названы царями. Іоаннъ отвѣчалъ: „Если магистръ, архіепископъ и епископы и вся земля ливонская отъ нашего недруга литовскаго останутъ, пришлютъ бить челомъ въ Великій Новгородъ и Псковъ къ нашимъ намѣстникамъ, и во всемъ нашимъ отчинамъ, Новгороду и Пскову исправятся, то мы тогда, для вашей братской любви, посмотря по ихъ челобитью и исправленію, дадимъ плѣннымъ свободу [219].

Это было послѣднее сношеніе съ австрійскимъ дворомъ въ княженіе Іоанново. Въ его же княженіе начались сношенія съ Венеціею: московскій посолъ Иванъ Фрязинъ, ведшій переговоры съ папою относительно брака Іоанна на Софіи Палэологъ, на дорогѣ въ Римъ былъ въ Венеціи, гдѣ сказался большимъ бояриномъ ве-

ликокняжескимъ; вниманіе венеціанскаго правительства было тогда занято опасною борьбою съ турками, противъ которыхъ ему хотѣлось возбудить татаръ; но не знали, какимъ путемъ отправить посла въ Орду. Прибытіе московскаго посла въ Венецію рѣшило недоумѣніе, и вотъ дожъ осыпалъ Фрязина почестями и дарами съ тѣмъ, чтобы тотъ взялъ съ собою въ Москву венеціанскаго посла и доставилъ ему средства проѣхать безопасно къ хану. Фрязинъ обѣщался устроить дѣло, взялъ съ собою посла именемъ Тревизана, но, пріѣхавъ въ Москву, не сказалъ великому князю ни слова о цѣли его пріѣзда, назвалъ его своимъ племянникомъ, съ тѣмъ чтобъ тайно отправить его въ орду. Дѣло однако открылось: Іоаннъ велѣлъ заключить въ тюрьму и Фрязина и Тревизана, и въ Венецію отправилъ брата Иванова, Антона Фрязина, сказать дожу: „За чѣмъ это ты такъ сдѣлалъ, съ меня честь снялъ? Тайно черезъ мою землю шлешь посла, мнѣ не сказавши?“ Антонъ Фрязинъ возвратился съ извиненіями отъ дожа и съ просьбою выпустить Тревизана, и отправить его въ орду, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, за что будетъ заплачено венеціанскимъ правительствомъ. Іоаннъ исполнилъ просьбу и отправилъ въ Венецію посла Толбузина для вызова мастеровъ [220], съ тою же цѣлію были отправляемы и послѣ посольства въ Венецію въ 1493 и 1499 годахъ.

ГЛАВА V.

Смерть и завѣщаніе Іоанна III.—Договоръ сыновей Іоанновыхъ при жизни отца.—Титулъ Іоанна III-го.—Форма обращеній вельможъ и служилыхъ людей къ великому князю.—Печати.—Казна великокняжеская. Богатство удѣльныхъ князей.—Доходы великокняжескіе.—Образъ жизни великаго князя.—Сравнительное положеніе великихъ князей московскаго и литовскаго.—Князья и бояре въ Москвѣ.—Крестоцѣловальныя записи.—Новые придворные чины.—Дворъ великой княгини.—Богатство князей—бояръ.—Кормленія.—Помѣстья.—Войско въ сѣверовосточной и югозападной Россіи.—Приказы.—Города югозападной Россіи.—Магдебургское право.—Внѣшній видъ русскаго города.—Пожары.—Сельское народонаселеніе.—Юрьевъ день.—Сельское народонаселеніе въ литовскихъ владѣніяхъ.—Бѣдствія.—Торговля.—Искусства.—Почты.—Церковь.—Ересь жидовская.—Іосифъ волоцкій.—Мѣры къ улучшенію нравственности духовенства.—Заботы о грамотности.—Богорадное житіе въ монастыряхъ.—Поученія.—Матеріальное состояніе духовенства.—Вопросъ: слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными имѣніями? Связь русской церкви съ восточною.—Состояніе православнаго духовенства въ литовскихъ владѣніяхъ.—Судебникъ Іоанна III и судебникъ Казиміра литовскаго.—Народное право.—Общественная нравственность.—Литература.

---

27 октября 1505 года умеръ Іоаннъ III, на 67 году отъ рожденія, на 44-мъ княженія, переживъ вторую супругу, знаменитую Софью, только двумя годами и нѣсколькими мѣсяцами [221]. Въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ, подобно предшественникамъ, подѣлилъ волости между пятью сыновьями: Василіемъ, Юріемъ, Димитріемъ, Семеномъ и Андреемъ; но старшему Василію дано 66 городовъ и въ томъ числѣ самые значительные: Москва, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Владиміръ, Коломна, Переяславль, Ростовъ, Нижній, Суздаль, Муромъ, кромѣ того волости князя Мезецкаго, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Бѣлевскихъ, Щетинина, Заозерье, Заволочье, Югра, Печера, Пермь Великая, князья Мордовскіе, вся вятская земля съ Арскими князьями, жалованная вотчина князя Бѣльскаго (Лухъ и проч.), Корельская земля съ Лопью, лѣшею (лѣсною) и дикою, Поонѣжье

и Двинская земля; тогда какъ всѣмъ остальнымъ четверымъ сыновьямъ вмѣстѣ дано менѣе половины городовъ, именно только 30 [222]. Касательно отношеній старшаго брата къ младшимъ повторяется обычное выраженіе: „Приказываю дѣтей своихъ меньшихъ, Юрія съ братьею, сыну своему Василію, а ихъ брату старшему: „вы, дѣти мои—Юрій, Димитрій, Семенъ и Андрей, держите моего сына Василья, а своего брата старшаго вмѣсто меня, своего отца, и слушайте его во всемъ: а ты сынъ мой Василій держи своихъ братьевъ младшихъ въ чести, безъ обиды". Но касательно опредѣленія отношеній по владѣніямъ находимъ перемѣны противъ распоряженій прежнихъ князей: Василій Темный благословилъ старшаго сына только третью въ Москвѣ; Іоаннъ благословляетъ старшаго сына двумя третями: „Сынъ мой Василій держитъ на Москвѣ большаго своего намѣстника по старинѣ и какъ было при мнѣ, а другого своего намѣстника держитъ на Москвѣ на трети князя Владиміра Андреевича, которая была за братьями моими, Юріемъ и Андреемъ"; но и въ остальной трети, которую прежніе удѣльные князья вѣдали по годамъ, теперь старшій братъ получилъ также часть: „Благословляю сына своего Василія и дѣтей своихъ меньшихъ—Юрія, Димитрія, Семена, Андрея въ Москвѣ годомъ князя Константина Дмитріевича, что былъ данъ брату моему Юрію, да годомъ князя Петра Дмитріевича, что былъ данъ брату моему Андрею Меньшому, да годомъ князя Михаила Андреевича: держитъ сынъ мой Василій и мои дѣти меньшіе на тѣхъ годахъ своихъ намѣстниковъ, перемѣняя пять лѣтъ, по годамъ; а что данъ былъ брату моему Борису въ Москвѣ годъ князя Ивана Андреевича, и тотъ годъ приходилось брата моего Бориса дѣтямъ держать на шестой годъ вмѣстѣ; но племянникъ мой Иванъ Борисовичъ отдалъ свои полгода мнѣ, а я отдаю ихъ сыну своему Василію, пусть онъ держитъ шестой годъ вмѣстѣ съ племянникомъ моимъ Ѳедоромъ Борисовичемъ". Такъ распорядился завѣщатель относительно судныхъ пошлинъ московскихъ; относительно же тамги и другихъ пошлинъ старшій братъ обязанъ былъ изъ нихъ давать младшимъ только по сту рублей каждому. Потомъ видимъ ограниченіе правъ удѣльныхъ князей въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ: „Сынъ мой Юрій съ братьями по своимъ удѣламъ въ московской землѣ и въ тверской денегъ дѣлать не велятъ; деньги велитъ дѣлать сынъ мой Василій въ Москвѣ и Твери, какъ было

при мнѣ. Откупъ знаетъ сынъ мой Василій, въ откупъ у него мои дѣти Юрій съ братьями не вступаются [223]. Что я далъ дѣтямъ своимъ сельца у Москвы съ дворами городскими на посадахъ; и дѣти мои на тѣхъ дворахъ торговъ не держатъ, житомъ не велятъ торговать, лавокъ не ставятъ, купцовъ съ товаромъ иноземныхъ, изъ московской земли и изъ своихъ удѣловъ, на этихъ дворахъ не велятъ ставить: ставятся купцы съ товаромъ на гостиныхъ дворахъ, какъ было при мнѣ, и меньшіе дѣти мои въ тѣ дворы гостиные и въ тѣ пошлины не вступаются. Если въ сельцахъ дѣтей моихъ меньшихъ и на ихъ дворахъ городскихъ кто станетъ торговать съѣстнымъ товаромъ; то сынъ мой Василій этихъ торговъ не велитъ сводить, но прикащикъ его беретъ съ нихъ полавочную пошлину. Если случится душегубство въ сельцахъ и городскихъ дворахъ меньшихъ сыновей моихъ, то судитъ большой намѣстникъ сына моего Василія; судъ и дань надъ селами въ станахъ московскихъ принадлежатъ меньшимъ сыновьямъ моимъ, которые ими владѣютъ, но душегубствомъ и поличнымъ эти села тянутъ къ Москвѣ, кромѣ поличнаго, которое случится между ихъ крестьянами; въ такомъ случаѣ судятъ ихъ прикащики, но докладываютъ большаго намѣстника московскаго. Грамоты полныя и докладныя пишетъ только ямской дьякъ сына моего Василія. Города и волости, доставшіеся въ удѣлы меньшимъ сыновьямъ моимъ, но прежде тянувшіе душегубствомъ къ городу Москвѣ, и теперь тянутъ туда же по старинѣ". Въ ордынскіе выходы: въ Крымъ, Казань, Астрахань, царевичевъ городокъ (Касимовъ), для другихъ царей и царевичей, которые будутъ въ московской землѣ, на пословъ татарскихъ назначена тысяча рублей въ годъ: изъ этой суммы 717 рублей платитъ великій князь, остальное доплачиваютъ удѣльные. Іоаннъ III въ своей духовной окончательно рѣшаетъ вопросъ о выморочныхъ удѣлахъ: „Если кто-нибудь изъ сыновей моихъ умретъ, не оставивъ ни сына, ни внука, то удѣлъ его весь къ московской землѣ и тверской сыну моему Василію: меньшіе братья у него въ этотъ удѣлъ не вступаются; если же останутся у покойнаго дочери, то сынъ мой Василій, надѣливъ, выдаетъ ихъ замужъ, а что покойный дастъ своей женѣ—волости, села и казну, въ это сынъ мой Василій не вступается до ея смерти".

Новый порядокъ престолонаслѣдія, по которому дядья должны были отказываться отъ правъ на старшинство въ пользу племян-

никовъ отъ старшаго брата, былъ подтвержденъ тѣмъ, что Іоаннъ, еще при жизни своей, велѣлъ старшему сыну Василію заключить договоръ съ слѣдующимъ за нимъ братомъ, Юріемъ [224], по этому договору послѣдній обязался держать великаго князя господиномъ и братомъ старшимъ, держать честно и грозно безъ обиды; здѣсь выраженіе: держать господиномъ, употреблено въ первый разъ; въ первый разъ въ договорѣ между родными братьями младшій обязывается держать княженіе старшаго честно и грозно. Относительно главнаго условія Василій говоритъ Юрію: „Придетъ воля Божія, возьметъ Богъ меня великаго князя, и останутся послѣ меня дѣти, то сына моего, котораго я благословлю великими княжествами, тебѣ держать въ мое мѣсто своего господина и брата старшаго, великихъ княжествъ подъ нимъ, подъ моею великою княгинею и подъ нашими дѣтьми блюсти и не обидѣть, ни вступаться, ни подыскиваться никакимъ способомъ“. Любопытно, что здѣсь отецъ выговариваетъ себѣ право благословлять великими княжествами сына, котораго хочетъ, не упоминая ни слова о старшинствѣ; это право, какъ мы видѣли, было ясно высказано Іоанномъ III въ отвѣтѣ его Псковичамъ: „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому и дамъ княжество“. Хотя въ княженіе Іоанна III нѣкоторые слабые удѣльные князья, какъ напримѣръ Михаилъ Андреевичъ Верейскій и сынъ Бориса Васильевича Волоцкаго, и рѣшились въ духовныхъ грамотахъ своихъ назвать великаго князя государемъ, однако самъ Іоаннъ не рѣшился еще заставить младшаго сына Юрія назвать государемъ старшаго брата Василія: такъ еще сильны были понятія о родовомъ равенствѣ между князьями! и хотя на дѣлѣ это равенство уже исчезло, но на словахъ трудно было еще выразить это исчезновеніе; отца своего князь Юрій называетъ государемъ, но старшаго брата назвать такъ не хочетъ, хотя и повторяетъ старинное родовое выраженіе, что старшій братъ ему вмѣсто отца.

Въ грамотахъ Іоанна Калиты, сколько намъ извѣстно, впервые встрѣчаемъ названіе великаго князя всея Руси. Но это названіе не употреблялось въ сношеніяхъ съ литовскимъ дворомъ до временъ Іоанна III, который послѣ смерти Казимира впервые употребилъ въ сношеніяхъ съ Александромъ литовскимъ выраженіе: „Іоаннъ (вмѣсто прежняго Иванъ), Божіею милостію государь всея Руси и великій князь владимірскій и московскій и новгород-

скій и псковскій и тверской и югорскій и пермскій и болгарскій и иныхъ". Противъ титула отца своего Іоаннъ прибавилъ названіе великаго князя владимірскаго, псковскаго, тверскаго, вятскаго и болгарскаго, выключивъ названіе ростовскаго. Въ сношеніяхъ съ Ливоніею и мелкими владѣніями нѣмецкими Іоаннъ принимаетъ названіе царя всея Руси [225]; потомъ на подписи грамоты эрцгерцога Филиппа, сына Максимиліанова, Іоаннъ и сынъ его Василій названы царями Владиміра, Москвы и проч. [226]; то же названіе видимъ и въ спискѣ рѣчей посла Гартингера; въ грамотѣ датскаго короля Іоаннъ названъ императоромъ; въ грамотахъ къ крымскому жиду Захаріи Іоаннъ называетъ себя царемъ всея Руси, также великимъ государемъ руской земли [227]. Митрополитъ въ рѣчи своей во время вѣнчанія внука Димитрія, называетъ Іоанна царемъ и самодержцемъ; лѣтописецъ говоритъ, что Іоаннъ благословилъ сына своего Василія самодержцемъ всея Руси. Царемъ и самодержцемъ называетъ Іоанна митрополитъ Симонъ въ посланіи къ пермичамъ. Бояре и другіе служилые люди въ отпискахъ своихъ къ великому князю употребляли такое обращеніе: „Государю Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси холопъ твой такой-то челомъ бьетъ". Знатнѣйшіе люди называются въ этихъ отпискахъ обыкновенными именами, другіе уменьшительными; встрѣчаемъ—Алексѣецъ, Ѳеодорецъ, Васюкъ, но не Алешка, Ѳедька, Васька, какъ послѣ. Любопытно, что служилые люди изъ грековъ употребляютъ болѣе распространенныя обращенія въ отпискахъ къ великому князю; такъ Дмитрій Ларевъ Палэологъ пишетъ: „Наяснѣйшему и вышнѣйшему господу, господу Ивану Васильевичу, царю всея Руси и Великому князю" (слѣдуетъ титулъ) [228].

Къ договорной грамотѣ тверского князя Михаила Борисовича съ Іоанномъ III-мъ, заключенной въ началѣ княженія послѣдняго, привѣшены печати: на печати великаго князя московскаго на одной сторонѣ изображеніе льва, раздирающаго змѣю, на другой изображеніе двухъ людей: одинъ съ крыльями держитъ вѣнокъ, другой, безъ крыльевъ, держитъ поднятый къ верху мечъ; на печати же тверского князя изображенъ всадникъ, скачущій съ поднятымъ къ верху мечемъ и попирающій дракона, что является здѣсь впервые. Къ другимъ грамотамъ Іоанна III до 1497 года привѣшены печати съ разными изображеніями, между которыми пять изображенія всадника, попирающаго дракона; къ мѣновой грамотѣ Іоанна съ

племянниками, сыновьями Бориса Васильевича Волоцкаго, написанной въ 1497 году, привѣшена большая печать, на которой съ одной стороны впервые видимъ изображеніе двуглаваго коронованнаго орла съ распростертыми крыльями и когтями, а на другой изображеніе всадника, попирающаго дракона и копьемъ прободающаго ему горло; подпись вокругъ: „Іоаннъ, Божіею милостію господарь всея Руси и великій князь владимірскій и московскій и новгородскій и псковскій и тверской и угорскій и вятскій и пермскій и болгарскій.“—Мы видѣли, что Іоаннъ первый ввелъ обрядъ царскаго вѣнчанія, совершеннаго имъ надъ внукомъ Димитріемъ.

Если выходы въ Большую Орду начали уменьшаться и даже совсѣмъ прекращаться еще въ княженіе Василія Дмитріевича и Василія Темнаго, то усобицы въ княженіе послѣдняго и тяжкій окупъ казанскій должны были истощать казну великокняжескую. Въ другихъ обстоятельствахъ находился Іоаннъ Ш. Нельзя думать, чтобы во время мирныхъ сношеній съ Ахматомъ онъ посылалъ ему значительные выходы, ибо въ противномъ случаѣ хану не для чего было бы находиться въ почти постоянно враждебныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ; расходы на Крымъ, Казань, Астрахань, на содержаніе служилыхъ царевичей татарскихъ, оцѣненные въ 1000 рублей, не могли равняться съ прежними выходами въ пять и семь тысячъ; при этомъ сомнительно, что вся эта тысяча выходила на татарскія издержки, и еслибъ даже выходила, то не должно забывать, какія обширныя земельныя пріобрѣтенія сдѣланы были при Іоаннѣ III-мъ. Такимъ образомъ въ княженіе послѣдняго главные расходы прежняго времени, расходы ордынскіе уменьшились, а доходы, вслѣдствіе пріобрѣтенія обширныхъ и богатыхъ областей, увеличились не въ мѣру противъ прежняго. Отсюда понятно, что Іоаннъ располагалъ большими денежными средствами, что казна его была велика, особенно при умѣньѣ взять семьсотъ вмѣсто семидесяти, при расчетливости, которая заставляла при выдачѣ барановъ посламъ требовать отъ нихъ шкуры назадъ [229]. Іоаннъ въ духовной своей отказываетъ каждому изъ четырехъ младшихъ сыновей ларцы съ казною, съ какою—неизвѣстно, при чемъ говоритъ: „А кромѣ того, что ни есть моей казны у казначея моего и дьяковъ, лаловъ, яхонтовъ, другихъ каменьевъ, жемчугу, саженья всякаго, поясовъ, цѣпей золотыхъ, сосудовъ золотыхъ, серебряныхъ и каменныхъ, золота, серебра, соболей и шелковой рухляди; также что ни есть въ

моей казнѣ постельной, иконъ, крестовъ золотыхъ, золота и серебра, платья и другой рухляди, что ни есть у моего дворецкаго и у дьяковъ дворцовыхъ моихъ сосудовъ серебряныхъ, денегъ и иной рухляди; что ни есть у моего конюшаго, ясельничихъ, дьяковъ, приказчиковъ моихъ денегъ и рухляди; что ни есть у моего дворецкаго тверского и дьяковъ тверскихъ и приказчиковъ, въ Новгородѣ великомъ, у дворецкаго, казначеевъ, у дьяковъ и приказчиковъ моихъ денегъ и рухляди; да на Бѣлѣозерѣ и па Вологдѣ моя казна и гдѣ ни есть моихъ казенъ: то все сыну моему Василію." Дорогіе каменья, жемчугъ, золото, серебро и вещи изъ этихъ металловъ сдѣланныя считались предметами преимущественно и почти исключительно заслуживающими пріобрѣтенія. Узнавши, что жена Менгли-Гиреева достала дорогую Тохтамышеву жемчужину, Іоаннъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не получилъ ее отъ ханши; отправляя посломъ въ Крымъ боярина Семена Борисовича, великій князь наказалъ ему: „Никакъ не забудь сказать отъ меня Хозѣ-Асану, что если будутъ у него лалы, яхонты дорогіе и жемчугъ добрый, то чтобъ непремѣнно пріѣхалъ ко мнѣ самъ и привезъ ихъ съ собою." Знаемъ также, что для Іоанна покупались ковры на востокѣ [230].

Изъ духовныхъ грамотъ удѣльныхъ князей узнаемъ также, въ чемъ состояло княжеское богатство: оно состояло въ вѣнцахъ царскихъ, челкахъ, ожерельяхъ, украшенныхъ дорогими каменьями и жемчугомъ, сорочкахъ изукрашенныхъ, перстняхъ, жиковинахъ [231], крестахъ, иконахъ, постеляхъ шитыхъ шелками по камкѣ, взголовьяхъ, подушкахъ, шитыхъ золотомъ, ларцахъ—красныхъ, желтыхъ, дубовыхъ, золотыхъ, украшенныхъ костяною работою, колпакахъ, пуговицахъ, серьгахъ, монистахъ, обручахъ, напалкахъ (наперсткахъ), мускусницахъ (гдѣ хранился мускусъ), шубахъ, кожухахъ, опашняхъ, лѣтникахъ, кортеляхъ, каптурахъ, накапкахъ, вошвахъ, поясахъ, кружевахъ, одѣялахъ, гривахъ, спорkахъ съ разнаго платья, подкладкахъ (подволокахъ) изъ-подъ него же, сосудахъ разнаго рода—мисахъ, уксусницахъ, перешницахъ, солонкахъ, чаркахъ, ложкахъ, ковшахъ, кубкахъ, рогахъ, достоканахъ, мамаяхъ, сковородахъ серебряныхъ [232]. Но если богатство великаго князя сильно увеличилось по извѣстнымъ причинамъ, то не было причинъ, по которымъ должно было увеличиваться богатство князей удѣльныхъ; изъ ихъ духовныхъ видимъ, что всѣ они оста-

вили послѣ себя долги: князь Юрій Васильевичъ оставилъ 752 рубля долгу, самая значительная часть котораго была занята подъ залогъ разныхъ движимыхъ вещей; занималъ онъ у частныхъ лицъ и у монастырей. Гораздо больше долгу оставилъ князь Андрей Васильевичъ меньшой, задолжавшій одному великому князю 30.000 рублей за ордынскіе выходы, кромѣ долговъ частнымъ людямъ; князь Михаилъ верейскій оставилъ долгу 267 рублей [233]. Впрочемъ должно замѣтить, что князь Юрій и князь Андрей меньшой Васильевичи были бездѣтные, у Михаила верейскаго сынъ былъ въ изгнаніи, а дочери мимо великаго князя не смѣлъ онъ отказать своей отчины: вотъ почему у нихъ не было побужденій жить бережно; князь Андрей напримѣръ проживалъ всѣ свои доходы и не платилъ старшему брату выходовъ въ зачетъ своего удѣла, который долженъ былъ достаться послѣднему; князь Борисъ Васильевичъ, оставляя отчину сыновьямъ, долгу не оставилъ; но сынъ его, умирая бездѣтнымъ и завѣщая вотчину великому князю, оставилъ долгу болѣе 600 рублей [234].

Относительно взиманія дани мы знаемъ, что Іоаннъ бралъ со всѣхъ волостей новгородскихъ по полугривнѣ съ сохи со всякаго, кто пашетъ землю, и съ ключниковъ, со старостъ, и съ одерноватыхъ [235]; въ 1491 году Тверская земля была описана по-московски въ сохи. Отъ времени Іоанна III дошла до насъ древнѣйшая переписная окладная книга именно Вотской пятины новгородской области, имѣющая такое заглавіе: „Книги Воцкіе пятины писма Дмитрея Васильевича Китаева да Никиты Губы Семенова сына Моклокова лѣта семь тысячъ осмаго (1499—1500). А въ нихъ писаны пригороды и волости и ряды и погосты и села и деревни великаго князя и за бояры и за детми боярскими и за служылыми людми за помѣстщыки и своеземцовы и купецкіе деревни и владычни и монастырскіе деревни и сохи по новгородцкому. А въ сохѣ по три обжи. А на пригороды, на посады и на великаго князя волости и на села и на деревни кладено великаго князя оброка рубли и полтинами и гривнами и денгами новгородскими въ новгородцкое число".—За этимъ заглавіемъ слѣдуетъ названіе уѣзда, и потомъ начинается описаніе погостовъ. Въ каждомъ погостѣ описывается прежде всего церковь погоста, вмѣстѣ со дворами священно-и-церковнослужителей ея и съ ея землею, или замѣчается, въ какой мѣстности находится церковь погоста и гдѣ

описана. Потомъ описываются оброчныя волости, села и деревни великаго князя, которыя во время составленія писцовой книги не были ни за кѣмъ въ помѣстьѣ. Въ началѣ описанія каждаго селенія или каждой группы селеній замѣчается, чьи были прежде эти селенія; если прежде они были уже за кѣмъ въ помѣстьѣ, то объ этомъ также замѣчается. Далѣе описываются волости, села и деревни великаго князя, бывшія во время составленія описанія за разными лицами въ помѣстьѣ, причемъ замѣчается, чьи онѣ были прежде. Земли каждаго помѣщика составляютъ въ описаніи особую группу. Если у какого-нибудь помѣщика есть земли еще въ другомъ погостѣ, то объ этомъ замѣчается. Затѣмъ описываются земли: 1) своеземцевъ и купцовъ; 2) владыки новгородскаго; 3) монастырскія и церковныя; 4) къ описанію земель церковныхъ присоединяется и описаніе земель, составляющихъ непосредственную собственность священно-и-церковно-служителей. Замѣчается, въ какихъ другихъ погостахъ Воцкой пятины есть еще земли владычни, или земли того же монастыря и церкви. При описаніи каждаго селенія означается названіе его (погостъ, село, сельцо, деревня), собственное его имя, дворы, въ немъ находящіеся, съ поименованіемъ хозяевъ, количество коробей высѣваемаго жителями хлѣба и количество скашиваемыхъ копенъ сѣна, а затѣмъ число обжъ, въ которое положена пахатная земля, доходъ въ пользу землевладѣльца, старый и новый, а равно въ пользу посельскаго или ключника, иногда кормъ, слѣдующій намѣстнику, наконецъ угодья, существующія при селеніи. Если жители селенія занимаются не хлѣбопашествомъ, а другимъ промысломъ, то описаніе сообразно этому измѣняется. По описаніи извѣстной группы селеній, образующихъ одно цѣлое, приводится итогъ, въ которомъ показывается: сколько во всей этой группѣ по старому письму было селеній, дворовъ, людей, обжъ, сохъ, и какой по старому письму шелъ доходъ въ пользу землевладѣльца, а равно посельскаго или ключника; сколько въ сравненіи съ старымъ письмомъ прибыло или убыло по новому письму деревень, дворовъ, людей, обжъ; сколько именно по новому письму значится селеній различнаго наименованія, дворовъ, людей, обжъ и сохъ; какой будетъ идти новый доходъ, и по какимъ статьямъ и въ какомъ количествѣ онъ увеличился или уменьшился въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; какія наконецъ есть угодья. Подобный итогъ приводится и по

описаніи одного селенія, если оно само по себѣ составляетъ особенное цѣлое. Но по описаніи всѣхъ земель извѣстнаго отдѣла, т. е. великокняжескихъ, или монастырскихъ и церковныхъ, не приводится общаго итога за каждый такой отдѣлъ; равно не приводится общаго итога по цѣлому погосту и по цѣлому уѣзду [236].

Соха измѣнялась по соображенію съ различными условіями: въ краяхъ, гдѣ земледѣліе составляло главный промыслъ жителей, объемъ сохъ расширялся; въ краяхъ ремесленныхъ или торговыхъ сокращался; потомъ соха соразмѣрялась съ качествомъ почвы: въ этомъ отношеніи земли обыкновенно дѣлились на добрыя, среднія и худыя; если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней 1000, а худой 1200 четвертей. Относительно посадскихъ и слободскихъ тяглыхъ земель сохи измѣрялись не четвертями, а дворами; и здѣсь въ одномъ мѣстѣ въ соху шло столько-то дворовъ, а въ другомъ болѣе или менѣе; здѣсь принималось также въ разсчетъ различіе средствъ владѣльцевъ дворовъ, почему сохи раздѣлялись на сохи лучшихъ торговыхъ людей, на сохи среднихъ людей (гдѣ число дворовъ увеличивалось вдвое противъ торговыхъ), и на сохи младшихъ людей (гдѣ число дворовъ было вчетверо больше противъ числа дворовъ въ сохѣ лучшихъ людей). Изъ пошлинъ въ Іоанново время встрѣчаются названія: помѣрное, роговое, искунное, вѣнцы новоженные, скатертная пошлина [237]. Отъ того же времени дошелъ до насъ уставъ откупщикамъ тамги и пятна на Бѣлѣозерѣ. Если городской человѣкъ Бѣлозерецъ, или житель подгородныхъ мѣстъ (окологородецъ), или житель какой-нибудь изъ волостей бѣлозерскихъ привезетъ товаръ свой, то таможенники берутъ со всякаго товара по полуденьгѣ съ рубля, да по полуденьгѣ съ саней за церковную пошлину, что берутъ въ Москвѣ. Если Бѣлозерецъ городской человѣкъ купитъ себѣ въ лавку медъ, икру, рыбу, то брать у него съ рубля по полуденьгѣ порядваго; если же онъ купитъ себѣ въ лавку мѣхъ или рогозину или пошевъ соли, или бочку, кадь рыбы, или бочку сельдей, то со всего этого поодиначкѣ (съ одного) брать по полуденьгѣ съ стяга; по стольку же брать съ живой коровы, съ десяти полотей, съ двадцати гусей, съ тридцати поросятъ, съ тридцати утятъ, съ десяти барановъ, съ тридцати сыровъ, съ двадцати зайцевъ. Здѣсь любопытно также, что упоминаются зайцы, которыхъ слѣдовательно употребляли въ пищу въ XV-мъ вѣкѣ. Со льну,

луку, чесноку, орѣховъ, яблоковъ, маку, золы, дегтю брать по деньгѣ съ воза. Съ вывозной изъ Бѣлаозера бочки или кади рыбы, мѣха или рогожи или пошева соли—брать со всякой по полуденьгѣ. Съ служилаго человѣка, идущаго безъ товара, пошлины не брать; если же служилый человѣкъ станетъ торговать, то брать съ него тамгу и всѣ пошлины какъ и съ торговаго человѣка. Кто покупаетъ человѣка въ полное холопство (въ полницу), тотъ даетъ по алтыну съ головы намѣстнику, да по алтыну съ головы дьяку, который пишетъ полныя грамоты, да по стольку же таможенникамъ. Кто купитъ лошадь въ рубль или меньше рубля, у того брать отъ пятна по деньгѣ съ лошади, столько же брать и у того, кто продастъ. Всѣ торговцы какъ Бѣлозерцы, такъ и Москвичи, Тверичи и Новгородцы должны показывать свой товаръ таможенникамъ, не складывая съ воза или съ судна; если же кто сложитъ товаръ прежде явки таможенникамъ, тотъ протамжилъ, товаръ ему назадъ, и если этотъ товаръ будетъ стоить два рубля или больше, то взять съ него протамги два рубля—рубль намѣстнику, да рубль таможенникамъ; если товаръ стоитъ рубль, то брать тридцать алтынъ безъ гривны; если товаръ стоитъ больше одного рубля, но меньше двухъ, или меньше одного рубля, то брать по разсчету. Если кто купитъ лошадь безъ явки, то брать съ него пропятенья два рубля—рубль намѣстнику, и рубль пятенщикамъ. Если Бѣлозерецъ городской человѣкъ купитъ что или продастъ въ своемъ городѣ, то съ того тамги не брать; если же продастъ или купитъ судно, то брать по полуденьгѣ съ рубля. Съ москвича, тверича, новгородца, жителя удѣловъ московскихъ брать тамгу по старинѣ, съ рубля по алтыну, да съ саней по полуденьгѣ за церковную пошлину и за гостинное. Придетъ кто съ товаромъ на суднѣ изъ московской, тверской или новгородской земли, то сколько у нихъ будетъ людей на суднѣ, брать со всѣхъ по деньгѣ съ головы. Кто прiѣдетъ изъ московской, тверской или новгородской земли, также изъ монастырей этихъ земель, равно какъ изъ Бѣлозерскихъ монастырей,—всѣмъ имъ торговать всякимъ товаромъ и житомъ въ городѣ на Бѣлѣ-озерѣ, а за озеро не ѣздить; по монастырямъ и по волостямъ не торговать, кромѣ одной бѣлозерской волости—Углы: здѣсь быть торгу по старинѣ, а тамгу брать, какъ берутъ на Бѣлѣозерѣ. Кто ослушается этого запрета, съ тѣхъ брать съ купца два рубля, да съ

продавца два рубля, товаръ описывать на великаго князя, самихъ виновныхъ отдавать на поруки и ставить передъ великимъ княземъ; городскимъ же людямъ Бѣлозерцамъ и посадскимъ за озеро ѣздить торговать по старинѣ.—По свидѣтельству Іосафата Барбаро, при Іоаннѣ III-мъ право варить медъ и пиво, употреблять хмѣль сдѣлалось исключительной собственностію казны [238].

Въ образѣ жизни Іоанна мы не видимъ большихъ перемѣнъ противъ образа жизни его предшественниковъ. Мы видѣли, что самъ онъ имѣлъ два имени, оба взятыя изъ греческихъ святцевъ—Іоаннъ Тимоѳей: Тимоѳеемъ онъ названъ былъ въ честь Апостола Тимоѳея, котораго память празднуется 22 января, день рожденія Іоанна, послѣднее же имя онъ получилъ на шестой день, когда празднуется перенесеніе мощей св. Іоанна Златоустаго [239]. Сынъ его, родившійся 25 марта, въ день Благовѣщенія, получилъ имя Гавріила, котораго память празднуется на другой день; но потомъ получилъ имя Василія, подъ которымъ и извѣстенъ въ исторіи; онъ былъ крещенъ черезъ 10 дней архіепископомъ ростовскимъ Вассіаномъ и троицкимъ игуменомъ Паисіемъ въ Троицкомъ монастырѣ; потомъ Паисій крестилъ второго сына Іоаннова, Георгія. Въ княженіе Іоанна III при утвержденіи единовластія должно было оказаться большое затрудненіе относительно княжескихъ браковъ; самъ Іоаннъ въ первый разъ былъ женатъ на княжнѣ тверской, но при немъ же Тверь пала и князья ея пошли въ изгнаніе; оставались князья рязанскіе зависимые на дѣлѣ, равные по праву князьямъ московскимъ, но они находились уже въ такомъ близкомъ родствѣ съ послѣдними, которое не допускало новыхъ браковъ. Такимъ образомъ великій князь долженъ былъ заботиться о пріисканіи невѣстъ сыновьямъ и жениховъ дочерямъ среди иностранныхъ владѣтельныхъ домовъ; но здѣсь, какъ справедливо замѣтила отцу королева Елена, главное затрудненіе состояло въ иновѣріи. Относительно своего втораго брака и брака старшаго сына Іоанна великій князь успѣлъ избѣжать этого затрудненія, женившись самъ на царевнѣ греческой и женивъ сына на дочери православнаго воеводы молдавскаго; но мы знаемъ, какія слѣдствія имѣлъ бракъ старшей дочери Іоанновой Елены, долженствовавшей оставаться православною въ Литвѣ и Польшѣ; понятно, почему Іоаннъ старался отыскать въ Венгріи семейство владѣтельныхъ князей сербскихъ, православныхъ; старанія его на этотъ счетъ остались без-

успѣшны, равно какъ исканіе жениховъ и невѣстъ въ Даніи, въ Германіи; онъ принужденъ былъ уже въ послѣдній годъ жизни женить старшаго двадцатипятилѣтняго сына Василія на Соломонидѣ Сабуровой, выбранной изъ 1500 дѣвицъ, представленныхъ для этого ко двору [240]; отецъ Соломониды, Юрій, потомокъ ордынскаго выходца Мурзы Чета, не былъ даже бояриномъ; но еще прежде великій князь выдалъ вторую дочь свою Ѳеодосію за боярина, князя Василія Даниловича Холмскаго [241]; понятно, какъ непріятно было Іоанну выдавать дочь за одного изъ служилыхъ князей—бояръ, которые уже назывались холопами великокняжескими. Неуспѣхъ Іоанна въ исканіи невѣсты для сына среди княженъ иностранныхъ имѣлъ важное слѣдствіе: иностранная княжна на престолѣ московскомъ необходимо сближала бы и мужа и подданныхъ съ прежнимъ отечествомъ своимъ и вообще съ западною Европою, содѣйствовала бы сильнѣйшему усвоенію плодовъ цивилизаціи, введенію новыхъ обычаевъ, и какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, имѣла бы болѣе значенія, болѣе вліянія, по самому высокому происхожденію своему. Значеніе Софіи Витовтовны и Софіи Палэологъ, кромѣ личнаго характера ихъ, много объясняется ихъ происхожденіемъ; Софія Палэологъ принимала иностранныхъ пословъ; послѣ нея, при великихъ княгиняхъ и царицахъ изъ подданныхъ, этого обычая не видимъ. Воспитанная въ теремѣ дочь московскаго боярина или менѣе значительнаго служилаго человѣка переносила и во дворецъ свою теремную жизнь: великій князь, какъ великій князь, оставался одинокъ на своемъ престолѣ.

Въ отвѣтѣ посламъ императорскимъ Іоаннъ объявилъ, что въ Русской землѣ нѣтъ обычая показывать дочерей женихамъ или сватамъ прежде окончательнаго рѣшенія дѣла. Тѣмъ же посламъ онъ отказался объявить о приданомъ своихъ дочерей, отозвавшись, что не прилично великимъ государямъ вести объ этомъ переговоры; но прежде приказывалъ своему послу развѣдать, на сколько тысячъ золотыхъ манкупскій князь давалъ приданаго за дочерью, которую предлагалъ въ невѣсты князю Іоанну Іоанновичу [242]. При описаніи свадьбы дочери великокняжеской Ѳеодосіи, выходившей за князя Холмскаго, говорится о тысяцкомъ, дружкѣ, дружкѣ поддатномъ, о двухъ лицахъ, державшихъ коверъ княжой, о конюшемъ, при которомъ находились 15 человѣкъ дѣтей боярскихъ, о поѣзжанахъ жениховыхъ, о священникѣ со крестомъ при постели, о

лицахъ находившихся у саней великой княгини Софіи, съ которою вмѣстѣ ѣхала и невѣстка, великая княгиня Елена, о свѣщникахъ, коровайникахъ, фонарникахъ и проч.

Изъ иностранныхъ источниковъ узнаемъ, что въ слѣдствіе извѣстныхъ измѣненій въ отношеніяхъ великаго князя къ дружинѣ и вообще къ подданнымъ, измѣнилось и обращеніе его съ ними.—Венеціанскій посолъ Контарини говоритъ, что Іоаннъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать разныя области своихъ владѣній и въ особенности посѣщать одного татарина, котораго содержалъ на жалованьи на татарской границѣ для ея охраненія [243].

Въ то время какъ Русь сѣверовосточная, государство московское увеличивалось областями, соединеніе которыхъ было прочно по единоплеменности и единовѣрію народонаселенія, на западѣ, по недостатку нравственныхъ и физическихъ силъ къ сопротивленію на востокѣ,—въ то время владѣтели Руси югозападной, великіе князья литовскіе и короли польскіе, ослабляемые внутреннею борьбою между составными частями своихъ владѣній, не препятствовали образованію на востокѣ могущественнаго и враждебнаго владѣнія, котораго государь уже принялъ титулъ государя всея Руси и прямо объявилъ, что русская земля, находящаяся за Литвою и Польшею, искони его отчина, и что онъ хочетъ ее добывать. Въ это рѣшительное для всей восточной Европы время, когда московскій князь, освобождаясь окончательно отъ страха передъ Азіею, начиналъ на нее наступательное движеніе и усиливался пріобрѣтеніемъ обширныхъ владѣній, вырванныхъ изъ подъ рукъ великаго князя литовскаго, все вниманіе послѣдняго было обращено не на усиленіе своего государства прочными пріобрѣтеніями, но на пріобрѣтеніе сосѣднихъ престоловъ для своихъ сыновей. Іоаннъ пріобрѣталъ Новгородъ, Тверь, Вятку, Пермь, часть Рязани, подчинялъ себѣ Казань,—Казимиръ также пріобрѣталъ орденскія земли для Польши, и цѣлыя королевства для сыновей своихъ—Богемію, Венгрію; но Іоаннъ отдалъ всѣ свои пріобрѣтенія одному сыну, который чрезъ это получилъ средства къ новымъ пріобрѣтеніямъ, тогда какъ занятіе престоловъ Польши, Литвы, Богеміи и Венгріи внуками Ягайла покрыло только мгновеннымъ величіемъ династію князей литовскихъ, не принеся никакой пользы родной странѣ ихъ, историческое движеніе которой прекратилось со времени соединенія ея съ Польшею.

Въ то время, какъ великій князь московскій, становясь единовластителемъ обширной страны, становился вмѣстѣ съ тѣмъ и самовластителемъ ея, власть великаго князя литовскаго и короля польскаго никла все болѣе и болѣе; въ то время какъ московскій государь самовластно располагалъ средствами своей страны, соперникъ его при исполненіи своихъ намѣреній нуждался въ помощи и согласіи сеймовъ, у которыхъ долженъ былъ выкупать эту помощь и согласіе уступками, долженъ былъ постоянно опасаться и гордаго прелата, который не преминетъ въ торжественномъ собраніи укорить короля за какую-нибудь мѣру, невыгодную для матеріальнаго благосостоянія духовенства, и могущественнаго вельможи, который не преминетъ поднять знамя возстанія при первомъ неудовольствіи, и наконецъ собственнаго войска, которое своевольствомъ своимъ не преминетъ испортить походъ.

Іоаннъ московскій объявилъ, что онъ воленъ въ своихъ великихъ княжествахъ, кому хочетъ, тому ихъ и отдастъ; по смерти Казимира литовскаго сынъ его Александръ писалъ князьямъ и панамъ волынской земли, что паны-рада великаго княжества литовскаго заблагоразсудили оставить его, Александра, въ Литвѣ и на Руси для защиты отъ непріятеля на то время, пока не выберутъ великаго князя. Приглашая волынцевъ на это избраніе, Александръ пишетъ имъ: „Вспомните, что вы поклялись отцу моему—въ случаѣ его смерти признать господаремъ того изъ сыновей его, котораго ваша милость изберете вмѣстѣ съ панами-радою великаго княжества литовскаго“ [244]. Объ отношеніяхъ литовскаго великаго князя къ панамъ своимъ раднымъ всего лучше можетъ свидѣтельствовать письмо его къ нимъ отъ 21 октября 1503 года касательно отпуска нагайскихъ пословъ: „Намъ кажется, пишетъ Александръ, что пословъ должно отпустить: но мы отдаемъ дѣло на разсужденіе и рѣшеніе вашей милости; какъ признаете за лучшее—отпустить ихъ или задержать, такъ и сдѣлаете: потому что мы безъ совѣта вашей милости ничего въ земскихъ дѣлахъ не дѣлаемъ.“ [245].

Мы говорили уже о томъ, какая перемѣна въ отношеніяхъ великаго князя къ дружинѣ произошла въ московскомъ государствѣ въ княженіе Іоанна III-го. Замѣчено было также, что въ два предшествовавшія княженія, Василія Дмитріевича и Василія Темнаго вступили въ службу великихъ князей московскихъ многія князья,

Рюриковичи и Гедиминовичи, которые сохраняли на службѣ первенствующее положеніе, именуясь прежде бояръ: такимъ образомъ старые московскіе боярскіе роды были оттѣснены отъ первыхъ мѣстъ княжескими родами. При Василіи Темномъ три изъ послѣднихъ занимали самое видное мѣсто: Патрикѣевы, Ряполовскіе и Оболенскіе; тоже значеніе сохраняютъ двѣ первыя фамиліи и въ княженіе Іоанна III; къ нимъ съ самаго начала присоединяется еще княжеская фамилія—Холмскихъ, тверскихъ удѣльныхъ, вступившихъ въ службу московскую. Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, большой намѣстникъ, наивысшій воевода московскій и зять его, князь Ряполовскій, пали въ борьбѣ съ Софіею; но племянникъ Ивана Юрьевича, знаменитый ведрошскій побѣдитель, князь Даніилъ Васильевичъ Щеня не подвергся опалѣ вмѣстѣ съ дядею. Послѣ паденія князя Ивана Юрьевича его мѣсто, мѣсто воеводы московскаго, занялъ князь Василій Даниловичъ Холмской, сынъ знаменитаго воеводы Даніила и зять великаго князя; а второе по немъ мѣсто занималъ Даніилъ Васильевичъ Щеня. Такимъ образомъ, князья продолжаютъ первенствовать и только третье мѣсто занимаетъ потомокъ старой знаменитой боярской фамиліи, Яковъ Захаровичъ Кошкинъ, воевода коломенскій [246], котораго брата, Юрія Захаровича, намѣстника новгородскаго, мы уже видѣли въ сношеніяхъ съ Яномъ Заберезскимъ, и въ мѣстническомъ спорѣ съ княземъ Щенею-Патрикѣевымъ предъ ведрошскою битвою. Этотъ споръ и его рѣшеніе важны для насъ опять какъ доказательство первенствующаго положенія княжескихъ фамилій предъ боярскими: великій князь, рѣшая споръ въ пользу князя Щени, велѣлъ напомнить Кошкину, что прежде бояринъ Θедоръ Давыдовичъ уступалъ также первое мѣсто князьямъ [247]. Какое множество служилыхъ князей было во время Іоанна III, видно изъ того, что между воеводами, участвовавшими въ ведрошской битвѣ, упоминается одиннадцать князей и только пять именъ безъ княжескаго титула. Князья, вступившіе въ службу къ великому князю московскому или его удѣльнымъ, вошли въ составъ старшей дружины, боярства, и потому называются боярами: „пожаловалъ я своего боярина, князя Василія Ромодановскаго", говоритъ удѣльный князь Михаилъ верейскій въ своей духовной [248]; подъ духовною Іоанна III читаемъ: „Тутъ были бояре мои: князь Василій Даниловичъ, да князь Данило Васильевичъ". Не смотря на то однако князья стоятъ выше

бояръ; грамота бояръ московскихъ къ панамъ литовскимъ начинается такъ: „Отъ князя Василія Даниловича, воеводы московскаго, и отъ князя Даніила Васильевича, воеводы великаго Новгорода, и отъ Якова Захарьича, воеводы коломенскаго, и отъ всѣхъ князей и отъ бояръ и отъ окольничихъ, рады (думы, совѣта) Іоанна Божію милостію государя всея Руси, братіи и пріятелямъ нашимъ, Войтѣху, бискупу виленскому, и Николаю Радивиловичу, воеводѣ виленскому" и проч. [249]. Изъ членовъ древнихъ боярскихъ родовъ московскихъ, кромѣ Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, въ княженіе Іоанна III находились на виду: изъ рода Акинфовыхъ упомянутый выше бояринъ Ѳедоръ Давыдовичъ; потомъ бояринъ Петръ Ѳедоровичъ Челяднинъ, оба двоюродные внуки знаменитаго Ѳедора Свибла отъ двоихъ братьевъ—Ивана Хромаго и Михаила Челядни; линія же самаго Свибла прекратилась по смерти бездѣтнаго сына его Семена. Изъ фамилій, особенно выдававшихся при Василіи Темномъ, продолжаютъ имѣть значеніе—Басенокъ и Ощера, преимущественно послѣдній, пользовавшійся большою довѣренностію великаго князя и употреблявшій, по свидѣтельству лѣтописца, во зло эту довѣренность; одинакому нареканію подвергается Григорій Андреевичъ Мамонъ, котораго отецъ былъ можайскимъ бояриномъ; наконецъ съ важнымъ значеніемъ являются Ховрины, потомки греческаго князя Стефана, выѣхавшаго изъ Тавриды, бояринъ Владиміръ Григорьевичъ и сыновья его—Иванъ Голова и Дмитрій Владиміровичъ, казначей великокняжескій. Мы видѣли, что паны литовскіе, предполагая или желая предполагать въ Москвѣ такія же отношенія, какія существовали у нихъ, стали пересылаться о государственныхъ дѣлахъ съ боярами московскими: Іоаннъ допустилъ эту пересылку, ибо видѣлъ, что иногда она можетъ быть полезна, когда, напримѣръ, нужно было, по его выраженію, задрать литовское правительство на счетъ какого-нибудь дѣла; но какъ онъ смотрѣлъ на эту форму, видно изъ рѣчи посла, отправленнаго имъ въ станъ къ сыну Димитрію: „Отецъ твой, господинъ, велѣлъ тебѣ сказать: прислала рада литовская къ нашимъ боярамъ грамоту, и я, противъ той грамоты, отъ своихъ бояръ написалъ къ литовской радѣ грамоту; а какову я грамоту къ нимъ писалъ, и я съ нея послалъ къ тебѣ списокъ, чтобъ тебѣ та грамота была вѣдома" [250].

Мы видѣли, какъ Іоаннъ III обошелся съ княземъ-бояриномъ.

который рѣшился оставить его службу и перейти къ брату его, удѣльному князю; несмотря на то, въ договорѣ, заключенномъ по его приказанію между сыновьями его, старшимъ Василіемъ и вторымъ Юріемъ, внесено обычное условіе: „А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ между насъ вольнымъ воля". Но еще въ 1474 году употреблено было средство заставлять бояръ отказываться отъ своего права отъѣзда; это средство испытано было впервые, сколько намъ извѣстно, на одномъ изъ самыхъ знаменитыхъ бояръ-князей, Данилѣ Дмитріевичѣ Холмскомъ, который уличенъ былъ въ какой-то намъ неизвѣстной винѣ (быть можетъ въ покушеніи отъѣхать), отданъ подъ стражу, потомъ прощенъ и принужденъ дать на себя крестоцѣловальную запись, въ родѣ проклятыхъ грамотъ, которыя давались князьями во времена Темнаго: „Я, Данило Дмитріевичъ Холмской (говорится въ записи) билъ челомъ своему господину и господарю, великому князю Ивану Васильевичу за свою вину чрезъ своего господина Геронтія митрополита всея Руси и его дѣтей и сослужебниковъ епископовъ (слѣдуютъ имена). Господарь мой меня, своего слугу, пожаловалъ, нелюбье свое отдалъ. А мнѣ князю Данилу своему господарю и его дѣтямъ служить до смерти, не отъѣхать ни къ кому другому. Добра мнѣ ему и его дѣтямъ хотѣть вездѣ во всемъ, а лиха не мыслить, не хотѣть никакого. А гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ государя своего и его дѣтей, и мнѣ то сказать въ правду, по этой укрѣпленной грамотѣ, безхитростно. А въ томъ во всемъ взялся (поручился) по мнѣ господинъ мой Геронтій митрополитъ съ своими дѣтьми и сослужебниками. А стану я что думать и начинать вопреки этой моей грамотѣ, или явится какое мое лихо предъ моимъ господаремъ великимъ княземъ и передъ его дѣтьми: то не будь на мнѣ милости Божіей, Пречистой Его Матери, и св. чудотворцевъ Петра митрополита и Леонтія епископа Ростовскаго и всѣхъ святыхъ, также господина моего Геронтія митрополита и его дѣтей, владыкъ и архимандритовъ тѣхъ, которые за меня били челомъ, не будь на мнѣ ихъ благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, а господарь мой и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни вольны. А для крѣпости я цѣловалъ крестъ и далъ на себя эту грамоту за подписью и печатью господина своего Геронтія митрополита всея Руси".—Но однихъ духовныхъ обязательствъ и ручательствъ было недостаточно; Иванъ Никитичъ Воронцовъ обязался:

если князь Данило отъѣдетъ или сбѣжитъ за его порукою, то онъ платитъ 250 рублей; пять свидѣтелей стояли при этомъ поручительствѣ: когда поручная кабала была написана и запечатана печатью Ивана Никитича, то послѣдній, ставши передъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикѣевымъ, объявилъ ему объ этомъ, и Патрикѣевъ приложилъ къ кабалѣ свою печать [251].

Названіе бояръ введенныхъ и путныхъ сохраняется. Отъ временъ Іоанна III дошла до насъ любопытная жалованная грамота: „Се язъ великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ есмь Василья Остафьевича Ознобишу санничимъ въ путь, и вы бояре и слуги, и всѣ люди того пути чтите его и слушайте". Это извѣстіе показываетъ намъ, какое широкое и потому такъ теперь сбивчивое для насъ значеніе имѣло слово бояринъ. Извѣстіе объ этихъ мелкихъ боярахъ саннича пути показываетъ, что и на сѣверѣ были бояре, подобные западнорусскимъ путнымъ боярамъ, хотя здѣсь слово: путный, кажется, означаетъ дорожный, гонца, какъ послѣ и на сѣверѣ путные ключники, напримѣръ, значили просто: дорожные ключники; употребленіе слова: путный въ разныхъ значеніяхъ еще болѣе затемняетъ дѣло. О западнорусскихъ путныхъ боярахъ говорится въ уставахъ объ управленіи королевскихъ волостей 1557—1558 годовъ: „Бояре путные стародавные должны владѣть двумя волоками, съ которыхъ должны платить всѣ повинности, а на службу тяглую и въ подводы ходить не обязаны; но если по приказанію нашему поѣдутъ на дорогу, то въ этотъ годъ ничего не платятъ, а безъ нашей воли и указа урядники наши на дорогу ихъ никуда не посылаютъ". Кромѣ названій придворныхъ чиновъ, извѣстныхъ въ прежнее время, встрѣчаемъ названія: постельничаго, сокольничаго, ясельничаго, дьяка постельнаго. Послѣ присоединенія княжествъ и удѣловъ дворы прежнихъ князей ихъ не сливались съ дворомъ великаго князя московскаго, и потому видимъ раздѣленіе служилыхъ людей на дворъ великаго князя и на дѣтей боярскихъ городовыхъ. Великая княгиня, мать Іоанна III, имѣла свой дворъ, который во время похода присоединялся къ двору великокняжескому подъ особымъ своимъ воеводою [252].

О богатствѣ князей-бояръ во время Іоанна III можемъ судить только по завѣщанію главнаго изъ нихъ, князя Ивана Юрьевича Патрикѣева: завѣщатель дѣлитъ между женою и двумя сыновьями недвижимое имущество, состоящее изъ двухъ слободъ, 29 селъ и

13 селецъ главныхъ, кромѣ селецъ и деревень, приписанныхъ къ селамъ; кромѣ того луга и мѣста городскія; нѣкоторыхъ крѣпостныхъ людей отпускаетъ на волю, другихъ дѣлитъ между женою и сыновьями; между этими людьми находимъ названія: стрѣлка, трубника, дьяка, поваровъ, хлѣбниковъ, портныхъ мастеровъ, бронниковъ, садовниковъ, псарей, рыболововъ, мельниковъ, утятника, сокольника, огородника, плотника, серебрянаго мастера, истопника, страдниковъ. Завѣщатель упоминаетъ о своихъ купляхъ и объ отцовскомъ благословеніи. Относительно кормленій до насъ дошли любопытныя жалованныя грамоты, данныя Іоанномъ литовскому выходцу, пану Ивану Судимонту Кондратьевичу, получившему въ Москвѣ званіе боярина введеннаго; въ первой грамотѣ говорится: „Билъ мнѣ челомъ Яковъ Захарьевичъ, что вамъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ чего: и я князь великій Якова пожаловалъ городомъ Владиміромъ, а тебѣ придалъ другую половину Костромы, съ правдою (съ судомъ)". Потомъ Судимонтъ былъ пожалованъ городомъ Владиміромъ подъ княземъ Даниломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ [253]. О дачѣ помѣстій упоминается подъ 1500 годомъ въ лѣтописи, гдѣ сказано, что великій князь, по благословенію Симона митрополита, взялъ за себя въ Новгородѣ великомъ церковныя земли владычни и монастырскія и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья [254]; но въ одной разрядной книгѣ находимъ любопытное извѣстіе, что по взятіи Новгорода, по государеву изволенію, распущены были изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ служилые люди, послужильцы, и помѣщены въ вотской пятинѣ; здѣсь насчитывается такихъ новыхъ помѣщиковъ 47 родовъ. Въ извѣстіи объ окончательномъ покореніи Вятки говорится, что великій князь земскихъ людей вятчанъ посадилъ въ Боровскѣ и Кременцѣ и помѣстья имъ далъ [255].

Таково было средство, употребленное для увеличенія числа ратныхъ людей. Кромѣ такъ называемыхъ служилыхъ людей или старой дружины, бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, Іоаннъ III посылалъ въ казанскій походъ 1470 года московскихъ сурожанъ, суконниковъ, купчихъ людей и прочихъ всѣхъ москвичей, которыхъ пригоже, по ихъ силѣ, и поставилъ надъ ними особаго воеводу, князя Оболенскаго. При осадѣ Смоленска сыномъ великокняжескимъ Димитріемъ видимъ въ московской рати посошныхъ людей, собранныхъ съ сохъ. Псковской лѣтописецъ со-

общаетъ намъ извѣстіе о наборѣ войска въ его родной области; въ 1480 году, по случаю войны съ ливонскими нѣмцами, выставлено было съ четырехъ сохъ по коню и человѣку; въ 1495 году, по требованію великимъ княземъ вспомогательнаго войска для шведской войны, псковичи собрали (срубили) съ десяти сохъ по конному человѣку; въ 1500 году, для войны литовской, они брали съ 10 сохъ коня, съ сорока рублей коня и человѣка въ доспѣхѣ, а бобыли составляли пѣшій отрядъ; въ псковской лѣтописи упоминается кованая рать; изъ иностранныхъ извѣстій узнаемъ только что такъ назывались лучшіе конные полки [256]. Мы видѣли, что въ войнахъ псковитянъ съ нѣмцами участвовали также охочіе люди (перубленые люди, охочій человѣкъ) изъ псковской волости, и потомъ прихожіе люди, приходцы изъ другихъ областей. Въ московской рати упоминаются казаки [257]; наконецъ въ составъ русской рати обыкновенно входятъ полки татарскіе: кромѣ полковъ приводимыхъ служилыми царевичами, татары были, какъ видно, поселены въ разныхъ московскихъ волостяхъ; такъ въ распоряженіяхъ объ отправкѣ посла въ Крымъ читаемъ: „Ѣхать съ Дмитріемъ Шеинымъ татарамъ, провожать имъ Дмитрія въ Перекопь въ орду изъ Ростунова, Щитова, Коломны, Левичина, Сурожика, Берендѣева, Ижва“. Однихъ изъ этихъ татаръ посолъ долженъ былъ отпустить, дать имъ волю, другихъ оставить съ собою „въ Перекопи на лежанье“ для вѣстей [258].

По свидѣтельству псковскаго лѣтописца, число московскаго войска, загородившаго дорогу Ахмату въ первое его нашествіе, простиралось до 180.000, растянутыхъ на полутораста верстахъ; число войска, посланнаго на защиту Пскова отъ нѣмцевъ въ 1481 году, простиралось до 20.000; новгородской силы во время шелонскаго боя было 40.000; столько же было московскаго войска на ведрошской битвѣ, если вѣрить Стрыйковскому [259]. Войска ходили по прежнему сухимъ путемъ и по рѣкамъ: такъ въ 1470 году войска, назначенныя въ походъ на Казань, плыли изъ разныхъ мѣстъ къ Нижнему рѣками—Москвою, Клязьмою, Окою и Волгою; подъ 1467 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что войска отправились на Черемисъ изъ Галича 6 декабря и пошли лѣсами безъ пути въ жестокіе морозы. Относительно продовольствія войскъ во время похода встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: при описаніи похода на Казань князя Стриги-Оболенскаго въ 1467 году говорится, что вой-

ска возвратились безъ успѣха, истомленныя, потому что осень была холодная и дождливая, корму начало не доставать, такъ что многіе ратные люди въ постные дни ѣли мясо, лошади мерли съ голоду; во время втораго похода Іоанна III на Новгородъ Великій князь тверкой присылалъ сына боярскаго отдавать кормы по отчинѣ своей; потомъ уже, находясь подъ Новгородомъ, Іоаннъ велѣлъ всѣмъ воеводамъ посылать за кормомъ половину людей, а другую половину оставлять у себя; наконецъ до насъ дошли грамоты Іоанна III, по которымъ запрещалось полкамъ, идущимъ въ походъ, останавливаться брать кормы, подводы и проводниковъ по волостямъ, принадлежавшимъ Троицкому Сергіеву монастырю [260]. Изъ всего этого видимъ, что войска брали съѣстные припасы по мѣстамъ, по которымъ проходили. Изъ оружія упоминается огнестрѣльное: пушки, тюфяки и пищали [261]. При описаніи войнъ псковичей съ нѣмцами мы уже видѣли, что нѣмцы брали верхъ своимъ нарядомъ или артиллеріею; при осадѣ городовъ псковскія пушки дѣйствовали не очень удачно: такъ при осадѣ Нейгаузена псковичи били городокъ пушками, пустили въ него большою пушкою, но колода у нея вся изломалась и желѣза около разорвались, что заставило снять осаду [262]. Войска по прежнему состояли изъ пяти частей: большаго полка, правой и лѣвой руки, передового и сторожевого полковъ. Еще сохранялся старый обычай браниться передъ битвою: предъ началомъ шелонскаго сраженія „Новгородци по оной странѣ рѣки Шелони ѣздяще, и гордящеся, и словеса хулные износяще на воеводъ великаго князя, еще же окаяннін и на самаго государя великаго князя словеса нѣкая хулная глаголаху, яко пси лаяху“ [263]. Мы видѣли, что казанскій походъ 1469 года не удался отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности. Для введенія послѣдней великій князь долженъ былъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ: когда сынъ его, князь Димитрій, возвратясь изъ смоленскаго похода, пожаловался отцу, что многіе дѣти боярскіе безъ его вѣдома отъѣзжали въ волости на грабежъ, его не слушались, то Іоаннъ велѣлъ этихъ ослушниковъ схватить, бить кнутомъ на торгу, и многихъ велѣлъ въ тюрьму бросить. Уже встрѣчаемъ извѣстіе и о мѣстничествѣ, какъ явленіи, препятствовавшемъ успѣху военныхъ дѣйствій; при описаніи казанскаго похода архангельская лѣтопись говоритъ: „А воеводы судовой рати нелюбье держали между собою, другъ подъ

другомъ идти не хотѣли". Привыкши защищаться отъ нѣмцевъ въ крѣпкихъ стѣнахъ своего города, и потомъ послѣ ухода непріятеля мстить ему вторженіемъ въ его землю немногочисленными отрядами для опустошенія, псковичи, какъ видно, не любили или не умѣли сражаться правильнымъ строемъ; объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго лѣтописнаго разсказа: „Погнались воеводы великаго князя и псковичи, и нагнали нѣмцевъ въ Очеровахъ на Могильникѣ; нѣмцы обозъ (кошъ) свой поставили поодаль отъ себя и сказали: „Когда Русь ударится на кошъ, то мы воспользуемся этимъ и выйдемъ изъ псковской земли; если же ударится на насъ, то тутъ намъ сложить свои головы". Псковичи первые ударились на кошъ, за ними москвичи, и начали между собою драться за нѣмецкое добро, чудь, находившуюся при обозѣ, всю перебили; нѣмцы въ это время напали на москвичей и псковичей и была съ ними сѣча, но небольшая. Князь псковскій Иванъ Горбатый началъ загонять псковичей, чтобъ не ѣхали по одиначкѣ, и они всѣ по закустовью, и начали ему псковичи прозвища давать — опремомъ и кормихномъ"[264]. При осадѣ городовъ били пушками, стрѣляли стрѣлами, приметывали приметъ; первымъ дѣломъ осажденныхъ было сжечь этотъ приметъ[265].

Ахматъ въ оба нашествія свои не заставалъ Іоанна въ расплохъ, что вѣроятно было слѣдствіемъ бдительности русскихъ сторожевыхъ отрядовъ, высылаемыхъ въ степи; Іоаннъ жаловался Казимиру, что русскіе люди ѣздили на поле оберегать христіанство отъ бусурманства, а литовскіе люди напали на нихъ изъ Мценска, Брянска и другихъ мѣстъ; потомъ жаловался, что литовцы перебили московскихъ сторожей на Донцѣ, сторожей Алексинцевъ, сторожей на Шатѣ.

Относительно состоянія дружины, или военнаго служилаго сословія въ Руси югозападной мы узнаемъ, что здѣсь въ описываемое время названіе дворянинъ уже получаетъ важное значеніе, какого въ московской Руси не имѣетъ: такъ въ жалованной грамотѣ великаго князя Александра 1499 года дворяниномъ называется знаменитый князь Василій Глинскій[266]. Отъ описываемаго времени дошелъ до насъ большой рядъ жалованныхъ великокняжескихъ грамотъ князьямъ, панамъ, боярамъ на временныя владѣнія или на хлѣбокормленія, и на вѣчныя владѣнія городскими мѣстами и селеніями; въ грамотахъ обыкновенно гово-

рится, что имѣнія эти даются самому пожалованному, его женѣ, дѣтямъ, будущимъ потомкамъ, вѣчно и непорушно, съ пашенными землями, бортными, подлазными, съ сѣножатьми, съ озерами и рѣками, съ бобровыми гонами, ѣзами, перевѣсьями, болоньями, ловами, съ данями грошовыми и медовыми, со всякими входами, приходами и платами (уплатами), съ землями пустовскими, съ млынами (мельницами), и съ ихъ вымалками, ставами и ставищами, съ рыбниками, съ рѣчками и потоками ихъ, съ колодезями, съ борами, лѣсами, гаями (рощами), дубравами и хворостниками, съ лядами и лядищами, съ данями куничными и лисичными, со всякимъ правомъ и панствомъ, съ мытами, явками, капьщинами, со всѣми боярами и ихъ имѣніями, съ слугами путными и данниками, съ слободичами, что на волѣ сидятъ [267], съ людьми тяглыми, съ куничниками, лейтами, конокормцами. Въ кіевской области, княжата и панята, хотѣвшіе ѣхать въ чужіе края, должны были сказаться королю или его намѣстнику, и когда устроятъ въ своемъ имѣніи службу такъ, какъ бы она была при нихъ самихъ, тогда могутъ ѣхать, если только земской службы не будетъ; но въ непріятельскую землю ѣхать не могутъ. Кіевлянинъ, по королевскимъ грамотамъ, пользовался тою же честію, какъ литвинъ, ничѣмъ передъ послѣднимъ не понижался; волости кіевскія держали только кіевляне, но кіевлянамъ король раздавалъ городки, кому хотѣлъ; князья, паны и бояре литовскіе, владѣвшіе имѣніями въ кіевской землѣ, обязаны были служить съ этихъ имѣній вмѣстѣ съ кіевлянами, сами, своими головами. Урядники коронные не имѣли права судить слугъ и людей княжескихъ, панскихъ и боярскихъ. Въ уставной волынской грамотѣ говорится, что староста не смѣлъ срамить злыми словами князей, пановъ и земянъ, не смѣлъ казнить ихъ и сажать въ башню; но если кто изъ нихъ провинится, то староста извѣщаетъ короля и поступаетъ съ преступникомъ по королевскому наказу; если обвиненный потребуетъ суда королевскаго, то староста отпускаетъ его къ королю, назначивши срокъ, когда онъ обязанъ стать передъ послѣднимъ; князя, пана и земянина староста или намѣстникъ одинъ не судитъ, но имѣетъ при себѣ князей, пановъ и земянъ [268].

Думаютъ, что относительно управленія при Іоаннѣ III послѣдовалъ переходъ отъ прежняго управленія посредствомъ только извѣстныхъ лицъ къ управленію посредствомъ извѣстныхъ присут-

ственныхъ мѣстъ, или приказовъ; думаютъ, что при Іоаннѣ III несомнѣнно должны были существовать приказы: разрядный, холопій, житный, новгородскій [369]. Но ни въ одномъ памятникѣ, дошедшемъ до насъ отъ княженія Іоанна III-го, не упоминается о приказахъ; и если нѣкоторые приказы должны были явиться непремѣнно при Іоаннѣ III, то не понимаемъ, почему нѣкоторые изъ нихъ не могли явиться ранѣе, если уже не хотимъ обращать вниманія на молчаніе источниковъ; не знаемъ, почему, наприм., разрядный, холопій приказы не могли явиться ранѣе? По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Іоанну приписывается раздѣленіе Россіи на три части— владимірскую, новгородскую и рязанскую, и образованіе для каждой изъ нихъ отдѣльнаго приказа подъ названіемъ трети. Но съ этимъ извѣстіемъ мы не можемъ согласиться, ибо рязанское великое княжество не было присоединено еще при Іоаннѣ.

Въ городовомъ бытѣ сѣверовосточной Руси произошло важное явленіе: главный представитель быта старыхъ русскихъ городовъ, Новгородъ Великій, приравнялся своимъ бытомъ къ городамъ Низовой земли. Мы видѣли, какъ скудны были наши извѣстія о бытѣ Великаго Новгорода, какъ трудно было по этимъ извѣстіямъ составить о немъ ясное, опредѣленное понятіе; посмотримъ нельзя ли будетъ теперь, при послѣднемъ столкновеніи Новгорода съ великимъ княземъ, дополнить нѣсколько наши свѣдѣнія о различіи между бытомъ Новгорода и бытомъ городовъ низовыхъ. Іоаннъ III потребовалъ отъ новгородцевъ, чтобъ государство его было такое же въ Великомъ Новгородѣ, какое оно въ Низовой землѣ, на Москвѣ; тогда новгородцы просили, чтобъ великій князь объявилъ, какъ его государству быть въ Великомъ Новгородѣ, потому что Великій Новгородъ низовскаго обычая не знаетъ, не знаетъ какъ государь держитъ свое государство въ Низовой землѣ. На это Іоаннъ отвѣчалъ: „Наше государство таково: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать“. И такъ бытъ Новгорода рознился отъ быта Низовыхъ городовъ тѣмъ, что въ Новгородѣ былъ вѣчевой колоколъ, было вѣче, чего въ Низовыхъ городахъ не было; слѣдовательно, если мы встрѣтимъ въ источникахъ, что въ томъ или другомъ Низовомъ городѣ, даже въ самой Москвѣ, было вѣче, то это слово, означающее неопредѣленно всякое совѣщаніе, хотя бы даже между немногими лицами, потомъ означающее исключительно на

сѣверовостокѣ народное возстаніе, мятежъ,—это слово не должно вводить насъ въ заблужденіе, заставлять предполагать, что въ низовыхъ городахъ могло быть что-нибудь похожее на бытъ старыхъ городовъ, уцѣлѣвшій и, вѣроятно, сильнѣе развившійся въ Новгородѣ. Требованіе Іоанна, чтобъ въ Новгородѣ вѣчевого колокола не было, и потомъ извѣстіе, что вѣчевой колоколъ дѣйствительно былъ взятъ изъ Новгорода и отвезенъ въ Москву, очень важны; существованіе одного вѣчевого колокола предполагаетъ существованіе одного правильнаго, обычнаго вѣча, созывавшагося по звону этого колокола лицами правительственными, княземъ, посадникомъ; слѣдовательно другія вѣча, созываемыя противниками князя или посадника по звону другихъ колоколовъ, не на обычномъ мѣстѣ, не были собственно вѣчами, хотя по неопредѣленности, обширности значенія слова, и называются такъ; въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія о Тохтамышевомъ нашествіи говорится, что и въ Москвѣ, по отъѣздѣ великаго князя „сотвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы, и сташа суймомъ народы мятежницы, крамольницы“. Ясно, слѣдовательно, что вѣчей или возстаній въ Москвѣ на людей, хотѣвшихъ бѣжать отъ татаръ, въ Ростовѣ на татаръ, въ Костромѣ, Нижнемъ, Торжкѣ на бояръ, вѣчей созываемыхъ всѣми колоколами, не должно, по одному тождеству названія, смѣшивать съ вѣчами Новгорода и другихъ старыхъ городовъ: Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова, гдѣ жители, по словамъ лѣтописца, какъ на думу на вѣча сходились, и что старшіе рѣшали, на то пригороды соглашались [270]. Въ извѣстіяхъ о послѣднихъ минутахъ вѣчевого быта въ Новгородѣ мы встрѣчаемъ другое, еще болѣе важное извѣстіе о большомъ вѣчѣ; при исчисленіи неисправленій новгородскихъ къ великому князю, лѣтописецъ говоритъ: „А на дворъ великаго князя, на Городище, съ большаго вѣча присылали многихъ людей, а намѣстникомъ его, да и послу великаго князя лаяли и безчествовали“ [271]. Если было большое вѣче, то было и малое, совѣтъ, засѣданіе правительственныхъ лицъ, въ противоположность большому всенародному вѣчу.

Въ Новгородѣ вѣчевой бытъ исчезъ; но онъ остался еще до времени во Псковѣ. И въ псковской лѣтописи, въ слѣдствіе частыхъ столкновеній вѣча съ усилившеюся властію великокняжескою, находимъ въ описываемое время большее число извѣстій о вѣчевомъ бытѣ, чѣмъ прежде. Мы видимъ распоряженіе вѣча въ

1463 году во время отсутствія князя-намѣстника; пришла вѣсть о нападеніи нѣмцевъ, и вотъ Зиновій посадникъ и псковичи, услыхавши эту вѣсть, поставили вѣче, и дали на вѣчѣ воеводство Максиму посаднику и двумъ другимъ лицамъ; нѣмцы ушли; тогда посадники псковскіе и псковичи начали думать, куда идти за ними? Пріѣхалъ князь-намѣстникъ, и опять встрѣчаемъ извѣстіе, что псковичи дали на вѣчѣ воеводство посаднику Дороѳею; но, какъ видно, князь-намѣстникъ въ это время находился въ походѣ, ибо прежде было сказано, что онъ и посадники псковскіе начали собирать пригорожанъ и волостныхъ людей, и, собравшись псковичи съ пригорожанами и со всѣми людьми, выступили въ походъ. Нѣмцы прислали бить челомъ о мирѣ—воеводѣ великаго князя, который приходилъ на помощь псковичамъ, князю-намѣстнику псковскому и всему Пскову; воевода князь-намѣстникъ, посадники и весь Псковъ, подумавши, заключили миръ, послѣ чего нѣмецкіе послы цѣловали крестъ на вѣчѣ предъ воеводою великаго князя и предъ всѣмъ Псковомъ. Послы, отправленные Псковомъ въ Москву къ великому князю, по возвращеніи отдавали отчетъ въ своемъ посольствѣ на вѣчѣ; такъ посадникъ Максимъ, возвратясь въ 1464 году изъ Москвы, началъ править на вѣчѣ посольство: „князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тебѣ своему намѣстнику псковскому князю Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрію Тимоѳеевичу и старымъ посадникамъ, и всему Пскову, отчинѣ своей повѣствуетъ“ и проч. Также на вѣчѣ отдавали отчетъ на своемъ посольствѣ и послы, возвращавшіеся изъ Литвы [272]. Мы видѣли, что еще Василій Темный отнялъ у новгородскаго вѣча право давать грамоты безъ участія князя, т.-е. его намѣстника; во Псковѣ при Іоаннѣ мы видимъ, что вѣчѣ распоряжается землями въ пользу той или другой церкви или монастыря, при чемъ о князѣ-намѣстникѣ не говорится, хотя онъ находился въ это время въ городѣ; подъ 1471 годомъ читаемъ: „Посадники и весь Псковъ даша имъ на вѣчѣ тую землю и воду, и въ тыя часы бысть всему Пскову, еще и вѣче не поспѣло разойтися, скорбь и туга велика“. Но въ 1476 году слобожане кокшинской волости били челомъ князю-намѣстнику Ярославу, посадникамъ псковскимъ и всему Пскову, чтобъ позволили имъ поставить городъ, и Псковъ на вѣчѣ позволилъ и грамоту далъ. Когда въ 1501 году явились во Псковъ московскіе воеводы, но не хотѣли

идти въ нѣмецкую землю безъ государева приказанія, то князь-намѣстникъ, посовѣтовавшись съ посадниками, боярами и псковичами на вѣчѣ, послали трехъ гонцовъ въ Москву.

Такимъ образомъ князь намѣстникъ, посадники и вѣче являются во Псковѣ тремя нераздѣльными властями, къ которымъ обращались въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, и которые рѣшали эти дѣла по общему совѣту. Если вѣче избирало воеводъ, то князь-намѣстникъ вмѣстѣ съ посадниками собиралъ войска изъ пригородовъ и волостей. Новаго князя-намѣстника принимали честно: духовенство со крестами, посадники и весь Псковъ выходили къ нему на встрѣчу, и сажали на княженіе въ Троицкомъ соборѣ, послѣ чего онъ цѣловалъ на вѣчѣ крестъ ко Пскову на суду, на пошлинныхъ грамотахъ и на всѣхъ старинахъ псковскихъ; не желая болѣе оставаться во Псковѣ, князь-намѣстникъ выходилъ на вѣчѣ и слагалъ съ себя крестное цѣлованіе. Касательно посадниковъ во Псковѣ, иногда встрѣчаемъ извѣстія объ одномъ степенномъ посадникѣ, иногда о многихъ: такъ подъ 1462 годомъ говорится, что заложили псковичи новый Городецъ при князѣ псковскомъ Владимірѣ Андреевичѣ и при посадникѣ степенномъ Максимѣ Ларіоновичѣ; потомъ читаемъ, что въ 1463 году пріѣхалъ во Псковъ на княженіе князь Иванъ Александровичъ Звенигородскій при посадникѣ степенномъ Зиновіи Михайловичѣ; подъ слѣдующимъ годомъ говорится, что посолъ, возвратившись изъ Москвы, правилъ посольство такъ: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тебѣ своему намѣстнику князю Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрію Тимоѳеевичу и старымъ посадникамъ, и всему Пскову отчинѣ своей повѣствуетъ“. Здѣсь, не предполагая ошибки переписчика, выраженіе: степенному, старому можно понимать такъ, что Юрій не въ первый уже разъ отправлялъ должность степеннаго посадника. Но подъ 1465 годомъ говорится, что князь-намѣстникъ и посадники степенные, Леонтій Макаровичъ и Тимоѳей Васильевичъ заложили деревянную стѣну, послѣ чего постоянно говорится о посадникахъ степенныхъ, обыкновенно двоихъ, и говорится такъ, что не оставляетъ никакого сомнѣнія, напримѣръ: „и посадники псковскіе и со псковичи, а въ степени тогда былъ посадникъ Яковъ Аѳанасьевичъ Брюхатый да Василій Епимаховичъ, и учали сильно дѣяти надъ священники“. Также ясно говорится о двоихъ

посадникахъ степенныхъ въ правой грамотѣ Свѣтогорскому монастырю, и въ нѣкоторыхъ другихъ актахъ [273]. О тысяцкомъ во Псковѣ не упоминается, но упоминается о соцкихъ послѣ посадниковъ, напримѣръ подъ 1464 годомъ: „И цѣловалъ крестъ посадникъ Максимъ Ларіоновичъ, посадникъ Игнатій Логиновичъ и соцкіе"; или подъ 1472 годомъ, гдѣ говорится о мирѣ Пскова съ Новгородомъ: „А во Псковѣ посадникъ псковской Аѳанасій Юрьевичъ, и бояре псковскіе, и соцкіе, и судьи тогда же и льняную грамоту подрали, вынувши изъ ларя, и была всѣмъ христіанамъ радость большая". Здѣсь между посадниками и соцкими видимъ бояръ; кто могъ достигать во Псковѣ боярскаго званія, видно изъ извѣстія подъ 1477 годомъ: „Псковъ послалъ къ великому князю двухъ посадниковъ, а съ ними два боярина Опимаха Гладкаго да Андрея Иванова, сына Попова, раздьякона (т.-е. разстриженнаго дьякона)". Встрѣчаемъ извѣстіе о губскихъ старостахъ, которые упоминаются послѣ соцкихъ [274]. Касательно правительственнаго значенія городскихъ концовъ, отношенія ихъ къ пригородамъ, находимъ важное извѣстіе подъ 1468 годомъ: „Тойже веснѣ весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на всѣ концы, коему же концу къ старымъ пригородамъ новыя жеребьемъ дѣлили, а ималъ жеребей князь Василей князя Ѳедора Юрьевича сынъ съ престола".

Объ устройствѣ Низовыхъ городовъ въ княженіе Іоанна III мы имѣемъ очень мало извѣстій; упоминается о городовомъ сотникѣ, какъ чиновникѣ, распоряжающемъ городовыми постройками, имѣющемъ право тянуть окружныхъ крестьянъ во всѣ пошлины [275]; въ Судебникѣ упоминается с т а р о с т а, глава посадскихъ людей, который вмѣстѣ съ лучшими горожанами присутствовалъ въ судѣ. Но довольно много извѣстій дошло до насъ отъ описываемаго времени о бытѣ городовъ югозападной литовской Руси. Въ маѣ 1494 года великій князь Александръ подтвердилъ кіевскимъ мѣщанамъ уставную грамоту отца своего Казимира [276]; по этой грамотѣ мѣщане не подымали ничѣмъ пословъ польскихъ, московскихъ, валахскихъ, молдавскихъ, но поднимали только пословъ литовскихъ и ордынскихъ; не стерегли казны великокняжеской и воеводской, только въ случаѣ прибытія самого великаго князя въ Кіевъ обязаны были содержать при немъ стражу; не топили бани, не возили дровъ; коней, животины, овецъ и свиней по кіевскимъ дворамъ не сгоняли [277]; сѣна за рѣкою не косили, косили только одинъ

день подъ боркомъ, скошенное должны были убрать, по въ городъ сѣна не возили ни откуда; плотовъ не сгоняли, на берегъ не волочили; плотинъ не сыпали, кромѣ одной плотинки подъ городомъ; въ облаву не ходили, города не рубили, не мостили городского моста, не платя однако слугамъ воеводскимъ посѣкирщины, плѣнниковъ не стерегли, не ѣздили на сторожу въ поле; вольно имъ было ѣздить въ боръ по дрова во всѣ стороны, также на болоньи и на островахъ за Днѣпромъ сѣно косить, чѣмъ мѣсто кормилось; если воевода поѣдетъ за двѣ мили отъ замка или на охоту, то подводъ ему не давали, давали только по снопу сѣна сокольникамъ воеводскимъ; мѣщане и слуги городовые съ послами въ орду не ходили, вышегородскаго, чернобыльскаго, бѣлогородскаго и глевацкаго мыта не платили по всей землѣ кіевской [278]. Кто изъ мѣщанъ захочетъ выселиться въ другой городъ или мѣсто, тотъ долженъ продать недвижимое имущество, а съ движимымъ можетъ выѣхать въ какія хочетъ области великаго княжества литовскаго, только не за границу. Для торговли вольно имъ ѣздить, кромѣ служилыхъ неданныхъ (неясачныхъ) людей; если придетъ вѣсть о приближеніи татаръ, то имъ съ мѣста не ѣхать, если же поѣдутъ, то должны оставлять на свое мѣсто людей добрыхъ, которые могутъ за нихъ отправить великокняжескую службу. Кто возьметъ за себя мѣщанку съ домомъ, тотъ обязанъ отправлять такую же службу, которая прежде отправлялась съ того дому. Кто изъ мѣщанъ одолжаетъ, тому вольно продать свой домъ для уплаты долга, но кто купитъ домъ, тотъ обязанъ отправлять съ него такую же службу, какая отправлялась и прежде. На войну данные (ясачные) люди не ходили. Прежде воевода бралъ пеню съ тѣхъ, кто по ночамъ съ огнемъ сиживалъ; но теперь эти дѣла были отданы въ вѣдѣніе войта, который долженъ отвѣчать, если, по его несмотрѣнію, сдѣлается въ городѣ пожаръ. — Въ 1497 году кіевскій войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане били челомъ великому князю Александру, чтобъ освободилъ ихъ навсегда отъ мыта по всей вотчинѣ своей, Литвѣ, Руси и Жмуди, потому что они раззорены отъ ежегодныхъ нападеній татарскихъ; великій князь исполнилъ ихъ просьбу [279]. Въ 1499 году кіевскій воевода Димитрій Путятичъ жаловался великому князю, что мѣщане кіевскіе, какъ скоро получили нѣмецкое право, то отняли у воеводъ всѣ уряды и пошлины городскія. Вслѣдствіе этой жалобы дана была кіевскому войту и мѣ-

шанамъ уставная грамота о воеводскихъ доходахъ, въ которой говорится: если купцы или казаки пріѣдутъ въ Кіевъ и станутъ на подворьѣ у какого-нибудь мѣщанина, то послѣдній обязанъ объявить о нихъ воеводѣ или намѣстнику, по старому обычаю; если же не объявитъ, то платитъ воеводѣ пеню. Если осмникъ, выбираемый воеводою изъ слугъ своихъ, застанетъ христіанина, мѣщанина или казака въ безнравственномъ дѣлѣ съ женщиною, то намѣстнику митрополичьему идетъ съ виновнаго урочная пеня, а воеводѣ копа грошей; если же осмникъ застанетъ въ такомъ дѣлѣ турка, татарина, или армянина, то воеводѣ съ виноватаго идетъ двѣнадцать копъ грошей. Казаки, ходящіе внизъ по Днѣпру до Черкасъ и дальше, должны со всякой своей добычи давать воеводѣ десятину. Если привезутъ въ Кіевъ рыбу, просольную и вялую, то осмникъ воеводинъ осматриваетъ ее и обмачиваетъ, и беретъ на городъ отъ бочки рыбы по шести грошей, а отъ вялыхъ и свѣжихъ рыбъ десятину; если же привезутъ осетровъ, то не смѣютъ ихъ продавать цѣликомъ, пока осмникъ не возметъ отъ каждаго осетра по хребтинѣ, или отъ десяти осетровъ десятаго. Перекупщики, которые сидятъ въ рядахъ и торгуютъ хлѣбомъ и другими припасами, обязаны давать осмнику каждую субботу отъ товара по деньгѣ; а который человѣкъ новый захочетъ сѣсть въ рядахъ и торговать съѣстными припасами, такой долженъ дать осмнику куницу, двѣнадцать грошей. Если случится покража на берегу на рѣкѣ на такомъ разстояніи, что можно отъ берега палкой докинуть, то эту покражу судитъ осмникъ; также если кто украдетъ бѣлье, или женщина съ женщиною подерется, то такія дѣла судитъ осмникъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ митрополичьимъ. Если купеческій возъ, выѣзжающій изъ Кіева и нагруженный товаромъ, обломится, съ одной стороны по Золотыя ворота, а съ другой по рѣку Почайну; то брать его на воеводу, потому что купцы нарочно нагружаютъ тяжело возы свои, чтобъ было ихъ меньше, и слѣдовательно чтобъ меньше платить пошлины. Лучники, кузнецы и сапожники должны давать воеводѣ луки, топоры и сапоги на Свѣтлое Воскресенье и на Рождество Христово.—Изъ этой грамоты объясняется для насъ должность осмника, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, была та же самая и въ старину, ибо осмникъ упоминается и въ Русской Правдѣ и въ лѣтописи между событіями XII вѣка; объясняется и пошлина осмничее, которую уже мы встрѣчали въ сѣверо-

восточной Руси [280].—Несмотря на то, что еще въ уставной грамотѣ 1494 года кіевскіе мѣщане были освобождены отъ подъема пословъ московскихъ и волошскихъ, въ 1503 году они подали великому князю Александру жалобу, что пословъ и гонцовъ московскихъ, волошскихъ, турецкихъ, перекопскихъ, заволжскихъ и другихъ ордынскихъ поднимаютъ, подводы подъ нихъ даютъ, коней и казну посольскую стерегутъ, въ Орду съ великокняжескими послами ходятъ, подъ воеводскихъ гонцовъ подводы даютъ; также отъ тіуновъ кіевскихъ терпятъ великія притѣсненія; жаловались, что въ Кіевѣ живутъ епископскіе, митрополичьи, воеводскіе, архимандричьи, княжескіе, панскіе, землянскіе, милославчане и другіе прихожіе люди, также разные ремесленники, перекупщики, рыболовы, въ Кіевѣ и поселяне торгуютъ, а службъ городскихъ съ мѣщанами не служатъ и податей не платятъ. Вслѣдствіе этой жалобы великій князь писалъ къ кіевскому воеводѣ, чтобъ мѣщане были освобождены отъ посольскаго подъема, и вынуты изъ тіунскихъ рукъ; также чтобъ пришлые люди участвовали во всѣхъ городскихъ повинностяхъ: въ противномъ случаѣ мѣщане могутъ ихъ грабить [281].

Въ 1498 году Полоцкъ получилъ Магдебургское право съ опредѣленіемъ войтовскихъ доходовъ, а именно третьяго пенязя отъ всѣхъ судныхъ пошлинъ, половины мясныхъ лавокъ, отдачи въ его вѣдомство винныхъ промышленниковъ и торговцевъ; съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ подводъ, сторожъ, отъ мыта по всему княжеству литовскому; съ правомъ построить всенародныя бани и ратушу; въ городѣ должно быть всегда двадцать радцевъ, которыхъ избираетъ войтъ, половину закона римскаго и половину греческаго; эти радцы вмѣстѣ съ войтомъ ежегодно выбираютъ двухъ бурмистровъ, одного закона римскаго, а другаго греческаго; бурмистры вмѣстѣ съ войтомъ управляютъ общиною: переносъ дѣлъ отъ бурмистровъ и радцевъ допускается къ войту, но отъ войта переносъ дѣла можетъ быть только къ великому князю; войтъ можетъ рѣшить дѣло безъ бурмистровъ и радцевъ, но бурмистры и радцы безъ войта или лентъ-войта не могутъ ничего рѣшить. Полоцкъ обязанъ платить ежегодно 400 копъ грошей въ казну великокняжескую [282]. И въ Полоцкѣ, какъ въ Кіевѣ, послѣ полученія Магдебургскаго права, не обошлось безъ столкновенія между властію войта и властію намѣстника королевскаго, такъ что въ 1499 году великій князь Александръ долженъ былъ особою грамотою точнѣе

опредѣлить отношенія этихъ властей: по этой грамотѣ тяжбы о землѣ между бояриномъ, мѣщаниномъ или путникомъ, судитъ намѣстникъ съ старшими боярами полоцкими, по старому обычаю: въ случаѣ спора о границахъ земельныхъ, долженъ ѣхать намѣстникъ или бояръ послать; если пріѣдутъ послы изъ Новгорода, Пскова, изъ Лукъ великихъ или отъ нѣмцевъ ливонскихъ для рѣшенія общихъ дѣлъ земскихъ, то намѣстникъ съ старшими боярами, призвавши къ себѣ войта и старшихъ мѣщанъ (если дѣло будетъ касаться города), пословъ принимаетъ и отправляетъ, какъ было въ старину. Бояре имѣютъ право спускать въ Ригу по Двинѣ собственное жито, крупу, золу и смолу, не перекупая ни у кого; золу и смолу они должны добывать въ своихъ пущахъ, а не въ великокняжескихъ и не въ городскихъ. Если мѣщанину или путнику будетъ дѣло до боярина или до его человѣка, то судитъ намѣстникъ въ городѣ съ боярами, городскимъ правомъ, а войтъ и мѣщане должны быть при судѣ; если же боярину или великокняжескому человѣку или боярскому человѣку будетъ дѣло до мѣщанина или до путниковъ, кромѣ споровъ о землѣ, то судитъ войтъ въ ратушѣ правомъ нѣмецкимъ, а намѣстникъ съ великокняжескимъ человѣкомъ посылаетъ судью: если великокняжескій или боярскій человѣкъ будетъ виноватъ, то пеня съ него идетъ его господарю. Люди боярскіе, живущіе въ городѣ и на посадѣ (на мѣстѣ) на своихъ земляхъ и занимающіеся торговлею, должны вмѣстѣ съ мѣщанами платить всѣ подати, но войтъ и мѣщане не должны ихъ судить и въ право нѣмецкое писать; также войтъ и мѣщане не должны принимать къ себѣ крѣпостныхъ людей боярскихъ и судить ихъ нѣмецкимъ правомъ: судитъ ихъ намѣстникъ городскимъ правомъ. — Въ слѣдующемъ году Александръ почелъ за нужное исключить изъ магдебургскаго права сельскихъ путниковъ и отдать ихъ въ вѣдѣніе намѣстника, потому что уменьшеніе числа приговныхъ людей оказалось вреднымъ для полоцкаго замка; но тутъ же было подтверждено, что люди, принадлежавшіе духовенству и боярамъ, также ремесленники, и люди заложившіеся за намѣстника, духовныхъ лицъ и бояръ, принадлежатъ къ магдебургскому праву.

Въ 1499 году получилъ и Минскъ магдебургское право съ обязанностію платить ежегодно въ казну великокняжескую по шестидесяти копъ грошей; сравнивъ эту сумму съ суммою, платимою Полоцкомъ (400 копъ), увидимъ всю разницу въ богатствѣ двухъ

городовъ.—Въ 1503 году князья, бояре и слуги, войтъ и мѣщане и земля витепская били челомъ великому князю Александру и объявили ему, что приходили злодѣи изъ Великаго Новгорода, покрали у нихъ церковь Богородицы, и вмѣстѣ съ другими вещами украли жалованную грамоту (привилей), полученную ими отъ короля Казимира. Александръ далъ имъ новую жалованную грамоту, подобную прежней: по ней Александръ обязался не вступаться въ домы церковные, купли, безадщины и отмѣрщины витепскія; женъ силою за мужъ не выдавать; въ духовныя завѣщанія не вступаться; на подводы коней у городскихъ людей и у сельскихъ путниковъ не брать; холопу и рабѣ не вѣрить; судовъ предковъ своихъ не посуживать; безъ изслѣдованія дѣла Видблянина не казнить; своихъ судныхъ приговоровъ не перемѣнять; казнить по винѣ; челобитья у Видблянъ принимать, не сажая ихъ черезъ поруку въ желѣза и не подвергая ихъ никакой мукѣ; отчинъ у нихъ не отнимать, въ села купленныя и поля не вступаться; заочному обвиненію не вѣрить; кто станетъ на нихъ доносить, того имя объявить, а въ заставу нигдѣ Видблянъ не сажать; на войну быть всѣмъ Видблянамъ готовыми; по волости витепской воеводѣ великокняжескому не ѣздить; поѣдетъ на охоту, то его по станамъ не дарить; сябровъ городскихъ въ пригонъ великокняжескій не гнать, ни въ подводы, ни на охоту; въ вѣсы витепскіе и локоть великому князю не вступаться, а кто провинится на вѣсахъ или на локтѣ, того Видблянамъ самимъ казнить по своему праву; у кого изъ Видблянъ забракуютъ (загудятъ) воскъ въ Ригѣ, и пріѣдетъ онъ въ Витепскъ, то Видблянамъ самимъ казнить виноватаго; великому князю Видблянъ не дарить никому; они освобождаются отъ мыта по всѣмъ владѣніямъ литовскимъ; воеводу давать имъ по старинѣ, по ихъ волѣ: который воевода будетъ имъ нелюбъ, и обвинятъ они его передъ великимъ княземъ, то послѣдній даетъ имъ другого воеводу по ихъ волѣ; въ первый день пріѣзда своего въ Витепскъ, воевода цѣлуетъ крестъ Видблянамъ, что безъ суда не будетъ казнить ихъ ни за что по наговорамъ. Видбляне живутъ въ Витепскѣ добровольно, пока хотятъ, а кто не захочетъ, того силою не удерживать, путь ему чистъ куда хочетъ; поѣдетъ прочь въ великокняжескую отчину, въ Литву не тайно, св. Благовѣщенью челомъ ударивши, объявившись воеводѣ и своимъ братьямъ, мужамъ Видблянамъ, будучи воленъ во всемъ своемъ имуществѣ: можетъ про-

дать его или отказать; если Видблянинъ, пріѣхавши въ Литву къ великому князю, пожалуется на Видблянина, то великій князь безъ истца дѣцкаго изъ Литвы на обвиненнаго не шлетъ, хотя бы дѣло шло о смертномъ убійствѣ, но даетъ жалобщику листъ къ воеводѣ, который судитъ по крестному цѣлованію, разсмотрѣвши дѣло съ князьями, боярами и мѣщанами, а осудивши, казнитъ въ Витепскѣ, по тамошнему праву. Великій князь не отнимаетъ выслуженнаго имущества у князей, бояръ, слугъ и мѣщанъ; мѣстичей витепскихъ изъ города не выводитъ вонъ. Кто изъ литовцевъ или поляковъ былъ крещенъ въ Витепскѣ въ русскую вѣру, и оставилъ потомковъ, тѣхъ не трогать, права ихъ христіанскаго ни въ чемъ не нарушать.—Сравнивши эту грамоту съ грамотами новгородскими, увидимъ общія черты быта городовъ старой Руси. При Александрѣ же получилъ магдебургское право Волковыйскъ, Высокій, Бѣльскъ въ землѣ дрогичинскій; войтовство въ послѣднемъ городѣ отдано было въ потомственное владѣніе данцигскому мѣщанину Гоппену.

Въ 1500 году по просьбѣ старосты смоленскаго и всѣхъ мѣщанъ, Александръ освободилъ ихъ отъ мыта на пятнадцать лѣтъ; а въ 1502 освободилъ ихъ на шесть лѣтъ отъ серебщизны, ордынщины и другихъ податей вслѣдствіе раззоренія мѣщанъ отъ гарнизона; встрѣчаемъ разныя льготныя грамоты, данныя и другимъ городамъ. Мы видѣли, какъ псковичи рѣдко уживались съ намѣстниками великаго князя московскаго; видимъ и жалобы западныхъ русскихъ городовъ, имѣвшихъ формы быта, подобныя псковскимъ, на намѣстниковъ и другихъ урядниковъ великаго князя литовскаго; такъ жители Витебска жаловались на своего намѣстника, что когда кто-нибудь изъ нихъ, купивши медъ пресный, жито и рыбу, привезетъ въ Витебскъ въ свой домъ, то слуги намѣстничьи, отбивая замки, силою берутъ эти товары на намѣстника, и денегъ за нихъ не даютъ, а которые хозяева брать не позволяютъ, тѣмъ намѣстникъ запрещаетъ продавать эти товары на мѣстѣ и такимъ образомъ раззоряетъ ихъ; отъ каждаго струга, отправляющагося въ Ригу, беретъ по десяти грошей; когда шлетъ свою золу въ Ригу и велитъ тамъ мѣнять ее на соль, то на каждый мѣщанскій стругъ накладываетъ по мѣху своей соли, а кто изъ мѣщанъ не захочетъ брать этой соли, съ того беретъ по десяти рублей грошей. Издавна мостили мостовую—каждый че-

ловѣкъ передъ своимъ дворомъ съ пяти топорищъ: такъ хотя бы мостовая была и нова, слуги намѣстничьи, ходя ночью, вздираютъ мостницы, и за то съ каждаго двора берутъ по грошу. Колоду новую намѣстникъ устроилъ, и слуги его за малыя вины сажаютъ жителей въ эту колоду, а на поруки не отпускаютъ. Мѣщане содержатъ стражу въ городѣ: слуги намѣстничьи заставляютъ этихъ сторожей вмѣсто крѣпости сторожить свои домы. Намѣстникъ полоцкій, Станиславъ Глѣбовичъ, сталъ нарушать магдебургское право, данное полочанамъ на томъ основаніи, что при этомъ правѣ ему нечѣмъ поживиться: присуды съ мѣщанъ всѣ отошли; великій князь запретилъ ему нарушать магдебургское право, но далъ ему, для поживы, сельскихъ путниковъ въ городской присудъ [283].

Относительно внѣшняго вида русскіе города вообще (кромѣ столицы Москвы) не измѣнились; встрѣчаемъ извѣстіе о постройкѣ деревянныхъ и каменныхъ укрѣпленій; деревянные города или крѣпости получили Владиміръ, Великія Луки; мы упоминали уже о построеніи каменной крѣпости Ивань-города на ливонской границѣ; Новгородъ послѣ паденія своего стараго быта не потерялъ важнаго значенія для московскаго правительства, оставался вторымъ городомъ въ государствѣ, и въ 1491 году былъ построенъ въ немъ каменный дѣтинецъ. Для псковичей опасность со стороны ливонскихъ нѣмцевъ не прекратилась, потому не прекратились и старанія ихъ укрѣплять границы постройкою новыхъ городковъ и укрѣплять самый Псковъ постройкою новыхъ стѣнъ, возобновленіемъ, расширеніемъ старыхъ. Въ 1462 году они заложили на спорномъ мѣстѣ надъ великимъ озеромъ Новый Городецъ, въ томъ же году и окончили его, строили мастера псковскіе съ волостными людьми (волощанами) и взяли за труды 90 рублей; въ томъ же году заложили другой городъ Володимерецъ. Значительнѣе была постройка укрѣпленій въ самомъ Псковѣ: такъ въ 1465 году 80 человѣкъ наймитовъ начали строить укрѣпленія въ Кромномъ городѣ и строили три года за 175 рублей; подъ 1473 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что псковичи „около буя св. Николы, въ Опочковскомъ концѣ, камнемъ одѣлавъ и врата каменные изрядивъ, садомъ яблонями насадили“.—Благодаря дошедшей до насъ Переписной окладной книгѣ, мы можемъ имѣть довольно ясное понятіе о состояніи двухъ городовъ—Орѣшка и Корелы, и по нимъ судить о другихъ. Въ Орѣшкѣ видимъ дворы на посадѣ лучшихъ

людей своеземцевъ, гдѣ они живутъ сами; дворы городскихъ людей лучшихъ; дворы молодыхъ людей городчанъ: всѣхъ дворовъ внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и городчанъ лучшихъ людей и молодыхъ, тяглыхъ—139, людей въ нихъ 189 тяглыхъ; великокняжескаго оброка положено на нихъ 8 рублей денегъ; потомъ перечисляются на посадѣ и внутри города дворы своеземцевы, въ которыхъ живутъ дворники: такихъ дворовъ 17, а дворниковъ въ нихъ 18 человѣкъ, тянутъ дворники съ горожанами; далѣе перечисляются дворы великокняжескіе поземные; дворы не тяглые, гдѣ живутъ священники, дьяки и сторожа церковные; дворы, гдѣ живутъ великаго князя холопи—пищальники и воротники; наконецъ дворы пустые. Въ Корелѣ на посадѣ дворовъ своеземцевыхъ, и рядовыхъ людей, и рыболовлихъ лучшихъ и молодыхъ тяглыхъ—188 дворовъ, а людей въ нихъ 232 человѣка; оброка на нихъ положено $10\frac{1}{2}$ рублей; потомъ перечисляются дворы дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей помѣщиковъ, дворы духовенства, пищальниковъ, воротниковъ. Относительно мѣръ общественной безопасности встрѣчаемъ подъ 1494 годомъ извѣстіе объ устроеніи въ Москвѣ по улицамъ рѣшетокъ. Въ Псковской лѣтописи подъ 1487 годомъ встрѣчаемъ слѣдующее любопытное извѣстіе: „Бысть въ Псковѣ градъ великъ надъ градомъ, какъ садовое яблоко, изъ тучи молніи блистанія, а взялись тучи съ озера; да на Крому костеръ загорѣлся, противъ лубянскаго всхода, что снѣдь блюли собакамъ на ядь“. Можно подумать, что собаки содержались отъ города для общественной безопасности [284]?

Сохраненіе русскими городами прежняго вида должно было вести по прежнему къ частымъ и опустошительнымъ пожарамъ. Въ 1468 году погорѣли въ Москвѣ на посадѣ восемь улицъ. Кремль уцѣлѣлъ, хотя и тяжко было внутри его; но черезъ годъ погорѣлъ весь Кремль, остались цѣлы только четыре двора. Черезъ годъ послѣ этого погорѣлъ посадъ, пожаръ начался въ третьемъ часу ночи, и длился на другой день до обѣда, однихъ церквей сгорѣло 25; самъ великій князь ѣздилъ съ дѣтьми боярскими, гася и разметывая. Въ слѣдующемъ году погорѣлъ весь Кремль, едва отстояли большой дворъ великокняжескій, но митрополичій дворъ сгорѣлъ; въ сентябрѣ 1475 года погорѣлъ въ Москвѣ посадъ, въ октябрѣ Кремль: загорѣлось въ четвертый часъ дня; великій князь самъ пріѣхалъ со множествомъ людей, погасилъ пожаръ и по-

ѣхалъ къ себѣ на дворъ обѣдать, какъ вдругъ въ половицу стола пожаръ вспыхнулъ снова и сгорѣлъ чуть не весь городъ: едва уняли огонь въ третьемъ часу ночи; самъ великій князь являлся всюду, гдѣ было нужно со многими людьми; въ 1488 году сгорѣло 42 церкви на посадѣ; въ 1493 весною погорѣлъ весь Кремль, а лѣтомъ 28 іюля былъ страшный пожаръ, и въ Кремлѣ и на посадѣ сгорѣло болѣе 200 человѣкъ: „лѣтописецъ и старые люди сказываютъ, какъ Москва стала, такого пожара въ ней не было", записано въ дошедшей до насъ лѣтописи; потомъ упоминается о большомъ пожарѣ въ 1500 году. Мы не упоминаемъ о менѣе значительныхъ пожарахъ въ Москвѣ. Въ 1472 и 1482 годахъ были большіе пожары въ Новгородѣ; въ 1491 году погорѣлъ Владимiръ весь, и крѣпость и посады; и въ томъ же году сгорѣло въ Угличѣ болѣе 500 дворовъ съ 15-ю церквами; въ 1493 погорѣли Кострома и Рязань [285]. Псковскій лѣтописецъ упоминаетъ объ осьми большихъ пожарахъ въ своемъ городѣ, и одинъ только разъ говоритъ о причинѣ пожара: поджогъ чухонецъ, подосланный нѣмцами. Въ 1471 году былъ сильный пожаръ въ Вильнѣ: сгорѣло 400 дворовъ, король Казимиръ со всѣмъ дворомъ и казною выбѣжалъ въ поле; но русскій конецъ и русскія церкви остались цѣлы [286].

Относительно сельскаго народонаселенія видимъ, что правительство заботится о строгомъ соблюденіи срока для перехода сельчанъ, именно Юрьева дня осенняго: крестьянъ, оставившихъ земли ранѣе этого срока, переселяютъ назадъ на прежнія жилища [287]. Въ договорной грамотѣ между рязанскими князьями переходъ сельчанъ подтверждается вмѣстѣ съ переходомъ дружины, чего не встрѣчаемъ въ другихъ грамотахъ [288]. Въ статьѣ судебника Іоаннова: „О крестьянскомъ отказѣ" говорится: „крестьянамъ отказываться изъ волости, изъ села въ село, одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго. За пожилые дворы платятъ—въ поляхъ за дворъ рубль, въ лѣсахъ полтина. Если крестьянинъ поживетъ за кѣмъ годъ и пойдетъ прочь, то платитъ четверть двора; за два года платитъ полдвора; за три года три четверти; за четыре —весь дворъ. По прежнему даются льготы землевладѣльцамъ, населявшимъ пустыя земли; землевладѣльцамъ, населявшимъ свои пустыя земли, дается право суда надъ поселившимися у нихъ людьми, выключая обыкно-

венно суда уголовнаго, сами же землевладѣльцы подчиняются только суду князя или боярина веденаго [289]. Изъ переписной окладной книги вотской пятины можно получить понятіе о размѣщеніи сельскаго народонаселенія и его отношеніи къ землевладѣльцамъ. Селъ и селецъ съ народонаселеніемъ отъ 15 до 120 душъ встрѣчаемъ очень мало; деревень съ народонаселеніемъ отъ 7 до 15 и свыше душъ также очень мало; обыкновенно деревни состоятъ изъ 1, 2, 3, 4 дворовъ съ 1, 2, 3, 4-мя душами. Какъ мы видѣли уже, при каждомъ селеніи послѣ перечисленія крестьянъ, въ переписной книгѣ показывается, что съ нихъ идетъ землевладѣльцу и его ключнику, напр. деревня Вахоницы. Микулка Семеновъ, сынъ его Иванко; сѣютъ ржи четыре коробьи, а сѣна косятъ двадцать копенъ, обжа; доходу одна гривна и десятъ денегъ, а хлѣба треть, а ключнику двѣ лапатки бараньи, четверка ржи, четверка овса, четверка ячменя, деньга. овчина, сыръ, горсть льну.—Сельское народонаселеніе раздѣлялось на крестьянъ и поземщиковъ: крестьянами назывались занимавшіеся земледѣліемъ, а поземщиками занимавшіеся другими промыслами—рыболовствомъ, звѣроловствомъ и т. д. Селенія, состоявшія изъ людей занимавшихся хлѣбопашествомъ. назывались рядками. Относительно происхожденія холопей находимъ статью въ судебникѣ Іоанновомъ, которая повторяетъ положеніе русской правды съ нѣкоторыми впрочемъ распространеніями: „По полной грамотѣ холопъ, по тіунству и по ключу сельскому холопъ, съ докладомъ и безъ докладу, съ женою и дѣтьми, которые у одного господина; которые же дѣти живутъ за другимъ господиномъ или живутъ сами по себѣ, тѣ не холопи; по городскому ключу не холопъ: по рабѣ холопъ, по холопѣ раба, по приданной записи холопъ, по духовной холопъ. Если холопа полонитъ рать татарская, и онъ выбѣжитъ изъ плѣна. то свободенъ, и старому господину не холопъ.

Относительно быта сельскаго народонаселенія въ областяхъ литовскихъ видимъ, что нѣкоторыя волости освобождались отъ зависимости городового начальства: такъ въ 1497 году великій князь Александръ писалъ въ Торопецъ, чтобъ дань и тіунщина въ старцевой волости сбирались волостнымъ старцемъ, чтобъ намѣстникъ торопецкій за данью и тіунщиною въ эту волость не въѣзжалъ, не судилъ тамъ и не рядилъ: судитъ й рядитъ волощанъ старецъ ихъ или вызжій великокняжескій, который

выѣдетъ къ нимъ за данью или за какимъ-нибудь другимъ дѣломъ. Въ литовскихъ владѣніяхъ встрѣчаемъ пожалованія людьми: такъ великій князь Казимиръ пожаловалъ князя Ивана Глинскаго въ стародубскомъ повѣтѣ четырьмя человѣками съ ихъ землями пашными и бортными, сѣнокосами, рѣками, бобровыми гонами: воленъ князь Иванъ этихъ людей съ ихъ землями продать, подарить, промѣнять и вообще распорядиться какъ почтетъ для себя полезнѣе. Видимъ и переходъ вольныхъ сельчанъ: въ грамотѣ Александра тому же князю Глинскому на владѣніе сельцомъ Смолинымъ сказано: на этомъ сельцѣ князь Александръ посадилъ людей вольныхъ прихожихъ; такъ если они не захотятъ служить ему, князю Ивану, то онъ обязанъ отпустить ихъ добровольно со всѣмъ ихъ имѣніемъ. Относительно перехода крестьянъ бѣльской области грамотою великаго князя Александра узаконена важная мѣра: было опредѣлено, сколько дней крестьянинъ обязанъ былъ работать за извѣстный участокъ земли; опредѣлено, сколько отходящій крестьянинъ обязанъ заплатить землевладѣльцу, и прибавлено: „Если бы кто-нибудь изъ землевладѣльцевъ (земянъ), съ цѣлію посадить на своей землѣ большее число крестьянъ (кметей), захотѣлъ установить въ своей землѣ легчайшія работы и дани, къ общему вреду землевладѣльцевъ, таковой за нарушеніе великокняжескаго устава, платитъ сто копъ грошей“. Видимъ, что къ дворамъ великокняжескимъ принадлежала невольная челядь, и великіе князья отдаютъ эти дворы въ хлѣбокормленіе вмѣстѣ съ челядью невольною, житомъ, коньми, животиною, людьми путными и тяглыми, съ конюхами, рыболовами, землями пашными и проч. [23]".

Если мѣры, предпринимавшіяся правительствомъ для умноженія народонаселенія сѣверовосточной Руси, и въ княженіе Іоанна III-го были тѣ же самыя, что и прежде, то относительно препятствій къ этому умноженію, относительно бѣдствій политическихъ и физическихъ должно замѣтить, что для областей, доставшихся Іоанну въ наслѣдство отъ отца, его правленіе было самымъ спокойнымъ, самымъ счастливымъ временемъ: татарскія нападенія касались только границъ; но этихъ нападеній было очень немного, вредъ ими причиненный, очень незначителенъ; возстаніе братьевъ великокняжескихъ только напугало народъ; остальныя войны были наступательныя со стороны Москвы: врагъ не показывался въ предѣлахъ постоянно торжествующаго государства. Новгородъ и его об-

ласть потерпѣли много отъ двукратныхъ походовъ Іоанновыхъ, отъ мора, бывшаго слѣдствіемъ осады, отъ страшнаго мора въ 1467 году, когда въ одномъ Новгородѣ умерло болѣе 48.000 человѣкъ, а во всѣхъ пятинахъ слишкомъ 250.000 человѣкъ. Тверская область до присоединенія страдала нѣкоторое время отъ обидъ московскихъ, рязанская была спокойна; Пскову по прежнему вредили опустошительныя войны съ нѣмцами. О физическихъ бѣдствіяхъ—голодѣ и морѣ въ собственно московскихъ областяхъ лѣтописцы упоминаютъ два раза—подъ 1463 и 1464 годомъ; въ Псковѣ свирѣпствовала железа въ продолженіе двухъ лѣтъ, 1465 и 1466, и потомъ въ 1487 году; здѣсь-же видимъ и дурной урожай въ 1485 году.

Отъ времени Іоанна III дошли до насъ новыя извѣстія, новыя подробности о торговлѣ русской; узнаемъ, что изъ Москвы по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ ежегодно отправлялись суда въ Астрахань за солью; что купцы изъ московскихъ областей, именно изъ Москвы, Новгорода, Коломны, Можайска, Твери, торговали въ Кафѣ и Царѣградѣ, въ Азовѣ, Токатѣ, и ѣздили оттуда за товарами чрезъ литовскія владѣнія, потому что прямой путь степью былъ опасенъ и труденъ [214]; товары, вывозимые русскими купцами изъ Кафы, были: шелкъ, шелковыя и шерстяныя матеріи, шелковая тесьма, ширинки кисейныя, бумага хлопчатая, кушаки, сафьянъ, сабли, сагадаки, гребни, ожерелья, дорогіе камни, губки, ковры, жемчугъ, ладанъ, мыло, грецкіе орѣхи чищеные, инбирь, перецъ, миндаль, ревень, шафранъ, мускусъ, канфора, краски. Потомъ купцы изъ московскихъ областей ѣздили въ литовскія, торговали въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Вильнѣ, Путивлѣ и другихъ мѣстахъ, привозили сюда мѣха бѣличьи, лисьи, бобровые, горностаевые, рысьи, выдровые, воскъ, медъ, шелковыя матеріи, шубы, однорядки, кожухи, епанчи, колпаки, шапки, однорядки новгородскія, свиты новгородскія, овчины, малыя овчинки, щиты, бубны сокольи, москательные товары. Русскіе купцы ѣздили въ Казань, казанскіе въ Москву; изъ Кафы пріѣзжали въ Москву армяне; изъ Орды Волжской по прежнему приходили купцы вмѣстѣ съ послами: однажды пріѣхало 3200 купцовъ, которые привели на продажу 40,000 лошадей. По свидѣтельству Контарини въ Москву, во время зимы, съѣзжалось множество купцовъ изъ Германіи и Польши, для покупки разныхъ мѣховъ, соболей, волковъ, горностаевъ, бѣлокъ и рысей. И русскіе купцы

ѣздили въ Крымъ человѣкъ по 120 кромѣ прислуги, возили товару иногда тысячъ на шестнадцать, иногда двое купцовъ торговали въ складчину, у обоихъ товаръ за одинъ былъ, и потому назывались складниками; видимъ, что слово гость вовсе не означало именно купца, торгующаго съ иностранными государствами, но просто значительнѣйшаго, богатѣйшаго купца, ибо въ числѣ заграничныхъ торговцевъ находимъ и купцовъ: такъ Іоаннъ III-й, запрещая торговцамъ ходить въ Азовъ однимъ безъ посла, пишетъ: „Гостямъ и купцамъ нашимъ". Относительно торговли псковской съ нѣмцами узнаемъ, что послѣдніе въ мирныхъ договорахъ обязывались не пускать въ Псковъ пива и меду.

Для развитія внѣшней восточной торговли въ княженіе Іоанна III важно было то, что Казань долгое время находилась въ подчиненіи Москвѣ; это обстоятельство было тѣмъ болѣе важно, что съ остатками Волжской Орды, съ сыновьями Ахматовыми была постоянная вражда; окончательное подчиненіе Перми, разумѣется, облегчило московскимъ купцамъ торговлю съ странами приуральскими. Дружба съ крымскимъ ханомъ и начавшіяся при его посредствѣ сношенія съ Турціею освобождали, хотя не всегда, московскихъ купцовъ отъ притѣсненій во владѣніяхъ султана; но мы видѣли, что удобный доступъ въ эти владѣнія зависѣлъ отъ того, въ какихъ отношеніяхъ находилась Москва къ Литвѣ, ибо прямая дорога изъ московскихъ владѣній въ Азовъ и Кафу, черезъ степь была крайне опасна по причинѣ разбоевъ, производившихся такъ называемыми азовскими казаками, которые разбивали пословъ и шедшихъ съ ними купцовъ. Безопаснѣе былъ путь чрезъ литовскія владѣнія; но и здѣсь, какъ мы видѣли уже, московскіе купцы подвергались частымъ притѣсненіямъ въ княженіе Казимира: мытники, которые были обыкновенно жиды, увеличивали мыты вопреки договорамъ; мыты брались въ Кіевѣ, Чернобылѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязьмѣ, Гомьѣ, Колодничахъ, Вильнѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ, Радогощѣ, Трубчевскѣ, Брянскѣ, Минскѣ, Полоцкѣ, Люблинѣ. Іоаннъ посылалъ жаловаться Казимиру, что прежде брали въ Вязьмѣ по грошу съ воза, а потомъ стали брать по деньгѣ; въ Волочкѣ Вяземскомъ прежде брали съ судна товарнаго по два гроша, а потомъ стали брать по три; въ Смоленскѣ прежде брали одинъ разъ тридцатое съ гостей, которые ѣхали въ Кіевъ и возвращались назадъ въ Москву, а потомъ стали брать два раза;

прежде въ Смоленскѣ давали рядничему съ товарнаго человѣка по грошу, да старостѣ по грошу, а потомъ прибавили, и съ прислуги (робятъ людскихъ) стали брать по грошу, притомъ одинъ ли кто пріѣдетъ, самъ ли десятъ пріѣдетъ, берутъ на рядничаго по гривенкѣ перцу и столько же на старосту; въ Колодничахъ и Вильнѣ не брали прежде ничего, а потомъ стали брать. Пріѣхавши въ городъ, купцы обязаны были относить подарки воеводѣ и женѣ его. Кромѣ того мытники и владѣльцы, чрезъ земли которыхъ купцы проѣзжали, грабили у нихъ товары [292]. Наконецъ купцы терпѣли отъ разбоевъ. При наслѣдникѣ Казимира, Александрѣ, въ то время, какъ онъ не находился въ войнѣ съ тестемъ, встрѣчаемъ мало жалобъ на притѣсненія московскихъ купцовъ въ Литвѣ; узнаемъ, что въ это время изъ Литвы запрещено было тамошнимъ правительствомъ вывозить серебро, а великій князь московскій запретилъ ввозить въ свои владѣнія соль изъ Литвы, отъ нѣмцевъ же въ Новгородъ шла не только соль, но и медъ.

При отсутствіи усобицъ, при кратковременной распрѣ Москвы съ Тверью и Новгородомъ, послѣ чего оба эти города съ ихъ областями присоединены были къ Москвѣ, внутренняя торговля при Іоаннѣ III должна была развиться сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде; встрѣчаемъ извѣстія о торгахъ или ярмаркахъ; такъ въ 1491 году великій князь перевелъ торгъ отъ Троицкаго монастыря въ городокъ Радонежъ; въ духовномъ завѣщаніи своемъ Іоаннъ III говоритъ: „Что я свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу, на тотъ торгъ пусть съѣжаются торговать, какъ было при мнѣ; сынъ мой Димитрій беретъ пошлины, какъ было при мнѣ, а лишнихъ пошлинъ не прибавляетъ; сынъ же мой Василій и другіе дѣти этого торга на свои земли не сводятъ и не запрещаютъ въ своихъ земляхъ на него ѣздить". О внутренней торговлѣ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе въ житіи св. Даніила Переславскаго, гдѣ говорится, что однажды святому случилось увидать на рѣкѣ Трубежѣ большое судно, привязанное волосянымъ канатомъ къ берегу съ товарами тверскихъ купцовъ. По свидѣтельству Іосафата Барбаро, въ Москвѣ было такое изобиліе въ хлѣбѣ и мясѣ, что говядину продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру. За одинъ маркъ (marchetto) можно было получить четыре фунта мяса, семьдесятъ куръ стоили червонецъ, гусь не болѣе трехъ марокъ. Зимою привозили въ Москву такое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ,

совсѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, что за одинъ разъ можно было купить до двухъ сотъ штукъ. Жители, для поѣздокъ своихъ, особенно продолжительныхъ, избирали преимущественно зимнее время; лѣтомъ же никто не отваживался въ дальній путь по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, порождаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми.

По грамотѣ великаго князя Александра литовскаго въ Полоцкѣ были учреждены три двухдневныя ярмарки въ году, во время которыхъ рижскіе и другіе иностранные купцы могли покупать товары, какъ хотѣли; но въ обыкновенное время, кромѣ ярморочнаго, иностранные купцы могли покупать товары только въ большомъ количествѣ, наприм. воскъ штуками не менѣе полуберковца, мѣха сороками: не имѣли права покупать эти товары ни въ лѣсахъ, ни въ борахъ, ни въ селахъ, а только въ Полоцкѣ; продавать свои товары иностранные купцы опять могли только въ большомъ количествѣ. Изъ этой грамоты Александровой мы узнаемъ, что отпускная торговля Полоцка состояла въ воскѣ, мѣхахъ, золѣ и смолѣ, а привозная въ сукнахъ, соли, пряныхъ кореньяхъ, миндалѣ, топорахъ, пилахъ, желѣзѣ, оловѣ, мѣди, цинкѣ, винѣ и пивѣ; по той же грамотѣ, рижскіе купцы могли торговать только въ Полоцкѣ, и не смѣли ѣздить ни въ Витебскъ, ни въ Смоленскъ; изъ другой грамоты Александровой узнаемъ, что бояре полоцкіе отпускали въ Ригу хлѣбъ, крупу, золу и смолу.—Въ 1503 году великій князь Александръ по челобитью войта, бурмистровъ, радцевъ и всѣхъ мѣщанъ виленскихъ, позволилъ имъ построить у себя гостиный домъ, въ которомъ должны останавливаться гости—москвичи, новгородцы, псковичи, тверичи и другіе иноземные купцы, объявивъ о себѣ намѣстнику воеводину, потому что прежде гости останавливались въ мѣщанскихъ домахъ, безъ вѣсти пріѣзжали, безъ вѣсти и уѣзжали, такъ что между ними легко могли быть лазутчики и другіе лихіе люди. Въ Кіевъ, по свидѣтельству Контарини, съѣзжалось множество купцовъ изъ великой Россіи съ различными мѣхами, которые они отправляли въ Кафу съ караванами [293].

Благодаря торговлѣ, Новгородъ Великій былъ самымъ богатымъ, самымъ обширнымъ и самымъ великолѣпнымъ городомъ въ сѣверовосточной Руси; Владиміръ, украшенный Боголюбскимъ и Всеволодомъ III-мъ, былъ раззоренъ татарами и послѣ не подинмался,

переставъ быть мѣстопребываніемъ великокняжескимъ; Москва начала усиливаться не въ такое время, когда можно было думать объ ея украшеніи, и потому до временъ Іоанна III-го представляла очень бѣдный видъ. Но теперь обстоятельства перемѣнились: Москва сдѣлалась столицею обширнаго государства, средства великаго князя увеличились, и главное—онъ получилъ возможность въ тишинѣ, безпрепятственно употреблять эти средства для украшенія своего стольнаго города. При вступленіи на престолъ Іоанна въ кремлѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ хоронились великія княгини, виднѣлась недостроенная церковь: два раза двѣ великія княгини принимались ее строить—жена Донскаго, Евдокія, и жена сына его, Василія, Софья Витовтовна, но верхъ еще не былъ сведенъ; послѣ многихъ пожаровъ камень обгорѣлъ, своды повредились; мать Іоанна, великая княгиня Марія, захотѣла окончить начатое предшественницами своими зданіе, долженствовавшее служить для нея также мѣстомъ погребенія, и поручила дѣло мастеру Василью Дмитріеву Ермолину. Ермолинъ не сталъ разбирать всего стараго зданія, разобралъ только то, что было повреждено, обложилъ всю церковь снаружи новымъ камнемъ, да обожженнымъ кирпичемъ, свелъ своды и окончилъ строеніе: всѣ дивились этому необычайному дѣлу, говоритъ лѣтописецъ.

Но главнымъ украшеніемъ города считался соборный храмъ, и Москва менѣе всего могла похвалиться этимъ украшеніемъ. Соборная церковь Успенія, построенная при Калитѣ, уже успѣла такъ обветшать, что своды тронулись, и потому принуждены были подпереть зданіе толстыми деревянными столпами; надобно было думать о построеніи другой церкви, и вотъ въ 1472 году митрополитъ Филиппъ призвалъ двухъ мастеровъ—Кривцова да Мышкина, и спросилъ ихъ, возьмутся ли они построить церковь такую же, какъ владимірскій соборъ Богородицы? Мастера взялись, и митрополитъ назначилъ большой сборъ серебра со всѣхъ священниковъ и монастырей на церковное строеніе, а бояре и гости добровольно давали деньги; когда серебро было собрано, приступили къ дѣлу, разрушили старую церковь и начали строить новую; но когда на третій годъ стали сводить своды, зданіе рухнуло. Великій князь послалъ во Псковъ за тамошними мастерами, пришедшими изъ нѣмецкой земли; мастера пріѣхали, осмотрѣли рухнувшее зданіе, похвалили гладкость работы, но похулили известь, которая раство-

рялась жидко, не клеевито, что и было главною причиною непрочности дѣла. Псковскимъ мастерамъ однако не дали поправить ошибку Кривцова и Мышкина; по всѣмъ вѣроятностямъ Софія Ѳоминична, пріѣхавшая не задолго передъ тѣмъ въ Москву, уговорила мужа вызвать изъ Италіи болѣе надежнаго художника, и великій князь, отправляя въ Венецію Семена Толбузина, велѣлъ ему искать тамъ церковнаго мастера. Толбузинъ нашелъ въ Венеціи много мастеровъ, но только одинъ изъ нихъ согласился ѣхать въ Москву за десять рублей въ мѣсяцъ жалованья: то былъ болонскій уроженецъ Аристотель Фіоравенти; и его даже насилу отпустили съ Толбузинымъ. Аристотель привезъ сына Андрея и ученика Петра; осмотрѣвши старыя церковныя работы, и онъ похвалилъ гладкость ихъ, но сказалъ, что известь не клеевита и камень не твердъ, почему и объявилъ, что начнетъ все дѣлать снова; остатки прежняго строенія разбилъ стѣнобитною машиною—бараномъ: удивительное дѣло! говоритъ лѣтописецъ: три года дѣлали, а онъ меньше чѣмъ въ недѣлю развалилъ, не успѣвали выносить камень! Аристотель съѣздилъ и во Владиміръ: осмотрѣвши тамошнюю церковь, онъ похвалилъ ее и сказалъ: „это работа какихъ-нибудь нашихъ мастеровъ“! Печь для обжиганія кирпича онъ устроилъ за Андроньевымъ монастыремъ, дѣлалъ кирпичи уже прежнихъ, но продолговатѣе и тверже; чтобъ разломить ихъ, нужно было прежде въ водѣ размачивать; известь также велѣлъ мѣшать густо, такъ что когда засохнетъ, то и ножемъ нельзя расколупать; для поднятія камней вверхъ Аристотель сдѣлалъ колесо: чудно было смотрѣть, какъ поднимали колесомъ камни, прицѣпивъ ихъ за веревку! Въ 1475 году началъ Аристотель свои работы, 1479 кончилъ. Освященіе соборной церкви Іоаннъ праздновалъ великолѣпно: велѣлъ раздать милостыню на весь городъ, угостилъ обѣдомъ митрополита, епископовъ, архимандритовъ и всѣхъ бояръ; на слѣдующій день митрополитъ и всѣ соборы (бѣлое духовенство) обѣдали у Государя въ средней горницѣ, а самъ великій князь стоялъ передъ ними и съ сыномъ своимъ. Всѣ соборы ѣли и пили на дворѣ великокняжескомъ семь дней. Но построеніемъ Успенскаго собора не ограничилась дѣятельность Аристотеля, ибо онъ былъ не только искусный м у р о л ь (архитекторъ), но умѣлъ также лить пушки и стрѣлять изъ нихъ, лить колокола, чеканить монету. Во время осады Новгорода, Аристотель построилъ подъ городищемъ мостъ на

судахъ; во время похода подъ Тверь Аристотель шелъ съ пушками; на монетахъ Іоаннова времени видна надписъ: Aristoteles.

Но дѣятельности одного Аристотеля было недостаточно для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ, которыя начинало чувствовать новорожденное государство московское; посылая къ двору императорскому Юрія Траханіота, Іоаннъ далъ ему наказъ: „Добывать великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другаго мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлять золото и серебро; если Юрій сыщетъ такихъ мастеровъ, то ему ихъ выпросить, а рядить ихъ, чтобъ ѣхали къ великому князю на наемъ, по скольку имъ въ мѣсяцъ давать за все про все; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другаго мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ". Короля Максимиліана Юрій долженъ былъ просить, чтобъ послалъ къ великому князю лѣкаря добраго, который бы умѣлъ лѣчить внутреннія болѣзни и раны. У венгерскаго короля Матвѣя Іоаннъ также просилъ рудознатцевъ, архитекторовъ, серебряныхъ мастеровъ, пушечныхъ литейщиковъ. Въ 1490 году великокняжескіе послы привезли въ Москву лѣкаря, мастеровъ стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ, серебряныхъ, и даже арганнаго игреца; въ 1494 году послы, ѣздившіе въ Венецію и Медіоланъ, привезли въ Москву Алевиза, стѣннаго мастера и палатнаго, и Петра пушечника; наконецъ подъ 1504 годомъ встрѣчаемъ еще извѣстіе о привозѣ послами новыхъ многихъ мастеровъ изъ Италіи. Одинъ изъ венеціанскихъ мастеровъ, Антонъ Фрязинъ, поставилъ на Москвѣ-рѣкѣ стрѣльницу, а подъ нею вывелъ тайникъ; Марко Фрязинъ поставилъ стрѣльницу на углу беклемишевскую; Петръ Антонъ Фрязинъ поставилъ двѣ стрѣльницы, одну у боровицкихъ воротъ, другую у константиноеленинскихъ, и построилъ часть стѣны отъ свибловской стрѣльницы до боровицкихъ воротъ, и провелъ стѣну до Неглинной; въ 1495 году великій князь велѣлъ сносить дворы и церкви за Москвою противъ города, и заложилъ стѣну каменную не по старой стѣнѣ, возлѣ Неглинной; между стѣною и дворами велѣно было оставить 109 саженъ пустого пространства. Въ послѣдній годъ жизни Іоанновой разобрали старый

соборъ Архангельскій и заложили новый, неизвѣстно по плану какого архитектора. Мастера, выписанные было изъ Пскова для строенія Успенскаго собора, не остались безъ дѣла и послѣ пріѣзда Аристотелева; они построили Троицкій соборъ въ Серіевѣ монастырѣ, соборныя церкви въ монастыряхъ московскихъ—Златоустовомъ и Срѣтенскомъ, Благовѣщенскій соборъ на дворѣ великокняжескомъ, церковь Ризъ положенія на митрополичьемъ.—Въ 1496 году поставлена была церковь Успенія въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ, ставили пять мѣсяцевъ, издержали 250 рублей; каменьщиковъ и стѣньщиковъ было 20 мастеровъ, изъ нихъ старшій—Прохоръ ростовскій.

Черезъ семь лѣтъ послѣ построенія Успенскаго собора, въ 1487 году, великій князь велѣлъ венеціанскому архитектору Марку заложить большую палату на своемъ дворѣ, гдѣ стоялъ теремъ; въ 1491 году она была готова: это была такъ называемая Грановитая палата, которая назначалась для торжественныхъ пріемовъ и собраній, а жилъ великій князь въ старомъ деревянномъ дворцѣ. Только въ слѣдующемъ 1492 году онъ велѣлъ разобрать этотъ деревянный дворецъ и поставить каменный за Архангельскимъ соборомъ, а самъ во время его постройки жилъ въ домѣ князя Патрикѣева; но въ слѣдующемъ же 1493 году этотъ новый дворецъ сгорѣлъ, такъ что великій князь принужденъ былъ на нѣкоторое время перебраться въ домы простыхъ людей къ Яузѣ, къ церкви Николы въ Подкопаевомъ; наконецъ, въ 1499 году онъ велѣлъ заложить дворецъ каменный, а подъ нимъ погреба и ледники на старомъ своемъ дворѣ у Благовѣщенія, и вести стѣну каменную отъ двора своего до боровицкой стрѣльницы: строителемъ былъ мастеръ Алевизъ изъ Медіолана. Митрополитъ Геронтій въ 1473 году поставилъ у двора своего ворота изъ обожженнаго кирпича, а въ 1477 году поставилъ палату кирпичную на четырехъ подклѣтяхъ каменныхъ; въ 1493 году митрополитъ Зосима поставилъ три кельи каменныя съ подклѣтями.—Въ 1471 году купецъ Тараканъ заложилъ себѣ кирпичныя палаты у фроловскихъ воротъ; въ 1485 году трое вельможъ построили себѣ кирпичныя палаты. Церкви и палаты строили художники иностранные; церковная живопись оставалась въ рукахъ русскихъ мастеровъ; въ 1482 году ростовскій владыка Вассіанъ далъ сто рублей мастерамъ иконникамъ—Діонисію, попу Тимоѳею, Ярцу и Коню, которые написали Деисусъ

въ новую церковь Богородицы, и написали чудно вельми съ праздниками; тотъ же Діонисій написалъ икону Одигитріи въ Вознесенскій монастырь; упоминается также иконникъ Далматъ.

Изъ пушечныхъ мастеровъ, кромѣ Аристотеля, извѣстенъ былъ италіанецъ Павлинъ Дебосисъ, который въ 1488 году слилъ пушку большую. Мы видѣли, что великій князь вызывалъ изъ-за границы мастеровъ, умѣвшихъ находить руду и отдѣлять ее отъ земли: въ 1491 году нѣмцы Иванъ да Викторъ нашли руду серебряную да мѣдную на рѣкѣ Цымнѣ, за полднища отъ рѣки Космы и за семь днищъ отъ рѣки Печоры.—Мы видѣли также, что Іоаннъ вызывалъ и лѣкарей; судьба послѣднихъ, сколько намъ извѣстно, была печальна въ Москвѣ. Лѣкарь Леонъ. родомъ нѣмецъ, пріѣхавшій изъ Венеціи, обѣщалъ вылѣчить сына великокняжескаго, Іоанна молодого, обрекая себя въ противномъ случаѣ смертной казни; больной умеръ, и великій князь исполнилъ условіе: послѣ сыновнихъ сорочинъ велѣлъ отсѣчь голову лѣкарю; другой лѣкарь, нѣмецъ Антонъ, котораго великій князь держалъ въ большой чести, лѣчилъ татарскаго князя Каракучу, принадлежавшаго къ дружинѣ царевича Даньяра, и уморилъ его смертнымъ зельемъ на смѣхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ; великій князь выдалъ лѣкаря сыну Каракучеву, который, получивъ его, хотѣлъ отпустить за деньги, но великій князь не согласился и велѣлъ его убить; тогда татары свели Антона на Москву рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали ножемъ какъ овцу; Аристотель, видя, какой участи подвергаются иностранные мастера въ Москвѣ, испугался и началъ проситься домой; но великій князь велѣлъ его за это схватить и, ограбивъ, посадить на дворѣ Антоновомъ [291]. Вызывая лѣкарей изъ-за границы, великій князь заботился о недопущеніи заразительныхъ болѣзней изъ-за границы: отправляя посломъ въ Литву Мамонова, Іоаннъ велѣлъ ему справиться: не пріѣзжалъ ли въ Вязьму изъ Смоленска кто-нибудь больной тою болестью, что болячки мечутся и слыветъ французскою, и говорятъ, будто бы въ винѣ ее привезли?

Наконецъ, говоря о матеріальныхъ средствахъ московскаго государства при Іоаннѣ III-мъ, мы должны упомянуть о ямахъ, или почтахъ. Учрежденіе ихъ мы не можемъ приписать Іоанну: онѣ существовали прежде, и, безъ сомнѣнія, возникли сначала вслѣдствіе татарскихъ отношеній; въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ гово-

ритъ: „Сынъ мой Василій въ своемъ великомъ княженіи держитъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ были при мнѣ". Изъ грамоты новгородскаго владыки Геннадія къ митрополиту узнаемъ, что гонцы изъ Москвы въ Новгородъ пріѣзжали въ три дня.

Въ нравственномъ состояніи русскаго общества, и вопервыхъ въ сферѣ церковной, въ правленіе Іоанна III-го видимъ любопытныя явленія, относящіяся къ опредѣленію отношеній между властію церковною и гражданскою и къ стремленію улучшить нравственное состояніе духовенства и мірянъ. Въ 1464 году митрополитъ Ѳеодосій оставилъ митрополію и удалился въ Чудовъ монастырь; тогда великій князь послалъ за братьями своими, князьями удѣльными, за всѣми епископами, архимандритами и игумнами. и когда они собрались, то изволеніемъ великаго князя, братьевъ его и всѣхъ епископовъ, избранъ былъ въ митрополиты суздальскій епископъ Филиппъ; которые же епископы лично не присутствовали, тѣ прислали соизволительныя грамоты; такимъ же образомъ избраны были и преемники Филипповы—Геронтій и Симонъ; на поставленіи послѣдняго, когда совершилась божественная служба и приспѣло время возвести новопоставленнаго на митрополичье мѣсто, великій князь обратился къ нему съ такою рѣчью: „Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая намъ государство всея Руси, подаетъ тебѣ сей святый, великій престолъ архіерейства, митрополіи всея Руси, рукоположеніемъ и священіемъ святыхъ отцевъ архіепископовъ и епископовъ нашего русскаго царства. Отче! приими жезлъ пастырства и взыдь на сѣдалище старѣйшинства святительскаго во имя Господа Іисуса Христа и Пречистыя Его Матери; моли Бога и Пречистую Его Матерь о насъ, о нашихъ дѣтяхъ, о всемъ православіи, и да подастъ тебѣ Господь Богъ здравіе и долгоденствіе на многія лѣта"! Дьяки запѣли: ис полла эти деспота митрополиту, который отвѣчалъ Іоанну: „Самодержавный владыко государь! Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ богопоставленное твое царство мирно, да будетъ твое государство многолѣтно и побѣдительно со всѣми повинующимися тебѣ христолюбивыми воинствами и прочими народами; во вся дни живота твоего здравъ буди добротворя на многа лѣта". Дьяки пропѣли многолѣтіе великому князю.

Въ 1478 году великій князь вступился въ споръ, начавшійся

между митрополитомъ Геронтіемъ и ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ по поводу Кириллова бѣлозерскаго монастыря. Монахи этого монастыря, не желая быть подъ управленіемъ ростовскихъ архіепископовъ, просили своего удѣльнаго князя, Михаила Андреевича Верейскаго взять ихъ подъ свое вѣдѣніе; князь обратился съ просьбою къ митрополиту, и тотъ далъ грамоту, по которой монастырь поступалъ въ вѣдѣніе князя Михаила, а ростовскій архіепископъ лишался надъ нимъ всякой власти. Вассіанъ обратился сначала къ митрополиту съ просьбою, чтобъ не вступался въ его предѣлъ; когда же Геронтій его не послушалъ, то онъ обратился къ великому князю, прося суда съ митрополитомъ по правиламъ. Іоаннъ принялъ сторону архіепископа, но митрополитъ не послушалъ и его. Тогда великій князь послалъ взять у князя Михаила митрополичью грамоту и велѣлъ съѣзжаться въ Москву на соборъ всѣмъ епископамъ и архимандритамъ. Митрополитъ испугался соборнаго суда, и упросилъ Іоанна потушить дѣло: великій князь помирилъ его съ Вассіаномъ, грамоту изодрали, и Кирилловъ монастырь перешелъ по прежнему въ вѣдѣніе ростовскаго архіепископа.—Иначе кончился споръ, возникшій у великаго князя съ тѣмъ же митрополитомъ Геронтіемъ по поводу чисто церковнаго дѣла. Нашлись люди, которые наговорили Іоанну, что митрополитъ во время освященія Успенскаго собора поступилъ не по правиламъ, ходилъ съ крестами около церкви не по солнечному восходу. Великій князь разсердился, началъ говорить, что за это Богъ пошлетъ гнѣвъ свой; начались толки, розыски; въ книгахъ не нашли, какъ ходить во время освященія церкви, по солнцу, или противъ солнца: но рѣчей было много: одни говорили за митрополита, а другой говорилъ: „Я самъ видѣлъ, какъ на святой горѣ освящали церковь; тамъ съ крестами противъ солнца ходили",—и былъ споръ большой, котораго не рѣшили ростовскій владыка Вассіанъ и чудовскій архимандритъ Геннадій, призванные великимъ княземъ. Митрополитъ въ доказательство своего мнѣнія приводилъ, что когда діаконъ кадитъ престолъ въ алтарѣ, то на правую руку ходитъ съ кадиломъ, а они говорили: „Солнце праведное Христосъ на адъ наступилъ, смерть связалъ и души освободилъ, для этого на пасху исходятъ противъ солнца". Нашествіе Ахмата и смерть Вассіана ростовскаго прекратили на время споръ; но когда все успокоилось, онъ опять возобновился; митрополитъ, негодуя, что великій князь

все держится мнѣнія его противниковъ, выѣхалъ изъ кремля въ Симоновъ монастырь, оставивъ посохъ свой въ Успенскомъ соборѣ, и взявши съ собою только ризницу; онъ говорилъ, что если великій князь не пріѣдетъ къ нему, не добьетъ челомъ и спора не прекратитъ, то онъ окончательно оставитъ митрополію и будетъ жить въ кельи, какъ простой монахъ. Много между тѣмъ было выстроено новыхъ церквей, которыя оставались безъ освященія вслѣдствіе нерѣшеннаго дѣла о томъ, какъ ходить съ крестами; всѣ священники и книжники, иноки и міряне держали сторону митрополита, за великаго князя стояли только преемникъ Вассіана, ростовскій владыка Іоасафъ, родомъ изъ князей Оболенскихъ, да чудовскій архимандритъ Геннадій. Видя на своей сторонѣ такое меньшинство, великій князь послалъ къ митрополиту въ Симоновъ сына своего съ просьбою возвратиться, но митрополитъ не послушалъ; тогда великій князь поѣхалъ самъ бить челомъ, объявилъ себя виноватымъ, обѣщалъ впередъ во всемъ слушаться митрополита, и тотъ возвратился въ Москву на свой столъ. Случай скоро далъ ему и другое торжество надъ противникомъ его, Геннадіемъ архимандритомъ чудовскимъ: въ 1482 году крещенскій сочельникъ пришелся въ воскресенье, и Геннадій позволилъ братіи пить богоявленскую воду поѣвши. Митрополитъ, узнавши объ этомъ, послалъ схватить Геннадія и привести къ себѣ, тотъ убѣжалъ къ великому князю: тогда митрополитъ самъ пошелъ къ великому князю съ жалобами: обвинялъ Геннадія вопервыхъ въ томъ, что поступаетъ самовольно, разрѣшаетъ такія важныя вещи, не спросясь митрополита; вовторыхъ, обезчестилъ такую священную воду. Великій князь выдалъ его митрополиту, и тотъ велѣлъ сковать Геннадія и посадить въ ледникъ подъ палату; великій князь съ боярами упросилъ однако митрополита смиловаться надъ преступникомъ, приводя въ примѣръ милосердіе митрополита Іоны, уже теперь прославленнаго чудесами, надъ ростовскимъ владыкою Ѳеодосіемъ, дерзнувшимъ разрѣшить мясо въ богоявленскій сочельникъ. Черезъ два года послѣ этого происшествія Геронтій заболѣлъ, рѣшился оставить митрополію, и опять уѣхалъ въ Симоновъ монастырь; великій князь, какъ видно, былъ доволенъ этимъ, и уже назначилъ ему въ преемники Паисія, благочестиваго игумена троицкаго; но Геронтій выздоровѣвши захотѣлъ опять на митрополію; тщетно великій князь посылалъ къ нему Паисія уговаривать остаться при преж-

немъ намѣренія; Геронтій не соглашался и нѣсколько разъ убѣгалъ изъ монастыря въ Москву, но его перехватывали на дорогѣ. Соблазнъ былъ большой; великій князь началъ совѣтоваться съ Паисіемъ, можно ли взять Геронтія опять на митрополію? Паисій объявилъ, что можно, и объявилъ также, что самъ никогда не согласится быть митрополитомъ: онъ, по принужденію великаго же князя, согласился быть и троицкимъ игуменомъ, и скоро потомъ оставилъ игуменство, потому что не могъ превратить чернецовъ на Божій путь, на молитву, постъ, воздержаніе; они хотѣли даже убить его, потому что между тамошними монахами были бояре и князья, которые не хотѣли повиноваться ему. Великій князь, лишившись надежды видѣть Паисія на митрополіи, согласился на вступленіе Геронтія опять въ должность; а въ слѣдующемъ 1485 году Геннадій чудовскій посвященъ былъ въ архіепископы Новгороду Великому.

Здѣсь Геннадій нашелъ явленіе, которое грозило русской церкви большею опасностію. Въ половинѣ XV вѣка, а можетъ-быть и ранѣе, въ Кіевѣ явилась ересь, какъ видно, смѣсь іудейства съ христіанскимъ раціонализмомъ, отвергавшая Таинство Св. Троицы, Божество Іисуса Христа, необходимость воплощенія, почитаніе угодниковъ Божіихъ, иконъ, монашество и т. д. Глава или членъ общества кіевскихъ еретиковъ, жидъ Схарія, пріѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ. Неизвѣстно, зачѣмъ собственно пріѣхалъ онъ въ Новгородъ, для распространенія ли ереси, или по дѣламъ торговымъ; неизвѣстно, долго ли оставался; извѣстно только то, что онъ съ помощію пятерыхъ сообщниковъ, также жидовъ, насадилъ въ Новгородѣ свою ересь. Первыми учениками Схарія здѣсь были два священника, Діонисій и Алексѣй; какъ во время стригольничества, наружное благочестіе первыхъ еретиковъ обратило на нихъ вниманіе народа и содѣйствовало быстрому распространенію ереси: еретики старались получить священническія мѣста, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на своихъ духовныхъ дѣтей: если видѣли человѣка твердаго въ православіи, передъ такимъ и сами являлись православными; передъ человѣкомъ, обличающимъ ересь, они и сами являлись строгими ея обличителями, проклинали еретиковъ; но гдѣ видѣли человѣка слабаго въ вѣрѣ, тутъ были готовы на ловлю. Еретики отличались ученостію, имѣли книги, какихъ не было у православнаго духовен-

ства, которое потому и не могло бороться съ еретиками. Геннадій писалъ къ ростовскому архіепископу Іоасафу: „Есть ли у васъ въ Кирилловѣ монастырѣ, или въ Ѳерапонтовѣ, или на Каменномъ книги: Сильвестръ папа римскій, Слово Козьмы пресвитера на ересь Богомиловъ, посланіе Фотія патріарха къ болгарскому царю Борису, пророчества, бытія, царствъ, притчи, менандръ, Іисусъ Сираховъ, логика, Діонисій Ареопагитъ, потому что эти книги у еретиковъ всѣ есть“. Положеніе Новгорода во время окончательной борьбы съ Москвою и непосредственно послѣ нея не давало его церковному правительству возможности обратить надлежащее вниманіе на ересь. Слава благочестивой жизни и мудрости двухъ главныхъ еретиковъ новгородскихъ, Діонисія и Алексѣя, достигла до того, что обратила на нихъ вниманіе великаго князя, когда онъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1480 году, и оба они взяты были въ Москву: одинъ былъ сдѣланъ протопопомъ въ Успенскій, другой священникомъ въ Архангельскій соборы; здѣсь они скоро распространили свое ученіе и между людьми извѣстными, могущественными по своему вліянію; въ числѣ принявшихъ это ученіе были: симоновскій архимандритъ Зосима, славный своею грамотностію и способностями дьякъ Ѳедоръ Курицынъ съ братомъ Иваномъ Волкомъ, невѣстка великаго князя, Елена, мать наслѣдника престола. Іоаннъ зналъ, что эти люди держатъ новое ученіе, но по характеру своему, не спѣшилъ принять рѣшительныхъ мѣръ, ждалъ, пока дѣло объяснится, особенно видя приверженность къ новому ученію людей, которыхъ не могъ не уважать въ томъ или другомъ отношеніи.

Новгородскій владыка Ѳеофилъ, по извѣстному намъ ужъ положенію его, не могъ обратить должнаго вниманія на еретиковъ въ своей паствѣ; еще менѣе могъ сдѣлать это преемникъ Ѳеофила Сергій; но Геннадію скоро случай открылъ глаза; съ распространеніемъ ереси въ числѣ ея приверженцевъ, разумѣется, нашлись люди, которые уже не отличались такою чистотою поведенія, какъ первые еретики, или уже не считали болѣе нужнымъ притворствовать. Геннадію донесли, что нѣсколько священниковъ, въ пьяномъ видѣ, наругались надъ иконами; архіепископъ немедленно далъ знать объ этомъ великому князю и митрополиту, нарядилъ слѣдствіе, обыскалъ еретиковъ, и отдалъ ихъ на поруки, но они убѣжали въ Москву; Геннадій отправилъ туда слѣдственное дѣло. 13

февраля 1488 года онъ получилъ отъ великаго князя такую грамоту: „Писалъ ты ко мнѣ и къ митрополиту грамоту о ересяхъ, о хулѣ на Христа Сына Божія и на Пречистую Его Богоматерь, и о поруганіи св. иконъ, что въ Новгородѣ нѣкоторые священники, дьяконы, дьяки и простые люди жидовскую вѣру величаютъ, а нашу вѣру православную Христову хулятъ, и списокъ этихъ ересей прислалъ ты къ намъ: я, съ своимъ отцемъ митрополитомъ, епископами и со всѣмъ соборомъ, по твоему списку разсудили, что попъ Григорій Семеновскій, да попъ Герасимъ Никольскій, да Григорья попа сынъ, дьякъ Самсонка, по правиламъ царскимъ, заслужили гражданскую казнь, потому что на нихъ есть свидѣтельства въ твоемъ спискѣ, а на Гридю дьяка борисоглѣбскаго въ твоемъ спискѣ свидѣтельства нѣтъ, кромѣ свидѣтельства попа Наума. Поповъ—Григорья, Герасима и дьяка Самсонку я велѣлъ здѣсь казнить гражданскою казнью (ихъ били по торгу кнутомъ) и послалъ ихъ къ тебѣ: ты созови соборъ, обличи ихъ ересь и дай имъ наставленіе; если не покаются, то отошли ихъ къ моимъ намѣстникамъ, которые казнятъ ихъ гражданскою же казнію; Гридя дьякъ къ тебѣ же посланъ—обыскивай его тамъ, обыскивай вмѣстѣ съ моими намѣстниками и другихъ, которые написаны въ твоемъ спискѣ; если найдешь ихъ достойными вашей казни церковной, то распорядись самъ, какъ знаешь; если же будутъ заслуживать гражданской казни, то отошли ихъ къ моимъ намѣстникамъ; да велите, вмѣстѣ съ намѣстниками, переписать имѣніе Григорьево, Герасимово и Самсоново". Митрополитъ писалъ къ Геннадію отъ себя въ томъ же смыслѣ.

Геннадій исполнилъ предписаніе, началъ обыскивать еретиковъ, и которые изъ нихъ покаялись, на тѣхъ положилъ епитемью, велѣлъ во время службы стоять передъ церковью, а въ церковь не входить; тѣхъ же, которые не покаялись и продолжали хвалить жидовскую вѣру, отослалъ къ намѣстникамъ великокняжескимъ для гражданской казни и обо всемъ дѣлѣ послалъ подробныя извѣстія великому князю и митрополиту. Но на эти извѣстія онъ не получилъ никакого отвѣта изъ Москвы; митрополитъ Геронтій, по словамъ Геннадія, не хотѣлъ докучать ими великому князю. Узнавши объ этомъ, узнавши, что въ Москвѣ еретики ж и в у т ъ в ъ о с л а б ѣ, а новгородскіе еретики, покаявшіеся было и находившіеся подъ епитемьею, убѣжали въ Москву, начали здѣсь ходить безпрепятственно въ церковь и алтарь, а нѣкоторые даже служили литур-

гію,—видя такое послабленіе еретикамъ въ Москвѣ, Геннадій обратился къ человѣку, который по своему характеру и нравственному значенію стоилъ многихъ могущественныхъ помощниковъ: то былъ знаменитый Іосифъ Волоколамскій.

Мы уже видѣли, что нравственные недуги вызывали въ свѣжемъ и крѣпкомъ тѣлѣ древней Россіи сильное противодѣйствіе, и что это противодѣйствіе преимущественно обнаруживалось въ рядѣ христіанскихъ подвижниковъ, иноковъ, которыхъ дивная, строгая жизнь для людей съ лучшими потребностями служила щитомъ противъ нравственной порчи. Строгое правило иноческой жизни, правило Сергія и Кирилла на югѣ отъ Москвы поддерживалось въ Боровскомъ монастырѣ его игуменомъ и основателемъ Пафнутіемъ, страшнымъ старцемъ, который имѣлъ даръ по лицу приближающагося къ нему человѣка угадывать дурную страсть, дурное дѣло. Къ такому-то наставнику не усумнился придти молодой Иванъ Санинъ, сынъ московскаго служилаго человѣка, потомокъ выходца изъ западной Руси. Еще не достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, Иванъ уже успѣлъ испытать свои силы въ безмолвной иноческой жизни, но не былъ доволенъ своимъ опытомъ, искалъ высшаго образца, опытнѣйшаго подвижника: ему указали Пафнутія. Пришедши въ Боровскій монастырь, Иванъ засталъ игумена и братію за тяжелою работою: они носили и обтесывали бревна, и потомъ безъ отдыха шли въ церковь на вечернюю службу. Такова была жизнь, ожидавшая молодого человѣка въ монастырѣ; но такая-то именно жизнь уже давно и прельщала его; онъ упалъ къ ногамъ Пафнутія и просилъ принять его въ число братій; Пафнутій узналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и въ тотъ же день постригъ пришлеца, который получилъ имя Іосифа. Строгъ былъ искусъ, которому подвергся Іосифъ въ Пафнутіевомъ монастырѣ; но это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не утомляются никакими трудами, никакими лишеніями, не останавливаются никакими препятствіями при достиженіи разъ предназначенной цѣли. Когда, по смерти Пафнутія, Іосифа избрали игуменомъ Боровскаго монастыря, то онъ уже не довольствовался уставомъ, который былъ въ силѣ во времена Пафнутія, но хотѣлъ ввести уставъ строжайшій; когда же большинство братіи не согласилось на это, Іосифъ оставилъ Пафнутіевъ монастырь, посѣтилъ другія обители, присматриваясь къ уставамъ, и выбирая, какой бы былъ построже, наконецъ рѣшился основать

собственный монастырь въ лѣсахъ Волоколамскихъ съ самымъ строгимъ общежительнымъ уставомъ; какъ Іосифъ не любилъ останавливаться, доказываетъ то, что запретивъ женщинамъ входъ въ монастырь и всякое сношеніе съ братіею, онъ самъ себѣ не позволилъ видѣться съ престарѣлою матерью.

Такого-то неутомимаго борца вызвалъ Геннадій на помощь противъ ереси; и такой помощникъ былъ необходимъ; потому что ересь усиливалась все болѣе и болѣе. Митрополитъ Геронтій умеръ въ 1489 году, и при избраніи ему преемника сторона еретиковъ получила верхъ: митрополитомъ назначенъ былъ тайный соумышленникъ ихъ, Симоновскій архимандритъ Зосима: Геннадія новгородскаго отвели отъ присутствія при избраніи митрополита, и Зосима немедленно же оказалъ нерасположеніе свое къ новгородскому владыкѣ, потребовавъ отъ него новаго архіерейскаго исповѣданія. Оскорбленный Геннадій отвѣчалъ ему любопытнымъ письмомъ, въ которомъ жаловался, что его постоянно отводятъ отъ присутствія на соборахъ московскихъ: Когда архіепископъ ростовскій Іоасафъ оставилъ владычество, то вмѣсто того, чтобъ за нами за всѣми послать и соборомъ обыскъ сдѣлать, обо мнѣ и не упомянули; а гонцы ежедневно ѣздятъ съ пустыми дѣлами изъ Москвы въ Новгородъ въ три дни. Хотѣлось мнѣ очень быть на твоемъ поставленіи: но вотъ пришелъ наказъ отъ государя великаго князя о его великихъ дѣлахъ, велѣлъ мнѣ объ нихъ хлопотать, а въ Москву не велѣлъ ѣхать. Велишь мнѣ писать исповѣданіе: но я уже положилъ разъ исповѣданіе предъ отцемъ моимъ Геронтіемъ митрополитомъ и предъ всѣмъ соборомъ; это исповѣданіе у васъ въ казнѣ; а какъ я исповѣдался предъ Богомъ, такъ и стою неподвижно: въ Литву грамотъ не посылаю, оттуда мнѣ также не присылаютъ грамотъ, и литовскіе ставленники не служатъ въ моей архіепископіи. Если же литовскія окаянныя дѣла прозябли въ русской землѣ, въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ въ немъ князь Михайла Олельковичъ, и съ нимъ жидовинъ еретикъ, и отъ этого жидовина распространилась ересь въ новгородской землѣ, сперва держали ее тайно; а потомъ съ пьяну начали проговариваться:— то я тотчасъ же объ этомъ далъ знать великому князю и митрополиту Геронтію". Описавши свои дѣйствія противъ еретиковъ и послабленіе, которое встрѣтили они въ Москвѣ, Геннадій требуетъ отъ митрополита, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ соборомъ, предалъ ерети-

ковъ проклятію, послѣ чего продолжаетъ: „Стала бѣда съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Курицынъ изъ Венгріи, и еретики изъ Новгорода перебѣжали въ Москву: Курицынъ у еретиковъ главный заступникъ, а о государевой чести попеченія не имѣетъ. Теперь же еще бѣда стала земская и нечесть государская большая; церкви старыя извѣчныя вынесены изъ города вонъ (по случаю строенія новыхъ стѣнъ), да и монастыри старые извѣчные съ мѣста переставлены; но этого мало: кости мертвыхъ вынесены въ Дорогомилово, да на тѣхъ мѣстахъ садъ развели..... Если же государь нашъ князь великій еретиковъ не обыщетъ и не казнитъ, то какъ ему съ своей земли позоръ свести? Смотри, франки по своей вѣрѣ какую крѣпость держатъ: сказывалъ мнѣ цесарскій посолъ про испанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и я съ его рѣчи послалъ тебѣ списокъ. Да поговори великому князю накрѣпко, чтобъ велѣлъ мнѣ быть въ Москвѣ и у тебя благословиться; потому что здѣсь какія бы великія дѣла ни были, но больше того дѣла нѣтъ: если это дѣло управится, то и здѣшнимъ великимъ дѣламъ укрѣпленіе будетъ. Да жалуюсь теперь тебѣ на чернеца Захара, стригольника; бранитъ меня безпрестанно уже четвертый годъ, посылаетъ грамоты въ мою архіепископію, къ чернецамъ и священникамъ, а что по московской землѣ разослалъ, тому и числа нѣтъ“.

Дѣло объ еретикахъ получило такую гласность по всему государству, что нельзя было не заняться имъ: Зосима долженъ былъ созвать соборъ, на который представили еретиковъ, бѣжавшихъ изъ Новгорода въ Москву; собственноручныя показанія ихъ, данныя ими прежде Геннадію, служили такимъ очевиднымъ доказательствомъ, что Зосимѣ не было никакихъ средствъ защищать своихъ: еретиковъ прокляли, нѣкоторыхъ изъ нихъ сослали въ заточеніе, другихъ въ Новгородъ къ Геннадію. Послѣдній велѣлъ ихъ посадить на лошадей, лицемъ къ хвосту, въ вывороченномъ платьѣ, въ берестовыхъ остроконечныхъ шлемахъ, въ какихъ изображаются бѣсы, съ мочальными кистями, въ вѣнцахъ изъ сѣна и соломы, съ надписью: „се есть сатанино воинство“! Въ такомъ нарядѣ возили ихъ по улицамъ новгородскимъ; встрѣчающіеся плевали имъ въ глаза и кричали: „Вотъ враги Божіи, хулители Христа“! Въ заключеніе на еретикахъ зажжены были шлемы.

Но этотъ позоръ въ Новгородѣ не обезсилилъ ереси въ Москвѣ.

Дерзость еретиковъ особенно усилилась, когда 1492-й годъ прошелъ, а чаемаго съ концемъ седьмого тысячелѣтія конца міру не было: „Если Христосъ былъ Мессія, говорили еретики православнымъ, то почему же не является Онъ во славѣ, по вашимъ ожиданіямъ“? и проч. Іосифъ писалъ противъ нихъ обличительныя слова, собраніе которыхъ извѣстно подъ именемъ Просвѣтителя; въ какомъ состояніи находились умы въ это время, видно изъ посланія его Нифонту, епископу суздальскому: „Съ того времени, писалъ онъ, какъ солнце православія возсіяло въ землѣ нашей, у насъ никогда не бывало такой ереси: въ домахъ, на дорогахъ, на рынкѣ всѣ—иноки и міряне, съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ, основываясь не на ученіи Пророковъ, Апостоловъ и св. Отцевъ, а на словахъ еретиковъ, отступниковъ христіанства; съ ними дружатся, учатся отъ нихъ жидовству. А отъ митрополита еретики не выходятъ изъ дому, даже спятъ у него“. Іосифъ требовалъ, чтобъ владыки, вѣрные православію, отказались отъ всякаго сообщенія съ Зосимою, внушали бы и другимъ, чтобъ никто не приходилъ къ нему, не принималъ отъ него благословенія; вооружился противъ мнѣнія, которое особенно защищалъ Зосима, что еретиковъ осуждать не должно. Зосима въ 1494 году дѣйствительно отрекся отъ митрополіи: оставлять въ челѣ церкви человѣка, громко обвиненнаго въ ереси и не хотѣвшаго торжественно оправдываться, было уже слишкомъ соблазнительно; сами еретики могли желать удаленія Зосимы, какъ скоро онъ своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ уже обличилъ себя и могъ быть теперь болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ ихъ обществу. Въ повольной грамотѣ Геннадія на избраніе преемника Зосимѣ, троицкаго игумена Симона, читаемъ: „Что ми есте (епископы) прислали грамоту, возвѣщая нашему смиренію, что отецъ Зосима митрополитъ, своея ради немощи, оставилъ столъ русскія митрополіи, и пришедъ въ святую великую соборную церковь, предъ всѣми омофоръ свой на престолъ положилъ, и свидѣтеля на то Господа Бога нарицая, яко невозможно ему къ тому святительская дѣйствовати, ни митрополитомъ нарицатися, и отойдѣ въ монастырь въ смиренноиноческое жительство“. Въ лѣтописяхъ же говорится, что Зосима оставилъ митрополію не своею волею, но былъ удаленъ за страсть къ вину и за нерадѣніе о церкви. Если въ Зосимѣ дѣйствительно открылся означенный порокъ, то это было достаточною причиною къ его

удаленію, какъ въ глазахъ православныхъ, такъ и еретиковъ, которымъ онъ могъ сильно вредить своимъ поведеніемъ.

Удаленіе Зосимы нисколько не ослабило значенія еретиковъ въ Москвѣ; но имъ нужно было поднять его въ Новгородѣ, гдѣ, благодаря дѣятельности Геннадія, ересь ослабѣла значительно, и вотъ, по старанію Ѳедора Курицына, въ новгородскій Юрьевъ монастырь назначенъ былъ архимандритомъ монахъ Кассіанъ, державшійся ереси. Въ Кассіанѣ новгородскіе еретики должны были найти и дѣйствительно нашли могущественную опору: въ его кельяхъ держали они свои тайныя собранія. Геннадій однако нашелъ ихъ и тутъ, и заставилъ бѣжать въ Литву и къ нѣмцамъ. Но въ Москвѣ могла ли ересь ослабѣть, когда невѣстка великаго князя, Елена была на ея сторонѣ, а на сторонѣ Елены были самые могущественные вельможи, которые достигли наконецъ того, что Іоаннъ торжественно объявилъ сына Еленина, Димитрія, наслѣдникомъ стола великокняжескаго. Мы видѣли однако, что это торжество Елены и ея приверженцевъ было непродолжительно, что скоро Софія восторжествовала въ свою очередь, казнь и постриженіе были участью Ряполовскихъ и Патрикѣевыхъ, удаленіе и наконецъ тѣсное заключеніе—участью Елены и ея сына. Мы не знаемъ, какое было значеніе Іосифа въ этихъ переворотахъ; но видя тѣсную связь волоколамскаго игумена и его учениковъ съ великимъ княземъ Василіемъ, сыномъ Софьи, видя въ то же время сильную ненависть Курбскаго къ этимъ Осифлянамъ, „подобнымъ великому князю Василію, скорымъ помощникамъ его и во всемъ потаковникамъ и подражателемъ", какъ говоритъ Курбскій,—видя такія отношенія, мы необходимо должны заключить, что связь Іосифа съ Василіемъ и его матерью началась и укрѣпилась во время борьбы съ ересью: дѣйствуя противъ еретиковъ, слѣдовательно противъ Елены, Іосифъ естественно долженъ былъ стать на сторону Софіи и ея сына. Понятно, какъ торжество послѣднихъ облегчило Іосифу борьбу съ ересью: онъ нашелъ доступъ къ великому князю, началъ упрашивать его о принятіи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ; тотъ обѣщалъ исполнить его желаніе, открылъ что зналъ объ ереси, которую держалъ протопопъ Алексѣй и Ѳедоръ Курицынъ, что и Елена была вовлечена въ ересь, раскаявался, что прежде слабо поступалъ съ еретиками; Іосифъ требовалъ раскаянія на дѣлѣ: „Государь, говорилъ онъ Іоанну: подвинься только на

нынѣшнихъ еретиковъ, и за прежнихъ тебя Богъ проститъ". Но строгія рѣшительныя мѣры, которыя должно было употребить противъ еретиковъ по требованію Іосифа, могли заставить задуматься великаго князя, слышавшаго съ другой стороны сильный ропотъ на ревность волоколамскаго игумена; Геннадій новгородскій былъ лишенъ архіепископіи по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже; наконецъ въ это время лѣтописцы говорятъ, что здоровье Іоанна начало разстроиваться послѣ смерти Софіи: все это могло содѣйствовать замедленію собора на еретиковъ. Іосифъ между тѣмъ не успокоивался: онъ обратился къ духовнику великокняжескому, андрониковскому архимандриту Митрофану съ просьбою дѣйствовать на Іоанна; наконецъ его желаніе исполнилось: въ концѣ 1504 года созванъ былъ соборъ на еретиковъ; они защищали свое ученіе, Іосифъ былъ обличителемъ; слѣдствіемъ собора было то, что Волкъ Курицынъ, Димитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, архимандритъ Юрьевскій Кассіанъ съ братомъ и многіе другіе еретики были сожжены; Некрасу Рукавову сперва отрѣзали языкъ, и потомъ сожгли въ Новгородѣ; иныхъ разослали въ заточеніе, другихъ по монастырямъ. Нѣкоторые изъ еретиковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, объявили что раскаяваются; но ихъ раскаяніе не было принято, ибо Іосифъ представилъ, что раскаяніе, вынужденное страхомъ, не есть искреннее. Ударъ, нанесенный ереси соборомъ 1504 года, былъ силенъ, но не былъ окончательнымъ: мы еще должны будемъ обратиться къ этому предмету въ разсказѣ о дѣлахъ преемника Іоаннова.

Кромѣ важнаго дѣла о ереси жидовской, церковные соборы Іоаннова времени занимались не менѣе важнымъ дѣломъ улучшенія нравственности духовенства. Въ 1468 году псковичи отлучили отъ службы вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ по всей псковской волости, не спросившись ни митрополита, ни епископовъ; архіепископъ новгородскій Іона хотѣлъ наложить на нихъ за это неблагословеніе, но митрополитъ Ѳеодосій запретилъ ему это дѣлать. Ѳеодосій знаменитъ въ исторіи Русской церкви, какъ жертва святой ревности къ улучшенію нравовъ духовенства: онъ, говоритъ лѣтописецъ, хотѣлъ священниковъ и дьяконовъ силою навести на Божій путь: началъ ихъ каждое воскресенье созывать и учить по святымъ правиламъ, вдовымъ дьяконамъ и священникамъ приказывалъ постригаться въ монахи; у кого изъ нихъ были налож-

ницы, тѣхъ наказывалъ безъ милости, снималъ съ нихъ священство, налагалъ пени; церквей наставили много, и вотъ всякій, кому не хотѣлось работать, шелъ въ священники, не оставляя плотскихъ страстей, потому что шелъ не Богу служить, а тѣло свое льготить. Когда вслѣдствіе мѣръ Ѳеодосія, недостойные священнослужители были удалены, то многія церкви остались безъ священниковъ; люди начали тужить объ этомъ и порицать митрополита. Это такъ огорчило Ѳеодосія, что онъ заболѣлъ, и когда выздоровѣлъ, то уже не хотѣлъ болѣе оставаться митрополитомъ. удалился въ Чудовъ монастырь, взялъ къ себѣ въ келью разслабленнаго старца, сталъ служить ему, омывать струпы.

Вопросъ, поднятый псковичами и Ѳеодосіемъ въ началѣ княженія Іоаннова, былъ потомъ возобновленъ извѣстнымъ уже намъ своею дѣятельностію Геннадіемъ новгородскимъ, который вписалъ свое имя въ исторіи русскаго просвѣщенія тѣмъ, что первый началъ говорить о необходимости училищъ для духовныхъ: „Билъ я челомъ (пишетъ Геннадій къ митрополиту Симону) государю великому князю, чтобъ велѣлъ училища устроить: вѣдь я своему государю напоминаю объ этомъ для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ; когда приведутъ ко мнѣ ставленника грамотнаго, то я велю ему ектеніи выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчасъ же, научивъ, какъ божественную службу совершать; и такіе на меня не ропщутъ. Но вотъ приведутъ ко мнѣ мужика: я велю ему апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтирь—онъ и по тому едва бредетъ; я ему откажу— а они кричатъ: земля, господинъ такая, не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотѣ умѣлъ; но вѣдь это всей землѣ позоръ, будто нѣтъ въ землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинъ, вели учить! Вотъ я прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ: а онъ, поучившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться; а иной и учится, но не усердно, и потому живетъ долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ; а мнѣ что же дѣлать? не могу не учивши ихъ поставить. Для того-то я и бью челомъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ это дѣло исправится; ты бы, господинъ отецъ нашъ, государей нашихъ, великихъ князей просилъ, чтобъ велѣли

училища устроить; а мой совѣтъ таковъ, что учить въ училищѣ сперва азбукѣ, а потомъ псалтири съ слѣдованіемъ накрѣпко; когда это выучатъ, то могутъ читать всякія книги. А вотъ мужики невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучатъ вечерню и за это мастеру принесетъ кашу да гривну денегъ, за заутреню то же, или еще и больше, за часы особенно, да подарки еще несетъ кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ. Если государь прикажетъ учить и цѣну назначитъ, что брать за ученье, то учащимся будетъ легко, а противиться никто не посмѣетъ; да чтобъ и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, потому что нерадѣнье въ землю вошло. Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставленниковъ—Максимка, да Куземка, да Аѳанаська, да Емельянка мясникъ: этотъ и съ недѣлю не поучился—побѣжалъ; православны ли такіе будутъ! По мнѣ такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ чрезъ Пророка: „ты разумъ мой отверже, азъ же отрину тебя, да не будеши мнѣ служитель.

Въ 1503 году митрополитъ Симонъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ и съ шестью другими епископами на соборѣ опредѣлили: такъ какъ найдено, что многіе вдовые священники и дьяконы послѣ женъ держали у себя наложницъ, не переставая священнодѣйствовать, то впередъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ не служить; которые изъ нихъ уличены въ держаніи наложницъ, тѣмъ наложницъ отпустить, жить въ міру, волосъ своихъ не растить, платье носить мірское и дань давать вмѣстѣ съ мірскими людьми, и никакихъ священническихъ службъ не отправлять; а кто изъ нихъ съ наложницею уйдетъ въ дальнія мѣста и начнетъ служить, тѣхъ предавать гражданскимъ судьямъ; на которыхъ же вдовыхъ поповъ и дьяконовъ дурной молвы нѣтъ и сами говорятъ, что живутъ послѣ женъ чисто, тѣмъ стоять въ церкви на крилосахъ, держать дома епитрахили и пріобщаться св. Таинъ въ епитрахиляхъ, а дьяконамъ въ стихаряхъ и ораряхъ, но не служить, а пользоваться четвертою частію всѣхъ церковныхъ доходовъ. Чернецамъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ вмѣстѣ не жить; въ мужскомъ монастырѣ служить игумену, а въ женскомъ бѣлому священнику. Если попъ или дьяконъ въ который день напьется пьянъ, то на другой день ему обѣдни не служить. На томъ же соборѣ было постановлено: митро-

политу, архіепископамъ и епископамъ отъ поставленія духовныхъ лицъ всякихъ степеней не брать ничего; также отъ ставленыхъ грамотъ, печатнику отъ печати и дьяку отъ подписи не брать ничего; ставить въ священники не раньше тридцати лѣтъ, въ дьяконы не раньше 25, подьяконы не раньше 20. За нарушеніе этихъ правилъ соборъ опредѣлилъ лишеніе сана; и кто же первый былъ обвиненъ въ нарушеніи этахъ правилъ, и кто первый подвергся наказанію, опредѣленному соборомъ? Геннадій новгородскій! Подъ слѣдующимъ же 1504 годомъ читаемъ въ лѣтописяхъ: Геннадій, архіепископъ великаго Новгорода и Пскова, оставилъ престолъ свой неволею: пріѣхавши изъ Москвы послѣ собора, началъ мзду брать съ священниковъ за ставленіе и еще больше прежняго вопреки обѣщанію, данному на соборѣ, по совѣту любимца своего, дьяка Михайлы Гостенкова; великій князь и митрополитъ, обыскавши, свели его съ престола въ Москву, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ Чудовѣ монастырѣ. Догадываются, что сверженіе Геннадія было дѣломъ еретиковъ.

Въ монастыри старались вводить общежительные уставы; общее житіе въ митрополичьихъ уставныхъ грамотахъ называется богораднымъ; по этимъ грамотамъ, архимандритъ долженъ былъ имѣть одну трапезу съ братіею, могъ имѣть особую трапезу только въ случаѣ прихода великихъ гостей; всякій приходъ монастырскій архимандритъ вѣдаетъ по слову и по совѣту со всею братіею; нужно будетъ избрать кого-нибудь изъ братій для вѣданія монастырскаго прихода и церковнаго строенія, келаря, купчину, нужно будетъ послать кого на монастырскую службу—архимандритъ избираетъ и поставляетъ съ вѣдома всей братіи. кого братья изберутъ и по его благословенію; также иноковъ приходящихъ архимандритъ принимаетъ съ согласія всей братіи; безъ благословенія архимандрита иноки не выходятъ изъ монастыря; доходы съ земель монастырскихъ дѣлятся такъ: архимандриту половина, священникамъ, дьяконамъ и чернецамъ другая; послѣдняя дѣлится на двѣ части: одна священникамъ и дьяконамъ, другая чернецамъ; такимъ же образомъ поднимаются дань митрополичья и проѣзды; что же касается до годовыхъ дачъ или сорокоустовъ, вписовъ, молебновъ, то этими доходами архимандритъ дѣлится пополамъ съ священниками и дьяконами: одна половина архимандриту, другая священникамъ и дьяконамъ съ просвирникомъ и пономаремъ; а чернецы въ

эти доходы не вступаются. По завѣщанію преподобнаго Евфросина псковскаго, чернецы въ его монастырѣ не должны были ѣсть по келіямъ, кромѣ праздника или пиршества какого-нибудь, не должны были носить нѣмецкаго платья, также шубъ съ пухомъ, держать баню, позволять женщинамъ входить въ монастырь. Іосифъ волоцкій запрещаетъ иноку разговаривать во время службы церковной и на трапезѣ брать у брата кушанье и ставить передъ нимъ свое; ѣсть и пить больше другихъ; ходить въ деревню за какимъ-либо дѣломъ; изъ церкви и изъ трапезы брать книги безъ благословенія пономаря; если инокъ увидитъ въ книгѣ какую-нибудь погрѣшность, то не смѣетъ переписывать или вырѣзывать, а долженъ сказать настоятелю и по другой книгѣ исправить, а не по своему домышленію; если случится согрѣшить словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ, то просить прощенія у настоятеля въ тотъ же день, а не откладывать до утра. Тотъ же Іосифъ запретилъ инокамъ своего монастыря, подъ страхомъ безчестнаго изгнанія, принимать въ келію медъ, вино, пиво, квасъ медвяный, брагу. Мы видѣли уже, что Іосифъ прежде всего старался воскресить преданіе о строгости монастырской жизни. Въ этомъ отношеніи очень важно для насъ сочиненіе его: „Сказаніе о святыхъ отцахъ монастырей русскихъ", гдѣ сочинитель представляетъ намъ борьбу хранителей древняго преданія съ его нарушителями, и постоянно высказываетъ свою любимую мысль о необходимости строгихъ мѣръ для поддержанія строгости иноческой жизни: „Святый Сергій и другіе святые, говоритъ Іосифъ, такое стараніе имѣли о паствѣ, что не пропускали ни малѣйшаго небреженія или преслушанія; они были милостивы, гдѣ слѣдовало, и были строги, гдѣ настояла потребность, согрѣшавшихъ обличали и понуждали къ добру, ослушникамъ же не позволяли своевольничать, но отлучали ихъ отъ церкви и отъ трапезы. Между ними господствовала такая нищета, такое отсутствіе любостяжанія, что въ обители св. Сергія и самыя книги писали не на пергаменѣ, а на берестахъ; самъ же св. Сергій носилъ такое бѣдное платье, что приходящіе часто не узнавали его и думали, что это одинъ изъ просителей. О святомъ же Кириллѣ что мнѣ писать? По кончинѣ его и учениковъ его, въ наше время былъ въ его монастырѣ настоятель изъ другого монастыря, и началъ нарушать нѣкоторыя преданія и постановленія св. Кирилла; но въ то же время былъ въ монастырѣ старецъ

святой, именемъ Досиөей Невѣдомицынъ и другіе старцы, любившіе преданія св. Кирилла; они не стали молчать, видя нарушеніе древняго устава, и за это страдали отъ новаго настоятеля, блаженный же Досиөей много разъ бывалъ битъ отъ него. Однажды игуменъ, разсердившись на Досиөея за увѣщанія не развращать преданія, столкнулъ блаженнаго старца съ трапезнаго мѣста, такъ что тотъ упалъ какъ мертвый на землю; выздоровѣвши, Досиөей пришелъ къ игумену и сказалъ: „хоть убей меня до смерти, а я не перестану говорить тебѣ объ уставѣ." Этотъ игуменъ ушелъ; выбрали новаго также изъ другого монастыря, и этотъ опять началъ нарушать нѣкоторыя преданія: въ церкви, во время соборнаго пѣнія и въ трапезѣ за обѣдомъ любилъ разговаривать о безполезныхъ вещахъ. Благочестивые старцы по прежнему стали его удерживать отъ этого, а онъ бросался на нихъ съ палкою и билъ; наконецъ стыдно ему стало, и онъ ушелъ изъ монастыря. Выбрали третьяго, постриженника Кириллова монастыря, но и этотъ оказался такимъ же разрушителемъ преданій; тогда всѣ лучшіе старцы убѣжали изъ монастыря; на этотъ разъ князь вступился въ дѣло, велѣлъ выгнать игумена, и старцы возвратились."

Въ поученіяхъ священнослужителямъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, находятся, между прочимъ, слѣдующія наставленія: Въ церкви разговаривать не давай, приноса не приноси на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ еретиковъ, развратниковъ, воровъ, разбойниковъ, грабителей и властелей немилосердыхъ, корчемниковъ, рѣзоимцевъ (рѣзъ—процентъ), ротниковъ (рота—клятва), клеветниковъ, поклепниковъ, лжепослуховъ, волхвовъ, потворниковъ, игрецовъ, злобниковъ, или кто томитъ челядь свою голодомъ и ранами и наготою. Къ убогимъ сиротамъ, болѣетъ ли ктонибудь изъ нихъ, или умретъ, или родитъ, приходи прежде чѣмъ позовутъ; стой на стражѣ день и ночь съ крещеніемъ, покаяніемъ, причастіемъ, твори достойное правило съ любовію, тихо, не спѣша; младенецъ не разумѣетъ, мертвецъ не чувствуетъ; младенца крести и всякому человѣку причастіе давай, кромѣ мертвеца; кого изгубишь лѣностію или нерадѣніемъ, мука ихъ на тебѣ взыщется; къ троеженцу не входи въ домъ, развѣ только будетъ на одрѣ смертномъ".

Нравственное состояніе недавно обращенныхъ въ христіанство пермячей, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, требовало особенной

заботливости со стороны митрополита, требовало особеннаго поученія. Въ 1501 году митрополитъ писалъ къ пермскому духовенству: „Слышу о васъ, что о церковномъ исправленіи и своемъ спасеніи нерадите, о духовныхъ дѣтяхъ небрежете и душевной пользы не ищете: сами ядите и пьете не въ приличное время, до обѣда, а этимъ и новокрещеннымъ людямъ послабленіе даете; многіе новокрещенные люди, смотря на васъ, соблазняются, то же дѣлаютъ; да и вступаютъ въ незаконные браки, въ родствѣ, и другія богомерзкія дѣла творятъ“. Къ міряпамъ тотъ же митрополитъ писалъ: „Кумирамъ не служите, требъ ихъ не принимайте, войпелю болвану не молитесь по древнему обычаю, и всякихъ тризнищъ не творите идоламъ, въ браки незаконные не вступайте, какъ слышно о васъ, что у васъ женятся въ родствѣ по ветхому и татарскому обычаю: кто у васъ умретъ, то второй его братъ беретъ за себя его вдову, и третій братъ также дѣлаетъ; а жены ваши ходятъ простоволосыя. Все это вы дѣлаете не по закону христіанскому“.

Что касается матеріальнаго благосостоянія духовенства, то митрополитъ пользовался тѣми же доходами, какіе имѣлъ и прежде: нерехтскія соляныя варницы митрополичьи и живущіе въ нихъ люди были освобождены отъ дани, пошлинъ, подсудности волостелямъ и тіунамъ великой княгини Маріи; въ 1504 году великій князь освободилъ митрополичьи села и монастыри въ московскомъ и владимірскомъ уѣздахъ отъ подсудности своимъ намѣстникамъ и волостелямъ; обозы съ шекснинскою рыбою, шедшіе въ Москву для митрополита, освобождены были отъ пошлинъ; митрополитъ отправлялъ слугу своего съ товарами для торговли, „чтобъ прибыло церкви Божіей въ подможеніе“; въ подорожной этому купчинѣ митрополитъ просилъ, чтобъ пошлинъ нигдѣ съ него не брали и въ тѣсныхъ мѣстахъ провожали. Относительно архіерейскихъ доходовъ съ подчиненнаго духовенства, въ описываемое время мы узнаемъ нѣкоторыя новыя подробности противъ прежняго; пошлины перечисляются такъ: „Дань петровская и рождественская, десятина; данская пошлина, десятинничьи пошлины, доводчичьи, заѣздничьи, зазывничьи, благословенная куница, явленная куница съ грамотою, полоть, казенные алтыны, писчее людское“. Мы видѣли, что и прежде возникало сомнѣніе, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами? и митрополитъ Кипріанъ рѣшительно склонялся къ отрицательному

отвѣту; при Іоаннѣ III-мъ вопросъ возобновился: онъ былъ поднятъ на соборѣ знаменитымъ отшельникомъ, основателемъ скитскаго житія, Ниломъ Майковымъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Сорскаго (по обители его на рѣкѣ Сорѣ, въ 15 верстахъ отъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря); Нилъ требовалъ, чтобъ у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились рукодѣліемъ; это требованіе поддерживали пустынники бѣлозерскіе. Но противъ него возсталъ знаменитый же подвигами иноческой жизни старецъ, Іосифъ Волоцкій. Нилъ смотрѣлъ на монастырь какъ на общество людей, отказавшихся отъ міра; это общество, въ глазахъ его, было тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ менѣе имѣло столкновеній съ міромъ; Іосифъ же, кромѣ этого значенія монастыря, предполагалъ еще другое: онъ смотрѣлъ на монастырь также какъ на разсадникъ властей церковныхъ; Нилъ имѣлъ въ виду отшельника, желающаго укрыться отъ міра, отъ всѣхъ его отношеній, въ болотахъ и лѣсахъ бѣлозерскихъ; Іосифъ имѣлъ въ виду также и владыку, епископа, который будетъ взятъ изъ монастыря: „Если у монастырей селъ не будетъ, говорилъ Іосифъ, то какъ честному и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополію, или архіепископа, или епископа? Если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то вѣра поколеблется“. Вспомнимъ, что въ описываемое время обезпеченное содержаніе могло представляться не иначе, какъ въ видѣ владѣнія земельною собственностію, служилые люди получали содержаніе въ видѣ помѣстій; слѣдовательно вопросъ о содержаніи монашествующихъ могъ представиться только въ такой формѣ: или владѣть имъ селами, или кормиться подаяніемъ и работою рукъ?—Мнѣніе Іосифа волоцкаго превозмогло на соборѣ, и митрополитъ Симонъ отвѣчалъ великому князю, что духовенство не дерзаетъ и не благоволитъ отдавать церковныхъ земель, при чемъ ссылался на давній обычай греческой и русской церкви, на уставы Владиміра и Ярослава, наконецъ даже на примѣръ хановъ татарскихъ, которые никогда не трогали имуществъ церковныхъ. Великій князь оставилъ дѣло; но вопросъ, какъ увидимъ послѣ, не переставалъ раздѣлять русское духовенство.

Встрѣчаемъ извѣстіе, что въ описываемое время священники и въ Москвѣ распредѣлялись по соборамъ. Касательно правъ духовенства мы видимъ, что оно не было освобождено отъ тѣлеснаго

наказанія. Кромѣ извѣстій о наказаніяхъ еретикамъ, подъ 1488 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что чудовскаго архимандрита, князя Ухтомскаго и еще какого-то Хомутова били на торгу кнутомъ за то, что они составили подложную жалованную грамоту Спасо-Каменному монастырю отъ имени князя Андрея вологодскаго, послѣ уже его смерти. Отъ торговой казни духовенство не было освобождено и во Псковѣ, что видимъ изъ слѣдующаго извѣстія подъ 1495 годомъ: по случаю шведской войны псковичи назначили наборъ ратныхъ людей—съ десяти сохъ коннаго человѣка; назначили сборъ со священниковъ и дьяконовъ; но священники нашли въ правилахъ, что не слѣдуетъ брать ратниковъ съ церковныхъ земель: тогда посадники хотѣли силою заставить ихъ давать ратныхъ людей, при чемъ хотѣли двоихъ священниковъ кнутомъ избезчестить, и тѣ въ однѣхъ сорочкахъ стояли на вѣчѣ.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о связи русской церкви съ восточною при Іоаннѣ III. Въ 1464 году митрополитъ Θеодосій писалъ въ Новгородъ и Псковъ, прося жертвовать на искупленіе св. Гроба отъ египетскаго султана; для сбора пожертвованій хотѣлъ ѣхать въ Москву самъ іерусалимскій патріархъ Іоакимъ; но на дорогѣ заболѣлъ и умеръ въ Кафѣ, завѣщавъ свое дѣло Іосифу, нареченному митрополиту Кесаріи Филипповой, который былъ поставленъ на свою митрополію въ Москвѣ здѣшнимъ митрополитомъ Θеодосіемъ, по благословенію и по грамотамъ патріарха Іоакима. Въ 1480 году іерусалимскій патріархъ Іоакимъ писалъ къ митрополиту Геронтію что одинъ Русскій, именемъ Григорій, подъ видомъ купца нашелъ его въ Египтѣ и просилъ дать благословеніе и писаніе къ московскому митрополиту, въ порадованіе и пріятельство. Приходилъ также за милостынею изъ Аθонской горы, изъ монастыря Ксиропотамона инокъ Герасимъ; великій князь наградилъ его и отпустилъ; но на дорогѣ старецъ былъ взятъ въ плѣнъ и ограбленъ татарами, которые продали его въ Астрахань, изъ Астрахани въ Казань, гдѣ онъ былъ выкупленъ и препровожденъ въ Москву; митрополитъ Симонъ писалъ окружное посланіе, прося пожертвованій для этого Герасима. Видя съ одной стороны въ русской церкви желаніе не прерывать связи съ греческою церковію и сочувствіе къ бѣдствіямъ послѣдней, съ другой мы видимъ сильное отвращеніе къ сближенію съ церковію латинскою: въ этомъ отношеніи любопытно письмо изъ Пскова отъ ка-

кого-то Филиппа Петрова (вѣроятно намѣстника владычняго) къ новгородскому архіепископу Геннадію о спорѣ псковскихъ священниковъ съ латинскими монахами: „Пришли сѣрые черпецы отъ нѣмцевъ въ Псковъ да стали говорить о вѣрѣ; были у священниковъ, а къ тебѣ не захотѣли идти; рѣчь ихъ такова: соединилъ вѣру нашъ папа вмѣстѣ съ вашими на осьмомъ соборѣ, и мы и вы христіане, вѣруемъ въ Сына Божія. Наши священники отвѣчали имъ: не у всѣхъ вѣра правая; если вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ богоубійцамъ жидамъ послѣдуете, поститесь въ субботу и опреснокъ въ жертву приносите? Зачѣмъ два Духа беззаконно вводите, говоря: и въ Духа Святаго животворяща, отъ Отца и Сына исходящаго? А что говорите намъ объ осьмомъ сонмищѣ, объ италіянскомъ скверномъ соборѣ латинскомъ, то намъ хорошо извѣстно: это сборище окаянное на нашей памяти было, и едва убѣжалъ кардиналъ Исидоръ отъ нашего государя великаго князя Василія Васильевича, царя всея Руси; объ этомъ соборѣ мы и слышать не хотимъ, потому что отринутъ онъ Богомъ и четырьмя патріархами; будемъ держать семь соборовъ вселенскихъ и помѣстные; они угодны Богу, потому что сказано: „Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь“ [295].

Что касается состоянія православнаго духовенства въ литовской Руси, то здѣсь, при избраніи митрополита на Кіевъ, каждый разъ посылали за благословеніемъ къ патріарху константинопольскому; избраніе же и поставленіе совершалось въ Руси. Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ жалованную грамоту отца своего Казимира смоленскому владыкѣ, по которой люди послѣдняго освобождались отъ суда намѣстника великокняжескаго; также владыка получилъ право перезывать изъ-за границы людей и селить ихъ на своихъ церковныхъ земляхъ; въ 1499 году тотъ же великій князь далъ митрополиту и епископамъ грамоту о неприкосновенности святительскаго суда и церковнаго имущества на основаніи церковнаго устава Ярославова (свитка Ярославля). Относительно нѣкоторыхъ монастырей великіе князья литовскіе имѣли право п о д а в а н ь я; такъ напримѣръ въ 1496 году какой-то Григорій Поповичь билъ челомъ великому князю Александру, просилъ у него кіевскаго Михайловскаго монастыря, объявляя, что этотъ монастырь издавна великокняжеское п о д а н ь е; справившись, что объявленіе Григорья справедливо, Александръ велѣлъ

отдать монастырь просителю, съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно постригся въ монахи [206].

Если относительно суда церковнаго основывались еще на уставѣ или свиткѣ Ярослава, то относительно суда гражданскаго мы видѣли, что уже въ уставной грамотѣ Василія Дмитріевича находятся новизны противъ русской правды, приписываемой тому же Ярославу. Судный уставъ или судебникъ, собранный при Іоаннѣ III-мъ, въ 1497 году, дьякомъ Владиміромъ Гусевымъ, представляетъ опять новое движеніе юридическихъ понятій сравнительно съ уставною грамотою дѣда Іоаннова. Судебникъ этотъ прежде всего опредѣляетъ, кто долженъ судить? „Судить судъ боярамъ, окольничимъ, или дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, а на судѣ быть у бояръ и окольничихъ дьякамъ. Котораго жалобника управить будетъ нельзя, о такомъ говорить великому князю, или отослать его къ тому, кому приказано вѣдать такихъ людей". Думаютъ, что здѣсь выраженіе: „кому приказано вѣдать такихъ людей", указываетъ на приказы; но это выраженіе вполнѣ объясняется древними жалованными грамотами, напримѣръ жалованною грамотою Димитрія Донскаго новоторжцу Евсевку: „А приказалъ есмь его блюсти дядѣ своему Василью Тысяцкому". Намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда, также тіунамъ великокняжескимъ и боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, холопа и рабы безъ боярскаго доклада не выдавать, и отпускныхъ не давать; татя и душегубца не отпускать, всякаго лихаго человѣка безъ доклада ни продать, ни казнить, ни отпустить.—Опредѣляется, какъ судьи должны судить: боярамъ или дѣтямъ боярскимъ судить, а на судѣ у нихъ быть дворскому, старостѣ и лучшимъ людямъ; посула имъ отъ суда не брать же, ни на господина своего, ни на тіуна, и пошлинникамъ отъ суда посуловъ не просить: велѣть прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ московской и новгородской земли, и заповѣдать по всѣмъ волостямъ, чтобы истецъ (ищея) и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посула не сулили въ судѣ. Всякому судьѣ судомъ не мстить, ни дружить никому, жалобниковъ отъ себя не отсылать, а давать всѣмъ жалобникамъ управу во всемъ. Кого обвинитъ бояринъ не по суду, и грамоту правую на него съ дьякомъ дастъ, то эта грамота не въ грамоту, взятое отдать назадъ, а боярину и дьяку въ томъ пени нѣтъ, истцамъ же

судъ съ головы.—Уголовныя преступленія и наказанія за нихъ обозначаются такъ: Если доведутъ на кого воровство, разбой, душегубство, ябедничество, или другое какое-нибудь лихое дѣло, и будетъ онъ вѣдомый лихой человѣкъ, то боярину велѣть его казнить смертною казнью, а истца вознаградить изъ его имѣнія; если за этимъ вознагражденіемъ что останется, то идетъ на боярина и дьяка; если же у преступника не будетъ имѣнія, чѣмъ заплатить истцу, то бояринъ не долженъ выдавать послѣднему преступника, но долженъ велѣть казнить его. Убійцу своего господина, крамольника, церковнаго татя и головнаго (похитителя людей), подметчика, зажигальщика, вѣдомаго лихаго человѣка казнить смертною казнію. Если кого-нибудь поймаютъ на воровствѣ въ первый разъ (кромѣ церковнаго воровства головнаго), то казнить его торговою казнію, бить кнутомъ, потомъ доправить на немъ вознагражденіе истцу и судьѣ продажу; если же не будетъ у него имѣнія, то бивши кнутомъ, выдать истцу головою на продажу, а судьѣ не брать ничего; поймаютъ его въ другой разъ на воровствѣ, то казнить смертію, а съ имѣніемъ поступать какъ прежде показано. Кто съоретъ межу или грани ссѣчетъ въ земляхъ великокняжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ, того бить кнутомъ, да истцу взять на немъ рубль, а въ черныхъ волостяхъ волостель или посельскій беретъ на виноватомъ два алтына, да за рану что присудятъ, посмотря по человѣку и по ранѣ. Между селами и деревнями должны быть загородья по половинамъ: въ случаѣ потравы взыскать убытокъ съ того, въ чью загородь прошелъ скотъ.—О земляхъ судъ: взыщетъ бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, или бояринъ на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ; взыщетъ черный на черномъ, или помѣщикъ на помѣщикѣ, или черный или сельскій на помѣщикѣ и наоборотъ,—то судить за три года, а дальше трехъ лѣтъ не судить; взыщутъ на бояринѣ или на монастырѣ великокняжеской земли, то судить за шесть лѣтъ.

Изъ судебныхъ доказательствъ въ судебникѣ означены: поличное, послушество или свидѣтельство, поле или судебный поединокъ, клятва. Велѣно прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ московской и новгородской земли, и по всѣмъ волостямъ заповѣдать, чтобъ свидѣтелямъ, не видавши, не свидѣтельствовать, а видѣвши сказать правду. Если свидѣтель засвидѣтельствуетъ лживо, не видавши, то на немъ взыщется вознагражденіе истцу и всѣ

убытки. На кого скажутъ человѣкъ пять или шесть дѣтей боярскихъ добрыхъ по великаго князя крестному цѣлованію, или черныхъ человѣкъ пять, шесть добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ, что онъ воръ, а доказательства не будетъ, что онъ прежде воровалъ, то взять на немъ вознагражденіе истцу безъ суда. Если приведутъ вора съ поличнымъ впервые, и скажутъ на него человѣкъ пять или шесть, по великаго князя крестному цѣлованію, что онъ воръ вѣдомый и прежде того не одинъ разъ кралъ, то казнить его смертною казнію, а истцу дать вознагражденіе изъ оставшагося имѣнія. Если воръ скажетъ на кого-нибудь, то этого человѣка обыскивать: если онъ заподозрѣнъ уже въ какомъ-нибудь прежнемъ дѣлѣ, то его пытать; если же нѣтъ, то рѣчамъ вора не вѣрить, а дать его на поруку до обыску. Если кто купитъ на торгу что-нибудь новое, кромѣ лошади, не зная у кого купилъ, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, людяхъ добрыхъ, и если послѣ сыщется, что купленная вещь краденая, то купившій правъ и присяги ему нѣтъ, когда свидѣтели скажутъ, что при нихъ купилъ; если же свидѣтелей не будетъ, то купившій долженъ идти къ присягѣ. Если свидѣтель будетъ уличать кого-нибудь въ дракѣ, грабежѣ или займѣ, то уличаемому отдается на волю: или идти биться съ свидѣтелемъ, или ставши у поля, положить у креста то, чего на немъ ищутъ: тогда истецъ безъ присяги возьметъ свое, отвѣтчикъ же заплатитъ полевыя пошлины; если же отвѣтчикъ, не стоявъ у поля, положитъ у креста, то заплатитъ судьямъ пошлину по списку, а полевыхъ пошлинъ платить не обязанъ. Если отвѣтчикъ противъ свидѣтеля будетъ старъ или малъ, или чѣмъ увѣченъ, или попъ, или чернецъ, или монахиня, или женщина, то вольно имъ выставить противъ свидѣтеля наемнаго бойца, свидѣтелю же нельзя нанять вмѣсто себя другаго для битвы; какіе правый или его свидѣтель потерпитъ убытки, всѣ они взыщутся на виноватомъ. Если послухъ не пойдетъ передъ судью, есть ли за нимъ рѣчи, нѣтъ ли, во всякомъ случаѣ взять на немъ искъ, всѣ убытки и всѣ пошлины, а съ праветчикомъ ему судъ. Если свидѣтель не показываетъ одинаково съ истцемъ, то послѣдній этимъ обвиняется. Если истцемъ или свидѣтелемъ будетъ женщина, или ребенокъ, или старикъ, или больной, или увѣчный, или попъ, или чернецъ, или монахиня, то вольно имъ нанять за себя бойца: они присягнутъ, а наемники будутъ биться; противъ этихъ наемниковъ от-

вѣтчикъ можетъ также выставить наемнаго бойца, если самъ не захочетъ биться. Если чужеземецъ ищетъ на чужеземцѣ, то полагается на волю отвѣтчика: хочетъ, отцѣлуется (дастъ присягу), что не виноватъ, или у креста положитъ то, чего на немъ ищутъ, а истецъ, поцѣловавши крестъ, возьметъ.

О займахъ опредѣлено: Если купецъ, идучи на торговлю, возьметъ у кого-нибудь деньги или товаръ, и на дорогѣ этотъ товаръ или деньги изгибнутъ безъ его вины—потонутъ, сгорятъ, или рать возьметъ, то, послѣ обыска, должникъ платитъ заимодавцу только то, что взято, безъ росту. Если же взявши для торговли, онъ пропьетъ или какъ-нибудь иначе погубитъ взятое по своей волѣ, то выдается истцу головою на продажу.—Относительно наслѣдства положено: Если человѣкъ умретъ безъ духовной грамоты, и не будетъ у него сына, то все имущество и земля идутъ дочери, а не будетъ у него дочери, то взять ближнему отъ его рода. Наконецъ въ судебникѣ нѣсколько статей посвящено опредѣленію судныхъ пошлинъ: Брать боярину и дьяку въ судѣ, отъ рублеваго дѣла на виноватомъ—боярину два алтына, а дьяку восемь денегъ; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, то боярину брать по тому же разсчету, и проч.

Что касается формы судебника, то онъ составленъ безъ всякаго порядка, изъ статей, въ разныя времена написанныхъ; нѣкоторыя статьи встрѣчаются по два раза, при чемъ одна пространнѣе другой; въ статьѣ о посулахъ и послушествѣ говорится: „велѣть прокликать по торгамъ, въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ московской и новгородской земли“;—не прибавлено: „Тверской“, и это можетъ вести къ заключенію, что статья издана до покоренія Твери. Если сравнимъ судебникъ съ русскою правдою, то найдемъ важное различіе: месть, самоуправство не допускается; истецъ вознаграждается изъ имущества преступника, но когда этого имущества не окажется, то правительство не отказывается отъ своего права казнить преступника. Важно въ судебникѣ опредѣленіе, кому и какъ судить; важно постановленіе о наслѣдствѣ, признаніе права на наслѣдство дочерей и рода безъ различія состояній.

Кромѣ судебника, отъ временъ Іоанна III дошелъ до насъ еще любопытный юридическій памятникъ—уставная Бѣлозерская грамота; здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующія опредѣленія: „Поличное то, что выпутъ изъ клѣти, изъ-за замка; а найдутъ гдѣ на

дворѣ, или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, то не поличное. У кого что-нибудь признаютъ воровское, и тотъ сведетъ съ себя сводъ хотя бы до десятаго свода и до бѣглаго вора,—намѣстники не берутъ ничего. Самосудъ то, кто поймаетъ вора съ поличнымъ, да отпуститъ его прочь, не объявя намѣстникамъ и тіунамъ ихъ, и будетъ въ томъ уличенъ. Случится гдѣ душегубство, въ городѣ, или въ стану, или въ волости, и душегубецъ не сыщется, то жители города, стана или волости платятъ вины четыре рубля. Намѣстникамъ и тіунамъ безъ соцкихъ и безъ добрыхъ людей не судить суда. Тіунамъ и намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчину незваннымъ не ходить; а кто придетъ незванный, того можно выслать вонъ; а кто станетъ пить силою, и приключится какой-нибудь вредъ, тотъ долженъ платить безъ суда, а отъ великаго князя будетъ въ наказаніи.

Судебникъ короля Казимира, данный Литвѣ въ 1468 году, доставляетъ намъ возможность сравнить юридическія понятія въ западной и восточной Руси. По судебнику Казимирову, если приведутъ вора съ поличнымъ, и онъ будетъ въ состояніи заплатить истцу, то пусть платитъ; если же не будетъ въ состояніи заплатить, а жена его со взрослыми дѣтьми знали о воровствѣ, то платить женою и дѣтьми, самого же вора на висѣлицу; если же дѣти его будутъ малолѣтныя, ниже семи лѣтъ, то они не отвѣчаютъ; если жена и взрослыя дѣти вора захотятъ выкупиться, или господинъ захочетъ ихъ выкупить, то могутъ выкупаться. Если воръ не приносилъ покражи домой, и жена съ дѣтьми ею не пользовались, то одинъ злодѣй терпи, а жена, дѣти и домъ ихъ невиноваты, вознагражденіе истцу платится изъ имущества вора, а женнино имѣніе остается неприкосновеннымъ. Если преступленіе будетъ совершено крѣпостнымъ человѣкомъ, а господинъ зналъ о немъ, или принималъ участіе, то и господинъ отвѣчаетъ наравнѣ съ преступникомъ. Кто будетъ держать у себя постояльца тайно, не объявивши сосѣдямъ, и случится у кого-нибудь изъ нихъ пропажа, то онъ обязанъ поставить своего постояльца къ тремъ срокамъ, если же къ послѣднему сроку не поставитъ, то долженъ заплатить за покраденое, а постояльца пусть ищетъ, и нашедши пусть проводитъ на судъ: то ужь заплачено. Кто украдетъ выше полкопы денегъ или корову, того повѣсить. Кто украдетъ въ первый разъ меньше полтины, пусть оплачивается, если же больше

полтины, то повѣсить; за покражу коня, хотя бы и въ первый разъ, повѣсить. Если кто найдетъ лошадь блудящую, или какія-нибудь другія вещи потерянныя, долженъ объявить околицѣ; не найдется хозяинъ въ три дня, то нашедшій беретъ себѣ найденное; если же нашедшій утаитъ найденное, то считается воромъ; если кто будетъ людей выводить или челядь невольную, и поймаютъ его съ поличнымъ, то на висѣлицу. Если вора станутъ пытать, а онъ знаетъ средство противъ боли (а зеліе знаа), то повѣсить чародѣя, хотя бы и не признался съ пытки, если будутъ добрые на него свидѣтели, если будетъ дознано, что онъ прежде кралъ и бывалъ на пыткѣ. Если тотъ, кому выдадутъ вора, не захочетъ его казнить, а захочетъ взять съ него деньги и отпустить, либо къ себѣ въ неволю взять, то лишается своего права; правительство казнитъ преступника, потому что злодѣю нельзя оказывать милости.—Несмотря на сходство постановленій въ обоихъ судебникахъ, видимъ и различіе; особенно важно постановленіе литовскаго судебника о семействѣ преступника, если оно не участвовало въ преступленіи: этой статьи нѣтъ въ московскомъ судебникѣ. Въ уставной грамотѣ великаго князя Александра кіевскимъ мѣщанамъ встрѣчаемъ положеніе, которое, съ разными ограниченіями, мы видѣли уже въ русской правдѣ: „холопу и рабѣ не вѣрить и въ свидѣтели ихъ не принимать; съ невольнымъ человѣкомъ суда нѣтъ". Дошло до насъ отъ описываемаго времени также нѣсколько распоряженій великаго князя литовскаго относительно наслѣдства: въ 1495 г. дочери Мстиславскаго князя Ивана Юрьевича били челомъ великому князю Александру объ отчинѣ своей, и получили такой отвѣтъ: пусть ѣдутъ въ Мстиславль и владѣютъ всею отчиною своею, всѣми землями, которыми владѣлъ дѣдъ и отецъ ихъ, исключая тѣхъ имуществъ и людей, которыхъ король Казимиръ придалъ имъ: эту придачу Александръ беретъ себѣ; княжны пусть живутъ на отчинѣ своей до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ имъ жениховъ, княжатъ, которые были бы имъ ровны; тогда великій князь объ нихъ позаботится; въ другомъ актѣ относительно Мстиславля говорится, что эта волость по смерти жены послѣдняго князя Ивана перешла къ великому князю, который отдалъ ее князю Жославскому (Ижеславскому, Изяславскому), женившемуся на дочери послѣдняго Мстиславскаго князя, княжнѣ Ульянѣ. Видимъ распоряженія, по которымъ дочь вводилась во владѣніе от-

цовскимъ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ чрезъ пожалованіе великокняжеское. Относительно наслѣдства женъ послѣ мужа встрѣчаемъ такое распоряженіе: князь Мосальскій просилъ у великаго князя Александра имѣнія въ смоленскомъ повѣтѣ, говоря, что владѣлецъ этого имѣнія, Протасьевъ, умеръ, наслѣдниковъ не оставилъ, оставилъ только жену; великій князь далъ просителю имѣніе, съ тѣмъ, чтобъ онъ держалъ въ немъ вдову Протасьева въ чести, не обижалъ ничѣмъ до самой ея смерти. По уставной грамотѣ, данной жителямъ Бельзской области въ 1501 году, жена, по смерти мужа, оставляется въ покоѣ годъ и недѣлю; потомъ, взявши вѣно, которое получила она отъ мужа, а еслибъ этого вѣна не было, то взявши свое вѣно или приданое, съ которымъ выдана была замужъ, вдова возвращается къ родичамъ своимъ, если имѣетъ ихъ, братьевъ или сестеръ и должна возвратить вѣно родичамъ, которыми была выдана замужъ; если же не захочетъ возвратить, то теряетъ право на слѣдующую ей долю отцовскаго имущества, но не материнскаго. Что касается наслѣдства послѣ измѣнниковъ, то по случаю спора между князьями Бѣльскими о наслѣдствѣ князя Ѳедора, бѣжавшаго въ Москву, было утверждено: если кто-нибудь побѣжитъ отъ господаря, челомъ не ударивши, то имущество его нейдетъ къ родственникамъ, но на господаря [297].

Относительно права народнаго княженіе Іоанна III очень важно для насъ, вопервыхъ потому, что при немъ начались дипломатическія сношенія съ такими государствами, съ которыми прежде сношеній не было; вовторыхъ, потому что начиная съ его времени, дипломатическія сношенія дошли до насъ во всѣхъ подробностяхъ записанныя. Что касается образа веденія войны, то онъ при Іоаннѣ III нисколько не измѣнился противъ прежняго; видимъ ту же жестокость и во внѣшнихъ и въ междоусобныхъ войнахъ; при описаніи войны новгородской читаемъ, что полки пошли къ Новгороду разными дорогами, плѣнили, жгли; взятымъ въ битвѣ плѣнникамъ рѣзали носы и губы; въ походѣ на землю черемисскую русскіе полки причинили ей много вреда, людей перебили, другихъ въ плѣнъ взяли, иныхъ сожгли, скотъ, котораго нельзя было взять съ собою, перебили; обычай браниться передъ битвами продолжался, что видимъ изъ описанія шелонскаго боя; одному религіозному требованію дѣлались уступки: такъ великій князь во время новго-

родской войны не велѣлъ союзнымъ татарамъ брать въ плѣнъ людей-христіанъ. Касательно мирныхъ сношеній съ государствами, прежде всего замѣчаемъ въ нихъ различіе, происходившее отъ различныхъ степеней важности этихъ государствъ для Москвы. Самый большой почетъ въ формахъ дипломатическихъ сношеній, даже въ ущербъ двору московскому, какъ мы видѣли, оказывался хану крымскому; здѣсь дѣйствовало, кромѣ сознанія пользы крымскаго союза, еще преданіе о прежнихъ недавнихъ отношеніяхъ къ татарскимъ ханамъ; преданіе это было такъ сильно, что вело къ странности: не требуя равенства въ сношеніяхъ съ Менгли-Гиреемъ, московскій дворъ требовалъ полнаго равенства въ сношеніяхъ съ султаномъ турецкимъ, котораго Менгли-Гирей былъ подручникомъ. Большимъ почетомъ пользовались въ Москвѣ послы императора германскаго, но съ соблюденіемъ равенства; почетъ оказывался имъ на томъ основаніи, что и нашимъ посламъ при дворѣ австрійскомъ оказывались большія почести. При жизни Казиміра литовскаго въ сношеніяхъ его съ Іоанномъ видимъ равенство, которое нарушается послѣ его смерти и нарушается въ пользу Москвы: такъ для заключенія мира знатные послы литовскіе пріѣзжаютъ въ Москву, что дѣлается уже примѣромъ для будущаго времени и правомъ московскаго двора. Касательно же другихъ сосѣднихъ державъ, Швеціи и Ливоніи, Іоаннъ не допускалъ даже непосредственныхъ сношеній, требовалъ, чтобы эти державы сносились съ его намѣстниками; въ сношеніяхъ съ ливонскими нѣмцами Іоаннъ писался царемъ, а отъ нихъ писалось ему челобитье.

Іоаннъ III высказалъ такое понятіе о послѣ: „Всякій посолъ рѣчи говоритъ и лице носитъ государя своего“. Вслѣдствіе этого требовалъ также, чтобъ у пословъ и людей посольскихъ не смотрѣли ихъ вещей, не брали съ нихъ тамги и никакихъ другихъ пошлинъ. Но относительно обращенія другихъ государей съ послами державъ ему враждебныхъ Іоаннъ обнаруживалъ иногда другаго рода желанія: въ случаѣ еслибъ крымскій ханъ спросилъ московскаго посла: „Посолъ королевскій сидитъ у меня въ заточеніи, и князь великій что мнѣ приказалъ объ немъ?“—то московскій посолъ долженъ былъ отвѣчать хану по наказу своего государя: „Король какъ тебѣ недругъ, такъ и моему государю недругъ: такъ чѣмъ недругу досаднѣе, тѣмъ лучше“. Имѣя такое высокое понятіе о послѣ, какъ носящемъ лице государя своего, Іоаннъ долженъ

былъ заботиться не только о томъ, чтобъ его послу оказывалась достойная честь, но также и о томъ, чтобъ самъ посолъ, поведеніемъ своимъ, не унизилъ достоинства государя своего; такъ въ наказѣ посламъ, отправленнымъ въ Литву, окольничему Петру Михайловичу, дворецкому Константину Григорьевичу, сокольничему Михаилу Степановичу и дьяку Губѣ, читаемъ: „Вы бы, Константинъ, Михайло и Губа, Петра чтили во всемъ, а ты бы, Петръ, ихъ берегъ, да также чтилъ бы во всемъ, а розни между вами не было бы ни въ чемъ, чтобы вы своею рознью мнѣ безчестья не нанесли, а дѣлу моему порухи не было бы. А какъ будете у короля за столомъ, и послѣ стола пришлетъ за вами король, чтобъ вы шли вмѣстѣ пить, то вы идите всѣ къ Петру, да чтобъ между вами все было гладко, и пили бы вы бережно, не допьяна; гдѣ ни случится вамъ пить, вы бы себя берегли, пили бы бережно, чтобъ вашимъ небреженіемъ нашему имени безчестья не было: вѣдь что сдѣлаете неприличное, то намъ безчестье, и вамъ безчесть же; такъ вы бы во всемъ себя берегли. Да что посланы съ вами дѣти боярскіе—Орловъ съ товарищами, то на лавкѣ отъ Губы садился бы Орловъ, а противъ его на скамьѣ Рахманинъ-Тилилинъ, а другимъ дѣтямъ боярскимъ скажите, чтобъ между ними мѣстъ не было, садились бы, и къ рукѣ и къ чашѣ ходили всѣ попеременно, чтобъ между ними объ этомъ споровъ не было; а кто не послушается, на того вы прикрикните, да и ударьте“.

Когда одна изъ воюющихъ державъ обнаруживала желаніе кончить войну, то требовала пропускныхъ или опасныхъ грамотъ для пословъ своихъ; выдачу этихъ грамотъ Іоаннъ не хотѣлъ однако считать знакомъ прекращенія военныхъ дѣйствій; такъ онъ писалъ сыну своему Димитрію, осаждавшему Смоленскъ: „Посылаю тебѣ опасную грамоту на имя великаго князя Александра, для его пословъ: отдай ее епископскому человѣку, за ней пріѣхавшему; но постарайся, чтобъ онъ не заѣзжалъ въ Смоленскъ и не объявлялъ бы городничему, что опасная грамота дана; и вы дѣла не откладывайте, Смоленскъ доставайте, наше и земское дѣло дѣлайте, какъ васъ Богъ вразумитъ и какъ вамъ поможетъ“.

Услыхавъ о приближеніи посла, посылали пристава встрѣчать его на границѣ и во все продолженіе пути давать ему кормъ съ медомъ и виномъ; Максиміланову послу Снупсу велѣно было давать, въ Новгородѣ на день по курицѣ, по двѣ части говядины,

по двѣ части свинины, по два калача полуденежныхъ, а соли, заспы, сметаны, масла, меду и вина сколько понадобится. Потомъ другой приставъ встрѣчалъ посла въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы; въ день представленія сановники встрѣчали его внизу лѣстницы и передъ палатными дверями. Вошедши въ пріемную палату, посолъ правилъ поклонъ великому князю отъ своего государя; великій князь, вставши, спрашивалъ о здоровьѣ послѣдняго, давалъ руку послу и приказывалъ ему садиться на скамью противъ себя. Посидѣвши немного, посолъ вставалъ и подавалъ вѣрющую грамоту, а послѣ грамоты представлялъ поминки или дары. Пріемъ происходилъ въ присутствіи сыновей великокняжескихъ и всѣхъ бояръ: первымъ посолъ также правилъ поклоны (хотя не всегда), они давали ему руки и спрашивали о здоровьѣ. Въ тотъ же день посолъ обѣдалъ у государя, а послѣ обѣда великій князь посылалъ къ нему на подворье потчивать виномъ и медомъ, или, какъ обыкновенно выражалось, посылалъ поить посла. Мы видѣли, какъ Іоаннъ III наказывалъ своимъ посламъ, чтобъ они при этомъ потчиваньи не напивались допьяна; но послы, пріѣзжавшіе въ Москву изъ другихъ государствъ, какъ видно, не получали подобныхъ наказовъ: литовскій посолъ Станиславъ Глѣбовичъ, напившись пьянъ, вздумалъ говорить присланному потчивать его князю Ноздреватому о цѣли своего посольства, о сватовствѣ своего государя на дочери великаго князя и т. д.; о венгерскомъ послѣ говорится: „Ѣлъ у великаго князя, а послѣ стола князь великій посылалъ поить его; посолъ въ ту ночь пьяный разшибся, и не могъ быть на другой день съ королевскими рѣчами". На отпускѣ посла великій князь послѣ отвѣта, касавшагося цѣли посольства, приказывалъ съ посломъ поклонъ къ его государю и благодарность за подарки. Желая оказать особенную благосклонность Максиміанову послу Юрію Делатору, великій князь на отпускѣ сдѣлалъ его золотоносцемъ, далъ ему цѣпь золотую съ крестомъ, шубу атласную съ золотомъ на горностаяхъ, да остроги (шпоры) серебряныя вызолоченыя. При отправленіи русскихъ пословъ въ чужія государства до границы давались имъ подводы отъ яма до яма, на наемъ подводъ за границею выдавались деньги; въ подорожной грамотѣ Юрію Трахоніоту и Василію Кулешину, отправлявшимся въ послахъ къ Максимиліану, говорилось, чтобъ вездѣ давалось каждому изъ нихъ по тринадцати

подводъ, корму давалось бы каждому на всякой станціи—туша баранья, а овчина назадъ, три курицы, хлѣбъ. Значительные люди, кромѣ Крыма, отправлялись послами только въ важныхъ случаяхъ, напримѣръ для подтвержденія мирнаго договора; обыкновенный наказъ посламъ состоялъ въ томъ, чтобъ они какъ можно болѣе узнали о состояніи и объ отношеніяхъ государства, въ которое посылались, и какъ можно менѣе сказали о своемъ государствѣ.

Главнѣйшею цѣлію пріѣзда иностранныхъ пословъ было заключеніе мира, перемирія, союза. Обрядъ заключенія перемирія между Іоанномъ и Александромъ литовскимъ описывается такъ: по написаніи двухъ грамотъ съ обѣихъ сторонъ и привѣшеніи къ нимъ печатей, бояре отнесли литовскую грамоту къ великому князю, который, осмотрѣвши посольскія печати у нея, велѣлъ посламъ быть у себя; когда послы пришли, то онъ велѣлъ имъ сѣсть, и послалъ за крестомъ; крестъ принесли на блюдѣ съ пеленою. Тогда великій князь всталъ, велѣлъ одному изъ бояръ держать крестъ, и въ то же время приказалъ читать перемирныя грамоты. Когда грамоты прочли и положили подъ крестъ, Іоаннъ, обратясь къ посламъ, сказалъ: „Паны! мы съ братомъ своимъ и зятемъ Александромъ, королемъ и великимъ княземъ, заключили перемирье на шесть лѣтъ, и грамоты перемирныя написали и печати свои къ своей грамотѣ привѣсили, а вы къ королевскому слову, къ той грамотѣ, которой у насъ быть, печати свои привѣсили. Мы на этихъ грамотахъ крестъ цѣлуемъ, что хотимъ править такъ, какъ въ грамотахъ писано. А вы на этихъ грамотахъ цѣлуйте крестъ, что какъ будутъ у нашего брата наши бояре, то братъ нашъ и зять къ своей грамотѣ печать свою привѣситъ, и крестъ поцѣлуетъ предъ нашими боярами, отдастъ имъ перемирную грамоту, и будетъ править по ней; а не станетъ намъ править, то Богъ насъ съ нимъ разсудитъ“. Великій князь и послы поцѣловали крестъ.—Въ перемирныхъ грамотахъ выговаривалось, что если по истеченіи урочныхъ лѣтъ начнется опять война, то во время разрыва не захватывать пословъ и купцовъ, которые случатся тогда въ начинающихъ войну государствахъ; въ перемирныхъ же грамотахъ новгородцевъ и псковичей съ Ливоніею по прежнему полагается условіе, чтобъ начинать военныя дѣйствія не ранѣе четырехъ недѣль послѣ объявленія войны. О плѣнныхъ

высказывалось требованіе съ литовской стороны, чтобъ послѣ заключенія мира освобождать ихъ со всѣмъ взятымъ у нихъ имуществомъ; когда венгерскій посолъ ходатайствовалъ, чтобъ литовскимъ плѣнникамъ возвратили свободу, обязавши ихъ присягою или порукою, то Іоаннъ велѣлъ отвѣчать ему: „Въ нашихъ земляхъ нѣтъ обычая отпускать плѣнниковъ на присягѣ или на порукѣ, а нужды имъ нѣтъ никакой, всего довольно, ѣды, питья, и платья“.

Предметомъ дипломатическихъ сношеній между государствами послѣ заключенія мира были преимущественно, какъ мы видѣли, непріязненныя столкновенія порубежныхъ жителей и притѣсненія торговыхъ людей. Въ договорахъ новгородцевъ и псковичей съ ливонскими нѣмцами различается вольное и невольное нарушеніе границъ: „Между Псковомъ и Юрьевымъ земли и воды по старый рубежъ; въ Великомъ озерѣ ловить псковичамъ къ своему берегу, а за озеро Великое, на юрьевскую сторону, имъ не ѣздить на рыболовство; если же вѣтромъ занесетъ псковскаго ловца на юрьевскую сторону, то въ томъ пени нѣтъ; также если вѣтеръ занесетъ и нѣмецкаго ловца на псковскую сторону; а кто станетъ наступать на чужую землю или воду, того казнить смертію съ обѣихъ сторонъ“. Въ тѣхъ же договорахъ постановлялось: если на порубежьи съ которой-нибудь стороны случится воровство, уводъ людей, грабежъ, убійство, то обиженная сторона посылаетъ три раза требовать управы, и если послѣ этого управы не будетъ, то обиженная сторона можетъ сама управиться (взять за свое на рубежѣ), и это не служитъ поводомъ къ разрыву, посла и купца за это нельзя держать.—Можно сказать, что заключеніе мира не имѣло никакого вліянія на порубежныхъ жителей, которые находились въ постоянной войнѣ съ сосѣдями; поэтому порубежныя обидныя дѣла, какъ тогда выражались, составляли предметъ постоянныхъ пересылокъ между государствами, пересылокъ, почти никогда однако не достигавшихъ цѣли; псковичи, новгородцы и нѣмцы ливонскіе, какъ мы видѣли, прямо допускали самоуправство въ этомъ случаѣ; между литовскимъ и московскимъ правительствами видимъ постоянныя жалобы на порубежныя обиды и постоянныя требованія съѣздовъ для учиненія исправы; въ 1496 году посолъ Александра литовскаго говорилъ Іоанну: „Напоминаемъ тебѣ, чтобъ ты возвратилъ намъ и слугамъ нашимъ земли, воды

и людей нашихъ, которые забраны; а для другихъ дѣлъ обидныхъ, для покражъ, разбоевъ, грабежей, наѣздовъ и для исправленія старыхъ границъ, вышли немедленно своихъ бояръ, а мы къ нимъ своихъ пановъ вышлемъ: пусть они всѣмъ обиднымъ дѣламъ управу учинятъ“. Новгородскіе намѣстники, заключая перемиріе съ ливонскимъ магистромъ въ 1481 году, выговорили съѣздъ для управы обидныхъ дѣлъ; на этомъ съѣздѣ съ обѣихъ сторонъ должны были быть честные люди; если не успѣютъ рѣшить всѣхъ дѣлъ на одномъ съѣздѣ, то назначить другой, если не успѣютъ на второмъ, то назначить третій; и всѣмъ тремъ съѣздамъ быть въ продолженіе двухъ лѣтъ; а не управятся на третьемъ съѣздѣ, то перемирье не въ перемирье.—Постоянно въ договоры вносилось условіе, что купцамъ путь чистый, могутъ торговать въ розницу и оптомъ, исключая нѣкоторыхъ запрещенныхъ товаровъ, обозначенныхъ въ договорѣ, и постоянно это условіе подвергалось нарушеніямъ; вносилось также въ договоры, что купцовъ не захватывать при начатіи войны, но и это условіе не исполнялось; жалуясь на его неисполненіе съ литовской стороны, Іоаннъ говоритъ: „Наши люди торговые московской земли, новгородской, псковской, тверской, зашли въ литовскую землю, и тамъ ихъ схватили, товары отняли, но этого нигдѣ не водится, что купцовъ захватывать; хотя и полки ходятъ, а купцу путь не затворенъ, купецъ идетъ на обѣ стороны безъ всякихъ зацѣпокъ“.

Предметомъ посольствъ бывало также извѣщеніе о вступленіи новаго государя на престолъ; видимъ также предметомъ посольствъ ходатайство государей за другія государства: такъ литовскіе государи ходатайствовали у московскаго за воеводу молдавскаго, за Швецію, за нѣмцевъ. Ходатайство за православныхъ единовѣрцевъ, покровительство православнымъ подданнымъ чуждыхъ государствъ Іоаннъ, какъ мы видѣли, считалъ постоянно своимъ правомъ: вторая литовская война началась за притѣсненія православныхъ; Александръ литовскій признаетъ это право, ибо оправдывается, увѣряетъ, что онъ и не думалъ притѣснять православныхъ своихъ подданныхъ. Выставляя собственное право покровительствовать единовѣрцамъ, Іоаннъ не допускаетъ папскаго вмѣшательства въ дѣла, касающіяся православія въ Литвѣ, не хочетъ слышать о сношеніяхъ съ папою по церковнымъ дѣламъ; въ договоры съ ливонскимъ орденомъ вносилось условіе—не обижать русскихъ цер-

квей въ Ливоніи. Наконецъ, замѣчаемъ, что въ сношеніяхъ съ христіанскими державами защита христіанства отъ невѣрныхъ обыкновенно выставляется какъ общій, высшій интересъ.

Въ дипломатическихъ сношеніяхъ московскаго двора съ литовскимъ мы видѣли любопытное явленіе, именно сношенія пановъ литовскихъ съ боярами московскими. Касательно языка грамотъ должно замѣтить, что въ сношеніяхъ съ литовскимъ дворомъ онѣ писались по-русски, въ Москвѣ на московскомъ нарѣчіи, въ Литвѣ на бѣлорусскомъ; въ сношеніяхъ съ другими европейскими государствами грамоты писались по латыни: когда венгерскому послу дали отвѣтные списки, то онъ просилъ перевести ихъ на латинскій языкъ, и, по приказу великаго князя, московскіе толмачи латинскіе перевели ихъ вмѣстѣ съ писаремъ венгерскаго посольства. Отправляя пословъ къ Максимиліану, великій князь далъ имъ такой наказъ: „Просить имъ грамоты докончальной по великокняжескому списку слово въ слово, и говорить королю, чтобъ велѣлъ писать грамоту русскимъ письмомъ, нѣтъ ли у него писца серба или словенина; а не будетъ у него такого писца, который бы могъ писать по-русски, то писать по-латыни или по-нѣмецки“ [298].

Относительно состоянія общественной нравственности новорожденное государство должно было еще много терпѣть отъ остатковъ прежняго безнарядья. Намѣстники и волостели продолжали смотрѣть на отправленіе своихъ должностей, на отправленіе правосудія исключительно какъ на средство кормиться, быть сытыми, и не считали неприличнымъ высказывать такой взглядъ прямо въ просьбахъ своихъ великому князю: такъ бояринъ Яковъ Захарьевичъ, назначенный въ Кострому намѣстникомъ вмѣстѣ съ литовскимъ выходцемъ, паномъ Иваномъ Судимонтомъ, билъ челомъ великому князю, что имъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ чего. Послѣ этого не удивительно читать въ лѣтописи, что Беклемишевъ, алексинскій воевода запросилъ у городскихъ жителей посула, и когда они дали ему пять рублей, то онъ запросилъ еще шестаго для жены своей. Видимъ жестокость казней—сожженіе, отрѣзаніе языка, кнутъ—для людей всѣхъ сословій; но видимъ въ то же время и преступленія, объясняющія подобныя казни: подложная грамота была составлена въ 1488 году архимандритомъ и княземъ; видимъ, что и въ другихъ странахъ наказанія не были мягче: по магдебургскому праву, данному западнорусскимъ

городамъ, употреблялись отсѣченіе головы, посаженіе на колъ, потопленіе. Разбойники въ тверской землѣ убили двоихъ псковскихъ гонцовъ, ѣхавшихъ въ Москву, вмѣстѣ со всѣми провожатыми, и побросали въ рѣку; въ какихъ размѣрахъ производились разбои и кѣмъ, видно также изъ слѣдующаго извѣстія псковской лѣтописи подъ 1476 годомъ: собрались новгородскіе боярскіе ключники и ударились ночью разбоемъ со всею ратною приправою на псковскую волость Гостятино. Одно духовное завѣщаніе, дошедшее до насъ отъ описываемаго времени, начинается такъ: „Се язъ рабъ Божій Панкратъ Чепѣй пишу сію грамоту душевную въ концѣ живота; а билъ мя Михайла Скобелцинъ большой, съ своими людьми съ Куземкою да и съ Ивашкомъ съ Щокотомъ, да брата его человѣкъ Михайловъ Меньшево Дмитрокъ Зуй, а билъ мя у своего села, а пойти ми съ ихъ рукъ“. Въ житіи св. Антонія сійскаго читаемъ, что однажды пришелъ на Двину изъ Новгорода сборщикъ архіепископской дани, и думая, что у Антонія много богатства, наслалъ на его монастырь разбойниковъ. Противъ остатковъ языческихъ обычаевъ и соединенной съ ними нравственной порчи вооружился Елеазарова монастыря игуменъ Панфилъ въ своемъ посланіи къ псковскимъ властямъ: „Есть еще остатокъ непріязни въ этомъ городѣ, и не прекратилась еще здѣсь лесть идольская, празднованіе кумирское: когда приходитъ великій праздникъ Рождества Предтечева, тогда въ эту святую ночь мало не весь городъ взмятется и взбѣсится: стучатъ бубны, голосятъ сопѣли, гудутъ струны, жены и дѣвы плещутъ, пляшутъ и поютъ скверныя пѣсни; тутъ мужамъ и юношамъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ оскверненіе, дѣвамъ растлѣніе. Тогда же выходятъ мужчины и женщины, чаровники и чаровницы, бродятъ по лугамъ, болотамъ и дубравамъ, ищутъ смертной травы, чревоотравнаго зелья на пагубу людямъ и скоту, копаютъ коренья на безуміе мужамъ“. Мы видѣли, что бабы—чаровницы имѣли доступъ и ко двору великокняжескому. Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ продолжала господствовать; обѣды сопровождались питьемъ, при чемъ не соблюдалось умѣренности: въ лѣтописи находимъ выраженіе — обѣдать и пить, гдѣ эти два слова необходимо связаны [299]. Неумѣренность въ пирушкахъ не сдерживалась присутствіемъ женщинъ, съ которыми вообще обходились не очень благосклонно [300]. Въ житіи св. Александра свирскаго встрѣчаемъ извѣстіе, что если женщина рож-

дала однѣхъ только дочерей, то подвергалась поношенію и оскорбленію отъ постороннихъ людей. Одинъ изъ костромскихъ намѣстниковъ, бояринъ Яковъ Захарьевичъ, жаловался, что когда его жена Арина пришла напередъ въ церковь къ Пречистой, то другой намѣстникъ Судимонтъ взялъ ее за накапку, свелъ съ мѣста, и поставилъ свою жену Аксинью. Великій князь, выговаривая Судимонту за этотъ поступокъ, пишетъ: „Это ты дѣлаешь по литовскому обычаю". Изъ этого видно, что у народовъ, съ которыми жители московскаго государства находились въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ, нечего было перенимать хорошаго; мы уже имѣли случай замѣтить то же самое, говоря о поведеніи литовскаго и венгерскаго пословъ въ Москвѣ. Венеціанскій посолъ Контарини пишетъ, что, отправившись изъ Житомира, онъ цѣлый день ѣхалъ большимъ лѣсомъ, крайне опаснымъ по причинѣ всякаго рода бродягъ его наполнявшихъ; по его же свидѣтельству, жители Кіева обыкновенно проводили утро до трехъ часовъ въ занятіяхъ, а потомъ отправлялись въ шинки, гдѣ оставались вплоть до самой ночи, и нерѣдко, напившись до пьяна, заводили между собою драки.

Но общество, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства для нравственности, оставалось обществомъ христіанскимъ, и потому подлѣ извѣстій, свидѣтельствующихъ о неудовлетворительномъ нравственномъ состояніи общества, находимъ извѣстія о подвигахъ лицъ, которыя словомъ и дѣломъ противоборствовали нравственной порчѣ; находимъ извѣстія объ обычаяхъ, коренившихся на религіозномъ чувствѣ, на чувствѣ христіанскаго милосердія; такъ читаемъ въ лѣтописи: одинъ человѣкъ въ городѣ Москвѣ ходилъ по обычаю къ селу Скудельничему, которое содержатъ граждане на погребеніе страннымъ: обычай они имѣютъ ходить туда въ четвергъ седьмой недѣли (въ Семикъ), покупать канонъ, свѣчу и молиться объ умершихъ, загребаютъ старую яму, наполненную мертвецами и выкапываютъ новую, всѣ тутъ копаютъ и засыпаютъ землею Бога ради, всѣ граждане, мужчины и женщины. О св. Даніилѣ переяславскомъ говорится, что онъ, заслышавъ о мертвомъ тѣлѣ, отправлялся немедленно на мѣсто, гдѣ оно лежало, и несъ его въ Божій домъ на погребеніе: мѣстомъ этимъ божедомскимъ владѣлъ тогда какой-то Изъядиновъ, который приставилъ къ скудельницамъ слугъ своихъ для сбора денегъ съ мертвыхъ тѣлъ; негодующіе переяславцы прозвали этихъ пристановъ з а ц ѣ п л я н а м и. Любо-

пытно, что жителямъ нѣкоторыхъ волостей въ описываемое время дается право не пускать скомороховъ играть у себя, напримѣръ, „князья, воеводы, дѣти боярскіе и всякіе ѣздоки въ тѣхъ селахъ не ставятся, кормовъ не берутъ; также и скоморохи въ тѣхъ селахъ не играютъ". Слѣдовательно жители селъ, не имѣвшіе этихъ льготъ, обязаны были позволять скоморохамъ играть у себя; мы не можемъ понять этихъ правъ и обязанностей, не предположивши какого-нибудь финансоваго отношенія скомороховъ къ казнѣ.

Литература Іоаннова времени, какъ и литература временъ предшествовавшихъ, состоитъ, во-первыхъ, изъ посланій духовныхъ лицъ къ великому князю, къ цѣлымъ городамъ, къ цѣлымъ сословіямъ; изъ этихъ посланій, разумѣется, первое мѣсто, по важности содержанія и по одушевленію, занимаетъ посланіе Вассіана на Угру. Ересь жидовская вызвала къ литературной дѣятельности Іосифа Волоцкаго, написавшаго противъ еретиковъ свой знаменитый Просвѣтитель. Это сочиненіе показываетъ въ авторѣ большую начитанность въ Св. Писаніи; въ примѣръ искусства его приведемъ доказательство таинству Св. Троицы изъ Ветхаго Завѣта, изъ книги Бытія: „Егда восхотѣ Богъ сотворити Адама, рече: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію. Почто не рече: сотворю, но сотворимъ? Того ради рече, яко не едино лице Божества есть, но трисоставно, а еже: по образу, а не по образамъ, едино существо являетъ Св. Троицы. Сотворимъ, рече, человѣка. Кому глаголетъ? не явственно ли есть, яко ко единородному Сыну и Слову Своему рече, и Св. Духу?—Еретицы же отвѣщаютъ; ни, но Самъ Себѣ Богъ реклъ есть, а иному никому же тогда сущу. Но что убо сихъ глаголъ безумнѣйши? Кій убо зодчій, или древодѣлъ, или усмарь надъ сосудомъ или надъ коимъ зданіемъ сѣдя единъ и никому же ему помогающу, глаголетъ самъ къ себѣ: сотворимъ себѣ сосудъ, или сотворимъ себѣ орало или утвердимъ усмы, а не паче ли молча свое дѣло содѣлаетъ? Лжа бо есть сіе, а не истина; безумнаго человѣка се есть обычай, а не мудраго. И паки безстудствуетъ жидовинъ и глаголетъ: яко ангеламъ глаголетъ Богъ. Аще бы глаголалъ ко ангеламъ, то не бы писано было, яко сотвори Богъ человѣка по образу и по подобію Божію сотвори его; но былъ бы убо человѣкъ по подобію и по образу ангельскому и проч."

Отъ Іосифа Волоцкаго дошли до насъ и другого рода сочиненія, какъ, напримѣръ, посланіе къ одному вельможѣ о милованіи рабовъ: „Слухъ до меня, господинъ, дошелъ, про твое благородство, будто велико твое немилосердіе и нежалованіе къ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота, скудость въ тѣлесныхъ потребахъ, голодомъ таютъ, наготою страждутъ: поэтому я грѣшный дерзнулъ тебѣ напомнить, помянувши твою вѣру къ Пречистой Богородицѣ, и къ намъ нищимъ великое жалованіе твое и любовь о Христѣ. Хотя мнѣ и неприлично было бы писать къ тебѣ объ этомъ, потому что я самъ грѣшенъ, неприлично было бы мнѣ восхищать учительскій санъ, не имѣя ума и смысла очищеннаго: но да вѣдаетъ твое боголюбіе, что эти мысли не мои, а взяты отъ божественнаго писанія. Писаніе повелѣваетъ рабовъ, какъ братію миловать, питать и одѣвать и о душахъ ихъ заботиться, научать на всякія добрыя дѣла; если же рабы и сироты у тебя въ такой тѣснотѣ, то не только имъ добрыхъ дѣлъ дѣлать, но, умирая съ голоду, они не могутъ удержаться отъ злыхъ обычаевъ. Такъ ты, господинъ, Бога ради побереги себя, потому что и малое небреженіе къ великимъ бѣдамъ приводитъ, Богъ на тебѣ свою милость показалъ и государь тебя великій князь пожаловалъ: такъ и тебѣ слѣдуетъ своихъ слугъ пожаловать, милость къ нимъ показать, пищею и одеждою удовольствовать и на благія дѣла наставить. Прости меня, господинъ, что твое жалованье и любовь сдѣлали меня безстыднымъ и дерзкимъ; а написалъ я къ тебѣ какъ по слухамъ, такъ и потому, что самъ ихъ нужду видѣлъ".

Отъ времени Іоанна III-го дошли до насъ лѣтописи, принадлежащія разнымъ составителямъ, въ разныхъ мѣстахъ жившимъ. Въ разсказѣ о паденіи Новгорода слышатся голоса различныхъ лѣтописцевъ; одинъ говоритъ: „Такъ великій князь укрѣпилъ Великій Новгородъ подъ властію московскою; написалъ бы я что нибудь и еще, но не могу отъ сильной кручины". А другой оканчиваетъ свой разсказъ съ чувствомъ полнаго довольства и съ чувствомъ нерасположенія къ Новгородцамъ: „Вездѣ пособилъ Богъ и Пречистая Богородица государю нашему великому князю Ивану Васильевичу надъ новыми отступниками и надъ своими измѣнниками и надъ вѣчниками, надъ новгородцами". Современность лѣтописца ясно видна изъ такого напримѣръ извѣстія: „Того же лѣта, мѣсяца іюня въ 5 день, съ субботы на недѣлю въ 3 часъ нощи,

преставися великаго князя дьякъ Василій Момыревъ, и положенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, іюня въ 7, за церковью противъ Никонова гроба; а жилъ лѣтъ 60 безъ дву и полшестидесятъ день, а въ діачествѣ былъ 20 лѣтъ безъ осьми мѣсяцъ, а имянины его апрѣля 12 Василія Парійскаго". Внутренній признакъ современности лѣтописца видѣнъ въ сильномъ негодованіи его на малодушные совѣты Ощеры и Мамона во время Ахматова нашествія, какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ; разсказъ объ этомъ событіи лѣтописецъ оканчиваетъ такъ: „О храбріи, мужественніи сынове Русьстіи! потщитеся сохраните свое отечество, Русьскую землю, отъ поганыхъ; не пощадите своихъ головъ, да не узрятъ очи ваши плѣненія и грабленія св. церквемъ и домомъ вашимъ, и убіенія чадъ вашихъ, и поруганія женамъ и дщеремъ вашимъ. Якоже пострадаша инiи велицiи славнiи земли отъ турковъ, еже болгари глаголю и рекоміи Греци, и Трапизонъ, и Аморія, и Арбанасы, и Хорваты, и Босна, и Манкупъ и Кафа и инiи мнозіи земли, иже не сташа мужественни, и погибоша и отечество свое изгубиша и землю и государьство, и скитаются по чужимъ странамъ бѣдни воистинну и страннiи, и много плача и слезъ достойни, укоряеми и поношаеми и оплеваеми, яко не мужественіи; иже избѣгоша которые со имѣніемъ многимъ, и съ женами и съ дѣтьми, въ чюжіе страны, вкупѣ со златомъ души и тѣлеса свои изгубиша и ублажаютъ тѣхъ, иже тогда умершихъ, ниже скитатися по чюжимъ странамъ яко бездомкомъ. Тако ми Бога видѣхъ своима очима грешныма великихъ государь, избѣгшихъ отъ турокъ со имѣніемъ и скитающихся яко страннія и смерти у Бога просящихъ яко мздовоздаянія отъ таковыя бѣды; пощади Господи насъ православныхъ христіанъ, молитвами Богородици и всѣхъ святыхъ, аминь". Послѣднія слова замѣчательны: лѣтописецъ говоритъ, что онъ самъ видѣлъ изгнанныхъ турками владѣтельныхъ лицъ; этого не могъ сказать москвичъ, видѣвшій въ своемъ городѣ изъ греческихъ изгнанниковъ одного Андрея Ѳомича Палэолога, .брата великой княгини Софіи, во-первыхъ потому, что Андрей въ Москвѣ вовсе не находился въ такомъ положеніи, чтобъ просить смерти, какъ избавленія отъ бѣды; во-вторыхъ потому, что въ этомъ случаѣ лѣтописецъ не могъ придавать дѣлу такой важности: Андрея въ Москвѣ всѣ видѣли, а не одинъ лѣтописецъ, которому всего приличнѣе было бы обратиться ко всѣмъ и сказать: „вы всѣ видѣли изгнан-

ника“. Слѣдовательно должно предположить, что лѣтописецъ былъ за границею и гдѣ-нибудь, напримѣръ въ Венгріи, видѣлъ изгнанныхъ турками владѣтелей славянскихъ.—Любопытно, что сочинитель извѣстной повѣсти о Дракулѣ, воеводѣ волошскомъ, говоритъ, что находившись въ Венгріи, въ городѣ Будинѣ, видѣлъ тамъ Дракулиныхъ сыновей, которыхъ король Матвѣй привезъ туда. Сочинитель повѣсти о Дракулѣ не есть ли и составитель нашей лѣтописи? Такъ какъ въ Венгрію, къ королю Матвѣю былъ посланъ въ 1482 году знаменитый дьякъ Өедоръ Курицынъ, то Востоковъ думаетъ, что сочиненіе повѣсти о Дракулѣ можно приписать или самому Курицыну, или кому-нибудь изъ его спутниковъ. Повѣсть о Дракулѣ могъ написать и самъ Курицынъ, извѣстный грамотѣй своего времени; но религіозное и православное обращеніе, встрѣчаемое въ лѣтописи, конечно нельзя приписать этому ересіарху. У одного изъ лѣтописцевъ описываемаго времени встрѣчаемъ качество, какого прежде не замѣчали ни у кого изъ его собратій, именно насмѣшливость, иронію: такъ видимъ это въ извѣстіи о прощеніи князей Ярославскихъ въ связи съ предыдущимъ извѣстіемъ; въ извѣстіяхъ о двукратномъ походѣ на Казань въ 1468—1469 годахъ; въ извѣстіи объ алексинскомъ воеводѣ Беклемишевѣ.

Самое видное и удачное событіе въ княженіе Іоанна III, подчиненіе Новгорода, послужило предметомъ особеннаго сказанія: „Словеса избранна отъ Св. Писанія, о правдѣ и о смиренномудріи, еже сотвори благочестія дѣлатель, благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, ему же и похвала о благочестіи вѣры; даже и о гордости величавыхъ мужей Новгородскихъ, ихъ же смири Господь Богъ и покори ему подъ руку его, онъ же благочестивый смиловался о нихъ, Господа ради, и утѣши землю ихъ“. Въ этомъ заглавіи указаны содержаніе и форма сказанія. Извѣстный уже намъ Сербъ Пахомій продолжалъ и при Іоаннѣ III-мъ служить русской церковной литературѣ: такъ онъ написалъ два канона св. митрополиту Іонѣ и слово объ обрѣтеніи мощей его. Знаменитому архіепископу Вассіану, автору посланія на Угру, принадлежитъ сочиненіе житія учителя его, св. Пафнутія Боровскаго. Вопросъ о вдовыхъ священнослужителяхъ, такъ много занимавшій общество описываемаго времени, подалъ поводъ къ замѣчательному по своей силѣ сочиненію: „Написаніе вдоваго попа, Георгія Скрипицы, изъ Ростова града о вдовствующихъ попѣхъ“; для образа приведемъ

нѣсколько мѣстъ, прямо относящихся къ дѣлу: „Не оскорбляйте и не осуждайте священниковъ, кромѣ богословесныхъ винъ; тѣми писано осужати грѣси ихъ, а не собою и не своимъ разумомъ. Вы же, господа, осудили есте всѣхъ іереевъ и діяконовъ, настоящихъ и будущихъ смертію женъ ихъ. Господь рече ко іюдеемъ: не на лица зря осуждайте, но праведный судъ судите. А вы, господа, всѣхъ іереевъ и діаконовъ безъ испытанія, на лица зря, осудили: который попъ имѣетъ жену—чистъ; а не имѣетъ жену—не чистъ. И вы, господа мои, которымъ прозрѣли духомъ чистыхъ и нечистыхъ? Чѣмъ испытали, попъ святъ съ женою или безъ жены, и чернецъ ли святъ или бѣлецъ? Почему вѣдати человѣка безъ свидѣтеля? Точію дѣла его объявятъ; единъ Богъ вѣдаетъ помышленія человѣческа. Вы неблагословною виною раздоръ въ церкви священникомъ есте; чернецемъ-попомъ—достойно служити во градѣхъ и селѣхъ, а вдовцамъ чистымъ попомъ—недостойно служити и въ пустыняхъ, ниже во градѣхъ, а у котораго попа жена есть, достоинъ служити, священъ убо женою. А что глаголете, господа мои: мы то сотворили, тѣхъ отлучили благочестія дѣля, очищая церковь;—ино, господа мои, разсудите, отъ кого то зло сталось въ нашей землѣ? Не отъ вашего ли нерадѣнія и небреженія, что злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Благословно ни сами, ни священники избранными не дозираете священниковъ, а во грады и въ села не посылаете опытывати, какъ кто пасетъ церковь Божію, назираете священниковъ боляры и дворецкими, недѣльщики, тіуны и доводчики, своихъ дѣля прибытковъ". Въ исторіи просвѣщенія древней Руси разумѣется не должно быть забыто имя книжника Никиты Поповича, который держалъ споръ съ легатомъ и заставилъ послѣдняго молчать, по извѣстію лѣтописца.

Наконецъ отъ описываемаго времени дошелъ до насъ любопытный памятникъ—путешествіе тверского купца Аѳанасія Никитина за три моря—Каспійское, Индѣйское и Черное. Отправившись изъ Нижняго въ свитѣ ширванскаго посла, Никитинъ былъ ограбленъ астраханскими татарами въ устьяхъ Волги, не захотѣлъ съ пустыми руками возвращаться въ Русь, гдѣ у него были долги, и рѣшился пробраться въ Индію съ дорогимъ жеребцомъ, котораго онъ надѣялся выгодно продать тамъ и, накупивши надобныхъ на Руси товаровъ, возвратиться въ отечество. Но онъ ошибся въ разсчетѣ: „Налгали мнѣ псы бусурманы, наговорили, что всякаго нашего то-

вара тамъ много, а вышло, что нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлый на бусурманскую землю, перецъ да краски—это дешево, но за то пошлины большія, да на морѣ разбойниковъ много". Кромѣ обманутыхъ надеждъ относительно торговыхъ выгодъ, Никитинъ подвергался большимъ опасностямъ: „Въ Чунерѣ ханъ взялъ у меня жеребца, и узнавши, что я не бусурманинъ, а русскій, сталъ говорить: „и жеребца отдамъ, и тысячу золотыхъ дамъ, стань только въ нашу вѣру магометанскую; а не станешь въ нашу вѣру, то и жеребца возьму, и тысячу золотыхъ на головѣ твоей возьму",—и сроку далъ 4 дни, въ госпожинки на Спасовъ день. Но Господь Богъ смиловался на Свой честный праздникъ, не отнялъ отъ меня грѣшнаго Своей милости, не повелѣлъ погибнуть въ Чунерѣ съ нечестивыми; наканунѣ Спасова дни пріѣхалъ Магметъ Хоросанецъ; я къ нему съ челобитьемъ, чтобъ похлопоталъ обо мнѣ, онъ поѣхалъ къ хану и отпросилъ меня, чтобъ въ свою вѣру меня не обращали, и жеребца моего у хана взялъ. Таково Господне чудо на Спасовъ день! Братья русскіе христіане! кто хочетъ идти въ индѣйскую землю, тотъ оставь вѣру свою на Руси, закричи: Магометъ!—и ступай въ индостанскую землю". Никитинъ описываетъ роскошь южной природы, пышность владѣльцевъ и вельможъ, великолѣпіе дворцовъ ихъ, бѣдность сельскаго народонаселенія, легкую одежду жителей Индіи, ихъ легкіе нравы. „Познакомился я со многими индѣйцами, говоритъ Никитинъ, и объявилъ имъ о своей вѣрѣ, что я не бусурманинъ, а христіанинъ, и они не стали отъ меня скрывать ни объ ѣдѣ своей, ни о торговлѣ, ни о молитвахъ, и женъ своихъ отъ меня не прятали; я распросилъ все объ ихъ вѣрѣ, и они говорятъ: вѣруемъ въ Адама, а Будда—это Адамъ и родъ его весь. Вѣръ въ Индіи всѣхъ 84 вѣры, и всѣ вѣруютъ въ Будду, а вѣра съ вѣрою ни пьетъ, ни ѣстъ, ни женится".

Тяжко стало наконецъ Никитину на чужой дальней сторонѣ среди 84-хъ вѣръ: „О благовѣрные христіане! кто во многія земли часто плаваетъ, тотъ во многіе грѣхи впадаетъ и вѣры лишается христіанскія. Мнѣ рабу Божію Аѳанасію сгрустнулось по вѣрѣ: уже прошло четыре Великихъ поста, четыре Свѣтлыхъ Воскресенья, а я грѣшный не знаю, когда Свѣтлое Воскресенье, когда постъ, когда Рождество Христово и другіе праздники, ни середы, ни пятницы; книгъ у меня нѣтъ: когда меня пограбили, то и книги

у меня взяли; я съ горя пошелъ въ Индію, потому что на Русь мнѣ было не съ чѣмъ идти, не осталось товару ничего. Уже прошло четыре Свѣтлыхъ Воскресенья въ бусурманской землѣ, а христіанства я не оставилъ: дальше Богъ вѣдаетъ что будетъ. Господи Боже мой! на Тя уповахъ; спаси мя! Пути не знаю, какъ выйти изъ Индостана; вездѣ война! А жить въ Индостанѣ—все истратишь, потому что у нихъ все дорого: я одинъ человѣкъ, а по два съ половиною алтына въ день издерживаю; вина и сыты не пью". Наконецъ Никитинъ выбралъ путь — черезъ Персію и Азіятскую Турцію къ Черному морю, а послѣднимъ въ Кафу.

Средства къ просвѣщенію въ описываемое время были скудны, какъ это можно видѣть изъ приведеннаго выше письма Геннадія новгородскаго къ ростовскому архіепископу Іоасафу. Есть также извѣстіе, сколько книгъ принесъ съ собою въ монастырь Іосифъ волоцкой: 4 евангелія, апостолъ, два псалтиря, сочиненія Ефрема, Дорофея, Петра, Дамаскина, Василія Великаго, патерикъ азбучный, два ирмолога [301].

II.

КНЯЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА.

ГЛАВА I.

Война съ Казанью.—Война съ Литвою.—Глинскій.—Смерть короля Александра.—Глинскій вооружается противъ преемника его Сигизмунда и вступаетъ въ службу къ московскому великому князю.—Вѣчный миръ между Василіемъ и Сигизмундомъ.—Вражда у Василія съ Крымомъ.—Дѣла Ливонскія.—Паденіе Пскова.

Смерть помѣшала Іоанну отмстить подручнику своему, царю казанскому, за его кровавый разрывъ съ Москвою. Василій, принявши правленіе осенью 1505 года, дожидался весны слѣдующаго года, чтобъ отправить на Магметъ-Аминя войско рѣчнымъ путемъ. Въ апрѣлѣ 1506 поплыли съ пѣхотою на судахъ—братъ великокняжескій Димитрій Ивановичъ и воевода, князь Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій; сухимъ путемъ пошла конная рать подъ начальствомъ князя Александра Владиміровича Ростовскаго. 22 мая судовая рать пришла подъ Казань, и князь Дмитрій немедленно велѣлъ ратнымъ людямъ высадиться изъ судовъ и идти пѣшкомъ къ городу, въ знойный день; татары выступили къ нимъ навстрѣчу и завязали бой, тогда какъ другая часть казанскаго войска на лошадяхъ тайно заѣхала имъ въ тылъ и отрѣзала отъ судовъ; русскіе потерпѣли сильное пораженіе: много ихъ было побито, много взято въ плѣнъ, много потонуло въ Поганомъ озерѣ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, великій князь въ тотъ же день велѣлъ выступить къ Казани князю Василью Даниловичу Холмскому съ другими воеводами, а брату послалъ сказать, чтобъ до прибытія Холмскаго не приступалъ вторично къ городу. Но когда 22 Іюня подоспѣла конная рать съ княземъ ростовскимъ, то Димитрій не счелъ нужнымъ медлить долѣе, и повелъ опять войска къ городу; сначала онъ имѣлъ удачу, но потомъ потерпѣлъ новое пораженіе и припужденъ былъ бѣжать, бросивши пушки и осадныя машины. Говорятъ, что

казанцы, не надѣясь одолѣть русскихъ силою, употребили хитрость: раскинули станъ и бросили его какъ будто пораженные страхомъ; русскіе кинулись на добычу, начали грабить: этимъ воспользовались казанцы и поразили ихъ на голову. Самъ князь Дмитрій ушелъ въ Нижній; другой отрядъ московскаго войска подъ начальствомъ татарскаго царевича Джаналѣя и воеводы Киселева, пошелъ къ Мурому, былъ настигнутъ на дорогѣ казанцами, но побилъ ихъ, и достигъ благополучно Мурома [302].

Уже начались приготовленія къ походу на слѣдующую весну, но Магмедъ-Аминь не сталъ дожидаться этого новаго похода, и въ мартѣ 1507 года прислалъ въ Москву бить челомъ, чтобъ великій князь заключилъ съ нимъ миръ и дружбу по старинѣ, какъ было съ отцемъ его, великимъ княземъ Іоанномъ, при чемъ обязывался отпустить задержаннаго посла Яропкина и всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ на войнѣ. Василій, поговоря съ братьями и боярами, согласился на этотъ миръ, для избавленія христіанскихъ душъ, попавшихъ въ бусурманскія руки и для христіанскаго устроенія.

Не одни только эти причины заставляли великаго князя спѣшить заключеніемъ мира съ Казанью, довольствоваться возобновленіемъ прежнихъ отношеній; важнѣйшія дѣла на западѣ требовали всего вниманія Василіева. Мы видѣли уже, что Александръ Литовскій полагалъ большія надежды на смерть Іоаннову, тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ считали сторону Димитрія внука довольно еще сильною, думали, что она будетъ противиться утвержденію Василія на столѣ отцовскомъ, и усобица между дядею и племянникомъ обѣщала Александру удобный случай къ возвращенію земель, отнятыхъ у Литвы Іоанномъ [303]. Узнавъ о смерти тестя, Александръ послалъ сказать ливонскому магистру Плеттенбергу, что теперь наступило удобное время соединенными силами ударить на непріятеля вѣры христіанской, который причинилъ одинаково большой вредъ и Литвѣ и Ливоніи; но магистръ отвѣчалъ, что хотя время дѣйствительно благопріятное, однако все же надобно дождаться конца перемирія, утвержденнаго крестнымъ цѣлованіемъ, что нельзя такъ вдругъ начинать войны съ такимъ сильнымъ врагомъ, надобно прежде навѣрное узнать, какъ молодые князья будутъ управляться въ своемъ государствѣ, ибо магистръ ждетъ между ними несогласій, которыя и подадутъ удобный случай къ начатію войны. Александръ и его рада признали справедливость

этихъ представленій, поблагодарили магистра за добрый совѣтъ, прося его немедленно давать знать въ Литву о томъ, что онъ узнаетъ о несогласіяхъ князей московскихъ. Александръ велѣлъ объявить также Плеттенбергу, что онъ приказалъ собирать войска, дабы пограничные московскіе князья и братья великаго князя, живущіе въ малыхъ удѣлахъ, узнавши объ этихъ приготовленіяхъ, тѣмъ скорѣе могли обратиться къ Литвѣ; просилъ и магистра распорядиться такимъ же образомъ въ Ливоніи, чтобъ испугать московскаго князя и сдѣлать его уступчивѣе [304].

Александръ дѣйствительно началъ готовить полки для войны московской: но изъ Москвы пришли вѣсти, что тамъ все спокойно, Василій княжитъ на столѣ отцовскомъ, а Димитрій внукъ по прежнему остается въ тѣсномъ заключеніи. Надежды на усобицы, на уступчивость Василія исчезли; когда послы Александровы, предлагая вѣчный миръ, требовали возвращенія всѣхъ взятыхъ у Литвы при Іоаннѣ земель, то бояре отвѣчали по прежнему, что великій князь владѣетъ только своими землями, чужихъ не держитъ и возвращать ему нечего; по прежнему отцовскому обычаю Василій напоминалъ Александру, чтобъ онъ не принуждалъ Елены къ латинству. Александръ не могъ воспользоваться смертію Іоанна, скоро умеръ самъ (въ августѣ 1506 года), и теперь Василій хотѣлъ воспользоваться смертію бездѣтнаго зятя, для мирнаго соединенія литовской Руси съ московскою: онъ послалъ сказать сестрѣ, чтобъ она „пожелала, и говорила бы епископу, панамъ, всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобъ пожелали имѣть его, Василія, своимъ государемъ и служить бы ему пожелали; а станутъ опасаться за вѣру, то государь ихъ въ этомъ ни въ чемъ не порушитъ, какъ было при королѣ, такъ все и останется, да еще хочетъ жаловать свыше того“. Къ князю Войтеху, епископу Виленскому, къ пану Николаю Радзивилу и ко всей радѣ Василій приказывалъ о томъ же, „чтобъ пожелали его на государство литовское“ [305]. Елена отвѣчала, что Александръ назначилъ преемникомъ себѣ брата своего Сигизмунда; но въ Литвѣ встала сильная смута и усобица, которою Василій московскій хотѣлъ воспользоватьса теперь въ свою очередь.

Любимцемъ покойнаго короля Александра былъ князь Михаилъ Глинскій, маршалокъ дворный, потомокъ татарскаго князя, выѣхавшаго въ Литву при Витовтѣ. Глинскій провелъ долгое время за

границею, въ Италіи, Испаніи, при дворѣ императора Максимиліана, вездѣ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе, почетъ умомъ, образованностію, искусствомъ въ дѣлѣ военномъ; не удивительно, что онъ затмѣвалъ собою другихъ пановъ литовскихъ и умѣлъ овладѣть полною довѣренностію Александра; владѣя обширными землями и замками, почти половиною всего государства литовскаго, Глинскій пріобрѣлъ многочисленную толпу приверженцевъ, преимущественно изъ русскихъ. Такое могущество возбудило въ остальныхъ панахъ литовскихъ сильную зависть и опасеніе, чтобъ Глинскій не овладѣлъ великимъ княжествомъ литовскимъ и не перенесъ столицы въ Русь: отсюда явная вражда между Глинскимъ и другими членами литовской рады. Ожесточеніе достигло высшей степени, когда Александръ, по просьбамъ Глинскаго, отдалъ городъ Лиду кліенту послѣдняго, Андрею Дрожжи, отнявши ее у пана Ильинича. Ильиничъ обратился съ жалобою къ литовскимъ вельможамъ, уже извѣстнымъ намъ по дѣламъ московскимъ—къ Войтеху Табору, епископу виленскому, Николаю Радзивилу, воеводѣ виленскому, Яну Заберезскому или Забржезинскому, воеводѣ Троцкому, къ Станиславу Яновичу, старостѣ Жмудскому, Станиславу Глѣбовичу, воеводѣ полоцкому, и Станиславу Петровичу Кишкѣ, намѣстнику смоленскому, которые, возводя Александра на престолъ литовскій, взяли съ него обязательство—не отнимать волости ни у кого ни въ какомъ случаѣ, кромѣ преступленія, заслуживающаго лишенія чести и жизни. Основываясь на этомъ обязательствѣ, паны не допустили Андрея Дрожжи до староства Лидскаго, и возвратили его Ильиничу. Александръ сильно разсердился на пановъ; Глинскій, разумѣется, постарался еще больше распалить гнѣвъ королевскій; говорятъ, будто онъ твердилъ Александру: „пока эти паны въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не будетъ покою въ великомъ княжествѣ“, и довелъ короля до того, что тотъ рѣшился вызвать пановъ на сеймъ въ Брестъ, схватить ихъ въ замкѣ и предать смерти; но паны, предувѣдомленные объ опасности канцлеромъ польскимъ, Ласкимъ, не пошли въ замокъ, и такимъ образомъ намѣреніе короля не исполнилось; онъ могъ отомстить только тѣмъ, что у Яна Заберезскаго, главнаго врага Глинскому, отнялъ воеводство Троцкое, Ильинича велѣлъ схватить и посадить въ тюрьму, а другимъ панамъ не велѣлъ казаться себѣ на глаза, и только по просьбѣ пановъ польскихъ послѣ простилъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Александръ заболѣлъ тяжкою, предсмертною болѣзнію. Въ это самое время толпы крымскихъ татаръ напали на Литву и страшно пустошили ее. Александръ поручилъ войско Глинскому, и тотъ одержалъ надъ крымцами блистательную побѣду, которая была послѣднимъ дѣломъ Александрова правленія. Глинскій побѣдитель, избавитель страны отъ свирѣпыхъ татаръ сталъ еще страшнѣе панамъ литовскимъ. Какъ только Александръ умеръ, начался споръ о мѣстѣ его погребенія: польскій канцлеръ Ласкій хотѣлъ везти тѣло въ Краковъ, исполняя желаніе самого покойника, но паны литовскіе требовали, чтобъ король былъ погребенъ въ Вильнѣ, боясь того, что когда они будутъ провожать его тѣло въ Краковъ, Глинскій воспользуется ихъ отсутствіемъ и захватитъ Вильну съ своими русскими. Опасенія ихъ были однако напрасны: братъ Александровъ Сигизмундъ прибылъ немедленно въ Вильну, и Глинскій первый выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Зная, что новый великій князь уже предупрежденъ противъ него, Глинскій произнесъ предъ Сигизмундомъ прекрасную рѣчь, въ которой очищалъ себя отъ всякаго подозрѣнія въ посягательствѣ на престолъ великокняжескій и обѣщалъ вѣрную службу. Сигизмундъ отвѣчалъ ласково, благодарилъ за изъявленіе вѣрности. Понятно, съ какою радостію литовскіе паны поспѣшили признать Сигизмунда великимъ княземъ и короновать его въ Вильнѣ; вслѣдъ за этимъ и польская рада провозгласила его королемъ.

Александръ отложилъ войну съ Москвою, сдержанный благоразумными совѣтами Плеттенберга, спокойнымъ утвержденіемъ Василія на столѣ отцовскомъ, нападеніями татаръ и наконецъ болѣзнію: Сигизмундъ думалъ, что можетъ ознаменовать вступленіе свое на престолъ удачною войною съ московскимъ княземъ, считая обстоятельства для себя благопріятными въ началѣ 1507 года: походъ казанскій кончился неудачно, и Москва должна была снова употребить большія усилія для поправленія дѣлъ своихъ на востокѣ; прежнія отношенія Крыма къ Москвѣ перемѣнились: ханъ готовъ былъ помогать своему пасынку, царю казанскому, и дѣйствовать за одно съ Литвою противъ Москвы; и вотъ, 2-го февраля 1507 года, виленскій сеймъ опредѣлилъ сборъ войскъ къ Свѣтлому Воскресенью: „а для того такой короткій срокъ положенъ (говоритъ сеймовое опредѣленіе), чтобы непріятель госпо-

дарскій, услыхавши о желаніи нашего господаря начать съ нимъ войну и своихъ земель доставать, не предупредилъ и не вторгнулся въ его государство“ [306]. Сигизмундъ послалъ сказать Плеттенбергу, что крымскій ханъ заключилъ съ нимъ союзъ противъ Москвы, что послы хана казанскаго просятъ его не пропустить удобнаго времени и ударить вмѣстѣ съ Казанью на Москву, потому что царь ихъ четыре раза уже разбилъ ея войска, поразилъ на голову брата великокняжескаго, приходившаго съ пятидесятью тысячьми войска, и безпрестанно опустошаетъ московскую землю; что онъ Сигизмундъ уже отправилъ своихъ большихъ пословъ въ Крымъ и Казань поднимать татаръ на Василія и своимъ подданнымъ велѣлъ быть готовыми на войну къ Свѣтлому Воскресенью, ибо хочетъ идти на непріятеля со всѣми своими силами, видя, что такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для войны съ Москвою еще никогда не бывало.

Распорядившись такимъ образомъ, Сигизмундъ отправилъ пословъ въ Москву вывѣдывать расположеніе тамошняго двора. Послы извѣстили Василія о смерти Александра, о восшествіи на престолъ Сигизмунда и объявили отъ имени послѣдняго, что у великаго князя Василія Васильевича и у короля Казимира заключенъ былъ вѣчный миръ, по которому они обязались не забирать другъ у друга земель и водъ, что Казиміръ не нарушилъ ни въ чемъ договора, который нарушенъ съ московской стороны; такъ какъ правда Казимира и Александра королей извѣстна всему свѣту, то Сигизмундъ вызываетъ великаго князя Василія къ уступкѣ всѣхъ литовскихъ городовъ, волостей, земель и водъ, доставшихся его отцу во время прежнихъ войнъ, также къ освобожденію всѣхъ плѣнниковъ литовскихъ, дабы кровь христіанская не лилась, ибо король въ своей правдѣ уповаетъ на Бога: это была явная угроза, что въ случаѣ неисполненія требованія, будетъ объявлена война; наконецъ послы жаловались, что московскіе подданные захватили четыре смоленскія волости [307] и помѣщики дорогобужскіе притѣсняютъ литовскихъ пограничниковъ. — Но и Сигизмундъ, подобно Александру, обманулся въ надеждѣ на благопріятное время для войны съ Москвою: прежде его пословъ явились къ великому князю послы изъ Казани съ просьбою о мирѣ [308]; съ этой стороны слѣдовательно Василій могъ быть покоенъ, и потому далъ Сигизмундовымъ посламъ обычный отвѣтъ: „мы городовъ, волостей, земель и водъ

Сигизмундовыхъ, его отчинъ никакихъ за собою не держимъ, а держимъ, съ Божіею волею, города и волости, земли и воды, свою отчину, чѣмъ насъ пожаловалъ и благословилъ отецъ нашъ князь великій и что намъ далъ Богъ, а отъ прародителей нашихъ и вся Русская земля наша отчина". Но этого мало: на гордый вызовъ Сигизмунда Василій отвѣчалъ также рѣшительнымъ вызовомъ на войну, если король не захочетъ мира, какой угоденъ московскому государю; онъ велѣлъ сказать посламъ: „Какъ отецъ нашъ и мы брату нашему и зятю Александру дали присягу на перемирныхъ грамотахъ, такъ и правили ему во всемъ до самой его смерти; а съ Сигизмундомъ королемъ намъ перемирья не было. Если же Сигизмундъ, какъ вы говорили, хочетъ съ нами мира и добраго согласія, то и мы хотимъ съ нимъ мира, какъ намъ будетъ пригоже". Потомъ, перечисливши обиды, нанесенныя литовцами русскимъ—взятіе въ брянской области болѣе ста селъ и деревень, грабежъ купцовъ—козельскихъ, алексинскихъ, калужскихъ, псковскихъ; занятіе волостей князя Бѣльскаго,—Василій велѣлъ сказать королю, чтобъ за все это было сдѣлано надлежащее удовлетвореніе, а въ противномъ случаѣ онъ найдетъ управу. Наконецъ, отпуская пословъ, самъ великій князь велѣлъ имъ напомнить Сигизмунду о сестрѣ своей королевѣ Еленѣ, чтобъ она вѣдала свой греческій законъ, чтобъ онъ, Сигизмундъ, ее жаловалъ и берегъ и держалъ въ чести, а къ римскому закону не принуждалъ [309].

Въ мартѣ 1507 года происходили эти переговоры, а 29 апрѣля московскіе полки уже пошли воевать литовскую землю; ибо если Сигизмундъ надѣялся напасть на Москву при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, то теперь эти обстоятельства перешли вдругъ на сторону Василія, который и спѣшилъ пользоваться ими. Мы видѣли, что князь Михаилъ Глинскій былъ принятъ, повидимому, благосклонно. Сигизмундомъ; но если бы даже новый король и не раздѣлялъ всѣхъ подозрѣній пановъ литовскихъ относительно Глинскаго, то, съ другой стороны, онъ не оказывалъ ему того довѣрія, какимъ Глинскій пользовался при покойномъ Александрѣ. Этого уже было достаточно, чтобъ враги Глинскаго подняли головы; этого было достаточно, чтобъ самъ Глинскій, привыкшій къ первенствующему положенію при Александрѣ, чувствовалъ себя теперь въ опалѣ, въ уничиженіи. Но Глинскаго не хотѣли оставить въ удаленіи и въ покоѣ: въ началѣ 1507 года Сигизмундъ отнялъ у

брата Михайлова, князя Ивана Львовича воеводство кіевское и далъ вмѣсто него новгородское (Новогрудекское). Напрасно въ грамотѣ своей, данной Ивану по этому случаю, король говорилъ, что онъ этою перемѣною не уменьшилъ чести князя Ивана, который сохраняетъ прежній титулъ и получаетъ мѣсто въ радѣ подлѣ старосты жмудскаго: обида была явная, явно было, что Глинскихъ продолжали подозрѣвать въ замыслахъ возстановить великое княжество русское, и потому не хотѣли оставить въ ихъ рукахъ Кіева [310]. Но этого мало: заклятый врагъ князя Михаила, Янъ Заберезскій громко называлъ его измѣнникомъ; Глинскій требовалъ суда съ нимъ предъ королемъ: но Сигизмундъ, будучи занятъ важными дѣлами, откладывалъ этотъ соблазнительный судъ тѣмъ болѣе, что, какъ видно, противъ Глинскаго достаточныхъ уликъ не было, и въ такомъ случаѣ король не хотѣлъ жертвовать Глинскому Заберезскимъ. Но понятно, что Глинскій не хотѣлъ ждать; онъ отправился въ Венгрію, къ королю Владиславу, брату Сигизмундову, съ просьбою вступиться въ дѣло; но и ходатайство Владислава не помогло. Тогда Глинскій сказавъ королю: „Ты заставляешь меня покуситься на такое дѣло, о которомъ оба мы послѣ горько жалѣть будемъ",—уѣхалъ въ свои имѣнія и завелъ пересылку съ великимъ княземъ московскимъ [311], который обѣщалъ ему помощь на всѣхъ его непріятелей.

Глинскій писалъ въ Москву, что для его дѣла и для дѣла теперь великокняжескаго самое благопріятное время, потому что въ Литвѣ войска не въ сборѣ, а отъ другихъ странъ помощи нѣтъ; Василій отвѣчалъ, что немедленно шлетъ въ Литву своихъ воеводъ, и чтобъ Глинскій тоже не медлилъ. Глинскій началъ свое дѣло. Съ семью стами конныхъ ратниковъ онъ переправился черезъ Нѣманъ, явился въ Гродно, подлѣ котораго жилъ тогда Заберезскій, и ночью велѣлъ окружить дворъ послѣдняго; два иностранца, находившіеся въ службѣ Глинскаго, взялись быть орудіями кровавой мести своего господина: одинъ какой-то нѣмецъ Шлейницъ ворвался въ спальню къ Заберезскому, другой—турокъ отсѣкъ ему голову, которую на саблѣ поднесли Глинскому; тотъ велѣлъ ее нести передъ собою на древкѣ четыре мили и потомъ утопить въ озерѣ. Покончивши съ главнымъ врагомъ, Глинскій разослалъ конницу свою искать и бить другихъ враждебныхъ ему пановъ литовскихъ, а самъ, набирая все болѣе и болѣе войска, удалился въ Новгородъ.

Тогда Сигизмундъ заговорилъ другимъ языкомъ съ Москвою. Онъ вторично прислалъ сюда за миромъ, предлагая въ посредники Менгли-Гирея Крымскаго, и въ тоже время пытался возбудить противъ Василія брата его, Дмитровскаго князя Юрія Ивановича: литовскіе послы явились къ послѣднему съ просьбою, чтобъ принялъ на себя ходатайство о мирѣ между Москвою и Литвою; но за этою просьбою слѣдовали тайныя рѣчи: „Узнали мы о тебѣ, братѣ нашемъ (велѣлъ сказать ему Сигизмундъ), что милостью Божіею, въ дѣлахъ своихъ мудро поступаешь, великимъ разумомъ ихъ ведешь, какъ и прилично тебѣ, великаго государя сыну; не малые слухи до насъ дошли, что многіе князья и бояре, покинувши брата твоего, великаго князя Василія Ивановича, къ себѣ пристали, и всякіе добрые слухи о тебѣ слышимъ что намъ очень пріятно. Мы хотѣли съ братомъ твоимъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ быть въ мирѣ и союзѣ на всякаго недруга: но онъ, обрадовавшись отчиннымъ нашимъ пограничнымъ городамъ и волостямъ, землямъ и водамъ, съ нами житья не захотѣлъ. Такъ мы, братъ милый, помня житье предковъ нашихъ, ихъ братство вѣрное и нелестное, хотимъ съ тобою быть въ любви и въ крестномъ цѣлованьи, пріятелю твоему быть пріятелемъ, а непріятелю непріятелемъ, и во всякомъ твоемъ дѣлѣ хотимъ быть готовы тебѣ на помощь, готовы для тебя, брата нашего, сами своею головою на коня сѣсть со всѣми землями и со всѣми людьми нашими, хотимъ стараться о твоемъ дѣлѣ все равно какъ и о своемъ собственномъ. И если будетъ твоя добрая воля, захочешь быть съ нами въ братствѣ и пріязни, то немедленно пришли къ намъ человѣка добраго, сына боярскаго: мы передъ нимъ дадимъ клятву, что будемъ тебѣ вѣрнымъ братомъ и сердечнымъ пріятелемъ до конца жизни“ [312].

Неизвѣстно, что отвѣчалъ на это князь Юрій; но извѣстенъ намъ отвѣтъ великаго князя Василія сестрѣ своей Еленѣ, которая присылала въ Москву съ ходатайствомъ о мирѣ. Оправдавъ поведеніе отца своего относительно короля Александра, Василій пишетъ: „Когда послѣ зятя нашего Александра на его государствахъ сѣлъ братъ его Сигизмундъ, то онъ прислалъ къ намъ своихъ пословъ: мы съ нимъ мира хотѣли, но онъ съ нами не захотѣлъ; а послѣ того Сигизмундъ король поднималъ бусурманство на христіанство, да посылалъ воеводъ своихъ многихъ со многими людьми на нашихъ слугъ, на князей. а мы посылали своихъ воеводъ со мно-

гими людьми, и наши воеводы отъ его людей отстоялись и пришли къ намъ благополучно. Ты пишешь, что присылалъ къ намъ бить челомъ князь Михайла Глинскій, но къ намъ присылалъ бить челомъ не одинъ князь Михаилъ Глинскій, а многіе князья русскіе и многіе люди, которые держатъ Греческій законъ; сказываютъ, что теперь нужда на нихъ пришла большая за Греческій законъ, принуждаютъ ихъ приступать къ Римскому закону, и они били челомъ, чтобъ мы пожаловали ихъ, за нихъ стали и обороняли ихъ. Намъ кажется, что и тебѣ, сестрѣ нашей, теперь неволя большая, потому что какъ зять нашъ Александръ умеръ, мы посылали навѣстить тебя и приказывали, чтобъ ты насъ о своемъ здоровьи безъ вѣсти не держала; но съ тѣхъ поръ послы отъ Сигизмунда короля у насъ не одинъ разъ были, а отъ тебя къ намъ вѣсти никакой нѣтъ. И если на Русь такая бѣда пришла, то мы за нее стали и обороняли ее, и впередъ, дастъ Богъ, будемъ стоять и оборонять. А ты бы, сестра, и теперь помнила Бога и свою душу, отца нашего и матери наказъ, отъ Бога душею не отпала бы, отъ отца и матери въ неблагословеньи не была бы, и нашему православному закону укоризны не принесла. А что ты писала къ намъ, чтобъ мы съ Сигизмундомъ королемъ были въ любви и братствѣ, то если Сигизмундъ король захочетъ съ нами мира и добраго согласія, мы съ нимъ мира хотимъ, какъ намъ будетъ пригоже" [313] (іюнь 1507 г.).

Сигизмундъ обѣщалъ прислать новыхъ большихъ пословъ въ Москву, но почему-то не прислалъ. Мы видѣли, что въ письмѣ къ сестрѣ Василій говорилъ уже о возвращеніи своихъ воеводъ, ходившихъ на Литву; по литовскимъ извѣстіямъ, воеводы его возвратились назадъ, заслышавши о приближеніи короля, который взялъ замокъ Гзыковъ, опустошилъ нѣсколько мѣстечекъ и волостей московскихъ, но принужденъ былъ также возвратиться въ Вильну отъ недостатка продовольствія для войска и отъ сильныхъ жаровъ [314]. Справедливо или нѣтъ это извѣстіе, очевидно, что военныя дѣйствія 1507 года этимъ кончились. Весною, слѣдующаго 1508 года они возобновились съ новою силою: Глинскій волновалъ Русь, пустошилъ волости Слуцкія и Копыльскія, овладѣлъ Туровымъ и Мозыремъ. Великій князь, увѣдомляя его, что посылаетъ къ нему на помощь полки подъ главнымъ начальствомъ князя Василія Ивановича Шемячича, писалъ, чтобъ онъ съ этою помощію добывалъ ближайшіе къ себѣ города, а далеко съ нею

въ королевскую землю не ходилъ, дѣло дѣлалъ бы не спѣша, пока подойдетъ другое, болѣе многочисленное войско изъ Москвы. Глинскій хотѣлъ, чтобъ Шемячичь помогъ ему овладѣть Слуцкомъ, который, какъ писалъ онъ къ Василію, находился близко отъ его городовъ: пишутъ, что Глинскому хотѣлось овладѣть Слуцкомъ для того, чтобъ жениться на его княгинѣ Анастасіи и тѣмъ получить право на Кіевъ, которымъ прежде владѣли предки князей Слуцкихъ [315]. Но князю Шемячичу хотѣлось быть поближе къ сѣверу, откуда должны были подойти полки московскіе, и потому рѣшено было идти подъ Минскъ, пустивши загоны въ глубь Литвы для того, чтобъ смутить землю и помѣшать сбору войска. Эти загоны были въ осьми миляхъ отъ Вильны, въ четырехъ отъ Новгородка, заходили подъ самый Слонимъ. Двѣ недѣли стоялъ Глинскій съ Шемячичемъ у Минска, дожидаясь вѣсти о московскихъ воеводахъ, но вѣсти не было; это обстоятельство заставило ихъ отступить отъ Минска и двинуться къ Борисову. Отсюда Глинскій писалъ къ великому князю, чтобъ смиловался, не для его одного челобитья, но для собственной пользы и для пользы всего притѣсненнаго христіанства, которое всю надежду полагаетъ на Бога да на него,—велѣлъ бы своимъ воеводамъ спѣшить къ Минску, иначе братья и пріятели его, Глинскаго, и все христіанство придетъ въ отчаяніе, города и волости, занятые съ помощію великокняжескою, подвергнутся опасности и самое благопріятное время будетъ упущено, ибо ратное дѣло дѣлается лѣтомъ. Но великій князь, извѣщая о движеніи воеводъ своихъ — князей Щени изъ Новгорода, Якова Захарьевича изъ Москвы и Григорья Ѳедоровича изъ Великихъ Лукъ, приказывалъ Шемячичу и Глинскому, чтобъ они шли для соединенія съ ними къ Оршѣ. Шемячичь и Глинскій двинулись къ Оршѣ, овладѣли на дорогѣ Друцкомъ; въ одно время съ ними пришелъ къ Оршѣ и князь Щеня съ силою новгородскою, и начали вмѣстѣ осаждать эту крѣпость, но осада была неудачна; третій воевода, Яковъ Захарьичь, стоялъ подъ Дубровною [316]. Въ это время пришла вѣсть, что идетъ король къ Оршѣ (послѣ 11 іюня 1508 года). Тогда воеводы отошли отъ нея и стали на другомъ берегу Днѣпра; потомъ отступили далѣе въ Дубровну и стояли здѣсь семь дней; но король за Днѣпръ ни самъ не пошелъ, ни людей не послалъ; по литовскимъ же извѣстіямъ, король переправился черезъ Днѣпръ послѣ того, какъ его отряды отбили русскихъ

отъ берега; ночь развела сражающихся; Глинскій упрашивалъ московскихъ воеводъ, чтобъ дали на другой день битву королю, но тѣ не согласились и въ полночь отступили; король побоялся ихъ преслѣдовать, и возвратился въ Смоленскъ.

Изъ Дубровны московскіе воеводы пошли на юговостокъ, къ Мстиславлю, гдѣ выжгли посады, потомъ къ Кричеву [317], и такимъ образомъ расходились съ королемъ въ противныя стороны. Сигизмундъ, остановившись въ Смоленскѣ, рѣшился принять съ своей стороны наступательное движеніе. Войсками долженъ былъ начальствовать гетманъ литовскій, князь Константинъ Острожскій, которому удалось передъ тѣмъ убѣжать изъ Москвы [318]. Но смута встала въ Литвѣ, вслѣдствіе ссоры между двумя вельможами, походъ Острожскаго съ главнымъ войскомъ не могъ состояться; литовскіе отряды успѣли только сжечь Бѣлую, овладѣть Торопцомъ и занять Дорогобужъ, который сожгли сами русскіе, не надѣясь защитить его. Но эти успѣхи прекратились, когда великій князь велѣлъ подвинуться войскамъ своимъ къ угрожаемымъ границамъ: смоленскій воевода, Станиславъ Кишка, засѣвшій было въ Дорогобужѣ, бѣжалъ оттуда, заслышавъ о приближеніи московскаго войска; литовскіе работники, пришедшіе укрѣплять Дорогобужъ для короля, были побиты; непріятель очистилъ также и Торопецъ, заслышавъ приближеніе Щени.

Сигизмундъ видѣлъ невозможность успѣшной борьбы съ Москвою: московскіе воеводы, уклоняясь отъ рѣшительной битвы, вышли изъ литовскихъ владѣній, но должны были снова явиться въ нихъ при первомъ удобномъ случаѣ; король слѣдовательно долженъ былъ постоянно держать на готовѣ многочисленную рать, а это было ему трудно, невозможно при внутреннемъ безнарядьи. Мы видѣли, что походъ Острожскаго былъ остановленъ смутою между двумя вельможами, и въ тоже время волненіе, поднятое Глинскими, не стихало, города имъ принадлежавшіе находились по прежнему въ ихъ рукахъ. По выходѣ московскихъ воеводъ изъ Литвы, князь Михаилъ отправился въ Москву, гдѣ вступилъ въ службу къ великому князю, который одарилъ его платьемъ, конями, доспѣхами, далъ ему два города на пріѣздъ—малый Ярославецъ и Медынь, да села подъ Москвою, отпустилъ съ нимъ въ Литву полки свои для обереганія его вотчинныхъ городовъ. Сигизмунду слѣдовательно нужно было кончить войну осенью, чтобъ не дать Глинскому воз-

можности дѣйствовать зимою для подкрѣпленія своей стороны; и вотъ король отправилъ изъ Смоленска гонца въ Москву за опасною грамотою для пословъ, которые пріѣхали сюда 19-го сентября и заключили вѣчный миръ: чтобъ избавиться отъ Глинскихъ, возвратить ихъ владѣнія къ Литвѣ, Сигизмундъ долженъ былъ рѣшиться на важное пожертвованіе: уступить Москвѣ въ вѣчное владѣніе пріобрѣтенія Іоанновы; тяжелыя для Литвы условія перемирія Александрова съ Іоанномъ стали теперь условіями вѣчнаго мира между Сигизмундомъ и Василіемъ, который получилъ желаемое, заключилъ миръ, какъ ему было пригоже, доказалъ, что онъ чужимъ временно ничѣмъ не владѣетъ [319]. Оба государя обязались быть за одно на всѣхъ недруговъ, и на татаръ, исключая Менгли-Гирея царя Перекопскаго. Глинскимъ и ихъ пріятелямъ выговоренъ былъ свободный выѣздъ изъ Литвы въ Москву. Предчувствіе князя Михаила сбылось: онъ затѣялъ такое дѣло, о которомъ и король и онъ самъ сильно должны были жалѣть, потерявши много; но Глинскій не отчаявался заставить короля жалѣть еще больше.

Мы видѣли, что Сигизмундъ въ началѣ надѣялся нанести Москвѣ сильный ударъ съ помощію татаръ крымскихъ, и дѣйствительно не жалѣлъ денегъ, чтобъ порвать союзъ Менгли-Гирея съ Москвою. Въ это время крымская орда начинала обнаруживать вполнѣ свой разбойническій характеръ. Прежде Менгли-Гирей сдерживался боязнію передъ Ахматомъ и сыновьями его, и потому дорожилъ союзомъ съ Москвою; дорожилъ онъ имъ и потому еще, что боялся турокъ, и въ случаѣ изгнанія отъ послѣднихъ надѣялся найти убѣжище у московскаго князя; наконецъ слава могущества и счастія Іоаннова должна была внушать уваженіе варвару. Но теперь обстоятельства перемѣнились: Менгли-Гирей не боялся болѣе остатковъ Золотой Орды, не видалъ безпокойства со стороны Турціи; въ Москвѣ, вмѣсто Іоанна, господствовалъ молодой сынъ его, окруженный опасностями внутри и извнѣ, ибо и въ Крыму могли ожидать той же усобицы между сыновьями Іоанновыми, какой ожидали въ Литвѣ; притомъ Менгли-Гирей устарѣлъ, ослабѣлъ, и былъ окруженъ толпою хищныхъ сыновей, родственниковъ и князей. Понятно, что эта хищная толпа съ жадностію бросилась на Сигизмундовы подарки, обѣщая ему за нихъ опустошать московскія владѣнія, но имъ еще выгоднѣе было брать подарки съ обоихъ государствъ,

московскаго и литовскаго, обѣщать свою помощь тому, кто больше дастъ, обѣщать, а на самомъ дѣлѣ, взявъ деньги съ обоихъ, опустошать владѣнія обоихъ, пользуясь ихъ взаимною враждою. Съ этихъ поръ сношенія обоихъ государствъ, и московскаго и литовскаго съ крымцами принимаютъ характеръ задариванія разбойниковъ, которые не сдерживаются никакимъ договоромъ, никакими клятвами. Сюда присоединялись еще смѣшныя притязанія на прежнее могущество, прежнее значеніе, которое ханы старались возстановить хотя на бумагѣ; но унизительнѣе всего было то, что король Сигизмундъ рѣшился потворствовать этимъ притязаніямъ, рѣшился взять слѣдующій ярлыкъ отъ Менгли-Гирея: „Великія Орды великаго царя Менгли-Гирея слово, правой и лѣвой руки великаго улуса темникамъ, тысячникамъ, сотникамъ, десятникамъ, уланамъ, князьямъ и всѣмъ русскимъ людямъ, боярамъ, митрополитамъ, попамъ, чернецамъ и всѣмъ чернымъ людямъ. Даемъ вамъ вѣдать, что великіе цари, дѣды наши, и великій царь Ази-Гирей, отецъ нашъ, когда ихъ кони были потны, къ великому князю Витовту въ литовскую землю пріѣзжали гостить, великую честь и ласку видали: за это пожаловали его Кіевомъ и многія другія мѣста дали. Великій князь Казиміръ съ литовскими князьями и панами просили насъ о томъ же и мы имъ дали Кіевъ, Владиміръ, Луцкъ, Смоленскъ, Подолію, Каменецъ, Браславль, Сокальскъ, Звенигородъ, Черкасы, Хаджибеевъ маякъ (Одесса), начиная отъ Кіева Днѣпромъ до устья.... Путивль, Черниговъ, Рыльскъ, Курскъ, Осколъ, Стародубъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Тулу.... Козельскъ, Пронскъ; потомъ, повышая брата нашего Казиміра, мы придали ему къ литовскому столу Псковъ, великій Новгородъ, Рязань; а теперь мы пожаловали Сигизмунда, брата нашего, столецъ въ литовской землѣ дали ему со всѣми вышеписанными землями“. [320].

И вотъ, не смотря на то, что Василій, въ началѣ своего княженія, поспѣшилъ взять съ Менгли-Гирея клятвенную грамоту въ соблюденіи прежняго союза, какой былъ у Москвы съ Крымомъ при Іоаннѣ III, лѣтомъ 1507 года пришла вѣсть, что идетъ множество татаръ по степи, и надобно ждать ихъ прихода на бѣлевскія, одоевскія и козельскія мѣста. Великій князь немедленно выслалъ полки на Украйну; московскіе воеводы не успѣли помѣшать татарамъ набрать въ ней большую добычу. но пустились за раз-

бойниками въ степь, нагнали ихъ на Окѣ, поразили и отняли всю добычу [321] (9-го августа). Послѣ этого во все продолженіе войны съ Литвою нападеній не было. Глинскій, съ своей стороны также обратился въ Крымъ, прося покровительства у хана, поднимая его на короля; Менгли-Гирей не отказывался отъ союза и съ Глинскимъ, обѣщалъ завоевать для него Кіевъ, не переставая въ тоже время обѣщать королю, что хочетъ послать къ нему на помощь татаръ своихъ къ Кіеву и даже къ Вильнѣ. Но король спѣшилъ отказаться отъ такой помощи, писалъ къ Менгли-Гирею отъ 11-го іюня 1508 года, что помощь татарская уже болѣе не нужна въ Литвѣ, которая очищена отъ Глинскаго и московскихъ воеводъ, и самъ онъ, Сигизмундъ, уже приблизился къ московскимъ границамъ, а проситъ хана послать войско на Брянскъ, Стародубъ, и Новгородъ Сѣверскій: „если не захочешь сыновей послать, то пошли хотя нѣсколько тысячь людей своихъ, и тѣмъ покажи намъ искреннее братство и вѣрную пріязнь, а мы, какъ тебѣ присягнули и слово свое дали, такъ и будемъ все исполнять до смерти, тебя одного хотимъ во всемъ тѣшить, и мимо тебя другого пріятеля искать не будемъ“. Король обѣщалъ выслать немедленно и деньги въ Крымъ [322].

Но разбойники еще помнили пораженіе на Окѣ, и ханъ не послалъ войска въ другой разъ къ московскимъ украйнамъ; ему казалось безопаснѣе посредствомъ клятвеннаго обѣщанія союза выманить у великаго князя московскаго какъ можно больше подарковъ, выманить также и пасынка своего, бывшаго казанскаго царя Абдыллетифа, находившагося въ заточеніи, и вовлечь Василія въ войну съ Астраханью, съ которою у Москвы не было никакихъ враждебныхъ столкновеній. Требовалъ подарковъ не одинъ ханъ; обыкновенно послы привозили къ великому князю множество грамотъ отъ всѣхъ царевичей и царевенъ: все это слало тяжелые поклоны съ легкимъ поминкомъ, а себѣ требовало тяжелыхъ поминковъ; но кромѣ царевичей и царевенъ нужно было дарить всѣхъ мурзъ и князей; Менгли-Гирей писалъ великому князю: „Братъ мой, князь великій Иванъ Ямгурчей-Салтану, кромѣ д е с я т и (подарковъ), портище соболье да 2000 бѣлки, да 300 горностаевъ, не убавляя, посылывалъ, а нынче отъ тебя такъ не привезено. Изъ моихъ мурзъ и князей двадцати человѣкамъ поминка не досталось: такъ ты бы имъ прислалъ по сукну; а если

имъ не пришлешь, то они скажутъ: шерть (присягу) съ насъ долой! И сильно намъ станутъ объ этомъ докучать: такъ бы намъ докуки не было". Ханъ требовалъ безпошлинной торговли для своихъ купцовъ, и писалъ великому князю: „послалъ я своего торговца, и если товаръ, какой ему нужно купить будетъ дорогъ, то я ему велѣлъ за хорошею бѣлкою и въ Казань идти. Въ какомъ мѣстѣ онъ начнетъ товаръ мой продавать, или въ какой городъ пойдетъ, то ты своего добраго человѣка съ нимъ пошли, чтобъ на немъ тамги не брали, чтобъ силы и наступанія ему никакого не было, потому что мои деньги все равно, что твои деньги; такъ вели постеречь и поберечь. Отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ ордобазарцы въ Москву и въ другіе города хаживали, и нигдѣ съ нихъ тамги не брали, потому что ихъ деньги—наши деньги, и брать съ нихъ тамгу значитъ надо мною насмѣхаться. Изначала наши ордобазарцы въ кермосараяхъ (гостинныхъ дворахъ) не ставятся, ставятся гдѣ хотятъ; и никто имъ о томъ слова не говоритъ". Ханъ требовалъ также присылки одоевской дани, какъ она шла въ Крымъ при Іоаннѣ III.

Великій князь исполнилъ требованіе хана относительно ордобазарцевъ: не велѣлъ брать съ нихъ тамги и ставить ихъ на гостинныхъ дворахъ; но отказался отправить войско на Астрахань: „судовъ на Волгѣ при отцѣ моемъ не дѣлывали, да и теперь не дѣлаютъ, и народу служебнаго туда переслать нельзя". Великій князь не согласился также отпустить Абдыллетифа въ Крымъ; но соглашался возвратить ему свободу и надѣлить городомъ; Менгли-Гиреевъ посолъ настаивалъ, чтобъ Абдыллетифу дали Коширу; но великій князь никакъ на это не согласился: помѣстить Абдыллетифа такъ близко къ степи, значило предать украйну въ жертву Крымцамъ, или, покрайней мѣрѣ, дать Летифу возможность уйти изъ московскаго государства; ему дали Юрьевъ, при чемъ взяли съ него клятвенную грамоту, показывающую намъ тогдашнія отношенія такъ называемыхъ служилыхъ татарскихъ царевичей къ государству. Летифъ, называя себя царемъ и великаго князя братомъ, обязуется быть въ пріязни съ его друзьями и въ враждѣ съ врагами, не мириться и не ссылаться ни съ кѣмъ безъ его вѣдома, показывать ему всѣ грамоты, какія только будутъ присланы къ нему отъ другихъ владѣльцевъ; если великій князь пошлетъ его на свою службу, то ему и его войску, ходя по москов-

скимъ землямъ, не брать и не грабить своею рукою ничего, надъ христіанами насилья никакого не дѣлать, а кто это сдѣлаетъ или церковь поругаетъ, того выдать; убьютъ такого преступника на мѣстѣ преступленія—вины нѣтъ; послы Летифа, ѣдущіе въ Москву, берутъ кормъ по ямамъ; но торговцы его кормъ должны себѣ покупать; пословъ и купцовъ московскихъ Летифу не хватать и не грабить, также русскихъ плѣнныхъ, которые побѣгутъ изъ орды; Летифъ обязывается не мыслить зла Янаю царевичу, живущему въ городкѣ Мещерскомъ и Шихъ-Авліару царевичу, помѣщенному въ Сурожикѣ, и никакому другому царю или царевичу, которые будутъ въ Московскомъ государствѣ; не принимать отъ нихъ улановъ, князей и казаковъ, хотя бы они прежде ушли отъ нихъ въ Орду или Казань, и оттуда ихъ не принимать; также не принимать татаръ великокняжескихъ кромѣ четырехъ родовъ: Ширинова, Баарынова, Аргинова и Кипчакова; обязывается не воевать съ Казанью безъ вѣдома великокняжескаго, не выѣзжать изъ московскаго государства и быть во всемъ послушнымъ великому князю. Съ своей стороны великій князь далъ Летифу на словахъ клятву—держать его другомъ и братомъ, но въ грамоту этой строки писать не велѣлъ для прежняго своего дѣла.

Послы московскіе начали подвергаться въ Крыму насиліямъ отъ хищныхъ царевичей и мурзъ; отпуская къ Менгли-Гирею знатнаго посла своего, Василія Морозова, великій князь писалъ къ хану, что если и Морозовъ потерпитъ такое же насиліе и безчестіе, какое потерпѣлъ прежній посолъ Заболоцкій, то впередъ онъ будетъ посылать къ нему людей молодыхъ. а не бояръ; и Морозову былъ данъ наказъ: „если станутъ у него просить какой пошлины, то ему въ пошлину никому ничего не давать, кромѣ того, что съ нимъ послано отъ великаго князя въ поминкахъ". Морозовъ выполнилъ наказъ; но пусть онъ самъ раскажетъ намъ, чего стоило ему это выполненіе: „Пріѣхалъ я къ воротамъ (доноситъ посолъ великому князю), сошелъ съ лошади, пошелъ пѣшкомъ въ городскія ворота—и вижу, что въ воротахъ сидятъ всѣ лучшіе князья; они со мной карашевались (здоровались) по обычаю; но когда дошла очередь до Кудаяръ-мурзы, то онъ со мною не карашевался, а сказалъ толмачу: „скажи боярину, что онъ холопъ"! Толмачъ мнѣ тутъ не сказалъ, а онъ на толмача съ ножемъ, и толмачь мнѣ сказалъ у царевыхъ дверей. Я пошелъ къ царю и девяти (по-

дарки) понесли за мною; тутъ Кудаяръ-мурза отнялъ у подъячаго шубу бѣличью хребтовую; какъ подошелъ я къ царевымъ дверямъ—ясаулы посохи свои бросили передо мною и стали говорить толмачу: „давай пошлины"! Я перешагнулъ черезъ посохи: ничего говорю, невѣдаю; а мурза Аппакъ мнѣ сказалъ; „не потакай, ступай прямо къ царю". Царь спрашивалъ о твоемъ (великаго князя) здоровьѣ, меня жаловалъ, и царевичи меня жаловали и карашеваться звали; я посольство правилъ, царь меня жаловалъ чашею, и остатокъ подалъ, и царевичи жаловали, остатки подавали; потомъ царь, немного посидѣвши, велѣлъ мнѣ чашу подать, а я чашу подалъ царю, царевичамъ и князьямъ, но когда дошелъ чередъ до Кудаяръ-мурзы, то я началъ бить челомъ царю на него, что холопомъ меня назвалъ и шубу отнялъ: „Кудаяръ-мурзѣ, говорилъ я, чашу не подамъ за это: холопъ я твой, да брата твоего, государя великаго князя Василія Ивановича". Царь началъ говорить за Кудаяра (по немъ покрашивать): „мы его этимъ пожаловали"—говорилъ царь. Я на это отвѣчалъ: „въ томъ, государь, воленъ ты, вольный человѣкъ, хотя и все ему отдай". Царь послѣ этого меня отпустилъ, и прислалъ за мною съ медомъ, а Кудаяра, говоритъ, бранилъ и вонъ выслалъ... А царевичъ Ахматъ-Гирей прислалъ ко мнѣ дувана своего; дуванъ ко мнѣ пріѣхалъ, да сталъ браниться, говоритъ: „Царевичъ тебѣ приказалъ сказать: не додашь мнѣ тѣхъ поминковъ, что мнѣ Заболоцкій давалъ, и я тебя велю на цѣпи къ себѣ привести. Я ему отвѣчалъ: „Цѣпи твоей не боюсь, а поминковъ не дамъ, поминковъ у меня нѣтъ [323].

Мы видѣли, что и Александръ, и Сигизмундъ, желая войны съ Москвою, старались поднять на нее магистра ливонскаго но уже изъ отвѣта Плеттенбергова Александру можно было усмотрѣть, что старанія будутъ безуспѣшны. Ливонія и города ганзейскіе хлопотали только о томъ, чтобы съ помощію короля римскаго Максимиліана возвратить своихъ плѣнниковъ и товары, захваченные при Іоаннѣ. Извѣстный намъ Гардингеръ пріѣхалъ осенью 1706 года въ Москву съ прежнею просьбой отъ Максимиліана объ освобожденіи ливонскихъ плѣнниковъ; Василій велѣлъ отвѣчать: „Если Максимиліанъ король римскій будетъ съ нами въ союзѣ, братской любви и дружбѣ, какъ былъ съ отцемъ нашимъ; и если магистръ, архіепископъ и вся земля ливонская отъ нашего недруга литовскаго отстанутъ, пришлютъ бить челомъ въ Великій Новгородъ къ

нашимъ намѣстникамъ, исправятся нашимъ отчинамъ, Великому Новгороду и Пскову вовремя, то мы, посмотря по ихъ челобитью, для Максимиліана короля римскаго прикажемъ своимъ намѣстникамъ и своимъ отчинамъ, Новгороду и Пскову, съ ливонцами миръ заключить, какъ будетъ пригоже, и тогда плѣнниковъ освободимъ". Ливонскіе послы не являлись въ продолженіе войны съ Литвою; но когда эта война кончилась, то магистръ въ мартѣ 1509 года прислалъ бить челомъ о перемиріи, которое и было заключено новгородскимъ и псковскимъ намѣстниками на четырнадцать лѣтъ; по договору нѣмцы обязались не приставать къ литовскому великому князю и его преемникамъ, получили право торговать въ новгородской землѣ всякимъ товаромъ, кромѣ соли, съ обѣихъ сторонъ обязались давать посламъ проводниковъ и подворья безденежно.— Потомъ Максимиліанъ присылалъ съ просьбою, чтобы позволено было ганзейскимъ городамъ торговать по прежнему съ Новгородомъ и Псковомъ, и чтобъ отданы были товары, захваченные при Іоаннѣ. Василій отвѣчалъ, что относительно возобновленія торговли исполнитъ просьбу Максимиліанову, если ганзейскіе города пришлютъ къ новгородцамъ и псковскимъ намѣстникамъ бить о томъ челомъ по пригожу; но что товаровъ имъ не отдадутъ [334].

Обезопасивъ себя со стороры Казани, Крыма, Литвы и Ливоніи, Василій задумалъ порѣшить со Псковомъ, къ чему подавали поводъ постоянныя столкновенія власти народной со властію намѣстника великокняжескаго. Съ 1508 или 1509 года во Псковѣ намѣстникомъ былъ князь Иванъ Михайловичъ Репня-Оболенскій, а псковичи прозвали его Найденомъ, потому что, говоритъ ихъ лѣтописецъ, пріѣхалъ онъ во Псковъ не по обычаю, не будучи прошенъ и объявленъ, нашли его псковичи на загородномъ дворѣ, потому священники на встрѣчу къ нему со крестами не ходили; и былъ этотъ князь лютъ до людей, прибавляетъ лѣтописецъ. Осенью 1509 года великій князь отправился въ Новгородъ и получилъ здѣсь отъ Оболенскаго жалобу, что псковичи держатъ его нечестно, не такъ какъ держали прежнихъ намѣстниковъ, и дѣла государскія дѣлаютъ не по прежнему, въ суды и доходы великняжескіе вступаютъ, и людямъ намѣстничьимъ отъ нихъ безчестіе и насиліе большое. Въ слѣдъ за жалобою отъ намѣстника явились въ Новгородъ посадники и бояре псковскіе, поднесли великому князю въ даръ полтораста рублей, и били челомъ, что обижены

отъ намѣстника, отъ его людей, отъ его намѣстниковъ пригородскихъ и отъ ихъ людей. Великій князь отвѣчалъ: „Хочу отчину свою жаловать и оборонять, какъ отецъ нашъ и дѣды дѣлали; и если придетъ на моего намѣстника много жалобъ, то я его обвиню передъ вами". Отпустивъ посадниковъ и бояръ, Василій отправилъ въ Псковъ окольничаго князя Петра Васильевича Великаго и дьяка Далматова съ приказаніемъ выслушать князя Оболенскаго съ псковичами порознь и помирить ихъ. Посланные возвратились и объявили, что псковичи съ намѣстникомъ не мирятся, пріѣхали опять посадники бить челомъ, чтобъ государь далъ имъ другого намѣстника, а съ Репнею прожить имъ нельзя. Тогда великій князь велѣлъ ѣхать къ себѣ въ Новгородъ Репнѣ и всѣмъ псковичамъ, у которыхъ есть жалобы на намѣстника. Поѣхалъ намѣстникъ, поѣхалъ посадникъ Леонтій, но поѣхалъ жаловаться не на Оболенскаго, а на товарища своего, другаго посадника Юрія Копыла; Юрій поѣхалъ отвѣчать и скоро прислалъ изъ Новгорода грамоту: „если не поѣдутъ посадники изъ Пскова говорить противъ князя Ивана Репни, то вся земля будетъ виновата". Тогда сердце у псковичей пріуныло; поѣхали девять посадниковъ да купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. Великій князь управы имъ не далъ, но объявилъ: „Сбирайтесь жалобщики на Крещеніе, тогда я вамъ всѣмъ управу дамъ, а теперь вамъ управы никакой нѣтъ". Жалобщики возвратились домой, и когда подошелъ срокъ, отправились опять въ Новгородъ. Въ самый праздникъ Крещенія Василій велѣлъ псковичамъ собраться и идти на рѣку на водосвятіе, гдѣ былъ и самъ со крестнымъ ходомъ; потомъ бояре объявили имъ: „Посадники псковскіе, бояре и жалобщики! Государь велѣлъ вамъ всѣмъ сбираться на государскій дворъ, а кто не пойдетъ, тотъ бы боялся государевой казни, потому что государь хочетъ дать вамъ всѣмъ управу". Псковичи отправились съ рѣки на владычній дворъ; посадники бояре и купцы введены были въ палату, а младшіе люди стояли на дворѣ: и вотъ вошли въ палату московскіе бояре и сказали псковичамъ: „Пойманы вы Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси". Посадниковъ посадили тутъ же въ палатѣ, а младшихъ переписали и отдали новогородцамъ по улицамъ беречь и кормить до управы. Такъ говоритъ псковской лѣтописецъ; но извѣстію же другихъ лѣтописцевъ, великій князь велѣлъ псковскому намѣстнику, князю Репнѣ съ посадниками стать передъ собою, выслушалъ и

обыскалъ, что посадники не слушались намѣстника, въ суды и пошлины его вступались, держали его не такъ какъ прежнихъ намѣстниковъ; также отъ нихъ и псковичамъ было много обидъ и насильствъ, но что болѣе всего, государское имя презирали, нечестно держали. За это великій князь положилъ опалу на посадниковъ, велѣлъ ихъ схватить и раздать дѣтямъ боярскимъ по подворьямъ. Тогда посадники и другіе псковичи, познавъ свою вину, били челомъ государю, чтобъ пожаловалъ отчину свою Псковъ, устроилъ какъ ему государю Богъ извѣстилъ. Великій князь велѣлъ имъ сказать чрезъ бояръ своихъ: вы достойны за свои вины казни и опалы; но государь вамъ готовъ оказать милость, если вы исполните его волю, вѣчевой колоколъ свѣсите, чтобъ впредь вѣчу не быть, а быть въ Псковѣ двумъ намѣстникамъ, и по пригородамъ быть также намѣстникамъ; государь самъ хочетъ быть въ Псковѣ, помолиться св. Троицѣ и всему указъ учинить, какъ судить намѣстникамъ въ Псковѣ, и по пригородамъ; если волю государеву исполните, то государь васъ жалуетъ, въ имѣнія ваши и въ земли не вступается. Если же государева жалованья не признаете и воли его не исполните, то государь будетъ дѣлать свое дѣло, какъ ему Богъ поможетъ, а кровь христіанская взыщется на тѣхъ, кто государево жалованье презираетъ и воли его не исполняетъ.—Посадники и всѣ псковичи отвѣчали боярамъ: „за государево жалованье мы здѣсь челомъ бьемъ; но велѣлъ бы государь послать во Псковъ съ тѣми же рѣчами“. Они цѣловали крестъ служить Василію, его дѣтямъ и наслѣдникамъ до конца міра [325].

Псковичи узнали объ участи посадниковъ отъ купца своего Филиппа Поповича, который услыхалъ вѣсть на дорогѣ въ Новгородъ, бросилъ товаръ и поскакалъ во Псковъ сообщить ее гражданамъ. На псковичей напалъ страхъ, трепетъ и тоска, гортани ихъ пересохли отъ печали, уста пересмякли; много разъ приходили на нихъ нѣмцы, но такой скорби еще имъ не бывало, какъ теперь, говоритъ ихъ лѣтописецъ. Собрали вѣче, начали думать: ставить ли щитъ противъ государя, запираться ли въ городѣ? Помянули крестное цѣлованіе, что нельзя поднять рукъ на государя, а посадники, и бояре и лучшіе люди всѣ у него. Порѣшивши, что сопротивляться нельзя, псковичи послали къ великому князю гонца Евстаѳія Соцкаго, бить челомъ со слезами: „чтобъ ты, государь, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои, прежде были

и теперь неотступны отъ тебя и сопротивляться не хотимъ; Богъ воленъ да ты въ своей отчинѣ и въ насъ своихъ людишкахъ". Съ объявленіемъ воли великокняжеской пріѣхалъ въ Псковъ дьякъ Третьякъ Далматовъ, который сказалъ на вѣчѣ отъ имени Василія: „Если отчина моя хочетъ прожить въ старинѣ, то должна исполнить двѣ мои воли: чтобъ у васъ вѣча не было и колоколъ вѣчевой былъ бы снятъ: быть у васъ двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ не быть: въ такомъ случаѣ вы въ старинѣ проживете; если же этихъ двухъ волей не исполните, то какъ государю Богъ на сердцѣ положитъ: много у него силы готовой, и кровопролитіе взыщется на тѣхъ, кто государевой воли не сотворитъ: да государь велѣлъ вамъ еще объявить, что хочетъ побывать на поклонъ къ св. Троицѣ во Псковъ". Отговоривши свою рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени. Псковичи ударили челомъ въ землю и не могли слова промолвить, потому что глаза у нихъ наполнились слезами, только грудные младенцы не плакали; наконецъ, собравшись съ духомъ, отвѣчали дьяку: „Посолъ государевъ! подожди до завтра: мы подумаемъ и обо всемъ тебѣ скажемъ"; тутъ опять всѣ горько заплакали: „Какъ зѣницы не выпали у нихъ вмѣстѣ со слезами? какъ сердце не оторвалось отъ корня своего"? говоритъ лѣтописецъ.

Думать псковичамъ было нечего; день прошелъ въ плачѣ, рыданіяхъ, стонахъ; бросались другъ къ другу на шею и обливались слезами. Задержанные въ Новгородѣ посадники и бояре писали къ нимъ, что дали Василію крѣпкое слово своими душами за себя и за всѣхъ псковичей исполнить государево приказаніе; писали, что общая гибель будетъ слѣдствіемъ сопротивленія великому князю, у котораго многочисленное войско. На разсвѣтѣ другого дня позвонили къ вѣчу; Третьякъ пріѣхалъ и псковичи сказали ему: „въ лѣтописяхъ нашихъ написано, съ прадѣдами, дѣдами и съ отцемъ великаго князя крестное цѣлованіе положено, что намъ псковичамъ отъ государя своего великаго князя, кто бы ни былъ въ Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ нѣмцамъ; отойдемъ въ Литву или къ нѣмцамъ или станемъ жить сами собою безъ государя, то на насъ гнѣвъ Божій, голодъ, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ; на государѣ великомъ князѣ тотъ же обѣтъ, какой и на насъ, если не станетъ насъ держать въ старинѣ; а теперь Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ городѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ ко-

локолѣ пашемъ, а мы прежней присягѣ своей не хотимъ измѣнять и на себя кровопролитіе принимать, мы на государя рукъ поднять и въ городѣ запереться не хотимъ; а хочетъ государь нашъ князь великій помолиться Живоначальной Троицѣ, и побывать въ своей отчинѣ во Псковѣ, то мы своему государю рады всѣмъ сердцемъ, что пе погубилъ пасъ до конца". 13 января 1510 года сняли вѣчевой колоколъ у св. Троицы, и начали псковичи, смотря на колоколъ, плакать по своей старинѣ и по своей волѣ, и въ ту же ночь Третьякъ повезъ вѣчевой колоколъ къ великому князю въ Новгородъ.

За недѣлю до пріѣзда великаго князя пріѣхали воеводы его съ силою и повели псковичей къ крестному цѣлованію, а посадникамъ сказали, въ какой день великій князь будетъ во Псковъ; посадники, бояре, дѣти боярскіе и посадничьи и купцы поѣхали въ Дубровно встрѣчать государя, который пріѣхалъ во Псковъ 24 января. Въ тотъ же день рано пріѣхалъ владыка коломенскій и объявилъ духовенству, что великій князь не велѣлъ встрѣчать себя далеко; духовенство осталось, а псковичи встрѣтили его за три версты отъ города и ударили челомъ въ землю; государь спросилъ у нихъ о здоровьѣ, они отвѣчали: „Ты бы, государь нашъ князь великій, царь всея Руси, здравъ былъ". На торгу встрѣтилъ владыка коломенскій съ псковскимъ духовенствомъ; въ Троицкомъ соборѣ пѣли молебенъ и кликали многолѣтіе государю; благословляя его, епископъ сказалъ: „Богъ тебя, государь, благословляетъ взятіемъ Пскова"; которые псковичи были тутъ въ церкви и слышали это, заплакали горько: „Богъ воленъ да государь, сказали они: мы были изстари отчиною отцовъ его, дѣдовъ и прадѣдовъ". На четвертый день великій князь велѣлъ быть у себя посадникамъ, боярамъ, купцамъ и житымъ людямъ, чтобъ пожаловать ихъ своимъ жалованьемъ, какъ было имъ сказано. Когда они собрались, то князь Петръ Васильевичъ Великій перекликалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по списку и велѣлъ имъ идти въ гридню, гдѣ ихъ всѣхъ отдали подъ стражу; менѣе же значительнымъ псковичамъ, оставшимся на дворѣ, князь Петръ сказалъ: „До васъ государю дѣла нѣтъ, а до кого государю дѣло, тѣхъ онъ къ себѣ беретъ; а васъ государь пожалуетъ своею жалованною грамотою, какъ вамъ впередъ жить". Лучшіе псковичи вышли изъ гридни съ приставами, отправились по своимъ дворамъ, и въ ту же ночь стали сбираться

въ Москву съ женами и дѣтьми, взяли съ собою только что полегче, а прочее все бросили и поѣхали на снѣхъ съ большимъ плачемъ и рыданіемъ; поѣхало всего тогда 300 семей. Отнялась слава псковская, говоритъ лѣтописецъ; по его словамъ, бѣда постигла псковичей за самоволіе и непокореніе другъ другу, за злые поклепы и лихія дѣла, за кричанье на вѣчахъ; не умѣли своихъ домовъ устраивать, а хотѣли городомъ управлять.

Великій князь послалъ боярина Петра Яковлевича Захарьина (Кошкина) поздравить Москву со взятіемъ Пскова, а самъ жилъ во Псковѣ четыре недѣли, устраивалъ новый бытъ: деревни сведенныхъ бояръ псковскихъ онъ роздалъ своимъ боярамъ; въ намѣстники назначилъ Григорья Морозова и Ивана Челяднина, дьякомъ Мисюря Мунехина, другимъ ямскимъ дьякомъ Андрея Волосатаго, назначилъ 12 городничихъ, 12 старостъ московскихъ и 12 псковскихъ, далъ имъ деревни и велѣлъ сидѣть въ судѣ съ намѣстниками и тіунами, стеречь правды; далъ псковичамъ уставную грамоту; послалъ своихъ намѣстниковъ по пригородамъ и велѣлъ привести пригорожанъ къ крестному цѣлованію; изъ Москвы присланы были во Псковъ добрые люди, гости числомъ 15, для установленія тамги, потому что во Псковѣ прежде тамги не было, торговали безпошлинно, и для дѣланія денегъ на новый чеканъ; присланы были изъ Москвы также пищальники казенные и воротники; а уѣзжая, великій князь оставилъ во Псковѣ 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ и 500 новгородскихъ пищальниковъ. Къ Троицыну дню того же года пріѣхали купцы москвичи на мѣсто сведенныхъ псковскихъ, 300 же семей изъ десяти городовъ и начали имъ давать дворы въ Среднемъ городѣ, а псковичей всѣхъ выпроводили въ окольный городъ и на посадъ.

Лѣтописецъ жалуется на первыхъ намѣстниковъ: у намѣстниковъ, говоритъ онъ, у тіуновъ ихъ и дьяковъ правда, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, а кривда начала между ними ходить; были они немилостивы къ псковичамъ, а псковичи бѣдные не знали суда московскаго; намѣстники пригородные торговали пригорожанами, продавали ихъ великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ; приставы намѣстничьи начали брать отъ поруки по 10, 7 и 5 рублей, а кто изъ псковичей сошлется на уставную грамоту великаго князя, какъ тамъ опредѣлено, почему брать съ поруки, того они убьютъ; отъ ихъ налоговъ и насильства многіе

разбѣжались по чужимъ городамъ, бросивши женъ и дѣтей; иностранцы, жившіе во Псковѣ—и тѣ разошлись въ свои земли, одни псковичи остались, потому что земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть.—Слухъ о такомъ поведеніи намѣстниковъ дошелъ до великаго князя: въ слѣдующемъ же 1511 году онъ свелъ Морозова и Челяднина, и на ихъ мѣсто прислалъ двоихъ князей—Петра Великаго и Семена Курбскаго; Петръ былъ прежде княземъ во Псковѣ и зналъ всѣхъ псковичей. Новые намѣстники были добры до псковичей, говоритъ лѣтописецъ, и вотъ горожане, которые разошлись, начали опять собираться во Псковъ. Намѣстники эти жили четыре года. Намѣстники смѣнялись; не смѣнялся дьякъ Мисюрь Мунехинъ, имѣвшій важное значеніе, управлявшій, какъ видно, всѣмъ [326]. Послѣ семнадцатилѣтняго пребыванія во Псковѣ, Мисюрь умеръ въ 1528 году. Дьяки начали часто перемѣняться послѣ него; по словамъ лѣтописца, были дьяки мудры, а земля пуста; казна великокняжеская начала увеличиваться во Псковѣ, но изъ дьяковъ ни одинъ не выѣхалъ по здорову изъ Пскова въ Москву, потому что другъ на друга воевали. Мы еще будемъ имѣть случай упомянуть о Мисюрѣ.

ГЛАВА II.

Возобновленіе войны съ Литвою.—Взятіе Смоленска.—Измѣна Глинскаго.—Пораженіе русскихъ у Орши.—Сигизмундъ не пользуется побѣдою.—Сигизмундъ подущаетъ крымцевъ къ нападенію на русскія владѣнія.—Союзъ Василія съ Альбрехтомъ Брандербургскимъ. — Посредничество императора Максимиліана.—Посольство Герберштейна. — Союзъ Казани и Крыма противъ Москвы.—Нашествіе Магметъ-Гирея.—Перемиріе съ Литвою.—Войны съ Казанью.—Сношенія съ Крымомъ, Швеціею, городами ганзейскими, Даніею, Римомъ, Турціею.—Присоединеніе Рязани, княжества сѣверскаго и удѣла волоцкаго.

Если великому князю московскому выгодно было окончательно закрѣпить за собою отцовскія завоеванія въ Литвѣ, если Сигизмунду, съ другой стороны, важно было безъ новыхъ уступокъ освободиться отъ изнурительной и, вслѣдствіе движеній Глинскаго, опасной войны, то конечно Глинскому, потерпѣвшему полную неудачу въ своихъ замыслахъ, принужденному покинуть родную страну, не было никакой выгоды отъ прекращенія войны между Москвою и Литвою. Понятно, что пребываніе Глинскаго при дворѣ московскомъ не могло служить ручательствомъ въ сохраненіи мира; понятно, что этотъ даровитый, энергическій, знающій, бывалый человѣкъ долженъ былъ употреблять всѣ усилія къ возвращенію себѣ прежняго положенія, прежнихъ владѣній; понятно, что человѣку, привыкшему къ великокняжескому положенію въ Литвѣ, привыкшему управлять государствомъ при Александрѣ, нельзя было привыкнуть къ положенію дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ великій князь, касательно ограниченія власти боярской, приводилъ къ концу мѣры отцовскія; понятно, что Глинскій постоянно обращалъ безпокойные взоры на западъ, прилежно слѣдилъ за дѣлами Сигизмунда, съ ра-

достію замѣчалъ, когда эти дѣла начинали становиться затруднительными, и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ склонить великаго князя московскаго воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ короля для начатія новой выгодной войны. Сигизмундъ понималъ, что Глинскій не дастъ ему продолжительнаго мира съ Москвою, и потому въ началѣ 1509 года попытался склонить Василія къ выдачѣ ему князя Михаила. Сестра твоя, королева Елена, велѣлъ сказать Сигизмундъ Василію, уже извѣщала тебя, что измѣнникъ нашъ Михайло Глинскій, позабывши ласки и жалованье брата нашего, господаря своего Александра, который изъ смерда сдѣлалъ его паномъ, посягнулъ на его здоровье, своими чарами свелъ его въ могилу; королева устно намъ объ этомъ говорила, подробно писала въ письмѣ и пословъ къ намъ за этимъ дѣломъ отправляла: а злодѣй, чуя свою вину, убѣжалъ въ наше отсутствіе и теперь у тебя. Напоминаемъ тебѣ, брату нашему, чтобъ ты вмѣстѣ съ нами сочувствовалъ скорби, которую причинилъ этотъ злодѣй намъ и сестрѣ твоей, и выдалъ бы намъ измѣнника и убійцу зятя твоего вмѣстѣ съ братьями и помощниками, или бы у себя казнилъ его передъ нашими послами. Если ты это сдѣлаешь, то мы будемъ поступать точно такимъ же образомъ съ твоими подданными, которые, нагрубивши тебѣ, уйдутъ къ намъ“ [327]. Василій отвѣчалъ отказомъ. Конечно такія требованія не могли утушить въ Глинскомъ вражды къ Сигизмунду; онъ завелъ переписку съ Іоанномъ, королемъ Датскимъ, съ цѣлію вооружить его противъ Сигизмунда; послѣдній, получивши отъ Іоанна это письмо, переслалъ его къ Василію московскому и велѣлъ сказать ему: „Самъ посмотри, гораздо ль это дѣлается? Ты съ нами въ мирѣ, а измѣнникъ нашъ, слуга твой, живя въ твоей землѣ, шлетъ къ братьямъ нашимъ, королямъ христіанскимъ, такія грамоты съ несправедливыми словами. Казни этого злодѣя, чтобъ онъ впредъ такъ не дѣлалъ“. Отвѣта не было [328]. Сигизмундъ замолчалъ о Глинскомъ, и содержаніемъ сношеній между обоими дворами до 1512 года были взаимныя жалобы на пограничныя обидныя дѣла, взаимныя требованія высылки судей для ихъ рѣшенія [329]. Лѣтомъ 1512 года Василій послалъ сказать Сигизмунду: „Дошелъ до насъ слухъ, что твои паны —воеводы виленскій и троцкій сестру нашу королеву Елену схватили въ Вильнѣ, свезли въ Троки, людей ея всѣхъ отослали, казну всю взяли; въ городахъ ея и волостяхъ, данныхъ ей мужемъ, паны

твои ни въ чемъ не даютъ ей воли; державши ее три дня въ Трокахъ, свели въ Биршаны [330]. Мы къ тебѣ не разъ приказывали, чтобъ нашей сестрѣ отъ тебя и отъ твоихъ пановъ никакого безчестья не было и къ римскому закону ее не принуждали бы; и намъ неизвѣстно, за что нашей сестрѣ такое безчестье и принужденіе, и съ твоего ли вѣдома это сдѣлано или безъ твоего? Ты бы, братъ, поберегъ, чтобъ нашей сестрѣ отъ тебя и отъ твоихъ пановъ безчестья и небреженья никакого не было, казну ея велѣлъ бы всю ей отдать, людямъ ея велѣлъ бы быть при ней по прежнему, въ города ея и волости панамъ своимъ вступаться не велѣлъ, чтобъ у насъ за то съ тобою нежитья не было; да дай намъ знать, за что нашей сестрѣ, а твоей снохѣ такое безчестье и принужденіе учинено, съ твоего ли вѣдома, или нѣтъ, чтобъ намъ объ этомъ знать. Посылаемъ къ тебѣ въ твои пограничные города, къ твоимъ намѣстникамъ въ Смоленскъ, Полоцкъ и Витебскъ дѣтей боярскихъ для рѣшенія пограничныхъ обидныхъ дѣлъ; эти дѣти боярскіе пріѣдутъ въ твои города на Дмитровъ день 1512 года (26 октября); а ты бы своихъ дворянъ для того же дѣла прислалъ въ наши пограничные города на Николинъ день осенній" (6 декабря 1512 года). Сигизмундъ отвѣчалъ: „Что касается пановъ воеводъ виленскаго и троцкаго, то намъ очень хорошо извѣстно, что они у невѣстки нашей казны, людей, городовъ и волостей не отнимали, въ Троки и Биршаны ее не увозили, и безчестья ей никакого не наносили; они только сказали ей, съ нашего вѣдома, чтобъ ея милость на тотъ разъ въ Браславль не ѣздила, а жила бы по другимъ своимъ городамъ и дворамъ, потому что пришли слухи о небезопасности пограничныхъ мѣстъ. Дивимся мы тому, что братъ нашъ, по рѣчамъ лихихъ людей, не довѣдавшись навѣрное, къ намъ присылаетъ и говоритъ о томъ, чего у насъ и въ умѣ не было. Мы съ тѣхъ поръ, какъ стали господаремъ на отчинѣ нашей, невѣстку нашу держали въ большомъ почетѣ, къ римскому закону ее не принуждали и не будемъ принуждать, и не только не отнимали у нея тѣхъ городовъ и волостей, которые далъ ей братъ нашъ Александръ, но еще нѣсколько городовъ, волостей и дворовъ ей нашихъ придали; и впередъ, если дастъ Богъ, хотимъ ея милость держать въ почетѣ. А чтобъ братъ нашъ могъ лучше увѣриться, поѣзжай ты, посолъ, къ невѣсткѣ нашей королевѣ и спроси ее самъ: что отъ нея услышишь, то и передай брату

нашему; а впередъ братъ нашъ лихимъ людямъ не вѣрилъ бы, чтобъ между нами ссоры не было. Мы съ тобою пошлемъ къ королевѣ писаря нашего: пусть ея милость передъ тобою и передъ нашимъ писаремъ скажетъ, въ правду ли съ нею такъ было или нѣтъ" [331].

Слухъ о происшествіи съ Еленою, какъ видно изъ рѣчей Василія, не былъ еще, по его мнѣнію, рѣшительною причиною къ разрыву съ Литвою, ибо въ то же время великій князь назначалъ пріѣздъ Литовскимъ дворянамъ для рѣшенія пограничныхъ дѣлъ на 6-е декабря. Не знаемъ, ѣздилъ ли московскій посолъ съ королевскимъ писаремъ къ Еленѣ, и что она имъ сказала; знаемъ, что послѣ московское правительство жаловалось, будто Сигизмундъ не далъ никакого отвѣта на вопросъ Василія о сестриномъ дѣлѣ; знаемъ также, что въ ноябрѣ и декабрѣ 1512 года Елена распоряжалась въ своихъ жмудскихъ волостяхъ, принимала жалобы отъ обиженныхъ, приказывала тіунамъ своимъ и намѣстникамъ объ удовлетвореніи [332]. Но скоро пришло въ Москву другое извѣстіе. Въ маѣ мѣсяцѣ двое сыновей Менгли-Гиреевыхъ съ многочисленными толпами напали на украйну, на Бѣлевъ, Одоевъ, Воротынскъ, Алексинъ, повоевали, взяли плѣнныхъ. Великій князь выслалъ противъ нихъ воеводъ; но татары отступили съ большою добычею, а воеводы за ними не пошли. Въ іюнѣ одинъ изъ этихъ царевичей, Ахматъ-Гирей пошелъ было къ Рязани, но возвратился, узнавъ, что на рѣкахъ Осетрѣ и Упѣ стоятъ московскіе воеводы; въ октябрѣ, братъ Ахматовъ, Бурнашъ-Гирей, пришелъ опять къ Рязани и приступалъ къ городу; города взять не могъ, но землѣ рязанской много надѣлалъ вреда, и ушелъ съ добычею. Послѣ перваго нападенія великій князь положилъ опалу на Абдыллетифа за его неправду, отдалъ его подъ стражу и отнялъ удѣлъ—по лѣтописямъ Каширу, но мы видѣли, что Абдыллетифъ получилъ не Каширу, а Юрьевъ; перемѣненъ ли былъ послѣ удѣлъ, или ошиблись лѣтописцы—рѣшить не можемъ; не знаемъ также, въ чемъ состояла неправда Летифа: въ томъ ли, что онъ былъ дѣйствительно заодно съ крымскими царевичами, и при вѣсти о ихъ приходѣ обнаружилъ враждебныя намѣренія относительно Москвы, или неправда его состояла только въ томъ, что его освобожденіе условливалось соблюденіемъ союзнаго договора со стороны крымцевъ, а этотъ договоръ былъ нарушенъ. Осенью въ Москвѣ узнали, что

непріятельскія дѣйствія крымскихъ царевичей были слѣдствіемъ договора, заключеннаго Менгли-Гиреемъ съ Сигизмундомъ. Это извѣстіе уже нашли достаточною причиною къ разрыву съ Литвою, и великій князъ послалъ къ Сигизмунду складную грамоту, упрекая его за оскорбленіе Елены и за стараніе возбудить Менгли-Гирея противъ Москвы. Обстоятельства были самыя благопріятныя для начатія войны: Албрехтъ, маркграфъ бранденбургскій, родной племянникъ Сигизмунда отъ сестры, ставши великимъ магистромъ тевтонскаго ордена, готовился къ войнѣ съ дядею, не желая уступить ему земли поморской и прусской и признавать себя его вассаломъ; Ливонія, по отношеніямъ своимъ къ великому магистру, должна была также объявить войну Польшѣ; императоръ и другіе нѣмецкіе владѣльцы поддерживали Албрехта. Глинскій, какъ мы видѣли, заботливо слѣдилъ за отношеніями Сигизмунда къ его западнымъ сосѣдямъ; еще въ 1508 году, передъ заключеніемъ мира съ Литвою, онъ убѣдилъ Василія войти въ союзъ съ императоромъ Максимиліаномъ, который, по его словамъ, думаетъ доставать венгерскаго королевства подъ братомъ и племянникомъ Сигизмунда, слѣдовательно не обойдется безъ войны съ послѣднимъ; Глинскій взялся доставить къ Максимиліану грамоту Василіеву, въ которой московскій государь предлагалъ императору союзъ противъ короля Сигизмунда для доставленія своихъ отчинъ—Максимиліану венгерской, а Василію русской земли. Какъ доставлена была грамота, какъ продолжались сношенія, намъ неизвѣстно, потому что имперскія посольскія дѣла съ 1510 по 1515 годъ утрачены [333]; изъ лѣтописей узнаемъ о пріѣздѣ въ Москву въ февралѣ 1514 года императорскаго посла Сниценъ-Памера, и дошелъ до насъ союзный договоръ, заключенный при его посредствѣ между дворомъ австрійскимъ и московскимъ противъ Сигизмунда для отнятія у послѣдняго съ одной стороны земель тевтонскаго ордена, съ другой Кіева и прочихъ русскихъ городовъ [334].

Но Василій не дождался заключенія этого союза для начатія военныхъ дѣйствій противъ Литвы. Уже въ апрѣлѣ 1511 года Глинскій обнадеживалъ орденскихъ сановниковъ, что миръ между Литвою и Москвою не будетъ продолжителенъ. Онъ отправилъ служившаго у него нѣмца Шлейница въ Силезію, Богемію и Германію, который нанялъ здѣсь многихъ ратныхъ людей и отослалъ черезъ Ливонію въ Москву; нашлись въ самой Польшѣ люди, ко-

торые тайно брали деньги отъ Глинскаго; одинъ изъ нихъ Лада чехъ, житель краковскій, схваченъ былъ на московскихъ границахъ, отосланъ въ Краковъ и тамъ казненъ [335]. 19 декабря 1512 года самъ великій князь выступилъ въ походъ съ двумя братьями, Юріемъ и Димитріемъ, зятемъ, крещенымъ татарскимъ царевичемъ Петромъ, съ Михаиломъ Глинскимъ и съ двумя московскими воеводами—князьями Даниломъ Щенею и Репнею-Оболенскимъ; цѣлію похода былъ Смоленскъ. Шесть недѣль стояли подъ городомъ, назначили приступъ: великій князь далъ псковскимъ пищальникамъ три бочки меду и три бочки пива; они напились и въ полночь ударили на крѣпость вмѣстѣ съ пищальниками другихъ городовъ, посохи несли приметъ; остатокъ ночи и весь слѣдующій день бились они изъ-за Днѣпра и со всѣхъ сторонъ, много легло ихъ отъ городскаго наряда, наконецъ принуждены были отступить, и великій князь въ мартѣ 1513 года возвратился въ Москву.

Лѣтомъ, 14 іюня Василій вторично выступилъ въ походъ; самъ остановился въ Боровскѣ, а къ Смоленску послалъ воеводъ—боярина князя Репню-Оболенскаго и окольничаго Андрея Сабурова; смоленскій намѣстникъ Юрій Сологубъ встрѣтилъ ихъ за городскимъ валомъ, далъ битву, но потерпѣлъ пораженіе и затворился въ крѣпости. Получивши вѣсть о побѣдѣ, Василій самъ отправился подъ Смоленскъ, но на этотъ разъ осада была неудачна: что пушки осаждающихъ разрушали днемъ, то осажденные задѣлывали ночью; тщетно великій князь посылалъ къ Смольнянамъ частыя грамоты съ обѣщаніями и угрозами: они не сдавались; удовольствовавшись опустошеніемъ окрестностей, Василій велѣлъ отступить, и возвратился въ Москву въ ноябрѣ мѣсяцѣ. 8 іюня 1514 года великій князь выступилъ въ третій разъ къ Смоленску, съ братьями Юрьемъ и Семеномъ, третій Димитрій стоялъ въ Серпуховѣ для обороны южныхъ границъ отъ крымцевъ, четвертый Андрей оставался въ Москвѣ. 29 іюля началась осада Смоленска; дѣйствіемъ наряда распоряжался пушкарь Стефанъ. Когда онъ ударилъ изъ большой пушки по городу, то ядро попало въ крѣпостную пушку, ту разорвало, и много осажденныхъ было побито; черезъ нѣсколько часовъ Стефанъ ударилъ въ другой разъ ядрами мелкими, окованными свинцомъ, и еще больше народу побилъ; въ городѣ была печаль большая, видѣли, что биться нечѣмъ, а передаться—боялись короля. Великій князь велѣлъ ударить въ третій разъ—пали но-

выя толпы осажденныхъ; тогда владыка Варсонофій вышелъ на мостъ и началъ бить челомъ великому князю, просить срока до слѣдующаго дня, но Василій сроку не далъ, а велѣлъ бить многими пушками отовсюду. Владыка со слезами возвратился въ городъ, собралъ весь причтъ церковный, надѣлъ ризы, взялъ крестъ, иконы и вмѣстѣ съ намѣстникомъ Сологубомъ, панами и черными людьми вышелъ къ великому князю: „государь князь великій! говорили смольняне: много крови христіанской пролилось, земля пуста, твоя отчина; не погуби города, но возьми его съ тихостію“. Василій, подошедши къ владыкѣ подъ благословеніе, велѣлъ ему, Сологубу и знаменитымъ людямъ идти къ себѣ въ шатеръ, а чернымъ людямъ и духовенству велѣлъ возвратиться въ городъ, къ которому приставлена была крѣпкая стража; владыка, Сологубъ и всѣ паны ночевали въ шатрѣ подъ стражею. На другой день, 30 числа, великій князь послалъ въ Смоленскъ воеводъ своихъ, князя Данила Щепю съ товарищами, дьяковъ и подъячихъ, велѣлъ имъ переписать всѣхъ жителей и привести къ присягѣ—быть за великимъ княземъ и добра ему хотѣть, за короля не думать и добра ему не хотѣть; перепись и приводъ къ присягѣ кончились 31 іюля. 1-го августа послѣ водосвященія Василій вступилъ торжественно за крестами въ Смоленскъ вмѣстѣ съ владыкою и былъ встрѣченъ всѣмъ народомъ; послѣ молебна и многолѣтія въ соборной церкви, владыка сказалъ ему: „Божіею милостію радуйся и здравствуй православный царь Василій, великій князь всея Руси, самодержецъ, на своей отчинѣ, городѣ Смоленскѣ на многія лѣта“! Принявши поздравленіе отъ братьевъ, бояръ и воеводъ, Василій слушалъ литургію, послѣ чего отправился на княжескій дворъ и сѣлъ на своемъ мѣстѣ: тутъ снова бояре и воеводы московскіе и знатные смольняне подходили къ нему по чину съ обычными привѣтствіями; великій князь спросилъ ихъ о здоровьѣ и велѣлъ сѣсть. Князьямъ, боярамъ и мѣщанамъ (горожанамъ) смоленскимъ Василій объявилъ свое жалованье, уставную грамоту, назначилъ имъ въ намѣстники боярина князя Василія Васильевича Шуйскаго, и позвалъ ихъ обѣдать, послѣ чего каждый получилъ дары. Королевскому намѣстнику Сологубу и сыну его великій князь сказалъ: „Хочешь мнѣ служить, и я тебя жалую, а не хочешь, воленъ на всѣ стороны“. Сологубъ просилъ позволенія отправиться къ королю и былъ отпущенъ; онъ поѣхалъ затѣмъ, чтобъ сложить въ Польшѣ голову на плахѣ, какъ

измѣнникъ. Всѣмъ служилымъ людямъ королевскимъ было сдѣлано такое же предложеніе: многіе изъ нихъ остались въ службѣ московской и получили по два рубля денегъ да по сукну; которые не захотѣли служить, и тѣ получили по рублю денегъ и отпущены къ королю. Смольнянамъ дано было также на волю: кто изъ нихъ хотѣлъ ѣхать жить въ Москву, тому давали денегъ на подъемъ; кто хотѣлъ остаться по прежнему въ Смоленскѣ, тотъ удерживалъ свои вотчины и помѣстья [336].

Устроившись такимъ образомъ въ Смоленскѣ, великій князь выступилъ въ обратный походъ, къ Дорогобужу, пославши воеводъ своихъ къ Мстиславлю: здѣшній князь, Михаилъ Ижеславскій, присягнулъ государю московскому, то же сдѣлали жители Кричева и Дубровны. Для обереганія Смоленска на случай прихода Сигизмундова отправился къ Оршѣ князь Михаилъ Глинскій; къ Борисову, Минску и Друцку двинулись воеводы: двое братьевъ князей Булгаковыхъ-Патрикѣевыхъ, Михаилъ Голица и Димитрій Ивановичи, да конюшій Иванъ Андреевичъ Челяднинъ. Но король выступилъ уже къ нимъ на встрѣчу изъ Минска къ Борисову: онъ надѣялся на успѣхъ своего дѣла, и эту надежду вселялъ въ него — Михаилъ Глинскій.

Иностранныя извѣстія приписываютъ Глинскому большое участіе во взятіи Смоленска; говорятъ, что онъ завелъ сношенія съ смольнянами, привлекъ многихъ изъ нихъ на свою сторону, и эти-то люди заставили большинство жителей сдаться, не дожидаясь прихода королевскаго, въ которомъ обнадеживалъ ихъ воевода Сологубъ. По извѣстіямъ о взятіи Смоленска, полученнымъ въ Ливоніи, Глинскій будто бы сказалъ великому князю: „Нынче я дарю тебѣ Смоленскъ, котораго ты такъ долго желалъ: чѣмъ ты меня отдаришь?“ великій князь отвѣчалъ: „я дарю тебѣ княжество въ Литвѣ“ [337]. Это извѣстіе противорѣчитъ извѣстію Герберштейна, будто Василій въ Москвѣ обѣщалъ Глинскому отдать ему Смоленскъ. Какъ бы то ни было, видно одно, что Глинскій, хотя и не имѣлъ обѣщанія великаго князя относительно Смоленска, тѣмъ не менѣе надѣялся, что ему отдадутъ этотъ городъ, считая себя главнымъ виновникомъ его взятія и вообще успѣха войны, ибо по его старанію были вызваны изъ-за границы искусные ратные люди; очень вѣроятно, что знаменитый пушкарь Стефанъ былъ изъ ихъ числа; вѣроятно также, что Глинскій имѣлъ сношенія съ Смольнянами,

дѣйствовалъ на ихъ рѣшимость къ сдачѣ, если могъ имѣть сношенія съ жителями Кракова, какъ мы видѣли. Но если Глинскій, при своемъ страстномъ желаніи получить независимое положеніе, особое княжество, думалъ, что имѣетъ право надѣяться Смоленскаго княжества, то со стороны Василія было бы большою неосторожностію выпустить изъ рукъ этотъ давножеланный, драгоцѣнный Смоленскъ, ключъ къ Днѣпровской области, отдать его Глинскому хотя бы и съ сохраненіемъ права верховнаго господства, отдать его Глинскому, котораго характеръ, способность къ обширнымъ замысламъ, энергія при ихъ выполненіи не могли дать московскому государю достаточнаго ручательства въ сохраненіи этого важнаго пріобрѣтенія.

Обманувшись въ своихъ надеждахъ относительно Смоленска, видя (если вѣрить приведенному извѣстію), что ему надобно дожидаться заевоеванія еще другого княжества въ Литвѣ, завоеванія сомнительнаго, ибо король уже приближался съ войскомъ, Глинскій завелъ переговоры съ Сигизмундомъ, обнадеженный еще прежде въ милостивомъ пріемѣ братомъ Сигизмундовымъ, Владиславомъ, королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ. Сигизмундъ дѣйствительно очень обрадовался предложенію Глинскаго, придавая совѣтамъ послѣдняго большое вліяніе на успѣхи московскаго оружія [338]. Глинскій рѣшился покинуть тайно московскій отрядъ, ему ввѣренный и бѣжать въ Оршу; но одинъ изъ ближнихъ его слугъ въ ту же ночь прискакалъ къ князю Михайлѣ Голицѣ, объявилъ ему объ умыслѣ Глинскаго и указалъ дорогу, по которой поѣдетъ бѣглецъ. Голица, давши знать объ этомъ другому воеводѣ, Челяднину, немедленно сѣлъ на коня съ своимъ отрядомъ, перенялъ дорогу у Глинскаго и схватилъ его ночью, когда тотъ ѣхалъ за версту впереди отъ своихъ дворянъ; на разсвѣтѣ соединился съ Голицею Челяднинъ и повезли Глинскаго въ Дорогобужъ къ великому князю, который велѣлъ заковать его и отправить въ Москву; королевскія грамоты, вынутыя у Глинскаго, послужили противъ него явною уликою. Распорядившись на счетъ Глинскаго, великій князь велѣлъ своимъ воеводамъ двинуться противъ короля; тотъ, оставивъ при себѣ четыре тысячи войска въ Борисовѣ, остальное, подъ начальствомъ князя Константина Острожскаго, отправилъ на встрѣчу къ московскимъ воеводамъ, у которыхъ, по иностраннымъ извѣстіямъ, было 80,000 войска, тогда какъ у Острожскаго не болѣе 30,000. Послѣ

нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ въ концѣ августа, Челяднинъ перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра у Орши и здѣсь рѣшился дожидаться непріятеля, не препятствуя ему переправляться черезъ рѣку, чтобъ тѣмъ полнѣе была побѣда. 8-го сентября 1514 года произошелъ бой: русскіе начали нападеніе, и долго съ обѣихъ сторонъ боролись съ перемѣннымъ счастіемъ, какъ наконецъ литовцы намѣренно обратились въ бѣгство и подвели русскихъ подъ свои пушки; страшный залпъ смялъ преслѣдующихъ, привелъ ихъ въ разстройство, которое скоро сообщилось и всему войску московскому, потерпѣвшему страшное пораженіе: всѣ воеводы попались въ плѣнъ, не говоря уже объ огромномъ количествѣ убитыхъ ратниковъ; рѣка Кропивна (между Оршею и Дубровною) запрудилась тѣлами москвитянъ, которые въ бѣгствѣ бросались въ нее съ крутыхъ береговъ [339]. Сигизмундъ, извѣщая ливонскаго магистра объ оршинской побѣдѣ, писалъ, что москвичи изъ 80,000 потеряли 30,000 убитыми; взяты въ плѣнъ: 8 верховныхъ воеводъ, 37 начальниковъ второстепенныхъ и 1,500 дворянъ; но послѣ, изъ литовскаго же обстоятельнаго перечисленія узнаемъ, что всѣхъ плѣнныхъ, какъ взятыхъ на оршинской битвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, было 611 человѣкъ [340]. По московскимъ извѣстіямъ, Острожскій сначала занималъ Челяднина мирными предложеніями, а потомъ внезапно напалъ на его войско; первый вступилъ въ битву князь Михайла Голица, а Челяднинъ изъ зависти не помогъ ему; потомъ литовцы напали на самого Челяднина, и тогда Голица не помогъ ему; наконецъ непріятель напалъ въ третій разъ на Голицу, и Челяднинъ опять выдалъ послѣдняго, побѣжалъ и тѣмъ рѣшилъ судьбу битвы; но московскіе источники согласны съ литовскими относительно страшныхъ слѣдствій оршинскаго пораженія.

Дубровна, Мстиславль, Кричевъ немедленно сдались королю; мстиславскій владѣлецъ, князь Михайла Ижеславскій, узнавши о приближеніи королевскаго войска, отправилъ къ Сигизмунду грамоту съ обѣщаніями вѣрности, съ извиненіемъ, что только по необходимости служилъ нѣкоторое время великому князю московскому [341]. То же самое поспѣшилъ сдѣлать и Варсонофій, епископъ смоленскій: отчаявшись вмѣстѣ съ знатнѣйшими смольнянами, князьями и панами, въ дѣлѣ новаго своего государя, Василія, епископъ послалъ къ Сигизмунду племянника своего съ письмомъ такого содержанія: „если пойдешь теперь къ Смоленску самъ, или воеводъ при-

шлешь со многими людьми, то можешь безъ труда взять городъ" [342]. Но бояре смоленскіе и мѣщане хотѣли остаться за Москвою и сказали объ умыслѣ владыки намѣстнику своему, князю Василію Шуйскому; Шуйскій велѣлъ схватить Варсонофія вмѣстѣ съ его соумышленниками, посадилъ ихъ подъ стражу, и далъ знать объ этомъ великому князю въ Дорогобужъ. Въ это время князь Константинъ Острожскій явился подъ Смоленскомъ только съ шеститысячнымъ отрядомъ войска, въ надеждѣ на владыку, князей и пановъ; но Шуйскій поспѣшилъ убѣдить его, что на этихъ людей нечего больше надѣяться: не дожидаясь отвѣта отъ великаго князя, онъ велѣлъ повѣсить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ Варсонофія, на городскихъ стѣнахъ, въ виду литовскаго войска; который изъ нихъ получилъ отъ великаго князя шубу, тотъ былъ повѣшенъ въ этой самой шубѣ; который получилъ ковшъ серебряный или чару, тому на шею привязали эти подарки и такимъ образомъ повѣсили [343]. Тщетно послѣ того Острожскій посылалъ къ смольнянамъ грамоты съ увѣщаніями передаться Сигизмунду, тщетно дѣлалъ приступы къ городу: доброжелателей королевскихъ не существовало болѣе, и остальные граждане бились крѣпко; Острожскій долженъ былъ отступить отъ Смоленска, московскіе ратные люди и горожане преслѣдовали его и взяли много возовъ. Великій князь одобрилъ поведеніе Шуйскаго, прибавилъ ему войска и выступилъ изъ Дорогобужа въ Москву.

Упомянувши о нечаянномъ нападеніи псковскаго намѣстника Сабурова на Рославль, лѣтописцы надолго прекращаютъ разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ между Москвою и Литвою. Понятно, что первая должна была отдохнуть послѣ оршинской битвы; но вредныя слѣдствія этой битвы для Москвы ограничились только потерею людей, потому что король не могъ извлечь изъ нея для себя никакой пользы, не могъ даже возвратить себѣ Смоленска, пріобрѣтеніе и удержаніе котораго для Василія служили достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ потери. Письмо кіевскаго воеводы Андрея Немировича литовской радѣ объяснитъ намъ эту невозможность для Сигизмунда вести дѣятельную, успѣшную войну, пользоваться своими побѣдами: „Крымскій царевичъ Алпъ-Салтанъ, сынъ Магметъ-Гиреевъ, прислалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, пишетъ Немировичъ, что онъ со всѣми людьми своими уже на этой сторонѣ рѣки Тясмина, и требовалъ, чтобъ я садился на коня, и шелъ бы вмѣстѣ съ нимъ

на землю московскую, въ противномъ случаѣ онъ одинъ не пойдетъ на нее. Я писалъ къ вашей милости не разъ, чтобъ вы меня научили, какъ мнѣ дѣлать? но до сихъ поръ вы мнѣ не отвѣчали; постарайтесь немедленно прислать мнѣ наказъ. Писалъ я къ старостамъ и ко всѣмъ боярамъ кіевскимъ, чтобъ ѣхали со мною на службу господарскую; но никто изъ нихъ не хочетъ ѣхать: пожалуйста напишите имъ, чтобъ они поспѣшили за мною на службу господарскую"[344].

Такимъ образомъ и помощь крымскихъ разбойниковъ не приносила всей пользы королю, хотя послѣдній не жалѣлъ денегъ для того, чтобъ подущать ихъ противъ Москвы. Весною 1515 года умеръ старый Менгли-Гирей; сынъ его и наслѣдникъ, Магметъ-Гирей прислалъ въ Москву съ упрекомъ, что великій князь нарушилъ договоръ, не давши знать въ Крымъ о своемъ походѣ подъ Смоленскъ: „Ты нашему другу королю недружбу учинилъ: городъ, который мы ему пожаловали (Смоленскъ), ты взялъ отъ насъ тайкомъ; этотъ городъ Смоленскъ къ литовскому юрту отецъ нашъ пожаловалъ, а другіе города, которые къ намъ тянутъ—Брянскъ, Стародубъ, Почапъ, Новгородъ Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль, Карачевъ, Радогощь, отецъ нашъ, великій царь, твоему отцу далъ. Если хочешь быть съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ, то ты эти города отдай намъ назадъ, потому что мы ихъ королю дали.... Если хочешь быть съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ, то помоги намъ казною, пришли намъ казны побольше". Кромѣ казны, ханъ требовалъ кречетовъ и разныхъ дорогихъ вещей; требовалъ, чтобъ великій князь отпустилъ въ Крымъ Абдыллетифа. Въ грамотахъ къ великому князю московскому сохранились еще приличныя формы; такъ ханъ писалъ: „Брату моему поклонъ"; или: „много, много поклонъ"; но вотъ какъ начиналась ханская грамота къ великому князю рязанскому: „Великія Орды великаго царя Махметъ-Гиреево царево слово другу моему и становитину, Рязанскому Ивану князю вѣдомо было.... Мы, великій царь и государь твой"....

Преданный Москвѣ вельможа крымскій, Аппакъ-мурза писалъ великому князю: „У тебя ханъ проситъ восемь городовъ, и если ты ему ихъ отдашь, то другомъ ему будешь, а не отдашь, то тебѣ другомъ ему не бывать; развѣ пришлешь ему столько же казны, сколько король присылаетъ: тогда онъ тебѣ города эти уступитъ. А съ королемъ имъ друзьями какъ не быть? и лѣтомъ, и зимою

казна отъ короля, какъ рѣка, безпрестанно такъ и течетъ, и малому и великому всѣмъ унаровилъ". Послу великокняжескому, Мамонову тотъ же Аппакъ говорилъ: „Ты пріѣхалъ нынче между великимъ княземъ и царемъ дѣло дѣлать, такъ ты дѣлай дѣло умѣючи: чего у тебя царь ни попроситъ, ты ни за что не стой, тѣшь его. А не захочешь царю дать добромъ, такъ тебѣ безъ дѣла назадъ ѣхать; вѣдь царь у тебя силою возьметъ все, что захочетъ: такъ ты бы царю не стоялъ ни за что, чего у тебя ни попроситъ добромъ, а позора бы тебѣ не дожидаться". Аппакъ жаловался Мамонову, что и ему великій князь мало прислалъ: „Абдыррахмановою службою, говорилъ онъ, литовскій царю нашему посылаетъ пятнадцать тысячь золотыхъ, кромѣ платья, суконъ и запросовъ; а царицамъ, царевичамъ, сеитамъ, уланамъ, князьямъ, мурзамъ, особенно король посылаетъ, всѣмъ довольно; никто на короля царю за поминки не жалуется; Абдыррахману же отъ короля идетъ двѣ тысячи золотыхъ, кромѣ платья и суконъ; на людей Абдыррахману еще казну, которую Абдыррахманъ раздаетъ отъ себя царевичамъ, уланамъ, князьямъ и мурзамъ добрымъ для королевскаго дѣла. Такъ королевскому дѣлу какъ не дѣлаться? А ко мнѣ сколько разъ король приказывалъ: отстань отъ московскаго, служи мнѣ, и приказывай, чего отъ меня хочешь: все тебѣ дамъ. Но у всякаго человѣка словъ много, а душа одна; ты, король, познакомился съ Абдыррахманомъ, и живи съ нимъ".

Мамоновъ доносилъ, что когда онъ шелъ къ хану, съ поминками, то сторожа загородили ему дорогу посохомъ: „и было мнѣ у посоха много истомы не на малый часъ; все требовали у меня посошной пошлины; но я ихъ не послушалъ. Когда я назадъ хотѣлъ идти, то меня не пустили: Аппакъ же меня не выручалъ: дважды онъ къ царю вверхъ ходилъ; по туда идучи и оттуда, все меня бранилъ, что я не плачу посошной пошлины; однако я не послушался, не заплатилъ. Потомъ пришелъ ко мнѣ Аппакъ князь, и сталъ царскимъ именемъ просить у меня тридцать шубъ бѣличьихъ, да тридцать однорядокъ для раздачи тѣмъ людямъ, которымъ великій князь мало поминокъ прислалъ, потому что они не хотятъ великокняжескаго дѣла дѣлать". Мамоновъ отказалъ; тогда у него схватили двоихъ людей; пріѣхалъ къ нему татаринъ, и сталъ просить поминка; Мамоновъ не далъ: тогда татаринъ сталъ за нимъ на лошади съ плетью гоняться, лошадью его топтать, потомъ съ

ножемъ въ избу вломился; наконецъ силою взяли у Мамонова все то, чего требовалъ ханъ. Этотъ поступокъ Магметъ-Гирей такъ оправдывалъ въ письмѣ своемъ къ великому князю: „Ты многимъ людямъ не прислалъ подарковъ, и намъ много отъ нихъ докуки было, да и посолъ твой много докуки видѣлъ: и вотъ я, для того чтобъ между нами дружбы и братство прибывало, неволею взялъ у твоего посла да и роздалъ моимъ людямъ—иному шубу, другому однорядку“. При этомъ ханъ приложилъ списокъ людей, которымъ великій князь долженъ былъ впередъ посылать поминки.

Въ Москвѣ довольствовались подобными объясненіями; въ отвѣтѣ своемъ хану Василій не упоминалъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ послу, и требовалъ одного—шертной грамоты. Мамоновъ обратился съ тѣмъ же требованіемъ къ сыну Магметъ-Гирееву, царевичу Богатырю; тотъ отвѣчалъ: „Кто меня больше почтитъ, король или великій князь, о томъ я и буду больше хлопотать“. Мамоновъ отправился къ брату ханскому, Ахматъ-Гирею; Ахматъ отвѣчалъ: „Видишь самъ, какой царь мой братъ: когда былъ отецъ нашъ царемъ, то мы его слушались; а нынче братъ нашъ царемъ, сынъ у него царь же, князья у него цари же, водятъ имъ, куда хотятъ“. Посолъ обратился къ старшей ханшѣ; та смотрѣла на поведеніе Магметъ-Гирея съ своей точки зрѣнія и отвѣчала: „Великокняжескіе и королевы поминки ханъ пропиваетъ съ своими любимыми женами“.

Богатырь царевичъ обѣщалъ хлопотать о томъ, кто его больше почтитъ; король, какъ видно, почтилъ его больше, и Богатырь, въ 1516 году, опустошилъ Рязанскую украйну. Когда посолъ жаловался на это доброхоту московскому, мурзѣ Аппаку, тотъ отвѣчалъ: „Все это дѣлается великому князю самому отъ себя; говорилъ я, чтобъ великій князь столько же присылалъ, сколько король присылаетъ“. А самъ ханъ писалъ Василію: „Что сынъ мой Богатырь безъ моего вѣдома на Рязань ходилъ, то князь бы Василій лихимъ людямъ не потакалъ, кто станетъ говорить, чтобъ ему за то со мною раздружиться“. Ханъ обѣщалъ идти на Литву; но требовалъ, чтобъ великій князь помогъ ему взять Астрахань: „Какъ возьмемъ Астрахань, то въ ней великаго же князя людямъ сидѣть, тысячахъ въ трехъ или четырехъ, съ пушками и пищалями; рыба, соль—все это пойдетъ брату же моему великому князю, а моя только бы слава была, что городъ мой. А что наши люди

Мещеру воевали, то я не ручаюсь, что впередъ этого не будетъ, хотя я съ братомъ своимъ великимъ княземъ буду въ дружбѣ и братствѣ; людей своихъ мнѣ не унять: пришли на меня всею землею, говорятъ, что не будутъ меня въ этомъ слушаться; а Ширины мимо меня вздумали воевать Мещеру, потому что нынче на Мещерѣ нашъ недругъ, а изъ старины этотъ юртъ нашъ. Нынче братъ мой князь великій зачѣмъ не проситъ у меня на Мещеру брата или сына? Когда нашъ родъ былъ на Мещерѣ, то смѣлъ ли кто изъ нашихъ смотрѣть на нее"?

Великій князь велѣлъ своему послу предложить Мещеру брату Магметову, Ахматъ-Гирею; обѣщалъ хану помощь на Астрахань, все въ надеждѣ добиться шертной грамоты и отвлечь Крымцевъ отъ союза литовскаго; но король дѣйствовалъ деньгами, и лѣтомъ 1517 года, 20,000 татаръ явилось въ тульскихъ окрестностяхъ. Князь Одоевскій и Воротынскій распорядились очень удачно: пѣшіе ратники обошли татаръ и засѣкли имъ дороги въ лѣсахъ, гдѣ много ихъ побили, а конные стали преслѣдовать разбойниковъ по дорогамъ, по бродамъ, потопили много ихъ въ рѣкахъ, много взяли въ плѣнъ, такъ что изъ 20.000 очень мало ихъ возвратилось въ Крымъ, и тѣ пришли пѣши, босы и наги; съ другой стороны, князь Василій Шемячичъ поразилъ за Сулою татарскій отрядъ, приходившій грабить Путивльскія мѣста.—Тогда великій князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ, и спросилъ ихъ: нужно ли послѣ этого продолжать сношенія съ Крымомъ, посылать козаковъ къ хану съ грамотами? Приговорили, что нужно продолжать сношенія, чтобъ ханъ прямо не отсталъ отъ Москвы [345].

Сигизмундъ дѣйствовалъ въ Крыму; Василій по единству выгодъ, долженъ былъ вступить въ союзъ съ Албрехтомъ Бранденбургскимъ, великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена. Мы видѣли, что литовскіе нѣмцы были ревностными союзниками Александра литовскаго въ войнѣ его съ Іоанномъ московскимъ; Сигизмунду хотѣлось поднять ихъ и на Василія; ливонскіе паны радные, извѣщая магистра Плеттенберга о нападеніи великаго князя московскаго на ихъ землю, писали: „Если онъ успѣетъ завладѣть нашими крѣпостями—Смоленскомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ, Мстиславлемъ и Оршею, то вы не можете быть безопасны, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію Полочанъ, предѣлы страны ихъ простирались по Двинѣ вплоть до самаго моря, что вашъ городъ Рига построенъ на ихъ землѣ [346]".

Плеттенбергу не нужно было напоминать объ опасности, которая грозила Ливоніи отъ Москвы, о правахъ Россіи на Ливонію; онъ самъ очень хорошо зналъ эти права, эту опасность, ненавидѣлъ Москву, готовъ былъ немедленно начать войну съ нею въ союзѣ съ Литвою и Польшею; но сдерживался своимъ безсиліемъ и враждебными отношеніями къ Польшѣ великаго магистра Тевтонскаго. Послѣдній не только не раздѣлялъ вражды Плеттенберга къ Москвѣ, напротивъ, старался о союзѣ съ великимъ княземъ для общаго дѣйствія противъ Сигизмунда. Московскіе послы, возвращавшіеся отъ императора чрезъ Пруссію, донесли великому князю о просьбѣ магистра: „Чтобъ великій государь меня жаловалъ и берегъ и учинилъ меня съ собою въ союзѣ, а я за этимъ хочу послать къ великому государю своего человѣка". Великій князь приказалъ сказать магистру, что жаловать и беречь его хочетъ; и вотъ въ 1517 году явился въ Москву посолъ Албрехтовъ, Шонбергъ, для заключенія союза. Союзъ былъ заключенъ; договорная грамота любопытна для насъ по формамъ, показывающимъ отношенія, въ какихъ находились другъ къ другу оба договаривавшіеся государи: „По Божіей волѣ и по нашему жалованью, Мы, Великій Государь Василій, Божіею милостію Царь и Государь всея Россіи и великій князь Владимірскій и проч. (слѣдуетъ титулъ), дали есьмы сію свою грамоту, Албрехту, нѣмецкаго чина высокому магистру Прусскому, на то, что къ намъ прислалъ своихъ пословъ бити челомъ о томъ, чтобы намъ его жаловать и беречь и на своего бы недруга, на короля Польскаго и великаго князя Литовскаго. И мы (титулъ) пожаловали во единачествѣ есьмы его съ собою учинили и за него и за его землю хотимъ стоять и оборонять его отъ своего недруга отъ короля Польскаго". Кромѣ обѣщанія дѣйствовать противъ короля за одно съ магистромъ, великій князь обѣщалъ послѣднему также денежную помощь; Албрехтъ просилъ ежемѣсячно по 40,000 золотыхъ рейнскихъ на содержаніе 10,000 пѣхоты, по четыре золотыхъ каждому ратнику, и по 20,000 золотыхъ на содержаніе 2,000 конницы, по 10 золотыхъ на каждаго всадника съ конемъ, кромѣ того, что понадобится еще на артиллерію (что пристоитъ къ хитрецамъ и къ пушкамъ); великій князь обѣщалъ отправить эти деньги въ Пруссію тогда, когда магистръ возьметъ свои города, находившіеся за Сигизмундомъ и двинется на Польшу, къ Кракову. Шонбергъ просилъ, чтобъ великій князь далъ это обѣщаніе пись-

менно, ибо иначе среди важныхъ дѣлъ онъ могъ забыть о немъ, но получилъ отказъ; послу, отправленному изъ Москвы къ магистру, было предписано: если магистръ потребуетъ отъ него клятвы въ томъ, что великій князь дастъ обѣщанныя деньги, то отговариваться накрѣпко, если же нельзя будетъ отговориться, то дать требуемую клятву. Чрезъ второго посла Албрехтъ просилъ, чтобъ великій князь распорядился отправкою въ Псковъ 50,000 гривенокъ серебра чистаго, дабы, въ случаѣ если онъ, магистръ, захочетъ начать войну, серебро это привезено было въ Кенигсбергъ и тамъ, при Русскихъ приставникахъ, выкована будетъ деньга, двадцать которыхъ равнялось бы золотому рейнскому. Василій отвѣчалъ, что серебро готово, но что нѣмцы должны прежде начать войну [347].

Албрехтъ только еще собирался начать войну съ Сигизмундомъ; но другой союзникъ Василіевъ, императоръ Максимиліанъ, уже перестаклъ собираться, а предлагалъ себя въ посредники мира между Москвою и Литвою. Василій былъ нисколько не прочь отъ мира; главная цѣль достигнута, Смоленскъ взятъ, на дальнѣйшія завоеванія безъ союзниковъ мало надежды, Оршинская битва заставляла болѣе чѣмъ когда-либо остерегаться рѣшительныхъ дѣйствій; родовое преданіе внушало дѣйствовать не вдругъ, но мало по малу, пользуясь удобными случаями. Вотъ почему и въ переговорахъ съ посломъ Албрехтовымъ Василій не хотѣлъ дать обязательства не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ прусскихъ и русскихъ городовъ; вотъ почему Василій принялъ и посредничество императора. Для окончательнаго улаженія дѣла въ апрѣлѣ 1517 года пріѣхалъ въ Москву посолъ императорскій Сигизмундъ Герберштейнъ: „Всей вселенной извѣстно, говорилъ посолъ, что много лѣтъ христіанскіе правители междоусобными бранями и раздорами себя озлобляли и много христіанской крови проливали, а никакой отъ того христіанству пользы не произошло, потому что невѣрные и враги христіанскаго имени, т.-е. Турки и Татары отъ того смѣлѣе и выгоднѣе дѣла свои дѣлать могли, много людей въ плѣнъ побрали, много царствъ и городовъ завоевали: все это произошло единственно отъ несогласія правителей христіанскихъ. Правители христіанскіе должны всегда держать въ мысли, что правленіе вручено имъ отъ Бога для умноженія вѣры и чести Его, для обороны общихъ людей, овецъ Христовыхъ. Римскій цесарь Максимиліанъ

изначала это держитъ въ мысли; многія войны велъ онъ не изъ властолюбія, но для утвержденія общаго мира въ христіанствѣ. И Богъ его благословилъ: наивысшій римскій архіерей со всею итальянскою землею теперь съ нимъ въ дружбѣ; внукъ его Карлъ, сынъ Филипповъ, спокойно правитъ испанскими королевствами, которыхъ числомъ двадцать шесть; король португальскій родня ему; король англійскій и ирландскій давно пріятель; король датскій, шведскій и норвежскій женатъ на его внукѣ, самъ тѣломъ своимъ и королевствами своими теперь въ рукахъ цесарскаго величества; король польскій во всѣхъ несогласіяхъ своихъ положился на него же; о твоей наияснοсти нечего много говорить: самъ знаешь, что между вами братская любовь; наконецъ даже король французскій и Венеція, которые всегда свое особное дѣло предпочитали общему христіанскому,—и тѣ теперь миръ заключили. Обозритъ нынѣ человѣкъ вселенную, отъ востока до запада, отъ юга до сѣвера, и не найдетъ ни одного правителя христіанскаго, который бы не былъ съ цесарскимъ величествомъ въ родствѣ, братствѣ или мирномъ доконча̀ніи, и нѣтъ нигдѣ несогласія, только идетъ война между твоею наияснοстію и Сигизмундомъ королемъ польскимъ: если эта война будетъ прекращена, то его цесарское величество достигнетъ вполнѣ своей цѣли. За этимъ-то императоръ и послалъ меня сюда, напомнить, вашей наияснοсти, что миръ будетъ прежде всего служить къ чести Вседержителя Бога и Его непорочной Матери, къ пользамъ всего христіанства; напомнить, сколько выгодъ земля и и люди твои получатъ отъ мира, сколько зла отъ войны, напомнить, какъ сомнительны бранные случаи. Будучи въ Вильнѣ у короля польскаго, видѣлъ я тамъ турецкаго посла, который объявилъ, что султанъ его побѣдилъ султана египетскаго, Дамаскъ, Іерусалимъ и всѣ его государства завоевалъ: если Турки и безъ того были уже такъ сильны, то чего не задумаютъ они теперь, послѣ такихъ завоеваній"?

Великій князь велѣлъ боярамъ своимъ отвѣчать Герберштейну: „Брату нашему, цесарю римскому, извѣстно, что война между нами и Сигизмундомъ началась не съ нашей стороны, а съ королевской: а мы всегда просимъ Бога, чтобъ христіанство пребывало въ тишинѣ. И прежде братъ нашъ, цесарь римскій писалъ къ намъ, чтобъ мы съ королемъ помирились, и мы отвѣчали: захочетъ нашъ недругъ Сигизмундъ король съ нами мира, и онъ бы прислалъ къ

намъ своихъ пословъ, какъ прежде присылалъ; когда его послы пріѣдутъ, то мы, для брата нашего Максиміліана, съ Сигизмундомъ королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже". Герберштейнъ объявилъ на это, что прежде императоръ предлагалъ великому князю отправить пословъ къ датскому королю, куда съѣдутся также послы императорскіе и польскіе для мирныхъ переговоровъ, но что великій князь на это не согласился; отправляя его, Герберштейна, императоръ далъ ему наказъ уговорить обѣ враждующія стороны къ посольскому съѣзду на границахъ, но онъ своими глазами видѣлъ, что пограничные города выжжены и раззорены, съѣзду быть негдѣ, и потому проситъ великаго князя отправить пословъ въ Ригу.—Великій князь велѣлъ отвѣчать: „И прежде мы брату своему приказывали не одинъ разъ, что намъ пословъ своихъ къ датскому королю и никуда не посылать, а захочетъ Сигизмундъ король мира, то пусть шлетъ своихъ пословъ къ намъ въ Москву. Разсуди ты самъ: хорошо ли король дѣлаетъ, что не хочетъ прислать пословъ въ Москву, и такимъ образомъ вводить новизны, а старины не помнитъ, какъ прежде бывало?" Герберштейнъ настаивалъ, чтобъ послы съѣхались на границѣ, но понапрасну. Тогда онъ просилъ позволенія отправить своего племянника къ королю съ тѣмъ, чтобъ тотъ прислалъ пословъ своихъ въ Москву. Племянникъ былъ отправленъ и возвратился съ отвѣтомъ, что король готовъ мириться, но не хочетъ признавать обычая, по которому послы всегда обязаны были бы ѣздить въ Москву для мирныхъ переговоровъ. Сообщая этотъ отвѣтъ боярамъ, словоохотливый Герберштейнъ опять говорилъ длинную рѣчь о томъ, что людямъ, какъ существамъ разумнымъ, должно жить въ добромъ согласіи другъ съ другомъ; превозносилъ умѣренность Филиппа Македонскаго, даровавшаго миръ Аѳинянамъ послѣ побѣды, ставилъ его гораздо выше сына Александра, завоевателя ненасытнаго; прославлялъ своего государя Максиміліана за умѣренность и великодушіе, за то, что возвратилъ Верону Венеціанамъ, указывалъ на Ксеркса, побѣжденнаго Ѳемистокломъ, на Пирра, въ одинъ часъ лишеннаго плодовъ всѣхъ своихъ побѣдъ. Вся эта рѣчь клонилась къ тому, чтобъ убѣдить великаго князя отправить пословъ своихъ на границу; но ораторъ получилъ прежній отвѣтъ: „Намъ своихъ пословъ на границы и никуда въ другое мѣсто посылать не пригоже; а захочетъ Сигизмундъ король мира, и онъ бы послалъ къ намъ

своихъ пословъ; а прежнихъ намъ своихъ обычаевъ не рушить, какъ повелось отъ прародителей нашихъ, какъ было при отцѣ нашемъ и при насъ; что намъ Богъ далъ, мы того не хотимъ умалять, а, съ Божіею волею, хотимъ повышать, сколько намъ милосердый Богъ поможетъ. И намъ своихъ пословъ на границы и никуда посылать не пригоже. А что польскій король собрался съ своимъ войскомъ и стоитъ на готовѣ: то и мы противъ своего недруга стоимъ на готовѣ, и дѣло свое съ нимъ хотимъ дѣлать, сколько намъ Богъ поможетъ".

Послѣ долгихъ безполезныхъ переговоровъ Герберштейнъ объявилъ, что, какъ онъ понимаетъ отвѣтъ королевскій, Сигизмундъ не отказывается отправить своихъ пословъ въ Москву, но только не хочетъ признать правъ московскаго государя на это; онъ объявилъ также, что хочетъ вторично отправить племянника своего къ королю съ требованіемъ отправленія пословъ въ Москву, и написать красную ложь, будто Максимиліанъ прислалъ трехъ гонцовъ и наказалъ непремѣнно привести дѣло къ окончанію. Герберштейнъ чувствовалъ неловкость своего положенія: государь его заключилъ съ государемъ московскимъ союзъ противъ польскаго короля, клялся дѣйствовать заодно противъ общаго недруга; а теперь вмѣсто военной помощи предлагаетъ только свое посредничество къ миру. Чтобъ оправдать какъ нибудь Максимиліана, Герберштейнъ объявилъ боярамъ, будто прежній посолъ императорскій, Сниценпамеръ переступилъ свой наказъ, поспѣшивши заключить союзъ между императоромъ и великимъ княземъ на короля, что такъ поступать неприлично христіанскимъ правителямъ, которые должны прежде начала войны испытать всѣ мирные пути къ соглашенію; что Максимиліанъ поклялся выполнять статьи договора только изъ братской любви къ великому князю, прежде засвидѣтельствовавъ однако, что не хочетъ преступать обычая христіанскаго, тѣмъ болѣе что онъ занимаетъ первое мѣсто между государями христіанскими. Но если король польскій не согласится на миръ, то императоръ готовъ начать съ нимъ войну заодно съ великимъ княземъ. Если угодно будетъ вашему пресвѣтлѣйшему царю, заключилъ Герберштейнъ, то я назначу польскому королю срокъ, когда онъ долженъ прислать своихъ пословъ; если не пришлетъ, то мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать, ибо это будетъ знакомъ, что миру не быть.—Бояре отвѣчали, что Снiцемпамеръ уговорился и

все дѣло сдѣлалъ такъ, какъ обыкновенно послы между государями дѣло дѣлаютъ, по приказу государей своихъ; заключенный такимъ образомъ договоръ великій князь исполнялъ и хочетъ всегда исполнять; если до сихъ поръ Максимиліанъ на Сигизмунда короля войною еще не поднялся, а подвинулъ его миромъ на доброе согласіе, то это въ великомъ князѣ не произвело никакого сомнѣнія; если Максимиліанъ хочетъ быть на всѣхъ недруговъ заодно съ великимъ княземъ, то онъ дѣлаетъ хорошо, что свою клятву и договоръ помнитъ. Великій князь, съ своей стороны, для просьбы императорской, съ Сигизмундомъ королемъ мира хочетъ, какъ будетъ пригоже. Если Сигизмундъ помирится, то пусть Максимиліанъ будетъ на всѣхъ прочихъ недруговъ съ великимъ княземъ заодно; если же не помирится, то пусть, по договору, объявитъ и королю войну.—Послѣ этого объясненія Герберштейнъ отправилъ къ королю опасныя грамоты на его пословъ.

Послы явились—въ сентябрѣ 1517 года—маршалки Янъ Щитъ и Богушъ; но, промедливши три года послѣ Оршинскаго дѣла, Сигизмундъ вздумалъ начать наступательныя непріятельскія дѣйствія противъ Москвы въ то самое время, когда отправилъ туда пословъ за миромъ. Остановившись въ Полоцкѣ, король отправилъ гетмана, князя Константина Острожскаго съ большимъ войскомъ къ псковскому пригороду Опочкѣ; но сильный приступъ былъ отбитъ намѣстникомъ великокняжескимъ Васильемъ Михайловичемъ Салтыковымъ-Морозовымъ съ большимъ урономъ для осаждающихъ; несмотря на это, Острожскій все держался подъ Опочкою, отъ 6 октября до 18-го, разославши отряды подъ другіе пригородки псковскіе—Вороначь, Велье, Красный. Но московскія войска съ разныхъ сторонъ спѣшили къ Опочкѣ, и въ трехъ мѣстахъ одержали верхъ надъ непріятелемъ, а воевода Иванъ Ляцкій поразилъ на голову литовскій отрядъ, шедшій къ Острожскому, отнялъ у него пушки и пищали. Гетманъ принужденъ былъ снять осаду Опочки и выйти изъ московскихъ владѣній [348].

Когда въ одно время узнали въ Москвѣ и о приближеніи пословъ королевскихъ и о вторженіи Острожскаго, то великій князь не велѣлъ посламъ въѣзжать въ Москву, но ждать въ Дорогомиловѣ, пославъ сказать Герберштейну: „Сигизмундъ король къ намъ пословъ своихъ отправилъ. Но какъ прежде умышлялъ неправыя дѣла, такъ и теперь умыслилъ неправое же дѣло: къ намъ отпра-

князь своихъ пословъ, а воеводу своего большаго Константина Острожскаго послалъ на наши украйны. Воеводы наши противъ непріятельскихъ людей пошли и хотятъ съ ними дѣло дѣлать, и пока воеводы наши съ непріятелемъ не перевѣдаются, до тѣхъ поръ Сигизмундовымъ посламъ у насъ быть непригоже; но такъ какъ мы дали опасную грамоту на пословъ, то велимъ честь имъ оказывать и кормъ давать, безчестья имъ никакого не будетъ". Герберштейнъ былъ сильно недоволенъ этимъ рѣшеніемъ, долго хлопоталъ, чтобъ послы были допущены немедленно къ переговорамъ, наконецъ 18 октября объявилъ письменно, что долѣе конца этого мѣсяца ждать не станетъ, выѣдетъ изъ Москвы; ему отвѣчали прежнее, что пока воеводы великокняжескіе не перевѣдаются съ королевскими, до тѣхъ поръ литовскимъ посламъ у государя быть непригоже. Но въ тотъ самый день, когда Герберштейнъ послалъ послѣднюю записку, 18 октября, Острожскій ушелъ отъ Опочки, и великій князь, получивши объ этомъ извѣстіе 25 числа, послалъ сказать Герберштейну: „Наши воеводы съ литовскими людьми перевѣдались, какъ то милосердному Богу было угодно, праведный Владыка и нелицемѣрный Судья судилъ праведно, и мы литовскимъ посламъ назначали у себя быть 29 октября, а ты—хочешь или не хочешь быть у насъ съ ними вмѣстѣ—это въ твоей волѣ".

29-го октября послы были приняты великимъ княземъ; Герберштейнъ объявилъ, что хочетъ усердно быть у дѣла, и 1-го ноября переговоры начались. Мы видѣли, что уже Іоаннъ III объявилъ Кіевъ и всѣ русскіе города своею отчиною; теперь бояре сына его начинаютъ переговоры требованіемъ отъ Сигизмунда прародительской отчины ихъ государя—Кіева, Полоцка, Витебска, и другихъ городовъ, которые король держитъ за собою неправдою; съ этихъ поръ это требованіе сдѣлалось обычнымъ, сдѣлалось необходимою формою при всѣхъ переговорахъ съ Литвою; форма эта имѣетъ важное историческое значеніе: она показываетъ характеръ борьбы между двумя Государями, изъ которыхъ одинъ назывался великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ, а другой великимъ княземъ всея Руси; чѣмъ бы ни кончились переговоры, на какихъ бы условіяхъ на этотъ разъ ни заключенъ былъ миръ или перемиріе, въ Москвѣ считали необходимымъ всякій разъ напередъ предъявить права великаго князя, или царя, потомка св. Владиміра, на всѣ русскія земли, принадлежавшія послѣднему, опасаясь умолчаніемъ объ

этихъ правахъ дать поводъ думать, что московскій государь позабылъ о нихъ, отказывается отъ нихъ; въ этомъ обычаѣ, введенномъ государями московскими, ясно видѣнъ также характеръ послѣднихъ: разъ назначивши себѣ какую-нибудь цѣль, никогда не упускать её изъ виду, постоянно напоминать о ней себѣ и другимъ, видна необыкновенная вѣрность преданію отцовскому и дѣдовскому, вѣрность, которая преимущественно помогла московскому государству достигнуть своей цѣли — сдѣлаться всероссійскою имперіею: что разъ усвоилъ себѣ отецъ, отъ того сынъ не отказывался; при Іоаннѣ литовскіе послы вели переговоры въ Москвѣ, и Герберштейнъ напрасно старается склонить Василія къ тому, чтобъ онъ отправилъ своихъ пословъ на границы.

Кромѣ означенныхъ городовъ, московскіе бояре требовали: наказанія панамъ, поступившимъ непочтительно съ великою княгинею Еленою, уступки всѣхъ городовъ и волостей, которыми владѣла Елена въ Литвѣ, уступки ея движимаго имущества, казны. Литовскіе послы, съ своей стороны, потребовали сначала половины Новгорода Великаго, Твери, Вязьмы, Дорогобужа, Путивля и всей сѣверной страны. Послѣ этихъ объявленій Герберштейнъ былъ позванъ одинъ въ дворецъ, и бояре сказали ему; „Сниценъ-Памеръ заключилъ договоръ, чтобъ императору и великому князю быть заодно на короля Сигизмунда, и великому князю доставать своей отчины, русскихъ городовъ: Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ, а императору доставать прусскихъ городовъ: такъ ты размысли, хорошо ли это королевскіе послы говорятъ, будто великій князь держитъ за собою королевскіе города, а король будто за собою государевой отчины не держитъ?“ Герберштейнъ могъ отдѣлаться отъ труднаго для него вопроса только тѣмъ средствомъ, которое онъ заранѣе поспѣшилъ выставить; онъ опять объявилъ боярамъ; что Сниценъ-Памеръ переступилъ наказъ императорскій: ему было приказано только говорить о союзѣ, а не заключать его; но что если уже союзъ заключенъ, то императоръ будетъ исполнять его условія. О своемъ посредничествѣ Герберштейнъ сказалъ: „Дѣлалъ бы я да не умѣю: средняго пути не знаю; вы говорите высоко, и королевскіе послы также высоко говорятъ, а средняго пути не знаю. Еслибы я зналъ, что между государями дѣло сдѣлается, то я бы здѣсь еще пожилъ; а не будетъ между государями добраго дѣла, то государь отпустилъ бы меня прочь къ моему государю“.

Литовскіе послы дали знать Герберштейну, что они говорили высоко, принаравливаясь къ требованіямъ боярскимъ: если бояре отстанутъ отъ своихъ требованій, то и они ограничатся настоящими условіями, на которыхъ имъ велѣно заключить миръ. Когда вслѣдствіе этого объявленія начались опять переговоры, то литовскіе послы сказали, что король ихъ полагается во всемъ на императора; тогда Герберштейнъ долженъ былъ принять роль посредника и началъ ходить между боярами и послами, сообщая взаимныя требованія ихъ. Послы объявили, что король хочетъ мира на тѣхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ миръ между Іоанномъ III и королемъ Александромъ. Бояре отвѣчали, что послѣ этого было уже новое перемиріе между Іоанномъ и Александромъ и миръ между Василіемъ и Сигизмундомъ на новыхъ условіяхъ; они исчислили всѣ неправды литовскаго правительства: когда Ахматъ приходилъ къ Угрѣ, то проводниками у него были королевскіе люди—Савва Карповъ и другіе; Александръ навелъ на Москву хана Шихахмата, въ проводникахъ у котораго былъ дворянинъ литовскій, Халецкій; Сигизмундъ навелъ Магметъ-Гирея, у котораго проводникомъ былъ королевскій дворянинъ Якубъ Ивашенцовъ; послѣ мира Сигизмундъ опять навелъ крымцевъ, обѣщавшихъ давать имъ ежегодную подать по 30,000 золотыхъ; подробно изложили дѣло объ Еленѣ, какъ знали о немъ въ Москвѣ: послѣ отсылки Елены въ Бирштаны, паны: воевода виленскій, Николай Радзивилъ, Григорій Остиковъ, Клочко, тіунъ виленскій Бутримъ и казначей земскій Аврамъ умыслили надъ королевою такое дѣло, какихъ въ христіанскихъ государствахъ не бываетъ, послали къ ней королевскаго человѣка, Волынца Гитовта, потомъ вызвали его къ себѣ въ Вильну, дали ему зелье и отпустили опять къ королевѣ, написавши ея слугамъ—Дмитрію Ѳеодорову и ключнику Дмитрію Иванову, чтобъ вѣрили во всемъ Гитовту, и дѣло панское дѣлали бы такъ, какъ онъ ихъ научитъ. И вотъ эти трое злодѣевъ—Гитовтъ, Дмитрій Ѳеодоровъ и Дмитрій Ивановъ, приготовивши лихое зелье, дали королевѣ испить въ меду—и въ тотъ же день её не стало. Съ вѣстью объ этомъ поскакалъ въ Вильну къ панамъ Дмитрій Ивановъ, и получилъ въ награду имѣніе.

Послѣ долгихъ переговоровъ дѣло остановилось на Смоленскѣ: послы требовали его возвращенія, бояре никакъ на это не соглашались. Герберштейнъ принялъ сторону пословъ и въ длинной

витіеватой запискѣ убѣждалъ великаго князя уступить королю Смоленскъ, опять толковалъ о великодушіи Пирра, отославшаго римлянамъ ихъ плѣнныхъ, и Максимиліана, возвратившаго венеціанамъ Верону; но при этомъ оказались и слѣдствія продолжительнаго пребыванія Герберштейнова въ Москвѣ, гдѣ онъ изучалъ не только современное состояніе государства, но и его исторію, что видно изъ знаменитыхъ его Комментарій: къ Пирру и Маскимиліану Герберштейнъ прибавилъ Іоанна III-го, который, завоевавши Казань, отдалъ ее туземнымъ ханамъ: „Если уступишь Смоленскъ королю, писалъ Герберштейнъ Василію, то превзойдешь щедростію и честію родителя своего, который татарамъ невѣрнымъ царство казанское отдалъ, ибо щедрость окажешь не невѣрнымъ, а христіанамъ, не королю, недругу твоему, но всему христіанству; всякій человѣкъ будетъ тебя провозглашать прибавителемъ дѣлу христіанскому, и щедрость твоя обнаружитъ ту любовь, которую питаешь къ цесарскому величеству". Василій велѣлъ отвѣчать ему: „Говорилъ ты, что братъ нашъ Максимиліанъ Верону городъ венеціанамъ отдалъ: братъ нашъ самъ знаетъ, какимъ обычаемъ онъ венаціанамъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ и впередъ имѣть не хотимъ, чтобъ намъ свои отчины отдавать". Переговоры прекратились, послы литовскіе и Герберштейнъ уѣхали; послѣдній обѣщалъ уговорить Сигизмунда къ перемирію на годъ, на два, или на три, въ продолженіе которыхъ императоръ опять черезъ своихъ пословъ будетъ стараться о вѣчномъ мирѣ между Москвою и Литвою; на отпускѣ Герберштейнъ отъ имени Максимиліанова ходатайствовалъ объ освобожденіи князя Михаила Глинскаго, котораго императоръ воспиталъ при своемъ дворѣ и который служилъ вѣрную службу родственнику его, Алберту, курфюрсту саксонскому; Герберштейнъ представлялъ, что если Глинскій виноватъ, то уже довольно наказанъ заключеніемъ, и что если великій князь согласится отпустить его къ императору на службу, то Максимиліанъ свяжетъ его тяжелою клятвою не замышлять ничего противъ Москвы. Великій князь велѣлъ отвѣчать: „Глинскій по своимъ дѣламъ заслуживалъ великаго наказанія, и мы велѣли уже его казнить; но онъ, вспомнивши, что отецъ и мать его были греческаго закона, а онъ, учась въ Италіи, по молодости отсталъ отъ греческаго закона, и присталъ къ римскому, билъ челомъ митрополиту, чтобъ ему опять быть въ греческомъ законѣ. Митрополитъ

взялъ его у насъ отъ казни и допытывается, не поневолѣ ли онъ приступаетъ къ нашей вѣрѣ, уговариваетъ его, чтобъ подумалъ хорошенько. Ни въ чемъ другомъ мы брату нашему не отказали бы, но Глинскаго намъ къ нему отпустить нельзя". Герберштейнъ сказалъ на это: „Государь мой потому приказывалъ о Глинскомъ, что ему у великаго князя служить нельзя и у короля нельзя же: такъ государь мой просилъ его за тѣмъ, чтобъ отослать ко внуку своему Карлу. Но если государской воли на то нѣтъ, то государь освободилъ бы его теперь, чтобъ я видѣлъ его свободнымъ". Отвѣта не послѣдовало.

Вмѣстѣ съ Герберштейномъ великій князь отправилъ къ императору посла своего, дьяка Племянникова, который привезъ съ собою новыхъ пословъ Максимиліановыхъ — Франциска да Колло и Антонія де Конти. И Францискъ да Колло, подобно Герберштейну, витіеватою рѣчью старался склонить великаго князя къ миру, преимущественно выставляя ему на видъ опасность со стороны турокъ для всей Европы и особенно для Россіи по сосѣдству ея съ татарами, имѣющими одинакую вѣру и одинакіе обычаи съ турками. Но когда приступили къ дѣлу, то встрѣтили тѣ же самыя затрудненія: опять императорскій посолъ настаивалъ на то, чтобъ великій князь уступилъ королю Смоленскъ опять бояре объявили, что Василій никогда этого не сдѣлаетъ. Не успѣвши относительно вѣчнаго мира, послы объявили, что такъ какъ императоръ со всѣми королями и князьями установили между собою перемиріе на пять лѣтъ для общаго дѣла, противъ христіанскаго врага — турокъ, то не угодно ли будетъ и великому князю заключить съ польскимъ королемъ перемиріе на пять лѣтъ. Великій князь соглашался на это перемиріе съ тѣмъ, чтобъ каждый остался при томъ, чѣмъ владѣлъ до сихъ поръ, и чтобы плѣннымъ была свобода на обѣ стороны; но король никакъ не согласился на послѣднее условіе, имѣя въ рукахъ своихъ много знатныхъ плѣнныхъ, взятыхъ на оршинскомъ бою. Такимъ образомъ и вторые императорскіе послы уѣхали изъ Москвы ничего не сдѣлавъ; великій князь отправилъ къ Максимиліану посла, дьяка Борисова съ предложеніемъ прекратить военныя дѣйствія отъ Рождества Христова 1518 до Рождества 1519 года, чтобы тѣмъ временемъ продолжать переговоры; но смерть Максимиліана прервала сношенія. И при Василіи союзный договоръ съ австрійскимъ домомъ остался также безполезенъ,

какъ и при Іоаннѣ III: Максимиліанъ не только не исполнилъ главнаго условія договора—дѣйствовать противъ Сигизмунда заодно съ Василіемъ, но даже, принявши на себя роль посредника, явно держалъ сторону Сигизмунда. Причину такого поведенія онъ высказалъ въ письмѣ своемъ къ великому магистру Албрехту: „Не хорошо если король будетъ низложенъ, а царь русскій усилится“ [349].

Долго сдерживаемый императоромъ, который и его манилъ все надеждою мирнаго рѣшенія распри, Албрехтъ рѣшился наконецъ приняться за оружіе, послалъ сказать Максимиліану, что не можетъ терпѣть дальнѣйшей отсрочки, а въ Москву отправилъ вторично Шонберга съ просьбою о безотлагательной высылкѣ денегъ необходимыхъ для начатія войны. Великій князь приговорилъ съ братьями и боярами, что нужно помочь магистру казною, и послалъ во Псковъ деньги на 1000 человѣкъ пѣхоты, распорядившись однако такъ, что деньги эти тогда только могли быть отправлены къ магистру, когда послѣдній дѣйствительно начнетъ войну съ Польшею. Магистръ просилъ также, чтобъ великій князь извѣстилъ короля французскаго о союзѣ своемъ съ Пруссіею; Василій согласился, и написана была такая грамота, первая изъ Москвы во Францію: „Наияснѣйшему и свѣтлѣйшему великому королю Галлійскому. Присылалъ къ намъ Албрехтъ, маркграфъ Бранденбургскій, высокій магистръ, князь прусскій, билъ челомъ о томъ, чтобъ мы изъявили тебѣ какъ мы его жалуемъ. И мы даемъ тебѣ знать объ этомъ нашею грамотою, что мы магистра жалуемъ, за него и за его землю хотимъ стоять и оборонять его отъ своего недруга, Сигизмунда, короля польскаго; а которыя прусскія земли, города нашъ недругъ Сигизмундъ король держитъ за собой неправдою,— мы хотимъ, чтобъ далъ Богъ нашимъ жалованьемъ и нашею помощію тѣ города были за прусскимъ магистромъ по старинѣ. Объявилъ намъ также высокій магистръ прусскій, что предки твои тотъ чинъ (орденъ) великимъ жалованьемъ жаловали: и ты бъ теперь, вспомнивъ своихъ предковъ жалованье, магистра жаловалъ, за него и за его землю противъ нашего недруга Сигизмунда короля стоялъ и оборонялъ съ нами за одно“. Эти переговоры шли весною 1518 года. Съ извѣстіемъ о рѣшеніи великаго князя помочь ордену при самомъ началѣ войны, поѣхалъ въ Кёнигсбергъ московскій посолъ Елизаръ Сергѣевъ, котораго Албрехтъ просилъ поклониться великому князю до земли, не головою только, но и

всѣмъ тѣломъ. Однако этотъ Елизаръ, возвращаясь изъ Пруссіи, далъ знать во Псковѣ, чтобъ денегъ магистру не отправляли, потому что онъ войны еще не начиналъ. И дѣйствительно въ ноябрѣ 1518 года магистръ прислалъ великому князю грамоту съ увѣдомленіемъ, что у государей христіанскихъ идутъ переговоры о мирѣ, объ общемъ союзѣ противъ невѣрныхъ, но что онъ не приступитъ ни къ какимъ соглашеніямъ безъ воли государя московскаго; а въ мартѣ 1519 года пріѣхалъ въ Москву въ третій разъ Дидрихъ Шонбергъ съ объявленіемъ, что явился новый посредникъ, папа, котораго легатъ, Николай Шонбергъ, старается склонить всѣхъ государей христіанскихъ къ союзу противъ турокъ, что Албрехту папа предлагаетъ предводительство надъ союзнымъ христіанскимъ войскомъ, которое должно дѣйствовать противъ невѣрныхъ въ Венгріи, и что по этому ему было бы очень выгодно заключить миръ съ Польшею, но что онъ полагается во всемъ на волю великаго князя, и, въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы, не отмолвилъ папѣ и не объявилъ своего согласія, но отвѣчалъ, что отправитъ въ Римъ своихъ пословъ. Албрехтъ предлагалъ великому князю заключить съ королемъ перемиріе на пять лѣтъ, впрочемъ, если великій князь предпочтетъ продолжать войну, то онъ, магистръ, останется его вѣрнымъ союзникомъ и начнетъ, съ своей стороны, войну съ Польшею, но въ такомъ случаѣ Шонбергъ долженъ взять у великаго князя обѣщанныя деньги и уговориться, какимъ образомъ вести войну. Шонбергъ выпросилъ новую грамоту къ французскому королю, въ болѣе учтивыхъ выраженіяхъ и далъ образецъ, какъ написать ее [350]; выпросилъ также грамоту къ курфюрстамъ и князьямъ имперіи съ изъявленіемъ желанія, чтобъ новый императоръ, котораго изберутъ они на мѣсто Максимиліана, соблюдалъ договоръ предшественника своего съ московскимъ государемъ и покровительствовалъ ордену тевтонскому учрежденному для защиты германскаго народа; наконецъ выпросилъ позволеніе послать одного изъ подданныхъ магистра въ Новгородъ или Псковъ, чтобъ у кого-нибудь изъ тамошнихъ священниковъ выучиться русскому языку и грамотѣ.

Съ отвѣтомъ на третье Шонбергово посольство отправился къ магистру московскій посолъ Замыцкій. Великій князь велѣлъ сказать Албрехту, что онъ готовъ заключить перемиріе на приличныхъ условіяхъ, но чтобъ магистръ во всякомъ случаѣ не забы-

валъ своей клятвы. Замыцкій такъ описывалъ свой пріемъ: „Магистръ принялъ меня съ великою честію, самъ ко мнѣ пришелъ и рѣчей слушалъ, самъ меня къ себѣ къ столу провожалъ, и шелъ отъ меня по лѣвую сторону, за столомъ посадилъ на своемъ мѣстѣ“. Албрехтъ далъ знать великому князю, что общее вооруженіе противъ турокъ не состоялось, слѣдовательно не зачѣмъ заключать перемирія съ Сигизмундомъ; что онъ, магистръ, въ іюлѣ или августѣ непремѣнно начнетъ войну и пойдетъ на Данцигъ, для чего просилъ о немедленной высылкѣ денегъ. Послѣ неоднократнаго повторенія этой просьбы, великій князь велѣлъ отправить деньги въ сентябрѣ 1519 года. Когда великій магистръ далъ знать магистру ливонскому, чтобъ онъ велѣлъ проводить московскаго посла съ деньгами, то Плеттенбергъ отвѣчалъ: „Я къ московскому государю живу поближе прусскаго магистра, и русскій обычай знаю: на словахъ сулятъ, а на дѣлѣ не исполняютъ“. Когда же, ему сказали, что московскій посолъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Ригу съ деньгами, то Плеттенбергъ всталъ съ мѣста и поднявъ руки къ святымъ, сказалъ: „Слава Тебѣ, Господи, что великій государь царь всея Руси такое жалованье великому магистру оказалъ: надобно намъ за его жалованье головами своими служить“!

Албрехтъ началъ войну съ Польшею; узнавши объ этомъ, великій князь послалъ ему денегъ еще для найма 1000 человѣкъ пѣхоты; но съ одною этою помощію ослабѣвшій орденъ не могъ противиться Сигизмунду. Стѣсненный послѣднимъ, Албрехтъ долженъ былъ войти съ нимъ въ мирныя соглашенія, вслѣдствіе которыхъ получилъ орденскія земли въ наслѣдственное владѣніе, но съ вассальными обязанностями къ Польшѣ. Такъ рушился окончательно знаменитый Тевтонскій орденъ, имѣвшій, по отношеніямъ своимъ къ Литвѣ, такое важное значеніе въ нашей исторіи.

Союзъ съ Албрехтомъ былъ, по крайней мѣрѣ, полезенъ тѣмъ для московскаго государства, что развлекалъ силы непріятеля: послѣ нападенія на Опочку, литовскія войска не являлись болѣе въ русскихъ предѣлахъ; но московскія входили нѣсколько разъ въ Литву. Въ 1518 году князь Василій Шуйскій съ новгородскою силою и большимъ нарядомъ, а братъ его Иванъ Шуйскій съ псковскою силою выступили въ походъ къ Полоцку. Подошедши къ городу, начали ставить туры и бить пушками стѣны; на помощь къ нимъ пришелъ московскій отрядъ подъ начальствомъ князя Михаила Ки-

стницы; но полочане изъ посада, изъ-за острожья сильно отбивались, и скоро въ станѣ осаждающихъ сдѣлался голодъ, колпакъ сухарей стоилъ алтынъ и больше, конскій кормъ также вздорожалъ; къ большему несчастію непріятель овладѣлъ стругами, на которыхъ отрядъ дѣтей боярскихъ переправился на другой берегъ Двины за добычею; преслѣдуемые литовскимъ воеводою Волынцемъ, эти дѣти боярскіе бросились назадъ къ Двинѣ, но перевезтись было не на чемъ, и много ихъ потонуло въ рѣкѣ; Шуйскіе принуждены были отступить отъ Полоцка безъ всякаго успѣха. Въ слѣдующемъ году князь Михайло Кислица съ новгородцами и псковичами пошелъ опять въ Литву, подъ Молодечно и другіе городки, и вышли назадъ къ Смоленску всѣ сохранены Богомъ, по выраженію лѣтописца. Значительнѣе былъ въ томъ же году походъ князя Василія Васильевича Шуйскаго отъ Смоленска, князя Михайла Горбатаго отъ границъ новгородскихъ и псковскихъ, князя Семена Курбскаго изъ страны сѣверской: воеводы эти ходили къ Оршѣ, Могилеву, Минску, воевали и плѣнили по самую Вильну. Пятеро знатнѣйшихъ пановъ литовскихъ вышли было къ нимъ на встрѣчу, но, видя пораженіе своихъ передовыхъ полковъ, отступили въ глубь страны; московскіе воеводы не преслѣдовали ихъ туда и возвратились къ своимъ границамъ, удовольствовавшись страшнымъ опустошеніемъ непріятельскихъ областей [351]. Другіе воеводы ходили къ Витебску и Полоцку.

Эти походы были предприняты съ цѣлію побудить Сигизмунда къ миру, котораго сильно желали въ Москвѣ: шестилѣтняя война была очень тяжела для государства при тогдашнемъ положеніи его ратныхъ силъ и финансовъ; мы видѣли, что послѣ взятія Смоленска и Оршинской битвы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ важныхъ дѣйствій не было, но сильныя рати должны были постоянно сторожить границы. Послѣ упомянутыхъ походовъ, въ концѣ 1519 года, великій князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ и говорилъ имъ: „теперь мы литовскому сильно недружбу свою оказали, землю его воевали чуть-чуть не до самой Вильны, крови христіанской много льется, а король и не думаетъ придти на согласіе, помириться съ нами: такъ чѣмъ бы его позадрать, чтобъ онъ захотѣлъ съ нами мира“. И приговорилъ великій князь послать отъ какого нибудь боярина къ какому-нибудь пану задрать ихъ. Вслѣдствіе этого приговора, въ генварѣ 1520 года, боя-

ринъ Григорій Ѳедоровичъ отправилъ своего слугу къ Виленскому воеводѣ, пану Николаю Радзивилу съ тѣмъ, что если король хочетъ мира, то пусть присылаетъ своихъ пословъ въ Москву; въ мартѣ Радзивилъ отвѣчалъ, чтобъ великій князь далъ опасную грамоту на пословъ; опасная грамота отправлена съ Радзивиловымъ же человѣкомъ, и въ августѣ пріѣхали послы литовскіе, Янушъ Костевичъ и Богушъ Боговитиновичъ. Начались переговоры: бояре требовали опять прежняго, требовали и вознагражденія за безчестье, нанесенное королевѣ Еленѣ; послы отвѣчали: „этого никогда не бывало; какіе-то лихіе люди государю вашему объ этомъ сказали; но государь вашъ вѣрилъ бы государю нашему брату своему Сигизмунду королю, а не лихимъ людямъ“. Понятно, что подобные отвѣты не могли никого удовлетворить и считались наравнѣ съ молчаніемъ. На счетъ мирныхъ условій по прежнему не сошлись: Смоленскъ служилъ неопреодолимымъ препятствіемъ. Послы предложили перемиріе съ тѣмъ, чтобъ Смоленскъ оставался за Москвою, но чтобъ плѣнныхъ не возвращать; великій князь настаивалъ на возвращеніе плѣнныхъ; послы не согласились, и порѣшили на томъ, что король пришлетъ великихъ пословъ на великое заговѣнье 1521 года, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ войнѣ не быть. [152] Но Сигизмундъ на означенный срокъ пословъ не прислалъ: обстоятельства перемѣнились въ его пользу; онъ одолѣлъ великаго магистра, а между тѣмъ на востокѣ исполнилось то, чего онъ съ такимъ нетерпѣніемъ дожидался въ началѣ своего царствованія: двѣ татарскія орды, казанская и крымская заключили союзъ противъ Москвы.

Мы оставили Казань въ 1506 году, когда ханъ ея, Магмедъ-Аминь, не смотря на неудачи великокняжескаго войска, просилъ мира и заключилъ его на прежнихъ условіяхъ, какъ было при Іоаннѣ. Въ 1512 году Магмедъ-Аминь возобновилъ клятву въ вѣрности; мало того, прислалъ просить великаго князя, чтобъ тотъ отпустилъ къ нему вѣрнаго человѣка, именно боярина Ивана Андреевича Челяднина, передъ которымъ онъ хочетъ исповѣдаться въ прежнемъ своемъ дурномъ поступкѣ. Челяднинъ былъ отправленъ, и ханъ, по словамъ лѣтописца, тайну свою исповѣдалъ передъ нимъ чисто и снова поклялся быть въ вѣчномъ мирѣ, дружбѣ и любви съ великимъ княземъ. Въ 1516 году явилось новое посольство изъ Казани съ извѣстіемъ, что Магмедъ-Аминь опасно бо-

лепъ и съ просьбою отъ имени больнаго хана и всѣхъ Казанцевъ, чтобъ великій князь простилъ Абдыллетифа, находившагося опять въ заточеніи за набѣги Крымцевъ, и назначилъ бы его ханомъ въ Казань въ случаѣ смерти Аминевой. Василій согласился исполнить ихъ просьбы, и отправилъ въ Казань окольничаго Тучкова, который взялъ съ хана и всей земли клятву, что они не возьмутъ на Казань никакого царя и царевича безъ вѣдома великаго князя; вслѣдствіе этихъ соглашеній, Летифъ былъ выпущенъ на свободу и получилъ Каширу, гдѣ онъ теперь не могъ быть опасенъ, имѣя въ виду Казань.

Но Летифъ умеръ еще за годъ до смерти Магмедъ-Аминевой, послѣдовавшей въ декабрѣ 1518 года, и снова рождался вопросъ— кому быть царемъ на Казани? вопросъ важный и трудный по отношеніямъ къ Крыму, ибо Магмедъ-Гирей сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ всѣ татарскія владѣнія находились въ рукахъ одного рода Гиреевъ, чему, разумѣется, Москва должна была препятствовать всѣми силами. Имѣя надобность въ помощи великаго князя относительно Астрахани и Казани, Магмедъ-Гирей прислалъ ему шертную грамоту, въ которой обязывался быть заодно на Литву съ тѣмъ. чтобъ великій князь былъ съ нимъ заодно на дѣтей Ахматовыхъ; обязывался прекратить всякаго рода грабежи, не требовать никакихъ пошлинъ, не затруднять московскихъ пословъ, не безчестить ихъ. Эту грамоту привезъ извѣстный намъ Аппакъ-Мурза; онъ былъ еще въ Москвѣ, когда великій князь, по смерти Магмедъ-Аминя, назначилъ послѣднему въ преемники родового непріятеля Гиреевъ, Шигъ-Алея. внука Ахматова, который выѣхалъ въ Россію съ отцемъ своимъ изъ Астрахани и владѣлъ до сихъ поръ Мещерскимъ городкомъ. Аппакъ возражалъ противъ этого назначенія, но ему отвѣчали, что оно сдѣлано по непремѣнному требованію самихъ Казанцевъ, которые, въ случаѣ отказа, могли выбрать кого нибудь еще болѣе враждебнаго для Гиреевъ. Ханъ молчалъ: силою вдругъ нельзя было ему отнять Казани у Москвы и Шигъ-Алея; надобно было дѣйствовать другимъ образомъ. Скоро Шигъ-Алей возбудилъ къ себѣ нерасположеніе Казанцевъ тѣмъ, что во всемъ предпочиталъ выгоды московскаго князя ихъ собственнымъ, опираясь на воеводу московскаго, при немъ находившагося. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ внушенія изъ Крыма находили легкій доступъ, вельможи составили заговоръ, и когда,

весною 1521 года, братъ Магмедъ-Гиреевъ, Саипъ, явился съ крымскимъ войскомъ у Казани, то городъ сдался ему безъ сопротивленія, Шигъ-Алею и воеводѣ великокняжескому дана была свобода выѣхать въ Москву, но посолъ и купцы русскіе были ограблены и задержаны. У великаго князя въ Азовѣ были доброжелатели, извѣщавшіе его о движеніяхъ крымскаго хана и получавшіе, разумѣется, за это хорошіе поминки; между ними былъ самъ кадій. 10 мая великій князь получилъ отъ нихъ извѣстіе, что Магмедъ-Гирей готовъ со всею силою идти къ Москвѣ, что мимо Азова прошли казанскіе татары къ царю просить на Казань царевича, и царь имъ царевича далъ, а съ нимъ пошло триста человѣкъ. Изъ Азова же получено было извѣстіе, что приходилъ посолъ изъ Крыма къ астраханскому хану и говорилъ ему такъ отъ имени Магмедъ-Гиреева: „Между собою мы братья; былъ я въ дружбѣ съ московскимъ, онъ мнѣ измѣнилъ: Казань была юртъ нашъ, а теперь онъ посадилъ тамъ султана изъ своей руки; казанская земля этого не хотѣла, кромѣ одного Сеита (главы духовенства), да и прислала ко мнѣ человѣка просить у меня султана; я имъ султана и отпустилъ на Казань, а самъ иду на московскаго со всею своею силою. Хочешь со мною дружбы и братства,—такъ самъ пойди на московскаго, или султановъ пошли". Но астраханскій царь и князья и земскіе люди съ московскимъ государемъ недружбы не захотѣли.— Вѣсти эти пришли поздно: Магмедъ-Гирей уже стремился къ берегамъ Оки; московскій отрядъ, высланный сюда подъ начальствомъ князя Димитрія Бѣльскаго и брата великокняжескаго, Андрея Іоанновича, былъ опрокинутъ превосходными силами непріятеля, который, не касаясь городовъ, разсѣялся для грабежа на пространствѣ отъ Коломны до самой Москвы; а съ другой стороны, новый казанскій ханъ, Саипъ-Гирей, опустошивши области нижегородскую и владимірскую, соединился съ братомъ. Давно уже Москва отвыкла видѣть непріятеля подъ своими стѣнами: начавшіеся въ княженіе Василія набѣги Крымцевъ касались только Украйны, да и здѣсь были отражаемы постоянно съ успѣхомъ; особенно теперь не ждали нападенія Магмедъ-Гиреева, послѣ заключенія съ нимъ клятвеннаго договора чрезъ посредство Аппака, не ждали и опасности со стороны Казани въ правленіе Шигъ-Алеево. Василій нашелся въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Димитрій Донской во время нападенія Тохтамышева, Ва-

силій Димитріевичъ во время нападенія Едигеева, и потому долженъ былъ употребить тѣ же самыя мѣры: онъ оставилъ Москву и отправился на Волокъ собирать полки. Самъ ханъ остановился на рѣкѣ Сѣверкѣ; но отряды его подходили близко къ Москвѣ, опустошили села—Островъ, Воробьево, монастырь Угрѣшскій. Со всѣхъ сторонъ бѣглецы спѣшили въ Кремль, въ воротахъ давили другъ друга; отъ страшной тѣсноты заразился воздухъ, и еслибъ такое положеніе продолжилось еще три или четыре дня, то язва начала бы свирѣпствовать, тѣмъ болѣе, что это было въ жаркое время, въ послѣднихъ числахъ іюля; когда начали думать о защитѣ, о пушкахъ, то нашли, что пороху было недостаточно. Въ такихъ обстоятельствахъ оставленный начальствовать въ Москвѣ крещеный татарскій царевичъ Петръ и бояре рѣшились вступить въ переговоры съ ханомъ, который хотя и не думалъ брать Москвы приступомъ, не имѣя для этого ни средствъ, ни охоты, и сбирался бѣжать при первомъ извѣстіи о приближеніи войскъ великокняжескихъ,—однако и Москва, какъ мы видѣли, не могла долго оставаться въ описанномъ положеніи. Магмедъ-Гирей соглашался немедленно удалиться изъ Московской области, если ему пришлютъ письменное обязательство, что великій князь будетъ платить ему дань. Это обязательство было дано, и ханъ отступилъ къ Разани, гдѣ начальствовалъ окольничій Хабаръ Симскій. Съ Магмедъ-Гиреемъ вмѣстѣ приходилъ на Москву извѣстный уже намъ Евстаѳій Дашковичъ, который при Іоаннѣ III отъѣхалъ отъ Литвы въ Москву, при Василіи опять убѣжалъ въ Литву и теперь съ Днѣпровскими козаками находился въ станѣ крымскомъ. Дашковичу хотѣлось взять Рязань хитростію: для этого онъ предложилъ ея жителямъ покупать плѣнныхъ, чтобы, уловивъ случай, вмѣстѣ съ покупателями пробраться въ городскія ворота; съ своей стороны ханъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ предпріятіи, хотѣлъ заманить къ себѣ воеводу Хабара, и послалъ ему, какъ холопу своего данника, приказъ явиться къ себѣ въ станъ; но Хабаръ велѣлъ отвѣчать ему, что онъ еще не знаетъ, въ самомъ ли дѣлѣ великій князь обязался быть данникомъ и подручникомъ хана, просилъ, чтобъ ему дали на это доказательства,—и ханъ, въ доказательство, послалъ ему грамоту, написанную въ Москвѣ. Въ это самое время Дашковичъ, не оставляя своего намѣренія, все болѣе и болѣе приближался къ Рязани; онъ далъ нарочно нѣкоторымъ плѣнникамъ воз-

можность убѣжать изъ стана въ городъ; толпы татаръ погнались за бѣглецами и требовали ихъ выдачи; Рязанцы выдали плѣнныхъ, но, не смотря на то, толпы татаръ сгущались все болѣе и болѣе подъ стѣнами города, какъ вдругъ раздался залпъ изъ городскихъ пушекъ, которыми распоряжался нѣмецъ Іоганъ Іорданъ; татары разсѣялись въ ужасѣ; ханъ послалъ требовать выдачи Іордана, но Хабаръ отвергнулъ это требованіе. Магмедъ-Гирей, какъ мы видѣли, пришелъ не за тѣмъ, чтобъ брать города силою; не успѣвши взять Рязань хитростію, и побуждаемый извѣстіемъ о непріятельскихъ движеніяхъ Астраханцевъ онъ ушелъ и оставилъ въ рукахъ Хабара грамоту, содержавшую въ себѣ обязательство великаго князя платить ему дань.

Тѣмъ не менѣе, слѣдствія Магмедъ-Гиреева нашествія были страшныя; молва преувеличила число плѣнныхъ, выведенныхъ крымцами и казанцами изъ московскаго государства, простирая это число до 800,000; но самое это преувеличеніе уже показываетъ сильное опустошеніе; крымцы продавали своихъ плѣнниковъ въ Кафѣ, казанцы въ Астрахани. Такая добыча разлакомила Магмедъ-Гирея; возвратившись домой, онъ велѣлъ три раза прокликать по торгамъ въ Перекопи, Крымѣ-городѣ и Кафѣ, чтобъ князья, мурзы и всѣ татары были готовы сами и коней откармливали для осенняго похода въ московскую землю. Этотъ осенній походъ не состоялся, а на весну 1522 года великій князь приготовился встрѣтить хана, выступилъ самъ къ Окѣ съ многочисленнымъ войскомъ и пушками [353]. Ханъ не пришелъ и весною; но его нужно было постоянно сторожить, со стороны Казани нужно было также ожидать безпрестанно нападеній и нельзя было долго оставлять въ ней царствовать брата Магмедъ-Гиреева. Это заставило спѣшить заключеніемъ перемирія съ Литвою. Въ августѣ 1521 года, тотчасъ по уходѣ Магмедъ-Гирея, возобновилась пересылка съ Сигизмундомъ. Въ мартѣ 1522 года пріѣхалъ изъ Литвы Станиславъ Долкирдовъ (Довкирдовичъ) и объявилъ, что король тогда пришлетъ въ Москву своихъ великихъ пословъ, когда великій князь объявитъ, хочетъ ли онъ вѣчнаго мира или перемирія безъ отпуска плѣнныхъ. Съ отвѣтомъ былъ посланъ Василій Поликарповъ, который долженъ былъ сказать королю, чтобъ онъ прислалъ своихъ великихъ пословъ, пановъ радныхъ, что великій князь мира и перемирья хочетъ, какъ будетъ пригоже, а плѣннымъ свобода

на обѣ стороны. Но Поликарпову данъ былъ еще наказъ, что если въ Литвѣ не согласятся на это и станутъ его отпускать, то онъ долженъ сказать: „Государь нашъ съ Сигизмундомъ королемъ вѣчнаго мира хочетъ; но и перемирья хочетъ и безъ отпуска плѣнныхъ". Въ слѣдствіе этого послѣдняго объявленія въ августѣ пріѣхали въ Москву великіе послы литовскіе—полоцкій воевода Петръ Станиславовичъ и подскарбій Богушъ Боговитиновичъ, и заключили перемиріе на пять лѣтъ безъ отпуска плѣнныхъ; Смоленскъ остался за Москвою; положено было въ эти пять лѣтъ сноситься для заключенія вѣчнаго мира [354]. Въ 1526 году переговоры дѣйствительно начались опять при посредничествѣ пословъ императора Карла V-го, и опять кончились ничѣмъ, продолжено было только перемиріе до 1533 года, потомъ продолжено еще на годъ. Смоленскъ служилъ постоянно препятствіемъ для заключенія вѣчнаго мира: король никакъ не хотѣлъ уступить его на вѣки Москвѣ, а великій князь также ни за что не соглашался отказаться отъ своей отчины, возвращеніе которой составляло славу его княженія: какія мѣры употреблялъ онъ для укрѣпленія Смоленска за Москвою, видно изъ слѣдующаго наказа послу Загрязскому, отправлявшемуся въ Литву: „Если спросятъ (въ Литвѣ): для чего великій князь смольнянъ въ Москву перевелъ?—то отвѣчать: которые люди пригожи государю нашему на Москвѣ, тѣмъ государь велѣлъ на Москву ѣхать; а которые пригожи ему въ Смоленскѣ, тѣмъ велѣлъ оставаться въ Смоленскѣ. А которымъ людямъ государь велѣлъ ѣхать въ Москву, тѣхъ пожаловалъ, далъ имъ въ Москвѣ дворы и лавки, также далъ имъ помѣстья" [355]. Смоленскъ остался за Москвою; плѣнники великой битвы (такъ называли оршинскую битву въ Литвѣ) остались у Сигизмунда; многіе изъ нихъ въ 1525 году не были уже въ живыхъ, живые терпѣли большую нужду; въ спискѣ ихъ, составленномъ для короля, читаемъ, что прежде давали имъ столько-то съѣстныхъ припасовъ, а теперь не даютъ, и они жалуются, что помираютъ съ голоду; о нѣкоторыхъ сказано: „Оброку имъ ничего не даютъ, кормятся тѣмъ, что сами Христа-ради выпросятъ; всѣ сидятъ покованы, стража къ нимъ приставлена очень крѣпкая" [356].

Перемиріе съ Литвою давало великому князю возможность обратить все свое вниманіе на востокъ. Магмедъ-Гирей, доставивши брату Казань, наведши страхъ на Москву, спѣшилъ исполнить дав-

нее свое желаніе овладѣть Астраханью. И это ему удалось: соединившись съ нагайскимъ княземъ Мамаемъ, онъ успѣлъ овладѣть Астраханью въ то время, когда ханъ ея Усеинъ, по единству выгодъ, велъ переговоры о тѣсномъ союзѣ съ княземъ московскимъ. Но торжество Магмедъ-Гирея не было продолжительно: союзники его, нагайскіе князья догадались, что имъ грозитъ большая опасность отъ усиленія Гиреевъ, напали нечаянно на крымскій станъ, убили хана, перерѣзали множество крымцевъ, по слѣдамъ бѣгущихъ сыновей Магмедъ-Гиреевыхъ вторгнулись въ Крымъ и опустошили его, въ то время какъ съ другой стороны опустошалъ его также союзникъ Магмедъ-Гиреевъ, Евстафій Дашковичъ съ своими казаками. Мѣсто убитаго хана заступилъ братъ его Сайдатъ-Гирей, первымъ дѣломъ котораго было обратиться къ великому князю съ требованіемъ 60,000 алтынъ и мира для Саипъ-Гирея казанскаго: подъ этими двумя условіями онъ обѣщалъ свой союзъ. Но великій князь не былъ намѣренъ ни посылать денегъ въ опустошенный и потому неопасный Крымъ, ни оставлять въ покоѣ Саипъ-Гирея казанскаго, тѣмъ болѣе, что послѣдній, узнавъ о торжествѣ брата своего въ Астрахани, велѣлъ убить посла и купцовъ московскихъ, попавшихся въ плѣнъ при изгнаніи Шигъ-Алея. Послу, отправленному въ Крымъ, былъ данъ наказъ: „въ пошлину никому ничего ни подъ какимъ видомъ не давать, кромѣ того, что послано къ хану въ подаркахъ, или что посолъ отъ себя кому дастъ за его добро, а не въ пошлину. Въ пошлину ни подъ какимъ видомъ ни царю, ни царевичамъ, ни князьямъ, ни царевымъ людямъ никакъ ничего не давать. Если бросятъ передъ посломъ батогъ, и станутъ просить пошлины у батога—не давать, а идти прямо къ царю черезъ батогъ; если у дверей царевыхъ станутъ просить пошлины—и тутъ ничего не давать; пусть посолъ всякій позоръ надъ собою вытерпитъ, а въ пошлину ничего не долженъ дать. Не напишется царь въ шертной грамотѣ братомъ великому князю, то грамоты не брать; не писать въ договорную грамоту, чтобъ быть заодно съ царемъ на Астрахань и нагаевъ; вѣдь написано, что быть на всѣхъ недруговъ заодно—и довольно. Если царь потребуетъ, чтобъ великій князь помирился съ казанскимъ царемъ Саипомъ, то говорить: помириться нельзя вопервыхъ потому, что Саипъ сталъ царемъ безъ вѣдома великаго князя; вовторыхъ потому, что посла московскаго и торговыхъ людей

велѣлъ убить, чего ни въ одномъ государствѣ не ведется: и рати между государями ходятъ, а пословъ и гостей не убиваютъ“ [357].

Лѣтомъ 1523 года великій князь самъ отправился въ Нижній, откуда отпустилъ на Казань хана Шигъ-Алея съ судовою ратью по Волгѣ, а другихъ воеводъ съ конною ратью сухимъ путемъ, велѣвъ плѣнить казанскія мѣста; воеводы возвратились благополучно и привели съ собою много черемисскихъ плѣнниковъ; но походъ этимъ не ограничился: на устьѣ Суры, въ землѣ казанской, срубили городъ—Васильсурскъ; въ Москвѣ митрополитъ Даніилъ очень хвалилъ за это великаго князя, говорилъ, что новопостроеннымъ городомъ онъ всю землю казанскую возьметъ; дѣйствительно въ этомъ дѣлѣ высказывалось намѣреніе стать твердою ногою на землѣ казанской, положить начало ея полному покоренію, ибо подручническія отношенія, клятвы царей казанскихъ и народа уже два раза оказывались ручательствами недостаточными; Василій, построивъ Васильсурскъ, сдѣлалъ первый шагъ къ совершенному покоренію казанскаго царства; сынъ его Іоаннъ, какъ увидимъ, построеніемъ Свіяжска сдѣлаетъ второй, третьимъ будетъ взятіе самой Казани.

Лѣтомъ 1524 года отправилась опять подъ Казань многочисленная рать, которую полагаютъ во 150,000 и болѣе, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго. Саипъ-Гирей испугался, и, оставивъ въ Казани тринадцатилѣтняго племянника Сафа-Гирея, убѣжалъ въ Крымъ, обѣщая казанцамъ возвратиться съ войскомъ турецкимъ. Казанцы, провозгласивши царемъ молодого Сафа-Гирея, приготовились выдерживать осаду. Князь Бѣльскій отправился изъ Нижняго Волгою на судахъ; Хабаръ Симскій съ конницею шелъ сухимъ путемъ; князь Палецкій, нагрузивши на суда нарядъ и съѣстные припасы, долженъ былъ плыть Волгою за главнымъ войскомъ. 7-го іюля Бѣльскій вышелъ на берегъ, расположился станомъ въ виду Казани у Гостинпаго острова и двадцать дней дожидался конницы: она не приходила; а между тѣмъ загорѣлась стѣна въ деревянной казанской крѣпости; московскіе полки не двинулись ни для того, чтобъ воспользоваться пожаромъ и овладѣть крѣпостью, ни для того, чтобы послѣ мѣшать казанцамъ въ строеніи новой стѣны. 28 іюля Бѣльскій перенесъ станъ на берегъ Казанки; недалеко отсюда стоялъ и Сафа-Гирей и нѣсколько разъ покушался тревожить русскій станъ пѣшею черемисою, но понапрасну. Вре-

мя шло; ни конница, ни судовая рать съ пушками и съѣстными припасами не приближались; началъ оказываться голодъ, потому что черемисы опустошили все вокругъ, засѣли на всѣхъ дорогахъ, не позволяя русскимъ отрядамъ добывать кормовъ, прервали всѣ сообщенія, такъ что нельзя было дать вѣсти въ Москву о состояніи войска. Въ это время, когда рать Бѣльскаго начала упадать духомъ отъ голода, разнесся слухъ, что конное войско потерпѣло пораженіе отъ татаръ; ужасъ напалъ на воеводъ; стали думать объ отступленіи; скоро узнали однако, что слухъ былъ ложный: потерпѣлъ пораженіе одинъ только небольшой отрядъ конницы, главная же рать, шедшая подъ начальствомъ Симскаго, въ двухъ встрѣчахъ съ татарами на Свіягѣ одержала верхъ. Но если конница счастливо преодолѣла всѣ опасности, то не могла преодолѣть ихъ судовая рать, шедшая съ Палецкимъ: въ узкихъ мѣстахъ между островами черемисы загородили дорогу камнями и деревьями, а съ берега осыпали русскихъ стрѣлами и бросали бревна: только немногія суда могли спастись и съ воеводою достигли главной рати. Не смотря однако на это несчастіе, когда пришла конница, Бѣльскій 15 августа обложилъ Казань. Подъ защитою конницы, сдерживавшей натиски казанской конницы, осадныя машины были придвинуты къ стѣнамъ; казанцы отстрѣливались, но скоро они потеряли своего пушечнаго мастера, который одинъ только и былъ въ городѣ. Это обстоятельство заставило ихъ просить мира съ обязательствомъ отправить въ Москву пословъ съ челобитьемъ. Бѣльскій обрадовался и снялъ осаду, потому что войско не могло долѣе выдерживать голодъ. Послы дѣйствительно явились въ Москву бить челомъ отъ всей земли казанской за свою вину и просить, чтобъ великій князь утвердилъ царемъ Сафа-Гирея. Василій согласился на ихъ просьбу, но противъ воли: не для того посылалъ онъ такую многочисленную рать противъ казанцевъ, чтобъ оставить у нихъ царемъ Гирея; походъ не удался, не оправдалъ ожиданій, и вотъ, какъ обыкновенно бываетъ, послышались обвиненія противъ главнаго воеводы, Бѣльскаго, обвиненія не только въ неискуствѣ, робости, но даже въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ отступилъ отъ Казани, будучи подкупленъ ея жителями. Самое основательное, повидимому, обвиненіе противъ Бѣльскаго состояло въ томъ, зачѣмъ онъ терялъ время у Гостиннаго острова, зачѣмъ не воспользовался пожаромъ въ крѣпости и позволилъ казанцамъ безпрепятственно

возобновить стѣну? Но послѣдующій разсказъ объ осадѣ объясняетъ удовлетворительно поведеніе Бѣльскаго: онъ не могъ ничего предпринять безъ конницы, которая должна была защищать главную рать отъ нападеній казанской конницы, отъ черемисъ, разсѣявшихся всюду и не дававшихъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Бѣльскаго оправдываетъ въ нашихъ глазахъ разсказъ о послѣдней казанской осадѣ, когда царь Іоаннъ Васильевичъ находился точно въ такомъ же положеніи: войско его не имѣло времени отдыхать и томилось голодомъ, потому что было постоянно обезпокоиваемо татарскою конницею князя Япанчи и наконецъ царь нашелся принужденнымъ раздѣлить войско: одну часть оставить при себѣ, а другую назначить для дѣйствія противъ Япанчи.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ послѣ описанныхъ событій источники не упоминаютъ о дѣлахъ казанскихъ. Въ 1529 году пріѣхали отъ Сафа-Гирея послы въ Москву и объявили, что царь ихъ хочетъ во всемъ исправиться передъ великимъ княземъ, дать клятву въ вѣрности, и отправляетъ въ Москву большихъ пословъ. Для взятія клятвы съ Сафа-Гирея великій князь послалъ въ Казань Андрея Пильемова, а для наблюденія за исполненіемъ присяги князя Ивана Палецкаго, вслѣдъ за Пильемовымъ. Но пріѣхавши въ Нижній, Палецкій узналъ, что Сафа-Гирей уже успѣлъ нарушить клятву, и нанесъ сильныя оскорбленія Пильемову. Опять слѣдовательно нужно было прибѣгнуть къ силѣ, и лѣтомъ 1530 года пошла подъ Казань большая рать судовая и конная: въ первой начальствовалъ по прежнему князь Иванъ Бѣльскій, во второй знаменитый князь Михайло Львовичъ Глинскій, освобожденный передъ тѣмъ изъ заточенія. Отразивши съ успѣхомъ нѣсколько нападеній непріятеля, Глинскій перевезся черезъ Волгу и соединился съ судовою ратію. 10 іюля произошелъ сильный бой, въ которомъ русскіе полки одержали побѣду, послѣ чего взяли острогъ и начали добывать самую крѣпость. Тогда трое знатныхъ казанцевъ выѣхали къ воеводамъ и били челомъ о прекращеніи осады, обѣщаясь исполнить волю великаго князя. Воеводы, взявши со всѣхъ казанцевъ присягу не измѣнять великому князю, не брать себѣ царя иначе, какъ изъ его руки, отступили отъ города и вмѣстѣ съ послами казанскими возвратились въ Москву. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено, что воеводы, взявши острогъ, едва было не взяли и самаго города (крѣпости), который стоялъ часа три безъ

людей: люди всѣ изъ города выбѣжали и ворота всѣ остались отворены; но въ это время воевода пѣшей рати Бѣльскій и воевода конной рати Глинскій завели споръ о мѣстахъ—кому первому въѣхать въ городъ; между тѣмъ нашла грозная туча, полился сильный дождь, посошные и стрѣльцы, которые привезли на телѣгахъ нарядъ къ городу, испугавшись дождя, бросили этотъ нарядъ въ жертву казанцамъ. Не отвергая этого извѣстія, мы однако думаемъ, что въ немъ не достаетъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ подробностей [348].

Послы казанскіе приложили въ Москвѣ свои печати къ клятвеннымъ грамотамъ, на которыхъ потомъ Сафа-Гирей и всѣ казанцы должны были присягнуть передъ великокняжескимъ сыномъ боярскимъ Иваномъ Полевымъ; Полевъ долженъ былъ взять въ Казани всѣхъ плѣнныхъ русскихъ и пищали, захваченныя казанцами въ послѣднюю войну; послы казанскіе должны были ждать его возвращенія въ Москвѣ. Но скоро Полевъ далъ знать великому князю, что Сафа-Гирей не присягаетъ и пищалей не отдаетъ; въ то же самое время ханъ прислалъ грамоту, въ которой требовалъ, чтобъ великій князь отпустилъ его пословъ и съ ними вмѣстѣ отправилъ бы въ Казань своего большаго посла, чтобъ прислалъ также пушки и пищали и плѣнниковъ казанскихъ, взятыхъ московскимъ войскомъ;—и когда все это будетъ прислано, тогда онъ, Сафа-Гирей, дастъ клятву въ соблюденіи договора и отпуститъ Ивана Полева. Великій князь, получивши эту грамоту, велѣлъ сказать посламъ казанскимъ: „Вы клялись, что царь и вся земля казанская будутъ намъ во всемъ послушны; а теперь вотъ какое ихъ послушаніе"! Послы отвѣчали: „Гонецъ царскій сказывалъ намъ, что въ Казань пришла вѣсть о посылкѣ ратныхъ людей изъ Москвы подъ Казань, и отъ того дѣло не сталось; но извѣстно, что теперь въ Казани людей добрыхъ мало, все люди мелкіе, землю укрѣпить некѣмъ, всѣ люди врознь, въ страхѣ. Государь князь великій самъ промыслитъ о своей землѣ; воленъ Богъ да государь въ своей землѣ: земля казанская Божія да государева, какъ онъ хочетъ, такъ и сдѣлаетъ. А мы холопы Божіи да государевы, посланы къ великому князю бить челомъ отъ царя и отъ всѣхъ людей съ правдою, а не съ лестію; на чемъ мы добили государю челомъ, на томъ царь не устоялъ; пристали къ нему крымцы, да нагаи, да тутошніе лихіе люди, а земля съ ними не вмѣстѣ, земля ждетъ

государева жалованья, Сафа-Гирею ли быть царемъ на Казани, или другого пришлетъ государь". Великій князь велѣлъ имъ сказать на это: „Только бы Сафа-Гирей былъ намъ послушенъ, да была бы въ немъ правда, то мнѣ отъ чего не хотѣть его на Казани? но видите сами, что онъ не прямъ". Послы отвѣчали: „Видимъ сами, что царь не прямъ, клятву преступилъ, дѣло свое презрѣлъ, насъ забылъ: какому въ немъ добру быть! А теперь вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своею землею казанскою промыслить; мы холопы государевы, а царя какого намъ государь пожалуетъ, тотъ намъ и любъ". Послѣ этого они били челомъ, чтобъ государь далъ имъ опять Шигъ-Алея; потому что Шигъ-Алей, говорили они, земли казанской не грабилъ ничего, а не взлюбили его лихіе люди; пусть государь отпуститъ его на Казань и дастъ наказъ, какъ его дѣло беречь и тамошнихъ людей жаловать; послы просили, чтобъ государь отпустилъ Шигъ-Алея, ихъ и всѣхъ плѣнныхъ казанцевъ къ Васильсурску; отсюда обѣщались разослать грамоты въ Казань, къ Черемисѣ горной и луговой, къ арскимъ князьямъ, что государь хочетъ ихъ жаловать и беречь. Великій князь велѣлъ спросить ихъ: „Какъ вы поѣхали къ намъ, былъ ли вамъ наказъ отъ князей и отъ земли просить у насъ въ цари Шигъ-Алея"? Послы отвѣчали: „Такого наказа намъ не было: за какимъ дѣломъ насъ послали, о томъ дѣлѣ мы и били челомъ; а теперь бьемъ челомъ, чтобъ государь насъ пожаловалъ, велѣлъ намъ ему служить, а Сафа-Гирею служить не хотимъ: Сафа-Гиреемъ мы умерли, а государевымъ жалованьемъ ожили. Сафа-Гирей послалъ насъ за великими дѣлами: но что мы здѣсь ни сдѣлали, онъ все это презрѣлъ, отъ насъ отступился; а если мы ему не надобны, такъ и онъ намъ не надобенъ. А въ Казани у насъ родня есть, братья и друзья; а которые попали въ руки людямъ великокняжескимъ, у тѣхъ у всѣхъ отцы и братья, родственники и друзья въ Казани. Какъ только мы придемъ къ Васильсурску и пошлемъ къ нимъ грамоты, такъ они за насъ станутъ".

Великій князь, поговоривъ съ боярами, послалъ въ Казань гонца Посника Головина какъ будто съ отвѣтомъ къ Сафа-Гирею, а между тѣмъ наказалъ ему поговорить съ двумя казанскими вельможами и разузнать, какъ они думаютъ? Гонецъ возвратился, какъ видно, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, потому что великій князь, послѣ вторичнаго совѣта съ боярами, отпустилъ Шигъ-Алея и пословъ, но

только не въ Васильсурскъ, а въ Нижній, что было безопаснѣе, ибо ближе къ Москвѣ. Сафа-Гирей, узнавши объ этихъ движеніяхъ, хотѣлъ убить московскаго посла Полева и начать снова открытую войну съ великимъ княземъ; но какъ скоро пришли въ Казань грамоты отъ пословъ изъ Нижняго, то вельможи и всѣ казанцы выгнали Сафа-Гирея, совѣтниковъ его, крымцевъ и нагайцевъ перебили, жену его отослали къ отцу ея, нагайскому князю Мамаю, а къ великому князю послали бить челомъ, чтобъ далъ имъ въ цари не Шигъ-Алея, котораго они боятся, но младшаго брата его Еналея, владѣвшаго городкомъ Мещерскимъ. Великій князь согласился на ихъ просьбу, отпустилъ Еналея на Казань, а Шигъ-Алею далъ Коширу и Серпуховъ; но послѣдній не былъ доволенъ, сталъ пересылаться съ Казанью и другими мѣстами безъ вѣдома великокняжескаго, чѣмъ нарушилъ свою присягу: за это его свели съ Коширы и Серпухова и послали въ заточеніе на Бѣлоозеро. Еналеемъ были довольны въ Москвѣ: когда онъ и вся земля казанская прислали бить челомъ, чтобъ великій князь пожаловалъ, не бралъ изъ Казани пищалей, потому что у казанской земли друзей много, но недруги есть, то Василій пожаловалъ брата и сына своего царя Еналея, исполнилъ его просьбу; вздумавши жениться на дочери одного казанскаго мурзы, Еналей спросилъ прежде согласія великаго князя на этотъ бракъ; видимъ также, что какія-то и другія дѣла казанскія земскія рѣшались въ Москвѣ [359] (1531 г.).

Казань была усмирена, но Крымъ не давалъ покою. Осенью 1527 года, когда послы Сайдетъ-Гирея были въ Москвѣ, племянникъ его Исламъ-Гирей явился на берегахъ Оки, но здѣсь уже были московскіе воеводы и не пустили татаръ переправиться на другой берегъ; Исламъ долженъ былъ поспѣшно возвратиться потерявъ много татаръ, убитыхъ преслѣдовавшими его дѣтьми боярскими. Когда разнеслась вѣсть о нашествіи Ислама, то великій князь велѣлъ утопить Сайдетъ-Гиреевыхъ пословъ [360]. Сайдетъ-Гирей былъ изгнанъ, его мѣсто занялъ Саипъ-Гирей, бывшій прежде въ Казани. Въ августѣ 1533 года великій князь получилъ вѣсть, что двое племянниковъ ханскихъ — Исламъ и Сафа-Гирей идутъ къ московскимъ украйнамъ. Василій немедленно сталъ снаряжаться въ походъ, послалъ за братьями — Юріемъ и Андреемъ, отпустилъ воеводъ на Коломну къ Окѣ и самъ выступилъ 15 авгу-

ста въ село Коломенское, отслушавши обѣдню у праздника, въ Успенскомъ соборѣ; въ Кремлѣ безъ себя велѣлъ разставлять пушки и пищали, и посадскимъ людямъ перевозить имѣніе въ городъ. Въ тотъ самый день татары подошли къ Рязани, выжгли посады и разсѣялись по волостямъ—бить, грабить и брать въ плѣнъ. Великій князь велѣлъ воеводамъ отправить за Оку отряды для добыванія языковъ: начальникъ одного изъ этихъ отрядовъ, князь Димитрій Палецкій разбилъ толпу татаръ въ 10 верстахъ отъ Николы Заразскаго; начальникъ другого отряда, князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій разбилъ другую толпу и, преслѣдуя ее, наткнулся на большое татарское войско: враги разтолкнули Оболенскаго съ его ратниками, нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ, но ничего не предпринимали болѣе, и вышли изъ московскихъ предѣловъ, боясь встрѣтиться съ главнымъ войскомъ великокняжескимъ; воеводы двинулись было за ними, но не могли догнать [3'1].

А между тѣмъ съ Крымомъ происходили постоянныя сношенія; все толковалось о союзахъ, о шертныхъ грамотахъ; но разбойники больше всего толковали о поминкахъ, жаловались, что этихъ поминковъ мало присылается изъ Москвы, говорили, что имъ выгоднѣе быть въ войнѣ съ великимъ княземъ, чѣмъ въ мирѣ. Василій не хотѣлъ посылать имъ денегъ даромъ, и приказывалъ отвѣчать хану на его жалобы: „Если ты покажешь намъ на дѣлѣ свою дружбу, то мы также покажемъ тебѣ свою дружбу: о чемъ къ намъ прикажешь, что у насъ будетъ, мы ни за что не постоимъ: но урокомъ поминковъ мы ни къ кому не посылывали. Хочешь быть съ нами въ дружбѣ, такъ вели написать грамоту шертную“. Ханъ продолжалъ свое: „Мнѣ ты девять поминковъ прислалъ, а мы къ тебѣ прежде посылали д е ф т е р ь и въ немъ написано 120 человѣкъ, а ты только пятнадцати человѣкамъ поминки прислалъ: но вѣдь ты нашу землю хорошо знаешь, наша земля войною живетъ“. Саипъ просилъ не однихъ кречетовъ и мѣховъ, онъ просилъ также, чтобъ великій князь прислалъ ему хорошаго хлѣбника и повара. Василій не потакалъ его жадности; перемѣнилъ и прежнія слишкомъ учтивыя формы въ сношеніяхъ съ ханами: такъ вмѣсто челобитья въ грамотахъ начали писать переводное татарское выраженіе: „много много поклонъ“. Съ гонцами ханскими не стали обходиться такъ почтительно, какъ прежде, и ханъ по этому поводу писалъ великому князю: „Наши гонцы сказываютъ, что ихъ

по старому обычаю не чтишь, и ты бы ихъ чтилъ: кто господина захочетъ почтить, тотъ и собакѣ его кость броситъ" [362].

Но Сигизмундъ литовскій продолжалъ обязываться платежемъ въ Крымъ ежегодно по 7,500 червонныхъ и на такую же сумму суконъ, выговаривая, что эти деньги и сукна будутъ посылаться только въ тѣ года, когда крымцы не будутъ нападать на литовскія владѣнія. Ханъ Саипъ-Гирей былъ этимъ не доволенъ: „Значитъ, писалъ онъ королю, ты не хочешь со мною вѣчнаго мира; еслибы ты хотѣлъ вѣчнаго мира, то прислалъ бы намъ 15,000 червонныхъ, какъ прежде брату моему Магметъ-Гирею посылывалъ". Ханъ жаловался также королю на казаковъ малороссійскихъ, которые не упускали случая покорыстоваться на счетъ татаръ, и вмѣстѣ съ московскими, путивльскими казаками провѣдывали о движеніяхъ крымцевъ на Москву. Для покрытія крымскихъ издержекъ литовскіе города продолжали платить подать, извѣстную подъ именемъ ордынщины [363].

Таковы были важнѣйшія внѣшнія отношенія при Василіи, отношенія къ Литвѣ и къ ордамъ татарскимъ; происходили сношенія и съ другими государствами европейскими и азіятскими, имѣющія меньшую важность. Съ Швеціею мирный договоръ на 60 лѣтъ, заключенный въ 1508 году, былъ подтвержденъ два раза въ 1513 и 1524 годахъ [364]. Съ Ливоніею заключены были перемирные договоры въ 1509, 1521 и 1531 годахъ [365]. Въ 1514 году заключено было десятилѣтнее перемиріе съ семидесятью городами ганзейскими „съ сей стороны поморья и съ оной стороны заморья"; взаимная свободная торговля этихъ городовъ съ Новгородомъ возстановлялась по прежнему, церковь и мѣста дворовыя старыя въ Новгородѣ возвращались нѣмецкимъ купцамъ; нѣмцы, съ своей стороны, обязались очистить и не обижать русскія церкви и концы въ своихъ городахъ, обязались также не приступать къ Литвѣ. Въ 1511 году былъ заключенъ союзный договоръ съ датскимъ королемъ Іоанномъ, въ 1517 съ Христіаномъ; по просьбѣ послѣдняго позволено было датскимъ купцамъ выстроить дворы и на дворахъ церкви въ Новгородѣ и въ Иванъ-городѣ [366]. Папа Левъ X-й завязалъ сношенія съ Москвою чрезъ посредство великаго магистра Албрехта; посолъ Албрехтовъ, извѣстный намъ Шонбергъ, говорилъ великому князю слѣдующее отъ имени папы: „Папа хочетъ великаго князя и всѣхъ людей русской земли принять въ единеніе съ

римскою церковью, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, хочетъ только подкрѣпить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь греческая не имѣетъ главы; патріархъ константинопольскій въ турецкихъ рукахъ; папа, зная, что въ Москвѣ есть духовнѣйшій митрополитъ, хочетъ его возвысить, сдѣлать патріархомъ, какъ былъ прежде константинопольскій; а наияснѣйшаго царя всея Руси хочетъ короновать христіанскимъ царемъ. При этомъ папа не желаетъ себѣ никакого прибытка, хочетъ только хвалы Божіей и соединенія христіанъ. Извѣстно, что Литву не надобно оружіемъ воевать: время ее воюетъ. потому что король Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдника, послѣ его смерти Литва никакъ не захочетъ имѣть надъ собою государя изъ поляковъ, а поляки не захотятъ литвина, и отъ того оба государства раззорятся. А если великій князь захочетъ стоять за свою о т ч и н у константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы." Папа разумѣлъ здѣсь союзъ всѣхъ христіанскихъ государей противъ турокъ, къ которому приглашалъ и великаго князя, желая, чтобъ опъ помирился съ королемъ Сигизмундомъ. Посолъ московскій отвѣчалъ на это Албрехту такъ: „Государь нашъ съ папою хочетъ быть въ дружбѣ и согласіи; но какъ прежде государь нашъ съ Божіею волею отъ прародителей своихъ законъ греческій держалъ крѣпко, такъ и теперь съ Божіею волею законъ свой держать крѣпко хочетъ". Послѣ этого послы папскіе бывали въ Москвѣ, великокняжескіе въ Римѣ; но сношенія эти не имѣли никакихъ важныхъ слѣдствій: мы видѣли, какъ великій князь отвѣчалъ на предложеніе папы соединиться съ римскою церковію; на предложеніе же союза противъ турокъ отвѣтъ былъ такой: „Мы, съ Божіею волею, противъ невѣрныхъ за христіанство стоять будемъ. А съ вами и съ другими христіанскими государями хотимъ быть въ любви и докончаніи, чтобъ послы наши ходили съ обѣихъ сторонъ наше здоровье видѣть" [367].

Болѣе важное значеніе придавали въ Москвѣ сношеніямъ съ Турціею, хотя, не смотря на всѣ старанія московскаго правительства, и эти сношенія кончились ничѣмъ, какъ и при Іоаннѣ: непосредственнаго враждебнаго столкновенія между этими государствами еще быть не могло по самымъ географическимъ условіямъ: степи раздѣляли ихъ, и турки не думали искать завоеваній въ холодныхъ

странахъ сѣверной Европы; съ другой стороны между ними быть не могло и общихъ высшихъ интересовъ, которые повели бы къ тѣсному союзу: борьба московскаго государства съ царствами татарскими, мусульманскими оканчивались видимо не въ пользу послѣднихъ, рано или поздно султанъ долженъ былъ принять въ ней участіе; пока оставались общими интересы низшаго рода, выгоды торговыя, и султанъ готовъ былъ поддерживать для ихъ соблюденія пріязнь съ Москвою. Но великій князь хотѣлъ большаго. Въ 1513 году отправился изъ Москвы въ Константинополь посолъ Алексѣевъ для возобновленія между Василіемъ и Селимомъ дружескихъ сношеній, какія существовали между отцами ихъ: Алексѣеву данъ былъ наказъ: „Поклониться султану, руки пригнувъ къ себѣ выше пояса, по ихъ обычаю, а на колѣни ему не становиться, и въ землю челомъ не бить“. Султанъ отвѣчалъ грамотою, написанною на сербскомъ языкѣ, въ которой изъявлялъ желаніе, чтобъ между нимъ и великимъ княземъ люди благополучно ходили и торговцы торговали; въ другой грамотѣ просилъ объ отпускѣ въ Крымъ хана Летифа; въ третьей просилъ помогать послу его Камалу при покупкѣ рѣдкихъ товаровъ. Этотъ Камалъ объявилъ: „Послалъ меня государь мой къ великому князю сказать ему, что онъ въ дружбѣ и въ братствѣ съ нимъ быть хочетъ, и спросить, хочетъ ли великій князь быть съ нашимъ государемъ въ дружбѣ и братствѣ? но грамотъ писать мнѣ государь мой не приказалъ“. Въ 1515 году великій князь отправилъ снова въ Константинополь посла своего Коробова, который долженъ былъ стараться заключить съ султаномъ союзъ противъ Литвы и Крыма: также стараться, чтобъ не было заумορщинъ, т. е. чтобъ турецкія начальства не забирали пожитки умиравшихъ у нихъ русскихъ купцовъ. Но Коробовъ возвратился съ грамотою, въ которой султанъ давалъ удовлетворительный отвѣтъ только относительно заумορщинъ; онъ обѣщалъ также прислать новаго посла въ Москву, но обѣщаніе не было исполнено. Въ 1517 году великій князь говорилъ съ боярами, что у него послѣ возвращенія Коробова не было никакой вѣсти отъ турецкаго султана, надобно бы послать къ нему спросить о здоровьѣ; отправленъ былъ дворянинъ Голохвастовъ,—и возвратился опять съ однимъ обѣщаніемъ безопасной торговли. Уклоняясь отъ заключенія союза съ Василіемъ, султанъ однако запрещалъ крымскому хану тревожить московскія владѣнія. Понятно,

какъ это запрещеніе должно было не нравиться хану. Московскіе благопріятели писали изъ Азова, что султанъ прислалъ сказать хану: „Слышалъ я, что хочешь идти на московскую землю: такъ береги свою голову, не смѣй ходить на Московскаго, потому что онъ мнѣ другъ великій; а пойдешь на Московскаго, такъ я пойду на твою землю". Ханъ сильно осердился, потому что рать его была уже собрана. Чтобъ не получать впередъ такихъ запрещеній, ханъ долженъ былъ возбуждать неудовольствіе султана на великаго князя; а послѣдній, чтобъ сдерживать Крымцевъ турками, долженъ былъ стараться о продолженіи дружескихъ сношеній съ султаномъ. Вотъ почему, узнавши о смерти Селима, великій князь въ 1521 году отправилъ въ Константинополь посла Губина поздравить новаго султана Солимана съ восшествіемъ на престолъ и жаловаться на Магмедъ-Гирея крымскаго. Губинъ также долженъ былъ хлопотать о заключеніи союза, и такъ какъ этому дѣлу прежде всего препятствовало неудобство сообщеній черезъ степи, то Губинъ долженъ былъ уговориться съ турецкимъ правительствомъ на счетъ выбора мѣста въ придонскихъ степяхъ, гдѣ бы вооруженные проводники посольскіе съѣзжались съ обѣихъ сторонъ, съ московской и турецкой, и сдавали другъ другу пословъ. Надобно было назначить это мѣсто на Дону; справились у рязанскихъ казаковъ, и тѣ объявили, что на полдорогѣ отъ Азова къ московскимъ границамъ находится переволока; на этой переволокѣ (между Дономъ и Волгою) прибой людямъ астраханскимъ, и тутъ посольскимъ провожатымъ сходиться нельзя; надобно быть съѣзду на Медвѣдицѣ, которая ближе къ великаго князя украйнѣ, но всего лучше назначить съѣздъ на Хопрѣ. Вслѣдствіе этого показанія Губинъ долженъ былъ хлопотать, чтобъ турки назначили съѣздъ на Хопрѣ, или по крайней мѣрѣ, на Медвѣдицѣ. Относительно наговоровъ ханскихъ Губинъ долженъ былъ говорить въ Константинополѣ: „Въ Москвѣ идетъ слухъ, что Магмедъ-Гирей писалъ къ султану, будто казанская земля юртъ крымскій, будто государь нашъ велѣлъ тамъ мечети раззорить и свои христіанскія церкви поставить и колокола повѣсить: но какъ прежде Крымцы неправыми своими умышленіями вставляли неправыя слова, такъ и теперь не отстаютъ отъ лживыхъ словъ". Губинъ долженъ былъ разсказать по порядку казанскія дѣла, и увѣрить, что мечетей не разрушаютъ. Между тѣмъ московскіе благопріятели или н о р о в н и к и продолжали извѣщать

великаго князя о наговорахъ ханскихъ: такъ, по ихъ извѣстіямъ, ханъ далъ знать султану, что Василій въ союзѣ съ персидскимъ шахомъ, послалъ ему оружіе, 30,000 пищалей; когда султанъ опять послалъ въ Крымъ запрещеніе воевать съ Москвою, то ханъ отвѣчалъ ему: „Не велишь мнѣ идти ни на Московскаго, ни на Волошскаго, такъ чѣмъ же мнѣ быть сыту и одѣту? а московскій князь стоитъ на тебя заодно съ Кизылбашемъ (персидскимъ ханомъ“.

Грубинъ привезъ съ собою турецкаго посла, Скиндера, князя Манкупскаго, который объявилъ, что если великій князь хочетъ быть съ султаномъ въ дружбѣ и братствѣ, то прислалъ бы къ нему добраго человѣка для заключенія крѣпкой дружбы и братства. Вслѣдствіе этого объявленія отправленъ былъ въ Турцію Иванъ Семеновичъ Морозовъ; но и этотъ добрый человѣкъ не успѣлъ въ своемъ порученіи, не привезъ союзной грамоты отъ султана, не привезъ и добраго человѣка для заключенія этого союза въ Москвѣ, но привезъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія, напримѣръ: приходилъ къ нему Андріанъ Грекъ отъ казначея султанова Аббисалома, и говорилъ: „Велѣлъ тебѣ Аббисаломъ говорить: наша пошлинка есть, и ты бъ, господинъ, насъ не забылъ, а прежніе послы намъ пошлину давали, такъ и ты бы, господинъ, насъ не покинулъ. Слѣдуетъ тебѣ оказать честь Аббисалому, потому что онъ у султана ближній человѣкъ, и дѣла государскія большія на немъ лежатъ; а не почтишь его, такъ и дѣлу не сдѣлаться“. Посолъ отвѣчалъ: „Я отъ своего государя посланъ не пошлины устанавливать: дѣлаютъ государскія дѣла приказные люди не для посуловъ; будетъ намъ Аббисаломова дружба и радѣнье, то мы противъ нихъ за себя не стоимъ, а для государскаго дѣла мнѣ не зачѣмъ посулы давать“. Андріанъ сказалъ на это: „Аббисаломъ говоритъ: если меня посолъ почтитъ, то я ему отъ султана выберу поминки добрые, а не почтитъ — такъ я ему выберу поминки худые“. Посолъ отвѣчалъ: „Я присланъ для государскаго дѣла, а не для поминковъ, и за поминки посуловъ не дамъ“. Послѣ Андріана пришелъ приставъ и сказалъ: „Велѣлъ тебѣ султанъ говорить: Аббисаломъ у меня человѣкъ ближній, дьякъ, казначей и зять, такъ ты для меня его почти, пошли ему что-нибудь“. Посолъ отвѣчалъ: „Если государь говоритъ, то мы для государя пошлемъ что у насъ случится“,—и послалъ казначею горностае-

вую шубу. Сношенія продолжались, ограничиваясь по прежнему дѣлами торговыми, хотя уже можно было предвидѣть, что не далеки враждебныя столкновенія между обоими государствами: Скиндеръ, пріѣзжавшій въ другой разъ, объявилъ, что Саипъ-Гирей казанскій заложился за султана, и потому Казань юртъ султановъ. Ему отвѣчали, что Казань изначала юртъ московскій. Поѣхалъ Скиндеръ назадъ на Путивль на Крымъ; просился Дономъ, но великій князь его не пустилъ: прозябло слово отъ Скиндеровыхъ людей и со стороны, что Скиндеръ посланъ высмотрѣть удобное мѣсто на Дону для построенія турецкаго города. Скиндеръ пріѣзжалъ въ третій разъ въ Москву для торговыхъ дѣлъ, не смотря на то, что показывалъ явную вражду и грозился поссорить султана съ великимъ княземъ. По смерти его, случившейся въ Москвѣ, между бумагами его нашли приготовленныя донесенія султану, что когда пришелъ въ Москву плѣнный изъ Азова и объявилъ о побѣдѣ венгерскаго короля надъ турками, то будто великій князь очень обрадовался и велѣлъ звонить въ колокола. Въ сношеніяхъ съ этимъ Скиндеромъ обвинялся извѣстный Грекъ Максимъ [368].— Цѣлью сношеній съ князьями нагайскими и съ индѣйскимъ ханомъ Бабуромъ были дѣла торговыя; сношенія съ Молдавіею и Астраханью не имѣли никакихъ слѣдствій.

Упоминая объ этихъ сношеніяхъ, подробно разсказывая о войнахъ съ Литвою, съ Крымомъ, о взятіи Смоленска, Пскова, лѣтописцы едва мимоходомъ упоминаютъ о присоединеніи къ Москвѣ великаго княжества рязанскаго и княжествъ сѣверскихъ. Мы видѣли, что удѣльный рязанскій князь Ѳедоръ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ свой удѣлъ Іоанну III; такимъ образомъ часть самаго города Рязани и мѣсто — старая Рязань, принадлежали къ Москвѣ еще при Іоаннѣ III, и сынъ его Василій, еще прежде окончательнаго присоединенія великаго княжества рязанскаго, уже назывался рязанскимъ. Мы видѣли, какъ Іоаннъ III распоряжался Рязанью во время малолѣтства великаго князя ея Ивана Ивановича; Василій продолжалъ распоряжаться такимъ же образомъ. Когда великій князь рязанскій выросъ, то увидалъ себя не больше какъ намѣстникомъ великаго князя московскаго; ему оставалось на выборъ: или добровольно снизойти на степень служебнаго князя, или отчаянными средствами попытаться возвратить прежнее значеніе; онъ рѣшился на послѣднее. Василію московскому дали знать, что ве-

ликій князь рязанскій вошелъ въ частыя сношенія съ крымскимъ ханомъ Магметъ-Гиреемъ и даже хочетъ жениться на его дочери. Василій послалъ звать рязанскаго князя въ Москву; тотъ сначала не хотѣлъ ѣхать, предвидя участь его ожидавшую; но что случилось съ князьями нижегородскимъ и тверскимъ, то же самое случилось теперь и съ рязанскимъ: приближенный бояринъ его Семенъ Крубинъ (Коробьинъ?) предался на сторону Василія, и уговорилъ своего князя отправиться въ Москву, гдѣ его схватили и посадили подъ стражу, а мать его заключили въ монастырь. Это было въ 1517 году; въ 1521, пользуясь нашествіемъ Магмедъ-Гирея, рязанскій князь успѣлъ убѣжать изъ Москвы и скрыться въ Литву. Магмедъ-Гирей отправилъ къ Сигизмунду пословъ съ требованіемъ, чтобъ король отпустилъ съ ними рязанскаго князя въ Крымъ. Сигизмундъ отвѣчалъ: „Великій князь рязанскій пріѣхалъ къ намъ по опасной грамотѣ, по обѣщанію нашему, что онъ можетъ свободно къ намъ пріѣхать, свободно и уѣхать. Мы ему говорили и совѣтовали, чтобъ онъ ѣхалъ къ тебѣ, и отъ своего имени обѣщали ему, что ты посадишь его на великомъ княжествѣ рязанскомъ: но онъ никакъ не хотѣлъ къ тебѣ ѣхать. Потомъ мы призывали его къ себѣ въ другой разъ и говорили, что ты добудешь ему отчину по своему письменному обѣщанію, которое далъ намъ, а иначе безъ тебя онъ никакимъ образомъ не будетъ въ состояніи возвратить себѣ стола. Мы совѣтовали ему это въ той мысли, что если ты посадишь его на Рязани, то одинъ пріобрѣтешь добрую славу; если онъ будетъ въ твоихъ рукахъ, и узнаютъ о томъ его подданные рязанцы, то они и безъ твоей сабли сами со всею землею тебѣ поддадутся; ты сдѣлаешь его своимъ слугою, а чрезъ его землю можешь и того общаго нашего непріятеля московскаго привести къ себѣ въ такую же повинность, въ какой предки его находились къ твоимъ предкамъ. Наконецъ мы рязанскаго князя уговорили: онъ объявилъ согласіе свое ѣхать къ тебѣ, но только съ условіемъ, чтобъ ты далъ ему залогъ (заставу): если ты его на Рязани не посадишь, то долженъ отпустить, и когда отпустишь, тогда и залогъ твой къ тебѣ возвратится. Подумай объ этомъ и объяви намъ немедленно, на что рѣшишься".—Съ рязанцами, которые отличались смѣлымъ, непреклоннымъ характеромъ, было поступлено такъ же, какъ съ новгородцами и псковичами: многочисленными толпами переселяли ихъ въ другія области [369].

Вслѣдъ за Рязанью пала другая отчина Святославова рода, княжество сѣверское. Но въ это время здѣсь уже не было Ольговичей: ихъ волости держали потомки Іоанна Калиты московскаго, два Василія—одинъ Семеновичъ, внукъ можайскаго, князь стародубскій, другой Ивановичъ, внукъ Шемяки, князь Новгорода сѣверскаго. Эти князья давно уже питали другъ къ другу непримпримую ненависть, и, не смѣя затѣвать явныхъ усобицъ, обносили другъ друга предъ великимъ княземъ московскимъ. Шемячичъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, уже сгубилъ нѣсколько князей своими навѣтами; съ другой стороны, еще отецъ стародубскаго князя, Семенъ, обговаривалъ Шемячича Іоанну III; Василій продолжалъ отцовскіе обговоры; ненависть его къ Шемячичу была такъ велика, что онъ говорилъ: „одному чему-нибудь быть: или уморю князя Василья Ивановича, или подпаду гнѣву государеву". Вмѣстѣ съ княземъ пронскимъ онъ прислалъ въ Москву обвиненіе противъ Шемячича; послѣдній, узнавъ объ этомъ, отправилъ въ Москву своего посланца умолять великаго князя, чтобъ позволилъ ему пріѣхать къ себѣ и оправдаться. Тонъ записи, по которой долженъ былъ говорить великому князю посланецъ Шемячича, очень любопытенъ: онъ показываетъ на какую низкую степень сошли владѣтельные князья передъ московскими господарями всея Руси. „Тыбъ, государь, пишетъ Шемячичъ великому князю, смиловался, пожаловалъ велѣлъ мнѣ своему х о л о п у у себя быть, бить челомъ о томъ, чтобъ стать мнѣ передъ тобою, государемъ, очи на очи съ тѣми, кого братъ мой князь Василій Семеновичъ къ тебѣ, господарю, на меня прислалъ съ нелѣпицами. Обыщешь, господарь, мою вину, то воленъ Богъ да ты, господарь мой, голова моя готова передъ Богомъ да передъ тобою; а не обыщешь, господарь, моей вины,—и ты бъ смиловался, пожаловалъ, отъ брата моего, князя Василія Семеновича оборонилъ, какъ тебѣ господарю Богъ положитъ по сердцу, потому что братъ мой прежде этого сколько разъ меня обговаривалъ тебѣ господарю такими же нелѣпицами, желая меня у тебя господаря уморить, чтобъ я не былъ тебѣ слугою". Что были искушенія со стороны Литвы, заставлявшія московское правительство обращать строгое вниманіе на поведеніе сѣверскихъ князей, видно изъ слѣдующихъ словъ Шемячича: „Да и то тебѣ господарю извѣстно же, сколько прежде ко мнѣ изъ Литвы присылокъ ни бывало, я отъ отца твоего великаго князя и отъ тебя господаря ничего не ута-

ивалъ". Вотъ почему, отправляя къ Шемячичу опасную грамоту для пріѣзда въ Москву, великій князь наказалъ посланнымъ: „заѣзжайте къ князю Василію Семеновичу, скажите ему отъ насъ рѣчь о береженьѣ, да похвальную рѣчь ему скажите".

Шемячичъ оправдался въ Москвѣ; великій князь велѣлъ сказать ему: „Мы у слуги своего князя Василія на тебя рѣчей никакихъ не слушали. Мы какъ прежде нелѣпымъ рѣчамъ не потакали, такъ и теперь не потакаемъ, а тебя слугу своего, какъ прежде жаловали, такъ и теперь жалуемъ, и впередъ жаловать хотимъ; обыскали мы, что рѣчи на тебя нелѣпыя, и мы имъ теперь не вѣримъ". Одинъ изъ обвинителей былъ выданъ обвиненному головою; когда же Шемячичъ просилъ выдачи и другого обвинителя, человѣка князя стародубскаго, то великій князь велѣлъ отвѣчать ему: „Этотъ человѣкъ былъ въ Литвѣ, въ плѣну, и слышалъ о тебѣ рѣчи въ Литвѣ, такъ какъ же ему было намъ не сказать? Намъ этого человѣка выдать тебѣ нельзя".

Шемячичъ былъ отпущенъ съ честію изъ Москвы въ свое княжество: это было въ 1517 году. Но въ 1523 онъ былъ опять позванъ въ Москву и заключенъ въ темницу. Шелъ слухъ, что причиною заключенія было письмо его къ намѣстнику кіевскому, гдѣ онъ предлагалъ службу свою королю Сигизмунду. Говорятъ, будто во время заключенія Шемячича какой-то юродивый ходилъ по Москвѣ съ метлою въ рукахъ и на вопросъ проходящихъ, зачѣмъ онъ взялъ метлу? отвѣчалъ: „Государство не совсѣмъ еще очищено: пришло удобное время вымести послѣдній соръ". Волость стародубская присоединена была еще прежде къ Москвѣ, при посредствѣ Шемячича, который выгналъ своего врага изъ отчины. При Василіи же присоединенъ и удѣлъ волоцкій, ибо князь Ѳедоръ Борисовичъ умеръ въ 1513 году бездѣтнымъ [370].

ГЛАВА III.

Отношенія в. князя къ братьямъ. — Разводъ Василія и новый бракъ — Болѣзнь и кончина Василія.—Характеръ покойнаго.—Его образъ жизни, семейныя отношенія.—Отношенія къ вельможамъ.—Титулъ, доходы великихъ князей московскаго и литовскаго. — Обычаи московскаго двора. — Составъ двора.—Войско.—Приказы. Жалованныя грамоты.—Вельможество и войско въ западной Россіи.—Козаки.—Города.—Сельское народонаселеніе.—Свойства страны по иностраннымъ описаніямъ.—Промыслы.—Торговля.—Искусства.—Церковныя событія.—Іосифъ Волоцкій и Максимъ Грекъ.—Вассіанъ Косой.—Бытъ монастырей.—Сношенія съ восточными церквами.—Состояніе западно-русской церкви.—Законодательство.—Народное право. — Нравы и обычаи.—Литература.

Мы видѣли, съ какимъ нетерпѣніемъ враги московскаго государства ждали смерти Іоанновой, думая, что слѣдствіемъ ея будутъ междоусобія между Василіемъ и племянникомъ Дмитріемъ, котораго многочисленные приверженцы успѣютъ освободить. Но они обманулись въ своей надеждѣ: сторона Димитрія не тронулась, и этотъ князь умеръ въ тѣсномъ заключеніи въ 1509 году. Мы видѣли также что, обманувшись въ надеждѣ на Димитрія, Сигизмундъ литовскій попытался было поднять противъ Василія родного брата его: и эта попытка осталась безъ успѣха. Неуспѣхъ здѣсь однако происходилъ отъ безсилія удѣльныхъ князей, а не отъ нежеланія ихъ высвободиться отъ тѣхъ отношеній, въ которыя новый порядокъ вещей ставилъ ихъ къ старшему брату, къ великому князю. Въ 1511 году великій князь узналъ, что братъ его Семенъ Калужскій хочетъ бѣжать въ Литву. Василій велѣлъ ему явиться въ Москву; Семенъ видя, что умыселъ его открытъ, предугадывая, что готовится ему въ Москвѣ, началъ просить старшаго брата о помилованіи посредствомъ митрополита, владыкъ и другихъ братьевъ. Великій князь

простилъ Семена, но перемѣнилъ у него всѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Семенъ умеръ въ 1518 году.

Касательно отношеній Василія къ другому его брату, князю Димитрію Ивановичу, до насъ дошелъ любопытный памятникъ, наказныя рѣчи Ивану Шигонѣ, какъ тотъ долженъ былъ говорить Димитрію отъ имени великаго князя наединѣ: „Братъ! самъ разсуди, хорошо ли ты дѣлаешь? Помнишь, какъ намъ отецъ нашъ приказалъ между собою жить? Я приказывалъ тебѣ, чтобъ ты удовлетворилъ насъ въ козельскихъ дѣлахъ и въ дѣлѣ Ушатаго: а ты не только не исполнилъ нашего требованія, но еще опять посылалъ на землю Ушатаго, велѣлъ его деревни грабить, а намъ съ нашими дѣтьми боярскими отвѣтъ прислалъ не такой, какой слѣдовало тебѣ прислать. А на ту грамоту, что мы послали къ тебѣ съ Ѳедоромъ Борисовымъ, ты и вовсе намъ никакого отвѣта не далъ; теперь же еще хуже того съ нами поступилъ: прислалъ къ намъ такого паробка, какого тебѣ не слѣдовало къ намъ присылать, и прислалъ его съ грамотою, въ которой говорится о великихъ дѣлахъ. Не знаю, какое я тебѣ безчестіе, какую обиду нанесъ? а ты ко мнѣ такъ отвѣчалъ съ нашими дѣтьми боярскими, и въ грамотѣ своей такъ къ намъ писалъ: развѣ такъ отцу отвѣчаютъ и въ грамотѣ пишутъ“? Здѣсь великій князь, вооружаясь противъ старинныхъ притязаній удѣльныхъ князей, хочетъ самъ опереться на старину, по которой младшіе братья должны были считать старшаго отцемъ. Димитрій умеръ въ 1521 году.

Объ отношеніяхъ великаго князя Василія къ брату его Юрію Ивановичу мы получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ челобитной Ивана Яганова, посыланнаго въ Дмитровъ для наблюденія за поступками князя Юрія; изъ этой челобитной узнаемъ, что при дворѣ Юрія были дѣти боярскіе, которые чрезъ Яганова давали знать великому князю о замыслахъ его брата. Въ началѣ княженія Іоанна IV-го Ягановъ былъ заключенъ въ оковы за ложныя вѣсти, и по этому случаю писалъ свою челобитную. „Прежде, пишетъ Ягановъ, служилъ я, государь, отцу твоему великому князю Василію: что слышалъ о лихѣ и о добрѣ, то все государю сказывалъ, а которые дѣти боярскіе князя Юрья Ивановича приказывали къ отцу твоему со мною великія, страшныя, смертоносныя дѣла, и я обо всѣхъ этихъ дѣлахъ государю объявлялъ, и отецъ твой меня за то взялся жаловать своимъ жалованьемъ, а ковать меня и мучить

за то не приказывалъ; велѣлъ онъ мнѣ своего дѣла вездѣ искать, и я, ищучи государева дѣла и земскаго, съ дмитровцами кой что изъ имѣньишка своего истерялъ. А что я слышалъ у тѣхъ же дѣтей боярскихъ на попойкѣ жестокую рѣчь вмѣстѣ съ Яковомъ, ту рѣчь я и Яковъ сказали твоимъ боярамъ; я не знаю, съ пьяну ли они говорили или по глупости; мнѣ было въ тѣ поры уши свои не смолою забить, я что слышалъ, то и сказалъ, точно также какъ прежде отцу твоему служилъ и сказывалъ; а еслибъ я не сказалъ этихъ рѣчей, жестокихъ рѣчей, и кто бы другой ихъ мимо меня сказалъ, то меня бы казнили. Не сказали жестокихъ рѣчей на Якова Дмитріева отцу твоему Башмакъ Литоминъ да Губа Дѣдковъ, и отецъ твой хотѣлъ ихъ казнить. А въ записи твоей цѣловальной написано: слышавъ о лихѣ и о добрѣ, сказать тебѣ государю и твоимъ боярамъ. Такъ тотъ ли добрый человѣкъ, кто что слышалъ да не скажетъ? А не хотѣлъ бы я тебѣ государю служить, такъ я бы и у князя Юрія выслужилъ. Отецъ твой, какую рѣчь кто ему скажетъ, будетъ сойдется, и онъ ее ставилъ въ дѣло, а будетъ не сойдется на дѣло, и онъ пускалъ мимо ушей: а кто скажетъ, того не наказывалъ и суда ему не давалъ въ своемъ дѣлѣ. Я, государь, тебя и твою мать, благовѣрную великую княгиню Елену отъ нѣсколькихъ смертоносныхъ напастей избавлялъ: я же нынче за тебя кончаю въ мукахъ животъ свой [371]". Изъ житія св. Іосифа волоцкаго узнаемъ, что однажды великому князю Василію донесли на брата Юрія, будто онъ собирается отъѣхать въ Литву: по просьбѣ Юрія Іосифъ вступился въ дѣло, отправилъ въ Москву двухъ иноковъ своего монастыря Кассіана и Іону ходатайствовать предъ великимъ княземъ за Юрія, и ходатайство было успѣшно.

Этому-то брату Юрію великій князь долженъ былъ оставить престолъ за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей; великая княгиня Соломонія была безплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла всѣ средства, которыя ей предписывались знахарями и знахарками того времени [372]: дѣтей не было, исчезала и любовь мужа. Однажды, говоритъ лѣтописецъ, великій князь ѣдучи за городомъ и увидавъ на деревѣ гнѣздо, залился слезами и началъ горько жаловаться на свою судьбу: „Горе мнѣ! говорилъ онъ: на кого я похожъ? И на птицъ небесныхъ не похожъ, потому что и они плодовиты: и на звѣрей земныхъ не похожъ, потому что и они плодовиты: и на

воды не похожъ, потому что и воды плодовиты: волны ихъ утѣшаютъ, рыбы веселятъ". Взглянувши на землю, сказалъ: „Господи! не похожъ я и на землю, потому что и земля приноситъ плоды свои во всякое время, и благословляютъ они тебя, Господи"! Вскорѣ послѣ этого онъ началъ думать съ боярами, съ плачемъ говорилъ имъ: „Кому по мнѣ царствовать на русской землѣ и во всѣхъ городахъ моихъ и предѣлахъ? братьямъ отдать? но они и своихъ удѣловъ устроить не умѣютъ". На этотъ вопросъ послышался отвѣтъ между боярами: „Государь князь великій! неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограда [373]". Такъ думали бояре, которые дѣйствительно могли бояться за будущность государства, еслибъ оно досталось князю, не умѣвшему распорядиться и малымъ удѣломъ; такъ думали люди, приверженные къ Василію и къ установленному при немъ порядку вещей, люди сильные при Василіи, надѣявшіеся сохранить свое положеніе при сынѣ его, и боявшіеся злой участи при братѣ, который нерасположеніе свое къ старшему брату долженъ былъ распространить и на всѣхъ вѣрныхъ слугъ послѣдняго. Разумѣется, первый голосъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ митрополиту: преемникъ Симона, митрополитъ Варлаамъ вслѣдствіе непріятностей съ великимъ княземъ оставилъ митрополію и былъ заточенъ въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей; на его мѣсто былъ избранъ Даніилъ, игуменъ Іосифова волоцкаго монастыря и вѣрный преданію этого монастыря, которое состояло въ безпредѣльной приверженности къ великому князю Василію: Даніилъ одобрилъ разводъ. Но были люди, смотрѣвшіе иначе на дѣло: одни смотрѣли на него, какъ на дѣло чисто церковное, и, по религіозной совѣстливости, боялись—будетъ ли законна уступка интересу государственному: другіе, потомки князей литовскихъ и русскихъ, могли не одобрять развода по особымъ причинамъ: имъ не нравилось утвержденіе власти государей московскихъ, которымъ они принуждены были служить наравнѣ съ другими, имъ не нравились внушенія Софіи Палэологъ, которой они приписывали новыя отношенія, для нихъ непріятныя; они боролись противъ Софіи, не хотѣли допустить къ престолу ея сына, но Софія восторжествовала, и сынъ ея Василій успѣлъ совершить дѣло отца своего, явился монархомъ, какимъ не былъ ни одинъ монархъ на всемъ земномъ шарѣ [374]; эти люди должны были съ удовольствіемъ видѣть, что престолъ твердаго, вѣрнаго родительскимъ

преданіямъ и потому сильно нелюбимаго ими Василія достается князю слабому, не умѣвшему распоряжаться и собственнымъ удѣломъ, при которомъ слѣдовательно будетъ больше простора стариннымъ притязаніямъ княжескимъ и дружиннымъ. Главнымъ противникомъ развода явилось лице уже намъ извѣстное: мы видѣли, что вслѣдствіе торжества Софіи и сына ея Василія надъ противною имъ партіею, главы этой партіи, князья Патрикѣевы и Ряполовскіе подверглись опалѣ, Ряполовскіе были казнены, Патрикѣевы— отецъ Иванъ Юрьевичъ съ сыномъ Василіемъ Косымъ пострижены въ монахи; князь Василій Патрикѣевъ, въ монашествѣ Вассіанъ, въ княженіе Василія былъ переведенъ изъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря въ московскій Симоновъ; великій князь оказывалъ ему большое уваженіе за умъ, образованность, позволилъ ему имѣть сильное вліяніе на дѣла церковныя; но теперь, когда возникъ важный вопросъ о разводѣ, Вассіанъ вооружился противъ него всѣмъ своимъ новымъ значеніемъ, какъ старецъ опытный въ дѣлахъ церковныхъ; вмѣстѣ съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ вооружился противъ развода князь Семенъ Курбскій, котораго внукъ, знаменитый князь Андрей явился впослѣдствіи такимъ жаркимъ защитникомъ старыхъ княжескихъ и дружинныхъ правъ, такимъ злымъ порицателемъ Софіи и ея сына; мнѣніе Курбскаго и Патрикѣева поддерживалъ и знаменитый Максимъ Грекъ.

Не смотря однако на это сопротивленіе, въ ноябрѣ 1525 года былъ объявленъ разводъ великаго князя съ Соломоніею, которую постригли подъ именемъ Софьи въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и потомъ отослали въ суздальскій Покровскій монастырь. Такъ какъ на это дѣло смотрѣли съ разныхъ точекъ зрѣнія, то неудивительно, что до насъ дошли о немъ противорѣчивыя извѣстія: въ однихъ, говорится, что разводъ и постриженіе послѣдовали согласно съ желаніемъ самой Соломоніи, даже по ея просьбѣ и настоянію; въ другихъ, наоборотъ, постриженіе ея представляется дѣломъ насилія; распустили даже слухи, что скоро послѣ втораго брака великаго князя у Соломоніи родился сынъ Георгій [377]. Въ генварѣ слѣдующаго 1526 года Василій женился на Еленѣ, дочери умершаго князя Василія Львовича Глинскаго, родной племянницѣ знаменитаго князя Михаила; выборъ замѣчательный, ибо дѣйствительно Елена, воспитанная иначе, чѣмъ тогдашнія московскія боярышни, имѣла болѣе средствъ правиться. Черезъ три года, 25 ав-

густа 1530, Елена родила перваго сына Іоанна, потомъ черезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ другого сына, Георгія.

Но едва минуло старшему малюткѣ Іоанну три года, какъ отецъ его, великій князь Василій занемогъ предсмертною болѣзнію. Послѣ выхода Крымцевъ изъ Московскихъ областей, въ сентябрѣ 1533 года, Василій съ женою и съ дѣтьми отправился въ Троицкій монастырь къ 25 числу, къ празднику Чудотворца Сергія; отъ Троицы поѣхалъ на Волокъ-Ламскій, чтобъ потѣшиться любимою своею забавою, охотою, и на дорогѣ въ селѣ Озерецкомъ, заболѣлъ: на лѣвомъ стегнѣ, на сгибѣ показалась багровая болячка съ булавочную головку. Въ первыхъ числахъ октября великій князь пріѣхалъ въ Волоколамскъ уже въ большомъ изнеможеніи; въ тотъ же день онъ еще могъ быть на пиру у одного изъ любимцевъ своихъ, тверского дворецкаго, Ивана Юрьевича Шигоны Поджогина; но на другой день съ большею нуждою дошелъ до бани, и за столомъ сидѣлъ въ постельныхъ хоромахъ также съ нуждою. На слѣдующій день была превосходная для охоты погода: великій князь не утерпѣлъ, послалъ за ловчими и поѣхалъ въ село свое Колпь: дорогою охота была неудачна и Василій все жаловался на боль. Пріѣхавши въ Колпь, онъ сѣлъ за столъ, но сидѣлъ съ нуждою; несмотря однако на это послалъ къ брату Андрею Ивановичу звать его на охоту, и когда тотъ пріѣхалъ, отправился въ поле съ собаками; но ѣздилъ не много, не далѣе двухъ верстъ отъ села; возвратившись съ охоты въ Колпь, обѣдалъ вмѣстѣ съ братомъ, и тутъ въ послѣдній разъ сидѣлъ за столомъ: съ этихъ поръ онъ принималъ не много пищи уже въ постели. Видя усиленіе болѣзни, онъ послалъ за княземъ Михаиломъ Львовичемъ Глинскимъ и за двумя лѣкарями своими, иностранцами Николаемъ и Ѳеофиломъ. По совѣту съ княземъ Глинскимъ, который, какъ видно, былъ во всемъ опытенъ, лѣкаря начали прикладывать къ болячкѣ пшеничную муку съ прѣснымъ медомъ и лукъ печеный; отъ этого болячка начала рдѣть и загниваться. Проживъ двѣ недѣли въ Колпи, великій князь захотѣлъ возвратиться въ Волокъ; на лошади ѣхать онъ не могъ, боярскіе дѣти и княжата несли его пѣшкомъ на рукахъ. Въ Волокѣ великій князь велѣлъ прикладывать мазь; стало выходить много гною, боль увеличилась, въ груди начала чувствоваться тягость; лѣкаря дали ему чистительное [376], но это средство не помогло, аппетитъ пропалъ. Тогда великій князь послалъ стряпчаго

своего Мансурова и дьяка меньшаго Путятина тайно въ Москву за духовною грамотою отца своего и за своею, которую написалъ передъ отъѣздомъ въ Новгородъ и Псковъ, въ Москвѣ не велѣлъ объ этомъ сказывать никому, ни митрополиту, ни боярамъ. Когда грамоты были привезены, Василій велѣлъ прочитать ихъ себѣ тайно отъ братьевъ, бояръ и отъ князя Глинскаго, послѣ чего свою духовную велѣлъ сжечь. Потомъ велѣлъ Путятину опять принести духовныя грамоты, призвалъ Шигону Поджогина и совѣтовался съ нимъ и съ Путятинымъ, кого изъ бояръ допустить въ думу о духовной, и „кому приказать свой государевъ приказъ"; изъ бояръ на Волокѣ были тогда съ великимъ княземъ: князь Дмитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, князь Михаила Львовичъ Глинскій, да двое дворецкихъ—князь Кубенскій и Шигона. Пріѣхалъ братъ Василіевъ, князь Юрій Ивановичъ; но великій князь скрывалъ отъ него свою болѣзнь и не хотѣлъ, чтобъ онъ долго оставался въ Волокѣ, не смотря на все желаніе Юрія остаться; младшій же братъ, князь Андрей Ивановичъ остался при больномъ. Между тѣмъ изъ болячки вышло гною больше таза, вышелъ стержень больше полуторы пяди, но не весь; великій князь обрадовался, думалъ что получитъ облегченіе отъ болѣзни; начали прикладывать къ болячкѣ обыкновенную мазь, и опухоль опала. Когда пріѣхалъ изъ Москвы бояринъ Михайла Юрьевичъ Захарьинъ, за которымъ посылали, то великій князь началъ думать съ боярами и съ дьяками, какъ ему ѣхать въ Москву, и приговорилъ ѣхать съ Волока въ любимый его Іосифовъ монастырь; поѣхалъ онъ въ каптанѣ, гдѣ была постлана постель; въ каптанѣ сидѣли съ нимъ князь Шкурлятевъ и князь Палецкій, которые переворачивали его со стороны на сторону, потому что самъ онъ двигаться не могъ. Когда пріѣхали въ Іосифовъ монастырь, Шкурлятевъ и Палецкій взяли великаго князя подъ руки и повели въ церковь; здѣсь дьяконъ, начавши читать ектенію за государя, не могъ продолжать отъ слезъ, игуменъ и вся братія горько плакали и молились, великая княгиня съ дѣтьми, бояре и всѣ люди рыдали. Когда начали обѣдню, великій князь вышелъ и легъ на одрѣ на паперти, гдѣ и слушалъ службу. Переночевавъ въ монастырѣ, Василій поѣхалъ въ Москву, а брата Андрея отпустилъ въ его удѣлъ: рѣшено было, что больной въѣдетъ въ Москву тайно, потому что въ это время здѣсь было много иноземцевъ и пословъ. 21-го но-

ября великій князь пріѣхалъ въ подмосковное свое село Воробьево и пробылъ здѣсь два дня, страдая отъ жестокой болѣзни; митрополитъ, владыки, бояре, дѣти боярскіе пріѣзжали навѣщать его. Василій приказалъ наводить мостъ на Москвѣ рѣкѣ подъ Воробьевымъ противъ Новодѣвичьяго монастыря, потому что рѣка еще не крѣпко стала, и на третій день выѣхалъ изъ Воробьева, въ каптанѣ, запряженной двумя сапниками, (лошадьми, пріученными ходить въ саняхъ), но какъ скоро лошади начали входить на мостъ, мостъ обломился, каптану же дѣти боярскіе успѣли удержать отъ паденія, обрѣзавъ гужи у сапниковъ. Больной долженъ былъ возвратиться назадъ, посердился на городничихъ, смотрѣвшихъ за строеніемъ моста, но опалы на нихъ не положилъ; потомъ онъ уже въѣхалъ въ Москву на паромѣ подъ Дорогомиловымъ. Въ тотъ же самый день пріѣхалъ братъ его, князь Андрей Ивановичъ.

Расположившись въ дворцѣ, великій князь призвалъ къ себѣ бояръ — князя Василія Васильевича Шуйскаго, Михайлу Юрьевича Захарьина, Михайлу Семеновича Воронцова, казначея Петра Ивановича Головина, дворецкаго Шигону, и велѣлъ при нихъ писать духовную грамоту дьякамъ своимъ меньшому Путятину и Ѳедору Мишурину; потомъ, въ думу о духовной грамотѣ къ прежнимъ боярамъ прибавилъ еще князя Ивана Васильевича Шуйскаго, Михайлу Васильевича Тучкова и князя Михайлу Львовича Глинскаго; послѣдняго, поговоря съ боярами, прибавилъ онъ потому, что онъ былъ родной дядя великой княгинѣ Еленѣ; въ это же время пріѣхалъ въ Москву князь Юрій Ивановичъ. По написаніи духовной Василій началъ думать съ митрополитомъ Даніиломъ, владыкою коломенскимъ Вассіаномъ и духовникомъ своимъ, протопопомъ Алексѣемъ, о постриженіи, потому что давно была у него эта мысль; еще на Волокѣ онъ говорилъ духовнику и старцу Мисаилу Сукину: „смотрите, не положите меня въ бѣломъ платьѣ; хотя и выздоровлю—нужды нѣтъ, мысль моя и сердечное желаніе обращены къ иночеству“; и платье съ Волока велѣлъ взять съ собою въ дорогу готовое; на пути приказывалъ Шигонѣ и Путятину тоже самое, чтобъ не положили его въ бѣломъ платьѣ. Тогда же великій князь тайно пріобщался и масломъ соборовался, а въ субботу передъ Николинымъ днемъ соборовался уже явно; на другой день въ воскресенье велѣлъ приготовить себѣ служебные Дары; когда дали

знать, что ихъ несутъ, всталъ съ постели, опираясь на боярина Михайлу Юрьевича Захарьина, и сѣлъ въ кресла; когда же вошелъ духовникъ съ Дарами, Василій сталъ на ноги, пріобщился со слезами, и легъ въ постель, послѣ чего, призвавъ къ себѣ митрополита, братьевъ Юрія и Андрея, всѣхъ бояръ, началъ говорить: „Приказываю своего сына, великаго князя Ивана Богу, Пречистой Богородицѣ, святымъ чудотворцамъ, и тебѣ отцу своему Данилу митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой; а вы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ вы мнѣ крестъ цѣловали, о земскомъ строеніи и о ратныхъ дѣлахъ противъ недруговъ моего сына и своихъ стойте сообща, чтобъ православныхъ христіанъ рука была высока надъ бусурманствомъ; а вы, бояре, боярскіе дѣти и княжата, какъ служили намъ, такъ служите и сыну моему, Ивану, на недруговъ всѣ будьте заодно, христіанство отъ недруговъ берегите, служите сыну моему прямо и неподвижно". Отпустивши братьевъ и митрополита, умирающій сталъ говорить боярамъ: „Знаете и сами, что государство наше ведется отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго, мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре: такъ постойте, братья, крѣпко, чтобъ мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, чтобъ была въ землѣ правда, и въ васъ розни никакой не было; приказываю вамъ Михайлу Львовича Глинскаго, человѣкъ онъ къ намъ пріѣзжій; но вы не говорите, что онъ пріѣзжій, держите его за здѣшняго уроженца, потому что онъ мнѣ прямой слуга; будьте всѣ сообща, дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодно; а ты бы, князь Михайло Глинскій, за сына моего Ивана и за жену мою и за сына моего князя Юрья кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ".

Великій князь очень скорбѣлъ и изнемогалъ, но боли не чувствовалъ, рана не увеличивалась, только духъ отъ нея былъ тяжекъ [377]. Василій призвалъ князя Михайлу Глинскаго, двоихъ лѣкарей своихъ, Николая и Ѳеофила, и спрашивалъ у нихъ, чего бы прикладывать къ болячкѣ, или чтобы такое пустить въ рану, чтобъ духу не было. Бояринъ Михайла Юрьевичъ Захарьинъ, утѣшая его, началъ говорить: „Государь князь великій! обождавши день, другой, когда тебѣ немного полегчаетъ, пустить бы водки въ рану". Больной обратился къ лѣкарю Николаю и сказалъ ему. „Братъ Нико-

лай! видѣлъ ты мое великое жалованье къ себѣ: можно ли что-нибудь такое сдѣлать, мазь или другое что, чтобъ облегчить мою болѣзнь"?—Николай отвѣчалъ: „Видѣлъ я, государь, къ себѣ жалованье твое великое; еслибъ можно, тѣло бы свое раздробилъ для тебя, но не вижу никакого средства, кромѣ помощи Божіей". Тогда великій князь сказалъ дѣтямъ боярскимъ и стряпчимъ своимъ: „Братья! Николай узналъ мою болѣзнь:—неизлѣчимая! надобно, братья, промышлять, чтобъ душа не погибла на вѣки". Стряпчіе и дѣти боярскіе заплакали горько, тихо для него, но вышедши вонъ громко зарыдали и были какъ мертвые. Больной забылся, во снѣ вдругъ запѣлъ: „Аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже"! потомъ, проснувшись, началъ говорить: „Какъ Господу угодно, такъ пусть и будетъ, буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка". 3 декабря, со вторника на среду, приказалъ духовнику держать на готовѣ запасные Дары. Въ это время пришелъ игуменъ Троицкій Іоасафъ, и великій князь сказалъ ему: „Помолись, отецъ, о земскомъ строеніи и о сынѣ моемъ Иванѣ, и о моемъ согрѣшеніи: далъ Богъ и великій чудотворецъ Сергій мнѣ вашимъ моленіемъ и прошеніемъ сына Ивана; я крестилъ его у чудотворца, вручилъ его чудотворцу и на раку чудотворцеву его положилъ, вамъ сына своего на руки отдалъ; такъ молите Бога, пречистую его Матерь и великихъ чудотворцевъ о Иванѣ, сынѣ моемъ и женѣ горемычной: а ты, игуменъ, прочь не ѣзди, изъ города вонъ не выѣзжай". Въ среду опять пріобщился, съ постели при этомъ встать уже не могъ, но подъ плечи подняли его; послѣ причастья поѣлъ немного. Потомъ призвалъ бояръ: князей Василья и Ивана Шуйскихъ, Воронцова, Михайлу Юрьевича, Тучкова, князя Михайлу Глинскаго, Шигону, Головкина, дьяковъ — Путятина и Мишурина, и были они у него отъ третьяго часа до седьмого, все наказывалъ имъ о сынѣ, о устроеніи земскомъ, какъ быть и править государствомъ; когда всѣ другіе бояре ушли, остались трое: Михаилъ Юрьевъ, Глинскій и Шигона, и были у него до самой ночи: имъ приказывалъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться. Пришли братья — Юрій и Андрей и начали принуждать больного, чтобъ чего-нибудь поѣлъ: онъ велѣлъ подать миндальной каши и только къ губамъ поднесъ. Братья вышли, но Андрея великій князь велѣлъ воротить, и началъ говорить ему, Юрьеву,

Глинскому и Шигонѣ: „Вижу самъ, что скоро долженъ умереть, хочу послать за сыномъ Иваномъ, благословить его крестомъ Петра чудотворца, да хочу послать за женою, наказать ей, какъ ей быть послѣ меня; но нѣтъ, не хочу посылать за сыномъ, малъ онъ, а я лежу въ такой болѣзни, испугается". Князь Андрей и бояре стали уговаривать его: „государь князь великій! пошли за сыномъ, благослови его, и за великой княгиней пошли". Больной согласился. Братъ великой княгини, князь Иванъ Глинскій принесъ ребенка на рукахъ, за нимъ шла мама Аграфена Васильева; великій князь благословилъ сына и наказалъ мамѣ: „Смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступай ни пяди"! Когда ребенка вынесли, ввели великую княгиню: едва могли удерживать ее братъ великокняжескій Андрей Ивановичъ и бояринъ Челядпинъ, билась и плакала горько. Великій князь утѣшалъ ее, говорилъ: „жена! перестань, не плачь, мнѣ легче, не болитъ у меня ничего, по благодарю Бога"; и въ самомъ дѣлѣ онъ уже не чувствовалъ никакой боли. Когда Елена немного утихла, то начала говорить: „Государь князь великій! на кого меня оставляешь, кому дѣтей приказываешь"? Василій отвѣчалъ: „Благословилъ я сына своего Ивана государствомъ и великимъ княженіемъ, а тебѣ написалъ въ духовной грамотѣ, какъ писалось въ прежнихъ грамотахъ отцевъ нашихъ и прародителей, какъ слѣдуетъ, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ шло". Елена просила, чтобъ великій князь благословилъ и младшаго сына Юрія; Василій согласился, благословилъ его крестомъ Паисіевскимъ, о вотчинѣ же сказалъ: „Приказалъ я и въ духовной грамотѣ написалъ какъ слѣдуетъ". Хотѣлъ онъ поговорить съ женою, какъ ей жить послѣ него, но отъ ея крика не успѣлъ ни одного слова сказать; она не хотѣла выходить изъ комнаты, но отъ крика Василій принужденъ былъ насильно велѣть ее вывести, поцѣловавшись съ нею въ послѣдній разъ. Послѣ этого великій князь послалъ за владыкою коломенскимъ Вассіаномъ и старцемъ Мисаиломъ; спросилъ о кирилловскомъ игуменѣ, потому что прежде онъ думалъ постричься въ Кирилловомъ монастырѣ, но ему сказали, что кирилловскаго игумена нѣтъ въ Москвѣ; тогда послалъ за троицкимъ игуменомъ Іоасафомъ. Въ это время пришелъ къ больному Даніилъ митрополитъ, братья, всѣ бояре и дѣти боярскіе; митрополитъ и владыка Вассіанъ стали говорить, чтобъ великій князь послалъ за образомъ Владимірской Богородицы и св. Николая гостунскаго; образа

принесли; великій князь послалъ Шигону къ духовнику, чтобъ тотъ принесъ изъ церкви Дары служебные, и велѣлъ его спросить: „бывалъ ли онъ при томъ, когда душа разлучается отъ тѣла?" Протопопъ отвѣчалъ, что мало бывалъ. Тогда великій князь велѣлъ ему войти въ комнату и стать противъ него, а стряпчему Ѳедору Кучецкому велѣлъ стать съ протопопомъ рядомъ, потому что Ѳедоръ видѣлъ представленіе отца его, великаго князя Ивана; дьяку крестовому Данилу велѣлъ пѣть канонъ мученицѣ Екатеринѣ, да канонъ на исходъ души, и отходную велѣлъ себѣ говорить. Когда дьякъ запѣлъ канонъ, больной немного забылся, потомъ проснулся и началъ говорить, какъ будто видя видѣніе: „великая Христова мученица Екатерина, пора царствовать; такъ, госпожа, царствовать"; очнувшись совершенно, взялъ образъ великомученицы Екатерины, приложился къ нему и къ мощамъ той же святой, которые принесли ему тогда; подозвалъ къ себѣ боярина Михайлу Семеновича Воронцова, поцѣловался съ нимъ и простилъ его. Долго еще онъ лежалъ послѣ того, духовникъ подошелъ, хотѣлъ ему дать причастіе, но онъ сказалъ ему: „видишь самъ, что лежу боленъ, а въ своемъ разумѣ; но когда станетъ душа отъ тѣла разлучаться, тогда мнѣ дай Дары; смотри же разсудительно, не пропусти времени". Потомъ, подождавши еще немного, подозвалъ къ себѣ брата Юрія и сказалъ ему: „Помнишь, братъ, какъ отца нашего великаго князя Ивана не стало на другой день Дмитрова дни, въ понедѣльникъ, немочь его томила день и ночь? и мнѣ, братъ, также смертный часъ и конецъ приближается". Подождавши еще немного, подозвалъ Даніила митрополита, владыку коломенскаго Вассіана, братьевъ, бояръ и сказалъ: „Видите сами, что я изнемогъ и къ концу приблизился, а желаніе мое давно было постричься; постригите меня". Митрополитъ и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ хвалили это желаніе; но другое говорили князь Андрей Ивановичъ, Михайла Семеновичъ Воронцовъ и Шигона: „князь великій Владиміръ Кіевскій умеръ не въ чернецахъ, а не сподобился ли праведнаго покоя? и иные великіе князья не въ чернецахъ преставились, а не съ праведными ли обрѣли покой?" и былъ между ними споръ большой. Великій князь подозвалъ къ себѣ митрополита и сказалъ ему: „Исповѣдалъ я тебѣ, отецъ, всю свою тайну, что хочу монашества; чего такъ долежать? сподоби меня облещись въ монашескій чинъ, постриги меня". Потомъ еще немного подождавъ, сказалъ: „Такъ

ли мнѣ, господинъ митрополитъ, лежать? Началъ креститься и говоритъ: „Аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже!“ говорилъ также изъ икосовъ слова, выбирая. Конецъ его приближался, языкъ сталъ отниматься, но умирающій все просилъ постриженія, бралъ простыню и цѣловалъ ее; правая рука уже не могла подниматься, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ поднималъ ее ему, и Василій не переставалъ творить на лицѣ крестное знаменіе, смотря вверхъ направо, на образъ Богородицы, висѣвшій передъ нимъ на стѣнѣ. Тогда Даніилъ митрополитъ послалъ старца Мисаила, велѣлъ принесть монашеское платье въ комнату; отрицаніе же великій князь исповѣдалъ митрополиту еще въ то время, когда пріобщался въ воскресенье, тогда еще сказалъ: „если не дадутъ меня постричь, то на мертваго положите монашеское платье, потому что это давнее мое желаніе“. Когда старецъ Мисаилъ пришелъ съ платьемъ, то больной уже приближался къ концу; митрополитъ, взявши епитрахиль, подалъ черезъ великаго князя троицкому игумену Іоасафу. Но князь Андрей Ивановичъ и бояринъ Воронцовъ стали и тутъ противиться постриженію; тогда митрополитъ сказалъ князю: „Не будь на тебѣ нашего благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій; хорошъ сосудъ серебряный, а лучше позолоченый“. Великій князь отходилъ; спѣшили совершить постриженіе; близъ умирающаго стоялъ Шигона, который потомъ разсказывалъ, какъ духъ вышелъ изъ него въ видѣ тонкаго облака.

Такъ скончался великій князь Василій, въ монашествѣ Варлаамъ, 3 декабря 1533 года съ середы на четвергъ, въ 12-й часъ ночи. Поднялся плачъ и рыданіе неутѣшное во всѣхъ людяхъ; митрополитъ и бояре унимали людей отъ плача, но голосовъ ихъ было не слыхать; великая княгиня еще не знала о кончинѣ мужа, потому-то бояре унимали людей отъ громкаго плача, чтобъ не было слышно въ хоромахъ у Елены; митрополитъ, отведши братьевъ великаго князя, Юрія и Андрея, въ переднюю избу, взялъ съ нихъ присягу служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ, жить въ своихъ удѣлахъ, стоять въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василію, а государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть и людей отъ него не отзывать, противъ недруговъ, латинства и бесерменства стоять прямо, сообща, за одно; взята была также присяга съ бояръ, боярскихъ дѣтей и княжатъ. Исполнивши это дѣло,

митрополитъ съ удѣльными князьями и боярами отправился къ великой княгинѣ утѣшать ее; но Елена, увидавъ ихъ, упала замертво, и часа съ два лежала безъ чувствъ.

У тѣла Васильева оставались въ это время игуменъ троицкій Іоасафъ и старецъ Мисаилъ Сукинъ; монахи Іосифова монастыря одѣвали покойника по иноческому образу, положили подъ него постель черную, тафтяную, принесли изъ Чудова монастыря одръ, и положили на него тѣло. Когда великій князь преставился, то дьяки его крестовые съ протопопомъ начали служить заутреню, часы, каноны, какъ было при живомъ; по совершеніи этихъ службъ пущенъ былъ народъ прощаться: боярскіе дѣти, княжата, гости и всякіе люди, и былъ плачъ большой между всѣми. Утромъ на другой день, въ четвергъ, митрополитъ велѣлъ звонить въ большой колоколъ; бояре велѣли выкопать для покойнаго могилу подлѣ отца и привезли гробъ каменный; когда все было готово, монахи троицкіе и іосифовскіе вынесли на головахъ тѣло при пѣніи: „Святый Боже!“ Когда снесли на площадь, то вопль народный заглушилъ звонъ колоколовъ: великую княгиню Елену вынесли въ саняхъ на себѣ дѣти боярскіе; подлѣ нея шли двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Василій, бояринъ Воронцовъ, князь Михаилъ Глинскій и боярыня княгиня Мстиславская.

Старую духовную грамоту великій князь сжегъ, какъ мы видѣли: она была написана еще до развода съ первою женою; новая, предсмертная также не дошла до насъ; дошелъ только договоръ Василія съ братомъ Юріемъ, написанный совершенно въ старыхъ формахъ, точно также какъ былъ написанъ договоръ между ними еще при жизни отца, Іоанна III-го; Юрій по прежнему обязался держать племянника Іоанна старшимъ братомъ и господиномъ [378]. Изъ приведеннаго разсказа о кончинѣ Василія ясно можно усмотрѣть однако недовѣрчивость, которую питалъ великій князь къ брату Юрію и которая объясняется просьбою Яганова и взаимно объясняетъ ее. Гораздо дружественнѣе были отношенія великаго князя къ другому брату Андрею: это могло зависѣть какъ отъ характера Андрея, такъ преимущественно и отъ того, что онъ былъ младшій и при жизни Юрія не могъ и не имѣлъ выгоды предпринимать что-нибудь противъ великаго князя и его сына, слѣдовательно не могъ возбуждать такой подозрительности, какъ старшій Юрій, которому труднѣе было отказаться отъ недавнихъ правъ дя-

дей предъ племянниками; мы знаемъ о непріятныхъ столкновеніяхъ великаго князя съ братьями — Юріемъ, Димитріемъ, Семеномъ, но не знаемъ ничего о непріятностяхъ съ Андреемъ.

Правленіе Василія обыкновенно называютъ продолженіемъ правленія Іоаннова: отзывъ справедливый въ томъ смыслѣ, въ какомъ правленіе Іоанна можно назвать продолженіемъ правленія князей предшествовавшихъ. Издавна одно преданіе, одни стремленія и цѣли передавались другъ другу всѣми князьями московскими и даже вообще всѣми князьями сѣверной Руси, мало того, что эти князья имѣли одинакія цѣли, они употребляли обыкновенно одинакія средства для ихъ достиженія. Отсюда всѣ эти князья поразительно похожи другъ на друга, сливаются въ одинъ образъ, являются для историка какъ одинъ человѣкъ. Дѣйствительно ли было такъ, дѣйствительно ли всѣ они были такъ похожи другъ на друга? Ничто не мѣшаетъ намъ предполагать основнаго родоваго сходства въ ихъ характерахъ: кромѣ кровной передачи, на образованіе одинакихъ характеровъ имѣла могущественное вліяніе самая одинаковость положенія, одинаковость среды, въ которой они всѣ обращались, подъ впечатлѣніями которой они выростали и окрѣплялись; для каждаго изъ нихъ съ самаго нѣжнаго возраста выдвигались на первый планъ одни и тѣ же, немногіе, но важные предметы, на которыхъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе, о которыхъ все говорило и при обращеніи съ которыми издавна употреблялись одинакіе пріемы; въ этихъ пріемахъ заключалась единственная наука для молодыхъ, мудрость дѣдовъ и отцовъ, переходившая по завѣщанію. Мы замѣчаемъ, что родовое сходство рѣзко выражается въ членахъ тѣхъ фамилій, которыя сознаютъ важность своего общественнаго положенія, стараются сохранить эту важность, имѣютъ извѣстные, опредѣленные нравственные и политическіе взгляды и начала, по которымъ стараются постоянно дѣйствовать. И такъ во всѣхъ князьяхъ московскихъ могло быть общее родовое сходство въ характерахъ; хотя, съ другой стороны, мы не имѣемъ права отрицать и различія: при одинаковости общихъ взглядовъ и стремленій одинъ князь могъ при этихъ стремленіяхъ обнаружить болѣе смысла и рѣшительности, другой менѣе; но по характеру нашихъ источниковъ историческихъ мы не имѣемъ достаточно средствъ подмѣтить эти различія и опредѣлить характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, правителей, ибо въ памятникахъ рѣдко историческія лица представ-

ляются мыслящими, чувствующими, говорящими передъ нами, однимъ словомъ, живыми людьми; сами эти лица дѣйствуютъ большею частью молча, а другіе люди, къ нимъ близкіе, знавшіе ихъ хорошо, ничего намъ объ нихъ не говорятъ.

Признавая все важное значеніе дѣятельности Іоанна III, мы однако не сочли себя въ правѣ рѣзко отдѣлять эту дѣятельность отъ дѣятельности предковъ Іоанновыхъ, уменьшать въ пользу одного князя заслуги цѣлаго ряда предшествовавшихъ князей. Въ XVIII вѣкѣ, при первыхъ попыткахъ обработки отечественной исторіи, легко было увлечься нѣкоторыми громкими явленіями и смѣшать слѣдствіе съ причиною, отсюда понятно, почему въ XVIII вѣкѣ могло образоваться мнѣніе, что Іоаннъ III соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ татарское иго; но мы, зная, что соединеніе сѣверовосточной Руси началось съ усиленія Москвы, т. е. съ Іоанна Калиты, или, вѣрнѣе, съ брата его Юрія Даниловича, и почти кончилось при Василіи Темномъ, ибо при немъ было послѣднее княжеское междоусобіе, зная, что Іоанну III потому было такъ легко подчинить себѣ Новгородъ, что послѣдній не могъ получить помощи ни отъ одного уже князя сѣверовосточной Руси, зная все это, мы не можемъ уже сказать, что соединеніе раздробленной Россіи есть дѣло Іоанна III; зная, что Димитрій Донской разбилъ Мамая и принужденъ былъ заплатить тяжелую дань Тохтамышу, зная въ то же время, что Іоаннъ III не разбивалъ Ахмата, по смерти котораго однако татары съ Волги не приходили къ Москвѣ за данью, мы необходимо должны заключить о внутреннемъ, постепенномъ ослабленіи татаръ, должны заключить, что Димитрій Донской имѣлъ дѣло хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Іоаннъ III имѣлъ дѣло съ одною уже тѣнью. Событіе остается по прежнему на своемъ мѣстѣ, зависимость отъ татаръ вполнѣ прекратилась дѣйствительно въ княженіе Іоанна III; но мы не можемъ уже смѣшивать слѣдствія съ причиною: мы видимъ, что обширные размѣры, въ которыхъ является дѣятельность Іоанна III, суть слѣдствіе дѣятельности его предшественниковъ, что основанія величія Россіи были положены прежде Іоанна, но что за послѣднимъ остается важная заслуга—умѣнье продолжать дѣло предшественниковъ при новыхъ условіяхъ.

Не возвышая значенія Іоанна III въ ущербъ значенію предше-

ственниковъ его, мы не считаемъ себя также въ правѣ возвышать или уменьшать значенія Василія Іоанновича относительно значенія отца его. Видимъ одно преданіе и одинъ характеръ; всѣ согласны, что Василій не былъ такъ счастливъ, какъ Іоаннъ; это, разумѣется, не можетъ отнять достоинства у сына, ибо чѣмъ больше препятствій, тѣмъ выше заслуга. Какъ господствующія черты характера, замѣчаемъ въ Василіи необыкновенное постоянство, твердость въ достиженіи разъ предположенной цѣли, терпѣніе, съ какимъ онъ истощалъ всѣ средства при достиженіи цѣли, важность которой онъ призналъ. Это видно въ войнахъ казанскихъ, въ постоянствѣ усилій для овладѣнія Смоленскомъ, въ постоянствѣ исканія союза крымскаго и турецкаго; вѣрность разъ принятымъ началамъ видна особенно въ томъ, что какъ ни дорожилъ онъ пріязнію крымскаго хана, однако ни за что не соглашался обязываться срочною посылкою опредѣленной суммы денегъ въ Крымъ, ибо это имѣло бы видъ дани. Что же касается до ближайшаго знакомства съ характеромъ Василія, то для этого мы имѣемъ только одинъ памятникъ; къ сожалѣнію этотъ драгоцѣнный памятникъ, изображающій намъ Василія какъ живого человѣка, есть изображеніе Василія умирающаго, изображеніе его предсмертныхъ дней, которое мы привели во всей подробности. Само собою разумѣется, что поведеніе человѣка въ послѣдніе дни его жизни, и именно при сознаніи, что это послѣдніе дни, какъ-то было съ Василіемъ, не можетъ дать намъ вполнѣ вѣрнаго понятія о прежнемъ поведеніи человѣка; но мы должны воспользоваться тѣмъ, что у насъ есть.

Василій занемогъ ѣдучи съ богомолья изъ троицкаго монастыря на охоту въ Волокъ Ламскій: это были двѣ постоянныя цѣли поѣздокъ великаго князя. Въ характерѣ Василія замѣчаемъ болѣе живости, болѣе склонности къ движенію, къ перемѣнѣ мѣстъ, чѣмъ у отца его, Іоанна, который, по словамъ знаменитаго его современника, Стефана молдавскаго, любилъ сидѣть спокойно на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ владѣнія его увеличивались со всѣхъ сторонъ [379]. Василій кромѣ троицкаго монастыря, ѣзжалъ на богомолье въ Переяславль, Юрьевъ, Владиміръ, Ростовъ, къ Николѣ на Угрѣшу, въ Тихвинъ, Ярославль, Вологду, Кирилловъ монастырь, къ Николѣ Заразскому. Другою цѣлью поѣздокъ была охота, къ которой Василій былъ страстенъ: занемогши трудною болѣзнію, онъ однако не утерпѣлъ, когда наступила благопріятная для охоты

погода, и выѣхалъ въ поле съ собаками; любимымъ мѣстомъ для охоты былъ у него Волокъ Ламскій, который однако онъ сталъ посѣщать не ранѣе 1515 года, то-есть года два спустя по смерти послѣдняго волоцкаго князя Ѳедора Борисовича; въ 1519 онъ пробылъ въ Волокѣ отъ 14 сентября до 26 октября; ѣздилъ на потѣху также въ Можайскъ; лѣто Василій любилъ проводить за городомъ; любимыми подмосковными мѣстами его были: Островъ, Воробьево и Воронцово; въ 1519 году въ маѣ онъ выѣхалъ изъ Москвы къ Николѣ на Угрѣшу, оттуда въ Островъ, гдѣ жилъ до Петровокъ, а потомъ все лѣто провелъ въ Воронцовѣ [380]. Отношенія Василія къ Іосифову монастырю живо выставляются въ разсказѣ, что дьяконъ, начавши молиться за великаго князя, не могъ продолжать отъ слезъ, игуменъ и братія также плакали; князь Курбскій лучше всего объясняетъ намъ эту картину, близко соединяя въ своей враждѣ Василія съ монахами Іосифова монастыря, говоря, что эти монахи были подобны Василію. Видимъ въ Василіи живое сочувствіе къ господствующему интересу времени, интересу религіозному, сочувствіе къ монастырю, который имѣлъ для лучшихъ людей неотразимую привлекательность, какъ лучшее, избранное общество, занимавшееся высшими вопросами жизни: сюда люди болѣе живые, болѣе развитые, болѣе способные обращать вниманіе на любопытные вопросы жизни, шли за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, за умною бесѣдою вообще; здѣсь они могли всегда узнать что-нибудь для нихъ важное, ибо здѣсь собирались книги, здѣсь сосредоточивалось тогдашнее просвѣщеніе, здѣсь складывалось духовное, умственное оружіе, необходимость котораго въ важныхъ борьбахъ и тогда хорошо понимали.

Три монастыря пользовались особеннымъ расположеніемъ Василія: Іосифовъ волоцкій былъ ему близокъ по отношеніямъ къ основателю, находился подъ его особеннымъ покровительствомъ, отличался приверженностію къ его лицу; но самая эта близость отношеній и недавняя знаменитость монастыря не могли внушить великому князю такого высокаго уваженія, какое онъ питалъ къ монастырямъ Кириллову Бѣлозерскому и Сергіеву Троицкому; иноческая жизнь въ первомъ особенно его прельщала, такъ что онъ выражалъ желаніе постричься здѣсь; Троицкій монастырь, по святости и государственному значенію основателя, не переставалъ пользоваться всеобщимъ великимъ уваженіемъ: „вашими молитвами,

говорилъ Василій троицкому игумену, далъ мнѣ Богъ сына, я крестилъ его у Чудотворца, поручилъ его ему, положилъ ребенка на раку преподобнаго, вамъ, отецъ, я своего сына на руки отдалъ". Прежде, обращаясь къ митрополиту, братьямъ и боярамъ, великій князь сказалъ: „приказываю сына Богу, Богородицѣ, святымъ чудотворцамъ и тебѣ, отцу своему Данилу митрополиту всея Руси;" не прибавилъ, что приказываетъ братьямъ, къ которымъ обратился только съ напоминаніемъ о ихъ обязанностяхъ къ племяннику, о клятвѣ, ими данной. Мысль о малолѣтствѣ сына, о возможности смутъ по этому случаю сильно безпокоила умирающаго: „молись. отецъ, о земскомъ строеніи", говорилъ онъ троицкому игумену.

Жены и сына не было долго у постели больного; причина вскрывается: онъ боялся своимъ изнеможеннымъ видомъ сокрушить жену, испугать сына; пока еще оставалась надежда на выздоровленіе, онъ не хотѣлъ съ ними видѣться, дожидаясь возможности сказать женѣ утѣшительное слово, показаться не въ столь страшномъ видѣ. Будучи здоровъ, онъ желалъ нравиться молодой женѣ, и для этого даже обрилъ себѣ бороду [381]. Когда надежда на выздоровленіе исчезла, больной рѣшился благословить старшаго сына крестомъ Петра Чудотворца, соединяя съ этимъ дѣйствіемъ особенную силу, которой не хотѣлъ лишить своего наслѣдника; но и тутъ было раздумалъ, боясь испугать своимъ видомъ малютку: всѣ заботы, всѣ мысли о будущемъ сосредоточивались у больного на одномъ старшемъ сынѣ, великомъ князѣ, наслѣдникѣ престола; но если для отца—государя мысль о старшемъ сынѣ была преобладающею, то мать не могла забыть и о младшемъ сынѣ, настояла, чтобъ отецъ благословилъ и этого малютку. Высказавшіяся здѣсь семейныя отношенія Василія дополняются немногими дошедшими до насъ письмами его къ Еленѣ. Въ одномъ письмѣ великій князь заботливо спрашиваетъ у жены о ея здоровьѣ: „Отъ великаго князя Василья Ивановича всея Руси женѣ моей Еленѣ. Я здѣсь, далъ Богъ, милостію Божіею и Пречистыя Его Матери и Чудотворца Николы, живъ до Божьей воли; здоровъ совсѣмъ, не болитъ у меня, далъ Богъ, ничто. А тыбъ ко мнѣ и впередъ о своемъ здоровьѣ отписывала и о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти меня не держала, и о своей болѣзни отписывала, какъ тебя тамъ Богъ милуетъ, чтобъ мнѣ про то было вѣдомо. А теперь я послалъ къ митрополиту да и къ тебѣ Юшка Шеина, а съ нимъ послалъ къ

тебѣ образъ—Преображенье Господа нашего Іисуса Христа; да послалъ тебѣ въ этой грамотѣ запись свою руку; и тыбъ эту запись прочла, да держала ее у себя. А я, если дастъ Богъ, самъ, какъ мнѣ Богъ поможетъ, непремѣнно къ крещенью буду на Москву. Писалъ у меня эту грамоту дьякъ мой Труфанецъ, и запечаталъ я ее своимъ перстнемъ". Собственноручная записка великаго князя, къ сожалѣнію, не дошла до насъ. Второе письмо великаго князя къ Еленѣ есть отвѣтное на увѣдомленіе ея, что у маленькаго Іоанна показался на шеѣ вередъ: „Ты мнѣ прежде объ этомъ зачѣмъ не писала? И тыбъ ко мнѣ теперь отписала, какъ Ивана сына Богъ милуетъ, и что у него такое на шеѣ явилось, и какимъ образомъ явилось, и какъ давно, и какъ теперь. Да поговори съ княгинями и съ боярынями, что это такое у Ивана сына явилось, и бываетъ ли это у дѣтей малыхъ? если бываетъ, то отъ чего бываетъ? съ роду ли, или отъ инаго чего? о всемъ бы объ этомъ ты съ боярынями поговорила и ихъ выспросила, да ко мнѣ отписала подлинно, чтобъ мнѣ все знать. Да и впередъ чего ждать, что онѣ придумаютъ—и объ этомъ дай мнѣ знать; и какъ нынѣ тебя Богъ милуетъ и сына Ивана какъ Богъ милуетъ, обо всемъ отпиши". Елена отвѣчала, что вередъ прорвался; Василій писалъ къ ней опять: „И тыбъ ко мнѣ отписала, теперь что идетъ у сына Ивана изъ больнаго мѣста, или ничего не идетъ? и каково у него это больное мѣсто, поопало, или еще не опало, и каково теперь? Да и о томъ ко мнѣ отпиши, какъ тебя Богъ милуетъ, и какъ Богъ милуетъ сына Ивана. Да побаливаетъ у тебя полголовы, и ухо, и сторона: такъ тыбы ко мнѣ отписала, какъ тебя Богъ миловалъ, не баливало ли у тебя полголовы, и ухо, и сторона, и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ? обо всемъ этомъ отпиши ко мнѣ подлинно". Четвертое письмо отвѣтное на увѣдомленіе Елены о болѣзни второго сына Юрія: „Тыбъ и впередъ о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ Ивана сына безъ вѣсти меня не держала; и о Юрьѣ сынѣ ко мнѣ подробно отписывай, какъ его станетъ впередъ Богъ миловать". Въ пятомъ письмѣ пишетъ: „Да и о кушаньѣ сына Ивана впередъ ко мнѣ отписывай: что Иванъ сынъ покушаетъ, чтобъ мнѣ было вѣдомо" [382].

Мы видѣли, что, по свидѣтельству Герберштейна, Василій кончилъ то, что начато было отцемъ его, вслѣдствіе чего властію своею надъ подданными онъ превосходилъ всѣхъ монарховъ въ

цѣломъ свѣтѣ, имѣлъ неограниченную власть надъ жизнію, имуществомъ людей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ; изъ совѣтниковъ его, бояръ, никто не смѣлъ противорѣчить или противиться его приказанію; по извѣстію Герберштейна, русскіе торжественно провозглашали, что воля государева есть воля Божія, что государь есть исполнитель воли Божіей; о дѣлѣ неизвѣстномъ говорили: „знаетъ то Богъ, да великій князь“. Когда Герберштейнъ спросилъ сѣдого старика, бывшаго великокняжескимъ посломъ въ Испаніи, зачѣмъ онъ такъ суетился во время пріема пословъ, то онъ отвѣчалъ: „Сигизмундъ! Мы служимъ своему государю не по вашему“ [38]. Когда Бояринъ Берсень Беклемишевъ позволилъ себѣ противорѣчить Василіеву мнѣнію относительно Смоленска, то великій князь сказалъ ему: „Ступай, смердъ, прочь, не надобенъ ты мнѣ“. Встрѣчаемъ извѣстія, что въ важныхъ дѣлахъ великій князь разсуждалъ въ думѣ съ братьями и боярами; но въ то же время встрѣчаемъ извѣстіе, что Василій о важныхъ дѣлахъ разсуждалъ запершись самъ третей съ любимцами, приближенными къ себѣ людьми. Къ объясненію этихъ извѣстій служитъ тотъ же драгоцѣнный памятникъ—повѣствованіе о кончинѣ Василія: здѣсь мы видимъ, что самымъ приближеннымъ къ великому князю человѣкомъ былъ тверской дворецкій Шигона Поджогинъ, потомъ довѣренностію его пользовались дьяки—Мансуровъ, Путятинъ, Цыплятевъ, Курицынъ, Раковъ, Мишуринъ; то же расположеніе къ дьякамъ мы увидимъ послѣ и у сына Васильева, Іоанна IV-го; Мансуровъ и Путятинъ посланы были тайно за духовными грамотами; тайно отъ братьевъ и отъ бояръ великій князь велѣлъ сжечь эти прежнія духовныя, о чемъ знали только Шигона и Путятинъ; потомъ начавши думать о новой духовной, Василій, сказано, пустилъ къ себѣ въ думу Шигону и Путятина, слѣдовательно думалъ самъ третей; съ этими двумя приближенными людьми онъ сталъ думать, кого бы еще пустить въ думу о духовныхъ грамотахъ. Имѣемъ право заключать, что такъ бывало и въ другихъ случаяхъ: братья великокняжескіе и бояре, всѣ или нѣкоторые, допускались къ разсужденію о дѣлахъ по предварительномъ совѣщаніи великаго князя съ довѣренными людьми. Когда, по пріѣздѣ уже въ Москву, Василій рѣшился приступить къ предсмертнымъ распоряженіямъ, то призвалъ бояръ: князя Василія Васильевича Шуйскаго, Михаила Юрьевича, Михаила Семеновича Воронцова, казначея Петра Голо-

вина, Шигону, дьяковъ Путятина и Мишурина; потомъ прибавлены были въ думу бояре—князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Михайла Васильевичъ Тучковъ, и наконецъ, послѣ совѣщанія съ этими боярами, былъ присоединенъ князь Михайла Глинскій по родству съ великою княгинею. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь всѣхъ вельможъ двора Василіева, которыхъ великій князь считалъ нужнымъ призвать къ совѣщанію о будущихъ судьбахъ государства; здѣсь, какъ ясно видно, поставлены они по степени ихъ знатности, и первое мѣсто занимаетъ князь Шуйскій. Мы видѣли, что въ княженіе предшественниковъ Василіевыхъ долго первенствовала фамилія князей Гедиминова рода, Патрикѣевыхъ; старшая линія пала при Іоаннѣ III, младшая осталась; первое мѣсто послѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, съ званіемъ воеводы московскаго, занялъ князь Василій Даниловичъ Холмской, зять великаго князя, второе мѣсто князь Данило Васильевичъ Щеня-Патрикѣевъ. Но Холмскаго скоро постигла участь Патрикѣевыхъ: лѣтомъ 1508 года лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ князя Василія Даниловича къ Брянску противъ литовцевъ, а осенью говоритъ о его заточеніи въ тюрьму и о смерти. Причинъ не знаемъ; видимъ только, съ какою опасностію сопряжено было въ это время первое мѣсто, мѣсто воеводы московскаго. Званіе Холмскаго принялъ слѣдовавшій за нимъ князь Данило Васильевичъ Щеня [384], о которомъ упоминается въ послѣдній разъ въ 1515 году. На второмъ послѣ Щени мѣстѣ видимъ князя Димитрія Владиміровича Ростовскаго, на третьемъ князя Василья Васильевича Шуйскаго, на четвертомъ сына старика Щени, князя Михайлу Даниловича Щенятева [385]. Кто носилъ званіе воеводы московскаго по смерти старика Щени, съ точностію не знаемъ; при концѣ княженія Василіева въ числѣ приближенныхъ къ нему бояръ на первомъ мѣстѣ видимъ князя Василія Васильевича Шуйскаго, который прежде занималъ третье мѣсто; по всѣмъ вѣроятностямъ онъ носилъ званіе воеводы московскаго. Шуйскіе, потомки князей суздальскихъ-нижегородскихъ, такъ долго отстаивавшихъ свою самостоятельность отъ князей московскихъ, Шуйскіе, одинъ изъ которыхъ, князь Василій Гребенка былъ послѣднимъ воеводою вольнаго Новгорода, послѣ другихъ Рюриковичей вступили въ службу московскихъ князей и были въ тѣни при Іоаннѣ III; только въ княженіе сына его они добиваются первенствующаго положенія. Второе мѣсто послѣ Шуйскаго занимаетъ не

князь, но потомокъ одной изъ древнѣйшихъ московскихъ боярскихъ фамилій, Михаилъ Юрьевичъ Кошкинъ. Мы видѣли, что не смотря на сильный приплывъ княжескихъ фамилій, Рюриковичей и Гедиминовичей къ московскому двору, Кошкины успѣшнѣе другихъ боярскихъ родовъ сдерживали этотъ напоръ, не позволяли себѣ слишкомъ удаляться отъ первыхъ мѣстъ, и были такимъ образомъ представителями древнихъ московскихъ боярскихъ фамилій, имѣвшихъ такое важное значеніе въ исторіи собиранія русской земли. Мы видѣли, что Яковъ Захарьевичъ Кошкинъ занималъ третье мѣсто въ думѣ Іоанна III-го, послѣ князя Холмскаго и Щени; теперь племянникъ его, сынъ Юрія Захарьевича, не хотѣвшаго уступать князю Щенѣ-Патрикѣеву, Михаилъ Юрьевичъ занимаетъ уже второе мѣсто въ ближней думѣ великаго князя Василія. Что Михаилъ Юрьевичъ былъ изъ числа самыхъ близкихъ и приверженныхъ людей къ Василію, это ясно видно изъ разсказа о кончинѣ великаго князя: послѣдній послалъ за нимъ, когда еще находился въ Волоколамскѣ; Михаилъ Юрьевичъ заботливо ухаживаетъ за больнымъ, утѣшаетъ его надеждою, что черезъ день или два получитъ облегченіе; Михаилъ Юрьевичъ вмѣстѣ съ Шигонïю присутствуетъ при благословеніи сыновей, при прощаніи съ женою; Михаилъ Юрьевичъ держитъ сторону митрополита, одобряетъ намѣреніе великаго князя постричься передъ смертію; Михаилъ Юрьевичъ поднимаетъ ослабѣвшую руку умирающаго для крестнаго знаменія.

Послѣ Михаила Юрьевича Кошкина, на третьемъ мѣстѣ, видимъ потомка другой древней и знаменитой боярской фамиліи, Михаила Семеновича Воронцова, происходившаго отъ Ѳедора Воронцова-Вельяминова, брата послѣдняго Тысяцкаго; какъ видно, между великимъ княземъ и Воронцовымъ были какія-то непріятности, ибо сказано, что умирающій подозвалъ Воронцова къ себѣ, поцѣловался съ нимъ и простилъ его. Казначей, Петръ Ивановичъ Головинъ удерживалъ мѣсто отца своего, извѣстнаго намъ боярина Іоаннова Ивана Владиміровича Головы-Ховрина; наконецъ видимъ Михаила Васильевича Тучкова, происходившаго изъ рода Морозовыхъ. Это были члены ближней думы, люди болѣе довѣренные; но были члены другихъ княжескихъ и боярскихъ фамилій, не менѣе знаменитыхъ, но пользовавшіеся меньшимъ довѣріемъ; такъ послѣ совѣщанія съ поименованными приближенными лицами великій

князь призвалъ къ себѣ всѣхъ остальныхъ бояръ, князя Димитрія Бѣльскаго съ братьями, Шуйскихъ, Горбатыхъ (Суздальскихъ, родственниковъ Шуйскимъ), Поплевиныхъ (Морозовыхъ).

Мы видѣли, что еще Іоаннъ III взялъ съ князя Холмскаго клятвенную грамоту—не отъѣзжать; отъ времени Василія дошло до насъ нѣсколько такихъ грамотъ—знакъ, что при усиленіи новаго порядка вещей, приверженцы старины крѣпко держались за обветшалое право отъѣзда, и, не имѣя возможности отъѣзжать къ русскимъ князьямъ, считали для себя позволеннымъ отъѣздъ въ Литву. Князь Василій Васильевичъ Шуйскій далъ запись: „отъ своего государя и отъ его дѣтей изъ ихъ земли въ Литву, также къ его братьямъ и никуда не отъѣхать до самой смерти". Такія же записи взяты были съ князя Димитрія и Ивана Θедоровича Бѣльскихъ и съ князя Воротынскаго. Число князей Гедиминовичей при московскомъ дворѣ умножилъ въ княженіе Василія знатный выходецъ, князь Θедоръ Михайловичъ Мстиславскій, отъѣхавшій изъ Литвы въ 1526 году; какъ велъ себя Мстиславскій въ новомъ отечествѣ, видно изъ его клятвенной записи: „Я, князь Θедоръ Михайловичъ Мстиславскій присылалъ изъ Литвы къ великому князю Василію, государю всея Руси бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ мнѣ ѣхать къ себѣ служить; и великій государь меня холопа своего пожаловалъ, прислалъ ко мнѣ воеводъ своихъ и велѣлъ мнѣ къ себѣ ѣхать. Какъ я пріѣхалъ, государь меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ себѣ служить и жалованьемъ своимъ пожаловалъ. Послѣ того сказали государю, что я думаю ѣхать къ Сигизмунду королю: государь меня и тутъ пожаловалъ, опалы своей на меня не положилъ, а я государю ввелъ порукою по себѣ Даніила митрополита и все духовенство. цѣловалъ крестъ у гроба чудотворца Петра, и далъ на себя грамоту за митрополичьею печатью, что мнѣ къ королю Сигизмунду, къ братьямъ великокняжескимъ, ихъ дѣтямъ и ни къ кому другому не отъѣхать, а служить мнѣ государю своему, великому князю Василію и добра ему хотѣть, государь меня пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ, отдалъ за меня свою племянницу, княжну Настасью. И я, князь Θедоръ, преступивши крестное цѣлованіе, позабывши, что ввелъ по себѣ порукою Даніила митрополита, позабывши жалованье государя, хотѣлъ ѣхать къ его недругу, Сигизмунду королю; государь, по моей винѣ, опалу свою на меня положилъ. Я за свою

вину билъ челомъ государю чрезъ Даніила митрополита и владыкъ; государь, по прошенью и челобитью митрополита, архіепископовъ, епископовъ и всего духовенства, меня своего холопа пожаловалъ, вину мнѣ отдалъ". Мстиславскій обязывается въ своей новой грамотѣ: „Думы государя и сына его, князя Ивана, не проносить никому; судить судъ всякій въ правду, дѣло государей своихъ беречь и дѣлать его прямо безъ всякой хитрости". Но М. А. Плещеевъ, котораго также великій князь простилъ по ходатайству митрополита, обязуется въ своей записи: „Если кто-нибудь станетъ мнѣ говорить какія рѣчи на лицо моего государя, о его великой княгинѣ Еленѣ и ихъ дѣтяхъ, станетъ говорить о лихомъ зельѣ, чтобъ дать его имъ, или какое нибудь другое злое дѣло захочетъ сдѣлать: то мнѣ къ лиходѣямъ государя своего не приставать, съ ними не говорить и не думать, и не дѣлать мнѣ того самому", и проч. И Василій, по примѣру отца не довольствовался одною порукою духовенства, но требовалъ денежнаго ручательства: такъ князя Глинскаго выручили трое вельможъ въ 5000 рубляхъ, и за этихъ поручниковъ поручились еще 47 человѣкъ; двойная же порука была и за Шуйскихъ [386]. Таковы были мѣры противъ отъѣздовъ; строгія мѣры предпринимались также противъ людей, которые толковали о другомъ дружинномъ правѣ, правѣ совѣта: мы видѣли, что Берсень Беклемишевъ подвергся опалѣ за то, что смѣлъ противорѣчить великому князю; недовольный бояринъ жаловался на перемѣны, произведенныя Софіею и ея сыномъ; жалобы эти имѣли слѣдствіемъ то, что Берсеню отрубили голову; дьякъ Ѳедоръ Жареный, который осмѣлился также жаловаться, былъ битъ кнутомъ и лишился языка [387]. Строго наказывалась и отговорка отъ службы: дьякъ Третьякъ Далматовъ, которому велѣно было ѣхать посломъ къ императору Максимиліану, объявилъ, что не имѣетъ средствъ къ этой поѣздкѣ; его схватили и заточили на вѣки на Бѣлоозеро, имѣніе отобрали въ казну [388].

Титулъ Василія былъ слѣдующій: „Великій государь Василій, Божію милостію государь всея Руси и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, псковскій, смоленскій, тверскій, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода низовской земли, и черниговскій, и рязанскій, и волоцкій, и ржевскій, и бѣльскій, и ростовскій, и ярославскій, и бѣлозерскій, и удорскій, и обдорскій, и кондинскій, и иныхъ". Титулъ

царя употреблялся въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и при Іоаннѣ III. Въ письмахъ къ великому князю отъ людей незначительныхъ со времени Василія попадаются уменьшительныя уничижительныя имена: такъ великій князь приговорилъ однажды съ боярами отправить въ Крымъ посломъ незначительнаго человѣка, средняго, и послали Илью Челищева, который въ грамотахъ своихъ къ великому князю подписывался: „Холопъ твой Илейка Челищевъ челомъ бьетъ"; тогда какъ другой посолъ, сынъ боярскій Шадринъ подписывался: „Васюкъ"; въ грамотахъ отъ великаго князя къ нимъ обоимъ писали такъ: „Нашему сыну боярскому Василью Иванову сыну Шадрина, да ближнему нашему человѣку Илейкѣ Челищеву" [389].

Мы видѣли, что Іоаннъ III въ завѣщаніи своемъ постановилъ, чтобъ монета чеканилась только во владѣніяхъ великаго князя, въ Москвѣ и Твери, а не въ удѣлахъ [390].

Источники доходовъ для казны великокняжеской вообще были тѣ же самые какъ и прежде; упоминается пошлина, не встрѣчавшаяся прежде, т у к о в ы я д е н ь г и [391]. Что касается Руси литовской, то изъ грамоты короля Сигизмунда 1507 года получаемъ понятіе о сборѣ с е р е б щ и з н ы: Король пишетъ, что для великой потребы государевой и земской, на Городенскомъ сеймѣ наложили на всю землю, какъ на духовныхъ, такъ и на свѣтскихъ людей, серебщизну, отъ каждой сохи воловой по 15 грошей, отъ конской по $7^1/_2$ грошей, отъ человѣка, который сохъ не имѣетъ, отъ земли по шести грошей, отъ огородника по три гроша; о государевыхъ доходахъ въ Литовской Руси можно получить также понятіе изъ уставныхъ грамотъ короля Сигизмунда, данныхъ Могилеву и Гродно; вопервыхъ, государскій приходъ: 300 копъ широкихъ грошей, четыре рубля грошей бобровщины, четыре рубля грошей яловщины; три рубля грошей восковыхъ, отъ старца серебрянаго 15 копъ грошей широкихъ, отъ медоваго старца 10 копъ, скотнаго серебра на третій годъ 20 рублей грошей, тіунщины 80 копъ грошей, за корчмы могилевскія 104 копы; серебщизна дается на третій годъ, сколько положитъ государь; державца королевскій берегъ каждый годъ: въѣзднаго 50 копъ грошей, полюдованья (полюдья), если въ волость не поѣдетъ, 50 копъ грошей, тіунщины изъ королевской суммы беретъ половину. Въ Гродненской грамотѣ читаемъ: „когда по дворамъ гродненскимъ жито будетъ сжато, то староста долженъ отдать челяди нашей не-

вольной мѣсячину на весь годъ, а потомъ съ жита и яроваго всякаго хлѣба беремъ на себя двѣ части, а на старосту идетъ третья часть; двѣ части, которыя беремъ на себя, должны быть поставлены въ нашихъ гумнахъ, и безъ нашего вѣдома не могутъ быть тронуты; озера всѣ въ повѣтѣ гродненскомъ и ѣзы по рѣкамъ принадлежатъ намъ; тіунъ гродненскій по всей волости долженъ сбирать на насъ ленъ по старинѣ". О хозяйствѣ въ земляхъ королевскихъ и доходахъ съ нихъ можемъ имѣть понятіе изъ уставной грамоты державцамъ и урядникамъ королевскихъ волостей, приписныхъ къ виленскому и троицкому замкамъ, 1529 года: немедленно послѣ жатвы изъ полученнаго жита прежде всего должно заплатить церковныя десятины, тамъ, гдѣ онѣ постановлены: потомъ должно отложить на сторону то жито, которое должно пойти на посѣвъ будущаго года; далѣе должно быть отложено количество хлѣба для раздачи мѣсячины челяди невольной; потомъ, изъ того, что останется—двѣ части на короля, а третью на державца; изъ яроваго хлѣба державцы берутъ себѣ четвертую часть, отложивши три—королю, па посѣвъ и на раздачу; жито, оставшееся на гумнахъ дворовъ королевскихъ, весною должно продаваться; въ небытность короля огородными овощами пользуются державцы, когда же самъ король пріѣдетъ, то овощи идутъ на его кухню; льну должно сѣять такое количество, чтобъ каждая женщина, получающая мѣсячину, давала ежегодно поставъ полотна, въ 50 локтей и проч.; челяди невольной противополагаются подданные, люди тяглые, которые обязаны лѣтомъ работать съ весны, когда начинаютъ пахать подъ яровое до дня св. Симона Іуды; а отъ этого срока на зиму державцы, оставивши часть работниковъ для дворовыхъ надобностей, остальныхъ сажаютъ на оброкъ, который состоитъ или въ бочкѣ пшеницы, или въ вепрѣ; бояре путные и осочники, которые издавна обязаны ходить на войну и косить сѣно, также рыболовы, бортники, кузнецы и другіе подданные дворовъ королевскихъ, которые тяглой службы не служатъ, обязаны отправлять полевыя работы двѣнадцать дней въ лѣто. Пустыя земли державцы обязаны отдавать въ наймы за деньги или за меды, рыба, ловимая въ озерахъ, продается: двѣ трети вырученныхъ за нее денегъ идетъ въ казну королевскую, треть державцу; произведенія лѣсовъ—смола, зола и проч. сполна принадлежатъ казнѣ королевской; мыты рѣчные, перевозы, капщизны, мельницы, кунич-

ное, пошлины съ варки пива и меду идутъ на короля, торговое и побόрное, мясное и другія—на державца; державца обязанъ заботиться о стадахъ, и платить, если по его недосмотру случится ущербъ; обязанъ выбирать добрыхъ и вѣрныхъ урядниковъ дворныхъ—заказниковъ, старцевъ, тіуновъ, приставовъ, сорочниковъ, гуменниковъ.—Жители Жмудской земли по уставной грамотѣ 1529 года обязаны были платить ежегодно куницы, за каждую куницу по 12 грошей, а державцамъ и тіунамъ, которые будутъ сбирать куничныя деньги, обязаны давать по три пенязя; кромѣ того обязаны платить въ казну ежегодно отъ каждой сохи воловой по полукопью (30 грошей), а отъ конской сохи по 15 грошей; а у кого не будетъ сохъ, ни воловыхъ, ни конскихъ, а только земли, тѣ обязаны давать по 10 грошей съ каждой службы; потомъ должны давать—за бочку овса шесть грошей, за возъ сѣна два гроша; въ королевскій проѣздъ обязаны поставлять для короля живность, овесъ, сѣно, медъ, пиво [392].

Изъ обычаевъ московскаго двора временъ великаго князя Василія мы имѣемъ описаніе посольскаго пріема и торжественнаго обѣда во дворцѣ. Въ день представленія значительныхъ пословъ запирались всѣ лавки и мастерскія, жители толпились на дорогѣ, по которой проѣзжали послы; толпы увеличивались еще дворовыми людьми боярскими и ратными людьми, которыхъ собирали къ этому случаю изъ окрестныхъ волостей: это дѣлалось для того, чтобъ дать посламъ высокое понятіе о многочисленности народонаселенія, о могуществѣ великаго князя. Послы должны были сходить съ лошадей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣстницы, ибо сходить съ коня у самой лѣстницы могъ одинъ только великій князь. Начиная съ середины лѣстницы выходили на встрѣчу къ посламъ вельможи, все болѣе и болѣе значительные, которые подавали руки и цѣловались съ послами. При входѣ пословъ въ палату, гдѣ сидѣлъ великій князь съ знатнѣйшими боярами, послѣдніе вставали (если присутствовали братья великокняжескіе, то они не вставали, но сидѣли съ непокрытыми головами, а бояре въ шапкахъ), и одинъ изъ бояръ докладывалъ великому князю о послахъ, говоря: „Такой-то и такой-то (имена пословъ) челомъ бьетъ". Великій князь сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ съ открытою головою: на стѣнѣ висѣлъ образъ въ богатой ризѣ, съ правой стороны на скамьѣ лежала шапка, съ лѣвой посохъ, украшенный крестомъ. Тол-

мачъ переводилъ посольскія рѣчи; при имени государей, отъ которыхъ правилось посольство, великій князь вставалъ и по окончаніи рѣчей спрашивалъ о здоровьѣ ихъ, послѣ чего послы подходили къ рукѣ; великій князь спрашивалъ ихъ—хорошо ли доѣхали? и приказывалъ имъ садиться, для чего приготовлялась скамья противъ великаго князя; послы, поклонившись великому князю и потомъ на всѣ стороны (ибо бояре все это время стояли), садились. Если послы и члены ихъ свиты привозили подарки (поминки), то послѣ описанныхъ обрядовъ, бояринъ представлявшій пословъ, вставалъ и, обратясь къ великому князю, громкимъ голосомъ говорилъ, что такой-то посолъ челомъ бьетъ такимъ-то поминкомъ, а между тѣмъ дьякъ записывалъ подарки и имена дарителей. Посидѣвши немного, великій князь обращался къ посламъ съ приглашеніемъ къ обѣду, и этимъ обрядъ представленія оканчивался. При входѣ въ обѣденную палату, послы заставали великаго князя и бояръ уже сидящими за столомъ; при входѣ пословъ бояре вставали, послы кланялись на всѣ стороны и занимали назначенное для нихъ мѣсто, на которое самъ великій князь указывалъ имъ рукою. Столы были накрыты кругомъ, въ серединѣ находился поставецъ, наполненный золотыми и серебряными бокалами. На столѣ, за которымъ сидѣлъ великій князь, по обѣ стороны столько было оставляемо пустого мѣста, сколько могъ занять великій князь распростертыми руками; если братья великокняжескіе присутствовали за обѣдомъ, то старшій садился по правую, младшій по лѣвую сторону; ниже удѣльныхъ князей сидѣли князья служилые и бояре; но между удѣльными князьями и служилыми оставалось также пустое мѣсто еще нѣсколько шире, чѣмъ между великимъ княземъ и его братьями; противъ великаго князя, на особомъ столѣ, садились послы; ниже, опять черезъ извѣстной величины промежутокъ, помѣщалась ихъ свита; далѣе сидѣли тѣ чиновники, которые ѣздили за послами на подворье, наконецъ люди незнатные, приглашенные по особенной милости великаго князя. По столамъ были разставлены уксусницы, перечницы, солонки. При началѣ обѣда великій князь изъ своихъ рукъ посылалъ посламъ хлѣбъ, причемъ и послы и всѣ присутствующіе вставали, кромѣ братьевъ великокняжескихъ; послы кланялись великому князю, и на всѣ стороны. Высшая почесть состояла въ томъ, если великій князь кому-нибудь изъ присутствующихъ пошлетъ соли,

нбо посылка хлѣба означаетъ только благосклонность, посылка же соли —любовь. Въ знакъ благосклонности, кромѣ хлѣба, великій князь посылалъ отъ себя и другія кушанья, причемъ нужно было каждый разъ вставать и кланяться на всѣ стороны: это брало много времени и утомляло непривыкшихъ къ такому обычаю пословъ. Изъ кушаньевъ упоминаются жаркіе лебеди, которыхъ ѣли съ уксусомъ, перцемъ, солью, сметаною, солеными огурцами; изъ напитковъ—мальвазія, греческое вино и разные меды; сосуды, какъ большіе, такъ и малые, были изъ чистаго золота. Великій князь очень ласково разговаривалъ за обѣдомъ съ послами, подчивалъ ихъ, предлагалъ разные вопросы. Иногда для показанія особенной дружбы къ государю, отъ котораго были послы, великій князь, послѣ стола, пилъ за его здоровье. Обѣдъ продолжался три и четыре часа; послѣ обѣда великій князь не занимался уже никакими важными дѣлами.

15-го августа, въ день Успенія, Герберштейнъ видѣлъ великаго князя въ соборной церкви: онъ стоялъ у стѣны подлѣ двери на правой сторонѣ, опирался на посохъ, въ правой рукѣ держалъ шапку [393].

Дошло до насъ описаніе свадьбы великаго князя Василія. Въ средней палатѣ наряжены были два мѣста, покрытыя бархатомъ и камками, положены были на нихъ изголовья шитыя, на изголовьяхъ по сороку соболей, а третьимъ сорокомъ опахивали жениха и невѣсту; подлѣ поставленъ былъ столъ, накрытый скатертью, на немъ были калачи и соль. Невѣста шла изъ своихъ хоромъ въ среднюю палату съ женою тысяцкаго [394], двумя свахами и боярынями, передъ княжною шли бояре, за боярами несли двѣ свѣчи и коровай, на которомъ лежали деньги. Пришедши въ среднюю палату, княжну Елену посадили на мѣсто, а на мѣсто великаго князя посадили ея младшую сестру; провожатые всѣ сѣли также по своимъ мѣстамъ. Тогда послали сказать жениху, что все готово; прежде его явился братъ его, князь Юрій Ивановичъ, чтобъ разсажать бояръ и дѣтей боярскихъ; распорядившись этимъ, Юрій послалъ сказать жениху: „Время тебѣ государю идти къ своему дѣлу“. Великій князь, вошедши въ палату съ тысяцкимъ и со всѣмъ поѣздомъ, поклонился Святымъ, свелъ съ своего мѣста невѣстину сестру, сѣлъ на него, и посидѣвши немного, велѣлъ священнику говорить молитву, при чемъ жена тысяцкаго стала жениху и невѣстѣ чесать голову,

въ тоже время богоявленскими свѣчами зажгли свѣчи жениху и невѣстину, положили на нихъ обручи и обогнули соболями. Причесавши головы жениху и невѣстѣ, надѣвши невѣстѣ на голову кику и навѣсивши покровъ, жена тысяцкаго начала осыпать жениха и невѣсту хмѣлемъ, а потомъ соболями опахивать; великаго князя дружка, благословясь, рѣзалъ перепечу и сыры, ставилъ на блюдахъ передъ женихомъ и невѣстою, передъ гостями и посылалъ въ разсылку, а невѣстинъ дружка раздавалъ ширинки. Послѣ этого, посидѣвши немного, женихъ и невѣста отправились въ соборную Успенскую церковь вѣнчаться, свѣчи и караваи несли передъ санями. Когда митрополитъ, совершавшій вѣнчаніе, подалъ жениху и невѣстѣ вино, то великій князь, допивши вино, ударилъ скляницу о землю, и растопталъ ногою; стекла подобрали и кинули въ рѣку, какъ прежде велось; послѣ вѣнчанія молодые сѣли у столба, гдѣ принимали поздравленія отъ митрополита, братьевъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, а пѣвчіе дьяки на обоихъ клиросахъ пѣли новобрачнымъ многолѣтіе. Возвратившись изъ Успенскаго собора великій князь ѣздилъ по монастырямъ и церквамъ, послѣ чего сѣлъ за столъ; передъ новобрачными поставили печеную курицу, которую дружка отнесъ къ постелѣ. Во время стола споры о мѣстахъ между присутствовавшими были запрещены. Когда новобрачные пришли въ спальню, жена тысяцкаго, надѣвъ на себя двѣ шубы, одну какъ должно, а другую на выворотъ, осыпала великаго князя и княгиню хмѣлемъ, а свахи и дружки кормили ихъ курицею. Постель была постлана на тридевяти ржаныхъ снопахъ, подлѣ нея въ головахъ въ кадкѣ съ пшеницею стояли свѣчи и караваи; въ продолженіе стола и во всю ночь конюшій съ саблею наголо ѣздилъ кругомъ подклѣта; на другой день. послѣ бани, новобрачныхъ кормили у постели кашею.

Съ такими же обрядами была совершена и свадьба младшаго брата великокняжескаго, князя Андрея Ивановича, женившагося на дочери князя Андрея Хованскаго; разница была въ томъ, что здѣсь великій князь, какъ старшій братъ, заступалъ мѣсто отца и все дѣлалось съ его благословенія. Князь Андрей билъ челомъ великому князю о позволеніи жениться; Василій давши позволеніе, за недѣлю до свадьбы пошелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, а оттуда отправился къ митрополиту, и, объявивъ ему о намѣреніи брата, просилъ благословенія. Къ князю Юрію послалъ сказать:

„хотимъ Андрея брата женить, и тыбъ, братъ нашъ, поѣхалъ ко мнѣ и къ Андрею брату на свадьбу". Передавая брату молодую жену, великій князь говорилъ ему: „Андрей братъ! Божіимъ велѣніемъ и нашимъ жалованьемъ, велѣлъ Богъ тебѣ жениться, взять княжну Ефросинью; и ты братецъ Андрей! свою жену, княгиню Ефросинью держи такъ, какъ Богъ устроилъ" [395].

Мы видѣли, какъ при новомъ порядкѣ вещей, при утвержденіи единовластія, затруднительна стала выдача замужъ дочерей великокняжескихъ; на рукахъ Василія послѣ отцовой смерти осталась незамужняя сестра Евдокія; скоро, въ 1506 году, представился случай выдать ее замужъ не за бояриша: плѣнный казанскій царевичъ Кудайкулъ, сынъ Ибрагимовъ, братъ Алегамовъ изъявилъ желаніе принять христіанство, былъ окрещенъ торжественно въ Москвѣ рѣкѣ, названъ Петромъ, а черезъ мѣсяцъ былъ обвѣнчанъ на Евдокіи; мы видѣли, что дочь его отъ этого брака, племянница великаго князя, была выдана за выѣзжаго князя Мстиславскаго. Петръ далъ клятву въ вѣрной службѣ великому князю и дѣтямъ его, и, какъ царевичъ, занималъ постоянно важное мѣсто, напереди всѣхъ князей и бояръ [396].

Что касается состава двора великокняжескаго московскаго при Василіи, то мы встрѣчаемъ по прежнему бояръ и бояръ-окольничихъ, изъ чего ясно, что послѣднее слово было въ началѣ прилагательное къ существительному бояринъ [397]; встрѣчаемъ и другую форму: бояринъ и окольничій такой-то; въ описаніи переговоровъ съ императорскими послами находимъ любопытное замѣненіе слова бояре словомъ с о в ѣ т н и к и, послѣ которыхъ непосредственно слѣдуютъ окольничіе: „которыя будутъ съ вами рѣчи явныя отъ Максимиліана, и вы тѣ рѣчи говорили на посольствѣ самому государю; а которыя съ вами рѣчи тайныя, и государь нашъ вышлетъ къ вамъ совѣтниковъ своихъ и окольничихъ, и вы тайныя рѣчи скажите совѣтникамъ и окольничимъ государскимъ" [398]. Герберштейнъ такъ говоритъ о значеніи окольничаго: „Окольникъ занимаетъ должность претора или судьи, отъ великаго князя назначеннаго, иначе это верховный совѣтникъ (supremus consiliarius), который всегда находится подлѣ великаго князя".—Мы не должны признать этого свидѣтельства вполнѣ справедливымъ, ибо, на основаніи Русскихъ извѣстій, не можемъ видѣть въ окольничемъ верховнаго совѣтника; но мы можемъ догадаться, почему Гербер-

штейнъ приписываетъ ему такое значеніе, если это былъ дѣйствительно человѣкъ, постоянно находившійся при великомъ князѣ, непосредственный исполнитель его приказаній, если великій князь являлся не иначе, какъ въ сопровожденіи окольничаго или окольничихъ, если во время похода, поѣздовъ великаго князя окольничіе ѣхали впередъ по станамъ, всѣмъ распоряжались. Переводя на нашъ языкъ, мы не можемъ назвать окольничихъ иначе, какъ свитою великаго князя. Предъ смертію своею Василій въ такой формѣ обращается ко двору своему: „Вы, бояре и боярскіе дѣти и княжата! какъ служили намъ, такъ теперь и впередъ служили бы сыну моему“. При дворѣ Василія встрѣчаемъ оружничаго, ловчаго, крайчаго, стряпчихъ, рындъ, подрындъ, ясельничаго. Изъ лицъ правительственныхъ встрѣчаемъ городничихъ, которыхъ въ Москвѣ было нѣсколько: на ихъ отвѣтственности, какъ мы видѣли, было построеніе моста черезъ Москву рѣку для проѣзда больного великаго князя. Видимъ, что бояре выѣзжали въ походъ съ своимъ дворомъ, своими дворянами [399]. Встрѣчаемъ въ разрядныхъ книгахъ мѣстническіе случаи, къ сожалѣнію, безъ подробностей, безъ означенія причинъ, почему извѣстныя лица не хотѣли быть вмѣстѣ съ другими, наприм. въ 1519 году былъ судъ окольничему Андрею Никитичу Бутурлину съ Андреемъ Микулинымъ сыномъ Ярова на Волокѣ Ламскомъ; по суду князь великій окольничаго Бутурлина оправилъ, Андрея Ярова обвинилъ и правую грамоту на него пожаловалъ далъ; или: писалъ князь Михаилъ Васильевичъ Горбатый, что быть ему непригоже для князя Ѳедора Оболенскаго-Лопаты, да для боярина Ивана Бутурлина, и князю Михаилу писано, чтобъ былъ на службѣ, и служба эта ему безъ мѣстъ; такой же отвѣтъ получилъ князь Михайла Курбскій, писавшій противъ тѣхъ же самыхъ лицъ, и Андрей Бутурлинъ, писавшій противъ Курбскаго [400].

По однимъ иностраннымъ свидѣтельствамъ, число московскаго войска при Василіи простиралось до 400,000 человѣкъ, преимущественно конницы, по другимъ превышало 150,000. Каждые два или три года служилые люди, дѣти боярскіе, подвергались пересмотру по областямъ, дабы правительство могло знать ихъ число и сколько каждый изъ нихъ могъ выставить служителей и лошадей; лошади у нихъ мелкія, мерины; немногіе имѣютъ шпоры, большая часть употребляетъ нагайки. Обыкновенное оружіе состоитъ изъ луковъ,

стрѣлъ, сѣкиръ и кистеней; мечи имѣютъ только знатные и богатые; употребляютъ также длинные кинжалы, на подобіе ножей; хотя въ одно и то же время держатъ въ рукахъ повода, лукъ, мечъ, стрѣлы и нагайку, однако ловко управляются со всѣми этими вещами; употребляли также и копья. Знатнѣйшіе имѣютъ кольчуги, латы, нагрудники и шлемы. Пѣхоту и артиллерію никогда не употребляютъ въ битвахъ, потому что всѣ движенія войска совершаются необыкновенно быстро. Великій князь Василій въ первый разъ вывелъ въ поле пѣхоту и артиллерію, когда послѣ нашествія Магмедъ-Гиреева выступилъ въ походъ для воспрепятствованія татарамъ вторично переправиться за Оку; прежде у него было 1500 человѣкъ пѣхоты, набранной изъ Литвы и другихъ пришельцевъ. Состоя преимущественно изъ конницы, московское войско должно было носить характеръ восточныхъ конныхъ ополченій: смѣло нападало, но не долго выдерживало; по словамъ Герберштейна оно какъ будто говорило врагамъ: „бѣгите, или мы побѣжимъ“. Города рѣдко брали приступами или дѣйствіями осадныхъ орудій; обыкновенно принуждали къ сдачѣ долгими осадами. По словамъ Герберштейна, татаринъ, свергнутый съ коня, лишенный оружія, тяжело раненый, все еще обороняется до послѣдняго издыханія руками, ногами, зубами, чѣмъ только можетъ; турокъ, видя себя въ безнадежномъ положеніи, начинаетъ смиренно умолять врага о помилованіи; московскій ратникъ не обороняется и не проситъ помилованія.—Для лагерей выбирали обширное мѣсто, гдѣ знатнѣйшіе раскидывали палатки, другіе же строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ войлоками; лагери не укрѣплялись ни рвами, ничѣмъ другимъ, развѣ сама мѣстность защищала ихъ лѣсомъ, рѣкою, болотомъ. Герберштейнъ съ удивленіемъ говоритъ о томъ, какъ мало нужно московскому ратнику въ походѣ. Кто имѣетъ шесть или болѣе лошадей, на одной умѣщаетъ всѣ жизненные припасы, которые состоятъ въ небольшомъ количествѣ толокна, ветчины и соли, у богатыхъ къ этому присоединяется еще перецъ; этою пищею довольствуется и господинъ и слуги, послѣдніе иногда по два или по три дня остаются безъ пищи. Понятно, что это относилось къ тѣмъ случаямъ, когда негдѣ и нечего было взять.—Вступая въ битву, говоритъ Герберштейнъ, московскіе полки болѣе надѣются на многочисленность, чѣмъ на искусство; особенно стараются окружать непріятеля, заходить ему

въ тылъ. Въ полкахъ много было музыкантовъ: когда всѣ они начинали дуть въ трубы по старому отцовскому обычаю, то слышался страшный концертъ; употребляли еще другой инструментъ— сурны. На знамени великокняжескомъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце.

Изъ русскихъ извѣстій о войскѣ замѣчателенъ разсказъ псковскаго лѣтописца объ участіи его земляковъ во второмъ смоленскомъ походѣ: пріѣхалъ великій князь подъ Смоленскъ со всѣми своими силами, а съ городомъ были пищальники, и на псковичей накинули 1000 пищальниковъ, а псковичамъ этотъ рубежъ (наборъ, отъ рубить — набирать войско) необыченъ и было имъ очень тяжело. Пріѣхали пищальники псковскіе подъ Смоленскъ да и земцы (землевладѣльцы) псковскіе, которые еще не были сведены тогда съ своихъ отчинъ: великій князь воеводами къ псковскимъ пищальникамъ и земцамъ приставилъ прежнихъ посадниковъ псковскихъ, выведенныхъ изъ Пскова. Пищальники псковскіе и другихъ городовъ пошли на приступъ, а посоха понесли приметъ.—Изъ этого разсказа видимъ, что городское народонаселеніе продолжало участвовать въ походахъ, поставляя пищальниковъ; сельское народонаселеніе участвовало, поставляя посошныхъ или посоху, и видимъ значеніе этихъ посошныхъ, видимъ, что они употреблялись для работъ: когда пищальники и земцы пошли на приступъ, посошные понесли приметъ; наконецъ видимъ, что, спустя довольно долгое время послѣ покоренія Пскова, послѣдовалъ выводъ тамошнихъ земцевъ съ ихъ отчинъ, которыя, безъ сомнѣнія, отданы были въ помѣстья московскимъ служилымъ людямъ.

Какъ изъ иностранныхъ, такъ и изъ своихъ свидѣтельствъ видимъ, что нарядъ (артиллерія) находился въ вѣдѣніи иностранцевъ: въ казанскомъ походѣ упоминаются трое иностранныхъ пушкарей; одинъ изъ нихъ, италіанецъ Бартоломей, принялъ православіе и пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя. При нападеніи Магмедъ-Гирея въ Москвѣ упоминается нѣмецкій пушкарь Никласъ, въ Рязани Іорданъ; неизвѣстно, какого происхожденія былъ пушкарь Стефанъ, дѣйствовавшій при осадѣ Смоленска.

При Василіи въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о приказахъ: именно въ грамотѣ Успенскому владимірскому монастырю 1512 года. По прежнему видимъ раздачу волостей и городовъ въ кормленіе, съ правомъ вѣдать и судить жителей; кормленіе давалось

съ правдою и безъ правды [401]. Видимъ жалованье селъ и деревень въ помѣстья съ правомъ суда, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ; въ случаѣ суда смѣжнаго, великокняжескіе намѣстники и тіуны судятъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ или его приказчикомъ; въ случаѣ иска на самомъ помѣщикѣ или его приказчикѣ, судитъ ихъ самъ великій князь или бояринъ введенный. Видимъ пожалованіе селъ и деревень въ прокъ, въ вотчину, и дѣтямъ, съ правомъ дарить, продать, промѣнять, въ закупъ и по душѣ отдать. Встрѣчаемъ пожалованіе дикими лѣсами, съ правомъ ставить въ нихъ себѣ дворы и перезывать посельниковъ, которые освобождаются на 15 лѣтъ отъ пошлинъ. Дошла до насъ грамота брата великокняжескаго, Юрія Ивановича Дмитровскаго, содержащая позволеніе дворецкому его Вельяминову купить деревни съ правомъ продавать, дарить и мѣнять; необходимость такого позволенія объясняется отношеніями дворецкихъ, ключниковъ къ князьямъ; вспомнимъ прежнія распоряженія о деревняхъ, купленныхъ ключниками за ключемъ княжескимъ. Въ 1524 году Наумъ Кобель съ товарищами били челомъ, что нашли они въ Двинскомъ уѣздѣ ключи соляные, на лѣсу черномъ, дворовъ и пашней на тѣхъ мѣстахъ не бывало никогда, отъ волости они за двадцать верстъ со всѣхъ сторонъ и никакихъ волостей угодья не пришли къ тѣмъ мѣстамъ; великій князь далъ имъ право—чистить соляные ключи, лѣсъ рубить, дворы ставить, пашни пахать, пожни чистить и людей къ себѣ звать не тяглыхъ и не письменныхъ (не переписанныхъ), добрыхъ, а не ябедниковъ, не воровъ, не разбойниковъ, которые изъ городовъ и изъ волостей выбиты [402].— Иностранцы, вступавшіе въ службу великаго князя, получали также помѣстья [403].

Относительно состоянія служилаго сословія въ западной Руси, любопытна жалованная грамота великаго князя Василія жителямъ Смоленска, данная въ 1514 году, когда еще все оставалось здѣсь по прежнему, какъ было при литовскомъ владычествѣ; о сохраненіи этой старины сказано въ грамотѣ, били челомъ—владыка, смоленской земли урядники, окольничія, князья, бояре, мѣщане и черные люди. Здѣсь окольничій является урядникомъ, правительственнымъ лицомъ, занимающимъ второе мѣсто послѣ намѣстника: „Наши намѣстники и окольничіе и ихъ люди, куда имъ случится ѣхать на свое дѣло, или куда имъ случится послать: и имъ у мѣщанъ

и у черныхъ людей подводъ не брать. Отъ ябедниковъ нашему намѣстнику и нашимъ окольничимъ бояръ, мѣщанъ и черныхъ людей беречь. А кто человѣка держитъ въ деньгахъ, и онъ того своего человѣка судитъ самъ, а окольничіе въ то у него не вступаются". Мы видѣли, что при дворѣ великаго князя литовскаго слово бояре потеряло свое важное значеніе и замѣнилось словомъ паны, паны радные; отсюда бояре старыхъ русскихъ княжествъ, подчинившихся литовскимъ князьямъ, удержавши это названіе и оставшись въ прежнихъ областяхъ, въ своихъ отчинахъ, нисходили на степень областныхъ служилыхъ людей, тогда какъ слово окольничій удержалось въ значеніи правительственной должности, уряда; отсюда понятно, почему окольничіе, какъ урядники, занимаютъ мѣсто выше бояръ [404]. Если таково было положеніе бояръ въ княжествахъ смоленскомъ, полоцкомъ, то понятно, до какой степени должны были низойти бояре мелкихъ волостей, дружины мелкихъ князей, которые сами низошли на очень низкую степень, и мы не должны удивляться, если подъ именемъ бояръ, бояръ путныхъ встрѣтимъ служню при королевскихъ замкахъ, въ имѣніяхъ княжескихъ, панскихъ и шляхетскихъ.

Въ статутѣ своемъ король Сигизмундъ, на основаніи земскихъ привилегій предшественниковъ, Казимира и Александра, далъ обѣщаніе оберегать великое княжество литовское и пановъ радъ отъ всякаго пониженія; владѣній великаго княжества не только не уменьшать, но и возвратить ему то, что несправедливо отнято; земель и должностей не раздавать чужеземцамъ; по заочному обвиненію должностей не отнимать; старыхъ правъ шляхты и мѣщанъ не нарушать. Княжата, паны, шляхта и бояре могутъ выѣзжать изъ великаго княжества на службу въ другія государства кромѣ непріязненныхъ, съ тѣмъ однако, чтобъ отъ этого отъѣзда не терпѣла служба королевская. По смерти отцовъ, сыновья и дочери имуществъ отцовскихъ и дѣдовскихъ не лишаются. Простыхъ людей надъ шляхтою король обѣщалъ не повышать. За побои, нанесенные шляхтичемъ шляхтичу, виновный платитъ двѣнадцать рублей грошей; если же виновный будетъ низшаго сословія, то наказывается отсѣченіемъ руки.

О военной службѣ въ литовской Руси можемъ имѣть понятіе изъ постановленій виленскаго сейма въ 1507 году: паны, княжата, земяне, вдовы и вся шляхта должны въ имѣніяхъ своихъ пе-

реписать всѣхъ своихъ людей и списки эти отдать подъ присягою королю, чтобъ онъ зналъ, кто какъ будетъ съ своего имѣнія служить. Кто не выйдетъ на войну въ положенный срокъ и въ назначенное мѣсто, тотъ обязанъ заплатить за вину королю сто рублей грошей, если же кто, надѣясь на свое богатство, и послѣ сроку не пріѣдетъ и не представитъ важной причины своему отсутствію, тотъ лишается жизни. Вдова платитъ также сто рублей пени, если опоздаетъ прислать на войну слугъ своихъ; если же и послѣ сроку не пришлетъ по нерадѣнію, то выгоняется изъ имѣнія своего, которое переходитъ къ ея дѣтямъ или родственникамъ, если дѣтей не будетъ. Кто уйдетъ съ войны безъ вѣдома королевскаго или гетманскаго, тотъ казнится смертію. Принимая во вниманіе прежнее нерадѣнье, вошедшее въ обычай, что къ назначенному сроку половина земли придетъ, а другая не придетъ, и всѣхъ казнить смертію было бы очень жестоко, казнить же друхъ, трехъ, а другихъ помиловать было бы крайне несправедливо,—принимая это во вниманіе, сеймъ постановилъ: кто не пріѣдетъ въ назначенный срокъ, платитъ сто рублей; кто не пріѣдетъ черезъ недѣлю послѣ сроку, казнится смертію. Въ 1507 году издана была окружная королевская грамота о власти и правахъ гетмана во время похода: гетманъ имѣлъ право казнить ратниковъ смертію за грабежъ, панесеніе раны, утайку найденной вещи цѣною выше полукопья, посѣченіе дерева съ пчелами, за побѣгъ. На виленскомъ сеймѣ 1528 года положено было, что каждый владѣлецъ населеннаго имѣнія обязанъ ставить съ осьми человѣкъ (съ каждыхъ осьми службъ людей) одного ратника на добромъ конѣ и въ полномъ вооруженіи. Въ слѣдующемъ году на виленскомъ же сеймѣ изданъ былъ подробнѣйшій уставъ: кто имѣетъ семьсотъ службъ, тотъ обязанъ выставлять сто ратниковъ (пахолковъ) добрыхъ, к о н н о и з б р о й н о; у кого четыреста службъ, тотъ выставляетъ 50 пахолковъ; у кого только восемь службъ, тотъ обязанъ самъ ѣхать на службу; у кого меньше 8 службъ, тотъ обязанъ самъ ѣхать, только не на такомъ конѣ и не въ такомъ вооруженіи, какихъ требуетъ уставъ, а смотря по средствамъ своимъ. Слуги путные, данники, службы подляшскія волочныя, сообща съ людьми тяглыми, обязаны также земскою службою. Освобождаются отъ нея мѣста княжескія, панскія и шляхетскія, бояре ихъ, шляхта и слуги дворные, также и огородники ихъ. Убогіе шляхтичи, неимѣющіе ни

одного своего человѣка, обязаны ѣхать сами на службу, смотря по средствамъ своимъ [105]. Статутъ 1529 года говоритъ, чтобъ всѣ подданные собирались подъ хоругвію повѣтовою, въ томъ повѣтѣ, гдѣ имѣютъ жительство; кто же служитъ какому-нибудь пану, тотъ обязанъ этому пану выставить вмѣсто себя кого-нибудь другого, необязаннаго военною службою, а самъ долженъ явиться подъ хоругвь повѣтовую, въ противномъ случаѣ лишается имѣнія своего. Лице духовное, держащее закупное имѣніе, обязано само явиться на службу господарскую и земскую, если же будетъ владѣть имѣніемъ дѣдичнымъ, то обязано выставлять съ него людей на службу. Только доказанное болѣзненное состояніе освобождаетъ отъ службы; но отецъ можетъ вмѣсто себя выставить сына, не моложе осьмнадцати лѣтъ и не отдѣленнаго, если только гетманъ признаетъ молодаго человѣка годнымъ на военную службу.

Извѣстія о казакахъ становятся все чаще и чаще въ обѣихъ половинахъ Руси. Мы видѣли, что однимъ изъ господствующихъ явленій древней Русской жизни была колонизація, постепенное населеніе пустынныхъ пространствъ восточной Европы и потомъ сѣверной Азіи. Какъ обыкновенно бываетъ въ странахъ колонизующихся, усѣвшаяся часть народонаселенія, предавшаяся постоянному труду земледѣльческому, выдѣляетъ изъ себя людей, которыхъ характеръ и разныя другія обстоятельства, находящіяся въ большей или меньшей связи съ ихъ характеромъ, заставляютъ выходить изъ общества и стремиться въ новыя, незанятыя страны. Понятно, что эти люди, предпочитающіе новое старому, неизвѣстное извѣстному, составляютъ самую отважную, самую воинственную часть народонаселенія; въ исторіи колонизаціи они имѣютъ великое значеніе, какъ проводники колонизаціи, пролагатели путей къ новымъ селищамъ. Отвага, нужная человѣку, рѣшившемуся или принужденному оставить родину, идти въ степь, въ невѣдомую страну, эта отвага поддерживается въ немъ жизнію въ степи, гдѣ онъ предоставленъ однимъ собственнымъ силамъ, долженъ постоянно стоять на сторожѣ противъ степныхъ хищниковъ. Отсюда эти люди должны соединяться въ братства, общины, для которыхъ война служитъ главнымъ занятіемъ. Такъ границы государства населялись к а з а к а м и. Происхожденіе послѣднихъ всего лучше объясняется намъ тѣми памятниками, въ которыхъ говорится о заселеніи пустынныхъ, пространствъ, льготными грамотами, которыя

правительство давало населителямъ, напримѣръ, приведенная выше грамота Науму Кобелю съ товарищами: „Имѣетъ Наумъ право людей къ себѣ звать на тѣ мѣста, нетяглыхъ и неписьменныхъ, добрыхъ а не ябедниковъ, не воровъ и не разбойниковъ, которые изъ городовъ и волостей выбиты“. Вопервыхъ мы видимъ, что заселителямъ земель можно было всегда найти такихъ людей, нетяглыхъ и не письменныхъ, людей, не имѣющихъ собственной земли, собственнаго хозяйства и долженствующихъ потому кормиться работою на чужихъ земляхъ, при чужихъ хозяйствахъ, при чужихъ промыслахъ; а такіе-то бездомовные люди именно назывались у насъ **казаками**. Но понятно, что между этими людьми находилось много и такихъ, которые не хотѣли жить на чужихъ земляхъ, въ зависимости отъ чужихъ людей, и предпочитали вести воинственную, опасную, но болѣе привольную, разгульную жизнь въ степи, на границахъ и далѣе за границами государства; а куда должны были дѣваться люди, выбитые изъ городовъ и волостей, которыхъ населители земель не имѣли права принимать къ себѣ? Существованіе казаковъ, какъ пограничнаго воинственнаго народонаселенія, было естественно и необходимо по географическому положенію древней Руси, по открытости границъ со всѣхъ сторонъ; на всѣхъ границахъ долженствовали быть и дѣйствительно были казаки, но преимущественно были они необходимы и многочисленны на степныхъ границахъ, подвергавшихся постояннымъ и безпощаднымъ нападеніямъ кочевыхъ хищниковъ, гдѣ слѣдовательно никто не смѣлъ селиться, не имѣя характера воина, готоваго всегда отражать нападеніе, сторожить врага. Границы запаслись казаками, которые находились въ большей или меньшей зависимости отъ государства, болѣе или менѣе подчинялись его распоряженіямъ, смотря по тому, жили ли они на самыхъ границахъ, такъ сказать, подъ руками правительства, или углублялись все болѣе и болѣе въ степи, удаляясь такимъ образомъ отъ надзора и вліянія государства.

Понятно, почему въ нашихъ лѣтописяхъ прежде всего являются извѣстія о казакахъ рязанскихъ: юговосточная, рязанская украйна болѣе другихъ странъ подвергалась нападеніямъ степныхъ ордъ. Въ княженіе Василія Іоанновича московское государство употребляло этихъ казаковъ съ пользою въ сношеніяхъ съ застепными народами, крымцами, турками. Когда правительство хлопотало объ установленіи безопасныхъ сношеній съ Турціею, то спрашивали у

рязанскихъ казаковъ, въ какомъ мѣстѣ лучше сходиться ратнымъ людямъ для передачи пословъ съ рукъ на руки, и казаки, знавшіе хорошо степь, указали это мѣсто. Въ описаніи посольства Морозова въ Константинополь читаемъ: „посланы съ Иваномъ Морозовымъ казаки рязанцы десять станицъ, и списокъ ему данъ имянной, гдѣ кого изъ нихъ оставить: въ Азовѣ четыре станицы, въ Каѳѣ четыре станицы, въ Царь-городъ съ собою взять двѣ станицы; которыхъ казаковъ оставитъ въ Азовѣ и Каѳѣ, и ему тѣмъ казакамъ приказать: если крымскій царь захочетъ идти на великаго князя украйну, то станица ѣхала бы къ великому князю, а другіе оставались бы и ждали новыхъ вѣстей, и какія еще вѣсти будутъ, ѣхали бы къ великому князю по станицамъ же, чтобъ великій князь безъ вѣстей не былъ“. Любопытно, что противъ нашихъ русскихъ казаковъ мусульманскій міръ отъ противоложной степной окрайны выставлялъ также своихъ казаковъ; со временъ Іоанна III-го азовскіе татарскіе казаки упоминаются какъ злые разбойники; Василій Іоанновичъ требовалъ отъ султана, чтобъ тотъ запретилъ азовскимъ и бѣлгородскимъ казакамъ подавать помощь Литвѣ. Когда русскій посолъ Коробовъ требовалъ, чтобъ ему дали провожатыхъ изъ Азова, то ему отвѣчали, что въ Азовѣ нѣтъ азовскихъ казаковъ и дать ему некого [406]. Извѣстно, что у татаръ подъ именемъ казаковъ разумѣлся третій самый низшій отдѣлъ войска, состоявшаго изъ улановъ, князей и казаковъ.

На границахъ литовскихъ въ княженіе Василія упоминаются казаки смоленскіе: король Сигизмундъ не разъ жаловался великому князю, что они нападали на литовскія владѣнія [407].

Если вслѣдствіе означенныхъ причинъ явились казаки на границахъ или украйнахъ московскаго государства, то не могли не явиться они на степной украйнѣ западной Руси, на украйнѣ Днѣпровской, тѣмъ болѣе, что здѣсь еще во время самостоятельнаго существованія Руси видимъ много разноименныхъ народцевъ, полукочевыхъ, полуосѣдлыхъ, съ воинственнымъ характеромъ, признающихъ власть князей русскихъ. видимъ торковъ, берендѣевъ, коуевъ, турпѣевъ, которые носили общее названіе черныхъ клобуковъ; лѣтописецъ же говоритъ, что это названіе тождественно съ названіемъ Черкасъ [408], которымъ малороссійскіе казаки постоянно называются въ московскихъ памятникахъ. Но если упомянутые народцы дѣйствительно составили зерно малороссійскаго ка-

зачества, то съ другой стороны, въ Литовской Руси не было также недостатка въ причинахъ, по которымъ къ этому зерну присоединились многочисленныя толпы казаковъ чисто русскаго происхожденія, ибо Днѣпровская украйна, по географическому положенію своему, долженствовала быть издавна страною военныхъ поселеній. Отъ описываемаго времени дошли до насъ любопытныя извѣстія о казакахъ малороссійскихъ; ханъ Саипъ-Гирей такъ жаловался на нихъ королю Сигизмунду: „Приходятъ казаки черкасскіе и каневскіе, становятся подъ улусами нашими на Днѣпрѣ и вредъ наносятъ нашимъ людямъ; я много разъ посылалъ къ вашей милости, чтобъ вы ихъ остановили, но вы ихъ остановить не хотѣли; я шелъ на московскаго: тридцать человѣкъ за болѣзнію вернулись отъ моего войска, казаки поранили ихъ и коней побрали. Хорошо ли это: я иду на твоего непріятеля, а твои казаки изъ моего войска коней уводятъ? Я пріязни братской и присяги сломать не хочу, но на тѣ замки, Черкасы и Каневъ хочу послать свою рать. А это знакъ ли доброй пріязни братской? черкасскіе и каневскіе властели пускаютъ казаковъ вмѣстѣ съ казаками непріятеля твоего и моего (великаго князя московскаго), вмѣстѣ съ казаками путивльскими по Днѣпру подъ наши улусы, и что только въ нашемъ панствѣ узнаютъ, даютъ вѣсть въ Москву; въ Черкасахъ старосты ваши путивльскихъ людей у себя на вѣстяхъ держатъ: такъ на Москву изъ Черкасъ пришла вѣсть за пятнадцать дней передъ нашимъ приходомъ“. Малороссійскіе казаки находились подъ вѣдомствомъ старосты черкасскаго и каневскаго, а эту должность въ описываемое время занималъ извѣстный Евстаѳій Дашковичъ [409].

Городъ въ московскихъ областяхъ не измѣнилъ своего значенія и внѣшняго вида въ княженіе Василія: по прежнему онъ оставался мѣстомъ убѣжища для окружнаго народонаселенія въ случаѣ нашествія непріятельскаго; дворы, которые имѣли въ городахъ окрестные землевладѣльцы и монастыри, назывались дворами осадными: такъ отъ описываемаго времени дошла до насъ великокняжеская грамота къ тверскому городовому прикащику и ключнику объ отводѣ мѣста Іосифову волоколамскому монастырю подъ осадный дворъ [410]. Въ 1508 году великій князь велѣлъ мастеру Алевизу Фрязину вокругъ города Москвы обкладывать ровъ камнемъ и кирпичемъ и пруды копать. Иностранцы такъ описываютъ Москву временъ Василіевыхъ: „Городъ Москва деревянный и довольно

обширный, но издали кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что большіе сады и дворы при каждомъ домѣ увеличиваютъ пространство города; кромѣ того, на концѣ его находятся жилища кузнецовъ и другихъ мастеровъ, для которыхъ необходимъ огонь, и между этими жилищами находятся цѣлые луга и поля. Великій князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей за рѣкою новый городъ Нали (Nali, Наливки), что по-русски значитъ infunde (наливай), потому что имъ однимъ позволено пить медъ и пиво, когда хотятъ; поэтому они и удалены за рѣку, чтобъ не заражали другихъ своимъ примѣромъ. Около города находятся монастыри, изъ которыхъ каждый издали кажется городомъ. Обширность города не позволяетъ опредѣлить межу и устроить достаточныя укрѣпленія. Улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорожены рогатками, при которыхъ находятся сторожа, имѣющіе обязанность наблюдать, чтобъ никто не ходилъ ночью послѣ урочнаго часа; если кого поймаютъ въ запрещенное время, то бьютъ, грабятъ или сажаютъ въ тюрьму, исключая людей извѣстныхъ и почетныхъ, которыхъ сторожа провожаютъ до дому. Такіе сторожа помѣщаются тамъ, гдѣ лежитъ свободный входъ въ городъ, ибо остальную часть его обтекаетъ Москва-рѣка, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ Яуза, а чрезъ эту рѣку трудно переправляться, по высотѣ береговъ; на Яузѣ построено много мельницъ. Этими-то рѣками ограждается городъ, который, кромѣ немногихъ каменныхъ домовъ, церквей и монастырей, весь деревянный. Число церквей въ немъ показываютъ едва вѣроятное; говорятъ, что ихъ болѣе 41,500. Обширный городъ этотъ очень грязенъ, почему на разныхъ, болѣе другихъ посѣщаемыхъ мѣстахъ, находятся мосты. Крѣпость, построенная изъ кирпича, съ одной стороны омывается рѣкою Москвою, а съ другой Неглинною. Послѣдняя, подлѣ верхней части крѣпости, является въ видѣ пруда; вытекая изъ него, наполняетъ крѣпостные рвы, въ которыхъ находятся мельницы. Крѣпость, кромѣ обширныхъ и великолѣпныхъ палатъ великокняжескихъ, заключаетъ въ себѣ домъ митрополичій, домы братьевъ великаго князя, вельможъ и разныхъ другихъ лицъ, все большіе и деревянные; кромѣ того много въ ней церквей". На литовской границѣ пріобрѣтена была крѣпость первой важности по тому времени, Смоленскъ; на этой сторонѣ ограничились ею, да укрѣпленіемъ Пскова; въ 1517 году здѣсь пало стѣны 40 саженъ; мастеръ Иванъ Фря-

зинъ наддѣлалъ эти 40 саженъ, камень возили священники, псковичи носили песокъ и сѣяли рѣшетомъ; несмотря на то постройка обошлась великому князю въ 700 рублей. Болѣе старались укрѣплять города на южной и восточной украйнѣ отъ крымцевъ и казанцевъ: въ 1509 году построили въ Тулѣ городъ деревянный, въ 1520 каменный; въ 1525 построенъ въ Коломнѣ городъ каменный; въ Черниговѣ и Коширѣ построены города деревянные въ 1531 году, а на рѣкѣ Осетрѣ каменный; на востокѣ укрѣпленъ каменнымъ городомъ Нижній еще въ 1508 году, строилъ городъ мастеръ Петръ Фрязинъ; мы упоминали уже о построеніи новаго деревяннаго города Васильсурска [411]. Въ 1508 году великій князь прислалъ въ Новгородъ боярина, велѣлъ ему урядить здѣсь торги, ряды, и размѣрить по-московски улицы; въ 1531 году прислалъ туда же дьяковъ, приказалъ имъ на Софійской сторонѣ размѣрить улицы: они начали размѣрять Великую улицу отъ Владимірскихъ воротъ прямо, въ конецъ, и всѣ улицы отъ поля прямо въ берегъ, и мѣста по всему пожару; дьяки приказали также поставить рѣшетки по всему городу и учредить пожарныхъ сторожей (огневщиковъ); съ 1-го октября начали стоять сторожа у рѣшетокъ; эта мѣра оказалась благодѣтельною: прежде было въ городѣ много злыхъ людей, грабежей, воровства, убійства; съ этихъ же поръ начала быть тишина по всему городу; многіе злые люди отъ такой крѣпости городской побѣжали прочь, а другіе исправились и привыкли къ честному труду [412]. Значительные пожары были рѣдки въ Москвѣ въ княженіе Василія: въ 1508 году погорѣлъ посадъ и торгъ отъ панскаго двора: въ 1531 году загорѣлся порохъ на Успенскомъ врагѣ, на дворѣ иностраннаго мастера Алевиза, гдѣ его дѣлали: въ одинъ часъ сгорѣло работниковъ больше 200 человѣкъ. Въ Новгородѣ Великомъ былъ большой пожаръ въ 1508 году, тогда погибло болѣе 5000 человѣкъ; въ Новгородѣ Нижнемъ въ 1531; раза два упоминаются пожары во Псковѣ; сгорѣлъ весь Изборскъ.

Въ западной Руси города продолжаютъ получать новыя грамоты на магдебургское право и подтвержденія старыхъ. Жители городовъ поднѣпровскихъ и задвинскихъ били челомъ королю Сигизмунду, что терпѣли они большія притѣсненія отъ его писарей, посылаемыхъ для сбора недоимокъ: слуги этихъ писарей безвыѣздно круглый годъ живутъ въ волостяхъ на счетъ послѣднихъ, судятъ и

рядятъ жителей и берутъ большія пошлины; да и сами писаря обираютъ ихъ неломѣрно, отъ чего многіе жители разошлись, а которые остались, тѣ не только всѣхъ даней, но и половины заплатить не могутъ. Поэтому они просили, чтобъ король позволилъ имъ, какъ бывало прежде при Витовтѣ и Сигизмундѣ, собирать дань самимъ, грошовую, бобры, куницы, и относить въ казну, а медъ прѣсный къ ключнику. Король исполнилъ ихъ просьбу [413]. И въ западной Руси, желая населить какое-нибудь мѣсто, правительство освобождало новоселенцевъ отъ податей на нѣсколько лѣтъ: такъ король Сигизмундъ поручилъ виленскому воеводѣ Радзивилу населить мѣсто при Клещелязяхъ, на землѣ бѣльзскаго повѣта; людей поселилось уже немало, но когда воевода вздумалъ присоединить ихъ къ дворной пашнѣ клещелязской, то многіе изъ нихъ ушли прочь. Видя это, новый воевода Гастольдъ, по приказу королевскому, далъ поселенцамъ хелмское право: дворъ королевскій клещелязскій не имѣлъ права судить ихъ и рядить; судилъ и рядилъ ихъ войтъ съ бурмистрами и радцами; при войтѣ два бурмистра: одинъ дворный, котораго дворъ выбираетъ изъ тѣхъ же мѣщанъ клещелязскихъ; его обязанность смотрѣть за доходами, сбираемыми для двора; а другой бурмистръ отъ мѣста; оба выбираются ежегодно. Жители мѣста обязаны давать съ каждой волоки по полуконью грошей, да по бочкѣ овса; кто пиво варитъ, тотъ платитъ столько же; отъ судныхъ штрафовъ два пенязя идутъ на дворъ королевскій, а третій на войта; кто занимается торговлею, долженъ давать по грошу на годъ; мясники должны давать съ каждаго торгу по плечу мяса бараньяго на дворъ королевскій; корчмы винныя должны быть на короля, а кто будетъ виномъ шинковать, тотъ даетъ по десяти грошей. Люди вольные, хотящіе селиться въ мѣстѣ Клещелязскомъ на с ы р о м ъ к о р н ю, а не на обработанныхъ уже участкахъ (не на проробкахъ), свободны на десять лѣтъ отъ платы полуконья съ волоки и бочки овса; кто же сядетъ на участкахъ обработанныхъ (на волокахъ проробленныхъ), тѣ свободны на два года отъ упомянутыхъ податей. Бытъ городовъ съ магдебургскимъ правомъ по прежнему не былъ миренъ, по прежнему встрѣчаемъ жалобы горожанъ на воеводъ, князей, пановъ и бояръ; въ 1527 году король Сигизмундъ долженъ былъ писать полоцкому воеводѣ Петру Кишкѣ, чтобъ онъ не нарушалъ магдебургскаго права, даннаго городу; въ грамотѣ

говорится, что войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане не разъ жаловались королю на убійства, побои, грабежи, которые они терпѣли отъ урядниковъ и слугъ воеводскихъ; что король не разъ писалъ воеводѣ, съ увѣщаніемъ прекратить эти насилія, но воевода еще больше начиналъ притѣснять горожанъ; жаловались полочане не на одного воеводу, но на князей, пановъ, бояръ полоцкихъ, на игуменью и на монаховъ бернардинскихъ: мѣщанъ, которые купятъ земли у бояръ и у путныхъ людей, воевода велитъ ставить передъ собою и судитъ ихъ; многихъ ремесленныхъ людей за себя забралъ и приказываетъ имъ на себя работать; принимаетъ за себя мѣщанъ, которые нарочно выходятъ изъ магдебургскаго права, чтобъ не платить серебщизны, ордынщины и другихъ городовыхъ податей; также многіе мѣщане з а д а ю т с я за владыку, князей и бояръ полоцкихъ, а тѣ ихъ принимаютъ; установлены новые мыты по рѣкамъ: многіе бояре и слуги воеводскіе женились на мѣщанкахъ, взяли за ними домы и земли городскія, а городскія повинности нести и магдебургскому праву послушны быть не хотятъ; которые мѣщане въ селахъ живутъ или въ замкѣ дворы имѣютъ, тѣхъ воевода судитъ городовымъ правомъ и проч. [414]. Въ Вильнѣ были смуты между самими горожанами и начальствомъ ихъ, бурмистрами и радцами; горожане были недовольны старымъ уставомъ и требовали нѣкоторыхъ новыхъ статей, но король не согласился на это требованіе, подтвердилъ старый уставъ во всей силѣ; за то подтвердилъ, чтобъ виляне и подати, серебщизну и ордынщину платили по старинѣ, безъ новыхъ прибавокъ. Мы видѣли, что при великомъ князѣ Александрѣ бѣльское войтовство дано было въ потомственное владѣніе Гоппену; но Гоппенъ, какъ видно, продалъ его какому-то Русину, и этотъ продалъ его виленскому воеводѣ Николаю Радзивилу; у сына и наслѣдника Радзивилова, Яна Николаевича, купилъ его бѣльскій мѣщанинъ Иванъ Сегеневичъ въ пожизненное владѣніе за 300 копъ грошей; но въ 1526 году бурмистры, радцы и всѣ мѣщане бѣльскіе били челомъ королю Сигизмунду, чтобъ позволилъ это войтовство выкупить у Радзивила цѣлому городу Бѣльску на общія деньги, и впередъ войта выбирать мѣщанамъ; король согласился. Изъ любопытной записки, поданной королю Сигизмунду отъ всей кіевской земли, мы узнаемъ, что поправка кіевской крѣпости производилась обыкновенно всѣми поднѣпровскими волостями, а по-

слѣ сожженія Кіева ханомъ Менгли-Гиреемъ при королѣ Казимирѣ, въ поправкѣ участвовали, кромѣ приднѣпровскихъ волостей, волости задвинскія и торопецкія; болѣе 20000 топоровъ было въ дѣлѣ; панъ наблюдавшій за городовыми постройками, назывался г о р о д н и ч и м ъ [415].

Жиды одно время были выгнаны изъ Литвы, но скоро опять возвращены съ правомъ взять во владѣніе свои прежніе дома и земли, которыми, во время ихъ изгнанія, владѣли христіане; сперва заставили было жидовъ выставлять на войну 1000 коней, но потомъ освободили отъ военной службы во всѣхъ видахъ; наконецъ въ 1533 году снова подтверждены были всѣ ихъ прежнія права [416].

Относительно сельскаго народонаселенія въ московскомъ государствѣ, отъ временъ Василія дошла до насъ уставная грамота крестьянамъ артемовскаго стана въ переяславскомъ уѣздѣ. Здѣсь прежде всего опредѣляется количество поборовъ, которые шли съ крестьянъ волостелю, его тіуну, праветчику и доводчику три раза въ годъ: на Рождество Христово, на Свѣтлое Воскресенье и на Петровъ день; при вступленіи волостеля въ должность (на въѣздъ) онъ беретъ у крестьянъ то, что каждый добровольно ему принесетъ. Съ починковъ (новоначатыхъ поселеній) записанныхъ, но не пашенныхъ, и съ новыхъ починковъ, явившихся послѣ переписи (письма), волостель, его тіунъ, праветчикъ и доводчикъ поборовъ не берутъ до урочныхъ лѣтъ; когда же насельники отсидятъ свои урочные года, то платятъ такіе же поборы, какіе идутъ и съ старыхъ деревень. Волостель тіуна, праветчика и доводчика ранѣе году не перемѣняетъ. Безъ старосты и безъ лучшихъ людей волостель и его тіунъ суда не судитъ. Случится въ волости душегубство, и душегубца не сыщутъ, то крестьяне обязаны заплатить намѣстникамъ за голову четыре рубля виры, и платятъ эту виру цѣлою волостью; если же сыщутъ душегубца, то выдаютъ его намѣстникамъ и ихъ тіунамъ и тогда ничего не платятъ; при смертномъ случаѣ, въ которомъ никто не виноватъ (наприм. если кто утонетъ и проч.) крестьяне также ничего не платятъ. Волостелинскіе, и тіунскіе и боярскіе люди, и никто другой на пиры и на братчины къ крестьянамъ незванные не входятъ, а кто придетъ пить незванный, того вышлютъ безнаказанно; если же не пойдетъ вонъ, станетъ пить силою, и причинится тутъ крестьянамъ какой-

нибудь вредъ, то незванный гость платитъ вдвое безъ суда и исправы, а отъ великаго князя быть ему въ казни и продажѣ. Попрошатаямъ у нихъ по волости просить не ѣздить. Кто въ одной волости выдастъ дочь за мужъ, тотъ даетъ волостелю за новоженный убрусъ 4 деньги; а кто выдастъ дочь замужъ изъ волости въ волость, тотъ даетъ за выводную куницу два алтына. Скоморохамъ у нихъ въ волости не играть. Съ лошадинаго пятна волостель беретъ по деньгѣ съ купца и продавца. Князья, бояре, воеводы ратные и всякіе ѣздоки насильно въ волости не ставятся, кормовъ, проводниковъ, подводъ у крестьянъ не берутъ, а если гдѣ остановятся, покупаютъ кормъ по вольной цѣнѣ. [117]—Такого же содержанія уставная грамота, данная удѣльнымъ дмитровскимъ княземъ Юріемъ Іоанновичемъ Каменнаго стана бобровникамъ, которые находились въ вѣдѣніи ловчаго; права послѣдняго опредѣлены одинаково съ правами волостеля въ предыдущей грамотѣ; но кромѣ того опредѣленъ способъ раскладки повинностей; кормы ловчаго, тіуновъ и доводчиковъ, поборъ дворскій, бобровники съ десятскими и добрыми людьми между собою мечутъ со столца по дани и по пашнѣ: которая деревня больше пашнею и угодьемъ, на ту больше корму и поборовъ положатъ; собравъ эти кормы, староста десятскими платятъ ловчему, его тіуну и доводчику поборъ въ городѣ Дмитровѣ по праздникамъ; а тіуну и доводчику по деревнямъ самимъ не ѣздить, кормовъ и побору не брать. Кто позоветъ къ себѣ тіуна и доводчика пить на пиръ или на братчину, то они пивши, тутъ не ночуютъ, ночуютъ въ другой деревнѣ, и насадокъ (поборъ пивомъ или другаго рода хмѣльнымъ напиткомъ) съ пировъ и братчинъ не берутъ. Относительно ссоръ и дракъ на пиру опредѣлено, сходно съ двинскою грамотою великаго князя Василія Дмитріевича: „въ пиру или братчинѣ побранятся или побьются, и не выходя съ пиру помирятся, то ловчему и его тіуну за то нѣтъ ничего; если же помирятся вышедши съ пиру, за приставомъ, то ловчему и его тіуну также нѣтъ ничего, кромѣ хоженаго“. Но въ обѣихъ грамотахъ, и въ двинской, и въ бобровничьей нѣтъ указанія на судебное значеніе братчинъ, которое выражается въ псковской судной грамотѣ: „Братчина судитъ какъ судьи“.—Доводчикъ ѣздитъ по деревнямъ дважды въ годъ—о Рождествѣ Христовѣ и о Петровѣ днѣ, ѣздитъ самъ другъ съ паробкомъ на тройкѣ: гдѣ доводчикъ обѣдаетъ, тутъ ему не ночевать, гдѣ ночуетъ,

тутъ ему не обѣдать [418].—Относительно быта зависимаго народонаселенія въ описываемое время замѣчательна заемная и закладная грамота Власа Фрязинова, данная имъ вмѣстѣ съ людьми его, поименованными въ грамотѣ: „А въ деньгахъ есми съ своими людьми единъ человѣкъ, кой насъ въ лицѣхъ на томъ деньги" [419].

Изъ уставныхъ королевскихъ грамотъ видно, что сельское народонаселеніе въ западной Руси раздѣлялось на подданныхъ или тяглыхъ людей, и на челядь невольную; въ одной изъ уставныхъ грамотъ читаемъ: „если мужикъ, вопреки приказу державцы или его урядника, не выйдетъ на работу одинъ день, или будетъ не послушенъ, то взять съ него за это не болѣе барана; если окажетъ большее упорство, то подлежитъ наказанію плетью или бичомъ" [420].

Изъ физическихъ бѣдствій въ княженіе Василія упоминается три раза о неурожаѣ въ 1512, 1515 и 1525 годахъ; о сильныхъ дождяхъ, вслѣдствіе которыхъ рѣки разлились и прервали сообщеніе въ 1518 году; о сильныхъ засухахъ—въ 1525 и 1533; моръ свирѣпствовалъ не разъ въ Новгородѣ и Псковѣ: въ первомъ отъ 1507 до 1509 года, во второмъ въ 1521 и 1532, но жители срединныхъ областей не испытывали этого бѣдствія и начинали забывать о страшныхъ язвахъ XIV и XV вѣковъ, такъ что въ иностранныхъ описаніяхъ московскаго государства Василіева времени читаемъ: „климатъ въ московской области такъ здоровъ, что народъ не помнитъ, когда была чума. Бываетъ, впрочемъ, здѣсь иногда болѣзнь, похожая на чуму, которую называютъ жаромъ (calor); болѣзнь эта поражаетъ внутренность и голову, занемогшіе въ нѣсколько дней умираютъ.

По описаніямъ иностранцевъ область московскаго государства представляла обширную равнину, покрытую лѣсами и пересѣкаемую во всѣхъ направленіяхъ большими рѣками, обильными рыбою. Рѣки эти, разливаясь отъ тающаго весною снѣга и льда, во многихъ мѣстахъ превращаютъ поля въ болота, а дороги покрываютъ стоячею водою и глубокою грязью, не просыхающею до новой зимы, когда лютый морозъ опять постелетъ по болотамъ ледяные мосты и сдѣлаетъ дорогу по нимъ безопасною. Главныя произведенія страны: хлѣбъ, лѣсъ, медъ, воскъ и мѣха. Сосны въ лѣсахъ московскихъ величины невѣроятной; дубъ и кленъ гораздо лучше, чѣмъ въ западной Европѣ; пчелы кладутъ медъ на деревьяхъ безъ

всякаго присмотра. Разсказывали, какъ одинъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло; тщетно ожидая помощи въ продолженіе двухъ дней, питался однимъ медомъ; и наконецъ выведенъ былъ изъ этого отчаяннаго положенія медвѣдемъ, который спустился задними лапами въ тоже дупло: крестьянинъ ухватился за него руками и закричалъ такъ громко, что испуганный звѣрь выскочилъ изъ дупла и вытащилъ его вмѣстѣ съ собою. Пушнаго звѣря въ лѣсахъ московскихъ множество; собольи мѣха цѣнятся по чернотѣ, длинѣ и густотѣ волоса; цѣна увеличивается еще смотря потому, въ какое время пойманъ звѣрь. Около Углича и въ Двинской области соболи попадаются очень рѣдко; около Печоры попадаются чаще и лучше; въ Москвѣ собольи мѣха продаются по 3 и 4 деньги; лисьи мѣха, особенно черные, стоятъ дорого: десятокъ продается иногда по 15 золотыхъ; бобровые мѣха также очень цѣнны; бѣличьи привозятся изъ разныхъ мѣстъ, больше всего изъ Сибири; лучшіе, впрочемъ, добываются не далеко отъ Казани; потомъ привозятся изъ Перми, Вятки, Устюга и Вологды; привозятся обыкновенно въ связкахъ, изъ которыхъ въ каждой по 10 шкурокъ: изъ нихъ двѣ самыя лучшія, три похуже, четыре еще хуже, и одна послѣдняя самая дурная; добываются также мѣха рысьи, волчьи, песцовые. Въ лѣсахъ водятся также лоси, медвѣди, большіе и черные волки; въ западной части государства водятся туры; въ странѣ Югровъ и Вогуличей на высокихъ горахъ добываютъ превосходныхъ соколовъ и кречетовъ.

Поля покрыты пшеницею, просомъ и другими хлѣбными растеніями, также всякаго рода зеленью; область собственно-московскаго княжества не плодоносна; песчаный грунтъ земли убиваетъ жатву при малѣйшемъ излишествѣ сухости или влаги; сюда присоединяются еще холода, которые иногда препятствуютъ зрѣнію посѣяннаго. Что вся страна не такъ давно была покрыта лѣсами, показываютъ пни огромныхъ деревьевъ, до сихъ поръ еще повсюду видные. Области владимірская и нижегородская очень плодоносны: изъ одной мѣры хлѣба выходитъ иногда 20, иногда 30 мѣръ. Рязанская область превосходитъ плодоносіемъ всѣ остальныя: лошади не могутъ проѣхать чрезъ ея густыя нивы; великое множество здѣсь меду, рыбы, птицъ и звѣрей; древесные плоды гораздо лучше московскихъ.—Кромѣ хлѣбопашества, звѣроловства,

рыболовства и пчеловодства, иностранные писатели указываютъ на добываніе желѣза около Серпухова, на добываніе соли въ старой Русѣ, въ Соловкахъ, около Переяславля Залѣсскаго, около Нижняго-Новгорода; по ихъ извѣстіямъ, на перелетъ стрѣлы отъ Бѣлаозера есть другое озеро, производящее сѣру, которая выносится рѣкою, изъ него вытекающею; но туземцы не умѣютъ пользоваться этимъ даромъ природы. Изъ промышленности не первоначальной иностранцы упоминаютъ объ искусномъ выдѣлываніи въ Калугѣ рѣзныхъ деревянныхъ чарокъ и другой деревянной посуды, которая вывозилась на продажу въ Москву, Литву и другія сосѣднія страны.

Русскія извѣстія указываютъ намъ рыболововъ, расположенныхъ цѣлыми слободами въ удобныхъ для ихъ промысла мѣстахъ, наприм. на озерахъ галицкомъ, переяславскомъ; переяславскіе рыбаки находились въ вѣдѣніи волостеля стольничаго пути, котораго права въ уставной грамотѣ были опредѣлены точно такъ же, какъ права волостеля артемонскаго стана въ приведенной выше уставной грамотѣ. Дошла до насъ также грамота великаго князя Василія сокольникамъ сокольничья пути, жившимъ въ Переяславлѣ на посадѣ: они были освобождены изъ-подъ вѣдѣнія намѣстниковъ и тіуновъ, не тянули съ переяславцами ни въ какіе проторы и разметы, кромѣ яма, городоваго дѣла (постройки городскихъ укрѣпленій) и посошной службы; судилъ ихъ самъ князь великій или его сокольничій; давали эти сокольники, двадцать человѣкъ оброку полтора рубля въ годъ; въ числѣ этихъ двадцати сокольниковъ упоминаются четыре вдовы, два сапожныхъ мастера, одинъ сѣдельникъ, одна хлѣбница. Касательно звѣриной ловли въ пользу князя, мы имѣемъ грамоту удѣльнаго князя Семена Ивановича Троицкому монастырю, по которой крестьяне послѣдняго, жившіе въ Бѣжецкомъ верху, обязаны были посылать на княжескую ловлю, на медвѣдей, лосей и оленей по пяти человѣкъ съ сохи; надобно замѣтить, что это опредѣленіе является здѣсь какъ льгота [421].

По иностраннымъ извѣстіямъ жители Московскаго государства производили обширную торговлю сырыми произведеніями своей страны: все количество смолы и воска, потребляемое въ Европѣ, равно какъ дорогіе мѣха, привозились чрезъ Ливонію изъ московскихъ владѣній; мы должны замѣтить, что не изъ однихъ московскихъ владѣній, ибо большое количество смолы и воска шло за

границу также изъ западной, литовской Руси; кромѣ того изъ Московскаго государства отпускались за границу на западѣ лѣсъ, лучшій ленъ, конопля, воловьи кожи. Въ Литву и Турцію вывозились кожи, мѣха и моржевые зубы; къ татарамъ шли сѣдла, узды, сукна, кожи, полотно, ножи, топоры, стрѣлы, зеркала, кошельки. Привозимые товары, большею частію, были: серебро въ слиткахъ, сукна, шелкъ, шелковыя ткани и парчи, дорогіе камни, жемчугъ, сученое золото, перецъ, шафранъ, вино; купцы чагатайскіе доставляли шелковыя ткани, татарскихъ лошадей и превосходныя бѣлыя матеріи, не тканыя, а сваляныя изъ шерсти, изъ которыхъ дѣлались япанчи, красивыя и защищавшія отъ дождя. Изъ ярмарокъ славилась въ Холопьемъ городѣ на рѣкѣ Мологѣ; ко времени Василіева же княженія относится начало знаменитой Макарьевской ярмарки; въ 1524 году великій князь, желая нанести вредъ враждебной Казани, запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить на ярмарку, бывавшую подлѣ Казани, на такъ называемомъ купеческомъ островѣ, а назначилъ мѣсто для ярмарки въ нижегородской области; но чрезъ эту мѣру сначала не меньше вреда потерпѣло и Московское государство, почувствовало сильный недостатокъ въ товарахъ, шедшихъ Волгою изъ Каспійскаго моря, изъ Персіи и Арменіи, особенно же чувствителенъ былъ недостатокъ въ соленой рыбѣ, привозимой съ низовьевъ Волги [422]. Иностранные писатели указываютъ и торговые пути: такъ они говорятъ о судоходствѣ по Москвѣ рѣкѣ, затрудняемомъ извилинами, особенно между Москвою и Коломною; говорятъ, что въ 24 германскихъ миляхъ отъ Рязани находится мѣсто Донковъ на Дону: здѣсь купцы, отправляющіеся въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои суда, что дѣлается обыкновенно осенью, въ дождливое время года, ибо въ другое время Донъ такъ мелокъ, что не можетъ поднимать судовъ.—Подъ Вязьмою течетъ рѣка того же имени, впадающая въ Днѣпръ; отсюда нагруженныя товарами суда спускаются обыкновенно въ Днѣпръ, и обратно вверхъ по Днѣпру идутъ суда до Вязьмы.—Дмитровъ лежитъ на рѣкѣ Яхромѣ, впадающей въ Сестру, а Сестра впадаетъ въ Дубну, притокъ Волги; вслѣдствіе такого теченія рѣкъ здѣсь производится обширная торговля. Любопытны извѣстія иностранцевъ о нѣмой торговлѣ, еще производившейся въ XVI вѣкѣ: такая торговля производилась съ Лапландцами въ сѣверныхъ предѣлахъ европейской Россіи, и за Ураломъ,

въ области Оби [42].—По договору съ семидесятью ганзейскими городами 1514 года, купцамъ ихъ позволено было торговать въ Новгородѣ всякимъ товаромъ безъ вывѣта, солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, а новгородскіе купцы получили право торговать въ нѣмецкой землѣ также всякимъ товаромъ безъ вывѣта и воскомъ. Купитъ нѣмецъ у новгородца воскъ и воскъ окажется нечистъ, то новгородецъ обязанъ его обмѣнить. Будетъ новгородецъ въ нѣмецкихъ городахъ покупать или продавать что въ ластъ, то вѣсчаго не платитъ, а начнетъ продавать или покупать въ вѣсъ, то брать съ него вѣсчее; также и нѣмецъ въ Новгородѣ если станетъ продавать соль, сельди и медъ въ ластъ, то не платитъ вѣсчаго, если же въ вѣсъ, то платитъ; дастъ нѣмецъ за какой нибудь товаръ серебро, и окажется оно нечисто, то ему это серебро обмѣнить. У Герберштейна находимъ извѣстіе о ростахъ, которые простирались отъ десяти до двадцати со ста. Мы не знаемъ, съ какою скоростію тогдашніе пути сообщенія позволяли купцамъ перевозить товары; но Герберштейнъ оставилъ намъ извѣстіе о ямской гоньбѣ: когда я, говоритъ Герберштейнъ, ѣхалъ изъ Новгорода въ Москву, то ямщикъ выставлялъ заблаговременно по 30, 40 и 50 лошадей, тогда какъ мнѣ нужно было не болѣе 12: каждый изъ насъ такимъ образомъ выбиралъ себѣ любую лошадь. Всякому позволено пользоваться почтовыми лошадьми; если на дорогѣ лошадь утомится или падетъ, то вольно взять другую изъ перваго дома или у перваго встрѣтившагося проѣзжаго, исключая гонца великокняжескаго; ямщикъ обязанъ отыскать лошадь, брошенную на дорогѣ, также доставить взятую лошадь хозяину, и заплатить ему прогоны: за 10 или 20 верстъ платится обыкновенно 6 денегъ. Слуга Герберштейна проѣхалъ 600 верстъ изъ Новгорода въ Москву въ 72 часа; такая скорость ѣзды, заключаетъ нашъ авторъ, тѣмъ удивительнѣе, что лошади очень мелки и содержатся гораздо хуже, чѣмъ у насъ. Изъ русскихъ извѣстій о ямахъ дошла до насъ великокняжеская грамота о починкѣ ветхаго строенія на Ергольскомъ яму: „Сказывали Ергольскіе ямщики, что на яму хоромы, избы, сѣнники и конюшни погнили и тынъ обвалился: велѣть ихъ построить крестьянамъ бѣлозерскими сохами, всѣми безъ исключенія, чей кто нибудь, а съ сохи брать по два человѣка; тѣми же сохами велѣть крестьянамъ отъ Ергольскаго яма до Напорожскаго дороги почистить, мосты по рѣкамъ, болотамъ

и грязямъ починить; вмѣсто сгнившихъ мостовъ новые намостить, на рѣкахъ мосты мостить на клѣткахъ, чтобъ ихъ вешняя вода не сносила. Отмѣрить земли къ яму ямщикамъ на пашню, сѣнокосъ и ямскимъ лошадямъ на выпускъ, и этой земли межи назначить, ямы покопать и драни покласть". Названіе ямовъ произошло не отъ этихъ межевыхъ ямъ, которыя употреблялись вездѣ, но или отъ русскаго слова емлю, беру, или, что еще вѣроятнѣе, отъ татарскаго ямъ, дорога [124].

Въ западной Руси король Сигизмундъ далъ въ 1511 году жителямъ Вильны право, по которому пріѣзжіе въ ихъ городъ купцы могли торговать только съ ними, исключая ярмарки, когда пріѣзжіе купцы могли торговать и съ купцами иностранными [125].

Относительно искусства при Василіи замѣчательно извѣстіе лѣтописи о поновленіи старыхъ иконъ греческаго письма, иконъ Спасителя и Богородицы, которыя были принесены для этого изъ Владиміра въ Москву въ 1518 году, торжественно встрѣчены митрополитомъ Варлаамомъ и всѣмъ народомъ. Поновляли ихъ въ митрополичьихъ палатахъ, и самъ митрополитъ, сказано, много разъ своими руками трудился въ этомъ дѣлѣ; по обновленіи и украшеніи, иконы были отпущены назадъ во Владиміръ также съ большимъ торжествомъ. Въ 1531 году также для поновленія принесли въ Москву двѣ иконы изо Ржевы: одна изображала преподобную Параскевію, а другая мученицу Параскевію. Стѣнною церковною живописью славился русскій мастеръ Ѳедоръ Едикѣевъ; упоминается также иконописецъ Алексѣй Псковитинъ Малый. Замѣчательнѣйшимъ изъ строительныхъ памятниковъ Василіева княженія остался для насъ Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ, основанный въ благодарность за взятіе Смоленска.—Мы уже имѣли случай замѣтить, что вызовъ иностранныхъ художниковъ и медиковъ продолжался и при Василіи; въ 1534 году, по приказанію великаго князя, слитъ былъ колоколъ въ 1000 пудъ, лилъ его Николай нѣмецъ; одиннадцать каменныхъ церквей были построены при Василіи въ Москвѣ мастеромъ Алевизомъ Фрязинымъ; ивановскую колокольню построилъ Бонъ Фрязинъ [126].—Кромѣ упомянутыхъ при описаніи болѣзни Василіевой двоихъ нѣмецкихъ лѣкарей, Николая Булева и Ѳеофила, былъ еще третій, родомъ грекъ, именемъ Марко.

Но въ то время, какъ плоды европейской гражданственности принимались, хотя медленно и слабо, въ Московскомъ государствѣ,

русскіе люди, двигаясь по прежнему на сѣверовостокъ, продолжали полагать среди здѣшнихъ лѣсовъ, среди дикаго ихъ народонаселенія основу гражданственности—христіанство, и Герберштейнъ, который такъ часто смотритъ съ черной стороны на Московію, не могъ однако не замѣтить, что и въ его время русскіе иноки отправлялись въ разныя стороны на сѣверъ и востокъ, преодолѣвая на пути величайшія трудности, терпя голодъ, подвергая опасности жизнь—все это съ одною цѣлію распространить христіанство. Описывая Пермь, тотъ же Герберштейнъ говоритъ, что здѣсь и послѣ Стефановой проповѣди остается въ лѣсахъ еще много язычниковъ; но монахи, туда отправляющіеся, не перестаютъ отрывать ихъ отъ прежнихъ заблужденій. Пустынникъ Ѳеодоритъ крестилъ Кольскихъ Лопарей; Трифонъ распространялъ христіанство у Лопарей, жившихъ на рѣкѣ Печенгѣ.

Въ исторіи русской церкви временъ Василіевыхъ сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманіе два знаменитыхъ лица: одно уже извѣстное намъ—Іосифъ Волоколамскій, другое Максимъ грекъ. Восшествіе на престолъ Василія обезпечивало для Іосифа торжество надъ ересью и обѣщало постоянное покровительство верховной власти. Мы уже видѣли, что Іосифъ былъ еще болѣе мужъ дѣла, чѣмъ слова, былъ достойный преемникъ тѣхъ знаменитыхъ подвижниковъ, которые собственнымъ примѣромъ поддерживали христіанскую дѣятельность въ областяхъ московскаго государства. Нуждался ли крестьянинъ въ сѣменахъ для посѣва, терялъ домашній скотъ, земледѣльческія орудія—приходилъ къ Іосифу, и тотъ снабжалъ его всѣмъ нужнымъ. Во время голода въ Волоколамской области, поселяне стекались въ монастырь къ Іосифу, который кормилъ около семисотъ человѣкъ кромѣ дѣтей, построилъ подлѣ монастыря страннопріимницу съ церковію, велѣлъ здѣсь покоить больныхъ, кормить бѣдныхъ, поставилъ особаго строителя. Когда истощились собственныя средства монастыря, Іосифъ дѣлалъ займы и кормилъ бѣдныхъ; увѣщавалъ и дмитровскаго князя Юрія Ивановича позаботиться о людяхъ, страдавшихъ отъ голода: „Бога ради и Пречистой Богородицы, пожалуй, государь, попекись ỏ православномъ христіанствѣ, о своемъ отечествѣ, подобно древнимъ православнымъ царямъ и князьямъ, которые заботились о своихъ подданныхъ во время голода; который государь имѣлъ у себя много хлѣба, раздавалъ его неимущимъ, или приказывалъ продавать не-

дорого, устанавливалъ цѣну, поговоривши съ боярами, какъ надобно, полагалъ запретъ страшный на ослушниковъ, какъ и теперь сдѣлалъ братъ твой великій князь Василій Ивановичъ всея Руси. Если ты распорядишься такъ въ своемъ государствѣ, то оживишь нищихъ людей: потому что уже многіе теперь люди мрутъ съ голоду, а кромѣ тебя не кому этой бѣдѣ пособить; никто другой не можетъ ничего сдѣлать, если ты не позаботишься и не установишь цѣны своимъ государскимъ повелѣніемъ“ [427].

Но одною этою дѣятельностію не могъ ограничиться Іосифъ; и въ княженіе Василія онъ долженъ былъ вести сильную борьбу съ своими врагами. Мы видѣли, что при Іоаннѣ III-мъ, во время борьбы съ ересью жидовствующихъ, Іосифъ, провозглашая необходимость строгихъ мѣръ противъ еретиковъ, навлекъ на себя ненависть многихъ и сильныхъ людей. Вопросъ объ этихъ мѣрахъ продолжался и при Василіи: противники ихъ, въ челѣ которыхъ находился инокъ Вассіанъ Косой, т. е. князь Василій Патрикѣевъ, начали опять настаивать, что кающихся еретиковъ должно выпустить изъ заточенія; Іосифъ твердо стоялъ при прежнемъ своемъ мнѣніи, и, выставляя примѣры строгости къ виновнымъ изъ ветхаго и новаго завѣта, писалъ великому князю: „молимъ тебя, государь, чтобъ ты своимъ царскимъ судомъ искоренилъ тотъ злой плевелъ еретическій въ конецъ“. Старцы Кириллова и всѣхъ Вологодскихъ монастырей написали колкое опроверженіе этому мнѣнію, и церковные историки догадываются, что опроверженіе, написано Вассіаномъ. Великій князь принялъ мнѣніе Іосифа; однако враги послѣдняго не были низложены окончательно; Вассіанъ переѣхалъ въ Москву, приблизился опять ко двору, и дѣйствовалъ иногда съ успѣхомъ противъ Іосифа [428].

Вассіанъ, по свидѣтельству одного изъ современниковъ, враждовалъ много на Іосифа и хотѣлъ разорить монастырь его. Вассіанъ хотѣлъ этого вслѣдствіе старинной борьбы, вслѣдствіе противоположности убѣжденій; по другимъ побужденіямъ хотѣлъ разорить Іосифовъ монастырь удѣльный князь Ѳедоръ Борисовичъ волоколамскій. Но пусть самъ Іосифъ разскажетъ намъ о притѣсненіяхъ, которыя монастырь его терпѣлъ отъ удѣльнаго князя: „Князь Ѳедоръ Борисовичъ во все вступается: что Богъ пошлетъ намъ, въ томъ воли не даетъ; иное даромъ проситъ, другое въ полцѣны беретъ; если его не послушаемъ, то хочетъ кнутомъ бить

чернецовъ, а на меня бранится. И мы боялись его, давали ему все, что благочестивые люди дарили монастырю—коней, доспѣхи, платье; но онъ захотѣлъ еще денегъ, и началъ присылать за ними: мы ему послали шестьдесятъ рублей; прислалъ просить еще—послали еще сорокъ рублей, и эти деньги уже десять лѣтъ за нимъ; мы вздумали было послать попросить ихъ назадъ, а онъ нашего посланца, монаха Герасима Чернаго хотѣлъ кнутомъ высѣчь, да денегъ не отдалъ. Все что ни пришлютъ на милостыню или на поминъ по усопшимъ, все хочетъ, чтобъ у него было; прислалъ князь Семенъ Бѣльскій полтораста копъ грошей на поминъ родителей, и князь Ѳедоръ сейчасъ же прислалъ къ намъ просить этихъ грошей; купили мы на полтораста рублей жемчугу на ризы и на епитрахиль—и князь Ѳедоръ прислалъ жемчугу просить. Къ чернецамъ нашимъ подсылалъ говорить: „которые изъ нихъ хотятъ идти отъ Іосифа въ мою отчину, тѣхъ берусь покоить; а которые не хотятъ и заодно съ Іосифомъ, отъ тѣхъ оборонюсь; Голову Павла если не изобью кнутомъ, то не буду я сынъ князя Бориса Васильевича“. И вотъ нѣкоторые чернецы побѣжали изъ монастыря. Увидавши, что князь Ѳедоръ рѣшился раззорить монастырь, я хотѣлъ было уже бѣжать изъ него, и объявилъ объ этомъ братіи; но братія стала мнѣ говорить: „Богъ взыщетъ на твоей душѣ, если церковь Пречистыя и монастырь будутъ пусты, потому что монастырь Пречистая устроила, а не князь Ѳедоръ; мы отдали все имѣніе свое Пречистой да тебѣ, въ надеждѣ, что будешь насъ покоить до смерти, а по смерти поминать; сколько было у насъ силы, и мы ее истощили въ монастырскихъ работахъ; а теперь, какъ нѣтъ больше ни имѣнія, ни силъ, ты насъ хочешь покинуть! Тебѣ извѣстно, что намъ у князя Ѳедора жить нельзя, онъ и при тебѣ насъ хочетъ грабить и кнутомъ бить; знаешь самъ хорошо, какъ князь Ѳедоръ на Возмицѣ, въ Селижаровѣ и въ Левкіевѣ монастырѣ не оставилъ ничего денегъ въ казнѣ, и у насъ ничего же не оставитъ; но въ тѣхъ монастыряхъ чернецы, постригаясь, оставляютъ имѣніе при себѣ и тѣмъ живутъ; а мы, постригшись, отдали все Пречистой, да тебѣ“. Я побоялся осужденія отъ Бога и не посмѣлъ покинуть монастырь, предать его на расхищеніе. Мы били челомъ самымъ сильнымъ у князя людямъ, чтобъ просили его жаловать насъ, а не грабить; но они отвѣчали: воленъ государь въ своихъ монастыряхъ: хочетъ жалуетъ, хочетъ грабитъ.

Тогда я билъ челомъ государю православному самодержцу великому князю всея Руси, чтобъ пожаловалъ, монастырь Пречистыя избавилъ отъ насильствъ князя Ѳедора; а не пожалуетъ государь, то всѣмъ пойти розно, и монастырю запустѣть. Государь князь великій не просто дѣло сдѣлалъ, думалъ съ князьями и боярами, и поговоря съ преосвященнымъ Симономъ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, по благословенію и по совѣту всѣхъ ихъ монастырь и меня грѣшнаго съ братіею взялъ въ великое свое государство, и не велѣлъ князю Ѳедору ни во что вступаться. Послѣ этого жили мы въ покоѣ и въ тишинѣ два года".—По прошествіи этихъ двухъ лѣтъ гроза поднялась снова, потому что князь Ѳедоръ не хотѣлъ отказаться отъ надежды получить въ свои руки опять Іосифовъ монастырь; съ тремя приближенными къ себѣ людьми онъ придумалъ, что нѣтъ для этого другого средства, какъ дѣйствовать чрезъ архіепископа новгородскаго, къ епархіи котораго, по старинному политическому раздѣленію, принадлежала волоколамская область; и вотъ, по внушеніямъ князя Ѳедора, новгородскій владыка Серапіонъ послалъ на Іосифа отлучительную отъ священства грамоту въ самый великій постъ. Поступокъ этотъ произвелъ сильное волненіе; при дворѣ волоцкаго князя торжествовали, начали говорить: „достали мы Іосифовъ монастырь: владыка нашъ замелъ не однимъ Іосифомъ, замелъ и Москвою". Но въ Москвѣ спѣшили показать, что ее трудно замести удѣломъ: Серапіонъ новгородскій былъ вызванъ въ Москву, лишенъ епархіи и сосланъ въ троицкій монастырь за то, что, безъ обсылки съ великимъ княземъ и митрополитомъ, отлучилъ Іосифа, который перешелъ отъ Волоцкаго князя по согласію великаго князя и митрополита [429]. Дѣло это произвело сильное впечатлѣніе, стало предметомъ толковъ; у Іосифа было много враговъ, и ему дали знать, что на Москвѣ многіе люди говорятъ: лучше было бы Іосифу оставить монастырь и пойти прочь, чѣмъ бить челомъ великому князю; вслѣдствіе этого Іосифъ счелъ за нужное написать длинное оправдательное посланіе съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла; ученикъ его Нилъ Полевъ также писалъ въ защиту учителя [430].

Іосифъ умеръ въ 1515 году; Вассіанъ Косой пережилъ его и продолжалъ борьбу съ его преданіями. Къ этой старинной борьбѣ, ведущей начало изъ времени Іоанна III, присоединяется при Василіи дѣло знаменитаго Максима грека. Въ годъ смерти Іосифа ве-

икій князь Василій отправилъ Василья Копыла на Аѳонскую гору съ грамотою къ проту и всѣмъ игуменамъ и монахамъ 18-ти монастырей святогорскихъ, съ просьбою прислать на время въ Москву изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву, переводчика книжнаго. Игуменъ этого монастыря отвѣчалъ, что Савва не можетъ отправиться по старости и болѣзни въ ногахъ; но что вмѣсто его Ватопедъ посылаетъ другого инока, Максима, искуснаго и годнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ церковныхъ и такъ называемыхъ Еллинскихъ [431]. Максимъ, албанскій грекъ изъ города Арты, прежде постриженія своего на Ватопедѣ, путешествовалъ по Европѣ, учился въ Парижѣ, Флоренціи, Венеціи. Въ такія-то руки досталось богатое собраніе греческихъ рукописей, хранившееся въ московской великокняжеской библіотекѣ и остававшееся безъ употребленія по недостатку свѣдущихъ людей. Къ сожалѣнію Максимъ, зная основательно языки—греческій и латинскій, не могъ въ той же степени владѣть славяно-русскимъ, которымъ началъ заниматься уже по отправленіи своемъ въ Москву; несмотря на то однако онъ успѣлъ оказать важныя услуги русскому просвѣщенію въ XVI вѣкѣ. Прежде всего онъ занялся переводомъ толкованія на псалтирь; онъ переводилъ его съ греческаго на латинскій языкъ, а уже съ латинскаго на славянскій переводили двое русскихъ толмачей. Послѣ этого перевода, Максиму поручено было исправленіе богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ грубыми ошибками переписчиковъ; потомъ онъ перевелъ толкованія Златоуста на евангеліе Св. Матѳея и Іоанна, толкованія на книгу дѣяній Апостольскихъ; впослѣдствіи онъ перевелъ псалтирь съ греческаго на русскій языкъ. Но этимъ не ограничивались труды Максима: мы видѣли, какъ въ предшествовавшее время умножились сочиненія апокрифическія, жадно принимаемыя людьми, хотящими получить подробнѣйшія извѣстія о предметахъ первой важности, предметахъ религіозныхъ, но не имѣющихъ средствъ отличать истинное отъ ложнаго, вѣрующихъ всему, что написано; отсюда Максимъ долженъ былъ вооружиться противъ апокрифическихъ сочиненій и противъ разныхъ суевѣрій, распространявшихся изъ книгъ и устно при отсутствіи просвѣщенія: такъ онъ писалъ опроверженіе Папіева повѣствованія о Іудѣ предателѣ; сказаніе къ глаголющимъ, яко во всю свѣтлую недѣлю солнце не заходя стояло; опроверженіе Афродитіановой повѣсти о Рождествѣ Христовомъ; здѣсь, въ началѣ разбора, Максимъ

выставляетъ три правила для повѣрки книгъ: 1) написана ли книга писателемъ благовѣрнымъ и извѣстнымъ въ церкви? 2) согласна ли она съ богодухновеннымъ писаніемъ? 3) согласна ли во всемъ сама съ собою?—Максимъ написалъ также слово „на безумную прелесть и богомерзскую мудрствующихъ, яко погребенія для утопленнаго и убитаго бываютъ плодотлители и стужи земныхъ прозябеній;“ наконецъ Максимъ долженъ былъ болѣе всего вооружиться противъ распространившейся въ его время страсти къ астрологіи, противъ вѣры въ судьбу или колесо фортуны; Максимъ утверждаетъ, что все устроивается промысломъ Божіимъ, а не звѣздами, не звѣздодвижнымъ колесомъ счастія. О степени просвѣщенія современниковъ Максима лучше всего свидѣтельствуетъ сочиненіе послѣдняго о смыслѣ словъ, обыкновенно помѣщаемыхъ на иконахъ Богородицы: онъ долженъ былъ толковать, что эти греческія слова значатъ: матерь Божія, а не Марфа, не Мироу „якоже нѣцыи всуе непщуютъ.“

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ученый греческій инокъ долженъ былъ сойтись съ инокомъ русскимъ, который славился также своимъ относительнымъ просвѣщеніемъ, съ знаменитымъ княземъ Патрикѣевымъ, Вассіаномъ Косымъ. Іоаннъ III обвинялъ Патрикѣева въ высокоуміи: дѣйствительно онъ позволялъ себѣ смѣлые отзывы о явленіяхъ, которыя ему не нравились: обвиняя современное ему общество въ невѣжествѣ, онъ осмѣливался не признавать правильными его приговоровъ относительно нравственнаго достоинства извѣстныхъ лицъ, не хотѣлъ признавать высокаго нравственнаго и религіознаго значенія въ человѣкѣ, если онъ, по его мнѣнію, былъ необразованъ и низкаго происхожденія [142]. Таковъ былъ опасный союзникъ Максима! Вассіанъ и Максимъ сошлись во мнѣніи о важномъ вопросѣ, раздѣлявшемъ русское духовенство, въ вопросѣ—прилично ли владѣть монастырямъ селами? Будучи ученикомъ Нила Сорскаго, Вассіанъ настаивалъ на отрицательное рѣшеніе этого вопроса. До насъ дошло сочиненіе, по всѣмъ вѣроятностямъ принадлежащее Вассіану; здѣсь говорится: „Гдѣ въ евангельскихъ, апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ велѣно инокамъ села многонародные пріобрѣтать и порабощать крестьянъ братіи, съ нихъ неправедно серебро и золото собирать. Вшедши въ монастырь, не перестаемъ чужое себѣ присвоивать всяческимъ образомъ, села, имѣнія, то съ безстыднымъ ласкатель-

ствомъ выпрашиваемъ у вельможъ, то покупаемъ. Вмѣсто того, чтобъ безмолствовать и рукодѣліемъ питаться, безпрестанно разъѣзжаемъ по городамъ; смотримъ въ руки богачей, ласкаемъ, рабо-лѣпно угождаемъ имъ, чтобъ выманить или деревнишку, или серебришко. Господь повелѣваетъ раздавать милостыню нищимъ, а мы братьевъ нашихъ убогихъ, живущихъ въ селахъ нашихъ, различнымъ образомъ оскорбляемъ, если не могутъ заплатить—коровку и лошадку отнимаемъ, самихъ же съ женами и дѣтьми какъ оскверненныхъ, далеко отъ своихъ предѣловъ отгоняемъ, нѣкоторыхъ же свѣтской власти предавши, доводимъ до конечнаго истребленія, обижаемъ, грабимъ, продаемъ христіанъ, нашу братью, бичемъ ихъ истязуемъ безъ милости какъ звѣрей дикихъ. Считающіе себя чудотворцами повелѣваютъ нещадно мучить крестьянъ, не отдающихъ монастырскихъ долговъ, только не внутри монастыря, а передъ воротами: думаютъ, что внѣ монастыря не грѣхъ казнить христіанина!... Не развращаю я христолюбивыхъ князей словомъ Божіимъ, но преступники заповѣдей Божіихъ, послѣдующіе человѣческимъ преданіямъ и языческимъ обычаямъ, тѣ соблазняютъ и смущаютъ людей Божіихъ. Вы говорите, что я одинъ заступаюсь за еретиковъ беззаконно; но еслибы былъ у васъ здравый разумъ и судъ праведный, то разумѣли бы, что не еретическую злобу защищаю, но о Спасителевой заповѣди и правильномъ ученіи поборою, ибо утверждаю, что надобно наказывать еретиковъ, но не казнить смертію. Скажите намъ, котораго изъ древнихъ еретиковъ или мечемъ убили, или огнемъ сожгли, или въ глубинѣ утопили? не всѣхъ ли святые отцы соборомъ анаѳемѣ предавали, а благочестивые цари заточали?"

Максимъ также настаивалъ на незаконность владѣнія монастырямъ селами въ сочиненіяхъ, своихъ: „Повѣсть страшна и достопамятна", гдѣ приводилъ въ примѣръ убожество иноковъ картузіанскихъ, и въ „Бесѣдѣ актимона (нестяжательнаго) съ филоктимономъ (любостяжательнымъ)."

Вассіанъ и Максимъ не могли дать торжества своему мнѣнію: сопротивленіе разводу великаго князя лишило ихъ его благосклонности, послѣ чего они были обвинены въ церковныхъ преступленіяхъ. Въ переводахъ Максимовыхъ нашли неправильныя выраженія и осудили переводчика; сперва заточили его въ Іосифовъ волоколамскій монастырь, гдѣ онъ терпѣлъ большую нужду, потомъ въ

Тверской Отрочь, гдѣ онъ имѣлъ возможность читать и писать. Однимъ изъ обвиненій на Максима было то, что онъ укорялъ русскіе монастыри за владѣніе селами; другимъ, что укорялъ московскихъ митрополитовъ, зачѣмъ они поставляются безъ благословенія патріарха константинопольскаго. Въ судѣ надъ Вассіаномъ первый укоръ составлялъ главное содержаніе обвиненія. Максимъ три раза повергался предъ судившимъ его соборомъ, умоляя о помилованіи ради милости Божіей. ради немощей человѣческихъ, со слезами просилъ простить ему ошибки, вкравшіяся въ его книги. Иначе велъ себя на соборѣ Вассіанъ, который не призналъ ошибочнымъ ни одного изъ своихъ мнѣній; его также заточили въ Іосифовъ волоколамскій монастырь [433].

Такимъ образомъ мнѣніе Іосифа волоцкаго продолжало торжествовать: монастыри продолжали владѣть землями и отдавать ихъ въ помѣстья и въ оброчное содержаніе разнымъ лицамъ.—Касательно содержанія монастырей любопытна грамота великаго князя Василія женскому Успенскому владимірскому монастырю: игуменья, старицы, пять священниковъ и два діакона били челомъ, что у нихъ во владѣніи волость да село, но доходу съ нихъ мало, прожить нечѣмъ; такъ великій князь купилъ бы у нихъ эту волость и село, а деньги велѣлъ отдать въ ростъ (денги велѣти имъ водити въ людехъ въ ростѣхъ). Великій князь купилъ волость и село за 2142 рубля; эти деньги велѣлъ своимъ дьякамъ давать въ ростъ по гривнѣ съ рубля, и ростовыя деньги отдавать въ монастырь: игуменьѣ 10 рублей денегъ, 50 четвертей ржи, 50 четвертей овса, 10 пудовъ соли; каждой старицѣ по полтора рубля денегъ, по 12 четвертей ржи, по 12 четвертей овса, по три пуда соли; священнику по 10 рублей денегъ, по 30 четвертей ржи, по стольку же четвертей овса и по 10 пудовъ соли, дьякону—по 6 рублей, по 20 четвертей ржи, по стольку же овса и по 6 пудовъ соли. Относительно быта монастырей во времена Василія замѣчательна уставная грамота новгородскаго архіепископа Макарія Духовскому монастырю: владыка предписываетъ держать въ монастырѣ священника и дьякона черныхъ, да десять братьевъ; кромѣ обычныхъ службъ, въ воскресенье, понедѣльникъ, середу, пятницу и въ праздничные дни пѣть молебны о здравіи и спасеніи великаго князя и великой княгини, чтобъ имъ Господь Богъ послалъ дѣтей, также объ устроеніи земскомъ и о всемъ православномъ

христіанствѣ, братіи быть всей у молебновъ. По понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ послѣ вечерни пѣть панихиды за усопшихъ. Въ келіи игуменъ у себя не ѣстъ и гостей не кормитъ и не пируетъ съ ними: кормить ему и потчивать гостей въ трапезѣ или въ келарской; игуменъ снабжаетъ братію одеждою, обувью и всякими келейными вещами, по преданіямъ общежительнымъ; держитъ келаря, казначея, да братьевъ трехъ или четырехъ соборныхъ и съ ними всякій чинъ исполняетъ, о прочихъ братіяхъ вседумно печется, всякіе доходы и расходы вѣдаетъ, мятежниковъ церковныхъ и безчинниковъ монастырскихъ наказываетъ. Безъ игуменскаго благословенія братъ изъ монастыря не выходитъ; мірскіе люди къ старцамъ въ келіи не ходятъ; игуменъ держитъ у себя келейника чернеца, или двухъ, мірянина держать не можетъ; молодымъ людямъ у игумена и старцевъ не жить, слугъ держать за монастыремъ.—Епископы доносили о состояніи монастырей митрополиту и великому князю; до насъ дошло подобное донесеніе новгородскаго владыки, замѣчательное по обращенію къ великому князю: „Благородному и христолюбивому и вседержавному царю и государю великому князю, всея Руси самодержцу: занеже, государь, отъ вышней Божіей десницы поставленъ ты самодержцемъ и государемъ всея Русіи; тебя, государя, Богъ вмѣсто себя избралъ на землѣ и на свой престолъ вознесши посадилъ, тебѣ поручилъ милость и животъ всего великаго православія: то намъ слѣдуетъ по царскому твоему остроумію и богопреданной премудрости, обращаться къ тебѣ, какъ государю и самодержцу царю.“—Архіепископу Макарію большинство новгородскихъ монастырей были обязаны введеніемъ общаго житія: до него, говоритъ лѣтопись, общины были только въ большихъ монастыряхъ, а въ прочихъ каждый монахъ жилъ особо въ своей кельѣ и „былъ одержимъ всякими житейскими печалями“; въ лучшихъ монастыряхъ было чернецовъ по шести или семи, а въ другихъ по два и по три. Но когда Макарій ввелъ общее житіе, то братія начала умножаться: гдѣ было прежде два или три монаха, тамъ явилось ихъ по 12 и 15; гдѣ прежде было шесть или семь, тамъ стало по 20, 30, 40. Только два значительныхъ монастыря въ Новгородѣ отказались учредить у себя общину, и владыка сказалъ ихъ игуменамъ: „по дѣламъ вашимъ мзду пріимете отъ Бога“. Важно было также распоряженіе Макарія на счетъ женскихъ монастырей: онъ вывелъ изъ нихъ

игумновъ и далъ игуменей, для благочинія. Въ княженіе Василія была перепись духовенства для взиманія митрополичьей дани: митрополитъ Даніилъ приговорилъ съ великимъ княземъ послать во всю митрополію дѣтей боярскихъ митрополичьихъ и велѣть имъ переписать у всѣхъ церквей приходы, сколько у какой церкви въ приходѣ дѣтей боярскихъ, людей ихъ и крестьянскихъ вытей; которыя церкви приходомъ скудны, у такихъ священникамъ полегчить, а которыя окажутся приходомъ обильны, у тѣхъ на священниковъ дани прибавить [434].

При Василіи видимъ болѣе частыя сношенія съ восточными церквами, чѣмъ при отцѣ его: въ 1515 году великій князь далъ позволеніе 18-ти аѳонскимъ монастырямъ присылать въ московское государство за милостынею. Въ 1518 году константинопольскій патріархъ Ѳеолиптъ присылалъ въ Москву за милостынею; въ посланіи онъ называетъ великаго князя наивысшимъ и кротчайшимъ царемъ и великимъ кралемъ всей православной земли великой Руси. Потомъ присылалъ за тѣмъ же александрійскій патріархъ Іоакимъ, изъ посланія котораго видимъ, что въ Москву приходили съ востока за милостынею не только монахи, но и монахини; приходили иноки синайской горы. Касательно вспомоществованій, доставлявшихся отъ русскихъ архіереевъ бѣдствовавшимъ собратіямъ ихъ на востокѣ, замѣчательна грамота тверскаго епископа Нила къ Василью Андреевичу Коробову, отправлявшемуся въ Константинополь. Эта грамота содержитъ перечисленіе вещей, посылаемыхъ Ниломъ патріарху византійскому Пахомію; изъ нея можемъ получить свѣдѣнія о нѣкоторыхъ отрасляхъ тогдашняго искусства и о средствахъ русскихъ владыкъ того времени: „отъ Нила, владыки тверскаго сыну и господину Василію Андреевичу. Дать ся рухлядь государю моему и брату Пахомью патріарху: три деисусы, одинъ большой деисусъ стоячей въ десть большой бумаги, рѣзанъ рыбей зубъ, надъ нимъ 16 праздниковъ рѣзаны на Синопое (?), а въ верху надъ праздники пророцы рѣзанъ рыбей же зубъ; а другой деисусъ стоячей же и въ полдесть рѣзанъ рыбей же зубъ, а надъ нимъ рѣзаны праздники рыбей же зубъ; а третей деисусъ стоячей же въ четверть рѣзанъ рыбей же зубъ, а надъ нимъ рѣзаны праздники рыбей же зубъ. Да икона въ четверть на золотѣ писана мелкимъ писмомъ, шестодневникъ, да деисусъ на золотѣ, да икона бѣла мамонтова кость въ полладони, а рѣзано 12 праздни-

ковъ; да двои ризы комчаты, у однихъ ожерелье шиты празники золотомъ да серебромъ, на преди стоитъ Софія въ премудрости, и назадъ въ тылу Преображенье Спасово, а на правой сторонѣ входъ въ Іерусалимъ, да Рождество Христово, а на лѣвой сторонѣ Воскресеніе Христово, да Богоявленіе; да круживо ширина на три верста шито золотомъ, а сажено жемчугомъ мелкимъ. Да патрахели, камка синя шита золотомъ да серебромъ, да вверху Спасъ, да подъ тѣмъ Пречистая, да Іоаннъ Предтеча, а подъ ними Михаилъ, да Гавріилъ, да 12 апостоловъ; въ трехъ мѣстахъ шиты по обѣ стороны, да святители также шиты въ трехъ мѣстахъ по обѣ стороны. Да сорокъ соболей, да 5 соболей одинцовъ, да 740 горностаевъ, да рыбья зуба болшихъ 15, а среднихъ и меншихъ рыбья зуба полпятадесять; да чара серебряна, а тянетъ въ ней семь гривенокъ; да кубокъ гладкой на трехъ яблокахъ стати серебрянъ съ покрышкою, а тянетъ въ немъ 600 аспиръ атманскихъ; да чарка же серебряна внутри позолочена, а писана внутри волова голова; да 5 скатертей шитыхъ, да шестая скатерть ноугороцкая съ ручники шита; да часы нѣмецкіе 24 часы съ колоколомъ и съ гирями; да шуба соболья подъ чернымъ бархатомъ, да 9 шубъ бѣльи хребтовыхъ, да 8 шубъ бѣльи черевьи, да 2 шубы бѣльи облячны, да два сатына—одинъ черыъ, а другой багровъ, да ширинокъ русскихъ, да утиральниковъ русскихъ, да 120 гребеній, да 2000 бѣлокъ дѣланыхъ, да 440 хамяковъ, да 43 ножовъ рыбья зуба, пять гребеней рыбья зуба съ золотомъ рѣзаны, на нихъ звѣри; да 94 ножа простыхъ, да десять юфтей, да десять шапокъ лисьихъ, да три ставы калужскихъ, да три ставы тверскихъ, да 20 пугвицъ серебряныхъ [435].

Въ западной Руси, въ 1511 году король Сигизмундъ, по просьбѣ митрополита Іосифа и князя Константина Острожскаго, подтвердилъ грамоты предковъ своихъ Витовта, Казимира и Александра, данныя русскому духовенству на свободное отправленіе церковнаго суда, на безпрепятственное пользованіе доходами церковными. Избраніемъ епископовъ, переводомъ ихъ изъ одной епархіи въ другую распоряжался король: такъ владимірскій епископъ Пафнутій билъ челомъ королю, чтобъ онъ назначилъ его епископомъ луцкимъ; король исполнилъ его просьбу тѣмъ болѣе, что за Пафнутія просили князь Константинъ Острожскій и панъ Юрій Радзивилъ. Король же въ 1511 году рѣшилъ споръ между двумя епископами—

полоцкимъ и владимірскимъ, кому изъ нихъ занимать высшее мѣсто.—Въ 1522 году били челомъ королю архимандритъ кіевопечерскаго монастыря, крылошане, застолпники и вся братія о возстановленіи у нихъ общины, которая пала вслѣдствіе обнищанія монастыря послѣ татарскихъ нашествій: король исполнилъ ихъ просьбу. При этомъ они жаловались, что по смерти архимандритовъ воеводы кіевскіе прибираютъ монастырь къ своимъ рукамъ и держатъ до тѣхъ поръ, пока король не назначитъ новаго архимандрита, берутъ себѣ не только имущество покойнаго, но даже книги и другія церковныя вещи; король опредѣлилъ, что впередъ, по смерти архимандрита, старцы Печерскіе берутъ имущество покойнаго на монастырь; потомъ, вмѣстѣ съ князьями, панами и земянами земли кіевской, выбираютъ архимандрита и просятъ короля о его утвержденіи, и до прихода этого утвержденія управляютъ монастыремъ старцы; за это, при каждомъ избраніи архимандрита, они даютъ королю по пятидесяти золотыхъ. Монахи били также челомъ, что кіевскіе воеводы часто пріѣзжаютъ въ монастырь, архимандритъ и старцы должны ихъ угощать и дарить, а это имъ очень убыточно: король постановилъ, что воевода можетъ пріѣзжать въ монастырь только разъ или два въ годъ, когда монахи сами его позовутъ, причемъ они его угощаютъ, но даровъ никакихъ не даютъ. Король освободилъ также монастыри отъ обязанности давать подводы и кормы посламъ и гонцамъ татарскимъ. Въ случаѣ войны монастырь былъ обязанъ выставлять на службу десять человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ. Дошли до насъ также королевскія грамоты о возобновленіи монастырей Межигорскаго и Златоверхаго Михайловскаго, объ установленіи въ нихъ общинъ; король беретъ эти монастыри въ свое вѣдѣніе, даетъ имъ право выбирать себѣ архимандритовъ.—Монастыри продолжаютъ владѣть населенными землями.

Въ 1509 году кіевскій митрополитъ Іосифъ созвалъ въ Вильнѣ соборъ изъ епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ: соборъ прежде всего вооружился противъ тѣхъ, которые еще при жизни епископа уже подкупаются на его епископію и берутъ ее у короля безъ совѣта и воли митрополита, епископовъ, князей и пановъ православныхъ. Положено ставить въ священники только людей достойныхъ, недостойнаго же не ставить, если даже и король будетъ этого требовать: въ послѣднемъ случаѣ всѣ епископы съ мит-

рополитомъ идутъ къ королю и объявляютъ ему недостоинство его избранника. Положено не принимать священниковъ изъ этой епархіи въ другую безъ отпускной грамоты отъ епископа; не допускать неженатыхъ священниковъ до священнодѣйствія: если хотятъ священствовать, то пусть идутъ въ монахи; въ противномъ же случаѣ причисляются къ мірянамъ: такимъ образомъ и въ западной Руси послѣдовали примѣру Руси восточной. Опредѣлено, что князья и паны въ своихъ владѣніяхъ не имѣютъ правъ отнимать церкви у священника, безъ объявленія вины его епископу и безъ соборнаго суда надъ нимъ по этому обвиненію; если же князь или бояринъ отнимаетъ у священника церковь безъ вины и безъ вѣдома святительскаго, то епископъ не ставитъ къ церкви другого священника до тѣхъ поръ, пока не будетъ оказана справедливость первому. Если князь или бояринъ въ своемъ имѣніи будетъ держать церковь безъ священника въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то епископъ самъ посылаетъ къ ней священника. Если князь или бояринъ отниметъ что-нибудь у церкви безъ суда митрополичьяго, то будетъ отлученъ. Если священникъ, по приказанію князя или боярина, станетъ священствовать безъ епископскаго благословенія, то будетъ лишенъ сана. Если король или кто-нибудь изъ вельможъ пришлетъ къ митрополиту или епископу съ требованіемъ нарушенія хотя одной статьи, постановленной на соборѣ, то никто на это да не дерзаетъ, но всѣ должны съѣхаться къ митрополиту, и вмѣстѣ бить челомъ королю и стоять непоколебимо за принятыя правила.—Ясно, что постановленіями этого Виленскаго собора православное духовенство хотѣло противодѣйствовать вредному вліянію иновѣрныхъ властей [436].

Мы видѣли, что въ Судебникѣ отца Василіева было постановлено: безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей намѣстникамъ и волостелямъ суда не судить; мы видѣли также, что это постановленіе было внесено и великимъ княземъ Василіемъ въ его уставныя грамоты; подъ 1508 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „Пожаловалъ государь великій князь: слыша, что въ великомъ Новгородѣ намѣстники и тіуны ихъ судятъ по мздѣ, велѣлъ своему дворецкому и дворцовымъ дьякамъ выбрать изъ улицы лучшихъ людей 46 человѣкъ и привести ихъ къ цѣлованію; съ тѣхъ поръ поставили судить съ намѣстниками старосту купецкаго, а съ тіунами опредѣлили судить цѣловальникамъ по четыре на каждый

мѣсяцъ [167]. Отдаленные Лопари жаловались, что ѣздятъ за ними приставы новгородскихъ намѣстниковъ, а за ними ѣздятъ ябедники новгородскіе, человѣкъ по тридцати и больше, отъ поруки берутъ рублей по 10 и больше, сроки явиться къ суду назначаютъ въ дѣловую пору. Вслѣдствіе этой жалобы великій князь велѣлъ новгородскимъ своимъ дьякамъ беречь лопарей отъ намѣстниковъ: намѣстники и тіуны ихъ не судятъ лопарей, судятъ и вѣдаютъ ихъ дьяки; подъячіе, посылаемые дьяками къ нимъ за данью, назначаютъ и судный срокъ кому слѣдуетъ, этотъ срокъ—25 марта; подъячіе медовъ и винъ къ нимъ съ собою не возятъ, сзывовъ не дѣлаютъ, и отъ поруки и за данью лишковъ не берутъ. Касательно третейскаго суда отъ описываемаго времени дошла до насъ замѣчательная запись старца Іова, уполномоченнаго Солотчинскимъ монастыремъ (въ Рязанской области) и Ѳедора Замятнина, ведшаго съ монастыремъ споръ о сѣчѣ и лѣсѣ: мы, говорятъ Іовъ и Замятнинъ въ записи, въ томъ лѣсу межъ собою зарядили Третьихъ, дѣтей боярскихъ—Кондырева и Кашкалдѣева: быть имъ у насъ на той спорной сѣчѣ и лѣсу, какъ мы имъ побьемъ челомъ. Какъ станемъ мы на той спорной сѣчѣ и лѣсу съ своими старожильцами, то наши Третьи спросятъ нашихъ старожильцевъ по крестному цѣлованью, и когда старожильцы укажутъ Третьимъ межу, то Третьи велятъ старожильцамъ бросить жребій: если вынется жребій монастырскихъ старожильцевъ, то имъ идти съ иконой, и гдѣ они будутъ указывать межу, туда Замятнину идти съ своими старожильцами копать ямы и грани класть, и какъ отведутъ, то намъ и межа. Если же вынется жребій замятнинскихъ старожильцевъ, то они идутъ съ иконою и указываютъ межу. Третьихъ намъ обоимъ истцамъ слушать и если вмѣсто двоихъ явится одинъ третій, то слушать и одного. Въ одномъ изъ актовъ, относящихся къ описываемому времени, находимъ любопытный случай касательно поля или судебнаго поединка; передъ великокняжескимъ нижегородскимъ писцомъ (переписчикомъ земель) тягался о землѣ Иванъ Машковъ со старцемъ Павломъ, уполномоченнымъ отъ Печерскаго монастыря; по обычаю, обѣ стороны выставили свидѣтелей—старожильцевъ: Машковъ выставилъ троихъ дѣтей боярскихъ и троихъ великокняжескихъ крестьянъ; старецъ Павелъ выставилъ шестерыхъ монастырскихъ крестьянъ; послѣдніе потребовали поля съ свидѣтелями Машкова, но трое дѣтей бо-

ярскихъ отвѣчали: „мы съ ними на поле биться не леземъ, а поставятъ противъ насъ дѣтей боярскихъ, то мы противъ дѣтей боярскихъ на поле леземъ; крестьяне же согласились биться. Несмотря на то судья рѣшилъ дѣло въ пользу монастыря, потому что половина свидѣтелей Машкова отказались отъ поля—рѣшеніе явно несправедливое, потому что дѣти боярскіе отказались биться съ крестьянами, требуя равныхъ себѣ противниковъ, дѣтей же боярскихъ. Отъ времени великаго князя Василія дошли до насъ двѣ любопытныя духовныя: одна Ивана Алферьева, въ которой завѣщатель отказываетъ имущество свое сыну и внуку поровну, съ условіемъ, что ни тотъ, ни другой не можетъ, безъ обоюднаго согласія, располагать своимъ участкомъ, ни продать, ни промѣнять, ни въ приданое, ни по душѣ отдать, ни въ аренду, ни въ наймы. Вторая духовная Петра Молечкина, который, не имѣя дѣтей, отказываетъ свое недвижимое монастырямъ и родственникамъ; потомъ говоритъ; „если послѣ меня родится у моей жены сынъ, то отчина моя вся сыну моему съ тѣмъ, чтобъ онъ роздалъ по моей душѣ 50 рублей по церквамъ; если жъ родится дочь, то ей дать 80 рублей изъ моего имѣнія; благословляю жену мою за ея приданое, своими вотчинными землями (слѣдуетъ перечисленіе), которыя она вольна промѣнять, продать, по душѣ дать; а не пойдетъ жена моя замужъ, станетъ сидѣть, то жить ей на селѣ Молечкинѣ до смерти, послѣ чего оно отходитъ къ монастырямъ—Троицкому и Іосифову Волоколамскому". По смерти завѣщателя великій князь велѣлъ сначала вотчину его взять на себя, а долги платить изъ казны; но потомъ велѣлъ отдать вотчину женѣ покойнаго съ обязательствомъ платить долги и съ правомъ продать эту вотчину и по душѣ отдать. Касательно понятій о наслѣдствѣ приведемъ также слова великаго князя Василія Герберштейну: Василій требовалъ отъ Сигизмунда литовскаго городовъ, которые принадлежали великой княгинѣ Еленѣ; Герберштейнъ возражалъ, что московскій государь не имѣетъ никакого права на эти города; тогда Василій велѣлъ сказать ему: „Чаемъ, что и брату нашему Максимиліану и инымъ государемъ вѣдомо, что во многихъ государствахъ тотъ обычай не токмо въ великихъ государѣхъ и въ молодыхъ людѣхъ и въ правилѣхъ святыхъ отецъ писано то идетъ по наслѣдствію, будетъ у котораго отродъ, ино тотъ возьметъ вотчину и казну, а не будетъ у котораго отроду, ино взяти ближнему въ

роду“ [438]. Это совершенно согласно съ положеніемъ Судебника Іоанна III: „А которой человѣкъ умретъ безъ духовные грамоты, и не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери, а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ его рода“. Но въ завѣщаніи Молечкина мы видѣли, какъ пересиливали еще старинныя понятія, что дочь не наслѣдница, а имѣетъ право только на приданое для выхода замужъ, и Молечкинъ даетъ единственной дочери только 80 рублей. Это всего лучше объясняетъ намъ статью Русской Правды о ненаслѣдованіи дочерей послѣ смерда.

Въ 1522 году на виленскомъ сеймѣ король Сигизмундъ объявилъ, что такъ какъ до сихъ поръ въ Литвѣ нѣтъ никакихъ письменныхъ статутовъ и судъ производится по обычаямъ и по произволу судей, отъ чего проистекаютъ частыя жалобы, то онъ король вознамѣрился изданіемъ общаго для всѣхъ статута прекратить этотъ безпорядокъ. Статутъ былъ написанъ на русскомъ языкѣ, утвержденъ въ 1529 году и началъ дѣйствовать съ 1-го генваря 1530 года. Онъ состоитъ изъ тринадцати отдѣловъ: въ первомъ отдѣлѣ (о персонѣ господарской) повторяется давнее постановленіе, что никто не наказывается по заочному обвиненію, и несправедливый обвинитель терпитъ то же самое наказаніе, какое готовилъ обвиненному. Еще въ 1509 году король приговорилъ съ панами радами: если отецъ измѣнитъ, то имущество его идетъ на государя; захочетъ ли государь что дать дѣтямъ измѣнника или не захочетъ—это зависитъ отъ его милости. Если будетъ нѣсколько братьевъ не раздѣлившихся и одинъ изъ нихъ измѣнитъ, то теряетъ долю, которая ему приходилась, въ остальномъ же имѣніи воленъ государь, захочетъ ли оставить его во владѣніи другихъ братьевъ, или нѣтъ; если же братья были раздѣлены, то измѣнникъ теряетъ свою долю, другіе же братья удерживаютъ свои. Въ статутѣ говорится, что имущество измѣнника, родовое, выслуженное и купленное—все идетъ на короля, а не отдается ни дѣтямъ, ни ближнимъ; если отецъ уйдетъ въ землю непріятельскую, оставивъ на родинѣ дѣтей неотдѣленныхъ, то имѣніе идетъ на короля; отдѣленные же дѣти или братья измѣнника удерживаютъ свое имущество, если будетъ доказано, что они не участвовали въ измѣнѣ. Составители ложныхъ бумагъ и печатей королевскихъ сожигаются огнемъ. За насиліе урядннику королевскому, при отправленіи его должности причиненное, смертная казнь. Повторяется прежнее по-

становленіе, что родственники и слуги преступника не терпятъ никакого наказанія. Всѣ подданные королевскіе, безъ различія состояній и богатства, судятся однимъ судомъ. Король, находясь въ Польшѣ, не раздаетъ литовскихъ имѣній и не подтверждаетъ прежнихъ пожалованій; раздача эта и подтвержденіе происходятъ тогда только, когда король находится въ Литвѣ вмѣстѣ съ панами радами, на общемъ сеймѣ. Въ искахъ по имуществамъ полагается десятилѣтняя давность.—Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ постановленія о земской оборонѣ; третій о шляхетскихъ правахъ; четвертый о семейныхъ отношеніяхъ. Касательно имущества женъ и ихъ состоянія по смерти мужей развиваются древнія положенія, которыя мы видимъ въ обѣихъ половинахъ Руси, или ограничиваются вслѣдствіе требованій государственнаго интереса. Если мужъ захочетъ женѣ своей записать вѣно, то долженъ оцѣнить все свое имущество, и записать вѣно въ третью часть цѣны, за приданое, принесенное женою (противко внесеня); сравнимъ слова нашего Молечкина, который въ своей духовной благословляетъ жену вотчинами своими за ея приданое. Когда послѣ этого мужъ умретъ, оставитъ дѣтей, а жена пойдетъ за другаго мужа, то дѣти могутъ выкупить у нея записанное отцомъ ихъ вѣно, заплативши ей ту сумму денегъ, въ какую оно было оцѣнено; если же дѣти не захотятъ выкупать вѣна, будутъ дожидаться смерти матери своей, то наслѣдуютъ послѣ нея это вѣно, по обязаны, по ея смерти, отдать приданыя ея деньги тому, кому она въ духовной ихъ откажетъ, вѣно же свое она не можетъ никому отказать; если дѣтей не будетъ, то родственники мужа поступаютъ точно также. Мужъ воленъ отказать женѣ всю свою движимость (рухомыя речи), золото, серебро и проч. кромѣ оружія; изъ стадъ, рабовъ и скота можетъ отказать только третью часть, потому что это не считается движимымъ, но состоящимъ при имѣніи. Кто выдавая дочь замужъ, хочетъ дать за нею деньги, тотъ прежде всего пусть смотритъ, третья часть зятнина имѣнія стоитъ ли точно денегъ, которыя онъ даетъ за дочерью; если не стоитъ, то пусть отецъ на эти деньги купитъ имѣніе и дастъ его дочери. Жена, получившая отъ мужа вѣно, по смерти его невступившая въ другой бракъ, имѣющая взрослыхъ сыновей, пользуется только своимъ вѣномъ, а сыновья владѣютъ всѣмъ имуществомъ отцовскимъ, съ котораго отправляютъ земскую службу; но если жена не имѣетъ вѣна, то

пользуется равною частію имущества съ сыновьями; если же пойдетъ замужъ, то часть свою должна оставить дѣтямъ и безъ всякаго вознагражденія. Принимая во вниманіе вредъ, причиняемый государству бездѣтными вдовами, которыя владѣютъ всѣмъ имѣніемъ мужей своихъ, тратятъ его въ ущербъ мужнимъ наслѣдникамъ и службы съ этихъ имѣній, при женскомъ управленіи, отправляются не такъ какъ слѣдуетъ, король постановилъ: бездѣтная вдова получаетъ только вѣно; если же вѣна не имѣетъ, то пользуется третьею частью имущества до своей смерти или до замужства, въ каковыхъ случаяхъ и эта третья часть переходитъ къ родственникамъ мужа. Если мужъ, умирая, поручитъ дѣтей своихъ и имущество кому-нибудь изъ своихъ пріятелей, хотя бы чужому человѣку, тогда послѣдній опекаетъ дѣтей и имущество, а жена умершаго пользуется только своимъ вѣномъ. Если же кто умретъ, не поручивши дѣтей своихъ никому, то жена заботится о дѣтяхъ и управляетъ всѣмъ имуществомъ до совершеннолѣтія дѣтей; когда дѣти выростутъ, то мать пользуется равною съ ними частію имущества; если же будетъ имѣть одного сына, то ему уступаетъ двѣ части, а сама остается при третьей. Если жена, будучи опекуншею дѣтей, пойдетъ замужъ, то опека переходитъ къ родственникамъ покойнаго мужа. Дурное управленіе имуществомъ дѣтскимъ, доказанное на судѣ, также лишаетъ ее права оставаться опекуншею; если нѣтъ родственниковъ, то король или паны назначаютъ чужого добраго человѣка опекуномъ. Если родители, выдавши одну дочь замужъ, умрутъ, оставя другихъ дочерей въ дѣвицахъ, то послѣднія получаютъ точно такое же приданое, какое получила сестра ихъ; если родители въ духовномъ завѣщаніи опредѣлили количество приданаго за дочерьми, то завѣщаніе имѣетъ силу; если же завѣщанія нѣтъ, то все имущество оцѣнивается, и цѣна четвертой части его отдается дочерямъ; если даже будетъ одна дочь при многихъ братьяхъ, то она получаетъ цѣну всей четвертой части, и наоборотъ, если будетъ много сестеръ при одномъ братѣ, то всѣ онѣ получаютъ одну четвертую часть, раздѣливши ее поровну. Подданная великаго княжества литовскаго, вышедшая замужъ въ чужую землю, въ Польшу или Мазовію, не можетъ наслѣдовать недвижимаго имущества во владѣніяхъ литовскихъ. Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ воли отцовской или материнской, лишается наслѣдства, если бы даже была одна дочь у отца: имѣніе пе-

реходитъ къ родственникамъ. Если дѣвица сирота, не совершеннолѣтняя выйдетъ замужъ безъ согласія дядей или братьевъ, то лишается имѣнія родительскаго; если бы она была совершеннолѣтняя, а братья или дядья нарочно не позволяли ей выходить замужъ, то она должна обратиться съ жалобою къ другимъ родственникамъ или къ правительству, съ ихъ разрѣшенія выходитъ замужъ и не теряетъ своей доли имущества; безъ согласія же родственниковъ и правительства хотя и совершеннолѣтняя выйдетъ замужъ, лишается своего участка. Послѣ брата въ отцовскомъ имуществѣ наслѣдуютъ только братья, въ материнскомъ же и сестра имѣетъ равную съ ними долю. За непочтительное обращеніе родители имѣютъ право лишать дѣтей наслѣдства, но не иначе, какъ давши знать объ этомъ правительству и представивъ законныя причины; отецъ, лишившій наслѣдства сына и не имѣющій другихъ дѣтей, долженъ двѣ части имущества оставить роднымъ, а третьею можетъ распорядиться по произволу. Вдова, вышедшая замужъ съ вѣномъ отъ перваго мужа, отъ втораго уже не можетъ имѣть вѣна, но по смерти его пользуется одинаковою съ дѣтьми частію имущества; если же нѣтъ дѣтей, тогда пользуется до смерти своей третьею частію имущества. Король даетъ обѣщаніе не выдавать вдовъ и дѣвицъ насильно замужъ. Пятый отдѣлъ статута заключаетъ статьи объ опекѣ: отвѣтственность опекуна опредѣляется согласно съ древними положеніями, которыя встрѣчаются въ Русской Правдѣ; въ томъ же отдѣлѣ говорится, что всякій можетъ распоряжаться въ завѣщаніи имѣніемъ купленнымъ или движимымъ; не могутъ дѣлать завѣщаній несовершеннолѣтніе, монахи, дѣти отъ отцовъ неотдѣленныя, люди въ чужой власти находящіеся, преступники, помѣшанные. Здѣсь важное различіе между западною и восточною Русью, ибо въ послѣдней, начиная съ договора Олега съ греками, наслѣдство по завѣщанію предшествуетъ наслѣдству по закону, послѣднее открывается только тогда, когда умершій не оставитъ послѣ себя завѣщанія, и завѣщатель въ своей духовной распоряжается одинаково произвольно имуществомъ наслѣдственнымъ и благопріобрѣтеннымъ. Въ литовскомъ же законодательствѣ мы видимъ, что можно было завѣщать только благопріобрѣтенныя и движимыя имущества. Думаютъ, что всѣ славяне, а по примѣру ихъ и литовцы, всегда отвергали завѣщанія, которыя явились вслѣдствіе вліянія римскаго начала, вслѣдствіе вліянія каноническаго

права. Но положимъ, что даже завѣщанія и въ Олеговомъ договорѣ могли явиться вслѣдствіе вліянія римскаго начала, ибо говорится о Руси, живущей въ имперіи, служащей у императора: почему же восточные славяне такъ легко уступили вліянію каноническаго права, а западные поддались ему съ такимъ трудомъ? По нашему мнѣнію ограниченіе завѣщанія у западныхъ славянъ и въ Литвѣ явилось вслѣдствіе ранняго преобладанія сословнаго и государственнаго интереса надъ личнымъ произволомъ отца-завѣщателя, чего не было въ Руси московской. Въ шестомъ отдѣлѣ говорится о судопроизводствѣ: воевода, староста или державецъ королевскій долженъ въ своемъ повѣтѣ выбрать двухъ земяниновъ: людей добрыхъ и вѣры достойныхъ, и привести ихъ къ присягѣ, и когда ему самому нельзя будетъ судить, то эти присяжные вмѣстѣ съ его намѣстникомъ судятъ по законамъ даннымъ всей землѣ. Въ судѣ никто не смѣетъ отказаться отвѣчать, и требовать переноса дѣла къ королю или къ сейму; если же послѣ рѣшенія дѣла, которая-нибудь сторона чувствуетъ себя обиженною, то можетъ требовать переноса дѣла на судъ королевскій, или въ отсутствіе короля, на судъ сеймовый; паны радные для этого суда обязаны съѣзжаться въ Вильну два раза въ годъ. Въ седьмомъ отдѣлѣ говорится о насиліяхъ, причиненныхъ шляхтѣ: за наѣздъ на домъ съ цѣлію убійства, виновный казнится смертію, изъ имѣнія его платится головщина ближнимъ убитаго, кромѣ пени, слѣдующей въ казну королевскую; еслибъ даже хозяинъ дома не былъ убитъ, спасся бѣгствомъ, то наѣзжикъ казнится смертію, а за наѣздъ платится изъ его имѣнія. Если наѣзжикъ или помощникъ его будутъ убиты обороняющимся хозяиномъ, то послѣдній не только не отвѣчаетъ, но еще получаетъ вознагражденіе изъ имѣнія убитаго наѣзжика: такимъ образомъ законодательство XVI вѣка твердо держится постановленія Русской Правды. За насиліе, совершенное надъ женщиною или дѣвицею, преступникъ казнится смертію, но обиженная можетъ спасти ему жизнь, объявивъ желаніе выйти за него замужъ; за убійство отца, матери, брата, сестры смертная казнь, за разбой на дорогѣ также; за убійство шляхтича изъ имѣнія преступника платится роднымъ убитаго сто копъ грошей, да въ казну королевскую сто копъ. Кто укрываетъ преступниковъ и помогаетъ имъ, наказывается точно также, какъ и они сами. Отдѣлы осьмой и девятый говорятъ о рѣшеніи споровъ по земле-

владѣнію: здѣсь, между прочимъ, опредѣлено, что свидѣтелями не могутъ быть ни жиды, ни татары, а только христіане исповѣданія латинскаго или греческаго, но и между христіанами къ свидѣтельству допускаются только тѣ, которые исповѣдаются и пріобщаются каждый годъ и пользуются хорошею славою. Въ отдѣлѣ десятомъ говорится объ имуществахъ, которыя въ долгахъ и о залогахъ. Въ отдѣлѣ одиннадцатомъ опредѣляется, что должно платить за убійство простыхъ людей и за раны имъ нанесенныя; здѣсь же постановлено, что жидъ и татаринъ не могутъ имѣть рабовъ христіанъ; но татары держатъ ту челядь, которая дана имъ вмѣстѣ съ дворами отъ предковъ королевскихъ; вольный человѣкъ ни за какое преступленіе не можетъ быть обращенъ въ рабство; если во время голода господинъ выгоняетъ отъ себя челядь невольную, не желая ее кормить, и она сама себя прокормитъ, то становится вольною; происхожденіе невольниковъ четверoякое: 1) стародавнее невольничество и происхожденіе отъ невольныхъ родителей, 2) плѣнъ; 3) если кто будетъ выданъ другому на смерть и будетъ просить неволи вмѣсто смерти; 4) женитьба на невольной женщинѣ и выходъ за мужъ за невольника. Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ отдѣлахъ говорится о воровствѣ: если шляхтичъ въ первой разъ будетъ обвиненъ въ воровствѣ, безъ поличнаго, то обвиненный долженъ очистить себя присягою; если будетъ обвиненъ въ другой разъ также безъ поличнаго, тогда присяга одного его уже недостаточна; съ нимъ вмѣстѣ должны присягнуть два шляхтича, пользующіеся доброю славою; при третьемъ обвиненіи должны присягать съ обвиненнымъ шесть шляхтичей; а при четвертомъ обвиненіи обвиненнаго вѣшаютъ. Вора съ поличнымъ пытаютъ три раза въ одинъ день, и если онъ съ пытки не повинится, то обвинитель долженъ заплатить ему за каждую муку по полтинѣ грошей; если же онъ умретъ на пыткѣ не повинившись, то обвинитель платитъ за него головщину, смотря по званію умершаго; если обвиненный, въ силу чародѣйства, не чувствуетъ мукъ на пыткѣ, то обвинитель присягаетъ и получаетъ отъ обвиненнаго вознагражденіе за покраденныя вещи. Гораздо прежде изданія статута король Сигизмундъ съ панами радами постановилъ о пересудѣ: если кто на комъ что-нибудь ищетъ и не доищется, тотъ, на комъ искали, не платитъ пересуда; но если кто на комъ ищетъ и доищется, то выигравшій дѣло платитъ пересудъ—отъ рубля

десять грошей, отъ десяти рублей рубль грошей, отъ ста рублей десять рублей грошей [440].

Касательно народнаго права замѣчателенъ договоръ новгородскихъ и псковскихъ намѣстниковъ съ ливонскими нѣмцами въ 1509 году: прежде, сказано въ договорѣ, когда ѣхалъ новгородскій посолъ къ магистру, то магистровъ проводникъ въ Нарвѣ бралъ съ него по рублю; точно также и новгородскій проводникъ бралъ съ магистрова посла въ Ивангородѣ по рублю; теперь этого рубля не брать съ обѣихъ сторонъ, давать проводника безденежно; также въ Новгородѣ до сихъ поръ брали съ магистрова посла, и въ ливонскихъ городахъ съ новгородскаго посла, подворное: впередъ посламъ съ обѣихъ сторонъ давать подворье даромъ. Въ договорѣ 1521 года опредѣлено: если будетъ тяжба у Новгорода съ Нѣмцемъ въ какомъ-нибудь ливонскомъ городѣ, то тутъ же дѣло рѣшается, если предметъ спора не выше десяти рублей; если же искъ больше чѣмъ въ десяти рубляхъ, то новгородца съ нѣмцемъ въ ливонскихъ городахъ не судить, но отдать отвѣтчика новгородца на поруки или держать подъ стражею и дать знать объ этомъ намѣстникамъ новгородскимъ, которые положатъ срокъ, когда обоимъ тяжущимся стать на съѣздѣ, на рѣкѣ Наровѣ, на общемъ островѣ; къ этому сроку оба правительства высылаютъ судей; также поступать и въ уголовныхъ случаяхъ: нѣмца въ Новгородѣ, а новгородца въ нѣмецкой землѣ не казнить, а ставить на съѣздѣ передъ общими судьями. Если на общемъ судѣ присудятъ крестное цѣлованье, то цѣловать отвѣтчику. Въ договорѣ съ ганзейскими городами 1514 года опредѣлено: потерпятъ новгородскіе купцы на морѣ какой-нибудь вредъ отъ лихихъ людей, и эти лихіе люди будутъ изъ 70-ти городовъ ганзейскихъ, то 70 городовъ ищутъ лихихъ людей, и нашедши, казнятъ смертію, а товаръ новгородскій отдаютъ новгородскимъ купцамъ; если лихіе люди будутъ не изъ семидесяти городовъ, то ищетъ правительство новгородское; потерпитъ вредъ нѣмецкій купецъ на землѣ и водѣ новгородской, то намѣстники новгородскіе ищутъ лихихъ людей, и сыскавши, казнятъ ихъ смертію, а товары отдаютъ нѣмецкимъ купцамъ. Услыхавши о такихъ случаяхъ, о разбояхъ, купцовъ новгородскихъ не сажать въ тюрьму въ семидесяти городахъ, а нѣмецкихъ купцовъ не сажать въ тюрьму въ новгородскихъ городахъ. Положитъ новгородецъ съ нѣмцемъ товаръ на одно судно, и случится съ этимъ

товаромъ бѣда на морѣ, то оставшимся товаромъ дѣлиться новгородцу съ нѣмцемъ безъ хитрости, по крестному цѣлованію; прибьетъ новгородское судно вѣтромъ къ нѣмецкому берегу, или нѣмецкое судно къ новгородскому берегу, то суда эти, обыскавъ, отдавать на обѣ стороны, а брать съ нихъ перейма отъ десяти рублей по рублю.—Въ переговорахъ съ императорскимъ посломъ Герберштейномъ, великій князь велѣлъ высказать такое положеніе относительно безопасности пословъ: „Въ обычаѣ межъ великихъ государей, послы ѣздятъ и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по сговору на обѣ стороны, а силы надъ ними никоторыя не живетъ. Отъ прародителей нашихъ, и при отцѣ нашемъ и при насъ отъ королей польскихъ послы ѣздили и дѣла великія дѣлывались на обѣ стороны, уговоря. Да какъ придетъ на добрый конецъ, и они, дѣла сдѣлавъ, безъ зацѣпки прочь пойдутъ; а которыя дѣла не придутъ на доброе согласіе, и они не сдѣлавъ дѣла, прочь пойдутъ безо всякіяж зацѣпки“ [441]. Но въ отношеніи къ татарамъ это правило, какъ мы видѣли, не соблюдалось.

Замѣтимъ нѣкоторые случаи Василіева княженія, которые могутъ дать намъ понятіе о нравахъ и обычаяхъ времени. Въ лѣтописяхъ записаны подробно церковныя торжества, въ которыхъ великій князь принималъ самое дѣятельное участіе. Такъ при описаніи отпуска св. иконъ во Владиміръ послѣ ихъ возобновленія говорится, что великій князь праздновалъ тотъ день свѣтло и радостно съ высшимъ духовенствомъ, князьями и боярами, пиръ устроилъ большой, милостыню священникамъ и нищимъ роздалъ на городъ. Въ 1531 году великій князь по обѣщанію построилъ церковь Іоанна Предтечи на старомъ Ваганьковѣ: самъ первый началъ работать, за нимъ плотники; церковь выстроили въ одинъ день и въ тотъ же самый день освятили; великій князь присутствовалъ съ семействомъ, боярами и множествомъ народа; вѣроятно Василій исполнилъ этимъ обѣтъ свой, данный предъ рожденіемъ сына Іоанна. Освященіе церкви въ селѣ Коломенскомъ великій князь праздновалъ три дня, дарилъ митрополита и братьевъ своихъ. Въ памятникахъ все чаще и чаще встрѣчаются извѣстія о братчинахъ, или складчинныхъ пирахъ по случаю праздниковъ. Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, что происхожденіе этого обычая надобно искать во временахъ дохристіанскихъ. По особымъ условіямъ, о которыхъ

будетъ рѣчь ниже, братчины или братства въ югозападной Руси получили послѣ особенное развитіе и значеніе.

Въ 1525 году судилъ судъ великій князь Василій: тягались изъ Юрьева новой слободки митрополичьи крестьяне, Климко Насоповъ и товарищи его съ людьми Акинѳа Чудинова—Козломъ, Сухимъ, Хромымъ и другими: Климко жаловался: „Козелъ съ товарищами загнали у насъ съ поля животину, четыре коровы да двадцать овецъ къ себѣ въ деревню; и я Климко, съ товарищами пріѣхали къ тому Козлу бить челомъ, чтобъ намъ животину нашу отдали; но Козелъ съ товарищами начали насъ бить и собаками травить; я Климко, съ двумя товарищами, поутекали, по третьяго товарища, Добрынку Андреева, Козелъ и его товарищи убили до смерти и невѣдомо гдѣ дѣли, а всего грабежу у Добрынки и съ нашею животиною взяли на четыре рубли и на шестнадцать алтынъ“. Отвѣтчики и господинъ ихъ Акинѳъ Чудиновъ запирались и хотѣли, съ своей стороны, обвинить истцевъ, по обвиненій своихъ не могли доказать; почему великій князь ихъ обвинилъ и велѣлъ на Козлѣ съ товарищами взыскать 4 рубля 16 алтынъ, да за Добрынкину убитую голову четыре рубли, да за долгъ, который остался на Добрынкѣ, и судебные убытки, и отдать Климку съ товарищами.—Въ 1513 году великій князь далъ такой приказъ въ бѣлозерскія волости, старостамъ, десяцкимъ и всѣмъ крестьянамъ: „Били мнѣ челомъ старцы Ниловой пустыни, чтобъ мнѣ велѣть ихъ беречь отъ воровъ и отъ разбойниковъ: и вы бы ихъ берегли отъ лихихъ людей, отъ воровъ и отъ разбойниковъ, накрѣпко, чтобъ имъ не было обиды ни отъ какого человѣка. А который старецъ начнетъ жить у нихъ въ ихъ пустынѣ безчинно, не по ихъ уставу, и я имъ велѣлъ того старца выслать вонъ: а не послушаетъ ихъ старецъ, отъ нихъ вонъ не пойдетъ, по моему приказу, и велятъ вамъ старцы того чернеца выслать вонъ, вы бы его выкинули вонъ, чтобъ у нихъ не жилъ“.—Изъ житія св. Даніила переяславскаго узнаемъ, что на дорогѣ между Москвою и Переяславлемъ происходили сильные разбои, разбойничалъ какой-то Симонъ Вороновъ.

По смерти извѣстнаго псковскаго дьяка Мисюря Мунехина нашли въ его казнѣ тетради, въ которыхъ было записано, кому что на Москвѣ далъ—боярамъ, дьякамъ, дѣтямъ боярскимъ: все это

великій князь велѣлъ взыскать на себя; родственники Мисюра были вызваны въ Москву, любимый подьячій его, Артюша псковитинъ былъ на пыткѣ [442].

Со времени великаго князя Василія начинается рядъ подробнѣйшихъ описаній московскаго государства, принадлежащихъ иностраннымъ путешественникамъ, преимущественно посламъ; этотъ рядъ открывается знаменитыми комментаріями Герберштейна. По иностраннымъ извѣстіямъ, браки у жителей московскаго государства устроивались родителями жениха и невѣсты; молодые люди высшихъ сословій обыкновенно до самаго брака не видывали невѣстъ своихъ, потому что для женщинъ высшихъ сословій считалось дѣломъ приличія вести затворническую жизнь. Очень рѣдко посѣщали онѣ церкви, еще рѣже показывались гостямъ мужчинамъ, развѣ только старикамъ, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ излишней любезности. Впрочемъ въ извѣстные праздничные дни позволялось женщинамъ и дѣвушкамъ собираться на луга, качаться на качеляхъ, пѣть пѣсни съ прихлопываніемъ въ ладоши. Здѣсь насъ останавливаетъ извѣстіе, что женщины очень рѣдко ходили въ церковь: если принимать это извѣстіе, то оно объяснится тѣмъ, что почти у каждаго сколько нибудь богатаго человѣка была своя домовая церковь, вслѣдствіе чего знатныя женщины дѣйствительно могли очень рѣдко ѣздить на богомолье въ соборныя, монастырскія и другими всѣми посѣщаемыя церкви. Герберштейнъ первый пустилъ въ ходъ разсказъ, что русскія женщины упрекали въ холодности мужей, если тѣ ихъ не били; тоже самое говоритъ онъ и о слугахъ, которые думали, что господа сердятся, если не бьютъ ихъ. Герберштейнъ жалуется также на лѣнь и спѣсь значительнѣйшихъ людей, не умѣвшихъ при этомъ въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживать собственное достоинство. Будучи умѣренны въ пищѣ, они не были умѣренны въ питьѣ. Богатые люди вели жизнь сидячую; ходить пѣшкомъ считалось неприличнымъ.

Знатные люди имѣли многочисленную служню изъ рабовъ и свободныхъ. И свободный служитель проводилъ обыкновенно всю жизнь у одного господина, потому что если онъ оставитъ послѣдняго противъ его желанія, то никто другой не возьметъ его; но и господинъ, дурно обращающійся съ хорошимъ слугою, пріобрѣтаетъ дурную славу и никто изъ свободныхъ людей не пойдетъ къ нему въ услуженіе. Передъ смертію господа обыкновенно отпускаютъ рабовъ

на волю; но тѣ, освободившись, тотчасъ закабаливаются въ холопство другимъ господамъ, взявши съ нихъ деньги. Отецъ можетъ закабалить своего сына; если послѣдній получитъ свободу, то отецъ можетъ закабалить его въ другой, третій и четвертый разъ, послѣ же четвертаго раза кабалить не можетъ. Казнить смертію какъ свободныхъ такъ и несвободныхъ людей можетъ одинъ великій князь. Случаи смертной казни вообще бывали рѣдки, ибо за воровство рѣдко казнили смертію, даже за убійство рѣдко, если только оно не было совершено для грабежа; употреблялись пытки—битье по пятамъ, обливаніе холодною водою, вколачиваніе деревянныхъ гвоздей подъ пятки. Взятки были въ явномъ употребленіи. Герберштейнъ жалуется на хитрости жителей московскаго государства въ торговлѣ, на ихъ страсть торговаться, тянуть дѣло, и особенно обвиняетъ въ этомъ жителей собственно московской области, хваля псковичей за противоположный обычай. Онъ оставилъ описаніе боевъ, которыми въ его время потѣшались молодые люди въ Москвѣ: на обширной площади сходились они и начинали биться на кулачки, стараясь ударять противника въ самыя чувствительныя мѣста, такъ что часто выносили мертвыхъ изъ толпы. Въ праздничные дни рабочее народонаселеніе, отслушавъ обѣдню, возвращалось къ своимъ обычнымъ занятіямъ, потому что простому народу запрещено употребленіе пива и меда, исключая самыхъ главныхъ праздниковъ—Свѣтлаго Воскресенья, Рождества Христова, Троицына дня и нѣкоторыхъ другихъ.

Герберштейнъ оставилъ намъ описаніе русской одежды XVI вѣка, въ которой намъ легко узнать кафтанъ, подпоясанный подъ животъ кушакомъ, красные короткіе сапоги не доходили до колѣнъ. Изъ русскихъ памятниковъ довольно подробное перечисленіе одеждъ и украшеній женскихъ и мужскихъ находимъ въ духовномъ завѣщаніи удѣльнаго князя Дмитрія Ивановича: [143] накапки женскія саженныя жемчугомъ, запушье подволочное сажено жемчугомъ на бели на камкѣ червчатой, саженье шубы женской, сажено жемчугомъ дробницею на бели, монисто золотое, цаты съ яхонтами и жемчугомъ, чело кичное съ тѣмъ же украшеніемъ, переперы кичныя серебряныя золоченыя, ожерелье на цкахъ золотыхъ, серьги, жиковины женскія—все это украшенное жемчугомъ и каменьями дорогими, монисто съ крестами, иконами и пронизками, запонки съ переперами, чичаки золотые; мужское саженое платье: ментени

атласные съ кружевомъ, а кружево сажено жемчугомъ, однорядки скорлатныя, колпаки столбуны съ жемчугомъ, чоботы, саженые жемчугомъ. Упоминаются также въ духовной сосуды золоченые черезъ грань, на крышахъ у которыхъ были разныя изображенія, у одного городокъ, у другого птица, кубки золоченые и незолоченые съ пупышами, травами и достокановымъ дѣломъ, сосуды въ видѣ вола, лодки, пѣтуха, рога, чары, ковши съ литыми звѣрями и узорами, мисы, блюда, блюдо лебяжье, блюдо гусиное. разсольники, горчишники, тарели, ложки, ставцы, солонки, перечницы, уксусницы, сковороды золоченыя. Изъ завѣщаній можно имѣть понятіе только объ одеждѣ и столовомъ серебрѣ, въ описаніи кончины Василіевой упоминается о креслахъ, на которыхъ больной великій князь сидѣлъ подлѣ постели.

Мы видѣли вещи, поименованныя въ завѣщаніи княжескомъ: теперь взглянемъ на завѣщаніе богатаго купца, на вещи, которыя въ немъ поименованы: „благословляю дочь свою Ульяну иконою Благовѣщенія на золотѣ, да другою иконою складною 12 праздниковъ, серебромъ обложенною; да Ульянѣ же даю торлопъ куній, лѣтникъ камчатный, шубку зеленую, ожерелье бобровое наметное, лѣтникъ новый мухояровый червчатый, лѣтникъ изуфряный, кортелъ хребтовый бѣлій. Другую дочь Анну благословляю тремя иконами на золотѣ; даю ей лахань мѣдную, рукомойникъ, три котла поваренныхъ, кубъ винный съ трубою. Меньшую дочь Прасковью благословляю пятью образами на золотѣ. Даю всѣмъ тремъ дочерямъ своимъ восемь оловянниковъ и кружекъ и мушоромъ, да оловянничекъ мѣдный, да судки столовые оловянные, да четыре сковородки мѣдныя бѣлыя; тещѣ своей далъ шубу кунью ветхую; дочерямъ: шубу кунью, шубу бѣлью, однорядку лазоревую брюкишную, охабень багровый, два ларца, коробью новгородскую, 9 блюдъ оловянныхъ, четыре шандана желѣзныхъ стѣнныхъ, да два шандана стоячихъ мѣдныхъ; дочери Прасковьѣ котелъ мѣдный пивпой; дочери Аннѣ чарку серебряную и цѣна чаркѣ два рубля [444]. Герберштейнъ оставилъ намъ краткое описаніе домовъ, которые, по его словамъ, имѣли обширныя и высокія сѣни, но низкія двери, такъ что входить нужно было непремѣнно нагнувшись. Въ каждой комнатѣ въ переднемъ углу находились изображенія Святыхъ, или писанныя, или литыя.

Въ западной Руси начальство препятствовало церковному суду,

укрывая отъ него преступниковъ и тѣмъ вредило нравственности. Назначенный митрополитъ Іосифъ жаловался королю, что многіе изъ русскихъ людей живутъ незаконно, женятся не вѣнчаясь, дѣтей крестить не хотятъ, на исповѣдь не ходятъ; а когда онъ посылаетъ за ними слугъ своихъ, то войты, бурмистры, радцы, мѣщане не выдаютъ ихъ на судъ: король разослалъ грамоту, чтобъ впередъ этого не было. Въ уставныхъ грамотахъ державцамъ и тіунамъ жмудскихъ волостей король говоритъ, что подданнымъ его въ этихъ волостяхъ урядники причиняютъ великія неправды и непомѣрныя тяжести, такъ что многіе люди съ земель своихъ прочь разошлись и земель пустыхъ много осталось. Относительно обычаевъ въ западной Руси, дошла до насъ запись (листъ) знаменитаго гетмана литовскаго, князя Константина Острожскаго, данная предъ вступленіемъ его во второй бракъ съ княжною Александрою Слуцкою. Принужденный отложить свадьбу по причинѣ похода къ Минску, князь Константинъ обязывается вступить въ бракъ немедленно по возвращеніи съ королевской службы, если только тому не воспрепятствуетъ болѣзнь или новое назначеніе отъ короля. Родственники невѣсты обязаны дать за нею наличными деньгами тысячу золотыхъ червонныхъ венгерскихъ, да приданое, приличное ея знатному происхожденію, стоящее не менѣе трехъ тысячъ копъ грошей литовской монеты. Князь Константинъ, съ своей стороны, обязывается, взявши деньги, записать женѣ вѣно на своихъ отчинахъ, которыми прежде записанія этого вѣна, не можетъ распоряжаться—другому записывать ихъ, продавать, дарить; вѣно должно состоять изъ третьей части всѣхъ вотчинъ княжескихъ. Дѣтей отъ втораго брака князь Константинъ обязывается держать также какъ и сына отъ перваго Илью: по смерти отца они получаютъ равную долю наслѣдства съ этимъ старшимъ братомъ. При исполненіи этихъ обязательствъ сторона не исполнившая обязана заплатить 8 тысячъ копъ грошей: 4000 другой сторонѣ, и 4000 королю [445].

Литература продолжала быть по преимуществу церковною, а мы уже видѣли, какіе вопросы занимали русскую церковь въ княженіе Василія, видѣли главныхъ дѣятелей при рѣшеніи этихъ вопросовъ и труды ихъ. Въ 1508 году преставился знаменитый отшельникъ Нилъ сорскій, поднявшій при Іоаннѣ III вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ. Постриженникъ Кириллова бѣлозерскаго монастыря, Нилъ провелъ нѣсколько лѣтъ на Аѳонской горѣ и въ мона-

стыряхъ константинопольскихъ, изучилъ здѣсь творенія св. Отцевъ пустынныхъ, руководствующія къ созерцательной жизни, и, возвратившись въ отечество, старался ввести эту жизнь среди русскихъ иноковъ; преданіе Нила ученикамъ дошло до насъ; выпишемъ изъ него нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ ясно будетъ видно направленіе учителя:

„Сіе же отъ св. Отецъ опаснѣ предано есть намъ, говоритъ Нилъ, яко да отъ праведныхъ трудовъ своего рукодѣлія и работы, дневную пищу и прочія нужныя потребы себѣ пріобрѣтаемъ. Дѣлати же дѣла подобаетъ подъ кровомъ бывающая. Аще ли же не удовлимся въ потребахъ нашихъ отъ дѣланія своего, то взимати мало милостыни отъ христолюбцевъ, нуждная, а не излишняя. Стяжанія же, яже по насилію отъ чужихъ трудовъ собираема, вносити отнюдь нѣсть намъ на пользу. Како бо можемъ сохранити заповѣди Господня, сія имѣюще: хотящему съ тобою судитися и одежду твою взяти, отдаждь ему и срачицу, и прочая елико таковая, страстни суще и немощни; но должны есмы, яко ядъ смертоносенъ, стрѣвати и отгоняти. Въ купли же потребъ нашихъ и продаяніи рукодѣлій подобаетъ не отщетевати (не убытчить) брата, паче же самѣмъ тщету пріимати. Излишняя же не подобаетъ намъ имѣти. А еже просящимъ даяти, и заемлющихъ не отвращати, сіе на лукавыхъ повелѣно есть, глаголетъ великій Василій. Не имѣяй излишне нужныя потребы, не долженъ есть таковый даянія даяти; и аще речетъ: не имамъ, нѣсть солгалъ глаголетъ Великій Варсонофій. Явленъ бо есть инокъ онъ, иже не подлежитъ творити милостыню; той бо откровеннымъ лицемъ можетъ рещи: се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебѣ идохомъ. Пишетъ же св. Исаакъ: нестяжаніе вышши есть таковыхъ подаяній. Сосуды златы и сребряны, и самыя священныя, не подобаетъ намъ имѣти, такожде и прочая украшенія излишняя, но точію потребная церкви приносити.—Наипаче во время молитвы подобаетъ подвизатися поставити умъ глухъ и нѣмъ, якоже рѣче Нилъ Синайскій, и имѣти сердце безмолвствующе отъ всякаго помысла, аще и отпюдь благъ является, глаголетъ Исихій іерусалимскій. И понеже речено есть, яко благимъ помысломъ послѣдующе, лукавіи входятъ въ насъ: того ради подобаетъ понуждатися молчати мыслію и отъ мнящихся помыслъ десныхъ, и зрѣти присно въ глубину сердечную, и глаголати: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя. И тако гла-

голи прилежно, аще стоя, или сѣдя, или лежа, и умъ въ сердце затворяя, и дыханіе держа, елико мощно, да не часто дышеши, якоже глаголетъ Симеонъ новый богословъ. А еже рекоша сіи святіи держати дыханіе, еже не часто дыхати, и искусъ вскорѣ научитъ, яко зѣло пользуетъ къ собранію умному. О сущихъ въ предъуспѣяніи и доспѣвшихъ въ просвѣщеніе, рече (св. Григорій Синаитъ): сіа не требуютъ глаголати псалмы, но молчаніе и нескудную молитву и видѣніе. Святый же Исаакъ о сицевыхъ высочайшая пиша, повѣдаетъ тако: егда бываетъ имъ неизреченная иная радость, и молитву отъ устъ отсѣцаетъ, престанутъ бо тогда, рече, уста и языкъ и сердце, иже помысломъ хранитель, и умъ, чувствомъ кормчій, и мысль, скоролетящая птица и безстудная; и не ктому имать мысль молитву, ни движеніе, ни самовластіе, но постановленіемъ наставляется силою иною, а не наставляетъ, и плѣненіемъ содержится въ часъ оный, и бываетъ въ непостижныхъ вещахъ, идеже не вѣсть".

Не разъ упоминали мы о великокняжескомъ дьякѣ Мисюрѣ Мунехинѣ, который долгое время завѣдывалъ дѣлами Пскова. Какъ всѣ лучшіе, грамотные люди того времени, Мунехинъ питалъ сильную склонность къ монастырской жизни; въ 40 верстахъ отъ Пскова, на нѣмецкомъ рубежѣ отыскалъ онъ убогій, никѣмъ не знаемый монастырь Печерскій, сталъ о немъ заботиться, ѣздить туда по праздникамъ со многими людьми и кормить братію, распространилъ, обстроилъ монастырь, который съ тѣхъ поръ, по словамъ лѣтописца, сталъ славенъ не только на Руси, но и въ Латынѣ, т. е. въ нѣмецкой землѣ, до самаго моря варяжскаго. Къ этому-то Мисюрю обращался съ своими любопытными посланіями Филоѳей, инокъ Елизарова монастыря; въ одномъ изъ нихъ Филоѳей касается вопросовъ, которые особенно занимали тогда грамотныхъ людей. Мы видѣли, что и Максимъ Грекъ долженъ былъ вооружиться противъ вѣры во вліяніе звѣздъ; Филоѳей вооружается противъ того же: звѣзды, говоритъ онъ, не имѣютъ вліянія на судьбу міра и людей; если Богъ сотворилъ злые дни и часы, то за что же злые люди будутъ подвержены мученію? не виноваты они, что родились въ злые часы; надобно уповать на вседающаго Бога, а звѣзды не помогутъ ни въ чемъ, ни придадутъ, ни отнимутъ; Филоѳей утверждаетъ также, что нѣтъ разности считать годы отъ сотворенія міра или отъ Рождества Христова; вооружает-

ся противъ латиновъ; наконецъ касается значенія московскаго государства: два Рима пали, третій есть Москва, четвертому не быть. Другое посланіе Филоѳея къ Мисюрю касается мѣръ, которыя умный дьякъ употреблялъ противъ распространенія моровой язвы, а именно, онъ загораживалъ дороги, печаталъ дома, мертвыя тѣла приказывалъ хоронить въ отдаленіи отъ города.

Владыки по прежнему поучали народъ: лѣтописецъ, описывая пріѣздъ архіепископа Макарія въ Новгородъ, говоритъ: „Просвѣтившись силою Божіею, онъ началъ бесѣдовать къ народу повѣстями многими, и всѣ чудились, какъ отъ Бога дана была ему мудрость въ божественномъ писаніи, такъ что всѣ разумѣли, что онъ говорилъ“. Митрополитъ Даніилъ въ посланіи къ одному епископу опредѣляетъ, въ чемъ должно было состоять пастырское поученіе: „не о себѣ учити или отъ своего разума составляти что, но отъ свидѣтельства божественныхъ писаній“. Впрочемъ, по свидѣтельству иностранцевъ, проповѣдь не была въ употребленіи: причиною тому было опасеніе, чтобъ проповѣдникъ не сказалъ чего-нибудь еретическаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и приведенное наставленіе митрополита Даніила, который въ собственныхъ поученіяхъ остается вѣренъ предложенному правилу: поученія эти обыкновенно наполнены выписками изъ сочиненій св. отцевъ. Зная отношенія Даніила, какъ Осифлянина, къ Вассіану Косому, мы не удивимся, встрѣтивши въ одномъ поученіи митрополита увѣщаніе къ правительству дѣйствовать противъ еретиковъ: „Подобаетъ Божіимъ слугамъ многое попеченіе имѣть о божественныхъ законахъ и соблюдати родъ человѣческій невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воли людямъ зло творящимъ. Осуждаются воры, разбойники и другіе злодѣи, казнятъ людей, поправшихъ и оплевавшихъ образъ земнаго царя, тѣмъ большею ненавистію должно возненавидѣть хулящихъ Сына Божія, Бога и Пречистую Богородицу. Блюдись отъ волковъ, блюдись отъ псовъ, блюдись отъ свиней, блюдись отъ злыхъ дѣлателей, блюдись, да не разобьютъ и не съѣдятъ стада Христова, о чемъ не малый дашь отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовѣ. Блюдись, чтобъ, угождая людямъ, не погубить себя и другихъ“. — Любопытны въ поученіяхъ Даніила указанія на нѣкоторые обычаи времени, напримѣръ: „Великій подвигъ творишь, угождая блудницамъ, платье перемѣняешь, сапоги у тебя яркаго краснаго цвѣта, чрезвычайно узкіе, такъ что сильно

жмутъ ноги, блистаешь, скачешь, ржешь какъ жеребецъ, волосы не только бритвою вмѣстѣ съ тѣломъ сбриваешь, но и щипцами съ корнемъ исторгаешь, позавидовавши женщинамъ, мужеское свое лице на женское претворяешь, моешься, румянишься, душишься, какъ женщина.... Какая тебѣ нужда носить сапоги шелкомъ шитые, перстни на пальцы надѣвать? какая тебѣ выгода тратить время надъ птицами? какая нужда множество псовъ имѣть? какая похвала на позорища ходить? Мы не только носимъ шитые шелкомъ сапоги, но даже подъ рубашкою, гдѣ никто не видитъ, нѣкоторые носятъ дорогіе пояса съ золотомъ и серебромъ“.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1. Въ житіи св. Михаила Клопскаго читаемъ: „Сему же чудному Еуфимію (владыкѣ, второму этого имени) возведену бывшу на престолъ, случижеся тогда нестроеніе въ градѣ: овіи отъ гражанъ прилежаху по древнему преданію русскимъ царемъ, вельможи же града вси и старѣйшины хотяху Латыни приложитися и сихъ Кралю повиноватися. Итако нестроенію велику сущу, и того ради блаженому Еуфимію несовершившуся архіерейства саномъ три лѣта". Въ послѣднемъ извѣстіи о трехъ годахъ есть неточность, и вообще этого извѣстія безусловно принимать нельзя.

2. Акты арх. эксп. I, № 80.

3. П. С. Р. Л. VI, 3.

4. Акты арх. эксп. I, 87.

5. Это можетъ значить: не хотимъ убытчиться на подъемъ вашего посла по нашимъ волостямъ.

6. Быть можетъ въ это время Іоаннъ пожаловалъ сына Мароина, тогдашняго степеннаго посадника, Дмитрія Борецкаго въ бояре Московскіе, чтобъ отвлечь эту могущественную фамилію отъ Литвы. См. Опытъ трудовъ Вольнаго Россійск. Собр. I, 219.

7. Здѣсь слѣдуютъ уже извѣстныя намъ жалобы на поведеніе Новгородцевъ.

8. Быть можетъ намекъ на Борецкихъ.

9. О степенномъ не говоритъ, ибо степенный былъ Борецкій.

10. Акты историч. I, № 280, 291.

11. П. С. Р. Л. VI, 192. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вм.: „говорити по лѣтописцемъ" сказано: „воротити лѣтописцемъ". Издатели считаютъ послѣднее чтеніе ошибочнымъ; но мы въ этомъ сомнѣваемся: воротить лѣтописцемъ, переворачивать листы въ лѣтописяхъ—это выраженіе могло быть очень легко употреблено вмѣсто: читать, пріискивать что-нибудь въ книгѣ.

12. Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ копіи съ актовъ Кенигсберг. Арх. lief. 18, № 18; письмо Ливонскаго магистра отъ 15 августа 1471 года.

13. Въ разныхъ лѣтописяхъ этотъ походъ Новгородскій описанъ различно: въ однихъ говорится только объ одной Шелонской битвѣ; въ другихъ о двухъ: близъ Русы или на Коростынѣ и на Шелони: въ нѣкоторыхъ о трехъ; о Коростынской. на рѣкѣ Полѣ и на Шелони. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ извѣстій я пришелъ къ тому заключенію, что должно, основываясь на разсказѣ Ростовскаго и Никоновскаго списка, допустить три битвы. Вотъ этотъ разсказъ (Никон. VI, 26): И поидоша къ Новугороду къ рѣцѣ Шелонѣ; и яко же пріидоша на мѣсто нарицаемое Коростыня у езеря Ильменя на брезѣ. и внезапу паки безвѣстно пріиде на нихъ по езеру рать въ судехъ отъ Новагорода, и изъ судовъ вышедъ пріидоша таемъ подъ станы ихъ. а имъ въ то время оплошившимся. Сторожи жъ воеводъ В. Князя видевше ихъ, возвѣстиша воеводамъ. Они же въ той часъ вооруживщись поидоша противу ихъ и многихъ Новогородцевъ избиша... и оттолѣ паки возвратишась къ Русѣ. Въ той же день въ Русѣ иная рать пѣшая множае первые и сугубейша. и пришли рѣкою же въ судехъ Полою Илменомъ (въ Ростов. правильнѣе: Полою именемъ), воеводы же В. Князя и на тѣхъ пришедъ побиша ихъ... и сами воеводы отъ Русы поидоша къ Демону городку".—Здѣсь мы должны необходимо допустить смѣшеніе собственныхъ именъ рѣкъ; если вторая битва была у Русы, то Новгородская рать не могла пріѣхать рѣкою Полою, а Полистою; если же пріѣхала Полою, то битва не была у Русы; мы думаемъ, что должно принять Полу и видѣть ошибку относительно Русы, ибо въ противномъ случаѣ, для чего бы воеводамъ отъ Коростыни возвращаться такъ далеко назадъ къ Демону, именно на Полу рѣку?

14. Наконецъ по лѣтописи Псковской: И наѣхаша на Шолони силу Московскую Князя Данилья, ѣдутъ съ ними поровну обонъ полъ-рѣки, и недошедше Мустца и Солцы, и верготася Москвичи съ берега въ рѣку Дрянь и прегнавше Дрянь рѣку, и ударишася на нихъ и побѣдиша ихъ.—Мусца на лѣвомъ берегу Шелони, противъ впаденія рѣчки Иловеньки.

15. Акты истор. I, № 282.

16. Акты арх. эксп. I, № 90.

17. Тамъ же, № 91.

18. Тамъ же, № 93, 94.

19. Никон. VI, 16—33; П. С. Р. Л. IV. 127—129: 239—242; VI. 1—15; 191—194.

20. П. С. Р. Л. т. VI, 210; А житьи говорили съ товарищи о томъ, что Великаго Князя *мукобряне* позываютъ Новгородцевъ, а отъ намѣстниковъ въ городѣ, и ищутъ на Новугородцѣхъ въ городѣ передъ Намѣстникомъ да передъ посадникомъ, а чего на нихъ Новугородци взыщутъ, и они въ городѣ не отвѣчаютъ. а отвѣчиваютъ на городищѣ: и

государь бы князь велики пожаловалъ велѣлъ ихъ судити намѣстнику своему съ посадникомъ въ городѣ.

21. Взяти ми половину всѣхъ волостей владычнихъ и монастырскихъ „занятей испоконъ В. Князей. а захватили сами". Послѣднія слова прибавл. у Татищ. См. Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847, № 4.

22. П. С. Р. Л. III, 243; IV, 255—261: VI, 200—238: Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847. № 4 Арханг., стр. 183.

23. Никон. VI, 9: П. С. Р. Л. VI. 237, 239; Акты Историч. I; № 97 и 98; Архангел. 195—198.

24. П. С. Р. Л. IV, 249.

25. Устроенѣ: въ друг. сп. устранѣ. Я принимаю оба чтенія неправильными, и читаю: „по старинѣ".

26. На ссылку вдвое ѣзды имати. и по пригородомъ его намѣстникомъ княжая продажа имати обоя (отъ боя); также и деньги намѣсничи.

27. Также бы есте Князю Ярославу денгу намѣстпчу освободили, и ѣзды вдвое, и продажи по пригородомъ намѣстникомъ имати Княжія и нивніи судове по старинѣ, судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валища, а не учините тако и проч.

28. Сестники.

29. П. С. Р. Л. т. IV, со стр. 222; т. V, со стр. 34.

30. С. г. г. и д. I, № 115 и 116.

31. А что купля отця нашего за рѣкою за Окою Тешиловъ и Веневъ и Растовецъ и иная мѣста, и тѣмъ нашимъ (Московскимъ) землямъ съ твоею землею рубежь отъ Оки съ усть Смѣдвы въ верхъ по Смѣдвѣ до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченскаго, а отъ верховья Песоченки чрезъ лѣсъ прямо къ Осетру къ усть Кудеснѣ, а Кудесною въ верхъ до верховья, а отъ верховія Кудесны прямо къ верхъ Табаломъ, а по Табаломъ на низъ въ Донъ. А что за Дономъ твое В. Князя Иваново Романцово съ уѣздомъ, и что къ нему потягло, и намъ В. К. въ то не вступатися; а тебѣ не вступатися въ нашу отчину въ Елечь и во вся Елецкая мѣста, а Меча намъ вѣдати вопче.

32. С. г. г. и д. № 127.

33. Тамъ же, № 144.

34. Крымск. дѣла въ Москов. Архив. Мин. Ин. Д. № II, стр. 918.

35. С. г. г. и д. I, № 88.

36. Никон. VI, 69.

37. П. С. Р. Л. V, 43, VI, 236.

38. Акты относящ. къ Исторіи Запад. Россіи. I, № 79.

39. С. г. г. и д. I, № 119.

40. П. С. Р. Л. VI, 237.

41. Супрасльск. рукоп., стр. 135.

42. Чтенія Москов. Истор. Общ. 847, № 4.

43. Акты относящ. къ истор. Запад. Рос. I, № 89.

44. Тамъ же, № 218; т. II, № 35.

45. Шпилевскаго—Путешествіе по Полѣсью, Современ. 1853 г., № 8.

46. Архангел. лѣтоп., стр. 166; лѣтоп. служащ. продолж. Нестору, стр. 284.

47. С. г. г. и д. I, № 90.

48. Тамъ же, № 92. Эти волости были: Вышгородъ, Плѣснь, Смоляныя Сохна, Зарыдалье, Земремъ, Торусицкіе бортники.

49. П. С. Р. Л. VI, 335. С. г. г. и д. I, № 93, 113, 118, 121, 122; II. № 22; Польскія дѣла въ Москв. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 1, стр. 520.

50. С. г. г. и д. I. № 96.

51. Лѣтоп. служ. продолж. Нестор., стр. 284.

52. С. г. г. и д. I, № 97 и 99.

53. Акты относящ. къ истор. Запад. Рос. I, 71.

54. П. С. Р. Л. VI, 222.

55. На это мнѣніе можетъ навести мѣсто лѣтописи П. С. Р. Л. 222, нѣсколько сбивчивое: „И князь велики ѣхалъ въ Новгородъ коли владыку поималъ, и посла изъ Новагорода грамоту въ Боровескъ къ намѣстнику къ Василію къ Өсдоровичю Образцу, и повелѣ тайно изымати князя Ивана Лыка: таможе князь велики въ Новѣгородѣ и Василей изъѣха князя Ивана“.—Между выраженіями: „Таможе князь велики въ Новѣгородѣ“—и: „И Василей изъѣха князя Ивана“—мы видимъ пропускъ важнаго извѣстія.

56. Никон. VI, 112; П. С. Р. Л. VI, 20, 224, 231, 232; Архангел. 186, 187.

57. С. г. г. и д. I, № 106 и 110.

58. Тамъ же, № 112.

59. Тамъ же, № 123, 125.

60. П. С. Р. Л. VI, 238.

61. Тамъ же, стр. 38.

62. Архангел., стр. 200.

63. Чтенія Москов. Истор. Общ. Годъ III, № 4.

64. Лѣтоп. служ. продож. Нестор., стр. 339.

65. С. г. г. и д. I, № 129.

66. С. г. г. и д. I, № 132.

67. П. С. Р. Л. VI, 186, 196; VI, 244; Никон. VI, 8, 35, 37, 44, 48, 49; Rainald—Annal. Eccles. an. 1470, 1471; Кранца Vandalia, p. 397. Ea quoque spes fovebat pontificem Sixtum, quod inclinaret maritum puella ad suscipiendos ritus ecclesiæ Romanæ, in quibus, ea fuerat educata apud sedem apostolicam. Sed concessit illa, nolens volensque, in ritus Russorum quibus et pater ejus victitabat.—Въ Софійскомъ временн. Софья названа Зинаидою, что не представляетъ ничего удивительнаго, ибо мы знаемъ,

что и бабка Іоанна III, Софья Витовтовна имѣла другое имя Анастасія; знаемъ, что и послѣ царицы принимали другое имя при бракѣ.—О первой супругѣ Іоанна, Маріи Тверской, см. извѣстіе въ сочиненіи Іосифа Волоцкаго—Сказаніе о св. отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ Рустѣй земли сущихъ (Чтенія Моск. Истор. Общ. 1847 г. № 7): „Видѣхъ же тогда и иного свята старца во Саватіевѣ пустыни, именемъ Евросина... присла къ нему Самодержецъ земля оная, Кн. Вел. Борисъ Александровичъ дщерь свою младу сущу, иже тогда обручену сущу В. К. Ивану Васильевичу: И начаша молити блаж. Евросима, яко да помолится о отковицѣ, бяше бо одержима зѣльною немощію. Онъ же отрицашеся. Они же (присланные) со слезами моляхуся ему и глаголаху сице: Аще сія жива будетъ твоихъ ради святыхъ молитвъ, то два царства смириши". Княжна была исцѣлена.

68. Исторія Россіи, т. IV, стр. 398.

69. Лѣтописецъ Латухинскій у Карамз. прим. 588: Сей бо Вел. Князь Іоаннъ, именуемый Тимофей Грозный; то же названіе у Петрея и въ Ядрѣ Росс. Истор. Герберщт.: Pauperibus a potentioribus oppressis injuriaque affectis, aditos ad eum non patebat.

70. Въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ дьяволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ. Сказ. Кн. Курб. изд. Устрял., стр. 4.

71. Курбск., стр. 57. Такъ онъ обвиняетъ Іоанна и Софію въ отравленіи старшаго сына Іоанна; въ удавленіи брата Андрея Углицкаго, въ изгнаніи Михаила Верейскаго и Василія Ярославича и проч.

72. Тамъ же, стр. 127.

73. Акты арх. эксп. I, № 172.

74. П. С. Р. Л. VI, 239.

75. Тамъ же, стр. 279.

76. С. г. г. и д. II, № 25.

77. Степен. Кн. II, 160.

78. Архангел., стр. 205.

79. П. С. Р. Л. VI, 243; Лѣтоп. библіот. архива Мин. Ин. Дѣлъ № 20; Карамз. VI, примѣч. 454.

80. С. г. г. и д. I, № 130.

81. Акты относящ. къ Истор. Запад. Россіи, т. I, № 192.

82. Степен. Кн. II, 160.

83. П. С. Р. Л. IV, 271, 272.

84. Тамъ же, VI, 48. О коронованіи Василія по смерти отца находится слѣдующее мѣсто въ одномъ хронографѣ (Библ. Арх. Мин. Ин. Д. № 14): Совѣтомъ Симона митрополита и всего освященнаго собора и боляръ своихъ входилъ во св. соборную церковь и со всѣмъ своимъ

синклитомъ. И священному собранію сошедшуся и пѣснословиша, якоже обычай имать св. и соборная церковь еже царя поставляти. Преосвященному же Симону митрополиту возложьшу на В. К. Василія Ивановича животворящій крестъ и порфиру и виссонъ и златую гривну и вѣнецъ Мономаховъ возложи на главу его и всѣми царскими утварями украси и царемъ его нарече и съ поклоненіемъ возвеличилъ его и рече: благовѣрному и христолюбивому царю и В. К. Василію Ивановичу Московскому и всея Руси исполаэти деспота.

85. Акты относящ. къ Истор. Зап. Рос. I, № 192.

86. Тамъ же.

87. Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла, № 2, стр. 1009.

88. П. С. Р. Л. VI, 188: И тѣ шедше повоеваша горы и бораты по обѣ стороны. Въ Архангел. лѣтоп., стр. 169, при описаніи похода Касимова и Стрыгина говорится: „И пришла сила Князя великаго на берегъ къ Волзѣ на Звеничѣ бору, и Татарове Казанскіе пришли на нихъ въ судѣхъ и на берегъ вылезли изъ судовъ, а сила Кн. великаго наровяцта заскочити Татаръ отъ судовъ, и нѣкто Айдаръ, постельникъ В. Князя Григорьевъ сынъ Карпова не отпустя Татаръ нимало отъ судовъ кликну на́ нихъ; Татаровя же выметався въ суды, и побѣгоша за Волгу, а другая судовая сила еще не поспѣла.

89. Впадаетъ въ Каму ниже Чусовой; теперь просто: Бѣлая.

90. П. С. Р. Л. VI, 189: И поидоша изъ Оки подъ Новгородъ подъ Старой, сташа подъ Николою на Бечевѣ, и вышедъ изъ судъ идоша въ градъ ко старой церкви Преображенія Господня... и оттолѣ сшедъ такоже и у св. Николы молебная твориша.

91. И того же дни отплывше отъ Новагорода 60 верстъ ночевали, а наутрѣ и обѣдали на Рознежи, а ночевали на Чебоксари; а отъ Чебоксари шли день весь да и ночь ту всю шли, и пріидоша подъ Казань на ранней зарѣ. — Село Разнежье Нижегородской губерніи Васильскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги.

92. П. С. Р. Л. VI, 190; Никон. VI, 11; въ Архангел. 170 иначе: Воеводы судовые рати нелюбье держали промежъ себя другъ подъ другомъ итти не хочетъ; и передумавъ, да поставили себѣ воеводу отъ середнихъ бояръ Ивана Дмитреевича Руна, и пріидоша подъ городъ Казань утрѣ на ранней зарѣ безвѣстно, а сторожи Татарскіе не слыхали, и взяти имъ было Казань, Татарове спятъ, а рать судовая о стѣну пришла: и попоровилъ Татаромъ Иванъ Руно, отбилъ рать отъ воротъ городныхъ прочь, а самъ велѣлъ трубити во многіе трубы и Татарове заслыша нарядились. Обвиненіе явно несправедливое, ибо Русскіе пришли безвѣстно; когда же было Руну сговариваться съ Татарами и брать подкупъ; если же онъ не взялъ подкупа, то зачѣмъ ему было поровить Татарамъ.

93. Архангел., 172.

94. Русск. Времен. II, 141.

95. Никон. VI, 105.

96. Архангел., стр. 184. Молома рѣка была водяна, нельзѣ итти.

97. П. С. Р. Л. VI, 221.

98. Русск. Времен. II, 142.

99. Разрядн. кн. Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 1, стр. 26: Послалъ князь Вел. въ Казань къ Магмедену (?) царю воеводъ своихъ— князя Василья Ив. Оболенскаго, да кн. Василья Тулупа Стародубскаго, да кн. Тимоѳея Прозоровскаго, по царевѣ Мамедеминовѣ присылкѣ, что хотѣлъ братью свою выдати В. князю; и князи Казанскіе воле ему не дали,, хотѣли Магмедина самого убити, и Магмедеминъ ушолъ къ В. князя воеводамъ, князи ему Казанскіе добили челомъ, и Магмедеминъ пошелъ къ нимъ опять въ городъ на царство.

100. Никон. VI. 121; Арх. 193: П. С. Р. Л. VI, 237.

101. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ; Ногайскія дѣла, № 1, стр. 10 и слѣд.

102. П. С. Р. Л. VI, 40, 41.

103. Тамъ же, стр. 47.

104. Арх. 208.

105. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла № 2, стр. 1007.

106. Арх. стр. 208.

107. Сказаніе о землѣ царства Казан., рукоп. библіот. Москов. Универ. стр. 39.

108. Лѣтоп. служ. продол. Нест. стр. 206.

109. Никон. VI, 44.

110. Арх. 209, 210.

111. Арх. 167. 168, 189, 205; Синодал. лѣтоп. № 365, у Карамз. VI, прим. 461; разрядная кн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 1, стр. 85.

112. Никон. VI, 15.

113. Архангел., 177.

114. А не въ Ростовъ, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ.

115. П. С. Р. Л. VI, 31. Повеле осаду распустити понеже не успѣша доспѣха ничегоже запасти.—Я понимаю это мѣсто такъ, какъ объяснилъ въ текстѣ. Въ Архангел. лѣтоп. свое объясненіе: „Велѣлъ осаду распустити, доспѣху добывати, чѣмъ съ Татары битися“. Но ясно, что эта прибавка позднѣйшаго переписчика, ибо гдѣбъ могъ добыть доспѣховъ Алексинскій гарнизонъ, окруженный Татарами и Окою?

116. Арханг. 180; Никон, VI, 46.

117. П. С. Р. Л. IV. 244.

118. Сказаніе о землѣ царства Казанск., рукоп. библ. Москов. Универ. стр. 33.

119. Чтенія Москов. Истор. Общ. Годъ III, № 4.

120. Dlugossi Hist. Polon. p. 588; Герберштейнъ,—Rer. Mosc. Comment. 8; Манкіева.—Ядро Росс. Истор., стр. 196. Герберштейнъ, если почерпнулъ это извѣстіе не изъ Длугоша, то могъ слышать его въ отечествѣ послѣдняго; Манкіевъ безспорно взялъ его или у Длугоша или у Герберштейна.

121. Сказаніе о землѣ цар. Казан., стр. 44.

122. П. С. Р. Л. VI, 230: узрѣша к. в. и стужиша, начаша к. в. обестужився глаголати и извѣты класти, ркуще: егда ты г. в, к. надъ нами княжишь въ кротости и тихости, тогды насъ много въ безлѣпицѣ продаешь; а нынѣча разгнавивъ царя самъ, выхода ему не платив, насъ выдаешъ царю и Татаромъ. Нача же владыка Вассіанъ злѣ глаголати в. к., бегуномъ его называя, сице глаголаше: „вся кровь на тебе падетъ хрестьянская, что ты выдавъ ихъ бѣжишь прочь а бои не постави съ Татары и не бився съ ними; а чему боишиса смерти? не безсмертенъ еси человѣкъ, смертенъ: и безъ року смерти нѣту ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю; а дай семо вои въ руку мою, коли азъ старый утулю лице противъ Татаръ“,—и много сице глаголаше ему, а граждане роптаху на в. к. Того ради к. в. не обитавъ въ градѣ на своемъ дворѣ, боясь гражанъ мысли злые поиманія, того ради обита въ Красномъ селѣ.

123. П. С. Р. Л., стр. 223—232; Архангел. 187. Синодал. лѣтоп. у Карамз. VI, прим. 232, 236: здѣсь упоминаются Русскія волости: Конинъ и Нюхово, на кои напалъ Амуртоза, сынъ Ахматовъ.—Касательно причинъ Ахматова ухода приводится еще одна: будто Великій князь отправилъ служилаго Крымскаго царевича Нордоулата и воеводу князя Василія Поздроватаго водою на Орду: тѣ счастливо исполнили порученіе, опустошили Орду, въ которой нашли только женщинъ, стариковъ и дѣтей. Ахматъ же, получивъ вѣсть о разореніи собственныхъ улусовъ, поспѣшно обратился въ бѣгство съ береговъ Угры. Но во 1) это извѣстіе находится въ одномъ изъ самыхъ мутныхъ источниковъ, въ высокопарномъ Сказаніи о землѣ царства Казанскаго; во 2) Ахматъ вовсе не спѣшилъ домой: сначала остановился въ Литвѣ для грабежа, потомъ остался зимовать на Донцѣ.—Лѣтописецъ такъ заключаетъ свой разсказъ: „Пріиде Кн. Вел. на Москву изъ Боровска и похвали Бога и Пречистую Богородицу и св. чудотворцовъ, избавльшихъ насъ отъ поганыхъ; и возрадовашася и возвеселишася вси людіе, и похвалиша Бога и преч. Богородицу, глаголюще: ни ангелъ, ни человѣкъ спасе насъ, но самъ Господь спасе насъ. Тоеже зимы пріиде В. К. Софья изъ бѣговъ бѣ бо бѣгала отъ Татаръ на Бѣло-озеро, а не гонялъ ни ктоже, и по которымъ странамъ ходила, тѣмъ пущи Татаръ отъ боярьскыхъ холоповъ. отъ кровопійцевъ христіанскихъ. Быша бо жены ихъ

тамо, возлюбиша бо паче жены, неже православную христіанскую вѣру“.

124. Архангел. 188.

125. Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла, № I, годъ 1474.

126. Архив. грам. долженствовавшія войти въ пятый томъ. Собр. гос. грам. и догов. № I.

127. Крымскія дѣла, № I, годъ 1492.

128. Тамъ же, годъ 1478, стр. 35.

129. Тамъ же, стр. 157.

130. Тамъ же, № 2, стр. 804.

131. Тамъ же, № 1, стр. 561.

132. Тамъ же, стр. 65.

133. Тамъ же, стр. 116.

134. Тамъ же, стр. 221.

135. Тамъ же, стр. 256.

136. Тамъ же, стр. 587; № 2 посольство князя Кубенскаго.

137. Тамъ же, № 1, стр. 30.

138. Тамъ же, стр. 35. С. г. г. и д. V, № 3.

139. Дѣла Крымскія. № 2, стр. 637.

140. С. г. г. и д. V, № 2, 4.

141. Дѣла Крым. № 1, стр. 139, 163; П. С. Р. Л. VI, 236; С. г. г. и д. V, № 5.

142. Дѣла Крым. № 1, стр. 179, 181.

143. Тамъ же, № 2, стр. 818—1100; П. С. Р. Л. VI, 47 Cromeri—de reb Polon. p. 440.

144. Дѣла Крымскія № 1, стр. 115, 176.

145. С. г. г. и д. V, № 23.

146. Дѣла Крымскія, № 1, стр. 496—536.

147. Тамъ же, стр. 524. С. г. г. и д. V, № 33, 34, 36, 37.

148. Крымск. дѣла, № 2, стр. 659.

149. Тамъ же, стр. 879—894.

150. Дѣла Ногайскія, № 1: С. г. г. и д. т. V, № 11, 12, 15, 16, 17.

151. Контарини въ Библ. иностр. писат. о Россіи, стр. 63.

152. П. С. Р. Л. VI, 38.

153. Тамъ же, IV, 160; Карамз. VI, примѣч. 370.

154. Bielskiego Kronica Polska, IV, 452, по изд. 1597 года.

155. Тамъ же, стр. 452, 468, 474.

156. Крымскія дѣла, № 1, стр. 82.

157. П. С. Р. Л. VI, 234.

158. Крымскія дѣла, № 1, стр. 118 и слѣд.

159. Тамъ же, стр. 157, 204.

160. Тамъ же, стр. 157.

161. Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія, № 1, стр. 5—173.

162. П. С. Р. Л. VI, 233.

163. Тамъ же, стр. 198; Никон. VI, 55.

164. Тешиново или Тешиновичи, Сукромно, Олховецъ, Надславль, Отъѣздецъ: брали Смоленскую волость Недоходовъ.

165. Такъ же, волость Труфоновъ, волость князя Бывалицкаго—Негомиръ и Сочовки.

166. Король жаловался, что князь Андрей Васильевичь Можайскій посылалъ на отчину Глинскихъ князей—Турье. Жаловались князья Воротынскіе и Мосальскій, что Русскіе люди брали Людимескъ, Бышкевичи, Лычино, Недоходовъ. Отвѣчали, что изъ Любутска наѣхали на Калужскія мѣста: сынъ боярскій Челищевъ погнался за разбойниками, встрѣтился съ Любутскимъ воеводою и взялъ его въ плѣнъ.

167. Бышковичи, Лычино, Недоходовъ.

168. Нашей исторіи т. IV. стр. 162.

169. Дѣла Польскія, № 1; Акты относящ. къ исторіи Западн. Россіи, т. I, № 71, 88.

170. П. С. Р. Л. IV, 234, 235, 239.

171. Акты относящ. къ исторіи Зап. Росс. I, № 74.

172. Тамъ же, № 97.

173. Крымскія дѣла, № 1, стр. 391, 402.

174. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи I, № 105.

175. Дѣла Польск., № 1, стр. 173 и слѣд.

176. П. С. Р. Л. IV, 161, 162.

177. Дѣла Польск., № 1, стр. 202 и слѣд.; Акты относящ. къ истор. Запад. Росс. I, № 109.

178. Дѣла Польск. тамъ же. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 110.

179. А се Смоленскіе пригороды: городъ Мезческъ. и другой городъ Акдыревъ. А волости тѣхъ городовъ: Спиковичи, Новое Село, Немеръзки, Уруга, Брынь, Сухиничи, Орнеры, Барятинъ, Хозцъ, Олешна, Рука, Лабодини, Устье, Жабынь, Бакино. Другіе смоленскіе пригороды: городъ Мосалескъ, Серпеескъ, Серенескъ, Бышкевичи, Залидовъ, Опаковъ, Городечна, Лучинъ, Перемышль. А то волости Смоленскія: Трубна, Городенка, Порыски, Тарбѣевъ, Олоповъ, Жереминъ, Озерескъ, Дагинескъ, Крапшино, Недоходовъ, Лычино, Нерожа, Путынь, Дорожмирягора, Кнутова дуброва, Сковородескъ, Гостижа, Бѣлыевста, Вѣжки, Турье, Жулинъ, Мошкова гора, Ощитовъ, Дмитровъ. Пустынмощинъ, Луганъ, Липицы, Верхъ, Серена, Ооминичи, Вѣжична, Дегна, Колвыка, Демена, Мощынъ, Ужеперетъ, Замошие, Владыки Смоленскаго волости: Погостище, Любунь, Ближевичи, Печки; Крошенскихъ князей волости: Тешыновъ, Сукромна, Олховецъ. Отъѣздъ, Залоконье, Волста, Клыпино, Наѣздилово,

Чарпа, Головичи. Городъ Мценескъ съ волостьми: городъ Любутескъ съ волостьми, городъ Вязьма съ волостьми. Бояре указали здѣсь волости Боровскія: Трубна, Путынь; Медынскія: Городенка, Нерожа, Дорожмирягора, Кнутова дуброва, Сковородескъ, Гостижа, Бѣлыевста, Вежки. Можайскія: Турье, Тѣшиновъ, Сукромна, Олховецъ, Отъѣздъ.

180. Послы отступилась отъ Лагичьска и Кранщина къ Воротынскому къ Вязьмѣ уступили: Великое поле, Волста верхняя, да Слободка, да Мощиновичи, Середее.

181. С. г. г. и д. V, № 29.

182. Мы придерживаемся буквально подлинника.

183. Польск. Дѣла, № 1, стр. 317—442.

184. Акты относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, № 116.

185. Крымскія дѣла, № 1, стр. 449, 470, 536.

186. Въ этомъ любопытномъ отвѣтѣ Елены мы должны остановиться на двухъ выраженіяхъ: „А о попѣ такъ и есть, что попъ Ѳома не мойской“. Слово мойской попадается и въ другихъ посольскихъ книгахъ наприм. въ наказѣ боярину Семену Борисовичу, отправлявшемуся въ Крымъ, читаемъ: „Молвилъ бы еси отъ меня Хозѣ-Асану, что будетъ у него мойскіе лалы и яхонты дорогіе и жемчюгъ доброй, и онъ бы одноличио у меня былъ самъ, а тобы съ тобою привезлъ“.—Второе выраженіе Елены: „А восе которая у меня посажена, и она была восорка а нынѣча уже тишаетъ“. Что такое восорка—мы не знаемъ; развѣ не ошибкою ли восорка вмѣсто росорка (разсорка, ссорщица, смутьянка), что очень легко по сходному начертанію двухъ буквъ: *в* и *р* въ письмѣ XV вѣка. Или быть можетъ: высока?

187. Догель—Cod. dipl. regn. Pol. ms. VI, 271. Акты относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, примѣч. 115.

188. Имена всѣхъ городовъ слѣдующія: Кіевъ, Каневъ, Пестобратъ, Дашко, Яро, Чанамъ, Болдавъ, Кулжанъ, Биринъ, Чалбашъ, Черкаской городокъ, Путивль, Липятинъ.

189. Дѣла Польск. № 1, стр. 443—734; Крымскія, № 2, посольство князя Кубенскаго, апрѣль 1500 года.

190. П. С. Р. Л. VI, 45. Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи I, № 179; Разрядн. книга Московск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. № 1, стр. 82, 105; Герберштейнъ; Стрыйковскій II, 308, по изд. 1846 г.; Архангел. лѣтоп., стр. 207. Въ опредѣленіи года Ведрошской битвы извѣстія Московскихъ лѣтописей и статейныхъ списковъ разнятся съ Литовскими. По Московскимъ лѣтописямъ Ведрошская битва происходила въ 1500 году, а по Стрыйковскому въ 1499 г.; но гораздо замѣчательнѣе разногласіе другихъ источниковъ, долженствующихъ имѣть авторитетъ неоспоримый: въ Литовской Метрикѣ помѣщено посольство въ Москву Смоленскаго намѣстника Станислава Петровича Кишки, относящееся къ апрѣлю 1500

года, и Кишка говоритъ о Ведрошской битвѣ, какъ о событіи уже совершившемся: „Мы по тебѣ братѣ нашомъ надѣялися вѣчноѣ дружбы: ты какъ ся намъ открылъ у великую непрызянь; войну еси и огонь въ нашу землю пустилъ. И мы послали были тамъ на границы, гетмана нашого князя Константина Ивановича Острозскаго и пановъ нашихъ, границъ и людей нашихъ, отъ твоихъ людей постеречы; и твои люди нашихъ людей поразили, и гетмана нашого и пановъ нашихъ головами къ тобѣ привели". По этому выходитъ, что Стрыйковскій правъ, помѣщая Ведрошскую битву въ 1499 году. Но въ посольскихъ рѣчахъ того же Станислава Кишки, какъ онѣ помѣщены въ 1-мъ № Польскихъ дѣлъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ, этихъ рѣчей посла о пораженіи Гетмана не находится. Г. Карповъ въ своей „Исторіи борьбы Москов. госуд. съ Польско-Литовскимъ, стр. 59. настаиваетъ на предпочтеніи, какое мы должны оказать московскимъ источникамъ предъ литовскими; но вопросъ не рѣшается осязательно.

191. П. С. Р. Л. VI, 47.

192. Дѣла Крымскія, № 2, стр. 726.

193. Тамъ же, стр. 820, 1019.

194. Акты относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 183.

195. Тамъ же, № 161.

196. Тамъ же, № 188.

197. Тамъ же, № 179.

198. Памятники дипломат. сношен. древ. Россіи, т. I, стр. 159—173.

199. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 186, 187.

200. Акты арх. экспед. I, № 138.

201. Такъ представляется здѣсь положеніе Олгерда при Любутскѣ (см. нашей Исторіи т. III, стр. 343). Безспорно, что это licentia diplomatica того времени, ибо трудно согласиться, чтобъ такое важное событіе, какъ плѣнъ Олгердовъ не нашло себѣ мѣста въ лѣтописяхъ.

202. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 200.

203. Волостей: Карачева, Хотимля, Поповы горы, Мглина, Дрокова, и селъ: Уваровичь, Телешовичь, Тереничь, Кошелева лѣса, Морозовичь, Липиничь, Скарбовичь, Залѣсья, Бабичь, Свѣтиловичь, Голодна, Лапичь. Полѣшанъ, и волостей: Сновеска, Хороборя, Соловьевичь, Прикладней, Пацыни, Ѳедоровскіе, Осовина, Покиничь, Сухаря, Всеславля, Вороничь: Жерыни; городища Дмитровца, Лычина, Недоходова, Бышковичь, Завидова, Опакова, Мощина, Дѣмены, Городечны, Ужеперети; Снопота, Ковылны, Шуи, Лазарева. Городища, Ближевичь, Любуни, Даниловичь, Замошья, Тухачева, Дегны, Ѳоминичь, Погостища; волостей: Погорѣлые, Пѣгомля, Игумновы слободы, Мстиславца, Лучина, Мошковы горы, Жулина, Ощитова, Кременые, Селечны, Водосы, Некрасовы, Редыни, Ведраши. Рѣхты, Озерища, Хомчичь, Василкова, Холма, Бятина, Хотомичь,

Великаго поля, Лопатина, Прости, Заопья, Вышкова, Копыльи, Сверковыхъ, Лукъ, и Бѣлыя съ волостми, и Верховья, и Болшова, Шоптова, и Моневидовы слободы и иныхъ волостей, Вержавы, Буягорода и съ тѣми деревнями, которые были за служилыми людьми, и за Печерскимъ монастыремъ, и за Духовскимъ, и за Троецкимъ, и что были деревни тоежи волости за Борисомъ за Окольничимъ; волостей Даньково, Любуты, Дубны, Рожны, Туры, Биберевы, Старцовы, Нежелскіе, Велижскіе, Плавѣстціе, Жижетскіе, Озерскіе, Казариновскіе, Березая, Невля, Усвая, Ловца, Веснѣболога.

204. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 292.

205. Крымскія дѣла, I, стр. 1050—1128.

206. Исторія Россіи, т. IV, стр. 120.

207. П. С. Р. Л. IV, 237: Тако нынѣ князю Местеру какъ за Краснымъ городкомъ земля не отступитесь, тако и во Жалачкѣ Велневицкой не въволите ловити.

208. Акты относящ. къ исторіи Западн. Россіи, I. № 69.

209. П. С. Р. Л. IV, 263.

210. Russow, p. 31.

211. Ibid.

212. Акты относящ. къ исторіи Западн. Россіи, I, № 112.

213. Никон. VI, 141.

214. Далипа—Gesch. des R. Schw. II, 632; первый союзный договоръ съ Датскимъ королемъ Іоанномъ былъ заключенъ въ 1493 г.; въ силу его Московскій В. Князь, называемый въ договорѣ Императоромъ всея Руси, и Король Датскій обязались быть за одно противъ Стуровъ, господствовавшихъ въ Швеціи и противъ В. Князя Литовскаго. См. С. г. г. и д. V, № 110.

215. П. С. Р. Л. IV, 275.

216. Russow, p. 33.

217. Акты относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 191.—Supplementum ad histor. Russiæ Monumenta, № CXXI—CXXXIII.

218. П. С. Р. Л. VI, 39 и слѣд. Архангел. стр. 172. Geijer—Geschichte Schwedens, I, 234.

219. Памят. дипломат. снош. древней Россіи, I, стр. 1—139.

220. Этотъ случай въ разныхъ лѣтописяхъ разсказанъ различно: въ Никон. говорится, что Тревизанъ пришелъ изъ Венеціи съ Московскимъ посломъ Антономъ Фрязинымъ, а посланъ къ Великому Князю отъ того дюка бити челомъ, чтобы пожаловалъ Князь великій велѣлъ того Тревизана проводити до царя Ахмута большіе Орды: а послалъ нъ нему со многими поминки съ челобитьемъ, чтобъ пожаловалъ шелъ имъ на помочь на турскаго салтана къ Царюграду. Тойже Тревизанъ пришедъ на Моску первое прійде къ Ивану Фрязину къ денежнику Московскому, и

сказа ему вся та, о чемъ пришелъ на Москву, а у В. Князя еще и не былъ. Фрязинъ же нашъ денежникъ не велѣлъ тому Тревизану о томъ бити челомъ В. Князю да поминки великіе подавати, а могу то я сдѣлати опричь В. Князя, и до царя и допровожати; а къ В. Князю пришедъ Фрязинъ съ тѣмъ Тревизаномъ назвалъ его Княземъ Венецейскимъ, а себѣ племянникомъ, а рекше пришелъ до него своимъ дѣломъ и да гостьбою, да то у В. князя утаили... По семъ (по приходѣ Софьи) тотъ Антоній Лягатосъ и протчіи Фрязи и Грецы видѣшася въ Москвѣ съ посломъ Венецейскимъ Иваномъ Тривизаномъ, а вѣдаючи его съ чѣмъ онъ посланъ къ В. Князю, начаше спрашивати его почто много мотчаетъ; онъ же инако къ нимъ глаголюще не какъ дѣлалъ съ Фрязинымъ нашимъ; они же сказаше то къ В. Князю. Князь же Великій слышавъ то часа того обънскавъ и вспалася на нихъ, повелѣ поимати Фрязина, да оковавъ послалъ на Коломну, а домъ его повелѣ разграбити разорити, и жену и дѣти изымати: а того жь Тривизана поимавъ хотѣлъ казнити, и тойже лягатосъ и протчія иже съ нимъ послы начаша бити челомъ князю, чтобъ пожаловалъ смиловался надъ нимъ доколѣ обшлетца съ Венціанскимъ дюкою; Князь же Великій велѣлъ сковати его, а сидѣлъ у Микиты у Беклемишева—Но въ П. С. Р. Л. VI, 196: Фрязинъ же (Иванъ) обѣщася; веземъ посла его (Дожева, и пріиде къ В. Князю и рѣчи вся напины сказа, а посла того гостемъ назва: тотъ же Фрязинъ толмача добывъ и посла того отпусти, Тривизана зовома, на Рязань, да къ ордѣ втай Великаго Князя. Яко Фрязинъ отъиде въ Римъ, тогда пріиде вѣсть къ В. Князю, яко посла приведши Венеційскаго Фрязинъ да отпустилъ къ ордѣ: тогда посла повелѣ изымати на Рязани и съ толмачемъ, и повелѣ его всадить въ тюрьму. Егда же пріиде со царевною Фрязинъ, посла Князь Великій боярина своего Ѳеодора Давыдовича противу и повелѣ крыжъ у легатоса отнявши да въ сани положити, а Фрязина поимати да и пограбити. Тогда же не бѣ вѣсти князю Венецейскому, дошелъ ли посолъ его до орды, не дошелъ ли, тогда посла Фрязинова брата къ нему въ Венецію и поношая ему Князь же той съ нимъ наказа къ В. Князю, чтобъ Князь Великій нелюбіе отдалъ, а посла бы его отпустилъ къ ордѣ, а что будетъ на подкрутy бы еси ему далъ: а язъ самъ платежникъ. Тогда Князь Велики, по Онтоновымъ рѣчамъ, отпусти его, а съ ними толмача и дьяка отпусти и семьдесятъ рублевъ дастъ ему; тогда седмьсотъ сказа ему, и посла все взять".— Трудно согласиться съ разсказомъ Никонов. лѣтописи, чтобы Иванъ Фрязинъ, отправившись снова въ Римъ, не отправилъ Тревизана, а заставилъ его дожидаться въ Москвѣ.

221. Софья умерла 7 апрѣля 1503 года.

222. С. г. г. и д. I, № 144. Подробности: старшему Василію, даны подмосковныя села: Семчинское съ городскими дворами и съ Самсоно-

вымъ лугомъ, село Воробьево, съ Владиміровскимъ, Семеновскимъ, Воронцовскимъ, Кодашевымъ и деревнями,—сельце Воронцовское на Яузѣ съ дворомъ великокняжескимъ и съ городскими дворами по обѣ стороны Яузы, монастырь Лыщиковъ, Ильинскую слободку, вымѣненную у Андроникова монастыря... Да что были къ Дмитрову приданы волости Московскія: Рогожь, Воря, Карзенево, Шерна городокъ, Сулишинъ и съ новымъ селомъ—по старинѣ сыну Василью. Да емужъ волости Сурожыкъ, Лучинское, Радонежь, да треть Мушкову съ мытомъ Лопьскимъ... Городъ Коломну, Каширу съ Зарѣчьемъ, что за рѣкою за Окою, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль и иныя мѣста по Рязанскій рубѣжъ, съ Елчемъ, и со всѣми Елечскими мѣсты, Серпуховъ, Хотунь, Тарусу съ Городцомъ, съ Исканью, Мышегою, Колодною, съ княгининскою вотчиною Авдотьиною, Мценскъ, Воротынскъ, съ Лагинскомъ и съ Крапивнымъ А что есми промѣнилъ князю Михайлу Мезецкому на его жеребей на Мѣсческъ въ Стародубу Алексинъ; и онъ держитъ по мѣновной грамотѣ; а судъ и дань сына моего Васильево, Боровскъ съ Суходоломъ, Истьею, Истервою, Краснымъ селомъ, Кременцомъ, Песочною большою, съ слободкою Сосны на Шанѣ, что садилъ Василій Карамышевъ; Ярославецъ, Медынъ, Радомль и съ Вешками по Угру, да на Шанѣ слобода, что Товарковъ садилъ по Угружъ и съ Песочною меньшою и съ слободами, что садили Андрей Картымазовъ, да Митя Загрязской, да Ивашко Гладкой; Можайскъ съ Чагощью, Турьевымъ, Орѣховною, Могильномъ, Мичепками, Шатшею, Сулидовымъ, и Дмитровцомъ по обѣ стороны Угры; Вязьму, Козловъ, Дорогобужъ, да волости Дорогобужскія: Погорѣлая, Мегомле, Хотомичи, Холмъ, Вятино, Просто, сельце Заопье, Водоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редынь по рѣцѣ по Ужеустье, Косково, Рехты, Хомчичи, Вышково, Василево, Ескино село Климово, слободка владычьня въ Чертковѣ, сельцо Путятино, Игумново, Мстиславецъ, Ощитовъ, Жулинъ, Мошкова гора, Лучинъ городокъ, Великое поле, Лопатино, Копылеа и Ужица, Ведрошь и Озерища, Сверковы Луки. Переяславль съ приданными къ Дмитрову волостями—Серебожь, Рожественое, Вускутово, Владимиръ съ Муромскимъ сельцемъ, Шатуромъ, Колушкою, Вышелѣсомъ, Островомъ, Юрьевъ съ Великою Солью; Суздаль да Солцу малую; Ростовъ, Ярославль и съ Ухрою, селомъ Петровскимъ, слободку Охлябининскую, вотчину князя Щетинина—Кастъ; Инопажь, усть Шексны съ деревнями Князей Шохонскихъ, да волости Заволжскіе по обѣ стороны Шексны, а волости Шохонскіе Луковесь, Арбужовесь, Маткома, Веретея Большая, городокъ Княжичи, Песье село; Всесвятское, Волское съ Окишовскимъ селомъ и съ Бонгуемъ, Патробалъ, Рунай и съ Шагатью и съ слободками съ Кештомою, съ Шелшедамомъ, Бѣлое село Шыгоражъ, съ Петровскими Константиновича селами и деревнями, усть Углы, Веретейка малая, Бѣлоозеро, Заозерье съ

Кубеною; Устюгъ, Вычегру, Вымь, Удору, Сысолу; въ Заволоцкой землѣ Ростовщину, Пинѣга, Кѣгрола, Чякола, Прьмъскіе, Мезень, Немьюга, Пильи горы, Пинешка, Выя, Тойма, Кирьи горы, Емъская гора на Вазѣ, Антонова перевара, Карбольскій островъ, Шогогора, Керчела, Сурапоганая, Лавела; Югру, Печеру, Пермь Великую; Кострому съ Плесомъ, Нерехтою, Иледамомъ, Даличь съ Солью, Унжею, Чухломою, Нижній Новгородъ съ Мордвами и Черемисою; Муромъ съ Мордвами и Черемисою, Мещера и съ Кошковымъ, да князи Мордовскіе всѣ. Вятцкую землю всю. А что есмы пожаловалъ князя Ѳ. И. Бѣльскаго, далъ есмы ему въ вотчину городъ Лухъ, да волости—Вичюгу, Кинешму, Чихачевъ. Тверь и Городень, Клинъ, кромѣ Буйгорода и Колпи, промѣненныхъ дѣтямъ князя Бориса Васильевича, Новгородъ Великій съ городами: Ивангородъ, Яма, Копорья, Орѣшокъ, Ладога, Дѣмань, Куръ городъ, Порховъ, Высокой, Кошкинъ городъ, Руса; Торжокъ, да въ Новгородской же землѣ городъ Холмъ, Велилю, Буецъ, Лопастицы; Луки Великіе съ волостями: Пуповичи, Вязъ, Часпла, Коротай, Дубно, Конша; Ржеву пустую; Корельскую землю всю, Корѣльскій городъ и со Лопью съ лѣшею и съ дикою. Заволоцкую землю всю, Онѣго, Каргополь, все Поонѣжье, Двину, Вагу, Кокшенгу, Вельскій погостъ, Колмогоры и всю Двинскую и Заволоцкую землю. Псковъ и всю землю Псковскую. Торопецъ, да волости: Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Биберево, Старцева, Нежелская, Велижская, Плавлецкая, Жижетцкая, Озерская, Казариновская, Городъ Острее, а волости: Березай, Невье, Усвай, Ловцо, Веснѣболого, Старую Рязань и Перевитескъ.

Сыну Юрію на Москвѣ сельце Сущово, изъ Московскихъ селъ Лыткино. Сыну Дмитрію на Москвѣ село Напрудское, изъ Московскихъ Озерецкія села. Сыну Семену на Москвѣ село Луцинское, да слободку князя Ромодановскаго; изъ Московскихъ селъ Разсудовскія села за Похрою, Звѣрево да Бараново. Сыну Андрею слободку Колычевскую, да монастырь Рождество Пречистыя на Голутвинѣ; изъ Московскихъ селъ Ясенево, Сарыево, Юдино.

Сыну Юрію Дмитровъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ Инобажѣ деревни Тѣшиловскія; изъ Переяславскихъ волостей къ Дмитрову Юлху. Звенигородъ, волость Шопкову, Кашинъ, Рузу, Брянскъ да волости: Соловьевичи, Прикладни, Пацынъ, Ѳедоровская, Осовикъ, Покиничи, Сухарь, Всеславль, Вороница, Жерынь, Батогова, Хвощна, Піанова, Волконескъ, Серпейскъ, а волости: Замошье, Тухачевъ, Дегна, Ѳоминичи, Погостище, Ковылна, Ближевичи, Любинъ, Снопотъ, Даниловичи, Шуя, Демена, Ужепередъ, Чернятицы, Городечна, Мощинъ, да Гнѣздилово.

Сыну Дмитрію Углече поле, съ Устюжною, Рожаловымъ, Белетовымъ, Кистъмою, Мологу; Хлепенъ съ Рогачевымъ, Негомиромъ; Зупцовъ, Опо-

ки, половину Ржевы, Мезецкъ, Опаковъ, да волости: Залидовъ, Недоходово, Лычино, Бышковичи, по Угру.

Сыну Семену Бѣжецкій Верхъ, Колугу, Козельскъ, и волости Козельскія: Серенскъ, Людимскъ, Коробки, Вырки, на Выре волости, Сѣница, Сытичи, Вышно, Липицы, Взбыновъ, верхъ Серена, Лугань, Мѣстилово, Кцынь, Хвостовичи, Порыски, Борятинъ, Орень, Хостьцы, Жеремиль, Сныхово, Ивановское Бабиное, село Пезнаново.

Сыну Андрею: Верею, Вышгородъ, Алексинъ, съ Волконою, Конинымъ, Гордѣевымъ, Нюховою; Любутскъ съ Вѣпринымъ; у Москвы Гжелю да Раменейцо, волости Московскія, что были приданы къ Дмитрову: Селна Гуслица, Загарье, Вохна, Куней; въ Селнѣ деревни дѣловыя бортныя Василцова ста: Бекренево, Бѣляницино, Харитоновское, Деденево, Нероново, Враниково, Якимовское, Новое Якимовское, да пустоши: Лопаково, Исачково; Грибачево.—Старицу, Холмъ, Новый Городокъ, волость Олешню, волость Синюю.—Границы удѣловъ обозначены въ особыхъ грамотахъ. см. С. г. г. и д. I, № 135—141.

223. Должно думать, что здѣсь идетъ дѣло объ откупѣ денежномъ же, денежники, какой-нибудь Иванъ Фрязинъ, откупали у В. Князя право бить монету.

224. С. г. г. и д. I, № 133.

225. Памятн. дипломат. снош. I, стр. 87.

226. Тамъ же, стр. 129.

227. Крымскія дѣла, № 1,

228. Тамъ же, № 2, стр. 1104.

229. См. примѣч. 220.

230. Дѣла Польскія, № I, второе посольство Еропкина.

231. Также перстняхъ особаго рода: въ грамотахъ Крымскихъ хановъ постоянно находится приписка, что грамота жиковиною запечатана.

232. С. г. г. и д. I, № 122, 131, 132, 112, 122.

233. Тамъ же, № 96, 112, 122, 132.

234. Тамъ же, № 132.

235. П. С. Р. Л. VI, 217.

236. Никон. VI, 130. Записки Географ. Общ. кн. VIII; Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 11 и 12-я.

237. С. г. г. и д. I, № 121; Акты арх. эксп. I, № 99.

238. Акты арх. эксп. I, № 134.—Барбаро въ библіог. иностр. писат. Россіи, стр. 59.

239. Никон. VI, 108.

240. Герберштейнъ, стр. 18.

241. Древняя Россійск. Вивліоѳ. ч. XIII.

242. Дѣла Крымскія, посольство Старкова.

243. Герберштейнъ, стр. 8; Контарини въ Библ. иностр. писат. о Россіи, стр. 106.

244. Акты относ. къ истор. Зап. Россіи, № 100, 101.

245. Тамъ же, № 206. См. Земскую привилегію Александра 1492 года (Dzialynskiego—Zbior praw Litewskich. p. 62): Nuncios sev oratores mittere debemus, consilio dominorum nostrorum... Census theloneorum, tabernarum et alii ex poenis et undecunque nobis provenientibus, recipiantur et reponantur in thesaurum nostrum. Nulla vero necessitate imminente dicti census, sine voluntate ipsorum dominoram, per nos, de thesauro tolli et recipi non debent.

246. Литовскій воевода Захаръ Ивановичъ Кошкинъ былъ смоленскій бояринъ. О фамиліи Смоленскихъ Кошкиныхъ см. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Польскія, гдѣ въ числѣ боярынь, представлявшихся въ Смоленскѣ Великой Княжнѣ Еленѣ Іоановнѣ, названа: Ивашкова жена Кошкина Маршалкина, вторая особа по назначенію мужей въ Смоленскѣ. См. также акты Западн. Россіи, I, № 192, стр. 320; „Списокъ Смоленскихъ князей и бояръ кривдъ и шкодъ, што имъ починили и забрали помѣстчики и украинники В. К. Московскаго: Рославскаго повѣта. окольничаго Смоленскаго Ивана Кошкина дворъ, братанича его Ивашка Яковлевича дворъ".

247. Разрядн. книги Москов, Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. № 1, стр. 82, 105: А Юрью велѣлъ сказать (В. Князь), что въ Костромѣ были воеводы— въ большомъ полку князь Александръ Ѳедоровичъ, а въ передовомъ полку князь Иванъ Стрига, въ сторожевомъ полку Ѳедоръ Давыдовичь.— Въ послужномъ спискѣ старинныхъ бояръ, напечатанномъ въ 1-мъ томѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія. сказано, что въ первый годъ княженія Іоаннова у него были только три боярина, оставшіеся послѣ отца: Михаило Борисовичь Плещеевъ, кн. Ив. Юр. Патрикеевъ и кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенскій. Но на подлинной духовной Василія Темнаго кромѣ князя Патрикѣева, видимъ еще троихъ бояръ, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни князя Стриги, ни Плещеева, ни тѣхъ дворецкихъ и окольничаго, которые встрѣчаются потомъ въ Спискѣ. Чему же теперь больше вѣрить: подлинной духовной или Списку въ родѣ неофиціальныхъ Разрядныхъ книгъ и еще испорченномъ издателями Трудовъ, которые говорятъ, что этотъ списокъ „при ономъ Собраніи сокращенъ такимъ образомъ, что изъ сего сокращенія, есть ли кто пожелаетъ, самой тотъ полной удобно возстановить и вновь сочинить можетъ?" что это за безсмыслица?

248. С. г. г. и д. I, № 121.

249. Акты относ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 192.

250. Тамъ же.

251. С. г. г. и д. I, № 103 и 104.

252. П. С. Р. Л. VI, 188. Никон. VI, 77. Акты Зап. Росс. I, стр. 307. Древн. Росс. Вивл. XV, 12.

253. Акты историч. I, № 110.

254. Никон. VI, 158.

255. Разрядн. книга Бекетова у Каразм., VI, примѣч. 201. П. С. Р. Л. VI, 157; видимъ деревни за псарями, дьяками, подъячими, посельскими: С. г. г. и д. I, № 140.

266. П. С. Р. Л. IV. 241. Histor. Russiae Monum 1, 201: Jam Petrus Suyski exercitus Moschorum Ducum cum delectis equitum turmis ex fortissimis Moschoviae municipiis evocatorum ex Troptensi, Pscoviensi, Novohrodensi et Lucensi, quam vulgo K o v a n a R a z id est ferratam aciem vocant Polociam profectus et. c.

257. П. С. Л. VI, 188.

258. Крымскія дѣла, Посольство Шеина.

259. П. 310.

260. Акты арх. эксп. I, № 89, 98.

261. П. С. Р. Л. VI, 237.

262. Тамъ же IV, 224.

263. Тамъ же VI, 192.

264. Тамъ же IV, 276.

265. Тамъ же, стр. 240.

266. Акты относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 164.

267. Это выраженіе лучше всего объясняетъ намъ значеніе слободы; см. нашей Исторіи, т. III, стр. 38.

268. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи. т. I, № 75, 77, 81, 85, 91, 110, 128, 129, 133, 138, 158. 164, 171, 172, 181, 194, 195, 208, 218, 130; II, № 30, 54.

269. Неволина—Объ управленіи въ Моск. Гос. Жур. Мин. Нар. Пр., 1844 г.

270. См. т. IV, стр. 214.

271. П. С. Р. Л. VI, 93.

272. Тамъ же, IV, 239.

273. Тамъ же, стр. 269; Акты юридич., стр. 3; Акты Запад. Россіи, I, № 74.

274. Тамъ же, стр. 255.

275. Акты арх. эксп. I, 109: Отъ князя Андрея Васильевича, въ Бѣжецкой Верхъ Городецкому Сотнику Панкѣ. Били ми челомъ Троицкіе старцы, а сказываютъ: что де велишь Присѣцкимъ деревнямъ крестьянамъ на Городецкомъ намѣстничей дворъ ставити и тянешь де ихъ во всѣ пошлины.

276. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, 120.

277. Маютъ то вѣдати Клеплинцы а выбойники.

278. Только коли пойдутъ суды нанизъ съ Кіева, и они маютъ давати корговщину, съ комяги по три гроши, водою, а не сухимъ путемъ; а коли прійдетъ съ Черкасъ водою рыба, ино тогды маетъ, пришодъ, осмьникъ обмытити рыбу на березѣ и свое десятое маетъ взяти, а што въ верху какая рыба прійдетъ, того на березѣ не обмычивати: маетъ осмьникъ мыта своего на торгу смотрѣти. А отъ капи съ корчмы давати имъ по полтрети копы грошей, а писчого грошъ; а взяти капь на Боже нароженье, а опятъ на Божье же нароженье заплатити капь, а рокъ минетъ, ино за дѣцкованьемъ взяти. А въ которомъ дому сами войтове живутъ, съ того дому капи не давати; а што коморы торговые у нихъ въ тыхъ же домѣхъ, съ того плату тожъ не давати. А мясники маютъ давати, по яловицы, на св. Петра день, на городъ. А съ икры мыта не давати: а отъ пресного меду съ посудивы съ вѣка по полугрошку, а отъ колоды меду грошъ, а за носадку меду две гроши. А свадебную куницу давати имъ шерстью; а не будетъ куницы шерстью, ино пять грошей за куницу.

279. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, т. I, № 149.

280. Исторія Россіи, т. III, примѣч. 85; т. IV, стр. 184. Акты относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 170.

281. Акты относящ. къ исторіи Зап. Россіи, I, № 207.

282. Тамъ же, № 159.

283. Тамъ же № 175, 185, 165, 204, 182, 199, 190, 196, 90, 197, 210· 147, 153; П. № 13. Вишневскаго: Pomniki historii i literrt. polsk. IV. 97,

284. П. С. Р. Л. IV, 160, 161, 163, 221, 222, 229, 233, 240, 242, 247. 267; VI, 244.

285. Никон. подъ означенными годами.

286. П. С. Р. Л. IV, 228, 229, 230, 231, 238, 239, 257, 270, 272.

287. Акты арх. эксп. I, № 83.

288. С. г. г. и д. I, № 127: А бояромъ и детемъ боярскимъ и слугамъ и христьяномъ межъ насъ вольнымъ воля.

289. Акты арх. эксп. I, 95, 102, 111, 120, 132, 379; Акты истор. I, N 115. Отъ временъ Іоанна III дошли до насъ грамоты полныя, наприм: „Семенъ Васильевъ сынъ Сеславинъ купилъ Кондратка Ивашкова сына Ноугородца въ полницу себѣ и своимъ дѣтемъ; а далъ на немъ рубль денегъ Ноугородской. Отъ Петра Михайловича отъ намѣстника приходилъ приставъ Матѳейко. Отъ В. Князя Ивана Васильевича всея Русіи тамгу и осмничее взяли таможницы. Полную писалъ Чернецъ, Гавриловъ сынъ Паюсова, лѣта девять десять девятаго, Генваря. У полныя печать, писана въ кругу тамга В. Новгорода. Архивъ Историко. Юридич. свѣд, изд. Н. Калачовъ, книги второй половина первая.

290. Акты относ. къ истор. Зап. Россіи, I, N 146, 133, 202, 218, 189.

291. Полемъ пути истомны. Дѣла Крымск. 1, стр. 35. — О торговлѣ

съ Астраханью см. Іос. Барбаро въ Библіот. иностран. писателей о Россіи, стр. 57.

292. Московскій посолъ Еропкинъ жаловался Казимиру, что купцы Новгородскіе, и между ними Демьянъ Фрязинъ, шли изъ за моря чрезъ Литовскую землю; Фрязинъ шелъ на великокняжеское имя и везъ для В. Князя коверъ да 8 зеренъ жемчугу, и тянуло въ томъ жемчугѣ 52 почки. На нихъ взяли въ Минскѣ непошлый мытъ, потомъ весь товаръ пограбили, взяли и деньги, придравшись, что вмѣсто ладана купцы продали смолу; велѣли купцовъ бить и мучить и деньги на нихъ брать за то, что Фрязинъ не продалъ ковра жиду мытнику. Московскій купецъ шелъ изъ за моря чрезъ Литовскую землю, и у него въ Смоленскѣ силою отняли кувшинъ орѣховъ грецкихъ чиненыхъ. Взяли у московскаго купца въ Смоленскѣ тридцать миткалей безъ трехъ жемчугу, а въ миткалѣ по 30 зеренъ безъ двухъ, да взяли жиковину золоту, да коверъ. Торговые люди Коломничи и Можаичи торговали въ Путивлѣ: у нихъ взяли медъ, бобровъ, почеревесей, выдръ, воскъ, горностаевъ, рысей, лисицъ, бѣлокъ, шелкъ, тафту, 15 изуфрей тяжелыхъ, краски, атласъ, епанчи бурскія, 40 орловъ перья. Великаго князя гости шли изъ Крыма: у нихъ пограблено между прочимъ 12 ларивониковъ цвѣтнаго шелку, 70 брусовъ мыла Халяпскаго, два косяка тафты ездинскія, да косякъ тафты бурскія, 130 ларивониковъ цвѣтнаго шелка Кафинскаго, 70 литръ бурскаго, двѣ камки куфтери Кафинскія червчатыя мелкій узоръ, 24 изуфи ангурскихъ тяжелыхъ, да 4 полсти бурскія епанечныя, а въ полсти по 4 епанчи, да 2 терлика Хандрячныхъ, да огабень объяри, да саблю черкаскую, да 2 тягиляя тафтяныхъ, да 3 сафьяныхъ червчатыхъ, да 3 сагадака, да бумажникъ, да одѣяло, да терликъ безиненъ, да коверъ, да 4 ширинки кисейны съ золотомъ, да два батмана перцу Кафинскихъ, да косякъ бези халипскія, десять литръ шелку токатскаго, три кальи краски. да два кантаря ладану, да рубль денегъ атманскихъ, два косяка фараузу шелковаго, 3 рубли кафинскихъ денегъ, четверть мскусу, 17 гривенокъ кардашу, 20 нюгъ шафрану, 6 почекъ алмазу, 8 жемчужковъ, 2 яхонта, портища мущтандану, пять киндяковъ темносинихъ, да поставъ епанечный, 20 нюгъ бумаги клубчатой, 10 рублевъ ордынскихъ денегъ, 30 аршинъ каймы, 50 нюгъ мыла, 5 ларивониковъ шелку артахозу, 4 почки мскусу, 3 косяка фараузу—2 бурскаго, третій ездскаго, 20 аршинъ ожерелей кафинскихъ, 4 кантари камня фатиснаго, гривенку ревеню, да другую канфару.—Великаго князя человѣкъ Игнатъ Верблюдъ ѣхалъ изъ Кіева къ Смоленску и ночевалъ подъ Мстиславлемъ: тутъ его разбили на ночлегѣ, взяли у него полтретья камени гвоздики полтораста гривенокъ, да 30 гривенокъ кицилибуги, да полтретьянадцать гривенъ миндальныхъ ядеръ, кушакъ турскій, тафту турскую, гуню волошскую бѣлу; онъ жаловался княгинѣ Ульянѣ Мстиславской, та объ-

щалась дать ему управу и не управила; потомъ за 30 верстъ до Смоленска, въ селѣ Ивановскомъ, велѣлъ его поймать панъ Иванъ Ильиничъ и пограбить своему писарю, который и взялъ у него кувшинъ орѣховъ грѣцкихъ чищеныхъ; въ Смоленскѣ пограбили его мытники.—Въ Кіевѣ у русскихъ купцовъ взяли зерцала, батарлыки, наручи, наколѣнки.—Въ этихъ извѣстіяхъ бѣличьи мѣха различаются: бѣлка шувайская и устюжская.—Въ Крымскихъ дѣлахъ находимъ извѣстіе № 2, стр. 892, что у русскихъ купцовъ было пограблено, между прочимъ, полтретьядцать аршинъ шиды червчатыя, 37 литръ шелку артагазъ.

293. Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Польскія, № 1, Дѣла Крымскія № 1 и 2; памятники Дипломат. сношеній, т. I, стр. 96; Никон. VI, 58, 130, 172; П. С. Р. Л. IV, 151, 248, 256; Акты Запад. Россіи, I, № 159, 175; Виленскіе акты, № 13. Контарини въ Библіот. иностран. писат. о Россіи, стр. 21.

294. Никон. 130, 3, 37, 56, 59, 60, 106, 55, 59, 138, 91, 119, 122, 126, 127, 129, 133, 122, 129, 131, 157, 122, 125, 140, 171, 125; Лѣтоп. служ. продол. Нестору, стр. 317. П. С. Р. Л. VI, 194. 198, 199, 205, 206, 221, 235, 239, 191, 237, 233, 234, 237; Памятн. дипломат. снош. I, стр. 19, 21, 46, 165. Времен. Москов. Истор. Общ. кн. 8.

295. Никон. VI, 2, 54, 143, 169, 170, 127, 140, 171; П. С. Р. Л. IV, 269; V, 35; VI, 186, 244, 238, 221, 233, 234, 236, 238; Акты арх. эксп. I, № 381, 108, 382, 383, 380, 77, 78, 79, 99, 133, 139, 140, 125; Акты истор. 78, 89, 103, 286, 104, 109, 112, 285, 286, 79, 284; Дополн. къ акт. истор. I, № 211, 212, 214, Карамз. VI, примѣч. 622; Руднева разсужд. о ерес. и раск., стр. 92; Твор. св. отцевъ въ русск. перев. Годъ V-й, кн. 2.—Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г., № 3, 7, 8.

296. Исторія Русск. Церкви, III, 14, Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 118, 166, 141.

297. Никон. VI, 51; П. С. Р. Л. VI, 23, 236, 238, 239, 279; Акты арх. эксп. I, № 92, 115, 123; Акты истор, I, N 105: Акты. относ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 169, 126, 131, 176, 181, 189.

298. Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Польскія, № 1, Крымскія, № 1 и 2; Никон. VI, 26, 30; П. С. Р. Л. IV, 225; VI, 187, 192; Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 192, 69, 154, 73, 74, 97, 134, 75, 88, 137, 112, 186, 105, 122, 143; Памятники диплом. снош. т. I, стр. 41, 106, 24, 48, 25, 26, 27, 30, 34, 69. 83, 84, 112, 113.

299. Февраля 8 въѣхалъ К. В. на Москву утрѣ предъ обѣднею; а обѣдалъ и пилъ у матери.—Герберштейнъ: In prandio plerumque adeo se potu ingurgitabat, ut somno opprimeretur: invitatis interim omnibus timore perculsis, silentibusque. Контарини, стр. 110. Москвитяне, какъ мущины, такъ и женщины, вообще красивы собою, но весьма грубы и невѣжественны. Главнѣйшій недостатокъ ихъ есть пьянство.

300. Герберштейнъ: Mulieribus porro usquæ adeo infensus erat (M. D.) ut eius conspectu, si quæ forte obviam sibi venissent, tantum non exanimarentur.

301. П. С. Р. Л. IV, 250; V, 44; VI, 186, 195, 198, 205, 238, 186; Акты истор. I, N 110; акты арх. эксп. I, N 86; Дополн. къ авт. истор. I, № 28; Акты юридич. стр. 439. Опис. Румянц. Музея, стр. 512: Руднева—о ересяхъ и раскол. прим. 93. Акты Запад. Росс. II, № 13. Сбор. Синод. библiот. № 791, л. 66.

302. Никон. VI, 175; П. С. Р. Л. VI, 51, 215. Въ сказанiи о землѣ Царства Казанскаго (гл. XIV, рукоп. библiот. Москов. Университета) говорится, будто Казанцы раскинули на Арскомъ полѣ шатры по случаю ярмарки, на которую сошлось много народа; всѣ пировали, веселились, какъ вдругъ нагрянула врасплохъ сила Московская, и произвела страшное кровопролитiе; Казань была бы взята, но побѣдители, вмѣсто того, чтобъ добывать городъ, бросились грабить шатры, пировать въ нихъ, упиваться; этимъ воспользовался Магметъ-Аминъ, въ свою очередь напалъ на нихъ врасплохъ и поразилъ.—Это понятно въ разсказѣ автора сказанiя, который говоритъ объ одномъ только этомъ дѣлѣ, ведетъ прямо Русскихъ изъ судовъ на Казань, гдѣ они застаютъ пирующихъ; но, принявъ извѣстiя лѣтописей болѣе достовѣрныхъ о двукратномъ приступѣ къ Казани, нѣтъ никакой возможности вставлять разсказъ Сказанiя, какъ то дѣлаетъ Карамзинъ, ибо нельзя предположить, чтобъ Казанцы не знали, что Русскiе, послѣ первой неудачи, не сѣли еще на суда, не удалились, и открыли ярмарку. Если же принимать извѣстiе о пораженiи въ шатрахъ Казанскихъ и вставлять его въ разсказъ лѣтописей, то должно принять извѣстiе Герберштейна (стр. 68), внесенное нами въ свой разсказъ. Во всякомъ случаѣ извѣстiя Герберштейна заслуживаютъ гораздо болѣе довѣрiя, чѣмъ извѣстiя Сказанiя, источника очень мутнаго: въ немъ, напримѣръ, тутъ же воевода Киселевъ означенъ въ числѣ убитыхъ, тогда какъ лѣтописи выставляютъ его побѣдителемъ при отступленiи къ Мурому.

303. Стрыйковскiй, II, 329, 330.

304. Акты относящ. къ истор. Зап. Россiи, I, № 225.

305. Дѣла Польск. № 2, стр. 97.

306. Акты относящ. къ истор. Зап. Россiи, II, № 12.

307. Ельню, Ветлицу, Руду, Щучью.

308. Литовскiе послы прiѣхали 21 марта; а 25 великiй князь уже отправилъ назадъ Казанскаго посла съ отвѣтомъ, что согласенъ на миръ при извѣстныхъ условiяхъ.

309. Акты относящ. къ истор. Запад. Россiи II, № 15 и 16.

310. Тамъ же, № 7.

311. Въ большой части извѣстныхъ намъ Московскихъ лѣтописей, у

Герберштейна и Стрыйковскаго говорится, что Глинскій первый прислалъ въ Москву съ челобитьемъ; въ такъ называемомъ Русскомъ Временникѣ II, 261 читаемъ: „И слышавъ то князь великій Василій Ив.. что Глинскіе отъ короля отступили, а живутъ въ своей отчинѣ, и послалъ къ нимъ своего сына болярскаго Коломнятина Митю Иванова сына Губу съ грамотою, зовучи Глинскихъ къ себѣ въ службу, чтобъ къ нему ѣхали и съ вотчинами, и Глинскіе дожидалися отъ короля до сроку до сборнаго воскресенія. И отъ короля имъ на тотъ срокъ присылка никакого небывала. И они отпустили къ великому князю сына болярскаго Митю Губу, а съ нимъ прислали къ в. к. своего сына болярскаго, Ивана Пріѣждего съ грамотами, чтобъ пожаловалъ ихъ князь в., взялъ ихъ къ себѣ въ службу; а за ихъ отчины стоялъ". Въ посольскихъ рѣчахъ къ в. к. (Акты относ. къ истор. Зап. Россіи II, № 20) Глинскій говоритъ: „Што ваша милость, государь, на мое челомбитье ласку и жалованье свое вчинилъ, за мене вступился и проч." Но здѣсь Глинскій могъ разумѣть челобитье свое, отправленное въ отвѣтъ на предложеніе, привезенное Губою. Можно съ достовѣрностію принять только одно, что сношенія Глинскаго съ великимъ княземъ были продолжительны (См. Русскій Времен.), и, какъ видно изъ упомянутыхъ посольскихъ рѣчей Глинскаго, сначала дѣло шло только о помощи, которую великій князь обѣщалъ Глинскимъ: „Што ваша милость, государь, на мое челомбитье ласку, и жалованье свое вчинилъ, за меня вступился и за братью и за пріятелей моихъ, и всказывалъ ваша милость, государь, и въ листѣхъ своихъ до мене писалъ, не хотячи насъ ни въ чомъ отпустити, а намъ помогати на всякихъ непріятелей нашихъ и на то помощью своею стояти, хотячи видѣти мое доброе: я государю вашей милости за то низко челомъ бью, и, што мнѣ добраго милосердый Богъ дастъ помощью вашей милости государскою, хочу то до живота моего вашей милости заслуговати.

312. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, II, № 19.

313. Тамъ же, № 22. Эта грамота важна для насъ преимущественно по означенію мѣсяца и года (іюнь 1507), когда писана. Основываясь на ней, мы отнесли начало сношеній Глинскаго съ Москвою къ веснѣ 1507 года, и приняли извѣстіе лѣтописца Москов. Дух. Типограф. (напечат. 1784 г., стр. 347), гдѣ говорится, что 26 апрѣля 1507 года уже отправлены были воеводы воевать литовскую землю.

314. Стрыйковскій, II, 344.

315. Такъ у Стрыйковскаго; но Глинскій былъ уже женатъ, см. Акты Истор. I, № 120.

316. Мѣстечко Могилевской губерніи Оршинскаго повѣта.

317. Мѣстечко Могилевской губерніи Климовичевскаго повѣта.

318. Какъ видно, Острожскій былъ уличенъ и прежде въ намѣренія

бѣжать, или въ какой-нибудь другой винѣ, ибо 18 октября, 1506 года, онъ далъ запись за поручительствовъ митрополита и другихъ духовныхъ лицъ, въ которой говоритъ: „Се азъ, князь Константинъ Ив. Острожскій, что есми билъ челомъ своему государю в. к. В. И. за свою вину“ и проч. С. г. г. и д. I, № 146.

319. Литвѣ возвращены были только волости, захваченныя въ правленіе Василія: Руды большія, Вержавы, Ветлицы, Щучья, Буй городъ.— Акты относ. къ истор. Зап. Росс. II, № 43.

320. Акты Западн. Россіи II, № 6.

321. П. С. Р. Л. VI, 246. Русскіе гнали татаръ до рѣчки Рыбницы (Орловскаго уѣзда).

322. Акты Запад. Россіи, II, № 33.

323. Крымскія дѣла, № 3, стр. 1—62 и слѣд.

325. Памятн. дипломат. снош. I, стр. 139—158; С. г. г. и д. V, № 57.

324. Русск. Временникъ, II, 278. Архив. лѣтоп. у Карамз. VII, примѣч. 63.

326. П. С. Р. Л. IV, 295; Проси Арцыпискупъ Ровенскій у в. князя силы на своего князя Местера Ливонскіе земли, и пословъ своихъ посылаше во Псковъ къ Мисюрю дьяку Мунехину, и Мисюрь посылаше къ в. князю· 297: Повелѣ князь великій своему дьяку Мисюрю Мунехину, поставити стрѣльницу каменную. Пріѣха архіепископъ новгородскій во Псковъ, и повелѣ ему К. Вел. во Псковѣ жити 10 дней, а хотѣлъ онъ жити весь мѣсяцъ, и Мисюрь дьякъ показалъ ему грамоту Вел. Князя, что ему велѣно жити 10 дней; а владыка Макарей того не вѣдалъ.

327. Акты относящ. къ истор. Западн. Россіи, II, № 49.

328. Тамъ же, № 57.

329. Тамъ же, № 60, 62, 66, 74.

330. Мѣстечко Ковенскаго уѣзда.

331. Акты Западн. Россіи, II, № 80.

332. Тамъ же, № 81.

333. Памят. дипломатич. сношеній, I, стр. 151, 1502.

334. С. г. г. и д. V, № 66 и 67.

335. Стрыйковскій, II, 373. Supplem. ad. histor. Russ. Monum. № CXIL.

336. Никон. VI 296; Архангел. 213.

337. Копіи съ Кенигсбер. актовъ, хранящ. въ Москов. Арх. Мин. Ин. дѣлъ, связка 32, N 10; извѣстіе отъ сентября 1514 года; здѣсь сказано, будто в. князь, обѣщая Глинскому княжество въ Литвѣ, прибавилъ: „gelobe dir das mein Hewpt nicht zu ruh setczen wollen ich brenge dich an die orthir. См. также Supplem. ad. histor. Russ. Monum. N CXLVI.

338. Стрыйковскій, II, 376.

339. Герберштейнъ, стр. 9.

340. Кенигсберг. акты въ Моск. Архив. Мин. Ин. Дѣлъ, связка 32, N 12, Supplem. ad histor. Russ. Monum. № CXLVIII. Акты Запад. Россіи. II, № 137.

341. Акты Запад. Россія, II, № 92.

342. Русск. Врем. II. 302.

343. Архангел. стр. 222.

344. Акты Западной Россіи, II, № 93.

345. Дѣла Крымскія, № IV-й, стр. 20—418; № V-й, стр. 420—495; II, С. Р. Л. VI, 259, 260.

346. Кенигсберг. акты въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣл. связка 32, № 8.

347. Дѣла Прусск. въ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣл. № 1; С. г. г. и д. V, № 73, 74, 75, 76, 78, 82.

348. Никон. VI, 210; II. С. Р. Л. IV, 292; VI, 260; Прусск. дѣла, № стр. 122.

349. Памятн. дипломат. сношен. I, стр. 193—480, Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, подробное описаніе посольскихъ сношеній съ Литвою московской редакціи, возвращенное изъ Польши; на переплетѣ заглавіе: Acta Magni Duc Litv. № 2, стр. 10—25 и слѣд. Дѣла Прусск. № 1, стр. 88.

350. Первая грамота 1518 года, приведенная нами хранится въ спискѣ въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ и напечат. въ V т. С. г. г. и д. (неиздан.); вторая грам. въ 1-мъ № Прусск. Дѣлъ: „Наилснѣйшему и вельможнейшему Каролу, королю Францовскому поздравленіе. Намъ извѣстно вѣдомо, колико твоя есть сила, благость и любовь къ добрымъ, какъ намъ то также въ конечномъ посольствѣ Албертовѣ... его посломъ гораздо величества твоего и твое персоны хвала изъявлена“ и проч. согласно съ первою грамотою. У Карамзина второе и третье посольство Шонберга смѣшаны въ одно.

351. Никон. VI, 223; Дѣла Прусск. № 1, стр. 307, 346; II. С. Р. Л. IV, 292, 293.

352. Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Acta Magni Duc. Litv., № 2, стр. 58 и слѣд.

353. II. С. Р. Л. VI, 263; книги разрядн. и родослов.—Герберштейна, стр. 68. и слѣд. здѣсь между прочимъ: Basilius cum ad tantum hostem propulsandum imparem se esse videret, adeo timore perculsus, ut rerum suarum desperatione aliquandiu sub acervo foeni, ut quidam referunt, latuerit.—Арх. Мин. Ин. Дѣл., Дѣла Турецкія № 1, стр. 139. и слѣд.

354. Означимъ изъ договора рубежи: „рубежъ городу Рославлеву съ Мстиславлемъ промежъ Словнева да Шибнева къ Гневкову Доброю рѣчкою на Водоносъ, а отъ Водоноса Доброюжъ рѣчкою вострь черезъ великій боръ въ рѣку Щумячу къ Стрекулѣ къ рубежу къ Кричовскому. А отъ Кричева городу Рославлю рубежъ рѣка Шумяча, а Шумячею въ рѣку Немелицу, а изъ Немелицы старымъ рубежомъ къ Заборью въ Ипуть рѣку, да на низъ Ипутью къ Хмелю. А рубежъ Смоленску и волостемъ

Смоленскимъ, съ Дубровною и съ Романовымъ, и съ Горами, и съ Мстиславлемъ, отъ Днѣпра ниже города Смоленска рѣкою Мереею вверхъ межъ Пречистые, Взруба и Звѣровичь въ Иваку рѣку, а изъ Иваки на Еленскій рубежъ, да въ Городню, а Городнею въ Вехру въ Черной мохъ, а изъ Вехры въ Прудилну, а изъ Прудилны въ Желѣзницу, а Желѣзницею подъ Дуденки въ Вехру а изъ Вехры въ Лютую воду, а изъ Лютой воды въ Вынино, а изъ Вынина въ Сожъ, а Сожью на низъ въ Березыню, а Берызыпею вверхъ сухомъ промеже селъ Почина и Гладковичь по холмомъ, а оттолѣ къ Плуневу (вар. Пулневу, Кулневу). А за рѣкою за Днѣпромъ рубежъ Смоленску внизъ по Днѣпру по рѣкѣ ниже Клементья святаго пять верстъ."—Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Acta magni Duc. Lutv. № 2, стр. 205; С. г. г. и д. V, 97; Акты Запад. Росс. II, № 120.

355. Арх. Мин. Ин. Д. Acta magni Duc. Litv. № 2, стр. 281.

356. Акты Запад. Россіи, II, № 134.

357. Дѣла крымскія, № 6, стр. 25—31.

358. Никон. VI, 234 и слѣд.; П. С. Р. Л. 265. Мѣстничество воеводъ могло быть причиною потери удобнаго времени; потеря наряда, какъ бы она ни произошла, могла быть достаточною причиною, почему воеводы приняли предложенія Казанцевъ; слѣд. нѣтъ никакой нужды, вмѣстѣ съ авторомъ высокопарнаго сказанія о землѣ царства Казанскаго, подозрѣвать Бѣльскаго опять въ подкупѣ; вообще мы не считаемъ себя въ правѣ пользоваться этимъ слишкомъ мутнымъ источникомъ.

359. Никон. VI, 237. 252, 254.

360. Дѣла Крымскія, № 6, стр. 159: А Крымскихъ пословъ Чабыка съ товарищи к. в. въ тѣ поры какъ Исламъ приходилъ на Украйну, велѣлъ потопити. Стр. 256: наказъ послу Злобину: А взмолвитъ царь... „Степану говорити: Какъ Исламъ приходилъ на Государя нашего Украйну, и тогды Государь нашъ самъ вышелъ на свое дѣло, а Чабыка съ товарищи приказалъ своимъ приказнымъ людемъ, чтобы ихъ велѣли беречи, и пришедъ народъ чернь у приказныхъ людей Чабыка съ товарищи взяли сильно и побили, а рухлядь ихъ всю рознесли, а Чалпана съ товарищи у нихъ ухоронили, а рухлядь его также разняли, и нынѣ Чакнана съ товарищи Государь нашъ къ тобѣ отпустилъ, а рухлядь гдѣ сыскивати? А Государя нашего посла Ивана Колычева здѣсь ограбили, и то гдѣ сыскати?—Никон. VI, 233.

361. Никон. IV, 257, П. С. Р. Л. 266.

362. Дѣла Крымск. № 6, стр. 166—370; № 7, стр. 68. 71.

363. Акты Западн. Россіи, II, N 150, 168.

364. С. г. г. и д. V, № 60, 99: Подъ договоромъ слѣдующая любопытная подпись: Ad hanc cedulam electi regis Suetie Gostafui ego orator Chanutus Erici mandavi capellano meo Johanni Erasmo pro me apponere manum, quia ego scribere nescio.

365. Тамъ же, № 57, 105 и 106.

366. Тамъ же, № 65, 78, 8, 111, 112.

367. Дѣла Прусск. № 1, стр. 164—167, 252; Переписка папъ съ Россійск. Государ. въ XVI в., изд. Григоровича.

368. Дѣла Турецкія, весь № 1-й. Чтенія Москов. Историч. Общ. 1847 г. N 7: И вы съ Савою, вмѣсто благихъ, В. Князю злая умышляли и совѣщали и посылали грамоты къ Тускимъ пашамъ, и къ самому Турскому царю, подымая его на В. К. Да вы же говорили: ратуетъ К. В. Казань, да нѣколи ему будетъ и соромъ—Турскому ему не молчати. Да вы же вѣдали Искиндеря Турскаго посла совѣты и похвалы, что хотѣлъ подъимати Турскаго царя на В. К. Да ты, Максимъ, то вѣдалъ а Гос. В. К. и бояромъ его не сказалъ. Да ты же говорилъ многимъ людемъ: быти на той земли рустѣй салтану Турскому, занеже салтанъ не любитъ сродниковъ царегородскихъ царей, и князь Великій Василей внукъ Фомы Амарейскаго.

369. Герберштейнъ, стр. 48; Лѣтоп. служащ. продолж. Нестору, стр. 224; Акты Историч. I, N 127; Акты Западн. Россіи, II, N 116. Г. Иловайскій (Исторія рязан. княж. стр. 231) догадывается, что Крубинъ Герберштейна есть испорченное Коробьинъ, ибо фамиліи Крубиныхъ никогда не слыхали въ Рязани, тогда какъ Коробьины тамъ извѣстны.

370. Герберштейнъ, стр. 51; С. г. г. и д. II, N 28 и 29. Акты Историч. I, N 124; С. г. г. и д. I, № 151.

371. Акты историч. т. I, № 291; № 136.

372. Тамъ же, № 130. Сказывалъ Иванъ (Сабуровъ): говорила мнѣ В. Княгиня: есть де жонка Стефанидою зовутъ Рязанка, а нынѣ на Москвѣ, и ты ее добуди да ко мнѣ пришли; и язъ Стефаниды допытался да и къ себѣ есми еѣ во дворъ позвалъ, да послалъ есми еѣ на дворъ къ В. Княгинѣ съ своею жонкою съ Настею, и та Стефанида и была у В. Княгини. А послѣ того пришолъ язъ къ В. Кн., и она мнѣ сказывала: присылалъ ты ко мнѣ Стефаниду, и она у меня смотрѣла, а сказала, что у меня дѣтямъ не быти; а наговаривала мнѣ воду Стефанида и смачиватися велѣла отъ того, чтобъ Кн. В. меня любилъ; а коли понесутъ къ В. К. сорочьку и порты и чехолъ, и она мнѣ велѣла изъ рукомойника тою водою смочивъ руку, да охватывати сорочку и порты и чехолъ и иное которое платье бѣлое... Черница наговаривала не помню масло, не помню медъ прѣсной, а велѣла ей тѣмъ тертися отъ тогожъ, чтобъ ее. К. В. любилъ, да и дѣтей дѣля.. Да Иванъ же говорилъ: того мнѣ не испамятовати, сколько къ мнѣ о тѣхъ дѣлѣхъ жонокъ и мужиковъ прихаживало.

373. П. С. Р. Л. IV, 295.

374. Герберштейнъ: Imperio, quod in suos exercet, omnes facile universi orbis monanrchas superat, et id quod pater Incoeperat, ipse perfecit.

375. Въ лѣтописяхъ: По совѣту ея тягости ради и болѣзни и бездѣтства. Герберштейнъ, стр. 18, 19: Huic Metropolitanus in monasterio lacrymanti ejulantique, capillis primum abscissis, cum cucullam porrexisset, eam sibi injici haec adeo non patiebatur, ut apprehensam in terramque projectam cucullam pedibus calcaverit: qua rei indignitate Ioannes Jchygona, unus ex primariis consiliaris, commotus, eam non solum acriter objurgavit, sed flagello cæcidit, superaddens; Tu ne voluntati domini resistere audes? illiuqusc jussa capessere moraris? Hunc Solomea cum interrogaret, qua se authoritate cæderet? mandato domini, cum respondisset, animo illa tum fracto coram omnibus quod cucullam invita atque coacta induat, protestatur, tantæque injuriæ sibi illatæ Deum ultorem invocat... Continuo fama exoritur Salomeam gravidam propeque partum esse. Rumorem confirmabant duæ matronæe, primorum consiliariorum, Georgii Parvi thesaurarii et Jacobi Mazur cubicularii, uxores: ajebantque, sese ex ore ipsius Salomeæ audivisse, ut quæ gravidam se et prope partum esse fateretur. Qua re audita graviter commotus Princeps, utramque a se repulit, alteram, Georgii uxorem, etiam verberibus affecit, quod tempestivius de hac re ad se non retulisset, Mox ut rem compertam haberet, Theodericum Rack consiliarium et Potat secretarium quendam, ad monasterium in quo detinebatur, mittit, illisquæ, ut veritatem rei diligenter inquirerent, demandat. Quidam nobis tum Moscoviæ existentibus, sancte affirmabant, Salomeam filium Georgium nomine peperisse; nemini tantum infantem ostendere voluisse. Quin congoscendæ veritatis gratia, quibusdam ad se missis, dicitur respondisse, indignos illos esse. quorum oculi infantem viderent: dum in majestatem suam veniret, matris injuriam ulturum; quidam vero eam peperisse, constanter negabant. Ambigua itaque de ea re est fama. Тотъ же Герберштейнъ разсказываетъ о происках упомянутаго Георгія Малаго (Грека) еще предъ первымъ бракомъ Василія: Георгій отклонялъ Василія отъ мысли жениться на иностранной княжнѣ, и склонялъ жениться на русской, думая, что В. Князь женится на его дочери, но ошибся въ разсчетѣ.—Въ противоположность Герберштейнову разсказу о постриженіи приведемъ разсказъ, находящійся въ Лѣтописи, служащей продолженіемъ Нестору, стр. 383: Благовѣрная великая княгиня Соломонида, видя неплодство изъ чрева своего, якоже и древняя оная Сарра, начатъ молити государя великаго князя Вас. Ив. вс. Русіи, да повелитъ ей облещися во иноческій образъ. Царь же государь всея Русіи нача глаголати сице: како могу бракъ разорити, а вторымъ совокупитися? наче же государь благочестивъ, и совершитель заповѣдемъ Господнимъ и законному повелѣнію. Христолюбивая же В. Княгиня съ прилѣжаніемъ и со слезами начатъ молити Государя, да повелитъ ей сотворити тако, якоже хощетъ; царь же ни слышати сего не восхотѣ, и приходящихъ отъ нея вельможъ отрѣвая съ

злобою; великая же княгиня видя непреклонна государя на моленіе ея, начатъ молити Даниила митрополита, да умолитъ о семъ государя, дабы сотворилъ волю ея быти.—Великій князь послушалъ митрополита.

376. П. С. Р. Л. VI, 268: Взяша горошки и семянники, и съ того пронесе ему на низъ; въ другихъ варіантъ вм. горошки—горошки трідневные.

377. Токмо духъ отъ нея тяжекъ. Идущи же изъ нея нежди смертныи.

378. С. г. г. и д. I, N 160.

379. Герберштейнъ, стр. 8: Ut Magnus ille Stephanus Moldaviæ palatinus, crebro in conviviis ejus mentionem faciens, dicaret: illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix limites defendere posse.

380. Никон. VI, 189, 204, 216, 219, 232, 233, 224, 254.

381. Герберштейнъ, стр. 96.

382. Письма русскихъ государей, № 1, 2, 3, 4, 5.

383. Герберштейнъ, стр. 11 и 92.

384. Акты Западн. Россіи, II, № 74, годъ 1511: Билъ намъ челомъ бояринъ нашъ и воевода Московскій князь Данило Васильевичь.

385. Тамъ же, № 84.

386. Никон. VI, 232: С. г. г. и д. I, N 149, 152, 153, 154, 159, 162, 155, 156.

387. Лѣтоп. служ. прод. Нестору, стр. 381. Акты арх. эксп. I, № 172.

388. Герберштейнъ, стр. 11.

389. Дѣла Крымскія, № 4, стр. 418; № 5, стр. 420, 484.

390. Описаніе монетъ см. у Герберштейна.

391. Акты Историч. N 132: Били челомъ (Троицкій игуменъ съ братьею), а сказываютъ, что язъ ихъ пожаловалъ, промѣнилъ имъ свои Корзеневскіе деревни, и съ тѣхъ деревень Корзеневскихъ имали на меня туковые деньги... и язъ пожаловалъ, съ тѣхъ съ ихъ деревень туковыхъ денегъ имати впередъ не велѣлъ.

392. Акты Западн. Россіи II, № 17, 86, 87, 149, 159, 160.

393. Герберштейнъ, 34, 92 и слѣд.

394. Древ. Росс. Вивліоѳ. XIII, стр. 6. Сахарова сказ. Р. Н. т. II. Тысяцкимъ, сказано, былъ братъ великаго князя Андрей Ивановичъ; но послѣдній женился только въ 1534 году? Развѣ предположить, что для церемоніи дали какой-нибудь боярынѣ званіе жены Тысяцкаго.

395. Тамъ же, стр. 19. При описаніи выхода великой княгини Елены невѣстою читаемъ: „И какъ В. Княгиня сошла къ В. Князю, и передъ съ нею шли плясицы, а за плясицами шли дѣти боярскіе, а за дѣтьми боярскими шелъ священникъ съ крестомъ...„ И на завтрѣе какъ былъ князь въ мыльнѣ, и князь великій посылалъ къ нему свое жалованье, платье, а княгиню его вскрыти послалъ князь великіи боярина своего, князя Дм. Ѳед. Бельскова.

396. С. г. г. и д. I, № 145.

397. Никон. VI, 185: Послалъ князь великій въ Литву, боярина своего окольничева Григорья Өедорова сына Давыдовича. См. также нашей исторіи т. IV, прим. 343.

398. Памятн. дипломат. снош. I, 360.

399. Архангел. 218: И поима его (Глинскаго) князь Михайло Голица съ своими дворяны.

400. Разрядн. кн. Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 2, стр. 47, 68.

401. Дополн. къ акт. истор. I, N 215; Акты арх. эксп. I, № 155.

402. Акты арх. эксп. I, № 141, 160, 162, 163, 165, 385.

403. Въ житіи св. Даніила Переяславскаго читаемъ, что близь построеннаго Даніиломъ монастыря, сельцемъ Воргушею владѣлъ Нѣмчинъ, именемъ Іоаннъ, жена у него была Наталья, свирѣпа вельми. Они нападали на Даніила боясь, чтобъ онъ не овладѣлъ ихъ землями.

404. С. г. г. и д. I, № 148.

405. Акты Западн. Росс. II, № 12, 25, 152, 161.

406. Москов. арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія, № 1, стр. 63, 160, 244.

407. Тамъ-же—Acta Magni Duc Litv. № 2, стр. 175, 280.—Что козаками въ сѣверовосточной Руси назывались работники, люди, неимѣвшіе собственнаго хозяйства, видно изъ уставной грамоты В. К. Василія крестьяномъ Моревской слободы: „Плавити имъ дрова и хоромной лѣсъ рѣками, и имъ и козакомъ ихъ мыта и явки не давати.„ Допол. къ акт. истор. т. I N 26.

408. Воскресен. II, 21; Карамз. II, примѣч. 347: Черные Клобуки еже зовуться Черкасы.

409. Акты Западн. Россіи, II. № 150, 156.

410. Акты арх. эксп. I, № 169.

411. Никон. VI, 182, 187, 227, 231, 245.

412. Лѣтоп. библіот. Москов. Арх. Мин. Ин. Д. № 20.

413. Акты Западн. Россіи, II, № 75.

414. Тж. № 123, 147.

415. Собр. древ. грам. городовъ Вильны, Ковна и проч. N 19, 20.—Zródla de dziejów Polskich, wyd. Malinowsk. i Przezdzieck. II, 118. Вишневскаго Pomniki IV, 107.

416. Акты Западн. Россіи, 11, № 29, 85, 174.

417. Акты арх. эксп. I, № 144: на Рождество Христово дадутъ волостелю кормъ со шти деревень полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна; а на Петровъ день дадутъ кормъ, баранъ, десятеро хлѣбовъ: а нелюбъ волостелю кормъ, и они ему дадутъ за полоть мяса десять денегъ, за баранъ алтынъ, за мѣхъ овса алтынъ, за возъ сѣна алтынъ, за хлѣбъ по денгѣ. А тіуну его дадутъ кормъ на всѣ три праздника въ полы того; а праветчику его дадутъ поборъ съ деревни, на Рожество Христово 8 денегъ, а на Великъ день 4 деньги, а на Петровъ

день четырежъ деньги; а доводчику его дадутъ поборъ съ деревни, на Рожество Христово за ковригу деньга, за часть мяса деньга, за забню овса двѣ деньги, а на Великъ день за ковригу деньга, за часть мяса деньга, а на Петровъ день за ковригу деньга, за сыръ деньга.

418. Тамъ же, № 103, 150; См. также Дополн. къ акт. истор. I, № 26. Академич. словарь насадку переводитъ словомъ ендова; г. Поповъ (Пиры и Братчины, архивъ Калач. II) думаетъ, что насадку скорѣе можно перевести словомъ ведро, ибо въ Двинской грамотѣ читаемъ: „Тіуну насадку питья, ведро, Но именно на основаніи этого-то свидѣтельства и нельзя допустить, что насадка значила ведро, ибо въ такомъ случаѣ оба слова не были бы поставлены рядомъ. Изъ этого свидѣтельства можно вывести одно, что насадка означала неопредѣленно поборъ питьемъ, количество же могло опредѣляться въ разныхъ мѣстахъ различно.

419. Акты юридич., стр. 261— У Герберштейна читаемъ: Coloni sex dies in septimana domino suo laborant, septimus vero dies privato labori conceditur. Habent aliquot privatos et a dominis suit attrubutos agros et prata ex quibus vivunt: reliqua omnia sunt dominorum. Sunt praeterea miserrimæ conditionis, quod illorum bona, nobilium ac militum praedæ exposita sunt. Неизвѣстно, кого разумѣлъ Герберштейнъ подъ именемъ coloni—свободныхъ или несвободныхъ земледѣльцевъ; во всякомъ случаѣ трудно признать справедливымъ извѣстіе о седьмомъ днѣ.

420. Акты Западн. Россіи, II, № 159.

421. Акты арх. эксп. I, № 142, 143, 147; Акты историч. I, № 117.

422. Герберштейнъ, стр. 73.

423. См. мою статью: Географич. извѣстія о древней Россіи, въ Отечеств. Зап. т. LXXXVI.

424. С. г. г. и д. V, № 65. Акты арх. эксп. I, № 156.

425. Собр. древ. грам. город. Вильны и проч. № 61.

426. Никон. VI. 215, 244, 258, П. С. Р. Л. VI, 254, 53. Лѣтоп. библ. архива Мин. Ин. Д. № 20; Времен. Москов. Истор. Общ. № 8, стр. 50.

427. Дополн. къ акт. истор. I, № 216; Твор. св. отцевъ, годъ V, кн. 2.

428. Древн. Росс. Вивліоѳика, ч. XVI, стр. 423; Творенія св. отцевъ, годъ IX, кн. 3-я; Да въ тѣжъ времена старцы Звенигородской князь Деонисей, да Нилъ Полевъ, Іосифовы постриженники жили въ пустыняхъ на Бѣлѣозерѣ, близко Кирилова монастыря. И старецъ князь Діонисей Звенигородскій пріиде къ пустыннику и узрѣ у него крестъ подъ постелею, и прилучися въ та времена съ нимъ священникъ мірской. И паки, въ иное время, пріиде къ иному пустыннику, а тотъ священникъ съ нимъ же: аже тотъ пустынникъ держитъ у себя въ рукахъ книгу, а келья у него топится. И какъ зазрилъ старца Діонисія, и тотъ пустынникъ книгу вкинулъ въ печь и книга сгорѣла. И ту великую ересь видѣлъ

старецъ Діонисій да и священникъ. И къ Іосифу старецъ Діонисій прислалъ старца Серапіона Крестечника съ грамотою, а въ ней написано, что у пустынниковъ видѣлъ ересь. Іосифъ прочелъ грамоту, да послалъ ту грамату къ Ростовскому Архіепископу Васьяну, понежь въ его архіепископьи. А въ та времена Васьянъ Архіепископъ на Москвѣ былъ. И Васьянъ Архіепископъ ту грамоту подалъ великому князю. И князь великій ту грамоту показалъ старцу князю Васьяну Косому и рекъ ему: добро ли чинятъ твои пустынники? И Васьянъ рекъ великому князю: та деи, государь грамота писана лукавствомъ, а вся солгана. Вспроси де, государь, попа, и князь великій велѣлъ поставити попа, да вспросилъ попа. И попъ сказалъ, такъ, какъ въ грамотѣ писано. И старецъ Васіанъ князь попа просилъ на пытку, и попа пытали, и ногу изломали, и попъ умеръ, а не сговорилъ. И князь великій опалѣся на старца на князя Діонисія, да и на старца Нила, глаголюще: сами де межъ себя бранятца, и мнѣ грѣха доставили. Да велѣтъ князь великій старца Діонисія да съ нимъ Нила старца взяти въ Кириловъ монастырь и пустыни ихъ велѣлъ сжечи.

429. Древн. Росс. Вивліое. XIV, 190. П. С. Р. Л. VI. 249. Іосифъ говоритъ: „На меня накупилъ князь Өедоръ съ своимъ архимандритомъ (Алексѣемъ Ивьевымъ) Кривоборскаго, а Кривоборской Архіепископа Серапіона улоскалъ и обманулъ .. Послалъ два черн ецовъ съ грамотами къ Кривоборскому, будто соли да рыбы купити, а въ грамотахъ писалъ, только Архіепископъ Серапіонъ учинитъ такъ, о чемъ ему біетъ челомъ князь, и онъ будетъ второй Златоустъ, а Кривоборской только на то наведетъ Архіепископа, и князь съ нимъ хочетъ животы дѣлитись. И Арх. Серапіонъ на то уязвился тщеславіемъ, захотѣлъ себя явити всему міру, что онъ праведнѣе разумнѣе всѣхъ человѣкъ, да грамоту прислалъ такову ко мнѣ, что де еси отдалъ монастырь свой въ великое государство, ибо де еси отступилъ отъ небеснаго а пришелъ къ земному, и ты разсуди себѣ Серапіонову мудрость, учинилъ Волокъ небомъ, а Москву землею, а князя Өедора Волоцкаго небеснымъ, а великаго князя Московскаго земнымъ, а отъ божественнаго писанія, пачежъ отъ священныхъ правилъ не написалъ ни одного слова... И князь великій началъ ему говорити (Серапіону): еси нарекъ князя Өедора небеснымъ, а меня земнымъ, ино я земной то и есть, то намъ скажи, почему ты князя Өедора назвалъ небеснымъ. И Архіеп. началъ сваритися съ всѣми, и съ государемъ,, и съ старѣйшимъ святителемъ, и съ всѣми святители, то де вѣдаю азъ, почему язъ не благословилъ, а вамъ до того которое дѣло, воленъ язъ въ своемъ чернцѣ, а князь Өедоръ воленъ въ своемъ монастырѣ, хочетъ грабитъ, хочетъ жалуетъ.“

430. Твор. св. Отцовъ, годъ IX, кн. 3; Древ. росс. Вивліое. XIV, 177. Уже послѣ смерти Іосифа написано Вассіаномъ оправданіе въ обвине-

ніяхъ, которыя Іосифъ взвелъ на него и на учителя его, Нила Сорскаго. Между прочимъ Вассіанъ пишетъ: „Вѣси самъ Іосифе, въ св. правилахъ, что вдовцамъ чистымъ повелѣваютъ служити, а ты, презрѣвъ св. правила, по страсти, человѣкоугодія ради отговорилъ всѣмъ вдовцамъ не служити. А о селахъ не подобаетъ монастыремъ ихъ держати, у соборныхъ церквей у мірскихъ повелѣваютъ св. правила земли держати, но не епископу ими владѣти, ни попомъ, но все церковное богатство выдати икономy, и давать отъ него со епископля доклада причетникомъ церковнымъ всѣмъ, а инокамъ не подобаетъ богатствовати и земель держати, понеже отреклися сего всего... Сіе Іосифе лжеши на мя и на моего старца Нила, что мы хулимъ чудотворцевъ и древнихъ и новыхъ, а чудесъ изъ ихъ святыхъ писаній ничего старецъ Нилъ не выкинулъ, наипаче исправилъ, со иныхъ справилъ списковъ“... Вассіанъ утверждаетъ, что не подобаетъ церквей и иконъ украшать златомъ и сребромъ. Наконецъ Вассіанъ упрекаетъ Іосифа: „Ниже у насъ еси потребовалъ прощенія, ниже самъ еси насъ простилъ отходя на путь вѣчный.“ Рукоп. Синод. библ. № 738.

431. Акты историч. I, № 122; Времен. Москов. Истор. Общ. № 5; Твор. св. отцовъ, годъ VI, кн. I, Рукописн. сочин. Максим. различ. библіот.

432. Прѣніе Данила со старцемъ Васьяномъ 1531 года: Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г. № 9.

433. Творенія св. отцовъ, годъ IX, кн. 3. Въ посланіи къ Митропол. Даніилу Максимъ говоритъ: „Аки хулника и св. писаній тлителя осудисте мя, нѣкіихъ ради малыхъ описей, обрѣтенныхъ въ бывшемъ отъ меня преводѣ, о нихъ же тогда отвѣщавъ вашему священному собору, яко ниже по ереси, ниже по лукавству нѣкоему сицево что дерзнуто бысть мною—Богъ свидѣтель, но по нѣкоему всяко случаю, или по забвенію, или по скорби, или нѣчто излишнему винопитію погрузившуюся, написашася тогда тако. Не точію же просто отвѣщахъ тогда, но еще и ницъ падъ трижды прощеніе просихъ„.—Даніилъ сказалъ ему на соборѣ: „Достигоша тебе окаянне грѣхи твои.“—Къ вопросу о поставленіи отъ цареградскаго патріарха относятся слѣдующія сочиненія Максима: 1) Къ отрицающимся на поставленіи и кленущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору еже не пріимати поставленія на митрополіи и на владычество отъ Римскаго папы Латынскія вѣры и отъ Цареградскаго патріарха аки во области безбожныхъ Турокъ поганаго царя и поставленнаго отъ нихъ не пріимати. 2) Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николиже, аще и много лѣтъ обладаемы суть градове отъ поганыхъ.—Къ вопросу о разводѣ Василія не можетъ относиться „Слово къ хотящимъ оставляти жены своя безъ вины законныя,“ ибо прибавлено: „И ити въ иноческое житіе.“ Сочинитель говоритъ, что и въ міру человѣкъ можетъ быть инокомъ,

если отрѣшится отъ всякія злобы. Прибавл. къ опис. Слав. рукоп. Синод. библ. стр. 140.

434. Акты истор. I, № 118, 292, 129; Пискарева—грамоты Рязанск. края, № 10, 12, П. С. Р. Л. VI. 284; Дополн. къ акт. истор. I, № 25; Акты арх. эксп. I, № 155.

435. С. г. г. и д. V, № 68; Акты историч. I, № 121, 123, 133; Никон. VI, 177, 203, 212, 216, 224, 353; Продолж. Древн. Вивліоѳ. ч. 6.

436. Акты Западн. Россіи, II, № 65, 146, 68, 112, 121, 122, 126, 110; Акты историч. I, № 289.

437. Карамз. VII т., прим. 362; С. г. г. и д. I, № 158.

438. Акты юридич., стр. 447, 448; Пискарева—грамоты Рязан. края, N 14, Опис. государств. арх.—Иванова, стр. 218.

439. Памят. дипломат. снош. I, стр. 284.

440. Акты западн. Россіи, II, № 60. Временн. Москов. Истор. Общ. кн. 18; Даниловича—Взглядъ на Литовское законодательство, въ юридич. записк. изд. Рѣдкинымъ, т. I, стр. 12. Dzialynskiego—Zbior praw Litewskieh, p. 115.

441. С. г. г. и д. V, стр. 46, 92, 57, 75. Памятн. диплом. снош. I, стр. 237.

442. Никон. VI, 226, 244, 246, 249; Акты юридич., стр. 32; Акты арх. эксп. I, № 157; П. С. Р. Л. IV, 297.

443. С. г. г. и д. I, № 147.

444. Акты юридич., стр. 444.

445. Акты западн. Россіи, II, № 51, 149, 160; Zrzódla do dz. Polsk. Malinöw. II, 425.

446. Преп. отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ своимъ, М. 1849, П. С. Р. Л. IV, 293. Сборникъ библ. гр. Уварова № 403. Дополн. къ акт. истор. I, № 23; П. С. Р. Л. IV, Сочин. Митроп. Даніила въ рукоп. Москов. Синодальной и Импер. Публ. Библ. Акты историч. I, № 293; Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 7; Опись книгъ Іосифа Волокол. монас. Упрекая духовенство за участіе въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, Даніилъ говоритъ: „Глумятся и играютъ въ гусли, въ замры, въ смаки, къ сему же зернію и махмиты и тавлѣсми.“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Княженіе Іоанна III Васильевича.

II. Княженіе Василія Іоанновича.

2007053016